Воин Лемурии

Лиин Картер

Воин Лемурии

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Лиин Картер

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

LIN

CARTER

Thongor of Lemuria

ЛИН

КАРТЕР

Воин Лемурии

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
К27

Серия основана в 1999 году

Перевод с английского

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

**Подписано в печать 20.06.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 10000 экз. Заказ № 1246.**

Картер Л.

К27 Воин Лемурии: Сб.: Пер. с англ. / Л. Картер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 715, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-014954-9

...Мир далекой древности.

Эпоха, когда молода еще была гордая Лемурия — и жалкими дикарями пока что слыли майя и атланты.

Эпоха, когда жили еще на земле и великие, могущественные боги, и страшные, кровавые чудовища, и суровые, мудрые маги.

Эпоха, когда судьба, коей подвластны не только люди, но и боги, послала в мир могущественнейшего из воинов былого — северного варвара Тонгора из клана валькиров, — героя, с коим не сравниться было ни Куллу-Завоевателю, ни Конану-Разрушителю...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© ООО «Издательство АСТ», 2002

Колдун Лемурии

THE WIZARD OF LEMURIA
1965

© Перевод. А. Митрофанов, 2002

Глава 1
СМЕРТЬ В ТАВЕРНЕ «ОБНАЖЕННЫЙ КЛИНОК»

Напившись крови крепкой, как вино,
Мечи упали в ножны. Мы сегодня
С врагами и друзьями — все одно! —
Устроим пир в чертогах преисподней!

Боевая песня воинов-валькаров

Тонгор увернулся от тяжелого кубка. Тот пролетел над головой варвара, со звоном ударился о стену и обрызгал холодным вином лицо и обнаженную грудь молодого воина. Северянин несколько раз невозмутимо моргнул, стряхнув с ресниц едкую жидкость.

Ялед Малх, отар, метнувший кубок, запрокинул голову и захохотал.

— Вот так знать Турдиса обращается с безродным наемником-псом! — с ухмылкой объявил он под довольный смех собутыльников.

— Жалко хорошего вина из сарна,— остроумно заметил кто-то.— Его пойло — дешевый северный эль!

Ялед Малх пожал плечами:

— Представляете, этот подлец осмелился требовать деньги, которые выиграл в споре! И у кого он их требовал — у отара! У того, кому должен подчиняться!

Холодное сарновое вино стекало по могучей груди Тонгора. Он по-прежнему молча глядел на сотника. Смуглое, загорелое лицо варвара казалось совершенно равнодушным, но те, кто знал Тонгора, заметили бы холодный блеск в странных золотистых глазах молчаливого воина с севера Лемурии. Откинув за плечи пышную гриву черных волос, Тонгор стер ладонью вино с лица. Затем он обратился к Яледу Малху:

— Значит, вы отказываетесь платить?

— Да, отказываюсь! Замп в красной сбруе мог выиграть гонку, если бы этот придурок Вар Таис умел держаться в седле. Меня подло обманули!

— Ладно, отар, будем считать, что я вас ни о чем не просил,— кивнул Тонгор.— Более того, я даже оплачу кубок вина, потраченный вами на наемника-пса, который действительно, как сказал ваш друг, больше привык к слабому элю северян, чем к надушенной блевотине, которую в Турдисе называют сарном.

Пока собутыльники Яледа Малха стояли, разинув рты от удивления, огромный валькар подошел к отару, схватил за пояс, поднял его, перевернул вверх ногами и окунул головой в большой бронзовый чан с вином. Время шло, а варвар удерживал отара, не обращая внимания на то, что тот извивался и дрыгал ногами. Когда же северянин отпустил Яледа Малха, тот тяжело повалился на стол, жадно ловя ртом воздух. Лицо его побелело. Одежда промокла от вина.

— Ничего, я не обижаюсь, отар,— рассмеялся Тонгор, разорвав неожиданно наступившую в зале тишину.— Я даже преподнес вам больше вина, чем вы мне!

Захлебываясь от ярости, Ялед Малх выхватил клинок и попытался через стол дотянуться им до груди Тонгора.

Огромный северянин, выхватив меч из ножен, легко отскочил. Когда зазвенели клинки, сотники расступились. Противники начали кружить вокруг стола, осторожными движениями проверяя защиту друг друга.

Хотя на губах варвара играла суровая улыбка, внутри Тонгор осыпал себя проклятиями. Горм бы побрал его валькарский характер! Он трижды дурак, раз ввязался в драку с собственным командиром. Но дело сделано, и выпутаться будет непросто.

Звенела сталь. Варвар-наемник и отпрыск самой знатной фамилии в Турдисе сошлись в смертельном поединке. Ялед Малх фехтовал неплохо. Его воспитание, как единственного наследника семьи Малхов, включало в себя обучение у лучших мастеров клинка в королевстве. Но Тонгор из клана валькаров «родился с мечом в руках». За время своих странствий северянин был наемным убийцей, вором, а теперь вот стал наемником. Он изучил приемы владения любым оружием...

Какое-то время Тонгор играл с Яледом Малхом — достаточно для того, чтобы польстить чувству собственного достоинства

отара,— затем ловким движением обезоружил его. Боевая рапира дворянина со звоном упала на каменный пол казармы.

Отар потянулся рукой к рукояти, но Тонгор наступил сапогом на клинок.

— Может быть, на этом закончим, отар? Успокоимся, выпив по кружке вина? Давайте! Я знаю, что погорячился... Будем друзьями...

— Щенок северной суки! — оскалился Ялед Малх.— Ты оскорбил меня, и за это я вырежу твое вонючее сердце и скормлю его своему зампу.

Отар плюнул в лицо наемнику и ударил коленом в пах. Валькар отшатнулся к столу, схватившись за низ живота. Дворянин мгновенно поднял рапиру и бросился на противника. Стол с грохотом опрокинулся. Бронзовый чан повалился на пол, вино выплеснулось, обрызгав зрителей.

Теперь Тонгор рассвирепел. Знакомая красная пелена помутила взор, и северянин обнажил зубы в боевом оскале. Громадный меч варвара отбил в сторону тонкий клинок южанина, и Тонгор приставил острие своего оружия к тяжело вздымающейся груди Яледа Малха.

— Хватит, я сказал! Успокойся, или я насажу тебя на меч!

Наследник дома Малхов побледнел. Он облизал похолодевшие губы. Валькар чуть надавил. Конец клинка прорезал кожу, и по груди отара скользнула красная капля.

— Л-ладно, мир...— выдавил Ялед Малх.

— Клянетесь?

— Клянусь!

Тонгор убрал меч и протянул руку, чтобы скрепить мир рукопожатием. Но гордый аристократ не мог принять поражение от собственного воина. Он перехватил Тонгора за запястье, подставил ногу и толкнул. Огромный варвар рухнул на пол, а тонкий клинок Яледа Малха метнулся к его горлу. Тонгор отбил рапиру рукой, не обращая внимания на обжигающий огонь холодной стали.

Валькар словно кошка вскочил на ноги, до того как его противник успел принять боевую стойку, и огромный меч по самую рукоять погрузился в тело отара.

Ялед Малх покачнулся, разинул рот, судорожно глотая воздух. Глаза его выкатились, стекленея, взгляд замер на торчащей из груди рукояти меча. Обессилевшей рукой он попытался выдер-

нуть меч. Затем колени дворянина подогнулись, изо рта хлынул поток крови, и мертвый отар повалился к ногам Тонгора.

Наемник уперся пяткой в живот трупа, выдернул меч и вытер его о накидку убитого. Держа в руках обнаженный клинок, он обвел взглядом побелевшие лица зрителей. Никто не осмеливался заговорить. Северянин пожал плечами и вложил меч в ножны.

За спиной варвара шаркнула сандалия. Но не успел Тонгор обернуться, как тяжелая дубинка ударила его по голове. Северянин упал лицом вниз и погрузился в море темноты.

* * *

Адская головная боль выдернула Тонгора из небытия. Он оказался прикованным к сырой каменной стене камеры в подземелье глубоко под крепостью Турдиса. Сквозь люк в потолке падал одинокий косой луч света, и по углу его наклона Тонгор решил, что пролежал без сознания немногим меньше часа.

Скоро должно начать смеркаться.

Варвар осмотрел цепи и понял, что их не разорвать даже такому силачу, как он. Затем Тонгор просто махнул на все рукой, отнесясь к происшедшему с фатализмом, свойственным философии диких северян, которые не тратят времени понапрасну, пытаясь совершить невозможное.

Тонгора удивило то, что он до сих пор жив. Пока он находился без сознания, сотники — друзья Яледа Малха могли бы легко покончить с ним одним ударом кинжала. Тонгор мрачно ухмыльнулся. Однако дворяне Турдиса, с их изощренной жестокостью, без сомнения, с большим удовольствием увидели бы варвара прикованным к веслу на галере или с наслаждением наблюдали бы, как Тонгора скармливают слитам — цветам-вампирам, растущим в личном саду сарка. Прикончить северянина ударом кинжала было бы для них слишком банально...

Ножны Тонгора, конечно, оказались пусты, и варвар все сильнее чувствовал и другую пустоту — пустоту в животе. В это время он обычно выпивал кружку кислого эля, закусывая жареным окороком буфара. Часто он делил трапезу с Элдом Турмисом и другими наемниками в таверне «Обнаженный меч».

«Ладно, пусть меня схватили, но надо попробовать получить в этой жизни все, чего хочется»,— подумал Тонгор.

Он принялся орать и кричал до тех пор, пока к двери камеры не приковылял толстый тюремщик. От него несло порошком лотоса сновидений. Тюремщик взглянул на бронзового гиганта, прикованного к стене.

— Что тебе надо?

— Есть хочу,— объявил Тонгор.

Жирный тюремщик разинул рот, собираясь что-то сказать, затем презрительно рассмеялся и только потом вновь заговорил:

— Еды тебе подать? Не позже как через час ты предстанешь перед даотаром. Он будет судить тебя за убийство своего командира. А ты думаешь только о том, чтобы набить себе брюхо! Может быть, ты хочешь, чтобы тебе накрыли стол яствами из кухонь сарка?

Тонгор улыбнулся:

— А почему бы и нет? Я оказал городу услугу, избавив его от обманщика, труса и плохого командира. И даотар, и Фал Турид, сарк Турдиса, должны наградить меня за это.

— Да, северянин, они тебя наградят,— фыркнул тюремщик.— Они скормят твое сердце слитам! Разве ты не знаешь, что даотар охраны, знатный Баранд Тон, старый друг отца убитого тобой человека? Да! Интересно взглянуть, как справятся с тобой цветы-вампиры... Вот такая награда тебя ожидает!

— Пусть будет, что будет,— проворчал Тонгор.— Но от этого я не стану менее голодным. Перед тем как скормить меня слитам, пусть, по крайней мере, покормят меня самого!

Тюремщик что-то недовольно пробурчал и зашаркал прочь, а чуть позже вернулся с кувшином кислого дешевого вина и мясной похлебкой. Он вошел в камеру и поставил еду перед валькаром.

— Цепи у тебя длинные, дотянешься,— проговорил он, мучаясь одышкой.— Когда поешь, крикнешь... И, во имя богов, закончи «трапезу» до того, как за тобой явятся люди даотара. Не хочу, чтобы начальство думало, что я балую подонков вроде тебя!

Цепи действительно оказались достаточно длинными, так что Тонгор жадно проглотил похлебку и двумя огромными глотками выпил все вино. С полным животом ему всегда думалось лучше. Утолив голод, северянин начал ломать голову над тем, как выкрутиться из создавшегося положения. За время долгих скитаний его уже сажали в тюрьмы в дюжине городов. И вся-

кий раз варвар успешно выбирался на свободу, так как знал множество способов побега.

Первой его мыслью было привалиться к стене, притворившись спящим, а когда тюремщик придет забрать посуду, ударить его ногами и попытаться отнять ключи.

Некоторое время Тонгор обдумывал этот план, но затем отказался от него. Если цепи достаточно длинны, и он дотянулся до еды на полу, их хватит для того, чтобы собрать в руке тяжелую петлю, которой можно огреть тюремщика по голове. По крайней мере, стоит попытаться сделать. Тонгору уже приходилось служить на галерах садиста сарка Шембиса, и морские путешествия, а тем более цветы-вампиры, были ему не по нутру.

Он позвал тюремщика, заявив, что поел, и стал ждать, сжав в руке тяжелую петлю железной цепи.

Солнце садилось, и луч розового света побледнел. В камере сгустились тени, и Тонгор решил, что тюремщик может и не заметить цепи у него в руке. Он снова крикнул... и его острый слух различил звук быстрых легких шагов. Кто-то шел по коридору. Потом в замке лязгнул ключ, и дверь со скрипом открылась. Теперь было так темно, что Тонгор не мог разглядеть лица тюремщика, когда тот входил в камеру. Северянин следил за приближающейся темной фигурой. Его гигантские мускулы напряглись — он приготовился проломить цепью череп охранника.

— Тонгор?

Северянин едва не вскрикнул от неожиданности.

— Это я... Элд Турмис.

— Горм! Что ты здесь делаешь?

— Ты думал, я позволю им отправить своего лучшего товарища на галеры? — тихо рассмеялся друг варвара.— Вот... Я захватил ключ и принес твой меч. Скорее!

Тонгор улыбнулся. Элд Турмис, как все южане, любил покой и комфорт. Но хотя в жилах его и текла жидкая турдисская кровь, он был превосходным воином. Он — единственный, с кем Тонгор подружился, когда только приехал в Турдис. Со временем Турмис стал лучшим другом северянина... А сейчас Тонгор чуть не проломил цепью голову своему спасителю!

— Как ты раздобыл ключ? — поинтересовался Тонгор, когда Элд Турмис нагнулся, чтобы открыть замок на цепях.

Южанин улыбнулся.

— Тюремщик «отдыхает» и ключи ему все равно не нужны, так что я прихватил их.

— Надеюсь, тебе не пришлось его убить. Он хорошо меня накормил.

Турмис расхохотался.

— Ты действительно варвар с севера — всегда думаешь о своем желудке! Нет, не бойся, тюремщик просто решил немного вздремнуть... Ну вот!

Цепи со звоном упали на каменный пол. Тонгор отступил от стены, разминая могучие руки. Буйный и неукротимый по природе, он ненавидел клетки и цепи так же, как и любой дикий зверь.

Элд Турмис передал ему огромный меч.

— Вот твой неуклюжий валькарский клинок и темный плащ с капюшоном, чтобы спрятать твою наглую рожу. Торопись! Сейчас придут люди Баранда Тона, так что нам надо убираться.

Они выскользнули из камеры, прошли по темному коридору, миновали помещение охраны, где без сознания лежал тюремщик, и стали петлять по лабиринту хорошо освещенных, но пустых коридоров, пока Эдд Турмис не остановился перед небольшой низкой дверью.

— Через нее ты выйдешь в переулок.

Тонгор кивнул.

— Благодарю. Никогда не забуду твоей дружбы.

— Я тоже не забуду, и теперь мне будет не хватать тебя в таверне «Обнаженный меч». Но сейчас торопись. Можешь украсть зампа из тюремного загона и выбраться через Караванные ворота, до того как поднимут тревогу.

— Да.

— Куда ты направишься, Тонгор?

— Отправлюсь туда, где нужны сильные руки и хороший меч,— пожал плечами северянин.— В Зангабал, вероятно, или в Кадорну. Хороший воин редко оказывается без работы.

— Тогда прощай. Не думаю, что мы когда-нибудь увидимся, Тонгор.

Варвар молча пожал руку товарища. Он похлопал друга по плечу и, нырнув в небольшую дверь, растворился в густых пурпурных тенях мощеной улочки.

Глава 2
ЧЕРНАЯ ПТИЦА В НЕБЕ ЛЕМУРИИ

Тени войны вновь парят над землею!
Братья, вперед — победим иль умрем!
Смерть унесет в мир загробный с собою
Души погибших под черным крылом.

Боевая песня воинов-валькаров

Выбравшись из темницы, Тонгор оказался в узком переулке между крепостной стеной и огромным складом. В самом конце улицы он увидел загоны. Там ворочались громадные, похожие на драконов зампы. У заграждения два скучающих стражника разглядывали массивных животных. Стражники стояли спиной к Тонгору, и, вероятно, одним ударом можно было бы...

Вдруг раздался резкий звук гонгов. Кто-то поднял тревогу. Тонгор чуть не выругался. Люди даотара добрались до его камеры и обнаружили, что она пуста, или увидели лежащего без сознания тюремщика. Если бы тревога раздалась чуть позже, Тонгор успел бы сделать несколько шагов, отделявших его от стражников, и убить их. Теперь же часовые были начеку. Обнажив клинки, они застыли по обе стороны ворот, за которыми находились стойла. Из дальних построек крепости к загонам бежали воины, призванные усилить караул. Очевидно, что беглец в первую очередь постарается украсть верховое животное...

Тонгор скрипнул зубами и выругался по-валькарски. Здесь, в густом мраке переулка, его никто не заметит. Тени укроют его. Но как, во имя всех Девятнадцати Богов, выбраться из крепости? Варвар в отчаянии огляделся, поднял голову. В глаза ему бросилась удлиненная металлическая конструкция, поблескивающая в свете факелов.

Огонек злорадства полыхнул в золотистых глазах Тонгора. То, что надо! Там на крыше крепости был пришвартован первый опытный образец новых кораблей сарка — летательных аппаратов, при помощи которых Фал Турид собирался завоевать всю Лемурию. Мудрый алхимик Оолим Фон решил делать из урилиума, невесомого металла, необычные воздушные суда. В движение их приводили простые пропеллеры. И хотя валькар не имел ни малейшего представления о том, как управлять стран-

ным воздушным кораблем, он решил, что это его единственный шанс. Нужно бежать на летающем корабле! Судно пронесет его над башнями и стенами Турдиса и доставит в желаемое место быстрее, чем самый проворный замп из загонов Фала Турида.

Острым глазом северянин измерил высоту стены. Крепость была построена из огромных глыб серого камня, размером в половину человеческого роста. Между плохо подогнанными камнями темнел зазор примерно в дюйм шириной. С детства привыкший лазить по ледяным склонам, охотясь за снежными обезьянами, Тонгор с легкостью мог вскарабкаться по этой стене.

Любой варвар с севера, придумав что-то, тут же пытался испробовать идею на практике. Тонгор скинул сапоги, связав их, перекинул через плечо и, отбросив назад накидку, подпрыгнул, ухватился за кромку четвертого от земли каменного блока, а потом стал подтягиваться. Цепляясь за щели между камней, Тонгор медленно поднимался по стене.

С Южного моря дул ветер, принося непривычную для этого времени года прохладу. Выставленные на крыше крепости стражники зябко кутались в плащи. Если бы они заметили беглеца раньше времени, он оказался бы в крайне невыгодном положении. К счастью, огромную золотую луну Лемурии скрывали густые тучи.

Тонгор поднимался все выше и выше, словно огромный черный паук, карабкающийся по серой каменной стене. Улицы Турдиса остались далеко внизу. Одно неверное движение, и мозги варвара растекутся по скользкой мостовой. Однако Тонгор дышал спокойно и глубоко, не обращая внимания на боль в раненой руке.

Вдруг непрочно державшийся осколок камня выскользнул из-под ноги и полетел вниз в переулок. Тонгор повис, удерживая массивное тело на кончиках пальцев. Успокоившись и вновь нащупав ногами опору, варвар на несколько мгновений прижался к стене, восстанавливая дыхание и давая отдых рукам.

Наверху, на стене, двое стражников, облокотившись о парапет, лениво разглядывали город. Стоило им бросить взгляд вниз, как они тут же заметили бы Тонгора — черное пятно на сером фоне. Северянин затаил дыхание, когда стражники, глядя поверх башен и шпилей Турдиса, завели неторопливый разговор. Мышцы варвара ныли от напряжения. Казалось, в них вгоняют раскаленные докрасна иглы. Пот заливал лицо.

А стражники все стояли прямо у него над головой и, облокотясь о парапет, беседовали. Варвар отчетливо слышал их разговор — воины гадали, кто из узников бежал. Менее массивный бился об заклад, что это наемник-северянин.

— Помнишь огромного подлеца, который вчера на бегах поспорил с Яледом Малхом, утверждая, что замп дворянина не придет первым? Так вот этот варвар заколол благородного отара мечом свинопаса. А все из-за того, что отар отказался платить! Говорят, Ялед Малх едва сам не убил эту скотину, но грязный наемник плеснул вино в лицо благородному воину... Да! И я, и ты, Тулан Хтор, получили бы звание отара, если бы поймали беглого подонка.

— Да,— проворчал его товарищ.— Но его схватят уличные патрули, а не мы с тобой. Он украдет зампа и отправится к Караванным воротам... Хотя за деньги может укрыться и в воровском квартале. Как бы я хотел встретиться с этим свиньей-наемником лицом к лицу. Я бы ему показал, что может сделать благородная сталь с собачьим мясом!..

Когда Тонгор уже готов был сорваться вниз, часовые отвернулись и отошли от парапета в глубь крыши. Тихо, словно тень, северянин забрался на стену за их спинами и по-волчьи оскалился.

— Боги исполнили твое сокровенное желание, Тулан Хтор. Вот тебе шанс показать свинье-наемнику то, на что способна благородная сталь.

Стражники резко обернулись и увидели бронзового гиганта, голого, если не считать кожаной набедренной повязки и черной накидки. Варвар застыл на парапете с мечом в руке. На чисто выбритом лице пылали золотистые глаза, а длинная буйная грива черных волос ниспадала до плеч.

Парализованные, они, разинув рты, уставились на призрака, который появился из ниоткуда, словно при помощи сверхъестественных сил. Тонгор ударил одного стражника ногой по шее так, что тот упал. Крик второго пресек удар меча, рассекший горло от уха до уха. Варвар спрыгнул на крышу и остановился над поверженными врагами.

Но на крыше стояли и другие часовые. Прозвучал приказ — в свете факелов заблестели клинки. Тонгор сорвался с места...

Летательный аппарат сарка был привязан к мачте, возвышавшейся в центре крыши. Он невесомо парил на высоте двадцати

локтей. Толстый канат крепился к середине мачты, а другой его конец проходил сквозь кольцо на палубе летающего судна. Взяв меч в зубы, Тонгор подпрыгнул, ухватился за канат и полез, перебирая руками, вверх. Беглец перевалился через ограждение палубы, прежде чем кто-либо из часовых успел его остановить.

Одним ударом меча он перерубил канат, и воздушное судно, подгоняемое ветром, свободно поплыло над улицей. Тонгор вскочил на ноги и по узкой палубе, которая начала раскачиваться у него под ногами, прошел к небольшой закрытой каюте. Забравшись внутрь, с удивлением уставился он на несколько рычагов управления... А где-то далеко внизу гонги били тревогу, кричали люди.

Летательный аппарат был абсолютно невесом благодаря корпусу из урилиума — блестящей оболочке из голубоватого металла. От заостренного носа до кормы судно имело длину около двадцати локтей. В движение его приводили вращаемые пружиной пропеллеры. Укрепленные за кормой лопасти толкали судно вперед; другие, размещенные в носу, двигали корабль в противоположном направлении; пропеллеры в центре палубы и под килем могли перемещать летательный аппарат вверх или вниз.

Четыре рычага, на рукоятках которых Тонгор обнаружил незамысловатые обозначения, приводили пропеллеры в действие. Смещая рычаг снизу вверх, пилот регулировал скорость вращения пропеллеров. Сейчас все рычаги находились в нижнем положении. Чем выше был поднят рычаг, тем с большей силой пропеллеры двигали судно в одном из направлений.

Не успел ветер отнести летательный аппарат и на десяток ярдов от крепости, как Тонгор уже разобрался в назначении рычагов и включил задние пропеллеры. Воздушный корабль заскользил над городскими башнями. Вблизи могучих стен Турдиса Тонгор поднял летательный аппарат повыше — иначе какой-нибудь востроглазый лучник попытался бы достать его стрелой. Жужжа пропеллерами, воздушный корабль летел сквозь ночь.

Каюту освещала масляная лампа, защищенная стеклянным колпаком. Зафиксировав рычаги, Тонгор быстро обследовал корабельный рундук. Он нашел там дневной запас вяленой рыбы, флягу с водой и целебные мази, которыми тут же смазал раненую руку. Наконец-то у него нашлось время внимательно обследовать рану! Она оказалась неглубокой, рапира Яледа Малха лишь прорезала кожу.

Над укрепленной напротив рундука койкой Тонгор заметил мощный боевой лук, подобный тем, что использовали зверолюди и синие кочевники с равнин, лежащих далеко на западе Лемурии. Фал Турид намеревался создать целый воздушный флот и разместить на судах отряды лучников, обученных приемам стрельбы из дальнобойного оружия. Несмотря на усталость, Тонгор с любопытством осмотрел необычный лук. Северянин впервые видел его вблизи, поскольку никогда не бывал на западных равнинах, где среди развалин самого древнего королевства Немедии, погибшего тысячу лет назад, безраздельно властвовали синие кочевники.

Шестифутовый лук, изготовленный из гигантского кривого рога какого-то неизвестного животного с Великих равнин, производил устрашающее впечатление. Рог — материал упругий, натянуть тетиву на таком луке очень сложно, однако это придавало большую силу стреле. От старых воинов из западных городов Тонгор часто слышал рассказы о боевом искусстве великанов с синей кожей, которые, говорят, могли послать стрелу на пятьсот ярдов с фантастической точностью.

Тетива — тонкая, серо-антрацитовая металлическая нить — казалась странно прочной. Стрелы, длиной не менее чем в полкопья, имели зазубренные наконечники из твердой кости, заточенной как бритва. Тонгору не терпелось испробовать это оружие.

* * *

Под негромкий гул пропеллеров летательный аппарат плыл по ночному небу Лемурии. Вот золотая луна пробилась сквозь пелену облаков и осветила местность внизу. Проверив рычаги и еще раз убедившись, что они установлены в нужном положении, Тонгор вышел на палубу и, перегнувшись через низкое ограждение, взглянул на землю, проносящуюся под ним. Виднелись поселения, окружавшие Турдис, между ними и городом протянулись широкие, мощенные камнем дороги. В лунном свете Тонгор ясно видел жилые дома, амбары, стойла и хозяйственные постройки. С такой высоты они походили на детские игрушки, которыми торгуют на городских рынках.

Фантастическое, ни с чем не сравнимое ощущение — лететь, подобно гигантской птице, высоко над землей... Лишь несколько человек, включая Оолима Фона и самого сарка, летали на

воздушном корабле... Тонгор чувствовал себя героем мифа, Фондатом Перворожденным, который летит сквозь ночь верхом на драконе. Почувствовав прикосновение холодного ветра, варвар улыбнулся. Так же, с развиевающейся за спиной гривой черных волос, летели по небу Воинственные девы, унося души храбрых воинов к Отцу Горму. Согласно преданиям они должны жить в Чертоге героев до тех пор, пока Лемурия не погрузится в голубые воды великого моря!

Тонгор взглянул вверх и принялся разбирать иероглифы созвездий. Много лет назад отец научил его определять направление по звездам — две звезды в созвездии Колесницы всегда показывают на Северную звезду... Судя по звездам, летательный аппарат направлялся на северо-запад от Турдиса. «Пожалуй, так я пролечу прямо над Патангой и дальше над Катоолем»,— прикинул варвар. Тонгор не имел никакого желания посещать Патангу. Этот город был переполнен хранителями в желтых одеяниях, поклонявшихся Ямату — богу огня. Во время ритуалов жертвоприношения они сжигали живьем женщин на раскаленных докрасна бронзовых алтарях. В Турдисе ходили слухи, что молодая королева Патанги — Соомия — пленница в своем дворце, а распоряжается всем желтый хранитель, Вапас Птол, захвативший власть в стране после смерти отца Соомии — сарка Патанги. Фал Турид, сарк Турдиса, надеялся жениться на молодой королеве и таким образом без битвы заполучить сказочные богатства Патанги. Впрочем, в начале следовало как-то добиться освобождения королевы.

Тонгор покачал головой. Город Огня слишком опасное место — ему лучше лететь дальше, до Катооля, сарку которого нужны воины для защиты границ от дикарей Куша.

Наконец северянин вернулся в каюту, чтобы взглянуть на шкалу, показывающую, насколько еще хватит завода огромных пружин, расположенных в «трюме» летающего корабля. Он подсчитал примерно, что энергии хватит еще на пять или шесть часов полета, после чего пружину снова придется заводить вручную — работа нелегкая даже для такого силача, как Тонгор. Но это случится на рассвете, а пока валькар вытянулся на узкой койке и мгновенно заснул.

Под блестящим килем летательного аппарата возделанные земли Турдиса сменились пустыней, затем — водами реки Исаар, посеребренной полной луной. Пока Тонгор крепко спал, восста-

навливая силы, воздушный корабль скользил над джунглями Куша. Вскоре внизу засветились вечные огни, пылающие на куполах храмов Патанги... Тонгор спал, а воздушный корабль миновал Город Огня, где, хоть Тонгор еще не знал об этом, ожидала варвара его Судьба. Волшебный корабль Оолима Фона полетел дальше к далекому Катоолю, паря в ночном небе Лемурии, словно огромная птица.

Глава 3
НАПАДЕНИЕ ЛЕТАЮЩИХ ЯЩЕРОВ

Зубы дракона блестят при луне,
Ящер когтистый парит в вышине,
И вот меж небом и землей
Чудовища вступают в бой.
Сага о Тонгоре, III

Внезапная тишина или что-то иное, скрытое под покровом сна, пробудили Тонгора. Летучий корабль застыл в воздухе. Варвар прислушался — снаружи раздался резкий вопль.

Тонгор скользнул с койки, прогнав последние остатки сна. Все произошло точно, как он предвидел: завод пружины кончился, и воздушный корабль свободно дрейфовал в небе Лемурии. Но что это был за пронзительный крик?

Валькар вышел на палубу и замер от удивления. Рассвет только разгорался, и солнце, поднимаясь над горизонтом, залило небо розовым и золотым. Однако, вопреки ожиданиям Тонгора, внизу оказались не длинные набережные Катооля и даже не возделанные земли, на мили окружавшие город. Внизу лежали дикие джунгли Куша.

Тонгор озадаченно потер ладонью обросшую щетиной щеку. Он должен был оставить эти джунгли позади несколько часов назад; как он мог так ошибиться в расчетах? Вдруг он заметил, что воздушный корабль относит к западу сильным ветром. Тонгор тут же все понял и тихо выругался, помянув Горма. Когда пропеллеры перестали работать, невесомый воздушный корабль не просто повис где-то над Катоолем, а стал медленно дрейфовать на запад под напором сильного восточного ветра. Теперь от того места, куда хотел попасть валькар, его отделяли несколько

часов пути над темными, непроходимыми джунглями Куша. Однако делать нечего, теперь оставалось лишь снова завести пружину и направиться на восток, в Катооль.

Но не успел Тонгор взяться за дело, как вновь прозвучал резкий крик. Оглядевшись, воин почувствовал, как холодеет кровь в жилах.

На его воздушный аппарат сверху стремительно падала чудовищная, фантастическая крылатая тварь. Извивающееся, покрытое чешуей тело было такой же длины, что и воздушное судно, а гигантские кожистые крылья, как у летучей мыши, в размахе достигали сорока локтей. Змеиную шею «украшала» невообразимо мерзкая голова, со страшным загнутым клювом и свирепыми красными глазами, окруженными синими шипами. Кончик длинного чешуйчатого хвоста тоже топорщился шипами, отчего напоминал наконечник стрелы. Лапы чудовища украшали огромные когти.

Тонгор слышал рассказы о летающих ящерах Куша, но никогда не видел подобных тварей. Считалось, что летающие ящеры самые злобные и наиболее свирепые хищники во всей Лемурии — сравниться с ними мог только могучий дварк — дракон джунглей. И вот теперь этот ящер со скоростью молнии несся на его судно.

Когда громадная тень чудовища накрыла палубу, валькар упал на живот и ухватился за ограждение палубы. Крылатая тварь ударилась о летательный аппарат — Тонгора чуть не выбросило за борт — и снова взмыла ввысь, готовясь к новой атаке. Подняв голову, варвар увидел, что летающая рептилия снова приближается к кораблю. На этот раз она зависла над палубой, размахивая крыльями, и попыталась схватить воздушное судно лапами. Когти, длиной в фут, сжали острый нос корабля, и корпус из прочного урилиума не смог противостоять силе ящера. Металл смялся, как бумага.

Вскочив на ноги, Тонгор бросился в каюту и вернулся с бухтой троса и огромным боевым луком, который рассматривал накануне вечером. Пока чудище оглушительно орало и лупило крыльями обтекаемый корпус летательного аппарата, Тонгор обвязал один конец троса вокруг пояса, а другой закрепил в швартовочном кольце, чтобы удержаться на палубе, даже если ящер опрокинет судно. Затем с неимоверным усилием, едва не надорвав мышцы плеч, воин натянул тетиву.

Первая стрела попала рептилии в грудь. Пробив твердую чешую, словно тонкий шелк, она вошла в плоть крылатой твари на половину длины. Из раны потекла струйка вязкой зеленой крови.

Ящер завопил — с таким звуком рвался бы лист железа в руках разъяренного великана. Выпустив нос корабля, чудовище отлетело прочь, но ненадолго. Описав в небе широкий круг, тварь ринулась на беспомощно качающийся над джунглями летучий корабль.

Как Тонгор и ожидал, от второго удара судно закрутилось в воздухе, как лист на ветру. Крепко сжимая боевой лук, валькар какое-то время болтался на конце троса. Когда корабль снова принял горизонтальное положение, рептилия повисла в воздухе рядом с судном Тонгора и принялась бить корпус клювом. Раскачиваясь на конце троса, валькар послал стрелу, метя зверю в голову, и промахнулся. Но третья стрела нашла свою цель — она попала ящеру в горло прямо под могучей челюстью. Чудовище дико закричало, обезумев от боли, и принялось яростно бить крыльями.

Одно крыло зацепило ограждение палубы и перевернуло летучий корабль. Судно завертелось в воздухе, а Тонгора с силой ударило о борт. Варвар повис на тросе, потеряв сознание.

Лук и колчан выпали у него из рук и полетели вниз, в джунгли.

Шипя от ярости, крылатая рептилия села на киль перевернутого корабля, словно птичка на ветку. Когти сжали киль, смяв корпус из гладкого голубоватого урилиума.

Вместе с ящером летучий корабль уже не обладал такой летучестью, он начал опускаться к вершинам деревьев.

Тонгор по-прежнему висел вверх ногами.

Теперь ему грозила новая опасность. Среди деревьев появилось отвратительное рогатое рыло ужасного дварка — дракона джунглей. Свирепый хищник почуял добычу. Опершись передними лапами о гигантский древовидный лотифер, дракон вытянул покрытую роговыми щитками шею к небу.

Летательный аппарат опускался все ниже. Огромный вес рептилии сводил на нет подъемную силу смятого комками урилиума.

Судно снижалось, и беспомощный Тонгор опускался прямо в раскрытые челюсти дварка. Оглушенный ударом о борт, валькар не видел надвигающейся опасности.

Жизнь дварка представляла собой непрерывный поиск пищи, которой можно было набить огромное брюхо. Он мог жрать буквально весь день. Каждые сутки требовалось больше двух тонн мяса для того, чтобы поддерживать движение туши в двести локтей длиной.

Мягкий предмет, падающий с неба, пах как пища.

Дварк разинул громадную пасть. Каждая челюсть сверкала двумя рядами острых, как иглы, зубов, а клыки превосходили по длине валькарский меч, висевший у бедра Тонгора.

Зияющая пасть оказалась еще ближе, когда дварк полностью вытянул шею. Вязкая слюна, пахнущая открытой могилой, потекла по чешуе нижней челюсти. Красные глаза алчно горели. Дракон джунглей приготовился закусить, но его отвлек пронзительный вопль.

К летучему кораблю приближались еще два летающих ящера. Дварк застыл, рассматривая малодоступную добычу, парившую над ним. Тем временем первая крылатая рептилия наконец почувствовала смертоносную силу громадной стрелы. Ящер, будто пьяный, свалился с киля изуродованного судна прямо к ногам дварка.

Освободившись от лишнего веса, невесомое судно перевернулось, приняв первоначальное положение, и снова начало подниматься, унося Тонгора в небо, прочь от дракона джунглей, прямо в лапы двух крылатых ящеров.

Крохотный, тупой мозг гигантского дварка силился понять, почему висевшая над деревьями пища вдруг исчезла, но вот ноздрей его достиг соблазнительный запах мертвого ящера, распростертого у ног. Забыв о Тонгоре, дварк нагнулся и принялся пожирать мертвую крылатую рептилию.

В этот миг валькар пришел в себя и тут же оценил ситуацию: теперь ему пришлось бы драться не с одним, а с двумя летающими ящерами, без лука, с одним лишь мечом.

А прямо внизу чудовищный дварк.

Валькар ловко забрался по тросу на палубу воздушного корабля. Если он успеет завести пружины до того, как летающие ящеры нападут, то еще сможет спастись. Тонгор открыл люк в палубе и принялся вращать ручку завода. Длинные пружины начали наматываться на барабаны.

Тем временем два ящера осторожно кружили вокруг летающего судна. Видимо, рептилии смутно понимали, что этот

странный предмет, вторгшийся в их владения, каким-то образом прикончил их сородича.

В огромных глазах чудовищ читалось желание убить.

И вот, сложив крылья, они одновременно набросились на воздушный корабль.

Сила толчка вновь сбила Тонгора с ног. Судно будто столкнули с неба чудовищных размеров рукой. Оно зарылось носом в густые ветви громадного лотифера и застряло в развилке ветвей.

Ограждение смялось, швартовочное кольцо лопнуло и трос соскользнул с покореженных обломков. Тонгор упал, пролетев сквозь хлещущие ветви, и шлепнулся на упругий мох.

В ста ярдах от места падения летучего корабля потревоженный шумом дварк приподнял морду, с которой капала зеленая кровь убитого Тонгором ящера.

Крылатые твари радостно закричали, полетали кругами и убрались прочь.

Тонгор отвязал трос и осмотрел себя. Если не считать синяков и небольших порезов, он остался цел. Валькар отполз подальше от дварка и тут же потерялся во мраке густых джунглей.

«Именно потерялся»,— мрачно подумал варвар. Он оказался заброшенным в сердце самых опасных и непроходимых джунглей во всей Лемурии — между ним и ближайшим городом лежали сотни лиг непролазных, населенных драконами зарослей.

Огромный боевой лук, с которым Тонгор мог бы противостоять чудовищам джунглей, исчез.

Впрочем, вероятно, все обстояло еще хуже, поскольку густые кроны деревьев полностью скрывали небо. Тонгор не имел ни малейшего понятия о том, в какую сторону нужно идти, чтобы добраться до Катооля или Патанги.

Выбрав направление, валькар упрямо зашагал вперед, прорубая мечом дорогу в чаще. Позже он остановился, позавтракал кислыми ягодами сарна и пошел дальше, полагаясь больше на удачу и чутье, чем на расчеты, которые не мог проверить по положению солнца.

Несколько раз варвар пытался залезть на гигантские, в две сотни локтей высотой, лотиферы, скрывавшие от него небо над Кушем. Но каждое дерево плотно поросло страшными слитами, кровососущими цветами-вампирами — ужасом лемурийских джунглей. Тонгор с грустью отказался от попыток залезть на дерево.

Он и так едва избежал слитов, которых сарк Турдиса держал на арене... и ему не хотелось сейчас встречаться с дикими родственниками.

«...Может ли человек в одиночку пройти пешком сотню лиг по джунглям?» — задавал себе вопрос Тонгор. Что станет он делать ночью, когда все хищники в джунглях отправятся на поиски пищи? Как ему защититься от быстроногой поа, которая может обогнать даже обученного зампа, или победить людоеда-земадара с шестью огромными руками, или гигантских летучих пауков?

Ночью положение Тонгора сделается вдвойне опасным, поскольку из-за обилия слитов на деревьях он не сможет отыскать себе надежное убежище среди крон.

И все же варвар упорно шел все дальше и дальше. Было тяжело дышать. Влажный горячий воздух обжигал легкие, пот струился по коже. Тонгор то и дело останавливался, чтобы отодрать огромных древесных пиявок, которые впивались в руки и ноги и незаметно высасывали кровь. Один раз он неожиданно по пояс провалился в трясину, но сумел вырваться из жадных объятий желтой грязи. Привязав один конец троса с летучего корабля к рукояти меча, Тонгор метнул клинок в ближайший лотифер так, что тот крепко воткнулся в ствол, а затем, медленно перебирая руками, вытянул свое огромное тело из засасывающей скользкой жижи.

Вначале Тонгор останавливался для отдыха лишь изредка, но постепенно начал сдавать. Остановки становились все длиннее, а промежутки между ними все короче.

Когда над джунглями Куша стали сгущаться тени, Тонгор, совершенно измотанный, тяжело опустился на мох под огромным лотифером.

Он не знал, сколько лиг по прямой прошел от места падения воздушного корабля: порой ему приходилось прятаться от хищников и огибать слишком густые заросли. Грубо прикинув, валькар решил, что проделал путь лиг в пятнадцать, если не больше.

Впрочем, все рассуждения имели смысл, если он выбрал правильное направление. Если он двигался в сторону от Катооля, то — обречен, поскольку ближайший город на Западе лежал в тысяче миль. Прежде чем он доберется до городских стен, его кости сгниют от постоянных укусов слитов.

Вдруг Тонгор почувствовал опасность.

Ему послышался звук шагов огромных лап, приминающих молодую поросль, где-то позади, за спиной... Судя по тому, как сотрясалась земля, это был дварк.

Глава 4
ЛОТОС, СНОВИДЕНИЯ И КОЛДОВСТВО

«...Это была Эпоха Колдовства, когда могучие колдуны боролись с силами тьмы, которая постоянно грозила поглотить Мир Людей. Никогда больше мир не увидит такого волшебства, как то, что правило в древние времена, когда гордая Лемурия была молода, и до того, как Мать Империй объединила под своим знаменем Египет, еще юную Атлантиду и города царей майя...»

Летописи Лемурии

Тонгор выхватил меч из ножен. Под массивными лапами дракона трещали кусты и ломались ветви. Тот ли это дварк, что сожрал летающего ящера, или нет — валькар не знал, но, без сомнения, чудовище шло по его следу.

Осознание опасности придало сил усталому варвару, и Тонгор бросился сквозь джунгли прочь от чудовищной рептилии. Колючие кусты рвали кожу острыми, как иглы, шипами. Громоподобная поступь дракона звучала все ближе. Дварк начал двигаться быстрее. Земля тряслась, когда тварь проламывалась сквозь заросли древних деревьев, сметая со своего пути лесных патриархов, спокойно простоявших столетия.

Когда Тонгор остановился, чтобы перевести дыхание, нечто легкое коснулось его руки, и сознание воина затуманилось. С ужасом варвар понял, что это слит. Прекрасный цветок уже раскрыл свои мягкие лепестки, напоминавшие огромную пасть, обнажив три ряда пустотелых клыков, которые за час могли высосать кровь из самца буфара.

Цветок-вампир испустил благоухающее наркотическое облако, от действия которого жертва обычно теряла сознание. Когда все поплыло перед глазами, Тонгор попытался отодрать мягкие мясистые лепестки от своей руки. Он уже почувствовал, как начала неметь плоть по мере того, как слит высасывал кровь из

его тела. Колени варвара подогнулись, и он осел на мягкий мох, оставив руку в плену отвратительного цветка.

Тонгор вяло наблюдал за тем, как покрытые восковым налетом лепестки постепенно краснеют. Губчатый цветок всасывал кровь валькара.

И в это мгновение дварк настиг свою жертву.

При виде дракона джунглей варвар собрал весь остаток сил, напрягся. Меч рассек жесткий стебель слита, отделив цветок от тела растения. Цветок оставался на руке, пока Тонгор не оторвал его и не растоптал с омерзением.

Все еще опьяненный наркотическими парами цветка-вампира, Тонгор развернулся, чтобы встретить дракона. Взяв инициативу в свои руки, валькар прыгнул вперед, замахнувшись мечом. Острая сталь вонзилась в истекающую слюной нижнюю челюсть дварка.

Тонгор выдернул меч и снова замахнулся. Окровавленный меч разрубил толстые складки кожи в месте соединения челюстей дракона. Брызнула кровь, окрасив руки и грудь варвара в красный цвет.

Оглушительно фыркнув, дварк мотнул головой из стороны в сторону, стараясь облегчить боль. Покрытое чешуей рыло ударило валькара, будто таран, и отбросило на десяток ярдов. Тонгор растянулся на спине, и меч выпал из его рук.

Еще до того как он успел подняться и снова схватить оружие, над ним разверзлась влажная пасть дварка. Он увидел изогнутые белые сабли могучих клыков.

— Задержи дыхание, воин.

Из зарослей выступил высокий старик в длинном халате. В одной руке он держал металлическую коробочку. Тонгор не знал, кто это, но подчинился приказу.

Когда челюсти дварка приблизились, старик открыл коробочку и бросил ее содержимое в рот чудовищу. Вокруг морды дракона джунглей расплылось густое голубое облако. Дварк отдернул голову, когда клубы пыли попали ему в ноздри. Алчный огонь погас в красных глазах, и, когда Тонгор поднялся на ноги, дварк с грохотом повалился на землю, которая вздрогнула от удара массивного тела. Зверь либо сдох, либо потерял сознание.

Тонгор поднял меч и бесстрастно оглядел старика.

— Благодарю вас за... помощь,— проговорил варвар.

Незнакомец провел тонкими пальцами по длинной седой бороде и едва заметно улыбнулся.

— Порошок лотоса сновидений,— объяснил он глубоким звучным голосом.— Одна крупинка переносит человека на несколько часов в мир снов и фантастических удовольствий, порожденных его собственным сознанием. Дварк вдохнул порошка столько, сколько хватило бы городу средних размеров... Очень неразумно и опасно бродить по этим джунглям с одним лишь мечом. Но позволь мне представиться: я заклинатель, живущий поблизости. Зовут меня Шарат из Заара.

Тонгор тоже представился. Он не выпускал из рук меч, не зная, чего ожидать от незнакомца. Он не водил дружбы с колдунами, и всей своей северной кровью ненавидел уловки дьявольского искусства. Слава же этого колдуна достигла даже северной родины Тонгора. Шарат Великий считался одним из самых могущественных колдунов. Некоторые называли его Колдуном Лемурии.

Шарат был стар — так стар, что Тонгор не решался даже предположить, сколько ему лет. На морщинистом лице древнего колдуна лежала печать нескольких веков. Носил он длинный неопределенного серого цвета халат с широкими рукавами, на широком поясе из змеиной кожи висели короткий меч необычной формы и мешочек алого цвета. Холодный взгляд черных глаз старика обладал гипнотическим свойством. Нестриженая грива седых волос ниспадала на худые плечи, а борода того же оттенка струилась, словно водопад, до самого пояса. На худых пальцах мерцало множество колец и перстней — колдовских талисманов. Кольцо из самородного железа поблескивало клинописными рунами, перстень с кроваво-красным нефритом сверкал Словом Силы. Да и остальные кольца, изготовленные из драгоценных камней, металлов или редких пород деревьев, невольно притягивали взгляд. «Наверное, при помощи этих колец он вызывает духов стихий и повелевает ими»,— решил варвар. Шарат вновь заговорил:

— Ты ранен и устал. Позволь пригласить тебя в мое жилище. Тебе необходимы пища, питье и отдых. Идем, мой замп привязан неподалеку.

Тонгор был бы последним дураком, если бы отказался от предложения колдуна. Да и как иначе может поступить усталый и израненный человек, затерявшийся в джунглях на расстоянии многих лиг от ближайшего города? Пожав плечами с философским видом, валькар кивнул, принимая предложение.

Тонгор принял решение жестко контролировать ситуацию и не выпускать из руки меча... хотя колдун, у которого хватает сил на то, чтобы обезвредить гигантского дварка, легко справится с одиноким воином.

Замп оказался привязанным на небольшой полянке всего в нескольких шагах от места схватки с драконом. Это огромное животное внешне напоминало носорога. Толстая шкура на спине отливала синевато-серым, а на брюхе становилась грязно-желтой. Короткие и толстые ноги с роговыми наростами наподобие копыт могли без устали нести зампа несколько дней. Морда заканчивалась клювом, а между свинячьих глазок рос прямой и острый рог. Как и у доисторического трицератепса, его предка, шею зампа закрывал огромный изогнутый щит костной ткани, образовывавший естественное седло. Наездник сидел в этом седле и управлял зверем с помощью поводьев, прикрепленных к железным кольцам, вставленным в маленькие, нежные ушки зампа — единственное чувствительное место на громадном теле.

Замп Шарата оказался гигантским представителем своего вида, и костяное седло могло вместить двоих. Колдун и валькар забрались на зверя и отправились в путь.

— Джунгли Куша негостеприимное местечко. Меня удивляет, что вы поселились здесь,— заметил Тонгор.

— Колдуны предпочитают жить в удаленных уголках земли и спокойно проводить свои изыскания и опыты. Поскольку обслуживают меня невидимые духи, я не нуждаюсь в слугах. Много лет назад я соорудил подземный дворец в горах неподалеку отсюда и с тех пор живу там. Но я редко покидаю свое подземное жилище и выхожу прогуляться по джунглям,— ответил Шарат.

— Мне повезло, что вы отправились на прогулку...

— Это не просто везение, Тонгор из клана валькаров. У меня есть волшебное зеркало, которое показывает мне все, что происходит в Лемурии. Благодаря ему я увидел над Кушем твой необычный летучий корабль. Я видел, как на него напали гракки, крылатые ящеры, и уничтожили его, и видел, как ты оказался один среди джунглей. Я поспешил, чтобы оказать посильную помощь и заодно осмотреть обломки судна. Но это мы отложим на потом. Вначале ты отдохнешь и хорошенько поешь...

Огромный замп бежал по джунглям. Мимо проносились древовидные лотиферы с темно-красной корой, похожей на запек-

шуюся кровь. Деревья росли все реже по мере того, как колдун и валькар приближались к огромной горной цепи — серые вершины гор уже виднелись на горизонте. «Моммурские горы»,— подумал Тонгор, вспомнив карты. Он молча поморщился. Выходило, что он продирался через джунгли, двигаясь прямо в противоположном направлении от Катооля!

Вскоре колдун и варвар въехали в извилистый, словно лабиринт, каньон, который глубоко прорезал невысокие скалы на границе гор. Отвесные стены поднимались по обеим сторонам на тысячу футов, и не одна из бесчисленных трещин не походила на вход в пещеру.

Неожиданно Шарат остановил зампа. Тонгор с любопытством наблюдал, как колдун склонился к стене и надавил на кольцо, спрятанное в небольшом углублении. Огромная глыба беззвучно опустилась в землю.

Перед путниками открылась огромная пещера. Шарат вылез из седла и жестом пригласил Тонгора следовать за ним.

Колдун набросил поводья на шею зампа, и зверь, радостно устремившийся в родное стойло, вскоре скрылся в темноте. Вероятно, замп был обучен самостоятельно находить дорогу.

С улыбкой обреченного Тонгор шагнул в темноту, и колдун пошел следом за ним. Краем глаза валькар увидел, как Шарат взмахнул рукой и из глубины широкого рукава извлек короткий прозрачный — судя по отсветам — жезл. Колдун поднял его, и вокруг наконечника замерцало бледно-голубое пламя. Свет постепенно усилился, и пещера открылась взору валькара.

За спиной Тонгора каменная глыба бесшумно встала на свое место.

«Колдовство!» — фыркнул про себя варвар, выразив естественное презрение воина к подобным фокусам. Пожалуй, визит в логово самого могущественного колдуна Лемурии — не слишком мудрый поступок, и все же... старик не причинил Тонгору вреда, спас от верной смерти... «Пусть будет, что будет, и тогда, когда до́лжно»,— решил валькар. Решительно отбросив страхи, с беспечностью, свойственной философии варваров, Тонгор принялся с интересом глазеть по сторонам.

Освещенная необычным голубым сиянием пещера развернула перед неискушенным воином фантастическую, неземную панораму. Над головой со сводчатого потолка свисали сталакти-

ты — каменные копья, огромные, как клыки Барумфара, отца всех драконов — того, что проглотил луну, согласно древней легенде. А на полу пещеры навстречу сталактитам медленно, веками росли полупрозрачные сталагмиты, тела которых создавала известковая вода. То здесь, то там среди фантастического каменного леса мерцали ямы с лавой, похлебкой бога подземного огня, пылающего под всей Лемурией. Пророки утверждали, что именно это пламя однажды погубит весь континент, погрузив его на дно Заранга Тетрабаала — Великого океана.

— Идем!

И Тонгор вслед за колдуном шагнул в лабиринт сталагмитов. Жуткий свет лавы окрашивал их гладкую стеклообразную поверхность мерцающими фантастическими цветами. Внимательно глядя по сторонам и придерживая рукой рукоять меча, Тонгор шел за колдуном.

Жилище колдуна и впрямь походило на запутанный лабиринт, в котором не знающий дороги легко может потеряться и блуждать часами. Шарат провел северянина сквозь каменный лес туда, где глубокий канал прорезал пол пещеры. По этому каналу полз вязкий поток раскаленной лавы — река жидкого огня. На вишневой морщинистой, похожей на грязь поверхности то и дело вспыхивали желтые огоньки. От потока исходил страшный жар, а от облака густого маслянистого дыма глаза варвара заслезились. За рекой лавы пол пещеры поднимался и плавно переходил в стену. Грифоны, вырубленные из того же камня, что образовывал пол пещеры, стояли по краям лестницы. Тонгор заметил, что в их глазницы вставлены необычные желтые драгоценные камни. Показалось ему, или действительно искра разума промелькнула в этих драгоценных камнях? Слегка похолодев, Тонгор подумал, что одним словом колдун может оживить каменных чудовищ, призвать их на помощь.

Шарат надавил на железное кольцо, вделанное в незаметный глазу портал, и, застонав, огромные створки ворот медленно отворились.

Перед Тонгором открылся длинный зал. В дальнем конце на возвышении стояло похожее на трон кресло из абсолютно черного камня. Центр зала занимал длинный деревянный стол с обитыми кожей скамьями. По обе стороны столешницы блестели напольные канделябры из чистого золота. В стенах варвар заметил закрытые коврами двери, видимо, ведущие в другие

помещения подземного дворца. Между дверей у стен стояли шкафы и деревянные сундуки. Из огромного прямоугольного бассейна перед возвышением с шумом вырывались языки огня.

— Добро пожаловать. Я предлагаю тебе разделить со мной трапезу,— пригласил колдун.

Несколькими часами позже Тонгор и хозяин дома превосходно поужинали в подземном зале. Но сначала невидимые слуги омыли усталое тело Тонгора ароматной теплой водой, мазями обработали раны и порезы. Варвар проспал остаток ночи и большую часть дня на мягкой постели и проснулся со зверским аппетитом.

Подозрения Тонгора постепенно растаяли. Колдун накрыл прекрасный стол. Жареное мясо буфара плавало в густой дымящейся подливке вместе с сочной, безымянной рыбой из подземных ручьев. Были здесь и чаши с необычайными плодами джунглей, и блюда со сладостями, и самые лучшие сорта вин.

Во время еды они беседовали. Колдун слушал рассказ о приключениях северянина с ироничной улыбкой. Пожалуй, его заинтересовало только устройство летающего судна. Колдун очень хотел увидеть его.

— Я немного знаком с Оолимом Фоном,— задумчиво проговорил колдун.— Его познания в алхимии глубоки и обширны. Но он заблуждается, предоставляя свой ум и талант в распоряжение амбициозного и воинственного сарка, такого, как Фал Турид... Мне известна репутация этого правителя. Я даже знаю о его планах покорения городов побережья. Колдовство — это знание; а знание в руках тщеславного человека — это сила. И такая сила в могучих руках способна залить всю Лемурию кровью, тщась создать единую Империю... Но расскажи мне еще о твоей битве с гракком, летающим ящером. Насколько я знаю, никто из людей еще не мог в одиночку убить ужас неба!..

Закончив еду, они сели перед бассейном с огнем. Трудная жизнь наемного воина редко предоставляла Тонгору такой комфорт, так что, плотно поев и неплохо выпив, он разнежился, словно большой золотоглазый кот. Варвар даже не заметил, как они стали обсуждать его дальнейшие планы.

— До Катооля так же далеко от моего дворца, как и до Ашембара,— заметил колдун, показав варвару-большую пергаментную карту.— Я дам тебе зампа и, если хочешь, помогу найти дорогу в этот северный город. Есть одна тропа, которая

ведет через горы и затем через Занд в Ашембар на реке Махба. Но если целью твоей должен стать Катооль, тебе придется пробираться много миль через джунгли... Давай обсудим это подробнее завтра. Останься моим гостем еще на одну ночь. Если пожелаешь, завтра мы разыщем твое воздушное судно. Возможно, его удастся починить и тем самым облегчить твое путешествие.

В эту ночь Тонгор спал крепко и без сновидений, не подозревая еще, что очутился на одной из главных дорог Судьбы... не зная, что, встретившись с великим лемурийским колдуном, сделал первый шаг по длинной дороге, которая могла привести его либо на трон одного из королевств, либо к страшной бесславной смерти.

Глава 5
ЗЛОВЕЩИЕ ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Из Немедии выйдя с рассветом
Мы шагали дорогой вдоль моря.
Волны бились о скалы. При этом
Всё стенали, словно от горя.
А над морем, не слыша их стонов,
Башни высились замка Драконов...
Песнь Диомбара о Последней битве

Тонгор и Шарат встали через час после рассвета и позавтракали. Колдуну очень хотелось осмотреть обломки воздушного судна, так что они сели на двух зампов, выехали в джунгли и без особого труда нашли летучий корабль. Он по-прежнему висел, застряв в развилке ветвей гигантского лотифера.

Шарат соорудил устройство из крепких канатов и блоков, и, изрядно потрудившись, валькар и колдун сумели высвободить корабль из ветвей и притянуть его к земле, туда, где колдун смог осмотреть его.

— Корпус из невесомого урилиума придает кораблю плавучесть. В движение же его приводят длинные спиральные пружины, проходящие от носа до кормы под палубой,— вслух рассуждал колдун.— Хотя корпус из урилиума и помят, металл сохраняет способность сопротивляться притяжению, а пропеллеры не повреждены.

— Вы хотите сказать, что судно может летать? — удивился Тонгор.

Колдун кивнул:

— Свойства магического металла не изменились. Вмятины в корпусе можно снова выправить, а немного поработав, можно восстановить и каюту. Давай оттащим летательный аппарат в мою мастерскую.

Они привязали летающее судно тросом к зампу и отбуксировали по воздуху в подземный дворец.

По дороге в лабораторию Шарата, протаскивая корабль между сталагмитами, Тонгор еще раз оглядел его. Гордый летательный аппарат безупречной формы, словно украшение сверкавший над крепостью Турдиса, теперь представлял собой помятую груду металла. Гракки сильно повредили судно. Нос был смят, словно лист пергамента, скомканный кулаком гиганта. Острые, твердые, как железо, клювы изуродовали борта, а каюту снес удар о ветви лотифера. Теперь воздушный корабль казался варвару хламом, годным лишь на свалку, но колдун уверенно заявил, что аппарат можно починить.

— Хвала богам, судно не потеряло ни одной пластины из урилиума. Мне трудно было бы найти им замену. Все остальное легко сделать заново... Мне не терпится подробнее изучить устройство пропеллеров и механизмов управления... Да, воин, через несколько дней ты сможешь полететь в Катооль — или в любое другое место. Отправишься, куда захочешь, забыв о том, что летающие ящеры чуть не сбили твой летучий корабль.

Шарат надел кожаный рабочий фартук и достал инструменты. Тонгор с беспокойством оглядывал лабораторию. На длинных столах среди стеклянных колб и пробирок странных форм стояли тигли и антаноры. Вдоль стен размещалось множество таинственных сосудов и приспособлений.

— Могу я чем-то помочь?

— Нет. Осмотри пока мое жилище.

Поскольку его помощь отвергли, Тонгор оставил колдуна в мастерской и отправился бродить по странным залам, изучая подземный замок.

Одно помещение заполняли книги по магическому искусству. Книги маленькие и громадные — некоторые в рост человека; переплеты из кожи буфара, из металла с гравировкой, из резного дерева неизвестных пород. Книги были написаны на десятке язы-

ков, и Тонгор, приоткрыв одну в переплете из густого меха зеленого волка, с отвращением увидел странные иероглифы, начертанные красной, черной и золотой краской на листах пергамента.

Другая комната оказалась химической лабораторией колдуна. Над огнем бурлили котлы со светящейся жидкостью зеленоватого оттенка. Глиняные горшки и металлические трубки образовывали хитрую конструкцию, через изгибы и спирали которой прогонялись кипящие жидкости. Но смысл алхимических экспериментов Шарата варвар понять не мог, да и не пытался. В одном углу лаборатории на подставке стоял человеческий скелет. В стеклянном шаре с мутной жидкостью плавал человеческий мозг. Пучки сушеных трав и разноцветные порошки в канистрах наполняли воздух едкими, отвратительными запахами.

Тонгор презрительно сморщил нос.

— Колдовство,— проворчал он.

Следующая комната больше соответствовала его вкусам. На стенах висело оружие из сотен городов. Мечи, пики, луки и копья... кривые кинжалы наемных убийц из Далакха, ножи с лезвием в форме листа из Дарундабара висели рядом с украшенными перьями копьями Возашпы и гигантскими боевыми топорами затерянного доисторического Иба. Валькар с удовольствием провел целый час в этой комнате, пробуя в руках оружие из арсенала колдуна.

«Все это волшебное оружие»,— предположил Тонгор. На клинках виднелись северные руны и странные, вытравленные кислотой знаки синих кочевников с востока. В рукоять одного меча был вставлен огромный рубин, который сверкал, будто злобный глаз. Он поворачивался в оправе, словно следил за Тонгором.

* * *

В тот же вечер после ужина, когда колдун и его гость сидели за охлажденным сарновым вином и закусывали фруктами, Шарат рассказал варвару о медленно продвигающейся работе:

— Я размягчил металл на носу корабля, нагрев его с помощью газовых горелок, и придал обшивке прежнюю форму. Теперь то же самое надо сделать с днищем и бортами... Но поговорим о другом. Расскажи мне, Тонгор из клана валькаров, что ты намерен делать дальше? Куда ты направишься, когда корабль будет отремонтирован?

Тонгор пожал плечами:

— Вероятно, в Катооль. Или, возможно, вернусь на север. Хороший клинок всегда найдет работу.

Колдун хитро посмотрел на варвара:

— Значит, у тебя нет определенной цели? Ты не связан обещанием, данным сарку Катооля или какого другого города?

— Не связан. Я иду туда, куда направит меня Отец Горм.

— Ладно... Позволь рассказать тебе одну историю... Может быть, я предложу тебе одну работенку.

Тонгор одним глотком допил вино и с интересом посмотрел на колдуна:

— Ну рассказывайте.

Колдун провел по бороде длинными пальцами и задумчиво уставился на огонь.

— Вначале я задам тебе вопрос. Что ты знаешь о войне между людьми и Королями-Драконами?

— О Тысячелетней войне? Знаю то же, что все. Короли-Драконы правили Лемурией до того, как появились Первые люди... то, как Отец Горм слепил из земли человека и, взяв кровь из правой руки, влил жизнь в человека, и Фондат Перворожденный ожил. То, как Первые люди боролись в течение тысячи лет против Королей-Драконов и наконец разбили их на черном побережье залива Гримштранд, далеко на севере. Там погиб сын Тунгарта, однако ему удалось убить последнего Дракона.

— Да, почти все верно. Тебе, вероятно, известно, что до того, как возникли люди, на земле царствовали гигантские рептилии. Когда-то вся земля дрожала под их тяжелой поступью, но сегодня сохранились лишь их потомки — зампы, гракки, дварки и им подобные. Короли-Драконы — это не сказочные страшилища, а народ человекообразных змей, происшедший от рептилий. Размером они были меньше ящеров, внешне походили на людей и обладали жестоким и холодным разумом, вероятно настолько же превосходящим человеческий разум, насколько и длительность их жизни превосходит длительность человеческой жизни. Когда возникли люди и основали Немедию, Первое королевство, Драконы властвовали над миром, используя силу тупых собратьев для возведения городов из огромных черных монолитов. Там они проводили странные и мерзкие ритуалы во имя темных богов, которых лучше не называть.

Колдун неспешно, глубоким голосом пересказывал героическую сагу о Тысячелетней войне, согласно которой сыновья Фондата вели Первых людей сквозь столетия к победе, отдавшей Лемурию людям. Драконов медленно оттесняли, хотя люди гибли тысячами. Однако люди-змеи смогли собрать титаническую силу из несметных орд рептилий-чудовищ, рядом с которыми даже дварк казался карликом. Постепенно люди отчаялись. Они спрятались за стенами древних городов Немедии: Иба, Яодара и Ита.

— Затем их великий вождь Тунгарт воззвал к Отцу Богов. Среди бури, грома и молний Горм спустился на гору над древней Немедией. Он вручил Тунгарту оружие, названное Немедийским мечом — клинок, выкованный богами, в железное сердце которого была заключена сила молнии. И с этим волшебным мечом последние герои отправились в путь. Они разбили Королей-Драконов в нескольких страшных битвах и оттеснили их к северным берегам Лемурии, в Черный замок, последний оплот Королей-Драконов. У его подножия погиб Тунгарт...

— Я помню эту историю,— прервал колдуна Тонгор и процитировал строки Диомбара, немедийского сказителя:

Корбан уж пал, и Коннар, и Игрим,
Мы все бьемся и трубы трубят,
Мы Драконов-Царей вот-вот победим
Души жаждою мщенья горят.
И за каждого павшего брата
Из отважных потомков Фондата
Мы по дюжине вражьих солдат
Отправляли прямехонько в ад.

Звонкие строки древней военной саги прозвучали в зале, освещенном мерцающим огнем. Они отдавались эхом от скрытых в тени стропил под потолком. Однако Шарат поднял худую руку, призывая варвара к молчанию.

— Да, благодаря доблести героев Немедии и магической силе меча, Драконы были убиты, их последняя крепость пала, после чего началась история королевств Лемурии. С тех пор прошло шесть тысяч лет. Но сказитель Диомбар знал не всю историю.

— Какова же тогда полная история?

Глаза колдуна странно блеснули в свете огня.

— Да, Короли-Драконы пали у залива Гримштранд, но некоторым из них удалось бежать. Перенесясь при помощи кол-

довства по воздуху, они укрылись от людских взглядов. Долгие века жили они в потайных убежищах... вынашивая в своем холодном змеином уме план мести. Прошли века... Немедия пала, но сыны Немедии расселились по Лемурии, основав города, образовав новые королевства: Валькарт на севере и Турдис на юге; Патангу и Катоспар. А Короли-Драконы все таились, ожидая часа мести. Теперь это время очень близко. Словно черные привидения из мифов, они все еще живут, поддерживая существование при помощи тайной науки. И для Лемурии близится роковой час, роковой не только для земель людей, но и для самой планеты, на которой мы обитаем, для всей Вселенной!

Тонгор, вытаращив глаза, глядел на колдуна. То, что рассказывал Шарат, казалось фантастическим, невероятным... но слова старика затронули струны древней наследственной памяти валькара. Кровь героев Немедии текла и в жилах северянина...

— Продолжай, колдун!

— Короли-Драконы задумали ужасную месть, которая не только уничтожит человечество, но и разрушит саму ткань Космоса. Они долгие века старались установить связь со своими богами, Хозяевами Тьмы, которые противостоят богам, почитаемым нами, Богам Света. Хозяева Тьмы правили Хаосом до того, как была создана Вселенная. Когда настал момент творения, они оказались изгнанными за пределы новорожденной Вселенной в бурный запредельный Хаос. И с того мгновения беспрестанно Хозяева пытаются снова войти в сферу пространства и времени, чтобы опять вступить в борьбу с богами людей.

— Как они могут войти в нашу Вселенную? — поинтересовался Тонгор. Горячая кровь шумела в его жилах. Вот пища для боевого духа настоящего воина! Когда боги сходятся в грандиозной битве за пределами звезд и когда вся земля содрогается от эха этого сражения...

— Короли-Драконы собираются открыть Врата в Запредельное. Через них Хозяева Тьмы смогут войти в наше пространство. Но Врата в Запредельное доступны только в определенное время, когда звездные циклы складываются в тайные образы. Это страшное время приближается. По моим расчетам, оно настанет очень скоро. Сейчас прошло семь тысяч и еще семь лет с того дня, когда Фондат Перворожденный обрел жизнь. Через несколько недель настанет Роковой час. Старый год пройдет... минует Праздник конца года. Как раз в течение первой недели

нового семь тысяч восьмого года звезды займут положение, которое позволит Королям-Драконам отомстить миру.

— Вы знаете это наверняка?

Шарат грустно кивнул.

— Алая Эдда предупреждает о приближении этого дня. И при помощи волшебного зеркала я отыскал место, где прячутся последние Короли-Драконы.

Он поднялся и подошел к дальней стене. Открыв сундук, колдун вынул старую карту, выполненную алыми чернилами на тонком папирусе, и пальцем указал на рисунки:

— Здесь под Моммурскими горами находится мой подземный дворец. А здесь огромная горная гряда поворачивает на северо-восток. Там, окруженное непроходимыми горами, лежит внутреннее море Неол-Шендис. В середине огромного внутреннего моря есть остров, где все еще стоит мрачный, черный замок Королей-Драконов. Там они практикуют свое адское искусство, готовясь открыть Врата, ведущие в Хаос... Лишь одно оружие может уничтожить Драконов и разрушить их планы.

— И что это?

— Меч, что разбил их армию шесть тысяч лет назад. Немедийский меч.

— Но предания гласят, что тот меч сломался в Последней битве. Даже обломки его не сохранились. Само королевство Немедия пало тысячу лет назад, и его города обратились в кучи каменных глыб.

— Действительно. Но древние мудрецы, написавшие Алую Эдду, рассказывают нам о том, как был выкован тот меч. Придется совершить длительное путешествие и подвергнуть себя опасности... Я могу заново изготовить клинок.

— Это вы и имели в виду, когда хотели предложить работу?

— Да. Я сумею выковать меч, но мне нужна помощь. Мне нужен могучий опытный воин, который отважился бы вместе со мной выступить против Королей-Драконов.

Тонгор обнажил белые зубы в боевом оскале. Вот то приключение, узнав про которое все остальные побледнеют! О его подвигах сложат песни и саги, люди будут петь их в течение тысячи лет! Пускай жарится в адском огне сарк Катооля! Кто захочет быть наемником, когда может стать героем?

— Если слова ваши правдивы, а намерения таковы, как вы описали, то не ищите другого человека. Мой меч к вашим услугам.

Колдун улыбнулся.

— Я знал, что ты поможешь мне в этом деле. Когда я увидел, как ты бьешься с летающими ящерами и могучим дварком, я подумал: не ты ли тот самый воин, которого я ищу? Хорошо, Тонгор. Так и будет. Но нас ждет множество опасностей!

Тонгор рассмеялся.

— Я и опасности — давние друзья. Давайте, колдун! Заканчивайте свою работу — чините летучий корабль. Фал Турид сделал его для того, чтобы покорить всю Лемурию, но мы сделаем так, чтобы он послужил более благородной цели!

Глава 6
ЗМЕИ С ЖЕНСКИМИ ЛИЦАМИ

Чешуей едва слышно шурша,
Слорг к Тонгору тихо ползет.
Леденеет от взгляда душа,
Лишь клинок от чудовищ спасет.
Сага о Тонгоре, IV

Наступило прохладное утро. Летучий корабль скользил по небу на высоте трех тысяч локтей над дикими джунглями Куша. Столь же совершенный, как и тогда, когда только появился из лаборатории Оолима Фона, он несся над Лемурией. В каюте сидели Тонгор из племени валькаров и Лемурийский колдун. Тонгор управлял судном, а старик-колдун изучал карту.

Шарату потребовалась целая неделя на то, чтобы закончить ремонт судна, получившего новое имя «Немедис». В бездне прошлого сгинули семь драгоценных дней из скудного запаса времени. Очень скоро звезды над Лемурией займут предсказанное положение. Колдун работал день и ночь, Тонгор бродил по залам подземного дворца, испытывая страстное желание выбраться на волю. Великан варвар не привык к безделью, и его раздражала задержка. Ремонт занял больше времени, чем предполагалось, так как колдун настоял на необходимости установить некоторые устройства его собственного изобретения, а также внести улучшения в первоначальную конструкцию. Одним из «новшеств» оказался стеклянный шар, прочно укрепленный над рычагами. Внутри шара на шелковой нити висел заостренный брусок

серебристого металла. Заостренный конец маятника, сделанного из магнитного самородка, всегда, независимо от положения судна, указывал на север. Такое устройство позволяло не сбиваться с нужного курса. Вторым улучшением равной, если не большей, ценности стало переоборудование длинных спиральных пружин, вращавших пропеллеры. Первоначальная конструкция требовала завода пружин вручную. Шарат переделал их так, что одна пружина, разматываясь, закручивала другую, и наоборот. И хотя вечного движения не существует, колдуну с помощью заклятий металла удалось создать практически неисчерпаемый источник энергии, так что даже в самый критический момент летающее судно могло двигаться.

Закончив изучение свитка пергамента, Шарат передал карту валькару.

— Сейчас мы находимся здесь, в месте, обозначенном красной точкой, и я отметил показания магнитного маятника для всей оставшейся части пути. Как видишь, мы должны пролететь на юго-восток тысячу форнов[1] вдоль реки Исаар, разделяющей Куш на две части; и дальше над Патангой, Городом Огня. Мы проследуем к побережью Птарты, там, где Тсаргол выходит к морю.

— Да,— проворчал Тонгор.— Но вы еще не объяснили, почему мы вначале направляемся в Тсаргол.

— Много тысяч лет назад на Тсаргол с неба упал некий предмет. Тогда весь город состоял из названия и нескольких убогих хижин, где ютились рыбаки. Вначале считалось, что странный предмет свалился с луны, но Красные хранители, хранители Слидита — бога крови, назвали его Звездным камнем и заявили, что это сгоревшее сердце упавшей звезды, талисман великой силы. Его почитают до сих пор и связывают с богом крови.

— Значит, Немедийский меч был сделан из этого камня?

Шарат кивнул.

— Так утверждает Алая Эдда, описывающая, как Отец Горм создавал волшебное оружие. Мы станем действовать согласно этому описанию. Вначале мы должны проникнуть в Тсаргол и отделить от реликвии достаточно большой кусок для того, чтобы выковать из него клинок.

---

[1] Форн — мера длины, составляющая пять тысяч пятьсот пятьдесят пять «шагов», таким образом, равная примерно нашей миле. (*Прим. автора*)

— Если жители Тсаргола молятся на эту сгоревшую звезду, они наверняка хорошо за ней присматривают,— пробурчал Тонгор.

— Да! Святыню берегут от осквернения в Алой башне, которая возвышается на территории храма в центра города, недалеко от дворца Друганды Тала, сарка Тсаргола.

— Ее охраняют?

— Это самое удивительное. Никакой охраны вокруг Алой башни нет, и ни охрану, ни даже самих Красных хранителей не допускают внутрь башни. Она, насколько мне позволяет видеть волшебное зеркало, абсолютно безлюдна.

— Послушав вас, можно решить, что нет ничего проще, чем добыть кусочек Звездного камня,— заметил Тонгор.

— Возможно. Войти в башню будет несложно. Мы подождем наступления ночи и пролетим над Тсарголом. Я спущу тебя в башню на тросе.

* * *

«Немедис» еще много часов летел по синему небу Лемурии. Внизу проплыли желтые стены Патанги, Города Огня, поставленного близ устья рек-близнецов Исаар и Саан. Летучий корабль двигался некоторое время над огромным заливом Пантанги и затем достиг Итарты. Здесь, среди бескрайних зеленых просторов, селения попадались очень редко.

Ближе к вечеру показались красные стены Тсаргола, города на побережье Яхен-зеб-Чуна, бурного Южного моря. Путешественники поели, и Тонгор немного поспал, дожидаясь заката. Как только на Лемурию спустилась ночь, «Немедис» беззвучно проскользнул над Тсарголом. К счастью, ночь выдалась облачной, так что ни звезды, ни луна не могли выдать валькара и его спутника.

Шарат провел воздушное судно над куполом дворца сарка и остановил его над храмовым кварталом, где посреди темного сада высилась Алая башня. «Немедис» прикрепили к алому шпилю якорем — крюком на длинном канате, и по этому канату Тонгор собирался спуститься на крышу башни.

— Запомни: хотя мое зеркало и не обнаружило охраны в башне, маловероятно, что Красные хранители оставят свою святыню совсем без защиты. Поэтому соблюдай осторожность! От этого многое зависит...

— Пусть будет, что будет,— сурово проговорил Тонгор, кутаясь в черную накидку с капюшоном.— Вероятно, хранители считают, что посторонним трудно перелезть через стены сада, или полагаются на силу религиозных предрассудков. Хотя, если бы я не был осторожен, я не прожил бы так долго. Если там есть стражники, мой меч полакомится их потрохами.

Варвар перелез через палубное ограждение. Внизу, на расстоянии двух сотен локтей, темнел сад. От прохладного ночного ветра с моря туго натянутый якорный канат тихо гудел.

Перебирая руками, северянин начал медленно спускаться. Одна ошибка, и он мертв, как и Фондат Перворожденный. Пальцы скользили по канату, нагрузка на плечи оказалась огромной, но Тонгор хладнокровно, локоть за локтем двигался вниз. Скоро ноги его коснулись черепичной крыши Алой башни. Крыша была остроконечной, и устоять на ней не представлялось возможным. Держась одной рукой за канат, а другой за край крыши, варвар попытался нащупать окно, которое приметил, подлетая к башне.

Окно вскоре нашлось, и Тонгор, свесившись на руках, скользнул в темное помещение. Остановившись и обнажив меч, он подождал, не послышится ли звуков тревоги. Тишина. Тонгор облегченно вздохнул. Затем вылез наружу, подтянул канат, укрепил его, с помощью крюка, в оконном проеме и резко дернул канат один раз, сообщая Шарату, что путь свободен. Теперь — за Звездным камнем!

Верхнее помещение башни, как вскоре убедился Тонгор, было абсолютно пустым. Варвар, двигаясь на ощупь, выбрался в неосвещенный зал и спустился по винтовой лестнице на другой этаж. Пробираясь в абсолютной темноте из комнаты в комнату, валькар пожалел о том, что не взял хрустальный светящийся жезл колдуна. «Похитители» решили, что свет слишком опасен, так как случайно проходящий мимо хранитель может заметить мерцание в одном из окон башни.

Двигаясь по коридору, Тонгор обратил внимание на какой-то звук. Тихий сухой шелест. Тонгор замер, похолодев, и стал прислушиваться. Звук повторился. Источник шума находился на некотором расстоянии от северянина, в другом конце коридора. Тихое шуршание.

Тонгор недоуменно нахмурился. Это не шаги... возможно, кто-то ползет по полу... Но нет, не слышно ни тихих шлепков ладоней о камень, ни тяжелого дыхания...

Вспыхнули зеленые огоньки, светящиеся точки на фоне темноты.

Глаза.

Они горели на высоте колена варвара. Тонгор почувствовал, как волосы встают дыбом. Первобытные инстинкты предупреждали его...

Снова шорох, и зеленоватые глаза сместились вперед на несколько футов.

Змеи? Неужели безмолвные залы башни охраняются мерзкими рептилиями? Тогда понятно, почему зеркало колдуна никого не нашло в башне: змеи — не люди. Змеи могут жить в темноте и оставаться невидимыми до поры до времени.

Тонгор беззвучно обошел пятно тусклого света, падающего на пол из окна. Он подождал, пока снова не послышатся сухой шорох. И тогда... Кровь варвара заледенела в жилах, когда неизвестный страж заполз в пятно света и предстал во всей своей красе.

Тонгор увидел мертвенно-бледную змею длиной с человека, на качающейся шее которой сидела не тупая змеиная морда, а женская голова трупного цвета. Зеленые глаза женщины-змеи мерцали, прекрасное лицо с правильными чертами резко контрастировало со змеиным телом. Лысая круглая голова блестела при тусклом свете; алые губы улыбались, открывая отвратительные клыки.

Это был слорг — ужасная змея с женской головкой, обитатель из лемурийских пустынь. Тонгор никогда прежде не встречался с этой тошнотворной тварью, но слышал жуткие рассказы воинов, которым доводилось просыпаться в скользких объятиях слорга.

И вот начали подползать и другие. В конце коридора Тонгор увидел их горящие глаза. Услышал их песню — песню о его скорой смерти. Рептилии чуяли теплую кровь... Когда первый слорг приблизился, северянин взмахнул мечом. Серая сталь рассекла алебастровую шею, и прелестная женская головка глухо упала на пол, лязгнув клыками, обезглавленное тело скорчилось в предсмертной агонии.

Тем временем подползли и остальные слорги — десятки зеленых глаз и гибких бледных тел. Тонгор развернулся и понесся по лестнице на другой этаж. Он спешно оглядел несколько помещений, но и тут не нашел Звездного камня. И вдруг слорги хлынули из двери настоящим потоком.

Длинный клинок варвара пожал в эту ночь богатый урожай.

Отогнав слоргов, Тонгор приготовился к новому рывку. Он уже обследовал все верхние этажи. Надо было спускаться, а это означало, что его ждут лестницы, кишащие змеями.

К счастью, Тонгор всегда предпочитал сапоги из крепкой кожи. Он, сломя голову, пронесся по ступеням, разрубая слоргов по пути. Женщины-змеи с шипением кидались на варвара. Самое ужасное в этих тварях, вероятно, было то, что они умирали не сразу. Еще долго, после того как разящая сталь рассекала холодную плоть слоргов, отсеченные головы цеплялись клыками за сапоги и плащ варвара.

Тонгор пробрался вниз и обыскал многочисленные помещения, находя лишь груды облачения хранителей и жертвенного оружия, но волшебного камня нигде не было.

И вдруг в зал хлынула шипящая лавина слоргов, поток извивающихся змей. Их было так много, что северянин понял — в этот раз ему не прорубить себе дорогу. Он начал пятиться из зала в зал, возвращаясь тем же путем, что и пришел, однако в какой-то момент ошибся и свернул в другую сторону. Ему следовало уже достичь лестницы, когда он вдруг прижался спиной к неровной холодной поверхности. Звездный камень! Камень стоял на низком невзрачном алтаре у стены. Черный металлический, словно оплавленный, самородок. Он был не так велик, как описывал его колдун. Пожалуй, его едва хватит на клинок.

Тонгор схватил Звездный камень под мышку и продолжил отступление. Сделав круг по комнатам нижнего этажа, валькар вновь вернулся к лестнице и стал подниматься, отбиваясь от слоргов, последовавших за ним снизу, и от тварей, бросающихся на него из темноты каждой комнаты.

Варвар передвигался намного быстрее, чем медлительные холоднокровные чудовища, и лишь благодаря этому до сих пор оставался жив. Тонгор пронесся еще один пролет лестницы, опережая змей, и добрался до верхнего помещения, к окну которого был прикреплен якорь «Немедиса». Варвар спешно обмотал канат вокруг Звездного камня, завязал прочный узел, но выбраться из окна не успел: скользкие петли змеиных тел обвили ноги. Шипящие голоса запели о смерти.

Тонгор развернулся, стараясь освободиться, но в этот момент крюк отцепился, и канат — единственный путь к спасению, выскользнул из рук северянина. Якорь качнулся над темным садом, и «Немедис» понесло прочь.

Покрытые слизью кольца змей опутали тело варвара. Поражение неминуемо, но мужественное сердце валькара еще билось. Час его последней битвы настал! С громкой песней воинов-валькаров гигантский варвар вступил в бой. И звенела сталь, и густая кровь рептилий заливала стены...

Прошел час или только несколько минут? Тонгор не знал. Даже в самом конце, когда он, почти задыхаясь, повалился на пол и сознание его начала заволакивать тьма, он все еще боролся.

И затем он провалился в небытие...

Глава 7
НА АРЕНЕ СМЕРТИ

Бой кипит и уж кровью пропитан песок,
Острой сталью пропорот чешуйчатый бок
И в восторге толпа начинает реветь
Лишь Тонгор Зверя смог одолеть!

Сага о Тонгоре, V

Очнулся он на рассвете.

Какое-то мгновение Тонгор не мог понять, где находится, и тупо оглядывался по сторонам. Затем туман в мозгу рассеялся, и варвар по-волчьи оскалился. «Снова в подземелье. Последнее время мне, кажется, везет на тюрьмы!»

Камера оказалась маленькой, сырой и вонючей. Тонгор лежал на спине на куче сырой полусгнившей соломы. Меч у валькара отобрали, но, по крайней мере, на нем не было и цепей. Тонгор поднялся на ноги и осмотрел себя в тусклом свете утреннего солнца. Синяки... неглубокие ранки... но никаких серьезных повреждений. Как ни странно, он еще дышит. Вероятно, змеи с женскими головами были обучены не убивать проникших в башню, а всего лишь пленить их. Или, возможно, шум битвы разбудил хранителей, и они успели остановить слоргов как раз вовремя. Как бы то ни было, но Тонгор остался жив.

Послышались лязг копий, шарканье сапог, и дверь камеры отперли.

— Проснулся? Тогда идем,— сказал отар стражников.

Тонгор ничего не ответил. Он внимательно оглядел вошедших. Отар — худощавый, загорелый молодой человек с обветренным лицом и горящими черными глазами, в низко надвинутом медном шлеме. Стражников оказалось всего семеро — высокие, крепкие воины, вооруженные копьями с железными наконечниками. Северянин вышел из камеры. Стражники построились квадратом, окружив Тонгора со всех сторон. Они повели валькара по сводчатому коридору. Варвар не сопротивлялся: семь хорошо обученных воинов — слишком много. Было бы их меньше, он бы попробовал вырваться. Но с семерыми ему не справиться.

Воины вошли в огромный зал, где, тихо переговариваясь, расхаживали знатные люди, разодетые в шелк и меха. Все замолчали, когда стражники подвели пленника к мраморной платформе. На ней под балдахином, шитым серебром, на алых изукрашенных причудливой резьбой тронах восседали властители Тсаргола. Отар дважды отдал честь и отступил вместе со своими стражниками, оставив Тонгора перед тронами.

— Склонись перед Великим хранителем и сарком, ты, червь! — крикнул один из знатных людей, толстый аристократ, с дряблыми щеками и пухлыми ручками — камергер, если судить по серебряному жезлу.

Тонгор промолчал. Он скрестил руки на груди и широко расставил ноги.

— Какая дерзость! — воскликнул камергер и, шагнув вперед, ударил Тонгора жезлом.

Гигант даже не поморщился, а продолжал молча стоять, сурово глядя на правителей, сидящих на тронах. По щеке скатилась капля крови.

— Хватит, Хасиб! Такую гордость редко можно встретить в Тсарголе. Не будем пытаться ее сломить,— заговорил человек с жиденькой черной бородкой и вялым, усталым лицом. Тусклым взглядом он медленно оглядел валькара с ног до головы.

Судя по диадеме и изысканной одежде, это, очевидно, и был сарк Тсаргола — Друганда Тал. Значит, другой, в алом одеянии, это Красный Великий хранитель, глава Красного братства. Худой человек с бритой головой и бесцветными, холодными глазами. О высоком положении в братстве свидетельствовал громадный диск, украшающий его впалую грудь,— медальон из бесценного металла язит, переливающийся, будто опал. На нем был изображен венок из сплетающихся змей с глазами из неограненных рубинов.

— Скорее упрямство, чем гордость, мой сарк,— шелковым голосом проговорил Великий хранитель.— У нас есть средства перебороть такое упрямство...

Сарк лениво улыбнулся:

— Да, мой Ялим Пелорвис. Но посмотри на эти плечи, на эту грудь! Боги, я должен увидеть его на арене!.. Как твое имя, человек?

— Тонгор из клана валькаров.

— Как ты вошел в Алую башню?

Тонгор не ответил.

Хранитель подался вперед:

— Где Звездный камень? Что ты сделал со священным талисманом Слидита?

Тонгор по-прежнему молчал. Лицо оставалось бесстрастным, но мозг усиленно работал. Варвар понял, что ему грозит не просто смерть, а долгая пытка. Без сомнения, Красный хранитель попытается выведать, что он сделал с их священным камнем. И хотя варвар не боялся боли и даже смерти, но при мысли о пытке кровь северянина похолодела. За время службы у Фала Турида, сарка Турдиса, Тонгор успел узнать, в какую бездну страданий способен окунуть человека извращенный ум палачей, добывающих нужные сведения. Все его естество переполнилась отвращением.

— Отвечай Великому хранителю! — приказал сарк.— Куда ты спрятал талисман Слидита, Бога Крови? Отвечай, или мы выдавим из тебя правду, медленно, по капле!

Тонгор не боялся открыть правду...

Если, как он подозревал, колдун предал его, улетев и оставив на милость слоргов, правда не сможет ни помочь, ни повредить Шарату. И доводить дело до пытки... Согласно простой, грубой вере его северной родины, Воинственные девы Отца Горма уносят в Чертог героев, павших в бою... Тонгор прекрасно понимал, что оставят от его здорового тела раскаленные докрасна крючья и иглы палачей. Лучше умереть от удара копья или пасть на арене с оружием в руках.

Поэтому он прыгнул, застав стражников врасплох. Развернувшись, бросился на ближнего воина, свалил его прямым ударом в челюсть и вырвал копье. Снова развернувшись, кинулся к тронам. Путь преградил стражник, но варвар проткнул ему живот, и тот упал, зажимая руками выпадающие внутренности. Через мгновение валькар уже находился на мраморных ступе-

нях перед Другандой Талом. Сарк Тсаргола с искаженным от ужаса лицом рванулся прочь. Тонгор, ударив окованным сталью тупым концом копья правителя по голове, повалил сарка на спину. Диадема свалилась с головы аристократа и покатилась по ступеням.

— Схватить его! Прикончить! — захлебываясь слюной, завизжал сарк. Его трясло от страха. Стражники стали приближаться, выхватив мечи. Тонгор обернулся к трону хранителя, но Ялим Пелорвис уже растворился среди теней.

Тонгор, хохоча, повернулся к стражникам. Перед ними варвар имел преимущество — он находился на возвышении, на платформе, и прекрасно этим воспользовался. Один сапог расквасил лицо ближайшему стражнику, и тот повалился на клинки подходивших сзади товарищей. Древко копья ударило другого стражника по затылку, переломив ему шею с хрустом, который был слышен даже среди общего шума. Затем варвар наконечником копья перерезал горло еще одному нападавшему. Голова оказалась почти отсеченной от тела, и стражник упал, заливаясь кровью. Среди звона стали Тонгор ревел строфы валькарской боевой песни:

Крови горячей вино молодое
Горму-отцу преподносит рука.
Девы войны — как гроза над землею!
Бой — словно песня стального клинка!

Он убил уже пятерых, когда по затылку его плашмя ударил меч. Варвар упал на груду стонущих тел, и копье вырвали из его рук.

Когда связанного валькара вновь подняли на ноги, он смеялся.

— Могу поспорить, что этот сопливый губошлеп — сарк никогда не видел, как дерутся мужчины, если он визжит, словно девка! — проревел северянин.— Ведите меня на арену и дайте мне меч, вы, трусливые змеи, и я покажу вам такую битву, что похолодеет кровь у самого Слидита!

Сарк обезумел от гнева. Варвар, голый, безоружный пленник, сбросил его с трона, унизил, повалил на спину! И он, властитель Тсаргола, валялся, размахивая руками перед собственными подданными, хотя повсюду торчали эти безмозглые стражники! Осыпая Тонгора проклятиями, сарк подошел к скрученному стражниками варвару и принялся бить его по лицу ладошкой,

украшенной перстнями. Драгоценности царапали лицо северянину, и вскоре он едва мог открыть глаза из-за заливающей их крови. Но варвар смеялся сарку в лицо.

— Да!.. Отправьте на арену этого северного выродка! Посмотрим, что сможет сделать этот герой с нашими любимцами! — прорычал сарк.

Из ниоткуда появился Великий хранитель и положил худую руку на плечо Драгунды Тала:

— Нет, мой сарк! Мы должны подвергнуть варвара пытке — мы должны найти Звездный камень...

— Кто сарк Тсаргола, ты, змеиная рожа? — Тонгор оскалился.— Ты или этот жующий сопли стервятник? Могу поспорить, что он говорит тебе, когда ты должен менять штаны!

Сарк побледнел от ярости, стряхнул с плеча руку хранителя и взревел, брызгая слюной.

— Тсарголом правит Друганда Тал, ты, грязь! И когда ты предстанешь перед нашими любимцами, ты будешь ползать на брюхе, жалобно скуля от страха!

Тонгор лишь рассмеялся.

— На арену его! В полдень он умрет на арене, клянусь всеми Богами!

Когда его уводили, Тонгор все еще смеялся. Уловка его сработала. Он и не надеялся бежать из зала, полного вооруженных людей, имея при себе только копье. Он стремился лишь избежать унизительной пытки, разгневав сарка так, чтобы тот не слушал возражений Великого хранителя. Хотя было очевидно, что Великий хранитель являлся соправителем или, по крайней мере, тем, чья власть могла сравниться с властью сарка. Благодаря врожденной способности разбираться в людях, Тонгор заключил, что сарк, будучи слюнтяем, обычно находится под влиянием Великого хранителя, который, удовлетворяя прихоти и разжигая страсти сарка, исподволь правит государством.

Тонгор обнажил зубы в боевом оскале. Ему определенно удался намеченный план! Он не только разъярил сарка так, что его отправили на арену, но и, похоже, поссорил сарка с хранителем.

Варвар от души веселился, когда его швырнули в камеру, находящуюся под ареной. Стражники никогда раньше не слышали, чтобы осужденный смеялся, когда его запирают в камере... Но они и никогда не встречали человека, похожего на Тонгора. К тому же варвар готов был поклясться, что они не

видели такой битвы, которая разыграется, когда валькару придет час ступить на арену!

И час этот скоро настал.

Тонгор едва успел прикончить мясо буфара, хлеб, сыр и вино, которые вытребовал у своих тюремщиков, когда за ним пришли стражники. На этот раз их было десять, и в руках они держали обнаженные мечи. Им явно не хотелось еще раз убедиться в силе Тонгора!

С ними явился и худощавый загорелый отар, который разбудил Тонгора утром. Красная перевязь, отмечающая звание, куда-то исчезла, оружия нет. Он тоже стал пленником!

— Почему ты здесь? — поинтересовался валькар, когда стражники вывели его из камеры.

Бывший отар гневно поглядел на варвара и сердито ответил:

— Из-за тебя, собака! Я опозорен: мой пленник вырвался и нанес оскорбление сарку... Мои люди пялились на знать, а ты прыгнул и повалил сарка. Теперь меня разжаловали и отправили на арену. Вместе с тобой!

— Ладно... Жаль, что так вышло. Я пытался избежать пыток и попасть на арену, где могу достойно умереть,— тихим голосом объяснил Тонгор.— Я не хотел причинить вред другому.

Отар пожал плечами:

— А, ладно. Какая разница? Рано или поздно это все равно бы произошло. Сарк ненавидит мою семью. Я отпрыск младшей ветви бывшей правящей династии. Отец сарка, Талд Курвис, захватил власть, когда предыдущая династия прервалась. Самозванца поддержали хранители — он поддерживал кровавые ритуалы в честь Слидита, а мой дом, Карвусы, игнорировал этот культ. Кровопийцы не смели растерзать нас из уважения, которое снискал себе мой отец среди возашпанских наемников. Нас лишили власти и унизили: отец из камергеров стал архиварiусом, а мне нашли место отара, простого командира сотни.

Тонгор молча слушал товарища по несчастью.

— А что твой отец? Он не может тебе помочь?

Отар грустно улыбнулся:

— Нет. Он умер три года назад — говорят, был отравлен. Теперь я глава дома, и если не смогу помочь себе сам, то никто мне не поможет. Ладно, значит, умрем вместе. Так, наверное, даже лучше: погибнуть с мечом в руке, видя врага, а не умереть от удара наемного убийцы или яда, подсыпанного в бокал. Меня

терпели бы год или два, пока могучий сарк не решил бы, что мое влияние слишком велико.

Тонгор угрюмо кивнул. Как раз таким отношением к жизни больше всего восхищалась душа варвара! Ему понравилась волчья улыбка молодого отара и его крепкий дух.

— Раз мы должны умереть вместе, позволь узнать твое имя. Меня зовут Тонгор, сын Тумитара, воин из клана валькаров.

Юноша улыбнулся:

— Приятно познакомиться, Тонгор. Я Карм Карвус, принц Карвуса... или был им. Почту честью сражаться рядом с таким воином, как ты. Никогда не видел ничего подобного, как там, в Двутронном зале. Давай умрем на арене, и пусть правители Тсаргола трясутся от страха!

— Согласен.

— Хватит шептаться, вы, двое! — прикрикнул новый отар.— Вот! Берите мечи... Ты, варвар, возьми этот! — И он передал Тонгору его меч. Этот клинок сослужил варвару добрую службу в Алой башне.

Криво ухмыльнувшись, Тонгор подбросил меч в руке.

— Сарк говорит, что со своим мечом ты будешь сражаться лучше,— усмехнулся стражник.— А я говорю — ты можешь вооружиться хоть молниями, это все равно тебе не поможет, когда откроются Врата Смерти!

Тонгор услышал, как вскрикнул стоявший рядом Карм Карвус.

— Врата Смерти?! Сарк хочет, чтобы мы дрались с...?

— Да! — ухмыльнулся отар.— Ты, Карм Карвус, встретишься с Ужасом арены! — Затем он обратился Тонгору: — Это большая честь, валькар, но, вероятно, такой варвар, как ты, этого не оценит. Лишь самые страшные преступники предстают перед Ужасом арены и только в дни Бога Крови Слидита.— И, снова обратившись к Карму Карвусу, он ехидно продолжал:— В счастливый для меня день ты, Карм Карвус, позволил пленнику оскорбить великого сарка. Теперь я отар вместо тебя, а был простым стражником!

Карм Карвус рассмеялся:

— Да, Тол Фомар, со временем ты можешь стать даже даотаром. Не имея знатного происхождения, ты никогда не возбудишь ревности сарка!

Тол Фомар прорычал проклятия и подтолкнул пленных вперед:

— Идите на смерть!

Они вышли через каменные ворота на арену и встали, жмурясь от солнца. Позади них ворота захлопнулись. Карм Карвус, подняв хороший тсаргольский меч, огляделся по сторонам. Арена оказалась овальной, окруженной каменной стеной, по ее верхнему краю протянулись направленные вниз шипы. Выше рядов шипов располагались скамьи, где сидели наряженные тсаргольцы, приветствовавшие появление воинов аплодисментами, улюлюканьем и смехом. Ни тени, ни укрытия, только ровный белый песок, раскаленный тропическим солнцем.

Тонгор, прищурившись от яркого света, посмотрел на зрителей. Прямо напротив находилась царская ложа, где сидели Друганда Тал — сарк Тсаргола, и Красный Великий хранитель. Они явно восстановили дружеские отношения. Прямо под ложей располагались зловещие железные ворота. Они походили на украшенный рогами человеческий череп, но вместо зубов торчали тяжелые железные прутья.

Врата Смерти.

Тонгор расставил ноги пошире и стал ждать. Он думал о том, что за тварь может появиться из этих челюстей смерти; о том, какого зверя мог сарк дать ему в противники, коль он заслуживает прозвища «Ужас арены». За последние несколько дней варвар уже не раз сталкивался с различными лемурийскими хищниками, от летающего ящера до дракона джунглей. Кого скрывают Врата Смерти?

Наверху, в царской ложе, под тенью балдахина, Друганда Тал с нетерпением наклонился вперед. Он разглядывал двух осужденных, появившихся на арене. Предвкушая наслаждение, сарк разглядывал превосходное тело валькара, пожирая глазами гладкую загорелую плоть, которая скоро будет истерзана в кровавые клочья. Это так красиво — алая горячая кровь на белом песке.

— Я по-прежнему считаю, что это ошибка, великий сарк,— донеслись до варвара тихие слова Красного Великого хранителя.— Этого человека надо пытать, и тогда мы узнаем, что он сделал со Звездным камнем.

— Место таких подонков на арене, Ялим Пелорвис! Когда его схватили, камня у него не нашли, и он не выбросил его из окна башни, так как внизу все обыскали. Нет, варвар просто спрятал его. Без сомнения, камень скоро отыщут.

— Но что, если...

— Молчать, я сказал! Я сарк этого города, а не ты, хранитель!

Ялим Пелорвис замолчал, но глаза его горели холодным, жестоким огнем. Хранитель бросил на сарка полный яда взгляд. Друганда Тал встал. В этот раз он был облачен в великолепные шелковые одежды, и диадема Тсаргола вновь сияла на лбу. Он властно поднял руку.

— Выпустить Ужас! — пронзительно крикнул он.

Тонгор напрягся, когда стальные прутья Врат Смерти медленно со скрипом поднялись, открыв темную дыру. И вдруг...

С воплем, от которого стынет кровь, красная молния понеслась через арену прямо на осужденных. Влажная пасть и сверкающие клыки. Глаза цвета желтой серы пылали жаждой крови. Грозный хвост, украшенный шипами, бил по песку.

Тонгор застыл, готовый к бою. Перед ним оказался земадар — самое ужасное чудовище во всей Лемурии. Разъяренный земадар — свирепый убийца: он способен, презирая смерть, кинуться на голодного дракона джунглей и в пылу атаки может обогнать даже скакового зампа.

Но наибольшую опасность представляли три ряда острых, словно бритва, клыков величиной в фут и ядовитая слюна, мгновенно парализующая врага. Алой лавой он несся по песку.

Тонгор бросился в сторону и проехал на животе, едва увернувшись от земадара. Но зверь тут же развернулся и, размахивая шестью огромными лапами, лязгнул пастью над головой варвара. Валькар ударил мечом по горлу чудовища.

Но безрезультатно. Шкуру этой твари не мог пронзить ни один клинок. Валькар отпрыгнул назад, когда двадцатифутовое чудовище вновь бросилось на него, молотя воздух когтистыми лапами и яростно рыча.

Карм Карвус тоже едва успел отпрыгнуть. Он ударил клинком по ребрам страшилища, но и его меч отскочил от толстой шкуры.

Земадар развернулся, ударив хвостом, и сбил с ног Карма. Бывший отар упал лицом на песок. Чудовище обернулось в его сторону, чтобы проглотить добычу.

И тут Тонгор решился. Его поступок — глупый или безмерно храбрый, все зависит от того, как на это посмотреть,— заставил зрителей вскрикнуть от удивления и подняться со своих мест. Сарк, выпучив глаза, нагнулся вперед и едва не выпал из ложи.

Тонгор вскочил зверю на шею.

Сжав могучими ногами основание шеи чудовища, он уцепился за крутую шею. Никто никогда раньше не пытался оседлать земадара, и потому, чувствуя на шее живой вес, зверь обезумел от ярости. Он принялся подпрыгивать на всех шести лапах и дико рычать. Но Тонгор упрямо держался. Потом валькар начал медленно ползти вперед.

— Что этот дурак делает?! — воскликнул сарк, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть хлещущего по арене хвостом земадара и человека у него на шее.

В ответ прозвучал холодный, полный сарказма голос Ялима Пелорвиса:

— Я думаю, он хочет добраться до глаз чудовища. Они единственное уязвимое место на всем теле животного. И варвар, несомненно, знает об этом.

Сарк грубо рассмеялся:

— У него ничего не получится! Никогда!

Ялим Пелорвис натянуто улыбнулся.

— Посмотрим. Но мне кажется, ты потеряешь своего любимца — земадара, о могучий сарк...

Глаза Тонгора щипало от пота, солнце нещадно слепило. Однако северянин карабкался по гибкой, извивающейся шее, двигаясь к голове чудовища, цепляясь ногами за складки кожи и не обращая внимания на старания зверя сбросить его. Наконец он обхватил рукой верхнюю часть шеи и вогнал меч глубоко в глаз земадару. Зверь закричал — казалось, тысячи телег на железных колесах едут по осколкам стекла.

Тонгор глубоко вонзил клинок, пытаясь острием нащупать крошечный мозг земадара. Внизу Карм Карвус приблизился и попытался воткнуть меч в живот чудовища.

Земадар, обезумев от боли, снова отбросил лапой отара и упал на спину, вдавив Тонгора в песок. Громадный вес хищника мог бы расплющить валькара, но песок оказался мягким, так что валькара вдавило в него, как в хорошую перину... Зрители сходили с ума, глядя на эту героическую битву, они надрывали глотки, подбадривая чудовище, сражавшееся под палящим полуденным солнцем.

Земадар с трудом поднялся — варвар, словно гигантская пиявка, висел на его шее — и заковылял к стене. Тонгор, понимая, что медлить нельзя, выдернул меч и погрузил его во второй глаз чудовища.

— Что делает мой любимец? — дрожащим голосом прошептал сарк.

— Он скорее всего попытается сбросив варвара со спины, потеревшись о стену арены,— холодно ответил Великий хранитель.

Так все и произошло. И зверь успел оцарапать левое бедро Тонгора, до того как валькарский меч по самую рукоять погрузился в другой глаз чудовища.

Толпа затаила дыхание. Откашливая кровь, слепой земадар отшатнулся от стены и вновь отступил в центр арены. Тонгор соскочил с его спины и ловко приземлился на ноги.

Медленно поводя окровавленной мордой, пытаясь отыскать врага, земадар поплелся к Вратам Смерти. Тонгор почувствовал, как холодок пробежал по его спине. Горм! Эта тварь еще не сдохла...

Неожиданно из пасти зверя хлынула кровь, он опустился на песок и скорчился в конвульсии. Длинный хвост с шипами несколько раз ударил о песок, подняв белое облако пыли. А затем земадар замер.

Тонгор и Карм Карвус бросились через арену и встали рядом со зверем. Тонгор посмотрел на пораженного сарка.

— Вот так сражается валькар, сарк Тсаргол. Теперь ты увидишь, как он умирает!

И Тонгор метнул свой меч. Парализованная толпа видела, как блестящий клинок завершил свой полет, погрузившись в грудь Друганды Тала — последнего сарка из царского дома Талов.

Сарк поднялся на ноги, схватился за рукоять меча обеими руками и посмотрел на нее, выпучив глаза. Рот его разевался, как у выброшенной на берег рыбы. Струйка крови потекла по жиденькой бородке. Собравшись с силами, сарк вырвал меч из груди. Затем он качнулся, вывалился из царской ложи и упал лицом вниз на песок арены, почти у самых ног Тонгора. Валькар нагнулся, поднял меч и вытер его об одежду мертвого правителя.

В царской ложе осталась только высокая, одетая в алые одежды фигура Ялима Пелорвиса. Великий хранитель медленно склонился, улыбаясь, и поднял диадему Тсаргола, которая упала, когда Друганда Тал вывалился из ложи. Быстрым движением хранитель водрузил диадему на свой бритый череп.

Толпа вдруг взорвалась. Между рядами скамеек, размахивая оружием, побежали стражники. Знать с истеричными воплями

носилась из стороны в сторону. Хранители в красных одеждах пели мрачные псалмы. Вот отряд стражников выбежал на арену.

Тонгор улыбнулся Карму Карвусу.

— Это была лишь разминка, друг! Теперь придется драться с людьми, а не с чудовищами!

Карм Карвус рассмеялся и подбросил меч, вновь поймав его за рукоять.

— Теперь покажем им, что такое настоящий бой, так, варвар?

И вдруг солнце потемнело. Быстрая тень пронеслась по залитому кровью песку. В небе беззвучно проплыл блестящий предмет, с него сбросили веревку с узлами. Конечно, это «Немедис»!

Тонгор вздохнул с облегчением. Значит, колдун все-таки не оставил его! Поскольку Карм Карвус остолбенел, глядя на летучий корабль, Тонгор схватил молодого человека, взвалил себе на плечи и поймал веревку. «Немедис» развернулся и, набирая высоту, поднял обоих воинов с арены. Воздушный корабль пронесся над суетящейся толпой, пролетел над Тсарголом и исчез в полуденном небе.

Глава 8
ЗЕЛЕНЫЕ ПРИВИДЕНИЯ

От восхода и до восхода
Мы мечей из рук не выпускали.
Дрались так, что бурные воды
От крови красными стали.
Наши стрелы солнце затмили,
Мы дрались в воде по колено,
Наши копья Драконов разили,
И кипела багровая пена.

Песнь Диомбара о Последней битве

Беглецы держались за веревку, а летучий корабль набирал высоту. Несколько стрел просвистели мимо, когда валькар и его спутник поднялись на уровень последнего ряда скамей, расположенных вокруг арены. Затем корабль оказался над улицами Тсаргола. По городу очень быстро распространилась весть о смерти сарка и о том, что Великий хранитель провозгласил себя новым сарком. Теперь горожане, не желая власти Красного брат-

ства, вступили в бой с хранителями. Сточные канавы наполнились кровью. Казалось, все забыли о беглецах.

— Что это? — спросил Карм Карвус.

Тонгор, перекрывая свист ветра, прокричал ответ:

— Воздушный корабль. Им управляет друг — могущественный колдун из Куша. Не бойся.

Когда внизу проплыли красные стены Тсаргола, двое беглецов уже взобрались по качающемуся тросу на палубу судна. Они перелезли через низкое ограждение, и Карм Карвус, проведя рукой по лбу, посмотрел на проносящиеся под килем судна леса и поля.

— Он, вероятно, действительно великий маг, если летает без крыльев, словно птица!

Колдун находился в каюте «Немедиса». Тонгор и Карм Карвус присоединились к нему, пройдя по качающейся палубе.

— Слава Пноту, с тобой все в порядке, Тонгор,— облегченно вздохнул Шарат, когда они вошли в каюту.— Как зовут твоего товарища?

— Карм Карвус, из знатного тсаргольского рода, осужденный, как и я, драться на арене. Я не мог оставить его и бежать один.

Колдун кивнул, приветствуя Карма Карвуса.

— Давайте я смажу ваши раны,— предложил он, фиксируя рычаги управления так, чтобы корабль продолжал движение на северо-запад.

Из-под низкой койки колдун вынул колбы с лекарствами. Накладывая примочку на бедро Тонгора, ободранное, когда земадар пытался потереться о стену арены, колдун начал свой рассказ:

— Я не знал, что делать, когда якорь отцепился от окна башни. Пока я разворачивал «Немедис» и возвращался, зазвенели гонги. Храмовый сад наполнился стражниками и хранителями, повсюду запалили факелы. Тогда я увел корабль.

— Я думал — ты оставил меня,— признался Тонгор.

Колдун кивнул, словно признавая право варвара на недоверие, и продолжил:

— Я скрылся и стал ждать возможности тебя спасти. Затем я увидел, как ты и Карм Карвус деретесь на арене, и спустился, чтобы помочь вам бежать. Я благодарю Пнота — Бога Мудрости, за то, что вы выбрались оттуда живыми!

— Благодари лучше Тиандру — Богиню Удачи,— проворчал Тонгор.— У тебя есть на борту что-нибудь съедобное?

* * *

Весь день воздушный корабль летел над Птартой. Тонгор и Карм Карвус отдыхали. Шарат рассказал тсарголийцу о причине похищения Звездного камня и о том, что он и валькар собираются одолеть Королей-Драконов. Тогда принц Карвус решил присоединиться к ним. Теперь, когда он оказался таким же бездомным бродягой, как и Тонгор, он решил, что просто обязан помочь колдуну и варвару в благодарность за спасение.

— К вечеру мы достигнем Патанги, Города Огня. Я уже отделил от Звездного камня небольшой кусок, теперь можно выковать из него клинок — в Вечном Пламени,— произнес Шарат.

— А где это пламя? — понтересовался валькар.

— В подземельях под главным алтарем Ямата — Бога Огня. Я продумал, как проникнуть в город, и если повезет, мы незаметно и без помех выкуем меч. Но надо дождаться темноты.

С наступлением ночи они пролетели высоко над Патангой. Город с красными крышами вырос на берегу залива, между устьями рек Исаар и Саан. Когда в небе сгустилась тьма, летательный аппарат беззвучно спустился и завис над куполом Храма Огня.

— Одному из нас суждено остаться на «Немедисе». Карм Карвус, твое место — здесь,— объявил Шарат.

— Я не привык оставаться в укрытии, когда мои спутники подвергают себя опасности,— возразил принц.

— Я должен выковать меч, а Тонгор постарается избавить меня от помех. Больше нам некого оставить на борту, но воздушный корабль должен быть готов в любой момент поднять нас на борт.

— Хорошо.

Колдун завернулся в черную накидку и укрыл голову капюшоном.

— Мы переберемся на крышу, а ты подними «Немедис» на тысячу футов и жди. Закончив работу, мы подадим тебе сигнал этим зеркальцем,— объяснил колдун, показав Карму Карвусу небольшой блестящий диск.

Дворянин кивнул.

— Идем,— нетерпеливо позвал Тонгор.— Кораблю опасно долго висеть здесь. Его могут заметить с улицы.

Карм Карвус взялся за рычаги управления, и летательный аппарат опустился, коснувшись килем крыши храма: две фигуры, завернутые в накидки, перелезли через ограждение и растворились во тьме. Вот Карм Карвус снова шевельнул рычаги управления, и серебристый воздушный корабль исчез в облаках.

— Сюда. Здесь должен быть ход,— позвал Шарат, ощупывая поверхность купола. Он отыскал потайной люк и откинул крышку. Колдун и его спутник осторожно пролезли в люк, на ощупь отыскивая дорогу.— Эта лестница спиралью уходит вниз. Будь осторожен — мы идем без света!

Шарат и Тонгор, стараясь не шуметь, спустились по темному колодцу.

— Откуда ты знаешь про этот ход? — спросил Тонгор.

— Давным-давно храм был жилищем Зафара, колдуна древних времен. Я прочитал в его записи о системе секретных дверей и потайных лестницах, устроенных в стенах замка. Эта лестница ведет прямо в подземелье, туда, где горит Вечное Пламя.

— Что это за пламя?

— Никто не знает. Желтые хранители, хранители Ямата, называют его Негасимым Пламенем. Возможно, из глубин земли струится поток какого-то неизвестного газа. Огонь горит, не угасая уже бесчисленные века. Культ Ямата считает пламя оракулом, и по его форме хранители предсказывают будущее. Я же полагаю, что это природный феномен.

Внутри стены Храма Огня хитроумные строители проложили множество тайных ходов. Здесь и располагалась лестница, ведущая в подземелье. Через некоторое время незваные гости Патанги достигли последней ступени, и Шарат принялся нащупывать второй люк, а Тонгор, готовый встретить опасность, обнажил огромный валькарский меч.

Послышался щелчок, и люк открылся. Они вышли в коридор, отделанный полированным камнем, на стенах жарко горели факелы из пропитанного маслом дерева.

— Сюда! — шепнул Шарат.

Они прокрались вдоль коридора, держась поближе к стене, чтобы, насколько можно, укрыться в тени. Кругом — ни души. Наконец колдун и Тонгор подошли к огромной медной

двери. По всей поверхности ее были выгравированы символы Ямата.

— Нет стражи? — удивившись, тихо проговорил Тонгор. Шарат пожал плечами. Дверь оказалась не заперта. Колдун толкнул ее, и, заглянув в приоткрывшуюся щель, они увидели огромную пещеру с грубо отесанными стенами. В полу пещеры находился колодец. И из него появлялись и плясали языки жуткого зеленого пламени. Оно отбрасывало кривые, зыбкие тени на стены полутемной пещеры.

— Стой у двери и наблюдай. А я спущусь и сделаю все что нужно,— приказал колдун.

Тонгор кивнул и, прикрыв дверь, занял свое место, а Шарат спустился по каменным ступеням в Пещеру Огня. Сквозь узкую щель варвар внимательно осмотрел коридор. Полное отсутствие стражи одновременно и настораживало, и удивляло его. Безлюдная Алая Башня скрывала ужасных слоргов. Вполне логично предположить, что эта пещера защищена аналогичным образом.

Затем варвар махнул на все рукой. Что бы ни случилось, его крепкий меч или искусство колдуна наверняка справятся с любой опасностью.

Шарат подошел к краю колодца. Из-под накидки он вынул маленький кусочек Звездного камня, молот с таинственными, магическими рунами и длинные клещи. Ухватив клещами кусок магического звездного металла, он поместил его в пляшущие зеленые языки Вечного Пламени Ямата. Газ, породивший загадочный огонь, горел очень жарко — гораздо жарче кузнечного горна. Кусок звездного металла вскоре засветился красным, затем желто-оранжевым. Таинственный материал шипел и потрескивал в зеленых языках пламени.

Неожиданно чуткое ухо дикаря уловило некий звук. Тонгор насторожился. Коридор оставался пустым, но кто-то, тихо шурша, приближался к медной двери.

Тонгор шепотом сообщил об этом Шарату. Бело-желтое сияние охватило уже весь камень.

— Задержи их! — отозвался колдун. Он вынул из пламени светящийся кусок металла и, положив его на окованный железом край колодца, начал ковать клинок, беззвучно произнося какие-то слова.

По коридору шел толстый хранитель в желтом одеянии. Его сопровождала дюжина воинов в шлемах с перьями. Войдут они

в медную дверь или проследуют мимо в какое-нибудь другое помещение? И Тонгор вскоре узнал ответ: все эти люди направлялись в пещеру. Возглавлявший процессию воин вышел вперед, чтобы открыть дверь хранителю. Валькар заколол его одним ударом. Безжизненное тело покатилось по каменным ступеням.

Остальные стражники закричали и выхватили мечи. Тогда северянин распахнул дверь и стал в проходе, ухмыляясь и сжимая в руке окровавленный меч. На варвара бросились двое из охраны хранителя.

Гулко звенела сталь, наполняя зал эхом. Воины хранителей хорошо фехтовали, но Тонгор встречал противника и посильнее. Одного он разоружил ловким движением руки, а потом проткнул ему живот. Несчастный с криком упал, и его тело загородило проход следующему противнику варвара. Второй воин отступил назад, уворачиваясь от падающего тела, и изменение позы привело к ослаблению защиты. Кончик клинка Тонгора мгновенно метнулся вперед и погрузился в грудь охранника хранителя.

В дверь одновременно могли пройти только два человека, и теперь, когда оба воина упали, их место заняли другие, тоже двое. Они рьяно взялись за дело и потеснили Тонгора. За спиной варвар слышал размеренный звон магического молота, придающего бесформенному куску металла форму меча, и продолжал сражаться.

Двое опытных воинов не давали Тонгору оглянуться. Звенела сталь, сверкала в красном свете факелов. Один противник упал с проломленным черепом. Окровавленный меч Тонгора вошел в грудь другого. И тут варвара постигла неудача — ему никак не удавалось освободить клинок, завязший в плотной желтой коже жилета убитого воина. Тонгор замешкался, и следующие два охранника вцепились в него словно охотничьи псы.

Один заломил валькару руки, а другой приставил к сердцу кинжал, но, получив ногой в лицо, отлетел в коридор. Тонгор вырвался, но его окружили. Кулаки варвара работали как кувалды, сминая плоть и круша кости. И все же его скрутили. Теперь, когда валькар оказался беспомощным, на него с рычанием накинулся жирный хранитель,— прежде он не смел и подойти к медной двери.

— Святотатец! Осквернитель! Ты осмелился испачкать священные подземелья человеческой кровью! — шипел он, обнажив неровные зубы.

Тонгор рассмеялся и плюнул хранителю в лицо.

Хранитель побагровел от ярости. Он выдернул огромный меч северянина из груди убитого воина и взмахнул им, целя в живот валькара...

Однако рука его дрогнула... и замерла. Меч со звоном упал на каменный пол. Лицо, прежде багровое от гнева, стало бледным от ужаса. Взгляд хранителя пополз влево и остановился на чем-то за спиной Тонгора.

Воины, вцепившиеся в руки и плечи великана-варвара, закрутили головами, и, как по команде, уставились куда-то в глубину зала. Лица их посерели от страха, пальцы разжались. Дрожа, не решаясь повернуться спинами к неведомому врагу, они начали пятиться туда, откуда пришли.

Позабытый охраной хранителя Тонгор подобрал свой меч, обернулся и увидел... зеленые привидения!

Их было три. Полупрозрачные, как запотевшее стекло, как густой туман, жуткого зеленого цвета. Руки их заканчивались птичьими когтями. Слюнявые клыкастые пасти издевательски улыбались. В черных глазницах черепов мерцали злобные зеленоватые огоньки.

Тонгор почувствовал, как встают дыбом волосы и бегают по телу мурашки. Варвар вспомнил все предания и ночные страхи и попятился, увидев, что привидения подступают. Одно из них, на мерзком черепе которого торчал клок волос, словно приклеенный к голой кости, подпрыгивало, как собака. Второе продвигалось вперед с грацией змеи. Третье, зажав голову под мышкой, ковыляло, переваливаясь из стороны в сторону. На их отвратительных зеленых телах висели обрывки саванов.

Хранитель, жирное лицо которого приобрело цвет творога, изобразил пухлой рукой знак Ямата. Ни это, ни с трудом выдавленное заклинание не остановило зеленых призраков.

Позабыв о достоинстве, хранитель резво развернулся и побежал следом за охранниками, а Тонгор остался с привидениями один на один.

Варвар коснулся губами меча и быстро произнес молитву Отцу Горму. Затем он бросился вперед. Окровавленный клинок со свистом пронесся сквозь привидения. И они смялись, словно

невесомая ткань. Они расплывались и таяли, а валькар, разинув рот, глядел на это.

У двери, улыбаясь, стоял Шарат.

Тонгор облегченно вздохнул.

— Так это было твое творение!

— Я решил, что тебе нужно помочь,— усмехнулся колдун.

Тонгор стер с лица холодный пот.

— Да, нужно... Но зачем пугать меня до смерти?

— Глупые страхи. Обычные порождения нездоровой фантазии... Идем, этот толстопузый хранитель скоро поднимет тревогу. Нам надо поскорее убираться отсюда.

— А меч?

Шарат вынул из-под накидки клинок. Молот с рунами превратил кусок звездного камня в простой длинный меч. Вдоль зазубренного, неровного клинка пробегали голубые искры. Звездный металл, казалось, излучал силу, и воздух вокруг меча дрожал.

— Теперь его надо напитать силой молнии, а сделать это мы можем только на Шаримбе, Горе Грома, в тысяче форнов отсюда. Идем!

Они отправились в обратный путь по извилистому каменному коридору. Тонгор шагал впереди. Он ступал осторожно, словно дикий зверь, напрягая все органы чувств. Тревога наверняка уже поднята! Но не слышно было ни звука — ни криков, ни шума шагов бегущих людей.

Вот они подошли к потайной двери. Как только Шарат протянул руку к незаметному замку, открывающему панель, месть Ямата настигла их. Колдун вскрикнул, сжал горло руками и упал на холодный камень.

Тонгор тоже закачался. Он ухватился за стену и попытался сопротивляться таинственной силе. Его неудержимо клонило ко сну.

Шарат попытался заговорить:

— Газ... ядовитый... не... дыши...

Колдун потерял сознание. Тонгор усилием воли, балансируя на грани сна, начал бороться с готовой поглотить его черной бездной. Хотя перед глазами варвара все двоилось, он попытался отыскать замок, шаря онемевшей рукой по гладкой стене. Легким не хватало воздуха. Сердце вырывалось из груди. Затем, когда силы уже были на исходе, палец коснулся нужного места, и люк распахнулся, сбив Тонгора с ног.

Варвар плашмя рухнул на пол, и от удара из легких вырвался последний воздух. Тонгор инстинктивно сделал вдох и мгновение спустя потерял сознание.

Так валькар стал беспомощным пленником в священных подземельях, посвященных Ямату, под великим Храмом Огня в Патанге.

Глава 9
НА АЛТАРЯХ БОГА ОГНЯ

О, Господин Огня, на алтарях твоих
Вопиют девы, в пламени сгорая.
Пей крепкое вино ты жизни их,
Пей души и тела ты их, не уставая!
Ритуальный гимн, посвященный Ямату

Соомия давно познала страх, но никогда раньше не знала она отчаяния. Дни или недели минули с тех пор, как ее отволокли в подземелье и сковали цепями. Сколько прошло времени — она не знала. Когда желтый хранитель Вапас Птол пожелал взять Соомию в жены, принцесса холодно и гордо отказалась. Это произошло сразу после смерти ее отца, Орвата Чонда, сарка Патанги. Но Вапас Птол не хотел слышать слова отказа, он приходил, предлагал, требовал... Его влияние росло, его просьбы все больше походили на распоряжения.

Наконец, глава хранителей понял, что положение его прочно, и решил взять Соомию силой, в ее же спальне. Принцесса выхватила из прически тонкий кинжал и пригрозила заколоть насильника или убить себя, если он коснется ее хоть пальцем. Вапас Птол ушел, рыча проклятия, а позже явились воины из охраны хранителей и отвели Соомию в тайное подземелье под Храмом Огня. И с тех пор она сидит здесь. Вначале она боялась, что Вапас Птол возьмет ее силой, связанную и беспомощную. Но он больше не приближался к ней. И охрана не проявляла к ней интереса — безразличное молчание было ответом на ее мольбы и приказы.

Теперь принцесса поняла, что желтый хранитель ждет Праздника конца года, когда ужасному Богу Огня преподнесут живую жертву. И этой жертвой, поняла Соомия, станет она сама.

И это произойдет будущей ночью...

* * *

Уже близился рассвет.

Принцесса не могла заснуть всю ночь, и теперь ранним утром, когда она начинала дремать, шарканье сапог и звон снаряжения разбудили ее. По коридору шли стражники.

Лязгнул замок, и железная дверь камеры распахнулась. В камеру втащили двух незнакомцев. Оба находились без сознания, и воины без труда управлялись с их расслабленными телами. Соомия с удивлением наблюдала за тем, как несчастных приковывают к стене напротив двери. Вряд ли они уроженцы Патанги — слишком экзотичен их облик. Наготу загорелого гиганта прикрывала лишь узкая кожаная набедренная повязка наемника, а бородатый старик носил длинную накидку и халат колдуна.

— Кого вы привели в мою камеру? — требовательно спросила Соомия.

Командир охранников криво улыбнулся:

— Жертв, предназначенных на Огненный алтарь вместе с вами, принцесса.!

— Они не патангцы... что они совершили?

Отар пожал плечами:

— Их обнаружили в священной пещере Вечного Пламени. Они осквернили святыню своим присутствием. Когда их застали там, тот, что помоложе, пытался защищаться и убил шестерых, а также оскорбил хранителя. Вапас Птол приказал бросить их на алтарь. Он считает, что они хотели украсть приношения и сокровища, но наши отважные воины им помешали.

Стражники приковали Тонгора и Шарата и вышли.

Варвар вскоре пришел в себя и огляделся по сторонам. Первые впечатления ему понравились. Напротив Тонгора на деревянной скамье сидела стройная девушка и глядела на него во все глаза. На вид ей было лет восемнадцать. Ее черные блестящие волосы волнами струились по спине. Кожа имела цвет мрамора слегка кремового оттенка. Если бы она не двигалась, Тонгор принял бы ее за статую, поскольку черты ее лица и пропорции фигуры сделали бы честь любому изваянию богини. Глаза казались бездонными черными озерами.

Почувствовав взгляд варвара, девушка залилась румянцем, и нежно-кремовые щеки заалели, как ее губы.

— Где мы? — спросил Тонгор.

— В подземельях Вапаса Птола, Великого Хранителя Ямата — Бога Огня,— ответила девушка.

Тонгор подергал цепи. Его запястья были прикованы к стене, так что валькар оказался прижатым к ней спиной. Старый колдун, все еще без сознания от действия наркотического газа, находился в сходном положении. Девушка носила на талии медный обруч, прикрепленный к вделанному в стену кольцу тонкой медной цепью.

Тонгор назвал девушке свое имя.

— Я Соомия — принцесса Патанги,— ответила она.

Варвар удивленно поглядел на девушку.

— Дочь Орвата Чонда, сарка Патанги? Почему же саркайя Патанги прикована к стене в подземелье своего города?

— Потому что не пожелала выйти замуж за Вапаса Птола,— гордо ответила девушка.— Он домогался меня со дня смерти моего отца семь месяцев подряд. Я отказала Великому хранителю. Но власть его в Патанге росла, и теперь он правит городом сам, вместо сарка.

Тонгор грустно кивнул. Жадность и жажда власти хранителей надоели северянину. Если он сумеет выбраться отсюда и закончит работу на колдуна, вероятно, ему стоит заняться прополкой сословия хранителей.

— Сегодня Праздник конца года. Этим вечером нас принесут в жертву Ямату, а Вапас Птол будет созерцать это действо,— сообщила Соомия.

— Будет, что будет,— проворчал Тонгор.— Этот старик — могущественный маг. Он, несомненно, найдет что сказать Вапасу Птолу, так же как и я, если только руки мои будут свободны, и я добуду меч. Но скажи мне, неужели жители Патанги станут спокойно наблюдать за тем, как их законная саркайя погибает на алтаре Ямата?

— Да. Они беспомощны против могущества хранителей. Вапас Птол держит город в стальных объятиях. Люди боятся его колдовства и его жестокости... И он так ловко играет на их предрассудках, используя ужас перед Яматом — лживым богом, которому он поклоняется, что правит единовластно.

— Значит, ни народ, ни знать, ни родня... ни возлюбленный не попытаются освободить тебя?

Девушка снова покраснела и гордо подняла голову:

— Я последняя из рода Чондов. Возлюбленного у меня нет. Я здесь, в подземелье, потому, что не желаю покупать жизнь ценой бесчестья!

Она замолчала, и Тонгор не смог больше вовлечь ее в разговор, поскольку принцесса давала лишь краткие ответы. Бросив попытки завести беседу, варвар устроился поудобнее, насколько это возможно со скованными руками, и заснул. Усталость взяла свое. Валькар проспал несколько часов, выказывая смерти полное презрение.

Когда он снова проснулся, Шарат уже пришел в себя. Старик либо вдохнул большую дозу усыпляющего газа, либо преклонные годы сделали его более уязвимым, поскольку он на несколько часов проспал дольше Тонгора. Сейчас он тихо разговаривал с девушкой.

Тонгор зевнул, потянулся и приветствовал товарища.

— Давайте колдуйте. Сбросьте цепи и дайте мне в руки меч.

Шарат вздохнул:

— Мои руки приковали к стене. Я не могу коснуться амулетов. Придется подождать, пока стражники не освободят меня.

— Когда это произойдет?

— Возможно, в полдень они придут нас кормить.

— Нас не будут кормить,— перебила его Соомия.— Нас должны принести в жертву Ямате. Нам следует поститься до наступления нового года и очиститься для сожжения.

Тонгор выругался:

— Мало того, что они приносят нас в жертву своему мерзкому богу, так еще хотят заморить голодом?

Девушка удивленно посмотрела на варвара и рассмеялась.

— Никогда не слышала, чтобы человек жаловался на пустоту в животе, забыв о приближающейся смерти! — воскликнула она.

— Я — обреченный на смерть узник и ничего не могу поделать с этим. И незачем беспокоиться о том, чего нельзя изменить,— Тонгор пожал плечами.— Но я хочу есть!

— Перестань думать о своем брюхе, лучше подумай о том, как выбраться отсюда,— посоветовал ему Шарат.

— Карм Карвус, наверное, попытается нас спасти,— ответил Тонгор.

Шарат некоторое время обдумывал это заявление, затем с сомнением покачал головой:

— Как он узнает, где нас держат? Он в том же положении, в каком находился я, когда тебя схватили в Алой Башне. И он,

несомненно, примет сходное решение: станет ждать, повиснув над городом.

День тянулся очень медленно.

Наконец вечерние тени начали сгущаться, и час жертвоприношения приблизился. Явились стражи готовые отвести пленных в огромный Храм Огня. Тонгор собирался броситься в бой, как только с него снимут цепи, невзирая на то, что противник превосходил числом, но ему не представилось такой возможности. Перед тем как отцепить варвара от стены, его запястья и кисти стражники заковали в кандалы. А руки Шарата сцепили за спиной, так что маг не мог воспользоваться волшебными перстнями.

Колдун ответил на вопросительный взгляд Тонгора, слегка покачав головой. Валькар глубоко вздохнул.

— Ладно. По крайней мере, умрем в компании друзей,— весело проговорил северянин.

— Ступайте! Пылающие алтари Ямата ждут вас. Наш Бог... нетерпелив.

Пленники, окруженные со всех сторон воинами с обнаженными мечами, вышли из камеры, и их повели по бесконечной каменной лестнице, по коридорам из шлифованного желтого камня... Их путь лежал в огромный Зал Бога.

Сердце храма напоминало гигантскую полусферу. Над головами людей футов на двести поднимался громадный купол, ровную поверхность которого прорезали огромные узкие окна — изобилие цветного стекла в бронзовых переплетах. В дальнем конце круглого зала стоял бронзовый идол в десять раз выше человеческого роста. Ямат. Лысую голову Бога украшали рога, огромная пасть сверкала клыками, а в глазах горели маленькие огоньки. Вытянутые шипастые ладони, лежащие на коленях идола, служили алтарями. Под ними пылали жаровни. Бог Огня предпочитал жареное человеческое мясо, а посему жертв следовало раздеть догола и, приковав цепями к алтарям, приготовить во славу Ямата.

Тонгор сжал зубы, когда стражники повели пленных через просторный зал к идолу.

Варвар, колдун и принцесса прошли между рядами хранителей в желтой одежде, которые пели хвалу мерзкому божеству. Из-за рядов хранителей молча наблюдала за происходящим разодетая знать. С гневом и печалью смотрели аристократы, как их принцесса идет на смерть. Но знать была безоружна, а каждый

хранитель носил длинную саблю. К тому же вдоль стен застыли лучники.

Соомия шагала гордо, высоко подняв голову. Твердо ступая маленькими, обутыми в тапочки ножками, она уверенно направлялась к подножию идола. Мановением руки желтый Великий хранитель остановил шествие. Дородное тело Вапаса Птола окутывало роскошное, украшенное драгоценностями одеяние из желтого бархата, однако красота одежд не могла скрыть ни алчности, горевшей в его холодных глазах, ни хищного носа, ни жесткой складки губ.

— Сделай выбор, прекрасная Соомия,— холодно произнес Великий хранитель.— Что слаще: огненные объятия Ямата или трон Патанги? Подумай хорошенько!

Соомия взглянула в надменное лицо Вапаса Птола и обидно рассмеялась:

— Я лучше тысячу раз умру ужасной смертью, чем приму твое предложение. В моем сердце нет любви. Там лишь презрение, ненависть, отвращение — к тебе, Вапас Птол! Ты не человек, ты ледяной смертоносный огонь.

Холодный взгляд хранителя стал злым. Он подал знак, и хранители повели Соомию к алтарю. Тонгора и Шарата потащили следом за принцессой.

Казалось, Бог сидит, поджав ноги и соединив колени. Бронзовая драпировка набедренной повязки идола выполняла функцию лестницы, ведущей к алтарям-ладоням. Пленников подняли по ступеням, развернули лицом к заполненному залу и приковали к напоминающим шипы столбам.

Жертвы должны стоять на виду у зрителей, пока алтари нагреваются.

Гремели барабаны, ревели трубы, и чудовищное эхо гуляло в сводчатом зале. Великий хранитель взошел на платформу рядом с гигантским коленом идола и начал произносить ритуальный речитатив. Прислужники в желтых набедренных повязках скрылись в люке у подножия лестницы — чтобы докрасна раскалить бронзовые алтари, следовало поворошить топки.

Тонгор, как и его товарищи по несчастью, молча смотрел на зрителей, но огромные мускулы на спине и руках валькара вздулись от напряжения. Тонкий столб проходил сквозь одно звено его кандалов, и варвар прилагал чудовищные усилия, стараясь разорвать цепи.

Хранители запалили жаровни с благовониями, и помещение наполнилось едким пурпурным дымом. Грохали гонги и барабаны. Ряды одетых в желтое фигур приседали и раскачивались в варварском танце.

— Не могу дотянуться до талисманов,— тихо проговорил колдун.— Совершенно не чувствую рук, пальцы — как чужие.

— Мы слишком далеко друг от друга, мне никак не дотянуться, иначе я бы сняла один из перстней, а вы бы сказали мне, что с ним делать,— вздохнула Соомия.

— Крепитесь! — проворчал Тонгор.

Громадные мускулы широких плеч варвара вздулись, перекатываясь, будто бронзовые шары. Северянин прилагал неимоверные усилия, пытаясь разорвать оковы.

Торгор приобрел силу за годы тренировки... размахивая тяжелым валькарским мечом на дюжине войн. Но теперь она нужна была вся — до капли!

Алтари за спиной нагревались. Тонгор ощущал их жар спиной, икрами, затылком... Мускулы вздулись. Капли пота выступили на лбу, и пот потек по рукам.

Тем временем ритуал жертвоприношения достиг кульминации. Три вооруженных странными кинжалами хранителя стали подниматься по ступеням, намереваясь привязать пленников к алтарям, уже раскалившимся докрасна. Вначале служители Бога Огня собрались вокруг Соомии — им не терпелось сорвать одежды с гордой принцессы... Внезапно валькар услышал голос Шарата:

— Тонгор, смотри! Там, на платформе, где стоит Великий хранитель! Твое оружие и Немедийский меч... Они собираются бросить их в пламя Ямата!

Вид знакомого, любимого валькарского меча придал Тонгору сил. Лицо его от натуги налилось кровью.

Ухмыляющийся хранитель взялся за воротник рубашки Соомии и рванул изо всех сил. Одна жемчужно-белая грудь принцессы обнажилась. Соомия глядела в пустоту прямо перед собой — ее черные глаза были широко раскрыты. Лица хранителей раскраснелись от предвкушения. Вот один облизал тонкие губы и протянул руку...

Раздался металлический звон, и звук этот разнесся по всему залу. Уже ослабленное звено наконец сдалось в борьбе с мускулами валькара.

Освободив руки, Тонгор, будто гигантский кот, прыгнул на хранителей. Он оторвал от тела Соомии руки тонкогубого сладострастника, поднял извивающегося и дрыгающего ногами священнослужителя одной рукой за горло, другой за пах и... швырнул его на алтарь! Послышались шипение и потрескивание жарящегося человеческого мяса, и пронзительный вопль наполнил зал.

Тонгор сбросил с платформы оставшихся хранителей, и те рухнули на каменный пол. Потом варвар освободил руки Соомии. Используя железную рукоять ритуального кинжала как рычаг, он разломал звенья цепи и освободил девушку, затем занялся цепями Шарата.

В зале воцарилась всеобщая неразбериха. Храм превратился в обитель безумцев. Хранители и стража бросились вверх по ступеням. На платформе рядом с коленом идола Вапас Птол призывал проклятия Ямата на головы святотатцев, осмелившихся вырваться из огненных объятий.

Тонгор вложил в руки Соомии кинжал и подтолкнул ее к Шарату, чтобы девушка освободила колдуна, пока сам он занимается приближающимися врагами. Подскочив к лестнице, варвар, ударив первого хранителя ногой в лицо, расплющил ему нос. Хранитель повалился на спину, сталкивая с лестницы остальных.

Валькар подхватил саблю, выпавшую из рук поверженного противника, и кинулся на воинов охраны. В хаосе воплей зазвучала его дикая военная песнь. Варвар убил четверых, прежде чем сабля сломалась от удара о стальной шлем. Тогда валькар швырнул рукоять с обломком в лицо противнику и отскочил в сторону. Теперь заработали тяжелые кулаки, круша головы, Тангор,словно ураган, сбрасывал людей с платформы: кого вниз, на камни, кого — через голову, на огненные алтари. Притомившись, варвар схватил одного стражника за щиколотки и принялся крутить его, будто огромную живую дубину, сбив еще десяток человек, а затем метнул обмякшее тело в зал так, что оно свалило с ног десяток хранителей. Тонгор находился в своей стихии — шла битва.

Соомия освободила Шарата, и колдун присоединился к бою. С его рук слетали молнии, поджигая одеяния хранителей и накидки стражников. Теперь лестницу защищал разгневанный колдун, и магическое пламя обращало врагов в пылающие факелы.

Тонгор на мгновение замер на краю идола, а потом... прыгнул. Он, как кот, приземлился на платформе, где сидел, сжавшись, белый от гнева и страха Вапас Птол, побелевший от гнева и страха. С платформы Тонгор забрал еще не законченный Немедийский меч и свой огромный клинок. Осталось еще одно дело — сладкая месть, но не успел варвар развернуться, как Великий хранитель подобрал полы балахона и прыгнул в бурлящую толпу. Валькар громко расхохотался.

Вдруг огромное окно из цветного стекла в куполе лопнуло с оглушительным треском, и ливень острых осколков хлынул на толпу. В зал втиснулся серебристый «Немедис»,и люди — хранители, воины, аристократы — в панике кинулись бежать кто куда. Воздушный корабль спустился к колену идола, туда, где Шарат с развевающейся бородой, швыряя молнии, удерживал лестницу.

Зал быстро очистился от объятой ужасом толпы. Люди всерьез поверили, что на землю сошли разгневанные боги. Шарат помог Соомии подняться на борт летучего корабля. После судно спустились пониже, чтобы подобрать варвара.

Тонгор вскочил на палубу — обнаженный, измазанный кровью гигант со сверкающим мечом. На его потной коже играли отблески огней.

— Карм Карвус! Никогда не подумал бы, что так рад буду нашей встрече! Приветствуй принцессу Соомию, законную саркайю Патанги, и, во имя любви богов, давай скорее уберемся отсюда, пока Шарат не обрушил своими молниями крышу этого «славного» храма! — проревел он.

Варвар кинул волшебный меч Шарату. Пассажиры летучего корабля покрепче ухватились за ограждение, когда Карм Карвус резко задрал нос «Немедиса». Через несколько мгновений они вылетели через разбитое окно и пронеслись над улицами Патанги. Внизу бурлили испуганные толпы.

— Держи курс на северо-запад, Карм Карвус. Надо до рассвета добраться до Горы Грома. Старый год уже кончился и начался новый. Через несколько дней Короли-Драконы вызовут богов Хаоса из темных жилищ за пределами нашей Вселенной,— распорядился Шарат,— и горе Лемурии — они втопчут ее в грязь!

Блестящий «Немедис», своеобразное воплощение надежды на спасение мира, резко поднялся и полетел над крышами и башнями Патанги.

Глава 10
ГОРА ГРОМА

Вот уж Тунгарт по горло в воде
А в руках лишь обломок-клинок
Враг повсюду, Драконы везде,
Тут вонзилось копье ему в бок
Но успел перед смертью поднять
Немедийский он сломаннный меч
И обрушил его на врага,
Снеся вражью голову с плеч.

Песнь Диомбара о Последней битве

Соомия изможденно опустилась на узкую койку. Принцесса была бледна, ее хрупкое тело содрогалось от пережитого страха и усталости. Шарат всучил ей пиалу вина.

Пока они отдыхали, летучий корабль несся по полуночному небу. Патанга осталась далеко за кормой.

— Колдун! — обратился Тонгор к Шарату.— Я бы тоже не отказался от вина да, без сомнения, и Карм Карвус тоже.

Тсарголиец зафиксировал рычаги и обернулся.

— Я боялся, что больше вас не увижу. Не дождавшись условного сигнала, я забеспокоился. Солнце прогнало ночь, моя тревога росла. Я все более уверялся в том, что вас захватили в плен или убили, но продолжал наблюдать. А затем я заметил суматоху во дворе Храма Огня, до меня донесся звук битвы. «Кому, как ни Тонгору, придет в голову затеять драку в храме»,— подумав так, я спустился и влетел в храм.

— Нам повезло, что ты догадался сделать это, Карм Карвус,— улыбнувшись, заметил валькар, отнимая от губ пустой кубок.— А теперь приветствуй нашего царственного гостя, Соомию, законную саркайю Города Огня. Ее трон узурпировал Великий хранитель — впрочем, принцессе повезло больше, чем покойному Друганде Талу.

Карм Карвус поклонился принцессе и вновь обратился к Шарату:

— Вы успели выковать меч?

Колдун кивнул и гордо показал грубый клинок.

— Конечно. Иначе зачем нам лететь на Шаримбу, Гору Грома?

— Какой странный меч! — Казалось, Соомия очнулась от глубокого сна. Она походила на великолепную статую, но глаза ее сияли, выдавая страстную натуру. Подхватывая беседу, принцесса живо спросила: — Так вот за это,— и она ткнула пальцем в клинок,— вас приговорили к сожжению на Алтарях?

Тогда Шарат поведал ей о замысле Королей-Драконов и пока Тонгор обрабатывал и перевязывал свои раны, рассказал немного об их приключениях,

Потом путешественники поели вяленого мяса и сыра из корабельных запасов, и Шарат принялся расспрашивать принцессу:

— Поскольку для вас, принцесса, будет крайне неразумно возвращаться в Патангу, куда вы пожелаете отправиться? Есть ли у дома Чондов друзья в соседних городах-государствах?

— Нет,— грустно пробормотала Соомия.— Позвольте мне сопровождать вас в вашем путешествии. Желтые хранители уничтожили семьи, которые могли бы принять дочь Орвата Чонда.

— Тебе безопаснее вернуться в объятия Ямата — Бога Огня, чем отправиться с нами, принцесса,— проговорил Тонгор.— Нас поджидают неведомые опасности. Нам неизвестно, какие силы выставят против нас последние Драконы. Лишь Горм знает, какие ужасы придумали они за долгие века уединения.

— Я предпочту остаться с хорошими и верными друзьями,— заявила Соомия.

Она твердо стояла на этом. Никакие доводы не могли поколебать принятого ею решения.

Все очень устали и, решив, что Соомия пока останется с ними, начали готовиться ко сну. Единственную койку уступили принцессе Патанги. Остальные растянулись на полу каюты, подстелив накидки. Проспали они несколько часов, а тем временем судно неслось на север.

Под блестящим килем воздушного корабля извилистая река Саан серебристой лентой несла свои воды через леса и поля, миновала стены Катооля и устремилась дальше на север к предгорьям Моммурских гор.

* * *

Наконец Тонгор проснулся. Взявшись за рычаги управления, он поднял воздушный корабль над громадами черных скал. Гран-

диозные горные цепи Моммура находились в самом центре Лемурии. Гигантская каменная стена почти две тысячи форнов в длину тянулась от болот Пашта на западе до равнин синих кочевников на востоке. Пробираясь по этому горному лабиринту, лига за лигой тек великий Саан, неся свои быстрые воды во внутреннее море, Неол-Шендис, где, как утверждал колдун Лемурии, и лежали Драконовы острова.

Едва занялся рассвет, показалась окутанная облаками вершина Шаримбы. Гора Грома была самой высокой горой Лемурии, поднимающейся над остальными горами, словно великан среди карликов. Тонгор разбудил товарищей, и пока все завтракали, летучий корабль преодолевал последние лиги, отделявшие их от Горы Грома.

Шарат велел Тонгору приземлиться где-нибудь недалеко от вершины черной горы.

— Лишь я, вооруженный силой колдовства, могу подняться на вершину,— объяснил колдун.— Когда я призову небесные молнии напитать меч силой, все не защищенные магическим искусством окажутся испепеленными... Вот какую силу я должен призвать.

Перед кораблем возвышался отвесный склон.

Вдруг принцесса воскликнула:

— Смотрите!

Тонгор поглядел туда, куда указывала рука Соомии, и увидел щель в скале и плоскую площадку там, где из-за обвала обрушилась часть скалы. Здесь валькар и посадил «Немедис». Шарат покинул воздушный корабль, и ветер, безраздельно властвующий в безлюдных просторах, радостно накинулся на человека: стал трепать складки халата и седую бороду. В одной руке колдун держал меч из Звездного камня, в другой — небольшой кисет из кожи фотха. В нем лежали магические инструменты. Старик с обнаженным мечом, замерший на фоне расщепленной скалы и неба, по которому стремительно мчались облака, казался окруженным тайной, не принадлежащей остальному человечеству.

— Подождите меня здесь,— приказал Шарат.— Дальше я должен подниматься один. Ни в коем случае не идите следом.

— Что сейчас будет? — спросил Карм Карвус.

— Как только я взберусь на самую вершину горы и призову силы трона Молний, небо потемнеет. Соберутся тучи и скроют солнце. Затем из туч в вершину начнут бить молнии, небо наполнится огнем. И меч станет впитывать молнии, как зелень земли

впитывает солнечный свет. С каждой молнией будет расти сила меча, до тех пор, пока он не переполнится энергией. Сделанный из Звездного камня, выкованный в Вечном Пламени, напитанный силой ветров, он сможет управлять природными стихиями.

— А вода? — решился спросить Карм Карвус.

— Вместо воды он напьется проклятой крови Королей-Драконов,— ответил колдун, повернулся и начал медленно взбираться на Шаримбу. Его спутники смотрели, как худой сгорбленный старик уходит дальше и дальше. Наконец он исчез среди острых обломков скал.

— Колдовство! — сплюнул Тонгор.— Мне нужны лишь хороший меч и сильная рука. Чтобы драться с врагом, другого колдовства не надо!

Соомия поежилась, глядя на окутанную облаком вершину.

— Что случится... когда мы встретим Королей-Драконов с этим мечом? — пробормотала она.

Карм Карвус пожал плечами.

— Не знаю, принцесса. Вероятно, меч извергнет молнии, которыми напитает его Шарат... Скоро узнаем, поскольку через несколько часов настанет время, и чудовища постараются вызвать своих темных богов из неведомых миров, лежащих по другую сторону звезд... за пределами нашей Вселенной!

Тонгор молча наблюдал за тем, как Карм Карвус беседует с девушкой. Стройный и обходительный аристократ и прекрасная принцесса могли говорить как равные... А кто такой Тонгор? Всего лишь грубый варвар! Валькар угрюмо смотрел на хрупкую фигуру... огромную копну черных волос, на кремовую кожу, проглядывающую сквозь разорванную рубашку. Никогда в жизни не видел он такой красивой женщины. Лемурия не видела подобной красавицы со времен легендарной королевы Зандары Прекрасной. Варвар отвел взгляд и, повернувшись спиной к спутникам, принялся разглядывать фантастическое море неровного камня и рваные облака, освещенные багровыми лучами утреннего солнца.

«Ладно! — сказал себе Тонгор.— Такая красота не для такого грубого воина, как я, привыкшего больше обмениваться шутками со смертью, чем перекидываться вежливыми фразами со знатными дамами».

Неожиданно Соомия вскрикнула!

Тонгор мгновенно развернулся, выхватив меч, и окинул взглядом скалы в поисках врага. Пронзительный крик принцессы

заглушил металлический звук, от которого у Тонгора волосы встали дыбом,— гракк!

С неба на воздушный корабль пикировал ужасный крылатый ящер, двойник того, что напал на валькара над Кушем. Извивающееся, покрытое чешуей змеиное тело переливалось всеми тонами желто-коричневого цвета. Перепончатые крылья закрыли небо. Отвратительная морда тянулась к девушке. Соомия со всех ног бросилась в каюту летучего корабля. Загнутый клюв, алчно лязгая, нацелился на девушку. В жестоких глазах ящера горел огонь неутолимого голода.

Карм Карвус с криком выхватил рапиру и бросился на помощь принцессе. Рептилия, хлопая крыльями, зависла в воздухе, все еще пытаясь дотянуться до девушки. Издав боевой клич, Тонгор кинулся вперед. Одним ловким прыжком он подскочил к Карму Карвусу, и они одновременно вонзили клинки в извивающееся тело. Но острая сталь не смогла пробить толстую шкуру твари, клинки отскочили от роговых пластин, не причинив вреда крылатому хищнику.

Соомия снова вскрикнула. У нее подвернулась нога, и девушка беспомощно упала перед самым клювом чудовища.

Тогда Тонгор заслонил принцессу от крылатой твари. Ухватившись за рукоять меча обеими руками, он взмахнул тяжелым клинком, собрав все силы своих железных мускулов. Меч ударил по грозному клюву, уже готовому сомкнуться, и отмел его в сторону. Ящер оглушительно закричал. Тонгор снова размахнулся и отсек кусок кожи с синей щетиной над глазом чудовища. К валькару подбежал Карм Карвус.

— Оттащи принцессу в каюту! — приказал Тонгор.

— И оставить тебя!..

— Делай, что сказано... и побыстрее!

Сражаясь с крылатой рептилией, Тонгор краем глаза заметил, что Карм Карвус подхватил на руки и отнес девушку в рубку «Немедиса».

Схватка продолжалась.

Гракк был настоящим гигантом — размером с воздушный корабль. Его голова с клювом высотой превышали рост Тонгора, а огромные мускулистые лапы могли бы мгновенно разорвать варвара в клочья. Но великан-северянин, спрыгнув на скальную площадку, продолжал уворачиваться от шипящего клюва, нанося по нему удары мечом. Ни на мгновение он не останавли-

вался на месте. Он ревел и кричал, отвлекая чудовище от «Немедиса» и его хрупких пассажиров.

Перепончатые крылья гудели в воздухе, будто паруса, и ветер, поднятый ими, сбивал Тонгора с ног. Могучими ударами варвар пытался разрубить бронированную шею или проткнуть пылающие злобой пунцовые глаза чудовища. Но твердая чешуя сопротивлялась ударам, будто гранитная скала. Тонгор понимал, что его поражение — лишь дело времени, что рано или поздно под ногу подвернется камень, он упадет... или просто не сумеет увернуться от мерзкого клюва и окажется в смертоносных тисках.

Неожиданно когтистая лапа схватила варвара и придавила к земле. Когти, величиной с саблю, впились в кожаные ремни воина. Тонгор, падая, ударился затылком, и погрузился во тьму.

В каюте летучего корабля принцесса сдавленно вскрикнула, когда Тонгор упал. Затаив дыхание, наблюдала она за летающим ящером, который, размахивая крыльями, завис над беспомощным человеком. Карм Карвус, стоящий рядом с девушкой, выругался.

— Оставайся здесь, принцесса!

Воин спрыгнул с палубы, чтобы попытаться помочь другу или отомстить за него. Но прежде чем он успел подбежать к Тонгору, лапа ящера сомкнулась на поясе варвара, и крылатое чудовище медленно поднялось в воздух, унося с собой валькара, который так и не пришел в себя.

Карм Карвус, не в силах что-либо предпринять, стоял внизу и глядел, как поднимается летающий ящер; глядел, понимая, что в любое мгновение может увидеть, как его друг падает вниз на камни... или как его пожирает ненасытный гракк. Задержавшись на несколько мгновений, гракк изогнул длинную шею и понюхал обмякшее тело.

Сидя в каюте «Немедиса», Соомия прижала ладони к груди. Ее сердце бешено колотилось. Затаив дыхание, следила она, как храброго воина, спасшего ее от смерти, уносит крылатая бестия.

Мгновение спустя летающий ящер, явно удовлетворенный тем, что его добыча беспомощна или мертва, круто взмыл в воздух. Хищник сделал круг над «Немедисом» и полетел над скалами в восточном направлении. Постепенно гракк исчез из виду, словно растворился в небе.

Карм Карвус медленно вложил рапиру в ножны. Нагнувшись, он подобрал меч Тонгора. Так, с мечом в руках, понурив голову, вернулся Карм Карвус на корабль.

— Мы не можем полететь за гракком на воздушном корабле? — спросила Соомия.

— Что толку, принцесса? Сумеем ли мы одолеть летающего ящера, даже если найдем его? Если мы вступим в бой, гракк, чтобы освободить лапы, может бросить Тонгора. Тогда варвар разобьется.

Соомия молча опустила голову, признавая разумность доводов Карма Карвуса.

— Мы бессильны, принцесса,— грустно произнес тсарголиец.— Если бы здесь был Шарат, возможно, его колдовство спасло бы нашего друга, но он на вершине горы, а это место запретно для нас. Не сомневаюсь, что Тонгор уже мертв. Гракк скорее всего раздавил его. Давай признаем, что валькар мертв, и смиримся с этим.

Карм Карвус замолчал и положил большой валькарский меч на койку. Даже на арене, глядя в зияющую пасть смерти, не чувствовал он большего горя, чем сейчас. Он вынужден был беспомощно стоять и смотреть, как его друга, быть может, уже мертвого, уносят в облачное небо Лемурии...

А тем временем небеса над горой потемнели, загремели барабаны грома. Шарат начал заряжать волшебный меч. Однако, казалось, ни Соомия, ни Карм Карвус не замечают происходящего. Они горевали о Тонгоре.

Глава 11
КОРОЛИ-ДРАКОНЫ

Гибли братья его один за другим,
Он тогда к небесам обратился благим,
Чтобы Света владыку на помощь призвать
Тут же по небу гром прокатился
На проклятых Драконов несметную рать
Дождь из огненных молний пролился
И отправились полчища лютых врагов
В ненасытное пламя адских костров.

Песнь Диомбара о Последней битве

Обжигающие объятия ледяного ветра быстро привели Тонгора в чувство. Когда варвар сумел открыть глаза, то увидел под

собой пропасть с отвесными стенами из черного камня. До дна ее было более двух тысячах локтей. Ветер как хотел трепал длинные густые волосы варвара, и это мешало смотреть. В какое-то мгновение Тонгор даже решил, что умер, и теперь Воинственные девы уносят его дух в Чертог героев.

Но затем понял, что все еще жив. Из ссадины на голове текла теплая кровь. Невообразимо болела поясница — словно ее сжимали в гигантских тисках. Вывернув шею и оглядевшись, валькар понял всю сложность своего положения, и его сердце дрогнуло от страха.

За пояс северянина держала огромная лапа гракка. Могучие крылья рептилии несли варвара высоко над Моммурскими горами. Меч его куда-то подевался. Тонгор был совершенно безоружен. Если крылатый ящер разожмет лапу, валькар полетит вниз с высоты в две тысячи локтей и превратится в кровавую кляксу на черных камнях. Никогда за всю долгую, полную приключениями жизни Тонгор не чувствовал себя так одиноко... так беспомощно.

Его, однако, успокаивали соображения о том, что принцесса в безопасности, а битва против Королей-Драконов продолжится, даже без его участия.

Поскольку Тонгор абсолютно ничего не мог сделать, он решил пока спокойно висеть в лапе гракка. К чему тратить силы в безнадежной борьбе? Лучше подождать, пока обстоятельства сами не предложат выхода из создавшейся ситуации.

Тонгору казалось, что гракк летит уже несколько часов. Болтаясь в лапах чудовища, варвар не мог разглядеть, на какой высоте солнце относительно горизонта, но, похоже было, что оно почти в зените. Далеко за полдень крылатый ящер замедлил полет и завис над горной цепью. Затем, медленно кружа по спирали, он начал снижаться.

Из дымки появилась острая, как игла, вершина скалы. Ящер полетел к ней, завис на мгновение, размахивая огромными крыльями, и... выпустил Тонгора.

Валькар начал беспомощно падать, мир бешено закрутился, в ушах пел ветер — и вот неожиданно все закончилось. Варвар грохнулся на толстый слой чего-то, захрустевшего под его весом. Оглушенный, Тонгор какое-то время лежал, не решаясь шевельнуться, чтобы не сорваться вниз. Кости, кажется, целы. Черный силуэт ящера над головой валькара вначале отодвинул-

ся влево, а потом начал набирать высоту, двигаясь по спирали, и вскоре потерялся из виду.

Тонгор лежал в мелком углублении, наполненном сухими ветками и жесткими листьями. Они зашуршали, когда варвар сел. Кругом было лишь небо — рваная дымка, которую, завывая, гнал ветер. Вдали маячили горные пики. Валькар подполз к краю подушки из веток и посмотрел вниз. Отвесная стена простиралась насколько хватало глаз.

Северянин обернулся, чтобы посмотреть, так ли обстоят дела с другой стороны... и обнаружил новых врагов.

Три змееобразных маленьких чудовища, лишь немногим ниже Тонгора, глядели на него с расстояния в десяток локтей. Их мерзкие тела покрывала мелкая красная и желтая чешуя, а на спине торчали странные выросты. У тварей были загнутые книзу клювы и по четыре когтистые лапы.

Тонгор мгновенно оценил положение. Гигантский гракк отпустил человека лишь затем, чтобы ввергнуть его в еще худший кошмар. Валькар находился в гнезде гракков! Подушку из переплетенных ветвей и листьев сплела нежная мамаша, а три чешуйчатых твари — ее детки. Значит, он, Тонгор — обед! Рептилии пока еще не набросились на валькара, вероятно, лишь потому, что не привыкли к живой пище. Но вот одно маленькое чудовище заковыляло к варвару, щелкая клювом и шипя, словно кипящий котел.

Тонгор привычно хлопнул ладонью по бедру и выругался — меч остался на склоне Шаримбы. Тогда валькар быстро огляделся, ища взглядом какое-нибудь оружие. Прямо под ногами валялась длинная белая кость с зазубринами от клюва и острым обломанным концом. Валькар схватил ее и приготовился встретить маленького гракка.

Тварь алчно лязгнула клювом, но Тонгор кулаком отбил в сторону ее морду и вогнал острую кость в змеиную шею. Чешуйчатая броня детеныша еще не окрепла, но все же обладала достаточной прочностью, так что заостренная кость лишь оставила глубокую царапину на шее твари. Из раны полилась густая зловонная жидкость.

Но вот когти чудовища дотянулись до Тонгора. Ящер, навалившись всем телом, придавил человека и вытянул клюв, чтобы вырвать горло валькару. Северянин прикрыл голову и горло. Скрестив руки, он сгруппировался и, ударив обеими ногами,

выбросил гракка из гнезда. Ящер попытался уцепиться когтями за край гнезда, пронзительно завопил и исчез в бездне.

Две оставшиеся твари заволновались и, шипя, устремились к варвару. Тонгор вогнал кость прямо в пасть одному и пригнулся, увернувшись от клюва другого, потеряв на этом лишь клок волос. Переведя дыхание, валькар принялся дубасить кулаками в грудь первого детеныша. Ящер яростно сопротивлялся, царапая живот и грудь варвара. Острые когти оставляли на бронзовом теле красные полосы. Но вот чудовище захрипело и повалилось, бешено колотя хвостом. Острая кость прошла сквозь крошечный мозг гракка. Тело ящера оказалось парализовано.

Однако праздновать победу было рано — на варвара накинулась третья тварь. Неуклюже подпрыгнув, она повалила северянина и попыталась подмять под себя.

Тонгору удалось подняться на ноги, оттеснив гракка мощными ударами. Затем он обхватил могучими руками шею маленького ящера так, чтобы до него не дотянулся щелкающий клюв. Мускулы вздулись на широких плечах воина, словно гигантские змеи. Гракк бешено сопротивлялся, выкручивая длинную шею, но руки валькара медленно, неумолимо, все сильнее и сильнее сжимали горло чудовища. Передние лапы твари с острыми как бритва когтями терзали тело от пупа до бедер. Тонгор скрипел зубами, стараясь вынести боль.

Гракк сопротивлялся все более вяло. Красные глаза стали стекленеть. Из разинутого клюва потекла вязкая кровавая пена. Задействовав каждую крупицу силы могучих плеч и спины, Тонгор выдавил жизнь из твари и отбросил в сторону еще подергивающееся тело.

Валькар стоял, ловя ртом воздух, стараясь восстановить дыхание и не обращая внимания на кровь, стекающую из порезов на груди и животе.

Переведя дух, Тонгор обшарил гнездо в поисках выхода, но, увы, спуска нигде не было. Вниз круто уходили отвесные черные каменные стены, сырые из-за висящего в воздухе тумана.

Тонгор оказался на острие чудовищной иглы. Разве что...

С восточной стороны гнезда был отколот большой кусок скалы. На каменной стене образовался узкий карниз... в тридцати локтях ниже гнезда. Тонгор оглядел скалу между гнездом и уступом. Гладкая, как стекло. Просто безумие пытаться слезть. Да и спрыгнуть невозможно, так как уступ шириной всего лишь в локоть.

Если он промахнется там, на глубине в две тысячи локтей, из него получится желе. И все же оставаться в гнезде значило умереть. К ночи, а возможно, и гораздо раньше возвратится мамаша.

* * *

Летучий корабль парил над Моммурскими горами. В каюте собрались Шарат, Карм Карвус и принцесса Соомия. Они напряженно вглядывались в проносящуюся внизу местность.

Они взлетели, как только колдун спустился с Горы Грома и принес волшебный меч. Теперь оружие лежало на коленях Шарата. Голубой как лед клинок дрожал от сокрытой в нем силы. Казалось, в металле Звездного камня гудят электрические молнии, а вокруг острия то возникал, то исчезал едва заметный нимб искр. Меч был готов к бою.

Шарата поразила и крайне огорчила ужасная судьба, постигшая Тонгора. Но времени на безнадежные поиски великана-варвара не было. До рокового часа оставалось совсем немного времени. Солнце уже клонилось к западу. И что пользы искать погибшего друга? Его изуродованное тело или его обглоданные кости лежат где-нибудь на дне ущелья... Надо спешить!

Под кораблем проплывали Моммурские горы. Благодаря улучшению, внесенному колдуном в первоначальный проект, пружины могли работать не переставая. Не нужно было тратить время и труд на то, чтобы их завести. Пропеллеры врезались лопастями в разреженный холодный воздух, толкая «Немедис» вперед. Острый нос корабля смотрел на восток, туда, где небо постепенно темнело.

Но вот огромные горы расступились, и показалась серебристая лента Саана — величайшей реки Лемурии, пробиравшейся по глубоким черным ущельям. Впереди, у горизонта, сверкало внутреннее море. Со всех сторон окруженное горами, с крутыми берегами из гладкого твердого камня море Неол-Шендис целые века оставалось сокрыто от глаз людей. Какие тайны, какие опасности скрывали эти окутанные дымкой берега?

Путешественники поели и решили передохнуть перед решающей битвой. Соомия сидела на койке, повернувшись к лобовому иллюминатору. Перед ее взором проносились картины... видения из прошлого. Она вспоминала лицо Тонгора, его улыбку, его боевой оскал, слышала оглушительный боевой клич, прозвучавший, когда валькар бился с воинами Патанги на бронзо-

вых коленях Бога Огня; видела, как описывает в воздухе блестящую дугу громадный меч, рассекая тела хранителей, и как кровь орошает дорогую ткань. Она вспоминала могучую грудь, мощные руки и плечи, длинные быстрые ноги варвара. Трудно поверить, что погиб воин с такой нечеловеческой жизненной силой, такой неистощимой энергией.

— Тонгор...— Когда Соомия шептала это имя, она вновь ощущала странное, незнакомое волнение.

Теперь под ними простирались серые пляжи моря Неол-Шендис. Холодные темные волны омывали безлюдные пески. Ни одна морская птица не кричала над дикими берегами. Ни одной мелкой ползучей тварюшки не было видно в жирной прибрежной пене, остающейся на песке в ожидании тяжелой темной волны.

Летучий корабль приближался к островам Драконов, закатное солнце окрашивало угрюмый пейзаж в жуткие винно- и багрово-красные тона. Всего островов было четыре — мрачные груды черных камней, поднимающиеся из бурлящих волн. Вершину самого большого острова венчал фантастический замок черного обсидиана. Густой туман обволакивал его, словно старинное одеяние — великана.

Пропеллеры остановились. Воздушный корабль начал медленно снижаться, скользя сквозь туман, будто призрак. Вскоре он опустился на выступ сырой скалы. Путешественники выбрались из корабля и надежно пришвартовали судно. По гребню узкого перещейка перешли они на главный остров и, укрытые туманом, растворились в тени стен черного замка.

Соомия, ослепленная брызгами и оглушенная рокотом прибоя, осторожно пробиралась вперед, цепляясь за мокрые камни. Когда она оступилась и упала, Карм Карвус помог ей подняться.

— Нам надо соблюдать тишину,— предупредил Шарат, почти неразличимый в густом тумане — серый на сером.

Карм Карвус и Соомия следовали за колдуном вдоль высокой черной стены. Замок был выстроен из грубо высеченных громадных — высотой больше человеческого роста — кубов черного обсидиана. Вся циклопическая постройка казалась очень странной, будто все углы и изгибы размечены согласно геометрии иного мира — жуткая архитектура, крайне неприятная на вид. В десятке локтей ниже того уступа, по которому пробирались люди, бушевал прибой. Ледяные брызги пропитали одежду, охладили решимость, вселили страх...

Вскоре Шарат подошел к огромным воротам, обращенным к пустынной пристани. Створки оказались незапертыми. Охраны нет. Нет ни одного живого существа. Шарат вынул из-под халата волшебный меч, позвал спутников и устремился в зияющую пасть портала. Клинок сиял сквозь туман...

И мир словно взбесился!

Туман неожиданно взвился, вскипел, сгустился, и из него возникли чудовищные темные фигуры. Карм Карвус выхватил рапиру. Шарат поднял сияющий голубой меч, но из клубящегося тумана вынырнула черная уродливая тварь с горящими зеленым холодным огнем глазами. Лоснящаяся черная рука схватила запястье Шарата и сжала со всесокрушающей силой.

Меч пал, описав ослепительную дугу. Разбрызгивая голубые искры, он, кувыркаясь, полетел вниз и скрылся в грохочущих волнах. Так волшебный клинок исчез среди кипящего хаоса черной воды и белой пены.

Шарат, не в силах разорвать железный захват, жалобно взвыл тонким голосом, поднял другую руку, и магические перстни вспыхнули огнем... но неведомая сила ударила его, и колдун упал, потеряв сознание.

Карм Карвус бросился вперед, нацелив рапиру на жуткие черные фигуры, все еще по большей части скрытые мечущимся туманом. Один из призраков поднял руку и, соскользнувшая с нее белая искра спалила рапиру. Карм Карвус задрожал и без сознания рухнул на влажный камень.

Громадная черная рука, семипалая, с чешуйчатой узорной кожей, стиснула хрупкое плечо Соомии.

И тогда зазвучал голос. Исходил он из уст твари, поразившей Шарата. В жутких шипящих звуках слышалось явное злорадство:

— Как глупо полагать, что защитные чары не известят нас о приближении летающего судна! Эти люди будут принесены в жертву на Великом алтаре в час, когда выстроятся звезды,— их кровь увеличит силу Повелителей Хаоса, которым нужна жизненная энергия для перехода по внепространственным коридорам. Заключите их в темницу, пока не пришел назначенный час, и заберите у старого знахаря магические талисманы.

Холодный шипящий голос стих. Темные грузные фигуры выступили из тумана. Но прежде чем Соомия успела подробно разглядеть чудовищ, ее разум не выдержал, и принцесса потеряла сознание.

Глава 12
ПОВЕЛИТЕЛИ ХАОСА

Властители Хаоса страшную смерть
Несут сыновьям людей.
Открыты Врата, и их запереть
Способен лишь меч мечей —
Добиться победы полной
Поможет лишь меч из молний.

Алая Эдда

Единственный способ оказаться на земле — это... спускаться!

Тонгор отошел от края гнезда гракков и занялся малоприятной работой: начал сдирать кожу с детенышей ящеров. Из нее можно сделать веревку и с ее помощью добраться до узкого карниза.

Утомительная, грязная, трудная работа. Не имея ни меча, ни кинжала, Тонгор полагался только на силу рук и на помощь острых обломков костей. Варвар затупил множество осколков, но в гнезде гракков кости копились сотни лет. Еще валькар пожалел, что потерял черную накидку,— как легко было бы разорвать ее на полоски! Но бесполезно горевать о том, чего не вернуть.

Северянин сдирал шкуру длинными лентами, останавливаясь время от времени, чтобы отколоть новую кость вместо затупившейся. Свежая шкура ужасно воняла, скользкая зеленая кровь липла к телу, но Тонгор стиснул зубы и, несмотря на вонь и грязь, продолжал работать.

Сняв с трупов кожу, Тонгор переплел и связал вместе длинные ленты. Проверив конструкцию на прочность варвар обвязал выступающий камень, перелез через край и начал спускаться вдоль отвесной скалы. Болтаясь над пропастью глубиной в сотни локтей, валькар, не позволяя страху овладеть им, думал лишь о том, как удобней взяться за веревку.

Сырые кожаные ремни норовили выскользнуть из пальцев, ссадины болели, то и дело налетающий ветер раскачивал Тонгора из стороны в сторону, но варвар медленно и упорно лез вниз, пока его ноги не коснулись карниза. Каменная полка имела лишь несколько пальцев в ширину. Валькар посмотрел в обе стороны: карниз шел влево и вправо, и нельзя было угадать, где легче спуститься. Так что Тонгор выбрал направление на-

угад и принялся пробираться по карнизу, по-прежнему держась за веревку.

Вскоре веревку пришлось оставить. Уступ стал шире. Тонгор без сожаления отпустил скользкие ленты, уцепился расставленными руками за отвесную стену и пошел дальше. Карниз стал шире, затем круто пошел вниз.

Тонгор начал спускаться, локоть за локтем. Ему помогли навыки далекого детства, которое прошло на гористом побережье холодного северного моря. Там, где любой земледелец споткнулся бы, потерял равновесие и, возможно, упал, валькар даже не покачнулся: он не боялся высоты и умел выискивать малейшие неровности, за которые можно уцепиться.

Тонгор ощутил усталость, но он спустился лишь на двести локтей. Однако самая трудная часть пути осталась позади. Дальше варвар мог идти быстро и уверенно, выпрямившись в полный рост.

Густой туман почти не пропускал солнечных лучей, но, если судить по положению солнца, когда валькар в последний раз видел его, приближался вечер. А это значило, что еще немного — и настанет заветное время, впрочем, Тонгор не имел ни малейшего представления о том, как он может повлиять на грядущие события. Варвар не знал ни где находится, ни куда надо идти.

Когда ветер на мгновение разогнал пелену тумана, Тонгор заметил черный, укутанный облаками пик Шаримбы. Гора высилась на самом горизонте, за много сотен форнов от того места, где находился валькар. Неутомимые крылья гракка сослужили плохую службу. Гора Грома находилась к западу от Тонгора, а это означало, что острова Драконов лежали где-то на востоке. Северянин повернул на восток и пошел дальше. Наверняка колдовской меч был давно готов, и его товарищи, вероятно, уже отправились на битву с Королями-Драконами, решив, что варвар погиб.

Весь вечер Тонгор быстро шел по плато, и, когда свет начал тускнеть, он отыскал легкий путь и спустился в долину Саана. Теперь варвар широкими шагами двигался по каменистому берегу реки. Трижды он останавливался, когда силы его были на исходе, купался в холодной быстрой воде, пил вволю и тратил несколько драгоценных мгновений на отдых, прежде чем продолжить путешествие. Тонгор знал лишь одно: Саан впадает во внутреннее море, поэтому он и шел вдоль реки.

Варвар ловко спускался по каменной осыпи, и вдруг душераздирающее шипение заставило его присесть. Из пенящейся

воды поднялась лоснящаяся голова рептилии с разинутой зубастой пастью. На валькара уставились красные злобные глаза.

Варвар привычным движением схватился за бедро, но там висели только пустые ножны. Ах... чего бы он только ни отдал за меч! Но здесь на пустынном берегу лежали только камни — либо такие, что не поднять, либо слишком маленькие, чтобы причинить вред речному чудовищу. Хищная тварь поднялась из бурлящей воды. Со змеиной шеи чудовища текли ручьи. Передние лапы рептилии оперлись на берег, и она начала выползать на землю.

Тонгор побежал.

Может быть, водяная тварь не умеет быстро бегать и не догонит его. Но нет, чудовище обладало огромными задними ногами, как у огромной гончей. Тонгор не знал, как называется эта рептилия с зеленой чешуей и желтым хребтом... какой-то безымянный обитатель горных рек... хищный и голодный обитатель.

Чудовище преследовало варвара целый форн, постепенно приближаясь. Размеры вынуждали хищника двигаться по узкому каменистому берегу очень осторожно. А варвар мчался не разбирая дороги... Однако вскоре чудовище настигло свою жертву — это случилось возле неожиданно открывшегося входа в пещеру.

Рептилия изготовилась к атаке: вслед за тупой клиновидной башкой к варвару потянулись передние когтистые лапы. Тонгор прижался спиной к гладкой скале, ухватился за нее двумя руками и изо всех сил отпихнул чудовище ногами. Он попал пятками прямо в грудь рептилии... из-за огромного веса ящер заскользил и начал съезжать по осыпающимся камням. Шипя от ярости, чудовище упало в реку с громким всплеском. Валькар развернулся и бросился в пещеру. Он мгновенно потерялся в кромешной тьме, но все же, спотыкаясь, продолжил бежать вперед. Тонгор не знал, какая тварь может оспорить право обладания пещерой, но вряд ли неведомый обитатель хуже речного чудовища.

Пещера круто уходила в глубь скалы. Некоторое время Тонгор все еще слышал за спиной грохот. Речное чудовище какое-то время преследовало его, натыкаясь на сталагмиты и завывая от ярости и досады, но вскоре все затихло. Тварь, без сомнения, ждала, когда он вернется, так что Тонгор просто побрел дальше в темноту.

Постепенно пол пещеры начал подниматься. Начался долгий, медленный подъем. «Вероятно, уже настала ночь»,— нахмурившись, подумал варвар. Роковая ночь. Возможно, каждый шаг уводил Тонгора все дальше и дальше от цели. Но выбора не было.

Пещера закончилась неожиданно, варвар едва не вывалился наружу, в последний перед падением момент вцепившись в края расщелины. Он стоял над пропастью. Ниже, в двадцати локтях от его стоп громадные волны разбивались о каменные клыки черных скал. Море!..

Выбравшись из пещеры на более-менее ровное место, Тонгор осмотрелся и испытал чувство узнавания. Он находился не на берегу, а на крутой черной скале посредине внутреннего моря! Вокруг простиралась серая водная гладь, а над головой раскинулось затянутое облаками небо. Вдалеке варвар разглядел теряющуюся в темноте мутную полоску берега.

Пещера провела путника под морским дном и вышла на поверхность на островке. Варвар стоял на вершине небольшой груды камней и глазел по сторонам. Холодный, сырой ветер обдувал его утомленное тело. Тонгор попал на один из островов Драконов. Сомнений нет. Слева, всего в нескольких сотнях локтей, поднимался из воды большой остров, черную вершину которого венчал фантастический замок из грубого черного камня. Видно, сами боги направляли Тонгора.

Валькар спустился к воде и задержался, прежде чем нырнуть. Он собирался перебраться вплавь на другой остров. Брызги ослепили варвара и окатили грудь. Вдруг к потрясению, вызванному прикосновением ледяной воды, попавшей на его усталое тело, прибавилось еще одно — Тонгор поглядел в беснующуюся воду.

Меч.

Тусклые блики играли на клинке. Он лежал неглубоко под водой — застрял между камней. И варвару страстно захотелось вновь привычно сомкнуть пальцы на рукояти меча. Тонгор нырнул, подхватил меч и снова вылез на торчащий над водой камень и сел на корточки у входа в пещеру, чтобы осмотреть свою находку. Света почти не было — уже несколько часов как настала ночь. Но даже в слабом свете звезд он не мог не узнать необычный зазубренный клинок, мерцающий силой. Немедийский меч!

— Горм! — выругался Тонгор.

Варвар понял, что его товарищи либо схвачены... либо убиты. Только смерть могла заставить Шарата оставить магический клинок, ради создания которого они потратили столько времени и подверглись стольким опасностям. Лицо валькара сделалось суровым, взгляд похолодел. Если Шарата схватили, что стало с Кармом Карвусом? Что стало с... Соомией?

Он поглядел на мрачный, черный замок, башни и стены которого обволакивал туман. Замок находился совсем рядом, на острове, отделенном холодным бурлящим проливом.

Где-то внутри этих темных стен находились его спутники — либо беспомощными пленниками, либо их холодные тела. Ледяной огонь вспыхнул в золотистых глазах валькара, зубы оскалились в злобной ухмылке. Тонгор вложил меч в пустые ножны и нырнул со скалы в черную ледяную воду.

Если он опоздал спасти своих спутников, то по крайней мере отомстит за них. Меч будет использован по назначению в роковой час, и неважно кто — люди, чудовища или сами Повелители Хаоса — станут на его пути!

* * *

Шарат, Карм Карвус и принцесса пролежали несколько часов в сырой, зловонной и темной каменной камере. Разговаривали они мало, да и что скажешь в такой ситуации. У Шарата отняли все амулеты и колдовские приспособления. Медленно шли часы, и равнодушные звезды постепенно занимали предназначенные им места. Множество раз мысли Соомии возвращались к Тонгору, которого она считала убитым. Принцесса не могла подыскать имени тому странному чувству, которое возникало у нее всякий раз, когда она думала о храбром воине-валькаре, спасшем ее от ужасной смерти.

Карм Карвус и Шарат вяло беседовали.

— Что они с нами сделают?

— То, что сказал главный Король-Дракон... Они положат нас на черные каменные алтари, посвященные трем мрачным богам, и там мы умрем... а наша жизненная энергия напитает и увеличит силы Повелителей Хаоса.

— Жестокая смерть. Другого и не следовало ожидать,— вздохнул Карм Карвус.— Эх, если бы у меня был меч! Или Тонгор оказался тут. Мы сражались бы вместе, спина к спине, и показали бы Драконам, как должны умирать люди — с оружием, глядя смерти в лицо, а не словно недвижные безропотные твари на каменном столе мясника.

— Да, грустно,— согласился Шарат.— Или если бы у меня остался... хотя бы один талисман! Но Шшшааа, повелитель Драконов, все у меня отнял.

— Шшшааа? Это та тварь, что схватила тебя и заставила бросить меч?

— Шшшааа — их повелитель, он носит титул Великого Хранителя. Нынешние хранители, сами того не зная, во многом копируют этих отвратительных тварей... Однако вернемся к Шшшааа. Когда Черный замок пал перед сынами Немедии тысячи лет назад, именно он привел Драконов сюда.

Ночь перевалила за середину, приближалось время жертвоприношения. Пленники попрощались друг с другом спокойно, сохраняя достоинство.

Неожиданно огромная дверь распахнулась. Соомия вскрикнула. Она впервые ясно увидела Драконов. Чудовища высотой в полтора человеческих роста стояли прямо на кривых собачьих лапах. Украшенные когтями могучие руки казались непропорционально короткими, по сравнению с массивными плечами и торсом. Длинные толстые шеи несли массивные лысые головы. Щелки глаз пылали холодным зеленым огнем, а выпуклый, не похожий на змеиный лоб предполагал равный человеческому или, возможно, превосходящий его разум. Драконов покрывала черная чешуя, мерцающая в свете факелов, отчего тела их казались глянцевыми. Мускулистые хвосты, извиваясь, скребли по полу.

Холодный свет злобного разума, горящий в глазах Драконов, делал их более ужасными, чем ящеры из диких джунглей. Хищник убивает, следуя инстинкту, естественной потребности утолить голод... но эти твари были жестокими, как люди.

Особенно жутким казалось то, что нелюди носят человеческую одежду. Их блестящие черные чешуйчатые тела украшали широкие роскошные пояса, плечи перетягивали ремни, на которых висели сумки, драгоценные украшения или громоздкое странное оружие. Гордая Соомия дрогнула. Однако она заставила себя поднять голову и постаралась сделать так, чтобы эти твари не могли заметить ее испуга и отвращения. В ее хрупком стройном теле текла кровь сотен поколений королей, а наследственность никогда так не проявляется, как в черный миг отчаяния.

— Час близок, выходите, людишки,— прозвучал ледяной голос Шшшааа.

Карм Карвус бросил взгляд на Шарата. Колдун грустно кивнул, и не стал сопротивляться. Массивные Короли-Драконы обладали такой силой, что даже Тонгор, окажись он здесь без оружия, был бы беспомощен.

Пленники и их конвоиры вышли из камеры в широкий коридор, освещенный не факелами, а странными шарами из толстого стекла, свисающими на тонких цепочках с потолка. Шары испускали яркий, ровный, немигающий красный свет. У Шарата и его спутников не было времени разглядывать это чудо враждебной техники — их подгоняли угрюмые, суровые твари. Наконец коридор закончился и пленников ввели в громадный зал, где, без сомнения, проходили советы правителей Королей-Драконов.

Здесь тоже горели красные шары. В центре зала стоял циклопический круглый стол из какого-то неизвестного серо-зеленого металла, к нему были придвинуты стулья странной формы. Каменные стены украшали вытканные из металлических нитей гобелены, сохранившие для потомков сцены чуждой человеку жизни: странные сады с мясистыми цветами и жуткими перистолистными деревьями, под которыми Драконы былых времен красовались в необычных одеждах, слишком сложных, чтобы люди смогли рассмотреть их, проходя мимо. Захватывающие картины глубокой древности, когда черные Драконы безраздельно правили Землей, когда еще не существовало человека.

Пленники пересекли зал, прошли через огромные двустворчатые двери и оказались на просторном круглом дворе, образованном крепостной стеной. Стояла ночь, и над головой сквозь туман едва можно было разглядеть звезды. В центре двора высилось широкое кольцо из девяти черных монолитов. Это кольцо окружало другое, внешнее кольцо из двадцати семи колонн. Они имели высоту по девятнадцать локтей и были тщательно вытесаны из черного камня — огромные унылые менгиры. Издали они напоминали худые ноги великанов, верхнюю часть тела которых скрывали облака.

Время от времени в густой клубящейся пелене тумана образовывался просвет, и тогда взору открывались холодные мохнатые звезды. На громадных монолитах были вырезаны драконовы руны — странные, замысловатые узоры. Из трех пленников только колдун мог прочесть их. Поняв, о чем гласят письмена, Шарат вздрогнул всем телом и отвел глаза.

Во дворе находилось десятка два Драконов, и каждый держал в когтях светящийся шар. Головы тварей защищали странные шлемы красного металла. Драконы выстроились в ряд и, когда конвоиры повели пленников вдоль него, зашипели гимн на своем древнем языке. Церемония начиналась.

Людей провели в центр двойного кольца, туда, где, возвышался плоский, словно широкий стол, громадный круглый черный камень. Запястья и щиколотки людей сковали цепями красного металла, а потом заставили лечь. Люди оказались прикованы на равном расстоянии друг от друга, головами к центру алтаря.

— Прощайте! — прошептал Шарат.

Звуки древней песни Королей-Драконов резали слух из-за обилия шипящих. Напев ее то поднимался, то падал — так бьются о песчаный берег холодные морские волны. Клубящийся туман извивался среди колонн прозрачными щупальцами. Сквозь рваную пелену проглядывали звезды.

Вот загремели барабаны, и в такт им захлопали когтистые лапы. Громкие, резкие, звонкие звуки являли контраст шипящей песне, приглушенный ритм которой эхом повторял медленно учащающийся пульс Соомии. Принцесса закрыла глаза.

Вперед вышел Шшшааа.

Великий Хранитель Королей-Драконов взошел на диск алтаря и стал в его центре меж голов людей. Он воздел огромные глянцевые руки к небу:

— Йас — Тамунгаэот!

Пение сделалось громче. Голоса рептилий зарокотали, как прибой. Барабаны гремели дробью, то учащая, то замедляя ритм. Туман вился между стоящими колоннами, которые, казалось, начали раскачиваться. Казалось, само пространство начало искажаться под воздействием ритма этого жуткого пения.

Шшшааа громко произнес еще одно имя, и слова колдовского языка другого мира эхом отразились от качающихся монолитов. Песня сделалась еще громче.

Теперь туман, сгущаясь над людьми, устремился вверх прямо над алтарем. Длинные ленты и клубы тумана словно призраки потекли между столбов и начали собираться в центре, сгущаясь в плотный темный шар, походивший на многорукого уродливого карлика. Соомия поежилась, ощутив прикосновения липких пальцев тумана, проползающего рядом с ее телом. Мгновение спустя принцесса ощутила странное головокружение, будто сама планета закружилась под ней. Круглая стена, охватывающая двор, начала вращаться, словно громадное черное колесо.

Шшшааа произнес третье ужасное имя, и небо мгновенно очистилось. Теперь над головой, образовав странный узор, замерцали багровые звезды.

Сгусток темноты стремительно поглотил туманное облако, и мощь его втягивающей силы только увеличилась. Ветер усилился, поток холодного воздуха принялся трепать одежды людей, раскидал по алтарю длинные черные волосы Соомии. Ветер дул прямо в шар темноты... будто земная атмосфера втягивалась в какую-то неведомую дыру в ткани мироздания, в бесконечно голодный вакуум неведомого пространства.

Гром барабанов превратился в дикую, безумную какофонию. Загремели металлические бубенцы — это Драконы выстроились вокруг алтаря и принялись раскачиваться, приседать и приплясывать. Тело Соомии начало неметь. Казалось, земля колышется в такт дикому танцу. Звезды полыхнули алым огнем. Настал роковой час. Свирепый ледяной ветер завыл в качающихся монолитах. Черный шар над алтарем рос.

Вот вырезанные на менгирах письмена засветились таинственными красными огнями... и странные шлемы Драконов, и цепи, и кандалы на беспомощных жертвах тоже начали испускать красноватый свет. Соомию затрясло — казалось, тысячи ледяных иголочек вонзились в ее тело.

Ощущение головокружения то усиливалось, то ослабевало в такт ритму песни, барабанов и мерцанию алых звезд.

Вдруг все затихло.

Землю сковала звенящая тишина. Людям показалось, что они неожиданно оглохли. Драконы замерли. Ветер, головокружение — все прекратилось! Будто сама Вселенная на миг оказалась во взвешенном состоянии — затаила дыхание, ожидая какого-то ужасного знака, какого-то заключительного действа...

Шшшааа медленно вынул из ножен громадный черный меч с раздвоенным лезвием — ритуальный меч — и склонился над принцессой. Соомия зажмурилась изо всех сил. Раздвоенный кончик клинка приблизился к ее груди... и вдруг девушка поняла, что сейчас металл пронзит ее мягкую плоть, а потом рептилия вырвет ее живое сердце и кинет его в разверзшуюся бездну над алтарем. Она широко раскрыла глаза, глядя на приближающуюся смерть, и поняла, что неведомая сила парализовала каждый ее нерв, каждый мускул. Принцесса не могла кричать, даже открыть рот не могла. Она не могла оторвать полные ужаса глаза от чудовищного зрелища — от клинка, который вот-вот должен был коснуться ее груди.

И тут послышался человеческий смех.

* * *

Смеялся Тонгор.

Глубокий звучный смех, теплый, веселый, разорвал напряженную тишину. Казалось, он растопил лед, сковавший жертвы.

Шшшааа невольно вздрогнул, поднял массивную голову и огляделся. Соомия подняла глаза и увидела бесстрашного воина, стоявшего, широко расставив ноги, на крепостной стене. Послышалось холодное шипение, и Великий Хранитель выпрямился.

Валькар вынул меч.

Крик, похожий на шипение струи пара, вырвался из легких чудовища. Круг рептилий нарушился и смешался.

Колдовской меч засиял, но не тускло и ровно, как магические шары Драконов, и не призрачно, как письмена на черных колоннах, он горел ясным голубым огнем, который прорезал темноту вокруг, ослепляя и очищая, словно полуденное солнце.

Тонгор нацелил меч на середину алтаря, туда, где, подняв ритуальное оружие, стоял повелитель злобных чудовищ.

Грянул гром!

Извилистая, зигзагообразная молния вылетела из кончика клинка и сияющей дугой соединила Немедийский меч и черный клинок смерти. Зловещий ритуальный меч расплавился и опалил лапы Дракона. Великий Хранитель с яростным криком отшвырнул оплавленный обломок.

Вторая молния попала в вычурный кроваво-красный шлем Шшшааа. Шлем мгновенно расплавился, и огромное черное тело Хранителя выгнулось от боли, завибрировало в судорогах. Казалось, вот-вот и мышцы оторвутся от костей. Повелитель Драконов, с изжаренным мозгом, изуродованным телом, лежал на алтаре, подергиваясь в агонии.

Короли-Драконы завопили и зашевелились. Одни длинными прыжками устремились к цитадели, другие бросились к стене, собираясь прикончить наглого варвара.

Колдовской меч Тонгора горел огнем, словно огромный бело-голубой факел. Молнии, шипя, плясали по смешавшимся рядам Драконов и осыпали рептилий брызгами смертоносного дождя.

Сноп яростного огня ударил в колонны — часть черных столбов, взорвавшись, разлетелась на куски. Остальные повалились. Огромные обломки раздавили и покалечили множество Драконов.

Молнию за молнией посылал колдовской меч в неподвижный шар темноты. Воздух дрожал и вибрировал от грохота. Хаос, воцарившийся во дворе, освещался вспышками ослепительного белого огня.

Неожиданно разверзлись небеса, на землю хлынул ледяной дождь, завыл ветер... словно разгневанная природа, избавившись от паралича, вызванного колдовством Драконов, мстила, обрушив на проклятый замок силы всех стихий. Дождь превратился в поток, а безумный вой ветра сделался оглушающим. И в этом неистовстве был слышен голос Тонгора, поющего звучные строки древней песни Диомбара:

Его братья все гибли и гибли,
И Великий свой меч он поднял
И запел руны светлого гимна —
И ответило небо грозою!
Загремели раскаты грома,
И обрушился дождь из молний,
Чтоб отправить Королей-Драконов
В ненасытный огонь преисподней.

Под чудовищным натиском урагана бело-голубых молний клубящийся темный шар разлетелся, разбился, рассыпался осколками, которые смыл дождь.

Поднялась настоящая буря. Шум стихий оглушал. Ветер и дождь, грохот падающих колонн... И, заглушая эту какофонию, лилась звонкая песнь, прославляющая победу:

Вот уж Тунгарт по горло в воде
А в руках лишь обломок-клинок
Враг повсюду, Драконы — везде,
Тут вонзилось копье ему в бок
Но успел перед смертью поднять
Немедийский он сломаннный меч
И обрушил его на врага,
Снеся вражью голову с плеч.

Дождь лил так сильно, что сквозь его пелену, во вспышках голубых молний неуклюже спотыкающиеся фигуры чудовищ казались лишь темными тенями. Ослепительные колдовские разряды ударили в стены и башни замка. Ливень каменных обломков обрушился во двор. Над островом бушевала гроза, в клубах туч плясали громадные молнии, озаряя вре-

менами весь небосвод. Будто Отец Горм, сам бог-громовержец, вступил в последнюю эпическую битву с богами Королей-Драконов. Небесные и колдовские молнии, переплетаясь, поражали рептилий одну за другой...

Но всего этого Соомия не видела: она провалилась в смутное забытье, и потом так и не смогла понять, сколько времени пролежала под дождем — несколько мгновений или час. Когда девушка открыла глаза, буря уже начала стихать. Природа угомонилась столь же быстро, как и разгневалась. В ясном свете звезд, миновавших роковую точку, дымились мокрые развалины замка Драконов. Там, где возвышались монолиты, теперь лежали груды битого камня. Полная луна поднялась на небо, заливая землю мягким, ласковым светом.

На уцелевшем фрагменте стены, будто на посту, одиноко, устало стоял Тонгор, и меч в его руке потух. В мирной тишине ночи северянин негромко пропел последние строки древней песни:

Девы войны тихо душу героя
В небо высокое взяли с собою
В царство великого Горма-отца
С собой унесли они храбреца.
Так Драконов закончился век
Им на смену пришел Человек.

Затем Тонгор спустился с осыпавшейся стены и прошел по заваленному обломками двору к расколотому алтарю. Острый клинок волшебного меча перерубил звенья цепи — пленники обрели свободу. Валькар бережно подхватил Соомию на руки, приподнял и прижал к своей широкой груди.

— Ты не погиб,— прошептала девушка. И Тонгор помотал головой, тяжелые мокрые пряди черных волос зазмеились по бронзовым плечам.

— Нет, Соомия, как видишь, я жив,— ответил он тихо. И взгляд его золотых глаз встретился с взглядом девушки. Глаза Соомии мерцали, словно темные звезды.

Принцесса слабо улыбнулась. Перенесенные страдания истерзали ее тело и душу, и теперь все ее естество стремилось погрузиться в сладостный омут глубокого исцеляющего сна. Уснуть в объятиях могучих рук валькара... ее губы дрогнули в улыбке.

И начался Век Людей...

Эпилог

«Немедис» завис в нескольких футах над землей перед входом в подземный замок Шарата Великого. Стоя рядом с трапом, Карм Карвус из Тсаргола, принцесса Патанги Соомия и Тонгор прощались со старым колдуном.

— Ты не хочешь брать ни платы, ни вознаграждения за время, проведенное у меня на службе, Тонгор, так прими от меня, как от друга, этот скромный подарок,— произнес Шарат, вкладывая в руку Тонгора небольшой сверток.

Валькар с любопытством посмотрел на подарок.

— Это безделица, золотой браслет, символ наших совместных странствий. Держи его при себе, ибо однажды он может пригодиться.

Тонгор кивнул и засунул сверток в походную сумку.

— Настало время прощаться,— произнес Тонгор.

Две недели после возвращения с островов Драконов три спутника Шарата гостили в его подземном дворце. Здесь они отсыпались, отдыхали и пировали, празднуя победу, о которой и не подозревал Мир Людей. Лемурийский колдун показывал тайные сокровища, скрытые в подземной обители, и беседовал по вечерам со своими гостями, обсуждая опасности, которые им удалось преодолеть. Тонгор снова и снова рассказывал о том, как волны вынесли Немедийский меч к выходу из пещеры и буквально бросили колдовской клинок к ногам варвара. Шарат подобное совпадение объяснял проявлением воли богов... вероятно, даже самого Отца Горма, поскольку никто, кроме богов, не мог пробудить спящие силы меча в руках Тонгора там, на стене замка. Ведь варвар не знал рун и магических слов, которыми следовало привести в действие волшебный клинок.

— Боги благоволили нашему походу, и я чувствую своими старыми костями, Тонгор, что они будут хранить тебя.

Валькар улыбнулся, выражая здоровый скептицизм человека, привыкшего полагаться только на себя, но ничего не сказал.

Время в подземном замке шло незаметно, однако Тонгор не был создан для праздной жизни. Через несколько дней спокойное времяпрепровождение стало тяготить варвара, ему не терпелось вновь отправиться в путь, хотя бы и без определенной цели. Тонгор стал неразговорчив, все больше времени проводил он в оружейной, при-

водя в порядок свой громадный меч, который Карм Карвус подобрал после сражения с гракком на Горе Грома. Надо было уходить.

— Забирай летучий корабль, он твой,— сказал колдун.— Я оставлю себе колдовской Немедийский меч, так как в нем дремлют огромные силы и в руках неосторожного или жадного человека он может сотворить ужасное. Здесь этот клинок будет надежно сохранен, так как я вижу в дымке будущего времена, когда снова потребуются его силы. Настанет час, и либо тебе, либо твоим потомкам понадобится достойное оружие, чтобы встать против Сил Тьмы, и тогда вы вновь возьмете этот меч из моих рук.

Тонгор и Карм Карвус кивали, не совсем понимая, о чем идет речь. Варвар нетерпеливо топтался на месте, желая поскорее отправиться в дорогу.

— Прощай, принц Карвус. Куда ты направишься? — спросил Шарат.

Дворянин пожал плечами.

— Мой дом разрушен. Я последую за Тонгором, поскольку знаю: там, где он, не будет недостатка в сражениях.

Они рассмеялись, и Шарат обратился к принцессе Патанги:

— Прощай, красавица. Но какую дорогу изберешь ты?

Девушка улыбнулась и едва заметно повела плечом:

— И мой дом разорен, и я последую за Тонгором. Там, где мой храбрый воин, там и мой дом,— и она бросила застенчивый взгляд на могучего варвара.

Наконец Шарат обратился к валькару:

— И ты прощай, Тонгор. Куда ты решил направиться?

Валькар оскалил зубы в знакомой спутникам свирепой усмешке — так варвар смеялся в лицо опасности. Он вынул меч и поцеловал клинок, приветствуя Соомию.

— Я?.. Я, колдун, вернусь в Патангу, где подлый Хранитель оскверняет трон моей принцессы. Пора навести порядок в этом славном городе. Соомия — законная правительница. Да и для меня место там найдется! Если моя правая рука не потеряла былой силы и мой старый меч не затупился от праздной жизни — я сотворю задуманное.

И после этих слов они взошли на «Немедис». Тонгор перенес Соомию через низкое ограждение, а сам с легкостью перепрыгнул его. Колдун вернулся в пещеру, и воздушный корабль взлетел, сверкая в лучах восходящего солнца. Он описал круг и понесся над джунглями Куша в сторону Патанги, Города Огня.

Воин Лемурии

THONGOR OF LEMURIA
1966

© Перевод. С. Молитвина, 2002

Глава 1
УДАР МОЛНИИ

...В эту бурную эпоху завоеваний и колдовства, когда дела решали яд и кинжал, когда властолюбию и алчности сарков противостояла кровожадность хранителей, а наградой победителю должен был стать трон Лемурии... явился человек, великий скиталец, пришедший из диких северных пустынь. Люди называли его Тонгором из клана валькаров. Он обладал железными мускулами закаленного воина и душой варвара, презирающего опасность...

Летописи Лемурии

Ужасный ураган бушевал над непроходимыми джунглями древней Лемурии. Багровые вспышки молний озаряли гонимые ветром тяжелые тучи, подсвечивали низвергавшиеся с неба потоки воды. Стена дождя прижимала к земле деревья, а ветер завывал так, что казалось, над лесом, корчась в немыслимых муках, носятся демоны.

В тысяче футах над джунглями сражался с разбушевавшейся стихией маленький летучий корабль. Его тонкая обшивка вибрировала под натиском бури. Суденышко рыскало из стороны в сторону, словно подхваченный ветром листок. Двигатель тщетно силился противостоять злобной мощи бури, внезапно разразившейся над погруженной во тьму Лемурией, и теперь только уникальные свойства урилиума — волшебного металла, из которого был изготовлен корпус летучей лодки, спасали людей от неминуемой гибели, поджидавшей их в истерзанном ураганом лесу.

В крохотной кабине находились три человека. Они не сводили глаз с прибора, сообщавшего о направлении полета. Краси-

вый худощавый юноша с гладкими темными волосами и задумчивым взглядом изо всех сил старался удержать заданный курс и казался окаменевшим от напряжения. Одежда Карма Карвуса — так звали этого аристократа, изгнанного из Тсаргола, приморского города, расположенного далеко на юге,— поблескивала драгоценностями.

За спиной Карма Карвуса замерла грациозная девушка, приятное, но смертельно бледное лицо которой обрамляли пряди блестящих черных волос, в беспорядке рассыпавшихся по обнаженным плечам. Огромные глаза ее, мерцавшие подобно черным бриллиантам, с ужасом следили за стрелкой, безумно метавшейся под стеклянным колпачком. Достоинство, ощущавшееся в каждом движении девушки, и великолепное тело, выступавшее из чрезмерно открытого платья-рубашки — простого по покрою, но сделанного из отличной ткани,— свидетельствовали о ее высоком положении, молодости и отменном здоровье. Принцесса Соомия из Патанги тоже была изгнанницей. Жадность и коварство сумасшедшего Хранителя Огня лишили ее трона.

Рядом, положив сильную руку на белые трепещущие плечи принцессы, ободряя и удерживая ее на ногах в сотрясаемой страшными ударами ветра кабине, застыл великан-варвар — Тонгор из клана валькаров. Ему уже доводилось вызволять девушку из различных передряг, и теперь он вез принцессу в Патангу, собираясь возвести ее на престол предков.

Этот человек с бронзовой кожей в равной мере походил на могучего льва и на свирепого бога. Всю одежду его составляли кожаная набедренная повязка на чреслах и перевязь для меча, какие носят наемники. Суровое, непроницаемое лицо его дышало мужеством и благородством. Жесткие и густые черные волосы, перехваченные на лбу кожаным ремешком, достигали широких плеч. У бедра воина висел в потертых ножнах длинный валькарский меч, а спину прикрывал алый плащ, скрепленный у горла узкой золотой цепью. Плотно сжав губы, Тонгор наблюдал за безнадежными попытками Карма Карвуса справиться с управлением летучего корабля, но в странных золотистых глазах его не проглядывало и тени страха.

— Все без толку!..— сдался наконец Карвус.— При таком ветре я не могу удержать «Немедис» на нужном курсе. С каждой секундой нас относит все дальше и дальше от цели!

Тонкая металлическая обшивка вибрировала и содрогалась под ударами бури. Летучий корабль стал игрушкой во власти разбушевавшейся стихии. Тонгор посоветовал Карму Карвусу выключить двигатель, помог принцессе Соомии и аристократу сесть и на всякий случай пристегнул их ремнями, укрепленными по стенам кабины.

— Спасибо урилиуму, не то давно бы грохнулись в джунгли,— пробормотал валькар.— Ладно, переждем бурю и ляжем на курс, когда ветер успокоится.— Он проверил застежки ремней. Казалось, дикая пляска потерявшего управление летучего корабля его мало беспокоила.

Несколькими часами позже небо обагрила особенно мощная ослепительная молния, явив людям удивительное и ужасающее зрелище. Плотные черные штормовые тучи, подгоняемые яростными порывами урагана, клубились вокруг поврежденного воздушного корабля и тащили его за собой. Джунгли, расстилавшиеся под днищем «Немедиса», сменились мокрыми полями и лугами.

— Должно быть, мы находимся где-то над Ковией,— предположил Тонгор.

— Или над Птартой,— добавил Карм Карвус.— Во всяком случае, мы в сотнях форнов от Патанги.

Плотный слой туч вновь закрыл обзор. Летающий корабль несся вперед сквозь кромешный мрак. Заметив, что Соомия дрожит от холода, Тонгор сорвал с плеч алый плащ и укутал им девушку.

— Все будет хорошо, моя принцесса,— проговорил негромко валькар.— Очень скоро ураган исчерпает свои силы и утихнет. В полночь мы будем у тебя дома, в Патанге.

Принцесса улыбнулась Тонгору. Вскоре ее темные ресницы сомкнулись, и она задремала. Карм Карвус тоже начал клевать носом, и лишь валькар остался по-прежнему начеку.

При вспышках молний он вновь и вновь вглядывался в проплывавшую под ними землю, но в очередном разрыве туч вместо лесов и полей южной Ковии его глазам предстала водная равнина, отливавшая тусклым свинцом. Похоже, их несло уже над заливом Патанги, громадный клин которого врезался в континент, деля его на две части. Оставалось надеяться, что буря не успела унести их слишком далеко на юг и это не Яхензеб-Чун, не Южное море!..

Ураган бушевал более пяти часов, и силу ветра трудно было оценить даже приблизительно. Возможно, путешественников уже отнесло к морю. Если так, то с каждым мгновением они все дальше и дальше улетали от континента. Чего доброго, к исходу бури они вконец затеряются в бескрайних просторах Великого океана, которые не отваживались бороздить ни моряки, ни рыбаки. Люди в те годы не знали магнитного компаса, да и встреча вдалеке от земли с такими чудовищами, как ларсы — гигантские злобные драконы Лемурийских морей, была почти самоубийством... Могучий варвар стиснул зубы в раздумье. Он решил, что до поры до времени не следует делиться своими опасениями со сморенными усталостью товарищами.

Неожиданно за бортом воздушного корабля вновь полыхнуло зловещим красным огнем. Мгновением позже от чудовищного раската грома небеса содрогнулись. Вырвавшаяся из штормовых туч алая молния, змеясь, пробежала по небу и вонзилась в летающий корабль. Каждый нерв, каждый мускул Тонгора свела жестокая боль. Этот миг показался варвару вечностью. Корабль вспыхнул и замерцал в дрожащем ореоле желтого пламени. Длинные зигзагообразные всполохи с треском пробегали по обшивке и, отражаясь от сияющего металла, уносились прочь.

Соомия отчаянно вскрикнула. Карм Карвус взвыл от боли, и даже Тонгор взревел не своим голосом, но все закончилось так же внезапно, как и началось. Онемевшие и полупарализованные путешественники, с трудом веря, что остались живы, медленно приходили в себя. Они не превратились в тлеющие угли лишь потому, что судно пребывало в полете. Ударь в него молния на земле,— на месте людей остались бы почерневшие, обгорелые трупы.

Убедившись, что спутники его не ранены, Тонгор сосредоточил внимание на управлении воздушным кораблем. Блестящий металлический корпус «Немедиса» почернел там, где его коснулась плеть молнии, но серьезных повреждений валькар не обнаружил. Воздух в кабине пах озоном и слегка пощипывал ноздри. Отстегнув ремни, Тонгор выбрался на палубу и тут же попал под ледяные потоки дождя. Ветер попытался сбросить его с палубы крылатого корабля, но не смог совладать с мускулами варвара, мертвой хваткой вцепившегося в поручни, ограждавшие открытую палубу.

Предчувствия Тонгора оправдались: «Немедис» терял высоту. Сквозь редеющие тучи можно было различить холодный блеск воды, которая приближалась по мере того, как корабль

опускался. Тонгор вернулся в кабину и сообщил спутникам, что дело плохо.

— ...когда волшебник Шарат чинил корабль, он кое-что рассказал мне про урилиум. Оолим Фон — алхимик из Турдиса, создавший его, говорил, что металл этот теряет способность к левитации, если угодит под сильный электрический разряд... вроде молнии.

— Теряет... насовсем? — спросила Соомия.

Тонгор лишь пожал плечами:

— Трудно сказать. Возможно, обшивка со временем восстановит свои свойства, и «Немедис» снова будет парить над землей. Но пока мы снижаемся, хотя и не слишком быстро. До воды осталось локтей семьсот...

— Пока живем, будем надеяться! — решительно проговорил Карм Карвус.— Помолимся богам, и, быть может, левитационные свойства вернутся к урилиуму прежде, чем наша лодка уйдет под воду. Нам не остается ничего другого, как ждать и надеяться на лучшее.

Буря начала стихать, словно убедившись, что успешно справилась со своим делом. Дождь становился реже с каждым мгновением. Молнии сверкали не так часто. Ветер, однако, дул с прежней силой: его порывы нещадно швыряли «Немедис» из стороны в сторону.

Прошло совсем немного времени, и летучий корабль опустился значительно ниже облаков, а вскоре его отделяла от поверхности моря всего сотня локтей. Шторм превратил длинные пологие волны в гигантские черные валы. Даже неустрашимый Тонгор ощутил при виде их ужас. Гибель казалась неминуемой, «Немедис» опускался прямо в чудовищный водоворот, в хаос из бурлящей воды и пены.

С каждым мгновением корабль снижался все быстрее, безуспешно сопротивляясь тянущей его в бездну силе притяжения. Левитационные свойства урилиума почти полностью исчезли.

— Мне кажется, ветер слабеет, и, если волны станут поменьше, у нас появится шанс удержаться на плаву,— заметила Соомия с надеждой, но Тонгор с сомнением покачал головой.

Путешественникам, однако, грозила бедой не только ярость разбушевавшихся стихий. Огромная скользкая голова мелькнула среди черных волн, злобные, холодные, сверкающие жадным голодным блеском глаза уставились на летающий корабль.

— Горм! — тихо выдохнул Тонгор имя Верховного бога.

— Что это?! — в ужасе вскрикнула принцесса, бессознательно подвинувшись поближе к валькару.

— Это ларс! — промолвил Карм Карвус.

Голова ларса размерами могла соперничать с летающим кораблем. Тупорылую, похожую на змеиную, морду рептилии покрывала крупная чешуя и венчал тускло сверкавший серповидный рог. Уродливое тело чудовища казалось необъятным — по-видимому, единственным его занятием в жизни было набивать ненасытную бездонную утробу. С медленно планирующего корабля было отчетливо видно, как алчно сверкают черные глаза ларса, как жадно он тянет длинную, мерзко извивающуюся шею. Чудовищная пасть раскрылась в предвкушении добычи, и стали видны ядовитые шестифутовые клыки из превосходившей прочностью железо кости.

— Как нам сражаться с ним? — спросил потрясенный видом ларса Карм Карвус.

Тонгор с лязгом извлек из ножен длинный меч.

— Во всяком случае, мы можем попробовать сделать это,— проворчал он.— Умереть никогда не поздно.— Воин-валькар вызывающе расхохотался и, открыв люк, выбрался на открытую палубу, зависшую прямо над оскаленной пастью рептилии.

Очередной порыв ветра подхватил находившийся в двадцати футах над ревущими волнами «Немедис» и швырнул вперед, оставив изумленное морское чудовище далеко позади. Крошечный мозг ларса работал медленно и особой изворотливостью не отличался, но вид ускользающей добычи заставил хищника забыть о ее непривычном облике и пуститься в погоню. Морда рептилии резала волны, подобно носу диковинного корабля, а гигантские лапы вспенивали воду с непостижимой силой и быстротой.

Летучий корабль между тем продолжал снижаться, и наконец настал момент, когда верхушки самых высоких волн стали ударяться о его днище. Вода начала просачиваться в кабину. Обшивка «Немедиса» жалобно скрипела, хотя порывы ветра заметно ослабели и багровые молнии лишь изредка озаряли мрачное небо.

Вцепившись левой рукой в поручни, Тонгор сжал в правой грозно блестевший длинный меч. Карм Карвус, вооружившись узкой саблей, встал рядом с варваром. Тонгор воспринял это как должное, но при виде выбравшейся на открытую палубу принцессы нахмурился и посоветовал девушке вернуться в кабину.

— Ни за что! — гордо вскинула голову Соомия.— Если уж нам суждено погибнуть, то я предпочитаю встретить смерть рядом со своим любимым!

Тонгор склонился к принцессе и поцеловал ее. Белые руки девушки обвились вокруг могучей шеи варвара, и тот почувствовал небывалый прилив сил. В следующее мгновение Тонгор высвободился из объятий принцессы, втолкнул ее в каюту и защелкнул замок на двери.

Это было сделано в тот самый момент, когда чудовищная голова ларса уже нависла над летающим кораблем. Совсем рядом блеснули ужасные черные глаза чудовища, горевшие жаждой убийства, пасть вновь раскрылась, сверкнули зубы, и тут «Немедис» с грохотом ударился о воду. Темные волны захлестнули палубу, увлекая Тонгора в бездну. Погружаясь в воду он услышал отчаянный крик Соомии, свидетельствовавший о том, что ларс атаковал лодку.

Глава 2
СХВАТКА ДРАКОНОВ

Расколото молнией небо, в море бушует гроза,
Волны ревут под ветром, стонут на все голоса...
Лодка летучая тонет, попав в стихию морей —
Туда, где драконы рыщут в поисках жертвы своей...

Сага о Тонгоре. Песнь 9

Любой человек, упав в черные бурлящие воды под носом лемурийского дракона, ударился бы в панику и выпустил меч из рук. Но только не Тонгор! Сжав клинок зубами, он освободил таким образом руки и вынырнул из сомкнувшихся над ним темных вод на поверхность. Откинув застилавшие глаза волосы, валькар огляделся по сторонам.

Полузатонувший летающий корабль болтался на волнах в нескольких локтях от него. Карм Карвус, подбадривая себя воинственным кличем, рубил саблей голову ларса, подплывшего вплотную к залитой водой палубе «Немедиса». Морской дракон уцепился гигантской лапой за поручни, ограждающие палубу, однако тело его было скрыто волнами, и в освещаемой редкими вспышками молний темноте могло показаться, что на полуза-

топленную лодку напал морской змей. Некоторое время рептилия с недоумением наблюдала за гибкой фигуркой, изо всех сил старавшейся оцарапать ее своей железной иголкой. Затем ларс взревел и лязгнул зубами.

Тонгор видел, что удары Карма Карвуса становятся все более неуверенными. Сапоги аристократа скользили по мокрой палубе. Сырая, отяжелевшая одежда сковывала и замедляла движения, а легкая сабля была не способна причинить ларсу ни малейшего вреда. Исход неравной схватки был предрешен, и валькар поспешил на помощь своему спутнику. Сильное тело варвара стремительно рассекало ледяные волны, и, сделав дюжину мощных гребков, он, уцепившись одной рукой за обшивку, выбрался на палубу полузатопленного корабля.

Меч вновь оказался в руке Тонгора, и, издав пронзительный клич, он бросился на подмогу Карму Карвусу, продолжавшему безуспешно атаковать морского дракона, изумленного столь странным поведением добычи. Крохотный мозг ларса был в затруднении: ему еще не доводилось сталкиваться с существами, которые не только не бросались бы в бегство при его приближении, но даже пытались нападать на него сами. Разумеется, чудовище не было испугано. Рептилия не знала, что такое страх, и все же поведение людей ее чрезвычайно озадачило.

Воспользовавшись этим, Тонгор ринулся к поручню, на котором лежала гигантская когтистая лапа дракона, и, поустойчивее встав на вздрагивавшей, ходившей ходуном палубе, со свистом опустил тяжелый меч, вложив в этот удар все свои недюжие силы. Мускулы его могучих плеч и широкой груди вздулись, напряглись, как туго натянутые канаты, готовые, казалось, вот-вот лопнуть от невероятного напряжения, и отточенное лезвие обрушилось на запястье ларса, толщиной напоминавшее небольшую бочку. Движимый силой железных мускулов Тонгора, широкий клинок рассек костяные пластинки чешуи, жесткие мышцы и холодное мясо рептилии, как щепки перерубил кости, и правая лапа дракона упала на палубу.

Вздыбившись от боли, ларс оглушительно взревел. Отрубленная когтистая лапа, судорожно дергаясь, заплясала по палубе, из культи ударил фонтан черной крови, мгновенно перепачкавшей Тонгора с головы до пят. Карм Карвус застыл с широко открытым ртом: никогда в жизни ему не приходилось видеть столь сокрушительного удара, и сейчас он едва верил своим глазам.

Потеряв равновесие, ларс с громким всплеском соскользнул в море. Черный вал захлестнул «Немедис», и тот поплыл вперед, подталкиваемый волнами, вскипевшими под ударами чудовища. Рептилия отчаянно била лапами по воде, пытаясь заглушить сводившую с ума боль.

— Скорее к пульту управления! — приказал Тонгор, хватая Карма Карвуса за руку.— Мы должны запустить двигатель! Если это дрянное суденышко не может лететь, то пусть хотя бы плывет к берегу!

Карм Карвус скрылся в кабине, а Тонгор обернулся к морскому чудовищу, в глазах которого читался смертный приговор ничтожным букашкам, сумевшим причинить ему столь ужасную боль.

Воин застыл на краю палубы с обнаженным мечом. Он сознавал, что у них почти нет шансов уцелеть в битве с такой громадной тварью, но Тонгор не знал слова «невозможно». До тех пор, пока в нем оставалась хоть капля крови и теплилась хотя бы малая искра жизни, он будет драться с врагом, какого бы роста и силы тот ни был.

Двигатель с жалобным визгом начал набирать обороты, и летающий корабль, содрогаясь, стал медленно удаляться от ларса. Нос судна вспенил черную воду, но дракон — истинный владыка морских пучин — двигался гораздо быстрее.

Вспышки молнии казались столь же яркими, сколь оглушительным был рев устремившегося за «Немедисом» чудовища. Тонгору показалось, что еще миг — и когти рептилии разорвут беззащитное суденышко. В бессильной ярости варвар сжал челюсти, пожалев, что не может вызвать на бой того, кто мечет с небес огненные стрелы. Впрочем, когда Воинственные девы унесут его дух и он предстанет перед троном Отца Горма, тому будет не в чем упрекнуть воина, чей меч не часто отдыхал в ножнах... Но нет, огненная смерть и на сей раз миновала их, а с ларсом они еще померяются силами.

Хотя погодите-ка, а это еще что?.. Громоподобный рев разнесся над морем! И издал его не раненый морской дракон, вынырнувший близ летающего корабля. В нескольких сотнях локтей из воды появилась голова еще одного ларса! По-видимому, вновь прибывшая рептилия, заслышав вопли раненого соплеменника, решила позариться на чужую добычу. Тонгор задержал дыхание. Один жаждущий их крови ларс — уже неплохо, но два!..

Услышав жуткий рык, раненое чудовище, забыв о корабле, стремительно развернулось и поплыло навстречу пришельцу. Несмотря на увечье, оно готово было сражаться с чужаком за право охотиться в этих водах и, дабы подтвердить это, в свой черед издало гневный вопль, вызывая сородича на бой. Вытягивая шеи и оглушительно рыча, свирепые твари двигались навстречу друг другу.

Тонгор вернулся в кабину и сразу попал в объятия поджидавшей его Соомии.

— Я думала, ты погибнешь в этих ужасных волнах! — взволнованно прошептала девушка.

Валькар поцеловал ее и со смехом ответил:

— Клянусь Гормом, принцесса, купание пошло мне только на пользу! А чтобы доконать меня, нужен кто-то посерьезнее этой милой зверюшки! — Он подошел к Карму Карвусу и хлопнул его по спине: — Дружище, постарайся выжать из этой посудины все, что возможно! Вряд ли этим гадам понадобится много времени, чтобы выяснить отношения, и к тому моменту, когда победитель вспомнит об упущенной добыче, нам надо успеть убраться отсюда как можно дальше.

Наблюдавшая за морем Соомия стиснула руку Тонгора:

— Смотри, они встретились!

Драконы столкнулись с глухим стуком. Они молотили и царапали друг друга лапами, хвосты их взбивали клокочущую, побелевшую от пены воду.

Поднятая схваткой чудовищ волна, подхватив корабль, швырнула его на добрую сотню локтей вперед. Соскользнув с гребня волны, «Немедис» на мгновение завис в воздухе, а затем ходовые винты с новой силой врезались в воду. Следивший за приборами Карм Карвус отметил, что двигатели наращивают обороты.

Тонгор между тем не сводил глаз с морских гигантов. Жизнь его была богата всевозможными приключениями, но до сих пор ничего подобного видеть ему не доводилось. Вспышки алых молний придавали разыгравшейся на его глазах сцене что-то демоническое. Наполовину поднявшиеся из бушующего моря драконы сражались с неистовой яростью. Их лапы взлетали и падали, подобно огромным шипастым булавам, нанося глубокие, обильно кровоточащие раны. Рога, словно тараны, вонзались в тела противников, ужасные когти разрывали чешуйча-

тую кожу, челюсти с ядовитыми изогнутыми зубами вырывали огромные куски мяса.

Гиганты вздымали стены воды, обрушивая друг на друга каскады кипящей пены. Пронзительные зловещие крики их перемежались глухими ударами. Едва ли кто-нибудь из людей становился когда-либо свидетелем столь жуткого поединка.

Со временем, однако, стало ясно, что исход этого боя решит удар, нанесенный мечом Тонгора первому чудовищу. Изувеченному валькаром ларсу явно недоставало отрубленной лапы — вместе с хлещущей из раны кровью уходили и его силы. Движения дракона замедлились, утратили точность. Он перешел к обороне, но и тут ему все с меньшей и меньшей легкостью удавалось сдерживать натиск неутомимого пришельца. И вот наконец настал момент, когда раненый ларс не смог отбить очередной удар соперника. Мощные челюсти, словно створки капкана, сомкнулись на его горле. Послышался громкий хруст, но даже и после этого изувеченный морской дракон продолжал бой. На мгновение ярость и боль, казалось, умножили его силы, он рванулся, силясь вывернуться из сжимавших его, будто тиски, челюстей собрата, но попытка эта не увенчалась успехом. Тонгор видел, как плотнее и плотнее сжимаются челюсти победителя, как глубже и глубже погружает он свои саблевидные когти в тело побежденного.

Пасть раненого монстра беспомощно распахивалась и захлопывалась, не причиняя противнику ни малейшего вреда. Из нее вырывались слабые, прерывистые хрипы, на губах пузырилась кровавая пена. Он дернулся в последний раз, и лапы его в предсмертном рывке вспороли чешуйчатое брюхо врага. Мышцы умирающего продолжали судорожно сокращаться, когти раздирали шкуру соперника на кровавые ленты, но тот не размыкал челюстей. Вероятно, он даже не понял, что тоже проиграл эту схватку, пока огромный хвост бывшего повелителя здешних вод не обвил его тяжкими тугими кольцами.

Ошеломленные путешественники не сводили глаз с драконов, которые, намертво сплетясь телами, начали медленно погружаться в бездну. После того как гиганты исчезли в морской пучине, к поверхности еще некоторое время пробивались цепочки пузырей и сгустки кровавой пены, но победитель так и не появился. Умирающий владыка здешних вод сумел отомстить за себя, хотя нельзя было исключить, что соперник его, сумев высвободиться из цепенеющих объятий мертвеца, задержался в

морских глубинах, дабы насладиться плодами победы. Как бы то ни было, чудовища больше не представляли опасности для «Немедиса» и его пассажиров.

Опустившись на откидную койку, потрясенная Соомия разразилась рыданиями, и, чтобы привести принцессу в чувство, Тонгор поднес ей вина.

— Женщины — удивительные создания! Только они способны рыдать и биться в истерике, когда опасность уже миновала! — произнес он.

Взглянув на недоумевающего северянина, Соомия улыбнулась и прикрыла глаза.

— Этот кораблик идет хорошо,— сообщил Карм Карвус.— И все же я бы дорого дал, чтобы узнать, где мы находимся. Не поручусь, что с каждым мгновением мы все больше не удаляемся от берега. Если же нас унесет в открытое море...

— Когда тучи разойдутся, я смогу сориентироваться по звездам, а пока держись выбранного направления,— посоветовал Тонгор.— Если летучий корабль восстановит хотя бы часть прежних свойств, мы определим наше местоположение по приборам — тучи для них не помеха. Но пока мы сами должны позаботиться о себе.

— Путешествовать с тобой представляется мне делом бесприбыльным,— рассмеялся Карм Карвус.— Если мы выживем, рассказам нашим никто не поверит и вряд ли сыщется поэт, который сложит песнь о пережитых нами приключениях.

— Пусть сочиняют песни о чем хотят,— проворчал Тонгор.— Что касается меня, то сейчас я предпочту песням кое-что иное...— Он поднял лежащую в углу каюты кожаную котомку, из которой прежде достал флягу с вином для Соомии, и принялся изучать ее содержимое.

— Что ты там ищешь? — поинтересовался Карм Карвус.

— Жратву! — объявил Тонгор, и белозубая улыбка, подобно вспышке молнии, озарила его бронзовое лицо.— Слава Отцу Горму, наш друг волшебник уговорил меня взять с собой вот это.— Он торжествующе встряхнул котомку.— Не думал я, что подарок его нам пригодится, но сейчас он придется как нельзя более кстати.

Карм Карвус осуждающе покачал головой:

— Не могу понять, глупец ты или герой? Как ты можешь думать о еде, когда жизнь наша висит на волоске?

— Не надо крайностей. Я всего лишь мужчина, привыкший утолять голод вне зависимости от обстановки. Ну-ка... Вот тебе кусок вяленого мяса, фиги, финики — настоящий восточный десерт! Вино, сушеные фрукты из Таракуса и даже черный хлеб из Пелорма...

Решив не будить принцессу, варвар и дворянин наскоро перекусили, после чего Карм Карвус, завернувшись в плащ, опустился на импровизированное ложе на полу. Тонгор вытянулся на сиденье пилота и тоже задремал. Валькар спал очень чутко и собирался время от времени поглядывать, не расчистилось ли небо, но бессонная ночь и столкновение с морским драконом истощили его неисчерпаемые, казалось бы, силы. С мыслью о том, что рано или поздно погода переменится, он уснул, уронив голову на могучую грудь.

А бесшумно работающие двигатели продолжали гнать лодку по бескрайним морским просторам. Небо постепенно светлело, и вот уже восточный его край окрасился предрассветным румянцем. На горизонте появилась темная линия, которая увеличивалась по мере приближения к ней быстро скользившего по волнам «Немедиса» и вскоре превратилась в полоску берега, густо заросшего темно-зелеными джунглями.

Но был ли это берег Птарты, Ковии или даже Куша? Или это раскинулась неизвестная земля, лежащая в неведомых северных водах? Двигатели корабля продолжали работать, сокращая расстояние, отделявшее его от суши.

Сон Тонгора был прерван скрежетом днища о песок. Валькар вскочил на ноги, и крик его разбудил спящих товарищей, острота чувств которых была несколько притуплена городской жизнью.

— Земля! Ночной мрак и подстерегавшие нас в неизвестных водах опасности остались позади. На чужом берегу нас тоже, вероятно, поджидают сюрпризы, но здесь мы можем хотя бы поохотиться и раздобыть свежего мяса. Карм Карвус, довольно прохлаждаться, вставай и помоги мне вытащить «Немедис» на сушу!

Тонгор не знал, что существо, затаившееся в густой траве на краю джунглей, тоже жаждало горячего, сочащегося кровью мяса. Лохматая тварь, обладавшая странной и отталкивающей внешностью, не сводила красных глаз с мужчин, выбравшихся из металлической лодки и принявшихся вытаскивать ее на берег. Некоторое время существо пристально наблюдало за дей-

ствиями незнакомцев, потом оскалилось в жестокой ухмылке, предвкушая грядущее пиршество, и исчезло в джунглях.

Глава 3
ДЕРЕВЬЯ-ЛЮДОЕДЫ

Тьму леса взгляд зеленых глаз пронзит!
Стрела отравленная жертву поразит!
И стоит бдительность на миг утратить вам,
Как ваша плоть послужит пищей нам!

Песня зверолюдей

Вытащив летучий корабль на берег, путешественники убедились, что урилиум все еще не восстановил левитационные свойства, утраченные после удара молнии. Тем не менее, Тонгор и Карм Карвус спрятали «Немедис» под густой листвой и для большей надежности привязали к дереву канатом, сплетенным из срезанных поблизости виноградных лоз.

Соомия развела маленький костер из сухих веток и трав, собранных Кармом Карвусом на краю джунглей. Тонгор, вооружившись крепким луком, собирался отправиться на охоту.

— Полагаю, мне следует пойти с тобой,— обратился к нему Карм Карвус.

Но валькар отрицательно покачал головой, увенчанной гривой черных волос:

— Ни к чему. Охотиться я предпочитаю в одиночку. Оставайся с принцессой и присмотри за ней. Я вернусь через час.

— А если не вернешься? Вдруг что-нибудь случится. Ты же совсем не знаешь этих мест? — спросила Соомия, глядя на Тонгора огромными сверкающими глазами.

Валькар улыбнулся и ободряюще коснулся ее белой руки сильными пальцами.

— Я вернусь,— пообещал валькар и, не произнеся больше ни слова, бесшумно скрылся в джунглях.

Сделав несколько десятков шагов, варвар очутился в совершенно ином мире. Яркий солнечный свет сменился таинственными сумерками, сквозь них лишь изредка прорывались золотые лучи, которым удалось найти щелку в тяжелом изумрудном пологе, образованном густой листвой.

Алые и пурпурные стволы деревьев выступали из темно-зеленого сумрака, словно колонны грандиозного храма. Прекрасные цветы сияли, словно драгоценные камни. Дремотный лотос распространял густой аромат, способный усыпить любого неосторожно приблизившегося к нему зверя. Тиралонсы — зеленые розы древней Лемурии — нежно светились среди глянцевитых листьев, усеянных по краям ядовитыми колючками. Виноградные лозы, украшенные красными, оранжевыми и бледно-желтыми гроздьями ягод, причудливыми сетями оплетали деревья и кусты.

Тонгор двигался спокойно и уверенно, как король, обходящий свои владения, как вандар — черный лев, гроза здешних джунглей. Длинный меч в ножнах из черной кожи валькар закинул за спину, чтобы тот не мешал продираться сквозь кусты, а изготовленный к стрельбе лук держал в левой руке.

Валькар прежде не странствовал в северных джунглях, но и скудных познаний о них хватало, чтобы понимать: опасности подстерегают здесь на каждом шагу. В этом мире зеленого полумрака царствовала фос — алая летучая мышь-вампир, чьи коготки содержали страшный яд, от которого не было спасения. Еще в джунглях обитала офе — огромная змея с бледной чешуей. Хребет ее был украшен остроконечным гребнем, а мускулы обладали чудовищной силой. Кости человека, сдавленного кольцами офы, начинали трещать так же быстро, как скорлупа лесного ореха, зажатого между пальцами. Однако истинным повелителем этой земли, самым могущественным существом Лемурийского континента считался ужасный деодас — свирепый драконокот. По преданиям, он имел три головы, жил практически вечно и обладал удивительной неуязвимостью. Тонгор слышал, что даже огромный дварк из джунглей Куша, достигавший тысячу шагов в длину, боялся непобедимого деодаса.

Впрочем, валькар пришел сюда за дичью, а не за трофеями. В джунглях в изобилии росли плоды, любимые фондлами — серыми газелями и злобными зульфарами — лемурийскими кабанами, из окорока которых получалось великолепное жаркое. Охотник облизнулся при мысли о кабаньей туше, медленно поворачивающейся на вертеле, укрепленном над костром, который развела Соомия на берегу моря.

Немного погодя Тонгор набрел на звериную тропу, которая, вероятно, вела к какому-то водоему. Обнаружив ее, он взобрал-

ся на дерево с алой корой и дальше стал осторожно пробираться по ветвям, образовавшим верхний ярус джунглей.

Вокруг озерца, к которому привела тропа, Тонгор заметил множество следов фондлов. Перебравшись на огромное дерево, ветви которого нависали над водой, он увидел и самих пришедших на водопой серых газелей. В то время как три упитанные самки утоляли жажду, огромный самец, чья гордая голова была увенчана короной из великолепных рогов, стоял на страже. Пока его чуткие ноздри не обнаружили охотника, Тонгор, облюбовав самую толстую самку, прицелился и спустил тетиву. Длинная стрела пронзила сердце газели, уложив ее наповал. Остальные фондлы убежали прежде, чем северянин спрыгнул с дерева, чтобы завладеть добычей.

Тонгор опустился на одно колено, намереваясь вынуть стрелу, но сделать этого не успел. Кусты перед ним раздвинулись, и он встретился взглядом с горящими глазами громадного черного льва. Вандар был голоден. Всю ночь он бродил по джунглям, выслеживая дичь, и только теперь учуял запах свежего мяса и горячей крови. Смерив голодным взглядом человека, стоявшего между ним и тушей жирной газели, лев яростно хлестнул себя по бокам хвостом и прыгнул вперед.

Обнажив меч, Тонгор вскочил с земли, готовясь достойно встретить незваного гостя, но в этот момент брошенная из-за кустов дубинка обрушилась на его затылок. Последнее, что он увидел, проваливаясь во тьму, были блестящие когти вандара, готовые вонзиться в горло...

* * *

Соомия и Карм Карвус придвинулись к костру, пытаясь высушить одежду и согреться,— дувший со стороны моря холодный ветер пробирал до костей. Солнце ползло к зениту — близился полдень, а Тонгор все еще не возвращался. Назначенный им срок миновал трижды, но варвар так и не давал знать о себе. Принцесса не находила места от беспокойства и в который уже раз предлагала отправиться на поиски северянина, однако Карм Карвус оставался непреклонен:

— Моя принцесса, я бы с удовольствием пошел в джунгли за Тонгором. Но коль скоро он решил, что мы должны дожидаться его тут, то так и следует поступать. Он лучше нас при-

способлен к жизни в лесу, и ему, я полагаю, виднее, как надобно поступать.

— Что-то нарушило его планы! Он давно должен был вернуться. Я чувствую, я знаю — он попал в беду!

— Возможно, и все же нам не стоит идти в джунгли. Я обещал ему оставаться здесь и не спускать с тебя глаз, так позволь мне сдержать слово.

Заявление это окончательно вывело Соомию из себя. Она вовсе не была избалованным ребенком, порождением клонящейся к закату культуры,— племя ее совсем недавно вкусило плоды цивилизации, и под внешним лоском принцессы скрывалась натура деятельная и сильная. Возлюбленный ее попал в беду: возможно, он ранен или находится на краю гибели — мысль об этом заставила Соомию забыть о собственной безопасности.

Девушка сделала выбор. С человеком, которого она любит, стряслось несчастье, и она должна поспешить к нему на помощь. Поэтому Соомия вскочила на ноги и оправила на себе одеяние, почти не скрывавшее ее гибкое тело цвета слоновой кости. Захватив украшенный драгоценностями кинжал, она, не глядя на Карма Карвуса, двинулась к джунглям.

— Принцесса, образумься! Ты должна дожидаться Тонгора здесь! Ведь он сказал...— попытался остановить девушку дворянин, но она нетерпеливо оборвала его:

— Тонгор поручил тебе оберегать меня. Но он не говорил, что я должна сидеть сложа руки, когда его, быть может, убивают, когда ему грозит неминуемая гибель! Если ты намерен помочь мне, так пойдем и попытаемся вместе отыскать его.

Карм Карвус невольно усмехнулся. Он восхищался девушкой, страстно желавшей разыскать и спасти Тонгора от неведомой опасности. В ее рассуждениях определенно был смысл — не век же им торчать на этом берегу! К тому же, если она твердо решила идти за своим милым, ему не остается ничего иного, как последовать за ней. Карм Карвус перекинул через плечо тяжелый алый плащ валькара и, вооружившись саблей, последовал за принцессой.

— Ну что ж, идем, если тебе невтерпеж! Надеюсь, когда-нибудь и я встречу женщину, которая полюбит меня так, как ты своего северянина.

Соомия благодарно улыбнулась ему, и они вместе вступили под сень джунглей.

Некоторое время путники двигались между деревьями в полной тишине. Они не знали, куда направился Тонгор, но долгое ожидание так сильно угнетало их, что любой путь казался теперь предпочтительней дальнейшего пребывания на прежнем месте. С каждым шагом путешественники уходили все дальше от берега, однако направление, выбранное ими наугад, нисколько не соответствовало тому, в котором ушел валькар.

Ни Карм Карвус, ни Соомия не подозревали, что за каждым их шагом наблюдает пара внимательных глаз следующего за ними по пятам лохматого существа, вооруженного увесистой деревянной дубинкой и каменным ножом.

Пробираясь между толстыми стволами деревьев, друзья тщетно искали оставленные Тонгором следы. Карм Карвус время от времени делал на деревьях зарубки, отмечая дорогу. Сейчас он особенно остро ощутил недостаток опыта, позволявшего северянину чувствовать себя в джунглях как дома, и предпринимал все от него зависящее, чтобы не заблудиться.

Постепенно лес начал редеть, стволы деревьев — утоньшаться, и вскоре путники вышли на поляну, заросшую высокой травой. Приятно было после зеленых сумерек джунглей вновь очутиться на открытом пространстве, под ласковыми лучами солнца. Из высокой травы на поляне торчали с полдюжины растений весьма необычного вида. Бочкообразные стволы их достигали шести футов и заканчивались восемью свешивавшимися чуть не до земли толстыми лианами, между которыми виднелись обрывки паутины. Ничего подобного Карму Карвусу до сих пор видеть не приходилось.

— Не пора ли нам сделать привал? — спросила Соомия, прислоняясь к стволу одного из бочкообразных растений.

Карм Карвус не успел ответить. Ему показалось, что поблизости кто-то издал тихое предостерегающее восклицание, и воин почувствовал легкий укол в затылок. Лицо его перекосила судорога, по телу прокатилась волна дрожи, вызвав неприятное ощущение нависшей опасности. Тревожно оглядевшись по сторонам, аристократ Тсаргола не обнаружил, однако, никаких причин для беспокойства. В мирном небе не видно было даже намека на присутствие гракков — свирепых тварей, похожих на помесь ястреба с ящерицей, только гигантского размера. Обступившие поляну джунгли замерли под горячими солнечными лучами. Карм Карвус недоуменно пожал плечами: ни ветра, ни

зверей — и все же тени от лиан, свисающих с бочкообразных растений, почему-то шевелятся.

Извиваются, словно звери!

— Принцесса, осторожно! Сзади! — крикнул он, обнажая саблю.

Соомия взвизгнула. Лианы, свисавшие с ближайшего растения, неожиданно оплели принцессу, словно щупальца кракена Северного моря. Одна из лиан обвилась вокруг левой руки девушки, другая вокруг ее талии. Третья, не давая дышать, удавкой захлестнула горло.

Лианы напряглись, пытаясь оторвать Соомию от земли.

Издав воинственный клич, Карм Карвус принялся рубить зеленое щупальце, обвивавшее руку принцессы. Его сабля была острой, как лезвие бритвы, и хотя лиана оказалась не только жесткой, но и упругой, ему все же удалось рассечь ее в нескольких местах. Из порезов, будто кровь из ран, хлынул древесный сок.

Вновь и вновь падал клинок, и все же результаты оставляли желать лучшего. Не успел Карвус расправиться с одной лианой, как следующая уже оплела девушку, извивающуюся в отчаянных попытках освободиться. Пот заливал лицо аристократа и жег глаза. Растение между тем подняло принцессу и начало подтягивать к открывшемуся у основания лиан отверстию. Медленно распахнувшись, оно стало походить на громадную пасть, поблескивавшую похожей на слюну влагой. Воздух наполнился зловонием — так пахнет гниющее мясо и разлагающаяся кровь. Карм Карвус сделал шаг, выбирая место для следующей атаки, и тут что-то покатилось у него из-под ног. Он опустил глаза и увидел скалящийся на него из густой травы череп, поверхность которого была изъедена какой-то дрянью.

Дворянин содрогнулся от страшной догадки: они столкнулись с деревьями-людоедами Ковии.

В Тсарголе и его окрестностях рассказывали ужасные истории про растущие в джунглях Ковии плотоядные деревья, и теперь Карм Карвус убедился, что слышанные им страшные сказки являются чистой правдой. Осознав это, он пожалел, что в руках у него легкая сабля, а не всесокрушающий меч северянина, ибо встреча с деревом-людоедом могла кончиться трагически. Доведется ли ему еще раз увидеть Тонгора? Как сможет он взглянуть в золотистые глаза варвара, если с Соомией что-нибудь случится?

Карм Карвус расставил пошире ноги и, собрав все силы, яростно обрушил саблю на лианы, увлекающие принцессу все выше и выше. Он бил и бил, рубил и рубил, и вот, наконец, тело девушки упало наземь. Клинок рассек лиану, обвившуюся вокруг шеи Соомии, принцесса глубоко вздохнула и, устремив округлившиеся от страха глаза за спину Карма Карвуса, вскрикнула:

— Обернись, взгляни назад!

Воин Тсаргола стремительно повернулся и увидел, что к нему тянутся щупальца-лианы соседнего дерева-людоеда. Он не успел увернуться, и одно из них захлестнуло руку с саблей, другое, опутав ногу, дернуло и повалило его на землю. Карм Карвус рванулся что было сил и почувствовал, как лианы поднимают его в воздух.

Свободной рукой он попытался отодрать охватившее грудь щупальце. Молча и яростно боролся Карм Карвус, напрягая все силы, но другие лианы уже опутали его живот и бедра. Смертоносные объятия их становились все крепче и крепче...

Меч выпал из сжатой лианой руки, и теперь дереву-людоеду уже ничто не мешало расправиться со своей жертвой. Карм Карвус знал, что смерть совсем рядом, уже дышит смрадом в лицо, но всплывший из глубин памяти клич Тонгора «Я жив! Я все еще жив!» заставлял его продолжать неравный бой.

Глава 4
ПЛЕННИКИ ЗВЕРОЛЮДЕЙ

Пусть у столба, судьбу кляня,
Они изведают огня!
И пламя алого цветка
Вмиг подрумянит им бока!

Песня зверолюдей

Черный лев прыгнул на выскочившего ему навстречу полуголого человека, но бронзовокожий упал прежде, чем его настиг сокрушительный удар когтистой лапы. Лев понял, что противник не притворяется — из раны на затылке охотника сочилась струйка крови. Бесшумно обойдя человека, вандар глухо зарычал. Стальные мускулы перекатывались под шелковистой кожей хищника. Лев ожидал, что охотник вот-вот вскочит на ноги

и попытается удрать, тогда-то он и сразит его точным ударом, однако человек не подавал признаков жизни.

Вандар склонил морду, и горячее дыхание его коснулось лица бронзовокожего, однако и это не заставило Тонгора пошевелиться. Лев зарычал, черная жесткая шерсть встала дыбом, но никто не ответил на брошенный им вызов. Обнажив клыки в зловещей усмешке, вандар еще раз обнюхал Тонгора. Горячая слюна капала на шею валькара, зловонное дыхание обдавало его лицо...

Дубинка, поразившая Тонгора, была с неимоверной силой брошена рукой зверочеловека — существа, отдаленно напоминающего человекообразную обезьяну. Скрываясь в густом кустарнике, растущем между могучими стволами алых и пурпурных деревьев, Магшук проследил за сразившей газель стрелой валькара. Инстинкт, повелевавший зверолюдям убивать всех, кто не принадлежит к их племени, подсказал ему убить незнакомца. Он слишком поздно заметил льва, иначе, конечно, не стал бы рисковать и предоставил вандару расправиться с пришельцем, но теперь дело было сделано. Глядя на разверзшуюся над горлом Тонгора пасть льва, Магшук растянул губы в жестокой ухмылке, и маленькие кабаньи глазки его блеснули торжеством. Если дубина и не проломила череп бронзовокожему, клыки вандара довершат начатое, и ему больше не о чем беспокоиться. Удовлетворенно поведя мохнатыми плечами, зверочеловек бесшумно скрылся среди деревьев.

Очнувшись, Тонгор почувствовал, что череп его раскалывается от боли. Тяжелая дубинка была брошена с силой, достаточной для того, чтобы треснул череп любого человека, и Тонгора спасло лишь то, что, рванувшись навстречу льву, он частично ушел из-под смертоносного удара, смягченного к тому же густой жесткой гривой волос, которые валькар имел обыкновение зачесывать назад.

Из-за пронизывающей все тело боли Тонгор, очнувшись, некоторое время не мог двинуть ни единым мускулом, и это вторично спасло ему жизнь. С усилием приоткрыв глаза, он увидел склонившегося над собой черного льва, и только железная воля помогла ему не броситься наутек. Оставаясь неподвижным, северянин снова опустил веки. Лев, продолжая подозрительно принюхиваться, вытянув лапу, положил ее на неподвижное тело и потряс его. Голова человека безвольно мотнулась из стороны в сторону. Кровь из раны на затылке окрасила траву и опавшие листья.

Вандар замер в нерешительности. Только молодой, неопытный лев предпочтет жилистую, жесткую человечину сочному и жирному мясу еще теплой газели. С презрительным сопением вандар отвернулся от распростертого на земле мертвеца, предпочитая вкусное съедобному. Ухватив тушу газели мощными челюстями, черный лев поволок ее в кустарник. Тонгор, продолжая прикидываться убитым, лежал совершенно неподвижно. Он отчетливо слышал треск кустов, сквозь которые проламывался вандар, намереваясь насладиться чужой добычей в уединении.

Когда все стихло, северянин, не произведя ни звука, вскочил на ноги.

В голове его гудело, как от ударов молота по наковальне, все болело, словно от жестокого похмелья, но руки и ноги оказались целы и готовы были служить хозяину по-прежнему. Тонгор, пошатываясь, добрел до озерца — совсем недавно из него пила украденная львом самка фондла — и опустил голову в холодную воду, чтобы промыть и очистить рану. С радостью ощутил он легкое пощипывание и озноб, вызванные ледяной родниковой водой, бившей из-под заросшего мхом камня. Почувствовав, что в голове начинает проясняться, северянин утолил жажду и, преодолевая слабость, подобрал меч, лук и колчан со стрелами, после чего вновь забрался на склонившееся к воде дерево. Голова продолжала болеть, но благодаря могучему сложению валькар быстро справился с последствиями повергшего его наземь удара. Человек другого склада после пережитого потрясения решил бы, вероятно, вернуться к летающему кораблю, но Тонгора не зря называли северным варваром. Он полагал, что если уж отправился на охоту, то во что бы то ни стало должен принести свежее мясо к обеду. И потом, где-то поблизости таился швырнувший дубину враг, и северянин собирался разузнать о нем как можно больше.

Часа два Тонгор кружил около водоема, укрываясь от возможных противников то на ветвях больших деревьев, то среди кустов. Но, несмотря на тщательные поиски, он не смог обнаружить следы неведомого врага. В конце концов, подстрелив похожую на куропатку птицу, варвар решил вернуться к «Немедису». Горожанину было бы нелегко отыскать обратный путь, но для Тонгора это не составляло особого труда. Уложив добычу в мешок, он скользнул в лесную чащу и направился к летающему кораблю так уверенно, словно видел его сквозь зелень.

* * *

Магшук — тот, чья дубина едва не стала причиной гибели Тонгора — стоял в дозоре, иначе говоря, охранял племенные охотничьи угодья от жадных до дармовой добычи чужаков. Далеко за полдень обходя порученный ему участок джунглей, он неожиданно столкнулся с целым отрядом весьма похожих на Магшука зверолюдей. Дюжина охотников тащила двух крепко связанных гладкокожих пленников: полуобнаженную девушку и худощавого молодого человека в странных, невиданных прежде одеяниях. При виде Магшука чужаки опустили свою ношу, и предводитель их с ворчанием выступил вперед.

Шеи у зверолюдей почти полностью отсутствовали, тела поросли густой короткой шерстью. Нарушители границ сильно смахивали на обезьян — длинные мускулистые руки, свешивавшиеся едва ли не до земли, короткие кривые ноги, мощные торсы, широкие грудь и плечи. Шеи у зверолюдей почти полностью отсутствовали, тела поросли густой короткой шерстью Красные маленькие глазки, злобно сверкавшие из-под выступающих надбровий, словно из глубоких пещер, еще больше усиливали сходство со свирепыми гориллами. Дополняли картину страшные клыки, торчавшие из слюнявой пасти, и полное отсутствие подбородка. Впрочем, пришельцы уверенно передвигались на задних конечностях, сжимая в передних сделанные из твердого дерева дубинки и копья с каменными наконечниками. Этим да, пожалуй, еще обмотанными вокруг бедер обрывками шкур и исчерпывались свидетельства того, что существа, встреченные Магшуком, равно как и сам он, имели несколько более изощрённый ум, чем обезьяны.

Магшук обнажил желтые клыки и грозно зарычал, вызывая противника на поединок. Шерсть, растущая у него на затылке и вдоль позвоночника, встала дыбом. Выразительно покачивая длинными сильными руками, Магшук медленно двинулся вперед на полусогнутых, раскоряченных ногах. Маленькие красные глазки его при этом кровожадно сверкали в предвкушении предстоящего убийства. Вожак пришлых зверолюдей вел себя почти как Магшук, с той лишь разницей, что в руках его было копье с каменным наконечником и он угрожающе размахивал им, пытаясь посеять страх в сердце противника. Приблизив-

шись друг к другу, противники остановились, и Магшук ударил себя волосатым кулаком в еще более волосатую грудь.

— Я Магшук! Великий воин! — прорычал он.— Я убил много людей! Все люди боятся Магшука!

Вождь пришельцев поднял копье над головой и, сотрясая им, рявкнул:

— Я Онгус — славный боец! Великий охотник! — Он оскалился, обнажив солидных размеров клыки.— Все в джунглях боятся Онгуса! Онгус убил много вандаров — черных львов! Убивал он и людей!

Соомия и Карм Карвус внимательно наблюдали за тем, как два зверочеловека, странно раскорячившись, приседая на полусогнутых ногах, сблизились и начали обмениваться угрозами. Затем, громко сопя, совсем как заправские борцы, принялись медленно двигаться по кругу, не забывая в то же время запугивать противника.

— Магшук убьет Онгуса! — ревел один.

— Онгус убьет Магшука! — вторил ему другой.

Магшук довольно выпрямился и снова ударил себя в грудь:

— Магшук — Человек Огня, Онгус — Человек Огня. Зачем нам убивать друг друга? Убьем наших врагов!

Вождь пришельцев тоже поднялся во весь рост и возвестил:

— Мир между Людьми Огня! Смерть нашим врагам!

Таким образом, мир между соплеменниками, постоянно готовыми сцепиться друг с другом без повода и причины, был заключен, и Магшук получил возможность рассмотреть пленников.

— Нашли мясо? — спросил он отрывисто.

— Онгус — великий охотник! Добыл еду для племени. Все Люди Огня повеселятся этой ночью,— ответствовал вожак пришельцев, гордо выпячивая грудь.

Соомия и Карм Карвус обменялись красноречивыми взглядами. Неужели их ожидает столь страшная участь? Неужели судьба уберегла их от деревьев-людоедов только для того, чтобы они послужили пищей зверолюдям?

— Набить животы — великое дело. Хорошая добыча,— одобрительно кивнул Магшук.— Где нашли мясо?

Онгус махнул рукой:

— На поляне Деревьев-жрущих-людей. Долго шли по лесу. Увидели деревья, поймавшие мясо. У нас был Огненный Цветок. Мы послали его на деревья, и они бросили мясо. Мы схватили их

добычу, связали веревкой, понесли в деревню. Все Люди Огня будут есть!

Столь красноречиво описанные Онгусом события на самом деле выглядели следующим образом.

Выслеживавшие Соомию и Карма Карвуса зверолюди шли за ними до поляны деревьев-людоедов и видели, как чужеземцы были схвачены лианами. Помимо примитивного оружия, зверолюди всюду таскали с собой глиняный кувшин, в котором хранили Огненный Цветок. Его-то они и решили использовать, чтобы завладеть добычей деревьев-людоедов, подпалив сухую траву с наветренной стороны поляны. Хитрость эта увенчалась успехом: огонь, мгновенно разгоревшись, достиг хищных деревьев, и когда пламя стало лизать их стволы, щупальца-лианы, разжавшись, выпустили Карма Карвуса и принцессу, которые тут же были захвачены зверолюдьми.

Магшук осматривал пленников, одобрительно кивая и ворча, а прямо над его головой, в густой листве затаился внимательный и осторожный охотник. Охотником этим, разумеется, был Тонгор, который, возвращаясь к «Немедису» по ветвям деревьев, заметил движущийся по тропинке отряд зверолюдей. Спустившись пониже, он обнаружил, что обезьяноподобные существа тащат его связанных товарищей, и был немало изумлен этим. Обдумывая план освобождения пленников, валькар наметанным глазом оценил силу зверолюдей и значительное их численное превосходство.

Родившийся на бесплодном побережье в северной части Лемурии, Тонгор плохо знал обитателей тропических джунглей. Он никогда не встречался со зверолюдьми и не мог оценить их бойцовские качества, так же как охотничьи приемы, хитрости и уловки. Впрочем, если судить по широким плечам, вздувшимся на груди мускулам и длинным сильным рукам, это были достойные противники. Приобретенный на полях брани опыт заставил Тонгора признать, что даже ему в одиночку вряд ли удастся одолеть дюжину свирепых тварей, плениших его товарищей. Значительно разумнее, передвигаясь по деревьям, следить за людоедами в ожидании подходящего момента: возможно, зверолюди разбредутся в поисках еще какой-либо добычи, тогда он и сразится с теми, кого оставят охранять пленников. Валькар не исключал и встречи с неведомым противником, силачом, метнувшим дубинку у водоема. Вооружение зверолюдей,

равно как и интуиция бывалого воина, подсказывали, что покушавшееся на его жизнь существо не входит в замеченный отряд. Появление незнакомца могло бы существенно облегчить стоящую перед Тонгором задачу.

Однако северянина постигло жестокое разочарование — людоеды легко договорились — и теперь ему оставалось лишь продолжать незаметное наблюдение за отрядом Онгуса, тащившего добычу в деревню. Тихо и неотступно, как тень, следовал Тонгор за зверолюдьми и присоединившимся к ним Магшуком, не теряя надежды, что рано или поздно удача улыбнется ему. С настойчивостью и терпением настоящего охотника он ждал своего часа, сосредоточив усилия на том, чтобы не быть обнаруженным раньше времени.

Далеко за полдень отряд достиг поселения зверолюдей. Джунгли поредели в преддверии большой поляны, часть которой затеняли густые кроны мощных деревьев. Тонгор внимательно осмотрел деревню: кольцо хижин, сооруженных из глины и травы, в центре — два примитивных, но несколько больших по размерам жилища, принадлежащих, видимо, вождю племени и шаману. От нападения хищников селение защищал высокий частокол; заостренные и обожженые на костре концы бревен поблескивали на солнце.

Оставаясь невидимым, Тонгор наблюдал за тем, как Соомию и Карма Карвуса протащили через ворота, как Онгус и его спутники грубо расталкивали толпу своих мохнатых соплеменников, высыпавших из жилищ, чтобы взглянуть на добычу. Возле одной из центральных хижин охотники бросили связанных пленников на землю, покрытую отбросами. Соомия и Карм Карвус попытались осмотреться — их внимание привлекли два вкопанных перед входом столба. На пленников пустыми глазницами пялились десятки высохших и потемневших от времени голов. Они были подвешены на длинных кожаных ремешках, привязанных к сохранившимся длинным грязным волосам. Лица оставались открытыми, и можно было разглядеть, что одни головы принадлежат обезьяноподобным тварям, а другие — людям той самой расы, к которой относились Соомия и Карм Карвус. Подобное зрелище могло ужаснуть кого угодно, и принцесса поспешно отвела взгляд от жутких столбов.

Зверолюди радостно рычали, предвкушая трапезу, время шло, и наконец из хижины вышел громадный зверочеловек — Ко-

гур, предводитель Людей Огня. Он был выше и, вероятно, сильнее любого из соплеменников. Толстые, как канаты, чудовищные мышцы рельефно выделялись на широкой груди, перекатывались под поросшей густой шерстью кожей при каждом движении длинных и крепких рук. Голову вождя венчало некое подобие короны, огромные зубы зловеще поблескивали, а под низким лбом, подобно раскаленным угольям, пылали маленькие, глубоко посаженные глазки. Широкие плечи Когура прикрывала накидка из шкуры вандара, толстую шею украшало ожерелье из собачьих и человечьих зубов. Держался вождь заносчиво и на заполнившую площадь толпу, пленников и доставивших их в деревню охотников поглядывал свысока. В тоне Онгуса, почтительно приветствовавшего предводителя Людей Огня, явственно звучали раболепные нотки.

— Великий вождь Когур! Тебе принадлежит мясо, добытое Онгусом, храбрым охотником,— произнес он, указывая на связанных пленников.

Предводитель зверолюдей что-то невнятно проворчал, и тогда Онгус протянул ему великолепную саблю Карма Карвуса. Когур мельком взглянул на украшенную драгоценными каменьями рукоять и бросил саблю в глубину хижины.

— Хо, гладкокожий! — прогромыхал он, тыча Карма Карвуса ногой.— Твоя острая палка разучилась убивать. Ты далеко забрел от каменного города... Решил погулять в джунглях? Тебе понравится наше гостеприимство! — Толстые губы Когура растянулись в ухмылке, толпа зверолюдей взревела, приветствуя примитивную шутку.

— Если ты развяжешь мне руки, я покажу тебе, на что способна эта острая палка,— медленно, акцентируя каждое слово проговорил Карм Карвус, с презрением глядя на вождя каннибалов.

— Быть может, ты получишь свою палку. Когур не боится гладкокожего. Когур убил много людей!

— Наверное, их прежде крепко связали, как меня теперь? — насмешливо уточнил дворянин.

В маленьких глазках вождя вспыхнула ненависть, он зарычал и пнул Карма Карвуса. Поскольку тот не выказал признаков боли или страха, Когур, озверев, принялся самозабвенно топтать дерзкого пленника. Затем, утомившись и поостыв, он перевел взгляд на девушку. Его багровые глазки сузились и

масляно заблестели при виде грациозного, едва прикрытого превратившейся в грязные лохмотья одеждой тела принцессы. Когур задержал взгляд на длинных стройных ногах и маленьких острых грудях, вздымавшихся и опадавших в такт прерывистому дыханию Соомии.

Никогда еще зверочеловеку не случалось видеть такой прекрасной женщины. Самки его племени — приземистые, коротконогие и волосатые — никогда не пробуждали в вожде такого желания. Когур понял, что непременно должен обладать этой женщиной, но скрыл охватившее его вожделение и, стараясь казаться безразличным, прорычал:

— Ночью, когда луна будет высоко, мы угостим Огненный Цветок гладкокожими. Потом их мяса отведает племя. Когур все сказал.

Повернувшись спиной к толпе, вождь приказал Онгусу оттащить каждого из пленников в отдельную хижину и приставить к ним охрану. Отдав это распоряжение, он скрылся в глубине дома.

Несколько часов, которые связанная по рукам и ногам Соомия провела в темной вонючей хижине, показались ей невероятно длинными, прямо-таки нескончаемыми. Томимая жаждой, голодом и болью от врезавшихся в тело веревок, она не могла поверить, что день все еще не кончился и солнце попрежнему сияет на небосклоне. Со временем, однако, боль притупилась, жажда и голод превратились в некий привычный фон и мысли принцессы начали путаться. Она думала о доме, о путешествии по дикой, неведомой стране, где ее окружали смертельные враги... О том, что любимый ее, возможно, мертв и ей совсем не хочется жить... Ее охватило безразличие ко всему на свете, тело словно окаменело, потеряло чувствительность, и девушка погрузилась в глубокий сон.

Проснувшись от какого-то шума, Соомия в первые мгновения не могла вспомнить, что с ней произошло и как она сюда попала. Входной проем был едва различим,— наверно, пока она спала, наступил вечер. Вечер?.. Принцесса начала припоминать события последнего дня, но тут в хижине стало совсем темно — громоздкая фигура заслонила проникавший с улицы сумеречный свет, и сердце у девушки учащенно забилось, грозя выскочить из груди. Изо всех сил вглядывалась она в непроглядную темень, стараясь различить черты лица вошедшего. Увидеть ей ничего не

удалось, зато она услышала звук шаркающих по земляному полу ног, а затем низкий хриплый голос негромко произнес:

— Огонь потом, сначала удовольствие. Еще не время для Огненного Цветка. Я, Когур, пришел осчастливить тебя!

Сильная рука грубо схватила Соомию за ногу, и девушка закричала.

Глава 5
ОГНЕННАЯ СМЕРТЬ

Сильней ста тысяч талисманов,
Сильней камланий всех шаманов,
Магов сильней и волшебных колец
Страха не ведающий боец!

Алая Эдда

Всю вторую половину дня Тонгор провел, укрывшись от зверолюдей на вершине могучего дерева. Он наблюдал. Когда Когур вышел осмотреть доставленных Онгусом пленников, надежный лук оказался у валькара в руках. Лежащая на тетиве стрела была нацелена в сердце вожака зверолюдей, и, если б тот отдал приказ расправиться с беззащитными жертвами, Тонгор не задумываясь выпустил бы ее. Северянин видел, как Соомию и Карма Карвуса утащили в ближайшие хижины, и ожидал лишь наступления ночи, чтобы, воспользовавшись темнотой, проникнуть в деревню и вызволить их из беды.

Тонгор обладал неистощимым терпением, и все же проведенные в бесплодном ожидании часы показались ему бесконечно мучительными. Вспомнив, что с прошлой ночи во рту у него не было ни крошки, он возблагодарил Отца Горма за жирную птицу, подстреленную им утром. Сидя на ветке, костра не разведешь, и потому валькар съел свою добычу сырой. Такая трапеза едва ли пришлась бы по нутру горожанину, но северянин, если его принуждала к тому необходимость, легко мог обходиться без удобств, ставших неотъемлемой частью жизни цивилизованного человека. Когда-то, будучи еще мальчишкой, он, скитаясь по безлюдным землям северной Лемурии, на леднике Остефелла попал в западню, устроенную снежными обезьянами. Загнавший его туда улс — горный медведь, покрытый густым снежно-

белым мехом — тоже оказался в ловушке, и Тонгору не оставалось ничего иного, как сразиться с ним. Сутки пришлось северянину сидеть среди голых камней, и, когда голод в конце концов заставил его освежевать медвежью тушу, вонючее мясо хищника даже в сыром виде показалось Тонгору не столь отвратительным, как можно было ожидать. Теперь, укрываясь от свирепых гориллоподобных тварей джунглей Ковии на верхушке могучего дерева, он точно так же склонен был признать, что сырое мясо похожей на куропатку птицы вполне годится в пищу.

Западный край небосвода полыхнул алым, и солнце опустилось в море. Над лемурийскими джунглями взошла золотая луна, и в деревне начались приготовления к пиру. На открытом месте были установлены два столба, загремели барабаны, и зверолюди стали собираться на торжественную церемонию. Рассудив, что для задуманного набега уже достаточно темно, Тонгор покинул укрытие.

Скользнув вниз по стволу приютившего его дерева, он пробежал по нависшей над поляной ветке, спрыгнул на землю и двинулся к частоколу. Одним прыжком добрался он до обожженных концов бревен и, перевалившись через явно не рассчитанное на его силу и ловкость ограждение, оказался в деревне. Оглядевшись, Тонгор первым делом направился к хижине, в которую поместили принцессу. Пользуясь любым укрытием, каждым затененным участком земли, он, невидимый и неслышимый, как призрак, пересек готовившуюся к веселью деревню.

Барабаны стучали, подобно гигантским сердцам. Вой и крики, издаваемые зверолюдьми, после того как они опустошали огромные глиняные кружки с пивом, могли заглушить любые подозрительные звуки, и вскоре северянин перестал опасаться, что его обнаружат.

Зверолюди и правда были так увлечены поглощением пива и оглушены барабанами, что не обратили внимания на крик Соомии, донесшийся из хижины, к которой направлялся Тонгор. Северянин, однако, расслышал бы призыв своей возлюбленной сквозь любой шум, да и грубые голоса здешних женщин трудно было спутать с чистым сопрано принцессы. Подобно молнии, брошенной Богом Шторма — Диремом, валькар устремился ко входу в заветную хижину.

В несколько гигантских прыжков он преодолел пространство до входа и влетел внутрь. Глаза его успели привыкнуть к

темноте и сразу обнаружили гигантскую фигуру вождя зверолюдей, склонившегося над связанной пленницей. Северянин железной рукой ухватил Когура за плечо и рывком развернул. Зверочеловек изумленно вытаращил глаза, тщетно пытаясь разглядеть в кромешной тьме наглеца, осмелившегося прикоснуться к нему. Громоподобный рев сотряс хижину.

Тонгор, не тратя времени на церемонии, впечатал тяжелый кулак в лицо зверочеловека, превращая его в кровавое месиво; хрустнули выбитые зубы. Свирепый каннибал, сбитый с ног страшным ударом, отлетел в сторону, с глухим стуком врезавшись в стену, и распластался на земляном полу, подобно гигантскому мешку с мясом.

Соомия с всхлипом втянула воздух, собираясь вновь закричать, и северянин, приказав принцессе сохранять спокойствие, поспешно закрыл ей рот ладонью. Девушка узнала Тонгора, и сердце ее затрепетало от радости. Она-то думала, что он погиб или находится невесть где, и вдруг ее возлюбленный чудесным образом появляется, чтобы вырвать ее из вонючих объятий зверочеловека! Сильные заботливые руки в один миг освободили девушку от веревок и поставили на ноги. Тело принцессы онемело от неподвижности, и она, беспомощно покачнувшись, прижалась к валькару, уронив голову на его широкую грудь. Бормоча слова ободрения и поддержки, Тонгор принялся растирать руки и ноги девушки, стараясь поскорее восстановить нарушенное путами кровообращение.

Занимаясь столь важным делом, варвар не заметил, как в дверном проеме неслышно возник темный силуэт. Рука вошедшего поднялась, и что-то тяжелое со всего размаха ударило Тонгора в висок. Разноцветные круги замелькали перед Тонгором, и последнее, что он услышал, погружаясь в насыщенный сполохами мрак, был пронзительный крик Соомии.

* * *

Оттащив Карма Карвуса в хижину, зверолюди убедились, что он надежно связан, и разошлись по своим делам. Оставшись в одиночестве, дворянин, превозмогая боль в избитом теле, постарался принять сидячее положение. Отчаяние и чувство обреченности сменила холодная решимость во что бы то ни стало спасти принцессу от ужасной смерти. Жив Тонгор или нет —

неизвестно, но он поручил Карму Карвусу беречь Соомию, и аристократ намерен был оправдать доверие северянина даже ценой собственной жизни. Не обращая внимания на ссадины, ушибы и кровоподтеки, заставив себя не думать о пище и воде, в которых он начал испытывать настоятельную потребность, Карм Карвус принялся обдумывать создавшуюся ситуацию.

Он крепко связан прочными веревками, сплетенными из волокнистых стеблей, руки и ноги затекли так, что ими едва можно пошевелить. Если он собирается бежать из плена и помочь Соомии, то делать это надо немедленно, пока тело подчиняется ему. Оставаясь в сидячем положении, Карм Карвус попытался разорвать веревки, но скоро убедился, что сделать это не в силах. Старания его, впрочем, были не напрасны — они навели дворянина на хорошую мысль. Если веревки нельзя порвать и разрезать, их можно перетереть. Зубчатый край пряжки перевязи подходил как нельзя лучше, и Карвус стал терпеливо перетирать о нее стягивавшие запястья веревки. Руки потеряли чувствительность, и порой он обдирал их о шероховатый металл, но вид собственной крови и запоздалое ощущение боли от порезов не заставили пленника прервать труд, суливший ему освобождение.

Вскоре Карм Карвус взмок от пота, а веревки, которые он перепиливал,— от крови, однако это не поколебало его решимости. Час проходил за часом. Ему казалось, что он мучается уже целую вечность и страдания его продлятся до скончания веков. Не думая ни о чем, потеряв счет времени и погрузившись в некое подобие транса, он тер, тер и тер проклятые травяные путы, пока внезапно до него не донесся приглушенный расстоянием отчаянный крик Соомии. Крик этот подействовал на Карма Карвуса, как ушат холодной воды. Собравшись с силами, он яростно рванул наполовину перепиленные веревки, и они с сухим треском лопнули.

Освободив руки и плечи, дворянин вцепился в стягивавшие ноги путы и после непродолжительной борьбы сумел избавиться и от них.

Поднявшись с земли ценой отчаянных усилий Карм Карвус, пошатываясь, добрел до стоявшего в центре хижины столба, поддерживавшего низкую кровлю. Опершись понадежней, он оглядел усыпанный мусором и обглоданными костями пол в поисках оружия. Заметив толстую обгорелую палку, воин из-

влек ее из кучи хлама, скопившегося в углу хижины, и, зловеще улыбаясь, выбрался на улицу. Даже в темноте ему было нетрудно определить, откуда донесся крик принцессы, и аристократ бесшумно скользнул в соседнюю хижину.

Мощная мужская фигура нависла над Соомией, чье обнаженное тело матово светилось в полумраке. Проклиная свою медлительность и неуклюжесть одеревеневших членов, Карм Карвус поднял палку и с силой обрушил ее на голову угрожавшего девушке верзилы. Тот, не издав ни звука, рухнул на пол, а принцесса, пронзительно вскрикнув, отшатнулась от спасителя.

— Быстрее! — позвал ее Карм Карвус.— Бежим, пока сюда не явились наши тюремщики!

— Но это же Тонгор! — всхлипнула девушка.

— Тонгор? — недоуменно повторил дворянин. Наклонившись, он быстро осмотрел сраженного им человека, и из уст его вырвался приглушенный стон.

— Что я наделал! — В отчаянии Карм Карвус схватился руками за голову, ноги его подкосились. Покалывание тысячи невидимых раскаленных иголок в онемевших конечностях стало почти нестерпимым.— Сюда, принцесса, помоги мне его поднять!..

Но последствия оказались непоправимыми. Крики Соомии привлекли внимание зверолюдей, они толпой ворвались в хижину и набросились на пленников. Карм Карвус попробовал сопротивляться, но толку от этого было немного, так как руки и ноги пока еще плохо повиновались ему. Каннибалы проворно связали девушку, Карма Карвуса и все еще бесчувственного Тонгора и выволокли их из хижины. Вслед за пленниками обитатели деревни вытащили на улицу Когура. Оправившись от сокрушительного удара северянина, предводитель зверолюдей впал в бешенство. Неистовый рев его был слышен на другом конце деревни, слюна и кровь, смешиваясь, текли по разбитой морде, пачкая густую шерсть на груди.

Размахивая длинными руками, он окинул пленников затуманенным яростью взглядом и рванул меч из кожаных ножен, висевших на поясе Тонгора, собираясь вонзить его в сердце потерявшего сознание воина. Но прежде чем Когур успел это сделать, маленькие глазки его заметили врытые в центре площади столбы, сулившие привязанным к ним жертвам медленную и мучительную смерть. Злобная торжествующая улыбка появилась на окровавленном лице зверочеловека.

— Горчак! — прорычал он.— Вкопай еще один столб. Пусть все трое примут Огненную смерть! — Предводитель зверолюдей мрачно взглянул на пленников и оскалил громадные зубы.

Могучий организм северянина быстро оправился от нанесенного Кармом Карвусом удара. Несколько раз мигнув, Тонгор сквозь застилавший глаза красный туман оглядел площадь. Соомия и дворянин Тсаргола были привязаны к столбам, расположенным справа и слева от него. Пленников окружала толпа грязных зверолюдей, которые что-то выкрикивали, пели и приплясывали под ритмичный грохот барабанов. Чадящие факелы заливали площадь колеблющимся багровым светом. Огненные блики метались по искаженным лицам, с оскаленными ртами и безумно блестящими глазами.

— Тонгор! — окликнул Карм Карвус друга, заметив, что тот поднял голову. В немногих сказанных тихим голосом словах он поведал северянину о случившемся.

— Ну что ж, один раз нам всяко придется умирать,— усмехнулся Тонгор.— И лучше всего встретить смерть в компании хороших друзей.

Внезапно кольцо зверолюдей разомкнулось, и к пленникам странной вихляющей походкой приблизился ярко раскрашенный зверочеловек. Покрытое серой шерстью лицо его было размалевано алой, голубой и желтой красками, головной убор состоял из ярких перьев райских птиц, на шее поблескивало ожерелье из клыков вандаров, а плечи украшала связка человеческих скальпов. Одежда Горчака — такое имя носил этот старый каннибал — состояла из шкур вандаров, в когтистой руке он держал шест, обильно изукрашенный человеческими костями и черепами. Горчак был старшим шаманом племени, верховным жрецом Бога Луны, Хранителем Огненных Цветов. Медленно обойдя столбы с привязанными к ним пленниками, он остановился перед Тонгором и, злорадно улыбаясь, отчего раскрашенное лицо его приобрело еще большее сходство с жуткой маской, намалевал на груди валькара какие-то знаки.

Несколько мгновений северянин и шаман пристально вглядывались в глаза друг друга, затем Горчак заковылял к Карму Карвусу. На голой груди дворянина он начертал алой краской такие же знаки, какими пометил Тонгора. Внимание северянина между тем привлекли выбравшиеся из большой хижины помощники колдуна, тоже ярко размалеванные, увенчанные

пестрыми перьями и с ожерельями на шеях. Они тащили громадные кувшины, высотой со взрослого человека, и по тому, как светился воздух над горлышками сосудов, немудрено было догадаться об их содержимом. Вот, стало быть, где зверолюди хранят Огненные Цветы.

Сжав зубы, Тонгор начал готовиться к смерти. Много раз за годы бурной, полной опасностями и приключениями жизни он был на волосок от гибели, и потому в его понимании подготовка к смерти сводилась не к чтению молитв, а к поискам средств и способов, которые позволили бы ему в очередной раз избежать ее. Внимательно осмотрев травяные веревки, которые удерживали воина у перепачканного сажей столба, валькар попытался разорвать их. Мускулы его напряглись, буграми вздулись на спине и груди, подобно твердым древесным корням выступили на могучих руках. Тонгор не сомневался, что будь на нем металлические цепи, они, не выдержав чудовищного напряжения, порвались бы, разлетелись вдребезги, но травяные веревки обладали невероятной упругостью и, растягиваясь от усилий, тут же принимали прежнюю форму. Озлобившись, он вновь и вновь напрягал мышцы, однако веревки надежно удерживали его у столба.

— Тонгор, взгляни! — снова окликнул его Карм Карвус.

Валькар повернул голову и увидел, что помощники шамана, пронеся глиняные кувшины сквозь толпу зверолюдей, поставили их в центре площади. Вооружившись кривыми сучьями, они извлекли из кувшинов Огненные Цветы, оказавшиеся действительно растениями красного цвета, отдаленно напоминавшими кактусы. Расправив узкие, отливающие металлическим блеском мясистые листья, Огненные Цветы исторгли облака дыма и языки пламени, отравив воздух отвратительным зловонием.

Тонгор ужаснулся. Не будучи искушен в науках, он все же понял, что Огненные Цветы являются ошибкой матери-природы. Сущность любой жизни заключается в добыче и переработке пищи, но представить себе растение, поглощающее, подобно костру, все живое и вырабатывающее в чреве своем огонь, было невозможно, и если бы северянин не видел Огненные Цветы собственными глазами, то едва ли поверил в их существование. Пока Тонгор разглядывал чудо-растения, листья их, напоминавшие одновременно щупальца и виноградную лозу, начали двигаться. Они свивались и распускались, подрагивали, и по

всей их длине мерцали, раскрывались и вновь закрывались похожие на раскаленные угольев цветы.

Тонгор с трудом оторвал взгляд от этого завораживающего зрелища и отыскал глазами старого шамана. Оставив Карма Карвуса, тот приблизился к Соомии и протянул когтистую руку, собираясь сорвать прикрывавшие ее грудь лохмотья. Девушка оцепенела от страха и все же старалась ничем не выдать своих чувств. Свет от поднесенного одним из зверолюдей факела осветил ее грациозную фигуру, и шаман, наслаждаясь беспомощностью прекрасной жертвы, мерзко захихикал. Глаза его сверкали, слюни текли по скошенному подбородку в предвкушении пыток и последующего пиршества, которым должна была завершиться эта кошмарная ночь.

Шаман приготовился нанести на грудь Соомии алые знаки. И Тонгор, собрав все силы, рванулся из опутывавших его веревок — те, не выдержав напора, лопнули. С быстротой молнии северянин вскочил на ноги и ринулся на шамана. Ухватив одной рукой зверочеловека за ногу, а другой за локоть, Тонгор поднял Горчака над головой и швырнул туда, где светились и пульсировали Огненные Цветы.

Похожие на щупальца отростки опутали извивающееся тело каннибала. Странные мерцающие цветы, жадно подрагивая на металлически посверкивавших стеблях, облепили долгожданную добычу. Отвратительно запахло горелым мясом, и ужасный вопль умирающего разнесся над деревней зверолюдей.

Бросок валькара вверг деревню в кромешный ад.

Гневно брызжа слюной, зверолюди бросились на Тонгора. С быстротой танцора, приплясывающего на раскаленных угольях, он метался меж свирепых тварей, ухитряясь не только своевременно увертываться от нацеленных в него копий, но и раздавать направо и налево сокрушительные удары. Вырвав из рук очередного нападавшего тяжелое копье, он вогнал его в живот подвернувшегося зверочеловека, и пока тот оседал на землю, судорожно хватаясь за распоротое брюхо, ударил еще одного противника древком по голове.

Несмотря на недюжинную силу, удесятеренную яростью и отчаянием, Тонгор понимал, что рано или поздно потерпит поражение в неравной схватке. Враги наседали, но валькара не страшила смерть в бою. Напротив, это была как раз такая смерть, о которой он мечтал, смерть, достойная песен лучших поэтов.

Ибо кровь врагов не должна застыть на израненном теле настоящего воина, пока Девы Битвы перенесут его душу сквозь облачное небо и доставят в Зал Героев, пред очи Отца Горма.

Размышляя об этом, северянин крушил многочисленных противников до тех пор, пока в руках его не остался лишь ни на что не годный обломок. К тому времени, впрочем, круг наседавших на него зверолюдей изрядно поредел, и Тонгор оказался лицом к лицу с Когуром.

Предводитель каннибалов был страшным противником. Его примитивный мозг жаждал крови, он мечтал сойтись с северянином один на один и испробовать на голокожем крепость своих огромных рук. Когур торжествующе взревел, пена выступила на разбитых губах, с оскаленных клыков капала слюна. Бойцы столкнулись, подобно двум скалам, и земля, казалось, вздрогнула, когда они обменялись тяжкими ударами. Затем Когур попытался сгрести Тонгора в медвежьи объятия, но бронзовокожий валькар ловко выскользнул из волосатых лап. Уклонившись от следующего удара, северянин нырнул под руку зверочеловека, обхватил его мощный торс и, с усилием оторвав от земли, бросил в Огненные Цветы.

Взревев, Когур, хлопая себя ладонями по дымящейся шерсти, вырвался из объятий смертоносных листьев. Налитые кровью глазки его отыскали Тонгора, и зверочеловек, разум которого помутился от боли и гнева, пригнув голову, ринулся на врага. Теперь он напоминал жаждущего крови взбешенного быка. Вид его нагонял жуть, но северянин был не из тех, кого легко напугать. Он замер, изготовившись к схватке, гордо вскинув голову и развернув плечи, на которые ниспадала густая грива черных волос — так герои древности встречали чудовищ первобытного хаоса. Пламя факелов, оброненных зверолюдьми во время драки, смешиваясь с мерцанием, испускаемым Огненными Цветами, бросало на бронзовокожего валькара алые блики, рельефно выделяя каждую мышцу его могучего тела, и Соомия, несмотря на тревогу за любимого, не могла не залюбоваться им.

Вождь зверолюдей ринулся на Тонгора, но тот, увернувшись, ударил Когура в челюсть. Послышался хруст крошащихся зубов, ступни зверочеловека оторвались от земли, и тут северянин ощутил острую боль в разбитых костяшках пальцев. Не обращая внимания на сочащуюся кровь, он нанес Когуру еще один сокрушительный удар, и в тот же миг чьи-то руки схватили его

сзади, лишив всякой возможности двигаться. Это незаметно подкравшийся Магшук решил прийти на помощь предводителю зверолюдей.

Видя беспомощность врага, Когур осыпал его градом жестоких ударов, после чего, обхватив северянина, тщетно рвавшегося из железных объятий Магшука, за шею, принялся душить. Страшно изуродованное лицо зверочеловека, ставшее еще отвратительней из-за перекошенной, сломанной челюсти, нависло над валькаром, обдав его зловонным дыханием, перепачкав в крови и слюне. Когтистые пальцы еще сильнее сдавили горло. Кровь бешено стучала в висках северянина, сердце учащенно билось, из груди вырывался сдавленный хрип. Перед глазами Тонгора поплыли круги, мысли начали путаться... Что ж, это была славная битва... Битва достойная того, чтобы ее воспевали и вспоминали, ставя в пример молодым воинам...

Неожиданно пальцы Когура разжались, и сквозь застилавшую глаза клубящуюся алую мглу Тонгор разглядел застывшую на лице зверочеловека гримасу удивления. Словно по волшебству, тонкий стальной наконечник стрелы проклюнулся изо лба вожака зверолюдей. Голова его беспомощно дернулась, качнулась из стороны в сторону, затем из перекошенного рта вытекла струйка густой темной крови, и Когур рухнул к ногам валькара.

Глава 6
ПЕРЕД ТРОНОМ ДРАКОНА

Помни, Турдиса Красный король,
Страх — плохая опора трону;
Тот, кто сеет ужас и боль,
Смерть пожнет — не удержит корону.

Завещание Яаа

Тонгора почти оглушил предсмертный вой Магшука. Железные тиски его объятий разжались, и северянин, обернувшись, увидел, как громадный зверочеловек опускается на землю. С губ его сочилась кровь, из груди торчала стрела, угодившая прямо в сердце. Деревню зверолюдей охватила паника. Дождь тускло сверкающих стрел сыпался на каннибалов со всех сторон.

Схватив кинжал с каменным наконечником, Тонгор бросился к Соомии. Лицо девушки побледнело, обнаженная грудь взволнованно вздымалась и опадала, однако прерывистое дыхание было единственным проявлением чувств, обуревавших ее. Одним взмахом кинжала валькар избавил принцессу от веревок и кинулся освобождать Карма Карвуса.

В этот момент из окружавшей деревню тьмы выступил клин воинов, рассекший толпу мечущихся по площади зверолюдей так же легко, как форштевень боевого корабля вспарывает морские волны. Нападавшие были одеты в черно-красную кожаную форму воинов Турдиса, и эмблемы с изображением дракона сверкали на их щитах. Длинные блестящие копья разили без промаха, грозные мечи потускнели от крови.

В суматохе, воцарившейся на площади, Тонгору не составило труда отвязать Соомию и Карма Карвуса от столбов, но теперь они оказались в кольце избивающих зверолюдей воинов, среди которых северянин узнал несколько знакомых лиц. Тонгор испытал некоторое удивление: неужели всего месяц назад он носил подобную форму... Столько всего успело произойти!

Когда большая часть зверолюдей была убита, а оставшиеся в живых попрятались в хижинах, на площадь выехал восседавший на кротере даотар — командир тысячи воинов, в число которых некогда входил и Тонгор. По его знаку два воина взяли животное под уздцы, после чего даотар спешился и широким шагом направился к Тонгору. Это был высокий мужчина средних лет с коротко подстриженными — под шлем — жесткими короткими волосами, фигура его дышала силой и мужеством. На умном, коричневом от загара лице его выделялись черные пронзительные глаза, твердо очерченный рот обрамляли усы и короткая борода. Свет факелов отражался от его покрытой изящной чеканкой позолоченной кирасы и украшенных самоцветами знаков различия. Звали даотара Баранд Тон.

— Клянусь Отцом Слаутером, вот и Тонгор-валькар! — воскликнул даотар, и глаза его сверкнули. Затем он перевел взгляд на затихших при его приближении воинов, ослепленных наготой Соомии.

— Отар! — рявкнул даотар, и командир сотни, расталкивая соратников, торопливо приблизился.

Баранд Тон сорвал с плеч сотника красивый алый плащ и протянул его Соомии. Поспешно закутавшись в него, девушка

взглядом поблагодарила даотара, который вновь повернулся к спокойно наблюдавшему за происходящим Тонгору.

— Мы получили сообщение от дозорных. На границе с джунглями Ковии они заметили прошлой ночью летучий корабль сарка. Я подумал, что мы, вероятно, встретим тебя где-нибудь на валькарском побережье, и не ошибся. Кажется, мы успели как раз вовремя, чтобы спасти вас от участия в пиршестве людоедов и... доставить на справедливый суд сарка.

— Если ты считаешь, что должен поступить именно так, удовольствуйся мной,— предложил Тонгор, не теряя присутствия духа.— Мои спутники не имеют отношения ни к моему побегу, ни к похищению летучего корабля. Это принцесса Соомия из Патанги — законная саркайя, принцесса из Дома Чонда. А это Карм Карвус — аристократ из Тсаргола. Им незачем являться на «справедливый» суд вашего сарка — Фала Турида, и я требую, чтобы ты разрешил им идти своей дорогой.

Даотар вежливо поклонился Карму Карвусу, должным образом приветствовал принцессу, но, выслушав требование Тонгора отпустить их, упрямо покачал головой:

— Я не могу позволить им идти, куда они захотят. Моя обязанность доставить вас в Турдис, чтобы его милость лично решил вашу судьбу. Отар! Выдели кротеров для принцессы Патанги и воина из Тсаргола. Поручаю тебе позаботиться о них. Что же касается этого валькарского изменника, вора и убийцы, то пусть он в цепях следует за кротером. На рассвете мы прибудем в Турдис.

Всю ночь длинноногие кротеры несли воинов и их пленников по запутанным лесным тропинкам, пока одна из них не вывела отряд на дорогу Фала Турида. По ней-то они и ехали весь остаток пути, и, когда первые лучи солнца озарили восток, всадники увидели на горизонте мрачные стены Турдиса. Чем ближе подъезжали они к городу, тем величественнее и наряднее казались высящиеся над черными стенами столицы башни и купола зданий, металлическая и мраморная отделка которых в лучах восходящего солнца сияла не хуже чистого золота. Въехав ранним утром в Караванные ворота, отряд двинулся безлюдными улицами к огромной гранитной крепости. После небольшой задержки массивные ворота отворились. Прибывшие оказались на крепостном дворе. Окруженные стражниками Соомия и Карм Карвус проследовали в отведенные им покои, а Тонгор под надежной охраной был доставлен в тюремную камеру.

Осмотрев голый каменный пол и столь же неприглядные стены темницы, он убедился, что бежать отсюда ему вряд ли удастся. Даже если бы его не лишили оружия, он все равно до поры до времени не смог бы ничего предпринять. Оставалось одно — ждать и набираться сил, что северянин и не преминул сделать. Опустившись на пол, он прикинул, сколько часов сна ему удастся урвать, прежде чем его поволокут к подножию трона сарка. Получалось, что времени еще оставалось достаточно, и Тонгор, не привыкший тратить его попусту, растянулся на холодном камне, не обращая внимания на отсутствие комфорта, смежил веки и мгновенно уснул. Полная опасностей жизнь приучила валькара не терзаться сожалениями о содеянном или о том, что сделать ему почему-либо не удалось. Он привык не слишком задумываться о подстерегавших его в будущем опасностях, но твердо помнил, что встречать их лучше, хорошо выспавшись и набравшись сил, насколько это позволят обстоятельства.

Спустя несколько часов Тонгор проснулся свежим и хорошо отдохнувшим. Подойдя к двери камеры, он начал звать тюремщика и сопровождал свои призывы отборнейшей бранью до тех пор, пока в коридоре не послышались шаркающие шаги охранника, решившего наконец узнать, что означает поднятый заключенным шум. Увидев в руке Тонгора монеты, он перестал ворчать и принес узнику малоаппетитной снеди. Северянин уже запамятовал, когда ел в последний раз и, чувствуя, что в животе его пусто, как в опорожненной фляге, быстро разделался с грубой пищей. Вору, пирату и наемнику не пристало быть привередливым в еде, и валькар мог есть что угодно, где угодно и в каких угодно условиях.

Несколько позже в камеру вошла охрана, получившая приказ отвести Тонгора к трону Дракона Фала Турида. Это были люди даотара Баранда Тона, среди которых, увы, не оказалось старых товарищей Тонгора, знавших его во времена, когда и сам он носил красные с черным одежды Турдиса. Напрасно, вглядываясь в их лица, валькар пытался отыскать тех, с кем вместе, в свободное от дежурств время, пил пиво и ел приготовленные на вертеле окорока, которыми славилась таверна «Обнаженный меч». На этот раз ему не повезло.

Пришедшие сняли с Тонгора кандалы и вывели из темницы.

— Скажите-ка, а Элд Турмис из Зангабала все еще в гвардии? — поинтересовался северянин, шагая между воинами.

— Нам запрещено болтать с пленниками,— резко ответил молодой хмурый отар.

— Боги! Я и не думал, сотник, нарушить распоряжение вашего начальства,— улыбнулся ему Тонгор.— Но если кто-нибудь знает Элда Турмиса, пусть передаст ему, что старинный приятель, Тонгор из клана валькаров, приветствует его. Вы окажете эту маленькую услугу обреченному на смерть человеку?

Ему никто не ответил, и Тонгор невесело усмехнулся. Наверно, он зря старается — надеяться ему не на что. Однако лучше уж сделать все возможное для спасения и обмануться в ожиданиях, чем признать себя побежденным без борьбы.

Шагая между бдительными охранниками, валькар преодолел последние ступени дворцовой лестницы и очутился в тронном зале. Сводчатый потолок огромного квадратного помещения уходил далеко вверх. Пол выстилали мраморные плиты черного и красного цвета. Городская знать, разряженная в яркие одежды, толпилась вокруг расположенного в центре зала трона, стоящего на небольшом возвышении. Подойдя к нему в сопровождении своей охраны, Тонгор вызывающе выпрямился и гордо взглянул в лицо владыки Турдиса.

Фал Турид не отличался ни высоким ростом, ни величественным обликом, но торжественно приподнятый над полом трон и бравый вид окружавших его воинов скрадывали природную незначительность сарка. На нем сверкала толстая золотая кираса великолепной работы, а орнамент из искусно оправленных в драгоценный металл самоцветов украшал сделанную из тисненой кожи перевязь для меча. Накинутый на плечи плащ из алого вельвета частично прикрывал обнаженные руки и голени сарка. Голову его венчала золотая корона, изображавшая дракона с расправленными крыльями. Глаза дракона, сделанные из рубинов, благодаря игре света казались живыми. И все же прекрасная эта корона не могла скрыть нездоровую желтизну лица и бледность губ сарка, так же как пояс из серебряных дисков был не в состоянии исправить его выпирающий живот. Одеяние Фала Турида дополняли украшенный золотом и драгоценными камнями меч на левом бедре и полускрытый алыми ножнами кинжал — на правом.

На кого-то, возможно, роскошный наряд и надменное выражение лица сарка могли произвести должное впечатление, но только не на Тонгора. От него не укрылся тусклый взгляд, об-

висшие щеки, мешки под глазами, глубокие морщины и прочие свидетельства жестокости и нездоровья Фала Турида. Это было лицо человека, знавшего лишь одну страсть, одну слабость, одно стремление, одну любовь — любовь к власти.

Трон сарка, вырезанный из глыбы черного моммурского мрамора, имел форму дракона с распростертыми крыльями. Взметнувшаяся на длинной шее голова чудовища нависала над сидящим, подобно балдахину. Два огромных изумруда заменяли дракону глаза, а волнистые рога блистали позолотой.

— Вот этот человек!

Слова эти принадлежали не сарку, впившемуся в Тонгора прищуренными холодными глазами. Их произнес человек, стоящий подле трона,— придворный алхимик и мудрец Оолим Фон. Он был невероятно стар. С годами его кожа приобрела мертвенно-белый оттенок, а лицо избороздило множество морщин. Потерявшие выразительность глаза запали, он давно облысел, но длинная серебристая борода спускалась чуть ли не до пояса. Груз прожитых лет согнул его костлявую фигуру, закутанную в мантию, на которой вышитые золотой нитью сверкали магические символы. Алхимик обеими руками опирался на длинный сучковатый жезл из красного дерева и не сводил глаз с рослого варвара.

Взглянув на старика, Тонгор почувствовал непреодолимое отвращение, вызванное не видом впавших щек, безжизненных, тусклых глаз, похожих на когти пальцев, а какой-то зловещей аурой, появившейся, вероятно, вследствие противоестественно долгой жизни. Аурой невидимой и все же ощущаемой северянином как некое недоступное обонянию зловоние.

Не отводя пронзительного взгляда от стоящего перед его троном валькара, сарк сделал знак, повинуясь которому от толпы придворных отделился неуклюжий коротышка в диковинно изукрашенной серебряной броне и, сунув нос в пергамент с изображением дракона, громко прочитал:

— «Тонгор-валькар, сын Сумитара из племени Черных Ястребов. Вступил в Четвертую когорту гвардии семь месяцев назад в качестве меченосца. Одиннадцать раз получал взыскания за драки, неповиновение начальству и пьянство...»

— Хватит! — нетерпеливо прервал сарк чтеца.— Все это служит лишь прологом к его главным преступлениям.

С высоты своего трона он презрительно оглядел Тонгора с головы до пят и, на мгновение задумавшись, продолжал:

— Валькар! Семь месяцев назад ты пожелал вступить в гвардию Турдиса. Мы зачислили тебя, потому что нуждались в остром глазе, сильной руке и славном мече. Мы всегда готовы принять на службу доблестного воина, ибо Трону Турдиса предназначено судьбой возвыситься над всеми другими тронами. Девятнадцать Богов постановили на Совете Небожителей, что я, Фал Турид Великий, буду сарконом — сарком сарков, Королем королей всей Лемурии. Город за городом будут признавать мою власть, подкрепленную мощью наших легионов. Сокровища половины мира будут принадлежать нам: золото, драгоценности, лучшие вина и роскошнейшие женщины!

Сарк, облизнув губы, сделал паузу, но Тонгор молчал. Глаза Фала Турида полыхнули фанатичным огнем, и он продолжал, перейдя наконец к делу:

— Ты обвиняешься во многом и прежде всего в убийстве на поединке отара своего отряда. За одно это полагается смерть. На многое, однако, можно закрыть глаза ради достижения великой цели. Даже на то, что убитый тобой Ялед Малх был наследником одного из славнейших Домов Турдиса. Можно забыть даже то, что ты сбежал из тюрьмы, куда был помещен по моему приказу, и похитил летающий корабль, который должен послужить нам образцом для создания множества подобных судов, на которых мои люди промчатся над континентом, как грозовые тучи, дабы в каждом городе водрузить знамя Турдиса. В божественном промысле есть место памяти и забвению, и ради создания великой Империи можно пожертвовать многим и забыть многое. Чтобы заслужить наше прощение, тебе достаточно вернуть украденный летучий корабль.

Алхимик наклонился вперед и, взволнованно сопя, спросил:

— Где он? Что ты сделал с летучим кораблем? Он поврежден?

Тонгор продолжал стоять молча, спокойно скрестив на груди могучие руки.

— Наши дозорные видели воздушный корабль в ночь, когда разразился шторм. Это было южнее залива Патанги,— подал голос Баранд Тон.— Валькар и два его спутника обнаружены нами в деревне Людей Огня, лигах в шестидесяти на юго-восток от города.

Лицо Фала прояснилось.

— Да... его спутники! Мужчина — дворянин из Тсаргола — ничто, но девушка... Соомия Чонд — законная наследница тро-

на — саркайа Патанги! Она будет нам полезна. Ее отец был свергнут узурпатором Желтым Великим хранителем, верховным хранителем Ямата — Огненного Бога. Мы с помпой доставим ее к стенам Патанги, когда наши легионы будут готовы к штурму. Используя законные притязания принцессы на трон как предлог, мы сможем покорить Патангу, не заявляя во всеуслышание о наших планах завоевания всей Лемурии.

— Именно так, о высокородный! — поддакнул старый алхимик.— Но воздушный корабль! Нам необходимо вернуть его. Без образца я не берусь создать воздушный флот! Говори, варвар! Мы должны заставить его заговорить!

Фал Турид кивнул:

— Валькар не хочет говорить, но у нас достаточно способов перебороть его упорство. Даотар, доставь его к Черным Вратам и сдай в руки Талабу Истребителю. Эти варвары часто путают глупость с храбростью. Упрямство заперло его рот, но искусные руки Талаба умеют подбирать ключи к такого рода замкам. Уведите его!

Баранд Тон побледнел так, что это стало заметно даже сквозь загар. Талаба Истребитель... Это существо, которое едва ли можно было назвать человеком, давно уже стало живой легендой, внушавшей смертельный ужас обитателям Турдиса. Никто не ведал прошлого Талабы, но ходили слухи, что он родился в лачуге бедняка, вырос среди городского отребья и промышлял одно время в узких и темных переулках города, а потом разбойничал на большой дороге. Однако за время господства Фала Турида Талаба вошел в силу и стал известен как Мастер Пыток. Даже влиятельнейшие люди города бледнели при упоминании о нем и произносили его имя не иначе как шепотом.

Даотар отсалютовал сарку и, сделав стражам знак не спускать с Тонгора глаз, двинулся из зала. Шагая по запутанным коридорам дворца, опытный воин нет-нет да поглядывал на валькара, к которому начал испытывать что-то вроде сочувствия. Преступления, совершенные Тонгором, были велики: убийство, воровство, дезертирство — за все это он действительно заслуживал наказания, но отдать его в руки Талабы! Будучи воином, Баранд Тон не мог не оценить должное мужество и предприимчивость Тонгора, хотя, когда тот служил в его когорте, ни одно из этих качеств, увы, не проявлялось в полной мере. Молодой, сильный, храбрый парень, а как великолепно сложен!

Жаль, что этот прекрасный образчик человеческой породы будет изломан, изувечен и, в конечном счете, убит в подвалах Истребителя.

Спустившись по широкой каменной лестнице, Тонгор и его конвоиры оказались перед входом в подземелье, из которого тянуло холодом и сыростью. Воины продолжали спуск с явной неохотой. Дувший из подземелья ветер усилился; едкий и зловонный, он пах гнилью и могильным смрадом, как и должен пахнуть ветер, дующий из ворот ада.

Конвойные нервничали все заметнее. Обычно в это подземелье входили только тюремщики и преступники, обреченные никогда больше не видеть дневного света. Комнату за комнатой, зал за залом, коридор за коридором проходили сопровождавшие Тонгора воины, и с каждым шагом все тревожнее становилось у них на душе, все озабоченнее вглядывались они в обступавший их со всех сторон мрак. Предназначение этих пустых пыльных помещений оставалось для них загадкой, становившейся еще более жуткой оттого, что, бросая по сторонам настороженные взгляды, воины временами встречались с глядящими на них из тьмы холодными, злобными и хитрыми глазами каких-то неведомых тварей...

Наконец, миновав очередную лестницу, процессия очутилась в огромном зале и остановилась перед массивной деревянной дверью, высота которой равнялась трем человеческим ростам. Не менее семи человек в ряд могли войти в нее одновременно, однако скрепленное большими ржавыми болтами черное дерево створок выглядело изрядно попорченным сыростью и гнилью.

Черные Врата... Баранд Тон взялся было за дверной молоток, но потом, передумав, опустил его и дотронулся до подвешенного к потолку железного колокола. Тот зазвенел, и звук его, отразившись от стен, сложенных из темного, жирно поблескивавшего камня и толстых потолочных балок, породил многократное эхо, долго не затихавшее в мрачном подземелье.

Дверь отвратительно заскрипела, и из-за приоткрывшихся створок выглянула зловещая фигура, лицо которой прикрывал низко надвинутый на глаза капюшон, а тело было упрятано под черным одеянием. При этом скрюченный и тощий привратник казался вдвое ниже нормального человеческого роста.

— Зачем пожаловали? — пронзительным шепотом поинтересовался карлик.

— Этот человек скрывает тайну, которая интересует сарка. Высокородный желает знать местонахождение летучей лодки, которую украл у него этот негодяй. Мне приказано передать его Талабу Истребителю,— сказал даотар.

Карлик разразился холодным, вызывающим озноб хохотом и, отсмеявшись, шипящим шепотом произнес:

— Отлично. Я и есть Талаба.

Глава 7
В КАМЕРЕ ПЫТОК

В Турдиса тюрьму, где ад кромешный,
В вотчину Талабы он попал.
Маску Смерть сняла, и лик ужасный
Пред глазами узника предстал.

Сага о Тонгоре

Черные Врата закрылись за Тонгором, и он оказался в темноте — один на один с закутанным в мрачные одеяния Истребителем. Пользуясь тем, что руки воина охватывала цепь, Мастер Пыток, взявшись за ее свободный конец, поволок Тонгора за собой.

Царившую в подземелье тьму не рассеивал ни единый лучик света, и даже острое зрение Тонгора не могло проникнуть сквозь объявший его мрак. Густая и плотная темнота заставляла валькара на ощупь отыскивать дорожку из каменных плит, по которой, шаркая ногами, двигался прекрасно ориентировавшийся в своих владениях карлик.

— Никому не известно, кем и когда построено это подземелье. Возможно, оно существовало еще во времена Королей-Драконов, правивших этими землями до появления людей,— проскрипел жуткий спутник Тонгора.

Тонкий холодный голос его мало походил на человеческий. Он будил в душе какие-то потаенные детские страхи и напоминал северянину то ли шипение змеи, то ли сипение продырявленного рога. Вероятно, поэтому у Тонгора не возникало желания отвечать Мастеру Пыток, но слушал он внимательно, надеясь почерпнуть из бормотания своего тюремщика какие-нибудь полезные сведения о нем самом или об этом подземелье.

— Тебе не страшно?.. И говорить пока не хочется?.. Ничего, скоро заговоришь. А может, даже петь будешь под музыку, которую я сыграю для тебя.— Невидимый в темноте карлик мерзко захихикал.— Много гостей приходило в это подземелье... Сначала они были спокойны и молчаливы, но потом начинали говорить охотно, даже очень охотно... Тебя, верно, интересует, почему ты заговоришь? Да потому лишь, что наш великий, наш несравненный сарк пожелал, чтобы ты не молчал!.. О-о-о!.. Когда могущественный сарк приказывает, все повинуются ему, не так ли? Они должны говорить, если он приказывает, разве я не прав?

От насмешливых ноток, звучавших в холодном голосе Истребителя, Тонгору стало не по себе.

— Ты не смеешься вместе со мной? Ну конечно, ты не можешь оценить шутку, ибо не знаешь одного маленького секрета. Моего секрета. Но это можно исправить. Это нетрудно будет исправить... Ты узнаешь все мои секреты... Да, я многое тебе расскажу. У нас состоится долгая, долгая беседа, мы станем с тобой большими друзьями. Ты и я... Темница — подходящее место для приобретения друзей. И в знак нашей будущей дружбы мы поделимся друг с другом своими секретами. Сначала ты расскажешь мне все-все, о чем я захочу знать. Ты расскажешь мне о жарком солнце и свежем воздухе, о дружбе, вкусной пище, вине и женщинах... Особенно о женщинах!.. Не беспокойся, очень скоро ты перестанешь смущаться и будешь взахлеб говорить о самых сокровенных вещах, вот увидишь. Ведь мы же друзья? Я твой самый большой друг, самый лучший друг, которого ты когда-либо встречал. Но самое главное, я последний друг, которого тебе суждено приобрести перед смертью. А уж она-то настоящий враг, самый большой враг!

Неожиданно вокруг замерцали слабые зеленоватые огоньки, и Тонгор, получив наконец возможность оглядеться по сторонам, обнаружил, что находится в просторной тюремной камере, крошащиеся от времени каменные стены которой покрывали осклизлые потеки плесени. От них исходило слабое мерцание, в свете которого северянин увидел два железных кольца, вмурованные в стену на уровне его плеч. Покрытые толстым слоем ржавчины, они, тем не менее, оставались достаточно прочными, и Истребитель не замедлил прицепить к ним скованные кандалами руки Тонгора, так что тот оказался буквально распятым

на холодной влажной стене. Прикосновение к отвратительной плесени вызвало у северянина дрожь омерзения, но усилием воли он заставил себя сохранять спокойствие.

Убедившись, что пленник надежно прикован, Истребитель вновь захихикал и одобрительно забормотал:

— Вот так-то лучше, значительно лучше! Теперь, друг мой, мы можем и поговорить, не правда ли?

Укутанный в темные одеяния карлик проковылял к противоположной стене и вернулся с трехногим табуретом, на который и опустился, поставив его в нескольких ярдах от валькара.

— Да, теперь мы можем говорить и говорить. У меня есть, что рассказать тебе, а у тебя — мне. Ты ведь выполнишь приказ нашего сарка? Ты встречался с ним? Ну конечно, встречался... Разве не мудрый, разве не приятный он человек? Сами боги говорят с ним, ты, верно, слышал об этом? Да, сами боги! — радостно бормотал Истребитель, с хихиканьем раскачиваясь на табурете.— Может, уже пора открыть тебе мой секрет? Пожалуй, пора. Ведь верно? Тогда слушай. Я и есть эти самые боги. Я тот, кто разговаривает с Фалом Туридом по ночам, когда он погружается в сон. Ха! Для этого я добавляю ему в вино одну крупинку порошка сонного лотоса. Он пьет вино на ночь и видит прекрасные сны, в которых с ним беседуют боги. Они говорят ему, что он великий и неуязвимый, что он самый могущественный и именно ему предначертано судьбой возвеличить трон Турдиса. Они говорят, что именно ему суждено поднять знамя с Драконом над стенами сотен городов, а сарки и правители разных стран склонятся перед Троном Дракона. Но это я, я, а не они, рассказываю ему все это, принимая личину богов! И он слушает, он верит, потому что хочет верить и потому что безмерно глуп. Ты понимаешь, он слишком глуп, чтобы быть сарком! Ведь на самом-то деле все произойдет не совсем так...

Карлик сгорбился, сотрясаемый жутким приступом хохота.

— Ведь на самом-то деле настоящий сарк — это я! Фал Турид делает то, что я внушаю ему, пока он спит. Он повинуется мне, Талабу, считая, что исполняет волю богов! Потому-то я сарк в значительно большей степени, чем ничтожный Фал Турид. Он умрет, визжа и корчась от нестерпимых мук, если я не дам ему порошок сонного лотоса. Разумеется, он может восседать на Троне Дракона, красуясь перед знатью, но в действительности-то Корону Дракона ношу я. Мой дорогой друг, жизнь

прекрасна, ибо сарк делает все, что я велю ему сделать. Я советую ему найти старого хитрого алхимика Оолима Фона, создавшего урилиум, и он находит его. Находит ради того, чтобы мы могли построить могучий флот летающих кораблей, который приведет всю Лемурию под нашу, то есть под мою, длань.

Внимательно слушая полубезумное бормотание Талабы, Тонгор начал незаметно проверять прочность удерживавших его цепей. Мышцы медленно набухли на его могучих плечах, он напрягся что было сил, но старания оказались тщетными: железные кольца надежно держались в каменных блоках. Да и поза, в которой его приковал Истребитель, тоже не способствовала успеху попыток обрести свободу, ибо северянин не мог полностью использовать свои недюжинные силы. Если бы в его распоряжении было несколько дней, он, вероятно, мог бы ослабить и разорвать звенья цепи, но едва ли ему дадут на это время...

— Не надо понапрасну тужиться и рвать оковы,— насмешливо обратился к нему карлик.— Конечно же, я вижу твои старания — Талаба имеет отличные, очень зоркие глаза... Тебе не суждено выйти отсюда. Мне придется оставить тебя здесь, ведь я так одинок. Ты даже не представляешь, как я одинок! Но не волнуйся, мы станем друзьями, хорошими друзьями, ты и я.

Истребитель поднялся со своего табурета и, подобравшись к Тонгору, разразился зловещим смехом.

— Погоди, я еще не раскрыл тебе мой самый главный секрет.— Затянутой в перчатку рукой он начал срывать с себя темные одеяния.— Ты должен увидеть меня таким, каков я есть на самом деле. Между друзьями не может быть секретов. Им незачем прятать друг от друга свое тело, так? Сейчас ты посмотришь на Талабу, а затем узнаешь, почему у тебя возникнет непреодолимое желание говорить и рассказать мне все, о чем я хочу знать. Смотри же!

— Горм!

Крик вырвался из уст Тонгора помимо его воли. Талаба сорвал с себя остатки одежды и стоял перед ним совершенно обнаженный. Его сгорбленное, истощенное тело было изъедено какой-то страшной болезнью: кожу покрывал тошнотворного вида губчатый грибок, сочащийся влагой и к тому же источавший отвратительный гнилостный запах. Он покрывал грудь, спину, плечи и даже голову карлика, изуродовав половину лица так, что оно казалось застывшей в вечном оскале маской. Жут-

кий лишай изуродовал его лысую голову и лоб до такой степени, что в образовавшихся кавернах поблескивала белая черепная кость. Глаза Истребителя горели безумным рубиновым огнем, еще больше усиливая сходство уродливого лица с чудовищной маской. Невозможно было поверить, что пораженный столь страшной болезнью человек мог жить, двигаться и мыслить. От одного своего запаха, вида истекающего гноем тела он должен был или окончательно сойти с ума, или покончить счеты с жизнью. Но, похоже, этот заживо съеденный лишаем карлик, этот смрадный, залитый омерзительной слизью непогребенный труп поддерживала какая-то потусторонняя сила, явно преследовавшая какие-то свои, непостижимые человеческим разумом цели...

Заметив, как побледнел Тонгор, разглядев появившуюся на лице варвара гримасу отвращения, которую северянин даже не пытался скрыть, карлик удовлетворенно захихикал:

— Ты находишь, что вид Талабы не слишком приятен? А ведь когда-то, поверь мне, он тоже был молодым, высоким и могучим! Он походил на тебя, друг мой! Но потом... потом на него обрушилась эта болезнь, и он изменился! Ну вот,— карлик зловеще улыбнулся обезображенным лицом,— теперь ты, конечно, понимаешь, почему тебе придется рассказать ему все свои секреты? Да, мой дорогой друг, тебе придется раскрыть свое сердце Талабе, который обнажил перед тобой свое тело. Ты все еще не понял почему?

Он подошел поближе, вглядываясь в Тонгора злобно сверкающими глазками, делавшими его уродливое лицо еще более омерзительным.

— Потому что слабый и немощный Талаба в состоянии вскрыть вену на твоей руке... Достаточно даже крошечной царапины! И если царапину эту смазать жидкостью, которую выделяют мои язвы, ты, мой любезный друг, станешь со временем таким же, как Талаба.

— О Горм! — простонал Тонгор.

Обнаженный карлик хлопнул в ладоши и в возбуждении стал приплясывать на месте.

— Да, если капля этой жидкости попадет в твою кровь, никакие снадобья в мире не остановят болезнь, которая быстро превратит тебя в существо, похожее на Талабу. Если даже ты отрубишь себе пораженную болезнью руку, зараза будет продолжать распространяться. Если ты убьешь себя, на твоем теле

будет произрастать лишай, и оно станет подобием моего. Согласись, у Талабы имеется отличный ключ, чтобы отмыкать людские уста! Нет секрета более действенного, чем тот, который я открыл тебе, не так ли?

Он приблизил к Тонгору свое источенное чудовищными нарывами лицо, пристально вглядываясь в глаза своего узника, оглушенного исходящим от Талабы зловонием.

— Ты небось думал, что если Фал Турид послал тебя в эти подземелья, то тебе предстоит перенести обычные пытки? Полагал, что тебя, молодого, сильного и смелого, не сломит ни боль, ни смерть? Но то, что тебе предстоит пережить, значительно хуже смерти, не правда ли, друг мой?

Талаба нагнулся к брошенному на пол одеянию, и, когда он снова выпрямился, валькар в тусклом зеленоватом свете разглядел зажатый в скрюченной руке карлика кинжал. Талаба шагнул к Тонгору, и красные глазки его, утопавшие в изъеденных лишаем глазницах, засветились отвратительной, безумной похотью.

— Одна маленькая царапина... Крохотная капелька крови Талабы, смешанная с твоей, и мы станем не только друзьями, но и братьями. Ты полюбишь это подземелье, а когда Фал Турид завоюет Лемурию, он даст нам много людей, чтобы поразвлечься с ними. Много молодых мужчин и совсем юных девушек... Они примут участие в нашей замечательной игре и станут такими же, как ты и я...

Карлик поднес отточенное лезвие к телу Тонгора, и северянин закрыл глаза. Неужели это сырое, смрадное подземелье станет его могилой? Неужели никогда не суждено ему наполнить грудь свежим утренним воздухом, не почувствовать на своей коже ветер, гуляющий над полями колосящейся пшеницы, и тепло ласковых солнечных лучей? Неужели он никогда больше не взглянет в лицо любимой, не увидит ее улыбку, не встретится с ее светящимися любовью глазами, не ощутит прикосновение ее губ, терпких и ароматных, как старое доброе вино?..

Но что это за звук?

Чуткий слух Талабы тоже уловил донесшийся из недр подземелья звон стали о сталь. Карлик вздрогнул. Занесенный над веной Тонгора кинжал замер в скрюченной руке Истребителя, маленькие красные глазки тревожно забегали по сторонам, а потом вновь уставились в лицо валькара.

— Ты слышал этот звук? Металл ударил о металл, не так ли? Там, в темных глубоких ямах, живут существа... Странные, страшные существа, которые не боятся и не слушаются Талабу... Они уже были здесь, когда Талаба пришел сюда... Они живут тут давно, очень давно и никогда не видели ни солнечного, ни лунного света... У них нет глаз... Тссс! Слушай!.. Ты слышишь?..

Тонгор прислушался, но не смог уловить ни единого звука в мертвой тишине подземелья. Тогда он вновь взглянул на карлика и понял, что мучитель его не на шутку перепуган. Облизнув бесцветным языком изъязвленные губы, он, держа обнаженный кинжал в вытянутой руке, настороженно прислушивался и принюхивался. Мгновение-другое ничего не происходило, а потом северянин отчетливо ощутил дуновение холодного сырого ветра, пришедшего из темных глубин подземелья.

Неужели таящиеся в недрах пещер чудовища так ужасны, что могли испугать самого Талабу? Что же это за тварь, которой страшится даже тот, кому уже нечего бояться на этом свете?

Карлик между тем накинул на плечи свое темное одеяние и, скрывшись в дальнем конце камеры, скоро вернулся оттуда с мечом и фонарем. Потом он зажег установленную в фонаре свечу и пробормотал:

— Мой друг, я должен ненадолго покинуть тебя и посмотреть... Посмотреть на существ, живущих в ямах... Они боятся света, и я уже слышал их раньше... Страшиться этих тварей нечего, они двигаются медленно и скрываются, завидев свет фонаря... Я скоро вернусь.

Талаба выскользнул из камеры, оставив беспомощного узника прикованным к влажной стене. Будучи не в состоянии защищаться, валькар почти желал, чтобы карлик вернулся. Мысль о том, что Талабу убьет в глубинах подземелья какая-то отвратительная безымянная, никогда не видевшая света нечисть, показалась ему ужасной. Ведь только карлик может освободить его от цепей, и если он погибнет, то следующей жертвой безглазой твари станет сам Тонгор.

Северянин вновь попытался освободиться от оков, однако старания опять оказались напрасными. Кольца, сквозь которые Истребитель пропустил цепи, выглядели старыми и ржавыми, но держались достаточно крепко. Со временем его усилия, быть может, и увенчаются успехом, вопрос лишь в том, не произойдет ли это слишком поздно...

Внезапно Тонгор снова услышал донесшиеся из непроглядной темноты коридора звуки. На этот раз он различил шум, похожий на шарканье приближающихся шагов. Быть может, это возвращается Талаба? Но почему тогда не видно света фонаря? И точно ли это звук шагов?..

Тонгор напряг слух, стараясь не упустить даже самого тихого звука. Шорох повторился, и северянин ощутил, как тело его покрывается потом.

«О, Горм!»

Как гнусно чувствовать себя совершенно беззащитным и бессильным, ожидая, когда ужасная тварь, обитающая в вечной тьме, подберется, чтобы...

Шуршание и шорох раздались ближе. Похоже, кто-то, крадучись, стараясь производить как можно меньше шума, приближается к камере. Тонгор сжал челюсти. Он не боялся существа, которое шло, ползло или летело к нему. Все, о чем он думал, так это о том, как сбросить оковы и встретить неведомую тварь с мечом в руках. Он готов был встретиться один на один с кем угодно, но погибнуть в цепях, не оказав ни малейшего сопротивления неведомому противнику... Право же, это самая отвратительная смерть!

Крадущиеся шаги послышались совсем рядом. Существо вот-вот должно было появиться в дверном проеме. Тонгор увидел темную массу, замершую на пороге и, судя по всему, разглядывающую камеру. Затем неведомое создание двинулось вперед...

Глава 8
ТВАРЬ ИЗ ЯМЫ

Тонгор клинок по рукоять
Вонзил в чудовище умело,
Но гад не думал умирать —
Срослось разрубленное тело!
Взращенная в чертогах зла,
Тварь вновь в атаку устремилась.
Смерть воинам она несла,
Сама ж погибнуть не страшилась...

Сага о Тонгоре

— Элд Турмис! — Тонгор мог поклясться самой страшной клятвой, что человек, переступивший порог камеры, был не кем

иным, как ловким молодым воином, одетым в красно-черную форму гвардии Турдиса. Старый приятель валькара рассмеялся и, обнажив клинок, приблизился к пленнику, намереваясь избавить его от оков.

— Здорово, северянин! Похоже, мне на роду написано вытаскивать тебя из тюрем! — шутливо проворчал он.— Не прошло и месяца, как я помог тебе бежать от гнева сарка Турдиса, приговорившего тебя за убийство на поединке собственного отара, и вот опять ты в темнице!

Сердце Тонгора радостно забилось при виде старого друга. Сколько раз они с Элдом Турмисом и другими наемниками сидели за кружкой пива в гостинице «Обнаженный меч». Случайное знакомство, как это порой бывает среди воинов, со временем переросло в крепкую дружбу...

— Клянусь кровью Богов, я думал, ты и есть то самое существо из ямы, которого так испугался Талаба! — проговорил Тонгор, пока Элд Турмис изучал крепление его цепей.

— Он что-то говорил о тварях из ям? — настороженно спросил воин.

— Да. Талаба сказал, что в глубинах этого подземелья есть ямы, куда не проникает ни единого лучика света, и там прячутся странные и страшные порождения тьмы,— ответил Тонгор.— Услышав твое приближение, он решил, что безглазая тварь пришла по его душу. Поторопись, ибо один Горм знает, когда этот вонючий карлик вернется, чтобы снова взяться за меня.

Элд Турмис вынул удерживавшие Тонгора цепи из колец в стене, и северянин, окинув их взглядом знатока, убедился, что даже его титанические усилия не смогли причинить им никакого вреда. Нечего было и думать одолеть их голыми руками, впрочем, теперь надобность в этом отпала. Наемник вставил в одно из звеньев цепи свой кинжал и, действуя им как рычагом, в несколько мгновений освободил сначала одну, а затем и другую руку северянина. Звон лопнувших цепей показался Тонгору слаще музыки. Потянувшись могучим телом, он почувствовал, как радостно запели мышцы, начавшие было затекать, и широко улыбнулся.

— Спасибо, дружище!

Северянин от избытка чувств так хлопнул своего спасителя по плечу, что тот пошатнулся и едва устоял на ногах. Морщась и потирая ушибленное плечо, Элд Турмис протянул Тонгору меч и слегка подтолкнул его в спину:

— Давай-ка по-быстрому выбираться из этой мерзкой дыры, пока Талаба не вернулся, чтобы наконец приняться за тебя всерьез!

— Мой меч! — воскликнул Тонгор восхищенно.— Как тебе удалось заполучить его?!

Элд Турмис насмешливо улыбнулся и пожал плечами:

— Баранд Тон подобрал его в деревне зверолюдей, а я завладел им, не позаботившись получить на то согласие даотара. Однако хватит болтать, пора в путь. Меня тошнит не только от вида, но и от запаха этого подземелья. К тому же в этом жутком свете мы представляем собой превосходную мишень.

Покинув камеру со светящейся плесенью, друзья вышли в коридор и сразу же очутились в кромешной тьме.

— Как тебе удалось так быстро разыскать меня? — спросил Тонгор.

— Сам даотар, узнав, что мы с тобой друзья, назначил меня дежурить у Черных Врат,— ответствовал Элд Турмис.

— Не понимаю. Почему именно тебя?

В непроглядной тьме Тонгор не мог видеть своего товарища, но услышал, как тот хмыкнул.

— Полагаю, это связано с твоим поединком,— наконец проговорил он.— После того, как ты бежал на летучем корабле сарка, даотару стало известно, что убитый тобой Ялед Малх сам нарвался на ссору, отказавшись оплатить проигрыш, и первым обнажил оружие. Баранд Тон — суровый и требовательный командир, но он человек чести. И к тому же, как многие честные люди в Турдисе, недолюбливает нынешнего сарка. От «справедливости» Фала Турида приходят в ужас люди и похуже нашего даотара!

Пока Тонгор переваривал услышанное, друзья миновали коридор и очутились в просторном помещении, пол которого усеивали искореженные плиты. Часть их, вероятно, попадала со стен и потолка, а остальные были выворочены из пола какой-то чудовищной силой. Судя по гулкому эхо, высоту зал имел не маленькую, и, тем не менее, в воздухе явно ощущался тошнотворный запах гниения.

— Боги, как тут темно! Чего нам действительно не хватает, так это свечи или светильника, чтобы рассеять мрак!

Элд Турмис ворчливо согласился со словами Тонгора.

— Куда мы двинемся теперь?

— Нам нет смысла возвращаться к Черным Вратам прежней дорогой,— сказал Элд Турмис,— если, конечно, мы не хотим угодить в объятия Талабы из-за этой проклятой темени.

— Если тебя смущает только это, пойдем прежним путем. Имея в руках славный меч, я не откажусь встретиться с хозяином этого подземелья,— проговорил Тонгор, недобро усмехаясь.

Неожиданно яркое пламя вспыхнувшего, словно по волшебству, факела осветило дальний конец зала, заставив друзей замереть на месте. В свете факела воины разглядели уродливую фигуру согбенного тяжелым недугом Мастера Пыток, которого сопровождали два здоровенных раба. Факел, горящий в руке одного из них, позволил друзьям понять, что гиганты принадлежат к племени рохалов — иссиня-черных кочевников, населяющих бескрайние степи восточной Лемурии.

На рохалах не было ничего, кроме набедренных повязок и кожаных ремней. Мощные тела их блестели, будто смазанные маслом, в руках они держали железные топоры.

— Как, по-твоему, заметили они нас? — шепотом спросил Элд Турмис.

— Нет, они находятся слишком далеко, свет факела не достигает нас,— уверенно ответил Тонгор.— Давай проследим за ними...

Не двигаясь и не издавая ни звука, друзья наблюдали за рохалами, двигавшимися вдоль дальней стены зала, освещая путь перед собой чадящим факелом. По-видимому, они искали причину странного звука, встревожившего их господина. Безволосые головы рабов медленно поворачивались из стороны в сторону, и старания их в конце концов увенчались успехом. Что-то темное, разбуженное светом факела, зашевелилось в окружавшей зал галерее. Быть может, это и было то самое существо, которого боялся даже не ведавший страха Мастер Пыток?

Элд Турмис открыл рот от изумления, и даже Тонгор вздрогнул, увидев диковинную тварь, внезапно возникшую в колеблющемся свете факела. Огромная и бесформенная, она отдаленно напоминала чудовищного, невообразимо гигантского червя, влажное тело которого поблескивало слизью и казалось багровым из-за падавших на него отсветов пламени. Впрочем, судить о цвете с такого расстояния и при столь скверном освещении было трудно... Безглазая голова, покачиваясь, вынырнула из провала галереи, и рохалы издали крик ужаса. А студенистая масса лезла

и лезла из непроглядной тьмы, поражая беспредельностью своей длины. Один из рабов ударил топором жирное, колышущееся, подобно желе, тело. Из плоти чудовища брызнула бесцветная жидкость, но червеобразная тварь, не обратив на вонзившийся в нее топор ни малейшего внимания, неуловимо быстрым движением скользнула вперед и обвилась вокруг рохала.

Все это произошло так стремительно, что Тонгор и глазом не успел моргнуть, как студенистое существо полностью поглотило раба. Причем у северянина создалось впечатление, что тело червя не просто охватило его своими кольцами, а расплылось, облепив несчастного своей плотью. Оно как бы вобрало в себя раба, все еще видимого сквозь полупрозрачную желеобразную массу...

— Боги Ада! — пробормотал потрясенный Элд Турмис, и слова его прозвучали скорее как молитва, а не проклятие.

Между тем второй раб, завороженно глядевший на поглотившую его товарища тварь, пришел в себя и, отшвырнув факел, с диким воплем ринулся в темноту, подальше от диковинного чудовища. Сгорбленный Истребитель бесшумно последовал за ним и вскоре тоже растворился во мраке.

— Это существо движется к нам! — процедил Элд Турмис, стиснув зубы. Благодаря все еще горевшему на полу факелу, друзья видели, что жуткая тварь начала скользить к ним, не то перетекая, не то переползая по нагромождению каменных плит. Мясистая безглазая голова ее покачивалась из стороны в сторону, каким-то непостижимым образом выбирая верное направление.

— Пошли! Пора выбираться отсюда!

— Но куда? Это существо преграждает нам путь к выходу из подземелья!

— Попробуем обойти его,— предложил Тонгор, хватая товарища за руку.— Тут какая-то яма. Если мы перепрыгнем ее и доберемся до стены...

Друзья перепрыгнули через похожую на ров длинную яму, и тут факел, зашипев, погас. Зал погрузился во мрак, и Тонгор с Элдом Турмисом устремились вперед, то и дело спотыкаясь о плиты искореженного пола. Им все время приходилось обходить завалы и нагромождения крошащегося камня, и в конце концов они, вместо того чтобы достичь дальнего конца зала, очутились в каком-то боковом коридоре, шедшем под небольшим уклоном в глубь подземелья. Приятели остановились, пыта-

ясь сориентироваться, и тут их напряженного слуха достиг шорох скользящего вслед за ними червеподобного существа. Оно сипело, чмокало и хлюпало, словно ему не хватало воздуха, и булькающие звуки эти заставили друзей оставить поиски правильного направления и прибавить шагу.

Их так и подмывало перейти на бег, однако пол коридора, разрушенный не меньше, чем в зале, заставлял их двигаться вперед с величайшей осторожностью. Чтобы не поломать ноги, приятели вынуждены были идти шагом, время от времени ощупывая пол впереди себя. Сознание того, что червеподобная тварь может в любой момент настичь их, превращало и без того трудный путь в сплошной кошмар. Кромешная тьма, полуразрушенный подземный лабиринт, а тут еще и безглазая нечисть за плечами, чавкающая и сипящая в предвкушении вкусной человечины... Тонгор не мог даже представить, в каких жутких, спрятанных от людских глаз глубинах этого древнего подземелья плодились и размножались столь чудовищные, ни на что не похожие создания, настоящие порождения тьмы, лучшим местом для которых, безусловно, являлась преисподняя.

Весь ужас положения, однако, открылся друзьям лишь когда они, задыхающиеся и взмокшие от пота, достигли конца коридора и обнаружили, что тот круто обрывается в пропасть. Провал перекрывал всю ширину коридора — от стены до стены, и беглецы поняли, что оказались в ловушке. Шорох скользящего по их следам желеобразного чудовища становился все громче и громче. Тварь уверенно двигалась по пятам людей и явно не собиралась никуда сворачивать.

— Боги, пошлите же нам хоть немного света! — взмолился Элд Турмис.

Тонгор, ничего не ответив, встал на краю пропасти, из недр которой веяло ледяным дыханием неведомых глубин. Он тоже мог пожелать, чтобы поле предстоящей битвы было освещено получше, но к чему обременять богов просьбами? Довольно уже того, что в руках Тонгора оказался верный меч...

Желеобразная тварь нависла над друзьями. Мерзкий запах ее плоти забивал ноздри, не давал дышать, и, сознавая, что больше медлить нельзя, Тонгор, размахнувшись, вонзил клинок в студенистое тело. Ужасный удар мог убить или хотя бы покалечить любое чудовище Лемурии, но червь, казалось, даже не заметил вонзившегося в него меча. Тонгор с ужасом чувство-

вал, как колышущаяся масса с чавканьем смыкается над сочащейся зловонной кровью раной, как быстро зарастает рассеченная клинком плоть...

Некоторое время два воина кое-как сдерживали натиск червеобразного существа, в два меча рубя и кромсая его студенистое тело. Вновь и вновь вонзались их клинки в мгновенно зарастающую плоть чудовищного создания, не причиняя тому заметного вреда, и, наконец, Элд Турмис прерывающимся от усталости голосом произнес:

— Тонгор, это бесполезно! Мечами мы не можем заставить эту тварь даже почесаться. Мы обречены...

— У нас остался последний шанс,— промолвил валькар,— ничтожный шанс, и все же...

— Ну, говори. Терять нам нечего.

— Не знаю, что находится на дне этой пропасти и есть ли у нее вообще дно! Но лучше уж прыгнуть и разбиться всмятку, чем быть переваренным этим студнем. Ведь мечом его не убить.

Элд Турмис в знак согласия и в ожидании близкой гибели пожал северянину руку, после чего друзья без лишних слов прыгнули в пропасть, из глубин которой веяло сыростью и холодом...

* * *

В последний раз Соомия видела Тонгора на крепостном дворе, перед тем как ее доставили в отведенные ей покои. Помещения, предназначенные принцессе, были удобными и даже роскошными. Служанки приготовили ей ванну и принесли вкусную пищу, отведав которой утомленная событиями минувших суток девушка уснула.

Проснувшись ранним вечером, Соомия почувствовала себя свежей и отдохнувшей, хотя беспокойство о Тонгоре по-прежнему томило ее. Служанки, старавшиеся угадать каждое желание высокородной гостьи, принесли принцессе соответствовавшее ее сану облачение. Помимо богато расшитого цветными узорами наряда из шелковистой на ощупь ткани, девушка надела инкрустированный драгоценными камнями пояс и прикрывавшие груди украшения, похожие на золотые чаши с искусно вычеканенным рисунком.

Все это, однако, не мешало Соомии чувствовать себя пленницей, потому что всякий раз, когда она просила отвести ее к Фалу

Туриду, служанки вежливо, но твердо отвечали, что сарк примет принцессу в урочный час. Они не могли рассеять опасений девушки за судьбу Карма Карвуса и могучего валькара, чьи доблесть и мужество успели уже прочно завоевать сердце Соомии.

На следующее утро, в то время как Тонгор и Элд Турмис прыгнули в разверзшуюся перед ними в недрах подземной тюрьмы пропасть, служанки прервали беспокойный сон принцессы и помогли ей быстро одеться, не пожелав, правда, объяснить, что ожидает девушку в ближайшем будущем. Воины, встретившие Соомию у дверей ее апартаментов, провели принцессу через множество запутанных дворцовых коридоров к дверям, выходящим во внутренний двор крепости-дворца. Здесь девушку уже поджидал паланкин, укрепленный на спине зампа. Зверь этот, весьма напоминавший носорога, будучи исключительно выносливым, обладал силой слона и хорошо поддавался дрессировке. Тело зампа покрывала толстая жесткая кожа блекло-голубого цвета на спине и грязно-желтого — на брюхе. Его короткие крепкие ноги оканчивались копытами. Развивая гораздо меньшую по сравнению с кротером скорость, замп мог сутками передвигаться неспешной ровной рысцой. Над клювоподобным рылом верховой твари располагались крохотные свинячьи глазки, между которыми торчал прямой рог с острым винтообразным концом.

Стражники усадили Соомию в устланный подушками паланкин, плотно задернули занавески, и замп неторопливо потрусил к городским воротам.

Принцесса не знала, что чуть позже Карма Карвуса тоже вывели из отведенного ему помещения и посадили в следующий за ней паланкин. Два везущих их зампа входили в необъятную армию, которая с восходом солнца выступила из ворот Турдиса. Приготовления к войне завершились, и собранная Фалом Туридом мощная армия двинулась на Патангу — Город Огня, которым правил Вапас Птол — Желтый Верховный хранитель, убивший отца Соомии и захвативший его трон.

Ехавший во главе этих грозных легионов Фал Турид олицетворял собою власть и богатство. Роскошная кольчуга червонного золота, сверкавшая при каждом движении сарка ярче самого блестящего женского наряда, отлично скрывала дряблость тела правителя Турдиса. Украшавший его голову боевой шлем, так же как и корона, представлял собой дракона, переливающегося всеми цветами радуги из-за обилия драгоценных камней.

Замп под сарком был удивительно крупным и столь белым, что напоминал медленно двигавшуюся гору снега. Малиновый плюмаж покачивался над головой животного, а седло, в котором восседал сарк, являлось превосходным образчиком работы резцов по кости. Сопровождавшие Фала Турида телохранители ехали следом за ним на кротерах, а еще дальше двигались закрытые повозки, в одной из которых находился великий алхимик Оолим Фон, а в другой — незаменимый «слуга» повелителя Турдиса, Талаба Истребитель.

* * *

Вернувшись в камеру, к оставленному им пленнику, карлик убедился, что Тонгору каким-то образом удалось бежать, но, проследив его путь по подземелью, он пришел к выводу, что северянина сожрал студенистый червь. Почтя за лучшее не докладывать об этом Фалу Туриду, Талаба убедил сарка — доступным ему одному способом — забыть на время о летающем корабле и выступить в поход с теми силами, какие у него имеются на нынешний момент. Божественный голос сообщил Фалу Туриду, что Патанга подобна спелому плоду, которым может завладеть всякий, кто не поленится протянуть за ним руку. Для завоевания ее вовсе не нужны летающие корабли, достаточно прекрасно обученной конницы на кротерах и отлично снаряженной пешей рати Турдиса, которая благодаря заботам Фала Турида являлась лучшим войском Лемурии.

К вечеру армия должна была достигнуть Патанги и, встав лагерем под ее стенами, начать осаду обреченного города. То, что город падет, не вызывало никаких сомнений, ибо ничто не может противостоять воле Фала Турида, подкрепленной мощью его легионов. Патанга падет к ногам Великого Фала Турида, Блистательного Фала Турида, Фала Турида Завоевателя и Победителя!..

Капюшон надежно укрывал от любопытных взглядов не только обезображенное болезнью лицо карлика, но и злобную усмешку, делавшую его еще более страшным и отвратительным...

Баранд Тон ехал во главе отряда стражников, следовавших за зампом сарка. Даотар носил кирасу из прочной стали, плечи его прикрывал роскошный зеленый плащ, а над шлемом покачивались три алых пера птицы Ке-Кей. Однако, несмотря на бравый вид, на душе даотара лежала тяжесть. Верность и честь —

два божества, которым он привык поклоняться, но сейчас сердце его противилось исполнению воинского долга, ибо затеянная сарком война была несправедливой и не могла принести городу ничего хорошего. Памятуя о безмятежности Мастера Пыток в тот момент, когда он усаживался в свою повозку, даотар имел все основания полагать, что посланный им к Черным Вратам Элд Турмис поступил именно так, как велел ему долг дружбы. Он не появился к началу похода, и Баранд Тон видел в этом добрый знак. Мысль о том, что воин освободил валькара, вызвала на губах даотара улыбку. Сознание того, что хотя бы в этом он пошел против воли жестокого и неразумного сарка, несколько утешала опытного воина.

Даотар поднял глаза, и взгляд его невольно уперся в спину даотаркона, кротер которого следовал по пятам за белоснежным зампом сарка. Хайяш Тор управлял своим ящером с легкостью прирожденного наездника, одной рукой придерживая поводья, картинно уперев в бок другую. Темный плащ его струился за спиной красивыми складками. Самодовольный вид главнокомандующего армии Турдиса крайне раздражал Баранда Тона, полагавшего, что Хайяш Тор более любого другого виноват в том, что Фал Турид решил без всякого повода напасть на Патангу. Жажда славы и власти снедали Хайяша, и они-то и явились истинной причиной начавшейся войны. Что значил бы сарк со своими безумными мечтами о мировом господстве, если бы червь властолюбия не точил и сердце даотаркона?

Глядя в спину Хайяша, Баранд Тон в тяжелом раздумье сдвинул брови. А гигантская армия между тем приближалась к расположенному неподалеку от Турдиса маленькому городку — Шембису, от которого уже рукой подать до Патанги, места, где вскоре решатся судьбы многих народов.

* * *

Тонгор едва не лишился чувств, с головой погрузившись в ледяную воду. Вынырнув, он набрал полную грудь воздуха и, оглянувшись по сторонам, позвал Элда Турмиса. Ответа не последовало.

Сообразив, что они угодили в подземную реку, текущую сквозь мрак и неизвестность расположенных под тюрьмой Турдиса пещер, валькар вновь наполнил свои могучие легкие чистым хо-

лодным воздухом и нырнул в стремительный поток, надеясь обнаружить там своего друга. Спасаясь от студенистого чудовища, они прыгнули в пропасть и летели в пустоте так долго, что, казалось, падению не будет конца. От удара о ледяную воду Элд Турмис мог потерять сознание, и, если ему вовремя не прийти на помощь и не вытащить на поверхность, он навсегда скроется в бурлящей пучине. Мысль о том, что он может потерять друга, невыносимой болью сжала сердце, и Тонгор снова и снова нырял в глубину, шаря вокруг себя руками.

Легкие валькара горели и готовы были разорваться от недостатка воздуха, когда пальцы его внезапно наткнулись на что-то твердое. Ощупав находку, он крепко вцепился в нее и рванулся на поверхность, отчаянным усилием выдирая тело друга из объятий готовых поглотить его вод. В какой-то момент ему показалось, что он переоценил свои силы и нырнул слишком глубоко. Но вот северянин что было сил заработал ногами и, пробкой вылетев из воды, судорожно начал глотать воздух широко раскрытым ртом.

Отдышавшись, Тонгор обнаружил, что одной рукой сжимает нахлебавшегося речной воды, но живого Элда Турмиса, а другой — обнимает скользкий ствол дерева. Валькар не мог представить, как могло попасть это бревно в бурные воды безымянной подземной реки, да это его сейчас и не слишком интересовало. Кратко, но от всей души, поблагодарив Богиню Удачи — Тиандру, он, сняв с Элда Турмиса кожаную перевязь, крепко-накрепко примотал ею товарища к бревну. Затем сам привязался к стволу собственным ремнем и расслабился, позволив реке нести их по темному подземному тоннелю. Варвар нуждался в отдыхе, и холодные струи воды могли как нельзя лучше взбодрить натруженные мышцы.

Тонгор совершенно не представлял, сколько времени пробыли они в подземном потоке. Когда Элд Турмис пришел в себя и отплевался, вернув потоку проглоченную при падении воду, друзья постарались как можно удобнее устроиться на спасительном бревне и, обессиленные, задремали, не обращая внимания на рев и грохот несущихся в неизвестность волн.

Прошло, вероятно, довольно много времени, прежде чем подземная река неожиданно вынесла их из тоннеля под светлые небеса. Было раннее утро, и Тонгор с Элдом Турмисом, не веря своему везению, смеясь и прикрывая глаза от солнца, с удивле-

нием начали вглядываться в покрытые темно-зеленой растительностью берега.

Бурные воды подземного потока влились в широкую могучую реку, и чудом спасшимся воинам оставалось лишь гадать, куда их занес счастливый случай. Освободившись от удерживавших их на бревне ремней, друзья высматривали достаточно пологое место, намереваясь подогнать к берегу импровизированное судно.

— Скорее всего это Чаверн. Он течет мимо Турдиса и Шембиса, а потом впадает в залив Патанги,— предположил Элд Турмис.— Коли дело обстоит именно так — нам придется невесть сколько времени потратить на возвращение в город.

— У нас нет выбора! — ответил Тонгор без колебаний.— Принцесса Соомия и Карм Карвус остались в плену безумного сарка, а тот, узнав о моем побеге, вполне способен выместить на них свой гнев.

— Ого! Смотри-ка! — прервал Элд Турмис товарища, указывая на высящиеся над кронами деревьев городские башни, внезапно появившиеся за излучиной реки. По гребню городской стены расхаживала стража в черно-красных одеждах воинов Турдиса.

— Худо будет, если они нас заметят!

— Не беспокойся,— успокоил друга Тонгор.— Единственное, что пока могут увидеть стражники,— это плывущее вниз по течению бревно. Повезло, что нас прикрывает ствол, но лучше не рисковать. Попробуем добраться до противоположного берега под водой. Незачем мозолить этим ребятам глаза.

Валькар беззвучно нырнул, и Элд Турмис не замедлил последовать его примеру. Ноги наемника оцепенели от долгого пребывания в холодной воде, а укрепленный на груди меч сковывал движения, но он старался не отставать от Тонгора и вскоре, двигаясь за своим столь же проворным, сколь и могучим другом, выбрался на заросший камышом берег.

Друзья замерли, глядя на вышагивающих по гребню городской стены воинов, но те и не думали поднимать тревогу. Время от времени они останавливались, лениво наблюдали, как влекомые течением стволы деревьев выносит в залив, и вновь продолжали обход вверенного им участка стены.

— Пора!

Друзья выскочили из камышей, пригибаясь, пробежали открытый участок и юркнули под жерди, огораживавшие лужайку, на которой паслось несколько кротеров. Рептилии подняли

свои безобразные головы, но, к счастью, появление незнакомцев их не особенно встревожило. Прячась за кротерами, Тонгор и Элд Турмис сняли обнаруженные ими на изгороди седла и принялись прилаживать их на ближайших тварей. Рептилии начали было брыкаться, их головы угрожающе качались на гибких длинных шеях, из пастей вырывалось змеиное шипение, а холодные глаза взирали на чужаков с недоверием и злобой. Тонгор, однако, ласково похлопывая кротеров по бокам, заговорил с ними тихим, успокаивающим голосом, и привыкшие к людям животные постепенно успокоились и позволили друзьям оседлать себя. В следующее мгновение воины прыгнули в седла, и, взбодренные легкими ударами сапог, кротеры, перепрыгнув через изгородь, понеслись прочь от реки.

— Куда мы скачем? — поинтересовался Элд Турмис.

— Пока что прямо,— лаконично ответил Тонгор, прислушиваясь к раздавшимся на городской стене крикам оторопевших стражей.

Кротеры сразу взяли хороший темп. Похожие на огромных ящериц рептилии были менее выносливы, чем зампы, но благодаря худобе и длинным ногам значительно превосходили тех в скорости. Темно-серые, глянцевито посверкивающие шкуры их становились почти белыми под горлом и на животе, так же как и на нижней части хвоста, который помогал кротерам удерживать равновесие во время бега. Ибо бегали эти твари на мощных задних ногах, подобно кенгуру, не используя передние — более слабые, хотя и размерами, и силой они существенно превосходили человеческие руки. Управляли кротерами при помощи хитрой сбруи, включавшей серебряные кольца, продетые в их чувствительные ноздри. Дрессировка используемых для верховой езды рептилий — дело не только трудное, но и опасное, поскольку разгневанные животные норовили употребить своих мучителей в пищу. Тонгор и Элд Турмис, впрочем, считались прекрасными наездниками и полагали, что в Лемурии не существует другого животного, бегающего на двух или четырех ногах, столь же пригодного для быстрой езды, как эти ящероподобные твари.

Удалившись от берега, друзья поскакали вдоль реки, рассчитывая рано или поздно выехать на дорогу. Следы, оставленные кротерами на прибрежном песке, выдавали беглецов с головой, но Тонгор рассудил, что им легче оторваться от погони и уска-

кать как можно дальше от Шембиса, используя хорошо утрамбованную дорогу, чем плутая по незнакомому лесу.

Набрав скорость, кротеры неслись вперед, не зная усталости. Солнце еще не успело подняться к зениту, но в жарких его лучах великий залив Патанги, к которому стремились всадники, блистал, как начищенный щит, выкованный из чистого серебра.

Милю за милей покрывали хорошо отдохнувшие, лоснящиеся от доброго ухода кротеры, и сколько ни оборачивался Тонгор в седле, сколько ни вглядывался в пустынную полосу песка за спиной, погони заметить ему так и не удалось. Наконец, считая, что кротеры заслужили небольшой отдых, он придержал своего ящера и с улыбкой обратился к Элду Турмису:

— Полагаю, мы оставили преследователей далеко позади и они решат бросить эту бесполезную затею.

— Хорошо, если так,— проворчал воин, оглядываясь по сторонам.— Я чувствую, что начинаю таять, как свеча, и почти жалею о прохладе подземной реки!

Тонгор, усмехаясь, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и вздрогнул, видя, как внезапно побледнел его товарищ.

— Гляди! — воскликнул Элд Турмис изменившимся голосом.

Валькар посмотрел в указанном направлении, и глазам его представилось то, что он меньше всего ожидал увидеть — парящий вдалеке воздушный корабль.

— Кровь богов! — с изумлением пробормотал он.— Да это же «Немедис»!

Глава 9
ВОЛШЕБНЫЙ ЛУЧ

Могучая неведомая сила
«Немедис», подхватив, несла по небесам,
Безудержно над джунглями тащила
К руинам города, к зловещим чудесам...

Сага о Тонгоре

Два дня назад путешественники оставили «Немедис» на южном побережье Ковии. Подъемную силу сделанного из урилиума корпуса летающего корабля уничтожила молния, но Тонгор с Кармом Карвусом все же привязали его веревкой, сплетенной

из прочных сухих стеблей, к багряному стволу могучего джанибара. Они полагали, что подобная мера предосторожности вполне уместна, если левитационные свойства урилиума все-таки восстановятся. Во всяком случае, корабль не улетит прочь до их возвращения на побережье.

За двое суток урилиум действительно не только успел восстановить утраченные свойства, но и накопил достаточно энергии, чтобы «Немедис» смог взмыть над землей. Некоторое время предусмотрительно изготовленная привязь удерживала его на месте, но рывки корабля в конце концов измочалили наскоро сплетенную веревку, она лопнула, и «Немедис» обрел свободу.

Получив способность левитировать, корабль все еще не мог подняться на большую высоту, поскольку двигатель оставался выключенным. Магический урилиум тянул судно вверх, но сделанный из обыкновенных материалов каркас, состоящий из мощных шпангоутов и тяжелого киля, весил достаточно много, чтобы не позволить лодке воспарить в поднебесье. Благодаря сбалансированности веса корпуса и тянущим вверх силам урилиума «Немедис» некоторое время плавал над землей, пока его не подхватил сильный порыв ветра. Послушный переменчивым ветрам, корабль летел некоторое время над джунглями Ковии, но постепенно его стало относить все ближе к заливу Патанги, где он и попался на глаза Элду Турмису и Тонгору.

Никогда не видевший воздушный корабль в полете, бывший наемник разинул рот от удивления и страха — вид дрейфующего над головой судна мог привести в трепет кого угодно. В отличие от своего товарища, Тонгор не намеревался предаваться праздному созерцанию «Немедиса».

Заметив, что обрывок самодельной веревки все еще болтается под днищем судна, крепко привязанный к корпусу, валькар выждал момент, когда подгоняемый слабым ветерком летающий корабль окажется над его головой, и совершил великолепный прыжок. Поймав одной рукой конец веревки, он повис над взморьем.

Ловкому валькару потребовалось немного времени, чтобы взобраться по веревке на палубу лодки. Вскоре он очутился у панели управления и направил «Немедис» к тому месту, где восседавший на кротере Элд Турмис с изумлением наблюдал за маневрами диковинного судна.

— Лезь сюда, да поживее! — приказал Тонгор.

Оставив кротеров пастись на лужайке, Элд Турмис присоединился к северянину, твердо уверившемуся, что удача наконец-то вернулась к нему.

— Теперь нас уж точно не догнать! — радостно провозгласил он.— К полудню под нами окажутся башни Турдиса!

— Но как ты собираешься спасти принцессу из лап сарка? — поинтересовался Элд Турмис, опускаясь на одну из тянущихся вдоль стен каюты коек.

Тонгор беззаботно пожал плечами:

— Дождемся темноты и подгоним «Немедис» ко дворцу. Какое-нибудь из окон башни будет наверняка открыто, а уж, попав во дворец, найти в нем Соомию — вопрос времени.

Валькар положил руки на панель управления и включил двигатель. Острый нос лодки приподнялся, и она с огромной скоростью устремилась вперед. Элд Турмис судорожно вцепился в край койки, видя, как «Немедис», подобно пущенной из лука стреле, вонзается в утреннее небо. Глядя на оторопевшего друга, Тонгор рассмеялся и поспешил успокоить его:

— Ты скоро привыкнешь летать по небу и почувствуешь себя в этой лодке так же уютно, как легендарный герой Фондат на спине оседланного им дракона.

Элд Турмис кисло улыбнулся.

— Мне кажется, я больше похож на Нулда,— произнес он, имея в виду мифического летающего человека из страны Занд, расположенной в Моммурских горах,— хотя твое сравнение тоже не лишено смысла.

— Кстати, если хочешь подкрепиться, еда и питье находятся в сумке, которая стоит под твоим сиденьем,— сообщил Тонгор.— Верхняя часть койки откидывается, как крышка сундука.

Элд Турмис без лишних слов прислонил койку к стене и извлек котомку с провизией. Воин из Турдиса не ел с прошлой ночи, а Тонгор и вообще не мог вспомнить, когда ему последний раз доводилось утолить голод, так что ничего удивительного, что воины с энтузиазмом взялись за уничтожение обильных запасов снеди, собранной Шаратом несколько дней назад. Они отдали должное вяленому мясу и начавшему черстветь хлебу, фигам, финикам и другим сушеным фруктам, запив все это оставшимся во фляге вином. Утолив голод, друзья вполглаза вздремнули, чтобы подкрепить силы, которые должны были им вскоре очень и очень пригодиться.

Солнце стояло в зените, когда на горизонте показались сияющие башни Турдиса. Заставив «Немедис» снизиться, Тонгор повел его к городу с большой осторожностью, внимательно изучая все то, что могло им пригодиться во время ночной вылазки во дворец, когда темнота не позволит им что-либо рассмотреть.

Но чем больше друзья рассматривали расстилавшийся перед ними город, тем больше изумлялись полному его безлюдью. Турдис казался пустынным и вымершим!

— Взгляни-ка, похоже, там что-то случилось! Не можешь ты туда подлететь?

Тонгор проследил за движением руки Элда Турмиса. На северо-востоке города небо заволокли тучи не то пыли, не то дыма. Валькар коснулся приборной панели, и маленькая летающая лодка, разрезая раскаленный от жара полуденного солнца воздух, рванулась в указанном направлении.

— Вроде бы там что-то горит? — предположил наемник.

— Нет, облако висит слишком низко,— возразил Тонгор.— Горячий дым в теплом воздухе поднимается на большую высоту, а эта мгла почему-то низкая и длинная.

— Что бы это могло быть?

Они получили ответ на этот вопрос, когда «Немедис» достиг источника странного явления.

— Да это же армия на марше! — воскликнул Элд Турмис.

Валькар фыркнул. Как же он раньше не догадался, что это облако — не что иное, как туча пыли, поднятая колесницами и тысячами движущихся по дороге воинов.

— Их ведет Фал Турид? Он сам двинул свои войска на Патангу или послал кого-то другого?

Острые глаза Тонгора, с малолетства приученные все замечать, видели гораздо дальше, чем это доступно горожанину. От остроты зрения и внимательности зависит удачливость охотника, а жителю пустынных земель тем паче необходимо уметь различить старый след на камнях или примятую зверем траву. Чтобы выжить в мире, где родился Тонгор, надо было иметь очень зоркие глаза: легкая рябь на воде могла оказаться признаком движения поа — смертоносного речного дракона, а мелькание черной тени, едва различимое в сумраке джунглей, предупредить о встрече с прожорливым вандаром...

Пролетая над тучами пыли и пристально вглядываясь в топающее по дороге войско, Тонгор без труда удовлетворил свое

любопытство. Над головной частью огромной рати он заметил развевающееся по ветру черно-алое знамя с изображением Дракона Турдиса, свидетельствовавшее о том, что сам Фал Турид ведет войско к Патанге. Разглядел валькар и зеленый с серебром стяг, принадлежащий Арзангу Пауме — жестокому сарку Шембиса, присоединившемуся к одержимому манией завоевания сарку Турдиса. При виде марширующих легионов золотистые глаза северянина сузились, а на губах появилась холодная улыбка, обнажившая его белые зубы в тигрином оскале. Счет его к Фалу Туриду вырос до небес, и Тонгор намеревался получить по нему сполна.

Несколько позже он заметил в просветах между клубами пыли огненно-золотистый флаг Соомии — саркайи Патанги. Тот развевался над закрытым паланкином, установленным на спине могучего зампа. Глаза валькара вспыхнули. Выходит, они зря парили над куполами и башнями Турдиса, готовясь к ночной вылазке во дворец, где рассчитывали отыскать принцессу. Найти ее оказалось гораздо проще — она ехала прямо под ними! В мозгу Тонгора один за другим стали возникать планы спасения Соомии, но он отвергал их один за другим. В самом деле, как, не привлекая к себе взоры всей армии, извлечь принцессу из ее паланкина? Пока еще, к счастью, никто не заметил парящий над дорогой «Немедис», но обнаружить их могут в любой момент — не так уж сложно разглядеть в лазурном небе серебристое судно. Конечно, они могли рискнуть и без особых затей снизиться и спустить лестницу, по которой он добрался бы до паланкина...

— Тонгор!

Валькар обернулся к Элду Турмису, чтобы узнать, что встревожило его товарища.

— Корабль движется! Он движется сам по себе, без нашего участия!

Все было именно так, как говорил наемник. Медленно, как будто против воли, «Немедис» скользил прочь от армии, огромной сверкающей змеей извивавшейся между низкими зелеными холмами.

Тонгор взглянул на панель управления. Двигатель работал, но «Немедис» продолжал удаляться от войска Фала Турида. Причем, если верить остальным приборам, корабль неподвижно висел над землей!

Пальцы валькара легли на панель управления, увеличивая обороты двигателя, и хотя лопасти со свистом взрезали воздух,

это никак не повлияло на направление полета. Воздушный корабль продолжал плыть над зелеными холмами, улетая все дальше и дальше от дороги, по которой маршировали легионы Турдиса. Скорость и направление полета не изменились — «Немедис» словно не замечал, что двигатель включен! Тонгор уставился на заключенную в стеклянную сферу стрелку компаса, рыскающую из стороны в сторону, как потерявшая след собака. Потом, словно устыдившись, серебристая игла начала сокращать амплитуду колебаний и, наконец, застыла. Однако указывала она при этом не на север, а на юго-запад. Чудно! Тонгор нахмурил брови, подумав, что, пожалуй, рано уверовал в благосклонность Богини Удачи.

Под днищем «Немедиса» поплыли непроходимые джунгли Куша, похожие сверху на толстый ковер. Серебряная лента Чаверна, ослепительно сверкая на солнце, вилась среди темно-зеленых зарослей, а далеко на севере, на самой границе видимости, вздымались в небо багровые пики гор Моммурии, тянувшиеся с востока на запад через всю Лемурию, образуя гигантский хребет древнего континента. Если «Немедис» будет продолжать придерживаться выбранного направления, им придется пролететь сотню лиг, прежде чем они достигнут Кадорны — первого лежащего на их пути города, за которым катит свои грозные валы Яхен-зеб-Чун — Южное море.

Попытавшись разобраться, в чем же причина столь целенаправленного движения «Немедиса», Тонгор пришел к выводу, что объяснить это явление могло лишь одно: их летающий корабль попал во власть какой-то неведомой силы. И поскольку двигатель корабля работал на полную мощность без ощутимых результатов, оставалось признать, что захватившая его сила во много раз превосходит все, с чем до сих пор приходилось сталкиваться валькару.

Тонгор в отчаянии сжал кулаки и бросил мрачный взгляд назад, туда, где уже почти исчезли тучи пыли, поднятые войском повелителя Турдиса. Как сможет он помочь Соомии, если неведомое и невидимое небесное чудовище завладело «Немедисом» и тащит его в свое логово, расположенное, по-видимому, где-то в самом сердце непроходимых джунглей Лемурии? Постояв в задумчивости, северянин изо всех сил потянулся, так что захрустели суставы его могучего тела. Покинув место пилота, он скинул сапоги, снял перевязь с мечом и опустился на койку.

— Позволь узнать, что это ты собираешься делать? — полюбопытствовал Элд Турмис.

— Спать.

— Спать? Сейчас? — Элд Турмис вытаращил глаза от удивления.

— Почему бы и нет? Последние дни я трудился как проклятый, а вот поспать все как-то не удавалось. К тому же нам ничего другого не остается. Поверь, в скором времени все изменится к лучшему. Но даже если я не прав и будущее сулит нам одни неприятности, подумать о том, как избежать их, у нас еще будет время. А сейчас я хочу спать, и если ты не имеешь ничего против...

Не закончив фразу, Тонгор смежил веки, и вскоре по его ровному дыханию Элд Турмис понял, что валькар и в самом деле заснул. Что это было: самоуверенность, беспечность или полнейшее равнодушие к собственной судьбе? Элд Турмис довольно долго размышлял над этим и понял, что при сложившихся обстоятельствах поведение Тонгора было, безусловно, единственно правильным. Придя к такому выводу, воин с легким сердцем устроился поудобнее на другой койке и последовал примеру товарища.

Друзья крепко спали, а влекомый неведомой силой «Немедис» летел и летел над джунглями Куша, в которые до сих пор не ступала нога человека. Солнце давно перевалило зенит, а бескрайние леса все плыли и плыли навстречу. Многие лиги джунглей отделяли воздушный корабль от Кадорны, за которым расстилалось далекое Южное море...

Что-то едва заметно изменилось в равномерном движении судна, и Тонгор тут же открыл глаза.

Он очнулся мгновенно, готовый к немедленным действиям, в то время как горожанин Элд Турмис, обладавший менее изощренной чувствительностью, продолжал спать как ни в чем не бывало. Северянин стремительно вскочил на ноги и настороженно огляделся по сторонам, одновременно чутко прислушиваясь к своим ощущениям. Быстрая реакция не раз спасала ему жизнь, а способность молниеносно оценивать ситуацию и тут же принимать верные решения он считал едва ли не главным своим достоинством. При случае он всячески развивал в себе это врожденное умение.

Вот и теперь ошибки не произошло — воздушный корабль действительно замедлил ход, меняя направление полета. Он опус-

кался! Решив до поры до времени не будить товарища, валькар подошел к пульту управления, взглянул на показания приборов, а потом, пораженный, уставился на открывшийся с борта вид.

Ночь опустилась на Лемурию. Золотая луна сияла на фиолетовом небе гораздо ярче угасавшего зарева в западной части небосклона. Летучий корабль плавно опускался в глубь сумеречных чащоб, но наметанному глазу северянина сразу бросилось в глаза, что перед «Немедисом» они словно расступаются, подобно тому как волны обтекают встретившиеся на их пути камни. На самом-то деле джунгли, конечно, не расступались, это летающий корабль шел на посадку туда, где заросли казались реже и среди них виднелись руины некогда великолепного города. Города, не нанесенного ни на одну карту, города, о котором не существовало даже легенд!

Между тем, если судить по огромным дворцам и храмам, по окружавшим его массивным каменным стенам, он когда-то блистал величием и богатством. Изглоданный временем, он и сейчас еще был прекрасен: высокие изящные башни продолжали вздыматься в небо, величественные арки украшали площади, мраморные колоннады тянулись вдоль мощенных цветными плитами улиц. Чудовищные горгульи и многоголовые, многоликие боги и демоны злобно взирали с порталов, скалились с портиков и фронтонов уцелевших зданий. Скульптуры, барельефы и росписи, украшавшие стены домов, казались творениями безумца, смешавшего воедино толпы людей и каких-то отвратительных тварей: сложные композиции включали человеческие и нечеловеческие лица, змей и зверей, диковинные цветы, незнакомые северянину руны и символы.

Скорее всего, этот город являлся столицей могучей, процветающей державы, но время не пощадило созданное людьми диво. Башни покосились, колонны во многих местах упали, кладка стен превратилась в бесформенные груды строительного камня, расколотых плит и щебня. Ветер и дождь изуродовали донельзя и без того безобразных каменных демонов и Богов, испещрив их тела отвратительными кавернами. Плесень, мох и лоза дикого винограда покрывали их подобно причудливым одеждам, пестрыми коврами лежали у ног статуй, растекались по ступеням лестниц и мостовым террас.

Джунгли вошли в покинутый людьми город и стали в нем полновластными хозяевами. Их медленный, но неукротимый

напор расколол стены, обрушил воротные арки, пробил крыши домов. Время и растительность разрушили то, что не под силу было бы уничтожить самым жестоким и безжалостным захватчикам. Лианы и плющ взобрались по стенам, обрушив своим весом кладку, изуродовав остатки стен вездесущими корнями. Они повалили изваяния, залезли в проломы крыш, вывороти камни мостовых. Улицы затопили кустарники и деревья...

Великолепный город превратился в живописные руины. Теперь он напоминал огромный заброшенный некрополь, позабытые могилы которого поросли сорной травой, а склепы опутала виноградная лоза... Это был город Смерти, в котором властвовал Авангра — Повелитель Призраков.

Тонгор, однако, держался настороже, полагая, что кто-то до сих пор обитает в этих развалинах. Чем ниже спускался «Немедис», тем внимательнее всматривался валькар в руины. Его пронизывающий взгляд скользил по храмам и дворцам, по площадям и улицам, силясь проникнуть в глубины оконных проемов, черневших на фоне сложенных из светлого камня стен, как провалы глазниц в выбеленном ветрами черепе.

«Немедис» продолжал снижаться, держа курс на высочайшую во всем городе башню, похожую на высеченную из цельного камня гигантский обелиск, исполинской стрелой вонзавшийся в звездное небо. На самой верхушке башни валькар разглядел странный механизм, состоящий из переплетенных между собой металлических труб и стеклянных шаров, в которых мерцали таинственные голубые огоньки. Механизм этот венчала сделанная из полированной латуни сфера, диаметр которой превышал человеческий рост. Торчащий из сферы штырь, похожий на черное копье, подобно пальцу Смерти указывал прямо на приближающийся воздушный корабль. Конец штыря окружало тусклое фиолетовое сияние, в котором неожиданно что-то ярко вспыхнуло, словно молния вырвалась из недр латунной сферы.

Неведомая сила стиснула бедра Тонгора, стальным обручем сжала грудь. Мышцы его окаменели, с искаженных гримасой губ сорвался болезненный крик, а руки словно прикипели к панели управления. Он услышал возглас изумления и глухой удар: проснувшегося наконец Элда Турмиса сорвало с койки и с силой шмякнуло о стену кабины. Тонгор почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, а потом его затопила пришедшая откуда-то извне волна ужаса.

«Немедис» тем временем завис так низко над башней, что киль лодки коснулся черного штыря, торчащего из латунной сферы. Всполохи фиолетового пламени пробежали по корпусу корабля, и в свете их валькар внезапно увидел тех, кто управлял силой, завлекшей летающее судно в сердце джунглей Куша. Около механизма, состоящего из металлических труб и стеклянных шаров, появилось несколько фигур в широких черных одеяниях. По их команде из недр башни выдвинулась длинная лестница, и незнакомцы, один за другим, стали подниматься на палубу летающего корабля.

Прежде всего в глаза Тонгору бросились безвкусные украшения из драгоценных камней и металлов, которыми изобиловали черные кожаные туники незнакомцев, надетые прямо на голое тело. Но не блестящие безделушки пришельцев, а их мертвенно-белые тела больше всего поразили валькара — он мысленно обозвал их выходцами из могил. Неестественно худые, с лихорадочным блеском запавших глаз на бескровных лицах, они казались ожившими трупами, чудом избежавшими разложения...

Разглядывая незнакомцев, Тонгор прекратил попытки вырваться из сжимавших его тело невидимых тисков. Безропотно позволил он влажным ледяным рукам незнакомцев накинуть на свою шею веревочную петлю и связать запястья за спиной. Сейчас сила была не на его стороне, и северянину не оставалось ничего другого, как временно покориться обстоятельствам. Он видел, как они, не издав ни звука, связали громко ругавшегося и проклинавшего все на свете Элда Турмиса. Тонгора поразило то, что двигались они словно в полусне, жесты их казались скованными и неловкими, как будто незнакомцы выполняли приказы неслышимого голоса, пребывая в трансе.

Связав валькару руки, пришельцы сорвали с него одежду, и тут же он ощутил, что охватившее его оцепенение стало проходить. Не дав Тонгору опомниться, его потащили к лестнице. Он бросил последний взгляд на пульт управления и заметил удивительную вещь: его одежда и упавший на приборную доску меч не соскользнули на пол, а продолжали лежать на наклонной поверхности, словно приклеенные.

Валькар усмехнулся и позволил оживившим мертвецам подвести его к лестнице. Его догадка подтвердилась — именно из этой башни, и, скорее всего, из установленного на ее вершине механизма, исходила та чудовищная сила, которая, протащив «Неме-

дис» над джунглями Куша, доставила его в этот разрушенный город, населенный людьми, похожими на выходцев из могил.

Глава 10
ЗАТЕРЯННЫЙ ГОРОД ОММ

...Проклятый, утонувший в глубинах времен, погибший город еще хранит в своих таинственных недрах темный ужас, столь же всепоглощающий и безмерный, сколь всепоглощающи и безмерны пропасти, лежащие между сияющими в небесах звездами...

Третья Книга Псенофиса

Карм Карвус испытывал сильный гнев, который ему с трудом удавалось скрывать под маской безразличия. С тех пор, как он стал пленником, прошло два дня. Сначала его, разлучив с Тонгором и принцессой, поместили в отдельную камеру. Слов нет, он не мог жаловаться на неудобства, но для человека действия камера, даже самая роскошная, все равно останется ненавистным местом заточения. Заточения бессмысленного, поскольку Фал Турид не имел к нему каких-либо претензий и едва ли надеялся извлечь из его пленения какую-то пользу. От Тонгора он хотел узнать кое-что о летающем корабле, Соомию мог использовать в политических интригах, поскольку она являлась единственной законной претенденткой на трон города, который сарк Турдиса хотел включить в состав своей будущей Империи. Но какой прок был Фалу Туриду держать в заключении принца Карвуса, который, будучи изгнанником, не имел иного достояния, кроме собственной жизни? Разве что повелитель Турдиса рассчитывал использовать его в каких-то грядущих заговорах и переворотах?..

Как бы то ни было, пребывание в одиночной камере оказалось не долгим, но, выйдя из нее, Карм Карвус всего лишь поменял место заключения. Теперь он ехал в закрытом паланкине вслед за Соомией, появление которой под стенами Патанги могло заменить Фалу Туриду несколько легионов. Это было понятно Карму Карвусу, но нисколько не помогало ответить на вопрос: зачем Фал Турид приказал взять с собой и его?

В конце концов одна догадка показалась дворянину достаточно правдоподобной. Скорее всего, Фал Турид решил использовать его, если Соомия заупрямится и не пожелает стать игрушкой в руках повелителя Турдиса. Разумеется, сарк хотел предстать перед жителями Патанги в роли освободителя, и если наследница трóна не согласится подыграть ему, мог вырвать ее согласие, пригрозив пытать, а затем и убить Карма Карвуса. Сердце Соомии принадлежало другому, но едва ли она согласилась бы обречь на мучения друга...

К вечеру войско Турдиса достигло Патанги. И людям, и животным стоило большого труда совершить столь длинный переход за один день, но воля двух человек заставила их сделать это. Красного сарка побуждало гнать свою армию вперед тщеславие даотара и бесчеловечные желания, сжигавшие черное сердце Талабы Истребителя. Одолев расстояние между Турдисом и Патангой за один переход, валившиеся с ног от усталости воины Фала Турида к концу дня разбили лагерь в полулиге от желтых стен Города Огня. Южная ночь опустилась на землю как всегда внезапно, но к тому времени, как окрестности Патанги погрузились во мрак, дрова в походных кострах уже пылали, а в котлах кипела похлебка. Сидя в надежно охраняемой палатке, Карм Карвус прислушивался к долетавшим до него каркающим воплям зампов, громкому шипению кротеров и лязгу оружия, которое чистили и точили для завтрашнего сражения. Среди негромкого гула готовящегося ко сну лагеря выделялся мерный топот множества животных, ведомых на водопой к берегу Саана.

Карм Карвус чувствовал себя в относительной безопасности, и его совершенно не волновал исход грядущей битвы. Ему было все равно, кто победит — жестокий владыка Турдиса стоил кровожадного Великого хранителя, завладевшего троном Патанги, но знатного вельможу, аристократа до мозга костей, каковым являлся Карм Карвус, унижало то, что Фал Турид держит его в плену, чтобы иметь возможность диктовать Соомии свою волю.

Помешать этому он мог лишь одним способом: бежать из плена и освободить принцессу. Надеяться на помощь Тонгора не стоило — скорее всего, его могучий друг нашел свою смерть в мрачных подземельях Турдиса. Если так, Карм Карвус жестоко отомстит за его гибель. Когда тюремщики принесли пленнику пищу, он ухитрился незаметно стащить тупой столовый нож и два дня усердно точил его о плиты пола. Усилия привели к

тому, что нож этот, хотя и не превратился в кинжал, все же стал пристойным оружием...

Палатку Карма Карвуса, сделанную из толстой ткани, снаружи караулили четыре воина. Прислушиваясь к мерным тяжелым шагам, узник без особых усилий мог определить, где они находятся в тот или иной момент. Карм Карвус дождался, когда лагерь погрузился в сон, а стражники сошлись в кружок, чтобы немного поболтать, и, сделав в противоположном от них полотнище длинный разрез, мгновенно выскользнул наружу, тут же растворившись во мраке ночи.

Прислушиваясь к долетавшим в палатку звукам, Карм Карвус составил себе представление о планировке лагеря и знал, где держат принцессу. Огромный шелковый шатер сарка находился в центре расположившегося на отдых войска. Его окружали почти столь же роскошные шатры даотара, Мастера Пыток, Арзанга Пауме — сарка Шембиса, их свиты, вельмож, сопровождавших правителей и офицеров. Пленников разместили неподалеку друг от друга, чуть в стороне от шатров. Палатка Соомии — в соответствии с рангом наследницы Патанги — размерами напоминала шатер, а формой — язык пламени, что подчеркивал и ее материал, золотистый шелк. Развевавшееся над ней яркое знамя не позволяло усомниться в том, кому она принадлежит. Принцессу тщательно охраняли, и сначала Карм Карвус пришел в отчаяние при виде четырех стражей, бдительно наблюдавших за вверенными им сторонами палатки. Их вооружение состояло из традиционных для Турдиса коротких мечей, алебард и пристегнутых к поясам шипастых дубинок. Но больше всего поразило Карма Карвуса яркое освещение палатки принцессы.

За время короткого своего знакомства с Тонгором, Карм Карвус сделал вывод, что порой залогом успеха задуманного предприятия может явиться не тщательно разработанный и подготовленный план, а неожиданная стремительная атака. Валькар недолюбливал точно выверенные планы, в которых надлежало проявлять выдержку и осторожность, прежде чем начать действовать. Сталкиваясь с препятствиями, варвар сокрушал их в первый же подходящий момент, бросаясь в бой подобно сметающему все на своем пути урагану. «Алая Эдда» гласила: «Удача чаще улыбается смелому, чем велеречивому».

Памятуя об этом, Карм Карвус дождался, когда ближайший воин наконец перестал буравить взглядом темноту и двинулся

вдоль палатки. Выскользнув из темноты, дворянин подбежал к охраннику как раз в тот момент, когда тот собирался повернуть назад, прыгнул ему на спину и всадил нож в сердце. Воин умер мгновенно, не успев издать ни крика, ни предсмертного стона.

Карм Карвус быстро отволок тело в темноту и вооружился мечом убитого. Одним взмахом рассек он полог палатки и шагнул внутрь. Мельком бросив взгляд на роскошную лампу и раскиданные по полу подушки, дворянин обнаружил стройную принцессу у противоположной стены. Большие глаза Соомии широко раскрылись от удивления: она не ожидала столь внезапного появления Карма Карвуса. Девушка едва не закричала, но ее остановил предостерегающий жест нежданного гостя.

— Скорее, принцесса. На разговоры времени нет. Найдется у тебя темная одежда?

Соомия кивнула и, быстро отыскав темный плащ, накинула его себе на плечи. Карм Карвус сделал ей знак следовать за ним, и они выскользнули в ночь.

Все это произошло так быстро, что сторожившие принцессу воины даже не успели обнаружить исчезновение своего товарища. Воспользовавшись этим, дворянин, держа Соомию за руку, шмыгнул в темную щель между двумя шатрами, мысленно благодаря Богов за то, что в эту ночь на небе не сияла луна.

Беглецам казалось, что они уже несколько часов пробираются сквозь лагерь Фала Турида, огибая палатки и зампов, избегая костров и освещенных факелами мест и изо всех сил стараясь не попасться на глаза совершающим регулярные обходы спящего войска караульным. Наибольшая опасность подстерегала беглецов при попытке покинуть пределы лагеря, поскольку двигаться им теперь пришлось по открытой местности, и это оказалось несравнимо труднее, чем перебегать от палатки к палатке и красться между загонами с отдыхающими животными. К счастью, внимание наружной охраны занимали подходы к лагерю. Высматривая вражеских лазутчиков, они не заметили неслышно пробиравшихся за их спинами Карма Карвуса и принцессу. Перевалило за полночь, когда беглецы миновали, наконец, последние дозоры и почувствовали себя в относительной безопасности. Завидев справа неясно вырисовывающиеся стены Патанги, молодые люди устало присели на вершине поросшего сухой травой холма, чтобы перевести дух и обсудить, что им делать дальше.

— Я восхищаюсь твоей храбростью и преданностью...— начала было Соомия, но Карм Карвус жестом остановил ее и спросил:

— Принцесса, чем благодарить меня за то, что я считаю своим долгом, скажи-ка лучше, что нам следует теперь предпринять? В конце концов это твоя, а не моя родина. Стоит ли нам пробираться в Патангу, и если нет, то каковы твои дальнейшие планы?

Девушка задумалась, по привычке откидывая волосы, волной спадавшие на обнаженные плечи.

— У меня есть много друзей в городе, которые с радостью примут меня, не побоявшись Вапаса Птола, убившего моего отца и захватившего его трон. Нас, несомненно, могут приютить в домах барона Селверуса, виконта Дру или в других знатных семействах. Однако, пытаясь проникнуть в город, мы сильно рискуем — желтые хранители, которые наводнили Патангу, сделают все возможное, чтобы схватить меня и доставить к алтарю, дабы принести в жертву Ямату.

— Так куда же мы пойдем?

— На север. Неподалеку от Патанги находится поместье друга и верного слуги моего отца — герцога Мэла, владельца Тесонии. Он укрылся в этом поместье, предпочитая лучше уйти в добровольное изгнание, чем выслуживаться перед Вапасом Птолом. Стервятники в желтых одеждах мечтают отправить его на костер, зная, что жители Патанги питают к нему любовь за щедрость и справедливость, да пока что руки у Верховного хранителя коротки... Да, Карм Карвус, давай-ка двинемся на север.

— Хорошо. Но сначала нам надо где-нибудь отдохнуть и дождаться рассвета. Быть может, стоит подняться вверх по реке и там, вдалеке от лагеря Фала Турида, провести остаток ночи?

Соомия кивнула, и дворянин протянул ей руку, чтобы помочь подняться с земли. Но едва они сделали несколько шагов, как вокруг них вспыхнули факелы, и беглецы обнаружили, что находятся в кольце бритоголовых людей в желтых балахонах.

Увы, судьба распорядилась так, что, бежав из лагеря Фала Турида, они попали в руки патангийского патруля, состоявшего из воинов Верховного хранителя.

В один миг меч оказался в руках Карма Карвуса, и он прыгнул на подступавшего к принцессе воина. Раздался звон стали, мечи скрестились, высекая снопы искр. Рычащий служитель Ямата был искусным бойцом, но отчаяние придало дворянину

сил, и, отбив клинок противника, он в мгновение ока перерезал ему горло. Воин упал, и кровь его окропила сухую землю.

Ловким поворотом кисти Карм Карвус крутанул меч и, выбив оружие из рук очередного противника, всадил клинок ему в брюхо. Избегая смертоносных ударов двух новых врагов, защитник принцессы прыгал из стороны в сторону, мастерски орудуя мечом. Некоторое время ему удавалось уходить от тяжелых клинков, но нападавшие вынуждали его пятиться к вершине холма. Внезапно что-то с непостижимой силой обрушилось на затылок доблестного бойца. Мир мгновенно подернулся туманной дымкой, и, падая, Карм Карвус услышал отчаянный крик принцессы, зовущий его по имени...

* * *

За время своих странствий Тонгору не раз приходилось попадать в тюрьмы, и, по правде говоря, он не ожидал, что новое место заключения может сильно отличаться от предыдущих. Однако помещение, отведенное для него и Элда Турмиса похожими на трупы обитателями мертвого города, было столь просторным и роскошным, что совсем не напоминало тюрьму. Под стать ему оказалась и пища, что не могло не произвести сильного впечатления на валькара. Обтянутый шелком диван, подносы с редкими фруктами, изысканные мясные блюда и великолепные вина в прекрасных кубках — о таком заключенные даже и не мечтали. И все же помещение, в которое водворили друзей, являлось тюрьмой. Причем такой, бежать из которой невозможно. Тонгор ощутил это сразу, едва только массивные двери, скользя по пазам, закрылись за их спинами. Стены и двери, пол и потолок покрывал гладкий, блестящий, как шелк, и черный, как небытие, металл.

— Небиум,— поделился валькар своей догадкой с Элдом Турмисом.

Тщательный осмотр отведенной им комнаты подтвердил предположение северянина, что все окружающее их сделано из легендарного металла, высоко ценимого за его редкость и прочность.

— Неплохо для тюремной камеры,— высказал свое мнение Элд Турмис.— К тому же и компания у нас, оказывается, есть,— добавил он, указывая на стоящее в дальнем конце помещения

ложе, занятое еще одним пленником, с робостью поглядывающим на озиравшихся по сторонам друзей.

— Еще один из этих живых мертвецов! — проворчал Тонгор, в свою очередь разглядывая незнакомца. Молодой человек, одетый так же, как и доставившие их сюда чужаки, в самом деле выглядел неважно. Лицо юноши казалось еще более бледным, чем у них, и носило следы крайнего истощения.

Попытавшись разговорить товарища по несчастью, Тонгор убедился, что они не понимают друг друга, хотя обороты речи этого трупоподобного юноши и показались друзьям весьма причудливыми. Узник, носивший странное имя Нарьян Заш Дромор, не отличался разговорчивостью, но, во всяком случае, он сообщил друзьям название города, в котором их угораздило очутиться.

— Так это и есть потерянный Омм! — воскликнул Элд Турмис, повторяя слова незнакомца.— Тонгор, ты не мог не слышать сказки о великом городе, построенном тысячу лет назад и исчезнувшем с лица земли в пору расцвета своего величия! Так вот почему показались мне столь странными одежды этих людей и язык, на котором говорит этот несчастный! Обитатели города уже тысячелетие не общаются с другими жителями континента!

Он повернулся к Нарьяну Дромору, глядевшему на товарищей по несчастью без всякого интереса:

— Но почему мы находимся здесь? И что делаешь здесь ты?

— Почему нас заперли? Ты тоже пленник или тебя поместили сюда наблюдать за нами? — решил уточнить Тонгор.

Ответить юноше не удалось, поскольку двери внезапно отворились, и в сопровождении вооруженных стражей в комнату вошли слуги, несшие блюда с дымящимся мясом, бокалы и кувшины с вином и подносы с прочей снедью. Кроме еды они вернули узникам и их одежду, в которую те не замедлили облачиться.

— Что все это значит? Почему вы держите нас взаперти? — обратился Тонгор к одному из вошедших, но человек, похожий на обтянутый кожей скелет, пропустил его слова мимо ушей. Оставив принесенную пищу, чужаки, не проронив ни слова, вышли, и друзьям ничего не оставалось делать, как отдать должное искусно приготовленным блюдам.

Тонгор и Элд Турмис ели с большим аппетитом, в то время как Нарьян Заш Дромор едва притронулся к принесенным яс-

твам. Покончив с едой, Тонгор, удовлетворенно вытянув ноги, с наслаждением принялся потягивать вино, не пытаясь более заговаривать с сокамерником, явно не желавшим поддерживать разговор. Элд Турмис, настроенный более решительно, засыпал узника целым градом вопросов.

— Я помещен сюда за совершенное преступление,— неохотно промолвил наконец Нарьян Заш Дромор,— мне предстоит искупить свою вину...

— Какую вину? Как искупить?..

После долгой паузы, когда друзья уже решили, что ничего больше от товарища по заключению не услышат, он бесцветным голосом произнес:

— Мне предстоит предстать перед Ксосуном, повелителем Омма.

— А кто такой этот Ксосун? Он ваш сарк, да?

Нарьян неопределенно пожал плечами:

— Он волшебник и наш правитель. Все мы служим его чудовищным желаниям. Он моргулак.

Элд Турмис ощутил, как по спине пробежал холодок. Он обменялся с Тонгором встревоженным взглядом.

— Кровопийца?

Нарьян кивнул.

— Все, кто находится в стенах Омма, его добыча. Жертвами Ксосуна стали многие поколения родившихся здесь. Так продолжается из века в век, с того момента, как он появился среди нас.

Тонгор выругался, чувствуя, как волосы у него на голове встают дыбом. Он слышал об ужасных делах моргулаков — этих вампиров, пищей которым служила людская кровь. Теперь понятно, почему жители Омма выглядят как ходячие мертвецы. Другими они и не могли быть, ведь повелитель этого города регулярно высасывал их кровь. Валькар чувствовал, как его душит ненависть. Вот, значит, почему их посадили в столь роскошную темницу и откармливают, как скот на убой. Впервые проникшие в город пришельцы будут, без сомнения, лакомым блюдом для Ксосуна! Взглянув на побелевшее от гнева лицо Элда Турмиса, северянин убедился, что подобные мысли пришли и в голову его друга.

— Если вы ненавидите и боитесь моргулака, то почему не свергнете его? — возмущенно спросил Тонгор, но Нарьян лишь безнадежно покачал головой.

— Многие пытались уничтожить его и поплатились головой за свою отвагу. Ксосун обладает страшными знаниями. Он может управлять нашей волей и нашими мыслями. Тысячу лет назад, появившись здесь, он опробовал свою ужасную силу на наших предках и с тех пор безнаказанно терзает поколение за поколением. Ты, верно, заметил, что мы похожи на трупы? Но чему удивляться, если с рождения до могилы нас мучит страх, сознание безнадежности борьбы и ненависть к непобедимому моргулаку?

— Тысяча лет! — не мог прийти в себя от изумления Тонгор.

Элд Турмис недоверчиво покачал головой:

— Я слышал, моргулаки живут до тех пор, пока имеют возможность сосать кровь своих жертв. Но тысячу лет!..

Некоторое время они шепотом обсуждали возможности побега из страшного города, но так ничего и не придумали. Настала ночь, но Тонгор, не в силах уснуть, вновь и вновь возвращался мыслями к планам бегства, и никак не мог отыскать осуществимый вариант. Ворочаясь в роскошной постели, он неожиданно почувствовал что-то твердое под боком. Недовольно заворчав, он сел, отстегнув висевший на поясе кожаный кошелек, вытряхнул из него круглый предмет, завернутый в чистую тряпицу. Развернув ее, он увидел золотой браслет, украшенный блестящим камешком. В первое мгновение валькар удивился, но потом задумался.

Ну, конечно же! Теперь он припомнил, что получил этот браслет, когда покидал дворец Шарата. С тех пор события разворачивались так стремительно, что у него так и не появилась возможность рассмотреть дар волшебника. Он просто забыл о нем.

Любуясь красивой вещицей, Тонгор повертел ее перед глазами, наблюдая за переливами света на полированном металле. Помнится, вручая этот браслет, старый волшебник сказал: «Если ты сохранишь эту маленькую безделицу, однажды она может очень и очень тебе пригодиться».

Ого! Забыв и думать о сне, валькар вскочил с дивана и мягким кошачьим шагом пробежался по комнате, чувствуя страшное возбуждение. Шарат не бросал слов на ветер, и значит... Тонгор осторожно надел браслет на руку, прислушался к собственным ощущениям, но ничего не произошло.

В глубине комнаты стояло большое, в человеческий рост, зеркало в резной опаловой раме. Подойдя к нему, валькар ус-

тавился на свое отражение, потом поправил браслет, коснувшись пальцами драгоценного камня. Раздался негромкий треск...

— О всемогущие Боги!

По телу Тонгора пробежала дрожь, он ощутил странное покалывание и с изумлением увидел, как его зеркальный двойник окутался зеленоватым светом. Сияние стало ярче, а затем отражение в зеркале исчезло. Непослушными пальцами валькар вновь коснулся камня на волшебном браслете. В опустевшем зеркале опять возникло зеленое свечение, и он снова увидел свое отражение. Вот это да! Тонгор ощутил небывалый подъем духа, кровь в жилах забурлила, как после кубка доброго вина, и он, сдерживая волнение, прошел к своему ложу. Опустившись на постель, валькар стал обдумывать начавший формироваться в его мозгу план побега из заброшенного города. Теперь, когда он узнал, на что способен чудесный браслет, положение пленников уже не казалось ему столь безвыходным. К утру он до тонкостей рассмотрит все детали и будет готов померяться силами с владыкой Омма.

Глава 11
ЧЕРНЫЙ ДЫМ БЕЗУМИЯ

Враг твой лежит на твоем алтаре,
Жаркое пламя на алой заре!
Жертвенный нож обагрился в крови,
Тело и душу, Ямат, бери!

Ритуальная песнь Ямата

Вапас Птол пристально смотрел на приведенных к подножию его трона принцессу Соомию и захваченного вместе с ней молодого человека, чувствуя, как сердце его наполняется весельем. Когда-то он мечтал, что эта хрупкая девушка разделит с ним трон Патанги, но она сбежала и оказалась вне досягаемости. Ему уже приходило в голову, что он никогда больше не увидит ее, и вдруг такая удача!

Приближаясь к трону, девушка двигалась с грацией и изяществом не то газели, не то кошки, и Вапас Птол пожалел, что просторный тронный зал недостаточно велик, чтобы он мог всласть налюбоваться этим изумительным телом, этой чарующей походкой. «Какая гибкая, статная, словно выточенная из мрамора,

фигура, соблазнительные формы которой не в состоянии скрыть никакие одеяния! Какая величественная осанка, нежная кожа, похожая на светящийся изнутри алебастр в оправе густых и блестящих черных волос! Какая высокая шея, глубокие сияющие глаза, бездонные, как колодцы, как ночное звездное небо! Какие чувственные губы, вызывающие в памяти лепестки роз и спелые ягоды...» Он мог бы продолжать до бесконечности, да иссякли эпитеты.

— Итак, принцесса, ты вернулась к стенам своего родного города во главе армии чужеземного завоевателя! — провозгласил он, и ухмылка искривила его тонкие губы.

— Это неправда! Сарк Турдиса захватил меня в плен, но мне удалось бежать из него с помощью моего храброго предприимчивого друга — дворянина Карвуса. Твои псы схватили меня, как раз когда нам удалось выбраться из лагеря Фала Турида.

Голос принцессы звучал ровно и спокойно. Ни тени страха или тревоги не отразилось на ее гордом лице, когда она подняла прекрасные глаза на Верховного хранителя, и тот почувствовал, что краснеет под презрительным взглядом, которым Соомия окинула его с головы до ног.

Вапас Птол восседал на великолепном троне. Его роскошное одеяние из желтой парчи и бархата украшали драгоценные камни. Но вся эта роскошь не могла скрыть сквозившую в каждом его движении жестокость, придававшую ему сходство с хищным зверем. В резких чертах костистого лица, холодных немигающих глазах и выдающемся вперед клювообразном носе было что-то от выслеживающего добычу стервятника. И даже в тонких губах его, сложившихся в некое подобие улыбки, угадывались жестокость и злоба.

— Теперь уже не важно, по какой причине или с какой целью ты оказалась здесь. Ибо, вне зависимости от этого, тебя и твоего приятеля ждет возмездие за совершенные преступления и оскорбления, нанесенные Ямату.

Соомия залилась ясным и чистым, как звон колокольчика, смехом.

— Какие же преступления ты приписываешь мне, хранитель? Отказ выйти за тебя замуж даже под угрозой пытки и жестокой казни? Или я совершила преступление, решившись бежать, когда ты, учинив неслыханное предательство и беззаконие, попытался отправить саркайю Патанги на алтарь своего

кровавого Бога? Но ни то, ни другое, как тебе прекрасно известно, не является моим преступлением! Саркайя выходит замуж за кого пожелает, и преступлением считается принуждать ее к браку! Побег невинно осужденного из-под стражи тоже не может быть назван преступлением. А вот вынесение смертного приговора без суда иначе как преступным назвать нельзя. Так кто же из нас заслуживает наказания, ты или я?

Каждое из брошенных Соомией обвинений было истинной правдой, и, слушая девушку, Вапас Птол чувствовал себя весьма неуютно. К тому же от глаз его не укрылось, что охранявшие пленников воины обмениваются недоумевающими взглядами.

— Отар! — рявкнул он, взмахнув драгоценным жезлом.— Уведи своих людей из зала, пусть подождут моих приказов за дверями.

Молодой хранитель поклонился и с сомнением в голосе произнес:

— Но, повелитель, хотя пленники и не вооружены, они могут...

— Ямат позаботится о своем преемнике на земле! — раздраженно оборвал его Желтый Верховный хранитель.— Я сказал — ступайте!

Низко кланяясь, отар вывел воинов из зала и притворил за собой дверь.

Вапас Птол вперил холодный взгляд в принцессу и медленно проговорил:

— Никто, кроме Верховного хранителя, не может судить о преступлении, совершенном против веры. К тому же в Патанге многое изменилось со времен твоего рождения. Тебе ли этого не знать?

— Разумеется, мне это известно! — вызывающе улыбнулась Соомия.— В противном случае разве посмел бы Верховный хранитель сидеть, в то время как его саркайя стоит? Он не допустил бы, чтобы его повелительницу оскорбляли эти оковы! — Она указала взглядом на тяжелые цепи Карма Карвуса, звякнув такими же «украшениями», сковавшими ее тонкие запястья.

Желтый хранитель разразился злобным, режущим слух смехом:

— Соомия Чонда больше не саркайя! Она отреклась от этого высокого титула, бежав из своего города в компании преступников: убийцы и еретика!

— Все преступления, совершенные моими случайными спутниками — Тонгором-валькаром и Шаратом, заключаются в том, что они не позволили тебе убить их так же беззаконно, как ты хотел убить меня,— отвечала девушка.— Однако к чему ворошить прошлое и без толку играть словами? Скажи лучше прямо, чего ты от меня хочешь и зачем велел схватить нас?

Бледное лицо святоши приняло благочестивое выражение.

— Я не желаю ничего иного, кроме как помочь тебе, сиятельная, вернуться на трон, который по праву должен быть твоим.

— И который ты незаконно занял! — вставила Соомия.

На физиономию хранителя набежала тень.

— Да, я вынужден был принять на себя заботу о твоем несчастном народе, когда ты бежала из города, оставив его на произвол судьбы.

— Отлично! Если ты намерен вернуть мне трон, то прежде всего сними эти цепи и позволь вернуться во дворец моего отца. Самое время подумать о будущем, ведь войско Фала Турида стоит под стенами Патанги.

В запавших глазах узурпатора мелькнуло уважение. Голос его сделался еще более вкрадчивым:

— К сожалению, принцесса, это не так просто сделать. Сначала должен состояться ритуал очищения. Ты должна покаяться в своих заблуждениях и богопротивных деяниях. Религиозные правила строги, и соблюдение обряда отречения от содеянного зла и духовной скверны обязательно даже для венценосных особ!

— Короче, чего ты от меня хочешь?

Вапас Птол вздрогнул от этого прямого, прозвучавшего с намеренной грубостью в устах принцессы вопроса, но продолжал все тем же масляным голосом:

— Покаяние в этом случае может быть только одно. Принимая во внимание твою молодость и дурное влияние, которое оказали на тебя случайные спутники, влияние, которому трудно было противостоять столь неискушенной девушке...

— Чего ты хочешь от меня? — прервала его Соомия.

— По мнению старших жрецов, дабы предотвратить дальнейшие заблуждения и наладить взаимопонимание, умиротворить жителей Патанги и продемонстрировать им единство целей верховной власти города и священнослужителей, принцессе Соомии, законной и единственной наследнице дома Чонда, следует выйти замуж за Верховного хранителя великого Ямата.

Таким образом, все разногласия будут решены к обоюдному удовольствию, в душах подданных воцарится мир и покой, и под покровительством истинного Бога будет положено начало новой великой династии...

Соомия безрадостно усмехнулась — ничего иного она и не ожидала.

— Твоя саркайя не пойдет на эту сделку, которая явилась бы пародией на добровольный и счастливый союз. Запомни, Птол, я люблю другого. Его зовут Тонгор-валькар. Он не единожды уже спасал мне жизнь и заслужил мою любовь и признательность. Я намерена сохранить ему верность и потому полагаю разумным более к вопросу о моем замужестве не возвращаться.

Краски окончательно покинули и без того бесцветное лицо Вапаса Птола. Морщины сделались глубже. Он разом постарел, и только глаза продолжали светиться прежним холодным огнем.

— Хочешь ты того или нет, но к этому вопросу нам придется вернуться! Сейчас я властитель этого города и мое слово здесь — закон!

— Сейчас ты и правда властитель, но что будет завтра? — спросила Соомия с притворным вздохом сожаления.— Бесчисленное войско Фала Турида стоит под стенами Патанги, и боюсь, очень скоро этим городом станет править он. Так какой смысл говорить о свадьбе, которая уже не упрочит, как ты надеешься, твою власть?

— Я не боюсь сарка Турдиса — произнес Верховный хранитель, пренебрежительно улыбаясь.— Великий Ямат дал мне средство противостоять наглому захватчику. Положись на Огненного Бога — с его помощью войска Фала Турида потерпят жестокое поражение.

Глаза Соомии округлились от удивления, и она, не скрывая недоверия, спросила:

— Вапас Птол, не сошел ли ты с ума? Под рукой Фала Турида многотысячная армия, подобной которой еще не бывало в Лемурии! Сыны Патанги — сильные и храбрые бойцы, ее военачальники обладают необходимыми знаниями и опытом, но при чем тут Ямат? Мы говорим с глазу на глаз, и оба знаем цену твоему ложному Богу, зачем же произносить пустые слова? Ямат не может помочь! Мы должны разработать план действий, решить, как лучше защитить Патангу от вражеских полчищ. Мы должны подумать над обороной города и, быть может, вступить с сарком

Турдиса в переговоры. Возможно, нам удастся откупиться от него всем тем золотом, которое накопили твои свирепые слуги, немилосердно обиравшие многие поколения простых граждан!

Вапас Птол улыбнулся. Наконец-то беседу удалось направить в нужное русло.

— Принцесса, ты опять говоришь неблагоразумные, еретические и, я бы даже сказал, кощунственные слова, свидетельствующие о том, какое дурное влияние оказали на тебя твои спутники. Но поверь, я не собираюсь тебя обманывать! Бог дал мне в руки удивительную силу, которая уничтожит полчища врагов, осмелившихся осадить Патангу, не зря именуемую Городом Огня!

С этими словами Желтый Великий хранитель поднялся с трона и сделал шаг к нефритовому диску, висевшему за его спиной. Стукнув по каменному гонгу серебряным молоточком, он подождал, пока появившийся в зале раб, поклонившись, не застыл в смиренной позе, всем своим видом выражая повиновение и готовность исполнить любой приказ.

— Позови Химога Туна! И пусть захватит с собой шар,— велел Вапас Птол.

Слуга вновь поклонился и покинул зал.

— Что за игру ты затеял? Какие коварные планы породил твой злобный мозг на этот раз?

— Потерпи немного, принцесса, и ты увидишь божественную силу Ямата в действии,— многозначительно пообещал Верховный хранитель.

Химог Тун оказался жирным подобострастным коротышкой. Он принес большой шар, выточенный из черного кристалла, с вставленной в него металлической трубкой. Причем держал коротышка этот шар так бережно, словно тот был либо очень хрупким, либо смертельно опасным.

— Чего изволите, повелитель? — Химог Тун раболепно склонился перед троном.

— Продемонстрируй принцессе силу шара,— небрежно приказал Вапас Птол.— Приведший тебя раб вполне годится для этой цели.

Химог Тун расплылся в улыбке, поклонился Верховному хранителю и позвал раба. Тот несмело приблизился, глядя на толстячка с нескрываемым ужасом.

— Встань тут,— распорядился Химог Тун, указывая рабу место в центре зала.

Убедившись, что Соомия, Карм Карвус и Вапас Птол внимательно наблюдают за ним, маленький жирный коротышка начал, тихонько покачивая, словно баюкая, черный шар, поворачивать его так, чтобы торчащая из него трубка оказалась направленной на раба. Заметив это, раб побледнел, затем его тело сотрясла дрожь, глаза округлились, словно пытаясь выскочить из орбит. Теперь находящиеся в зале могли видеть, что шар в руках коротышки был вовсе не монолитным, а полым и прозрачным, и в его глубине клубился плотный черный дым.

Химог Тун не сделал никаких особенных движений, не прочитал никаких заклинаний — он попросту вынул из отверстия трубки неприметную пробку, и черный дым потек из шара, и его кольца окутали несчастного раба. Именно таким, похожим на клубящийся дым, описывали старые легенды Иоргазала, ужасного демона безумия. Именно эти сказания вспомнились всем присутствующим в зале, ибо действие черного дыма, похоже, и впрямь лишило несчастного раба рассудка.

Едва черный дым коснулся тела, лицо раба исказила немыслимая, дьявольская гримаса. Пена выступила на губах и потекла на обнаженную грудь. Волосы на голове встали дыбом, глаза налились кровью, а изо рта вырвался волчий вой.

В то время как Соомия и Карм Карвус с ужасом и состраданием глядели на несчастного, тот упал на четвереньки, как будто намеревался изображать дикого зверя. Пальцы его скрючились подобно когтям и начали скрести пол...

Вапас Птол наблюдал за происходящим с довольной усмешкой.

Стоя на четвереньках, пуская слюни и оглашая зал безумными воплями, раб начал корчиться, пытаясь разорвать скрюченными пальцами собственное тело, оставляя на нем глубокие кровавые борозды. Судя по всему, он не только не сознавал, что делает, но и не чувствовал боли. Движения его становились все более резкими, вопли все более дикими, и вдруг несчастный безумец разорвал пальцами собственное горло и, заливаясь кровью, рухнул на пол. Соомия в ужасе отвела глаза от бездыханного тела. Химог Тун равнодушно позвал рабов, и те унесли окровавленный труп из зала. Затем он поклонился Вапасу Птолу и тоже удалился, осторожно держа перед собой смертоносный черный шар.

Желтый хранитель с удовлетворением задержал взгляд на побледневших лицах пленников и произнес:

— Теперь, принцесса, тебе понятно, почему Патанге нечего бояться армии сарка Турдиса. Завтра утром, когда посланцы Фала Турида потребуют от нас сдать город, черный дым безумия, выпущенный из стеклянных шаров, потечет со стен Патанги. Ты могла заметить, он тяжелее воздуха и, стало быть, беспрепятственно опустится на осаждающие армии Турдиса и Шембиса. Любое дышащее воздухом существо вблизи города лишится рассудка. Они все, все сойдут с ума! С помощью Ямата, Патанга победит любого выступившего против нее! И ты, принцесса, будешь стоять на городской стене и станешь свидетельницей славы и триумфа Патанги!..

Явившиеся на зов гонга рабы увели Соомию и Карма Карвуса в их комнаты, где им предстояло пробыть до утра — до тех пор, пока хранители Ямата не будут готовы использовать против осаждающих свое ужасное оружие, которому ничто в этом мире не способно противостоять.

Глава 12
КОРОЛЬ-ВАМПИР

Кровь, как молот, стучит в висках...
Силясь чар паутину порвать,
Вздулись мускулы на руках —
Дух Тонгора нельзя сломать!

Сага о Тонгоре. Песнь 12

К тому времени как солнце взошло над джунглями Лемурии, Тонгор успел тщательно продумать зародившийся ночью план и подготовиться к его осуществлению. Он уложил затянутые шелком подушки таким образом, чтобы у вошедших в комнату создалось впечатление, что в кровати лежит человек, после чего разбудил Элда Турмиса и посвятил его в свой замысел. У воина сложилось мнение, что товарищ его сошел с ума, ибо затеянное им явно выходило за рамки разумного риска, но в конце концов вынужден был признать, что другого выхода у них нет, и скрепя сердце согласился. Разумеется, он предпочел бы сопровождать валькара, однако чудесный браслет не мог сделать невидимыми сразу двух человек, и Элду Турмису пришлось смириться с вынужденным бездействием.

Итак, все было готово. Тонгор убедился, что волшебный браслет сделал его невидимым для человеческих глаз, и, притаившись за дверью, стал ждать появления слуг и стражей. Вскоре чуткое ухо варвара уловило звуки приближающихся шагов. Вот чужаки подошли к двери, окруженной высоким порталом из черного небиума. Лязгнул засов, и створки дверей разошлись в стороны, пропустив десяток бледнолицых трупоподобных людей с мертвыми глазами, несших блюда и подносы с пищей. Губы Тонгора искривила усмешка: вот принесли корм для приготовленного на убой скота! Однако скот не так уж глуп и вовсе не желает, чтобы Ксосун угощался его кровью!..

Вооруженные мечами воины выстроились поперек дверного проема, ожидая, когда слуги поставят принесенные блюда и подносы с пищей. Взгляды их скользнули по кровати Тонгора, потом по Элду Турмису, делавшему вид, что он только что проснулся, и остановились на стоящем в конце комнаты ложе Нарьяна Заша Дромора, лицо которого не выражало решительно никаких чувств.

— Ты пойдешь с нами,— объявил старший в этой команде мертвецов, указывая бескровной рукой на Нарьяна.

Глаза узника наполнились страхом, тело искорежил нечеловеческий ужас. Маска безразличия и покорности судьбе исчезла — он боялся, смертельно боялся и не мог, да и не желал, скрывать своего страха!

— Неужели мое время пришло?..— пробормотал он слабым, дрожащим голосом, свидетельствовавшим о том, что еще не все чувства умерли в его истощенном теле.

— Следуй за нами,— повторил воин тем же бесцветным, равнодушным голосом.

Нарьян слез с кровати и сделал несколько шагов на подкашивающихся ногах. Покачиваясь, он пересек комнату, и тут охранники подхватили его под руки.

Выждав подходящий момент, Тонгор бесшумно шагнул за порог и оказался в широком коридоре. Ему было жаль идущего на верную смерть Нарьяна, но в то же время это давало ему шанс реализовать свои планы, и валькар беззвучно поблагодарил Тиандру, Богиню Удачи, за то, что она не обделила его своим вниманием. Не позаботься она о нем, ему пришлось бы невесть сколько времени плутать в переходах и залах огромного дворца, полагаясь на то, что рано или поздно случай укажет ему местонахождение Ксосуна — царя-вампира потерянного горо-

да. Теперь же северянину оставалось только следовать за конвоем, ведущим Нарьяна Заша Дромора, и эта компания укажет ему путь лучше всякого провожатого.

Два охранника, подхватив Нарьяна под руки, не слишком заботливо поволокли его по пустому, гулкому коридору. Остальные стражи и слуги последовали за ними. Тонгор, крадучись бесшумно, как вышедший на охоту кот, оставаясь невидимым, замыкал шествие.

Как и все прочие здания в затерянном городе, дворец этот некогда поражал своим великолепием и принадлежал, надо думать, если уж не самому сарку Омма, то кому-то из его приближенных. Время не пощадило его, и сейчас здание напоминало раковину, давно покинутую своим обитателем, или хитиновую оболочку давно умершего насекомого. Цветные оконные витражи осыпались, изящные мраморные барельефы, настенные росписи и мозаичные панно облупились, заросли лишайниками и мхами. Прекрасные когда-то шпалеры превратились в выцветшие лохмотья, а мебель, сработанная из редких пород древесины, рассыпалась и превратилась в груды трухи и обломков. Словом, внутренность дворца представляла собой такое же печальное и жалкое зрелище, как и ютящиеся в нем бледные тени, жалкие подобия людей, в которых почти не осталось ничего человеческого. Камины и печи заросли грязью и паутиной, наборные полы покрыты всевозможным мусором, обглоданными костями и остатками гниющей пищи: обитатели Омма жили значительно менее комфортно, чем их пленники, и мысль эта напомнила Тонгору об ожидавшей их с Элдом Турмисом участи быть высосанными подобно мухам хозяином заброшенного города.

Догадки валькара относительно жизни обитателей Омма в полной мере подтвердились, когда стражники достигли залов, в которых тут и там были разбросаны соломенные тюфяки и грязное тряпье, из которого выглядывали изможденные лица полумертвецов, провожавших равнодушными взглядами очередную жертву их чудовищного повелителя. Северянину показалось, что на некоторых лицах он увидел нечто похожее на жалость, и искренне удивился этому. Неужели что-то человеческое могло сохраниться в подобных существах, из века в век живших в атмосфере безнадежного страха и деградировавших до полуживотного состояния?

Конвой прошел через анфиладу комнат и залов, спустился по роскошной винтовой лестнице, сделанной из драгоценного розово-

го мрамора, и остановился у громадной массивной двери из непроницаемого небиума, на которой красовалась надись, выполненная латунными буквами: «Ксосун». Стражники застыли в ожидании приглашения, и вскоре Тонгор почувствовал чей-то пристальный взгляд, от которого волосы у него на затылке зашевелились.

Ощутив внезапный прилив страха, бронзовокожий гигант обнаружил, что вставленный в дверь крупный драгоценный камень медленно поворачивается, подобно сверкающему глазу, вращающемуся в глазнице. Он подумал, что, возможно, именно посредством этого камня-глаза чудовище, находящееся за дверью, и узнает о появлении людей. Словно подтверждая его мысли, небиумная дверь начала медленно подниматься. Два стражника переступили порог, и Тонгор проскользнул в заветное помещение следом за ними. Стражи опустили несчастного Нарьяна на пол и поспешно выскочили в коридор. Массивная дверь вздрогнула и стала опускаться, словно приводимая в движение невидимыми силами, послушными воле хозяина Омма.

Тонгор огляделся по сторонам. Он чувствовал, что стоит в самом центре паутины, раскинутой злыми чарами над этим городом тысячу лет назад, и нисколько не удивился, обнаружив, что сидящая посреди комнаты тварь, именующая себя Ксосуном, и в самом деле напоминает паука, уставившегося на Нарьяна Заша Дромора сияющими подобно драгоценным камням глазами.

Бледное и пупырчатое тело огромного жирного паука, покрытое не то потом, не то слизью, представляло собой сплющенный шар с перепончатыми отростками, заменявшими ему руки и ноги. На нем не было ни одежды, ни украшений, если не считать драгоценных колец на коротких толстых пальцах, а заваленное подушками ложе напоминало развороченное гнездо. Перед владыкой Омма находилась подковообразная панель из черного дерева, на которой располагались многочисленные рычажки, кнопки и светящиеся разноцветными огнями прорези. Большой молочно-белый шар с серебряной ручкой стоял за его низким ложем.

У стен комнаты находилось множество удивительного вида приборов неизвестного валькару назначения. Среди них виднелись стеклянные шары и грушевидные сферы, наполненные какими-то жидкостями алого и изумрудно-зеленого цвета. В других стеклянных шарах, размером с рослого человека, посверкивали металлические нити, рассыпавшие то и дело снопы ярчайших

искр. Под высоким потолком просторной комнаты корчились и стенали подвешенные между шарами из полированной меди обнаженные люди, при виде которых по спине у Тонгора забегали мурашки. Обиталище вампира напоминало жуткую лабораторию, в которой безумный Бог проводит отвратительные опыты, призвав на помощь непотребнейшие из колдовских сил...

Голова Ксосуна напоминала полупустой мех для вина, складки жирной кожи свисали со щек едва ли не до плеч, а само безволосое лицо напоминало тестообразную массу, в провалах которой холодно блестели неестественно яркие черные глаза. Он не сводил их с Нарьяна Заша Дромора, очнувшегося наконец от обморока, в который поверг его неописуемый ужас перед хозяином Омма. Когда несчастная жертва зашевелилась, черно-багровые, цвета запекшейся крови, губы Ксосуна растянулись в мерзкой ухмылке, и он произнес:

— Добро пожаловать, Нарьян Заш Дромор и Тонгор-валькар!

Удобно расположившись на своем ложе, чудовище устремило взгляд прямо на то место, где стоял северянин. Протянув похожую на плавник руку, Ксосун коснулся кнопок на приборной панели, в воздухе замелькали зеленые искры, резко запахло озоном. Ставший вдруг невыносимо горячим, браслет стиснул и обжег руку Тонгора, но длилось это всего несколько мгновений. Вокруг тела валькара вспыхнуло зеленое сияние, и он бессознательно принял оборонительную позу. Столь неожиданный поворот событий ошеломил Тонгора, и тогда он наконец осознал, что самое лучшее сейчас — немедленно броситься на вампира и вцепиться ему в горло. Но чудовище, словно прочтя мысли северянина, подняло руку, словно желая кого-то остановить, и, посмеиваясь над мрачным выражением лица валькара, попросило:

— Пожалуйста, не бросайся на меня с кулаками. Я уже стар, и мне не хочется лишний раз применять силу. Почему бы нам не поговорить с тобой мирно и спокойно обсудить сложившуюся ситуацию? А?

Тонгор остался стоять неподвижно, скрестив руки на груди.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Тело чудовища заходило ходуном, разноцветные блики от огоньков, горящих на приборной доске, весело забегали по скользкой коже, и северянин подумал, что колебания мерзкого создания могут означать как смех Ксосуна, так и снисходительное пожатие плечами.

— У меня есть механизм... весьма незатейливая игрушка. Она позволяет собирать и концентрировать звук точно так же, как стеклянные линзы собирают и концентрируют свет. И есть свернутые кольцом трубки, чем-то похожие на устройство человеческого уха. Они доносят до меня звуки и слова, произносимые в самых дальних закоулках этого города. Благодаря этому я знаю, как называл тебя твой спутник — Элд Турмис из Турдиса. И благодаря ему же мне стало известно о любопытном предмете, который есть у тебя, и посредством которого ты делаешься невидимым. Я знаю, что тебе подарил его Шарат — весьма достойный и, я бы даже сказал, мудрый адепт высочайшего из искусств! Ты напрасно беспокоишься за свою безделушку. Ей ничто не угрожает. Я на время, скажем так, отключил ее, чтобы она не мешала нашему общению.

— Допустим,— с безразличным видом согласился Тонгор.— Но скажи, зачем ты протащил наш летучий корабль через пол-Лемурии и доставил сюда? Почему захватил в плен меня и моего друга, хотя мы не причинили тебе вреда и никогда не становились на твоем пути?

Ксосун покачал головой, от чего отвислые щеки затряслись. Глаза вампира весело блеснули.

— Нет, варвар, моих замыслов тебе не понять! Во всей Лемурии не найдется человека, способного завоевывать города, откуда они привезут мне множество новых мужчин и женщин. Довольно мне пить кровь жителей Омма, мне нужны люди со здоровой, свежей кровью!..

Тонгор прыгнул на Ксосуна, мечтая стиснуть руки на его горле. Надеждам его, однако, не суждено было сбыться — на полпути к чудовищу его остановила невидимая, но непреодолимая сила!

Не сводивший с него глаз Ксосун успел нажать на какие-то кнопки, расположенные на подковообразном пульте, и валькар ощутил себя мухой, бьющейся в шелковистой сети паука. Пока Тонгор безуспешно извивался, пытаясь вырваться из невидимых силков, вампир содрогался и корчился от неудержимого, похожего на припадок смеха.

Мускулы валькара напряглись подобно канатам, вздулись на груди и спине. Оскалив зубы, с побагровевшим от натуги лицом, Тонгор, обливаясь потом, все же медленно продвигался вперед, несмотря на то что сверхпрочные невидимые сети могли привести в беспомощное состояние трех обыкновенных муж-

чин. Ему едва удавалось отрывать ступни от пола, каждый шаг давался с неимоверным трудом, как будто северянину приходилось вытаскивать ноги из зыбучего болота. Дыхание стало прерывистым, ему не хватало воздуха, и все же он медленно продвигался к ложу короля-вампира, взиравшего на него с неописуемым удивлением.

— Ни один человек не может вырваться из силовых пут! — пробормотал Ксосун и, забыв захлопнуть рот, включил свое защитное устройство на полную мощность.

Тонгор застыл как вкопанный, спеленатый с ног до головы невидимой паутиной.

По обнаженному телу чудовища пробежала дрожь, когда он увидел, что валькар продолжает прилагать титанические усилия, чтобы освободиться. Лицо северянина почернело от прилива крови, мышцы на лбу вздулись, из горла вырывался тяжкий хрип...

Удивительный поединок человеческих возможностей с нечеловеческими силами продолжался, а между тем забытый противниками Нарьян Заш Дромор, дойдя до последней степени испуга, внезапно перестал бояться. Он знал, что даже валькар с его сверхчеловеческой мощью не сможет долго противостоять силам, вызванным чудовищем. Знал, что они оба обречены быть заживо выпитыми королем-вампиром и ничто на свете уже не спасет их. За исключением, быть может, их собственной храбрости, мужества и силы.

И именно эта мысль, подняв Нарьяна Заша Дромора с пола, заставила его совершить отчаянный прыжок...

Глава 13
ОСАДА ПАТАНГИ

В этот город врагу не войти нипочем,
Мы ответим ему и копьем и мечом,
И пока мы живем, наша воля тверда —
В этот город врагу не войти никогда!

Песня защитников Патанги

Помещенная в роскошных апартаментах, расположенных на верхнем этаже дворца хранителей, Соомия провела тревожную, беспокойную ночь. Когда первые лучи солнца коснулись

башен и куполов Патанги, она покинула свою постель, испытывая облегчение оттого, что утро наконец наступило и недолго уже гадать, чем ее «порадует» грядущий день. Пройдет немного времени, и она узнает, ворвутся ли войска Фала Турида в ее родной город, или Вапас Птол, повергнув их в безумие, останется у власти.

Принцесса умылась, оделась и, помолившись, приготовилась встретить посланцев Верховного хранителя, которые и не замедлили явиться за ней. Ни один из них не позволил себе ни единого дерзкого или непочтительного слова в адрес девушки, из чего Соомия заключила, что Вапас Птол официально не предъявил никаких обвинений дому Чонда и ей лично. Их обращение с ней являлось образцом почтительности, и по лицам некоторорых воинов она поняла, что они по-прежнему являются ее приверженцами и считают своей саркайей.

Стражи вывели принцессу из облицованного желтым мрамором дворца хранителей и провели через просторную площадь, которую замыкал главный храм Ямата, окруженный более мелкими святилищами и вспомогательными зданиями храмового комплекса. Утренние лучи золотили чередующиеся белые и желтые плиты двора, плясали на драгоценном облачении Вапаса Птола, стоящего на великолепной колеснице, запряженной четверкой кротеров. Жители Патанги толпились по краям площади, почтительно взирая на расшитые золотом знамена, развевающиеся под порывами утреннего ветерка.

Сопровождавшие Соомию воины помогли ей подняться на колесницу Вапаса Птола, а сами заняли места на соседних колесницах. Принцесса отыскала взглядом Карма Карвуса, стоявшего на одной из простых повозок вместе с другими пленниками. Верховный хранитель, по-видимому, хотел не только продемонстрировать плененным свое могущество, но и просто потешить собственное тщеславие.

Громко запели золотые трубы, и процессия тронулась с места. Проследовав мимо храма и дворца, поток колесниц и верховых хлынул с площади на Сочианскую дорогу. Эта улица тянулась от главного храма Ямата до Западных ворот Патанги и на всем своем протяжении была заполнена ярко разодетыми горожанами. Знать наблюдала за торжественной процессией с балконов стоящих вдоль улицы домов и дворцов, простонародье жалось к стенам, заполняло близлежащие переулки. И что са-

мое удивительное — нигде никаких признаков того, что горожане готовятся отражать нападение Фала Турида. Объяснение этому могло быть только одно — Вапас Птол успел известить народ, что расправится с осаждающими город ратями при помощи дарованного ему Яматом могущества.

Процессию возглавлял отряд кавалеристов в золоченых шлемах и белых плащах,— они скакали на кротерах, чью упряжь усеивали драгоценные камни, стоимость которых, впрочем, не превышала ценности великолепных разноцветных султанов, реющих над головами ящероподобных тварей. Сразу за ними следовала огромная повозка, в которой Химог Тун и отданные в его распоряжение младшие хранители везли стеклянные шары, наполненные черным дымом безумия... Шары эти, правда, укрывала от любопытных глаз гора пестрого шелка.

За смертоносной повозкой ехала колесница Верховного хранителя, сопровождаемая более скромно убранными колесницами с его свитой и повозками с пленниками. Среди пленников Соомия с замиранием сердца разглядела крепкую фигуру закутанного в серый плащ мужчины — это был герцог Мэл, владетель Тесонии. Рядом с ним находился барон Селверус и виконт Дру — сторонники дома Чонда, подвергавшиеся гонениям с тех пор, как Верховный хранитель захватил власть в Патанге. Вероятно, Вапас Птол рассчитывал сломить их сопротивление и превратить в своих почитателей, продемонстрировав ужасающую мощь черного дыма.

Толпа по обеим сторонам широкой Сочианской дороги сдержанно встретила появление Верховного хранителя, но при виде Соомии люди заволновались, послышались крики изумления и радостные восклицания. Народ не забыл свою саркайю и приветствовал ее, как подобало приветствовать наследницу дома Чонда.

Вскоре процессия подошла к стенам дворца сарков, и Соомия получила возможность полюбоваться окружавшими его садами и парками. Здесь девушка родилась и выросла, но теперь этот дом, который она не видела уже несколько недель, навсегда потерян ею. Принцесса мрачно усмехнулась, вспомнив о замыслах Вапаса Птола перебраться из дворца хранителей во дворец сарков. Хорошо еще, что он пока не решился присвоить себе королевский титул и не успел изгадить ее дворец своим присутствием.

Глазам принцессы открылся городской базар, покупатели и продавцы которого, покинув лавки и навесы, высыпали на край

дороги, не желая пропустить столь редкостное и красочное зрелище. Впрочем, залитая солнцем Патанга радовала глаз ничуть не меньше, чем процессия Верховного хранителя. Золотые знамена развевались на башнях и шпилях, богатые красочные ковры висели на балконах, дабы украсить и без того великолепные фасады домов с мраморными статуями и яркими мозаичными панно. Громадные алые купола, быть может, и давшие Патанге название Города Огня, сияли на солнце, как чешуя казгана — ядовитейшей змеи Лемурийских пустынь. Зеленые кроны деревьев качались на ветру, и большие пестрые бабочки, азуло, парили над ними, подобно цветным бумажным змеям, запущенным неугомонной ребятней.

Процессия подъезжала все ближе и ближе к границе города, и вот высокие и мощные ярко-красные стены Патанги нависли над ней, закрывая солнце.

Вапас Птол и сопровождавшие его хранители и пленники покинули колесницы и начали подниматься по лестницам на возвышавшиеся над Западными воротами башни, с которых хорошо просматривались окружавшие город рати Фала Турида.

Раскинувшиеся за стенами Патанги зеленые поля неузнаваемо изменились за прошедшие сутки. Войско Турдиса, растянувшееся вдоль городских стен, изрядно потоптало их, и, во всяком случае, в глаза собравшихся на башнях бросались прежде всего не посевы, а сверкавшие на солнце копья и шлемы, мечи и щиты ратников Фала Турида. Многочисленные черно-алые знамена Турдиса развевались рядом с зелено-серебряными стягами Шембиса. Вражеское войско готовилось начать штурм. Отряды лучников, копьеносцев и меченосцев ждали лишь сигнала своих командиров. Соомия видела, как тут и там группы воинов в кожаных доспехах и медных шлемах тащат длинные штурмовые лестницы. Массивные тараны, изготовленные из толстых бревен твердого дерева и снабженные мощными железными наконечниками, были уже нацелены на створки Западных ворот. Тараны, всадники на кротерах и зампах, бесчисленные отряды пеших воинов в доспехах из полированного металла, развевающиеся знамена — все это производило устрашающее впечатление.

С воротных башен фигуры отдельных людей казались едва различимыми черточками, но скопления военачальников бросались в глаза даже на таком солидном расстоянии. В центре

войска возвышался восседавший на белоснежном зампе Фал Турид. Красно-золотое одеяние и шлем в виде дракона с распростертыми крыльями выделяли его из толпы советников и даотаров, расположившихся, как отметила с легким презрением Соомия, весьма далеко от городских стен.

На ярком фоне Фала Турида девушка заметила черное пятно фигуры Талабы и вздрогнула. Ей хотелось верить, что Тонгор все еще жив, но она понимала, что это невозможно. Мысль о его смерти повергла принцессу в трепет, и она поспешно отвела взгляд от сгорбленного убийцы, прозванного жителями Турдиса Мастером Пыток. Среди даотаров она разглядела Баранда Тона по его зеленому плащу, шлему с алым плюмажем и позолоченной кирасе. Увидела она и Хайяша Тора, гарцевавшего на лоснящемся кротере. Фиолетово-коричневый плащ даотаркона развевался за его спиной и в лучах солнца цветом своим напоминал запекшуюся кровь.

Соомия украдкой взглянула на Желтого хранителя, тоже пристально рассматривавшего рати осаждавших. Холодная улыбка кривила его тонкие губы, когда он видел столь многочисленное и могучее войско, которое ему ничего не стоило разгромить. Принцесса перевела взгляд на стоящего у края башни Химога Туна, готовившего к бою смертоносные черные шары. Установленные на деревянные треножники, они были обращены своими жерлами на стоящих перед стенами Патанги людей. Одно открывающее клапан движение, и из металлических трубок повалит черный дым. Страшная отрава опустится на окружавших город воинов, наполнит их легкие, и безумие овладеет огромным войском...

Представив, что за этим последует, Соомия поежилась от ужаса. Воины, которых ждала столь чудовищная смерть, являлись, казалось бы, ее врагами, но ведь и окружавших принцессу желтых хранителей она никак не могла отнести к числу своих друзей! Получалось, что, кто бы ни победил в предстоящей бойне, она-то во всяком случае потерпит поражение... И снова, в который уже раз, девушка пожалела, что рядом с ней нет Тонгора, который обнимал бы ее, оберегал и наверняка нашел бы способ унести ее прочь от этого отвратительного места, где с минуты на минуту должно начаться кошмарное избиение, по существу беззащитных, людей. Ей подумалось, что она уже очень и очень давно не видела человека, которому отдала свое сердце

и который, без сомнения, лежит сейчас мертвым где-то в подземельях Турдиса. Увы, никогда уже больше ей не взглянуть в его странные золотистые глаза, не увидеть его спокойную, ободряющую улыбку, не ощутить себя в кольце его мощных, надежных рук, способных защитить ее от любой опасности. Соомия почти желала смерти, ведь, перейдя границу между светом и тьмой, она, быть может, снова встретится со своим возлюбленным и ощутит крепость его ласковых рук...

Рев труб прервал печальные размышления принцессы.

Войско Фала Турида пришло в движение. Построившись клином, острием которого являлись тяжелые тараны, осаждающие двинулись на приступ. Группа рабов из племени рохалов катила тяжелые бревна на валках, медленно передвигавшихся по неровной земле. Воины тащили большие деревянные щиты, для защиты рабов от ливня стрел и смертоносного града камней.

Хайяш Тор неотрывно смотрел на тараны, с каждой минутой приближавшиеся к Западным воротам. Его острые глаза сузились, когда он обнаружил, что на башнях и гребнях стен почти нет воинов — только кучки зрителей. Но где же защитники, которые должны забросать тащивших тараны камнями и стрелами? Они должны быть здесь, но, если глаза не обманывают его, их нет. Почти безлюдные стены Патанги явно таили в себе какую-то неведомую опасность...

Хайяш перевел взгляд с гребня стены на штурмовой отряд, продвигающийся вперед, не встречая никаких помех. Он уже достиг основания башни, а защитники Патанги по-прежнему не показывались!

Даотаркон нахмурил брови: что-то было явно не так! Если владыка города решил сдать его на милость победителя без боя, этому предшествовали бы переговоры об условиях сдачи, но, похоже, никто не собирался высылать парламентеров. Если же город намеревались защищать, то вовсе уж неразумно подпускать осаждающих под самые стены...

Хайяш Тор чувствовал, что за всем этим кроется какая-то хитрость, но его быстрый, изощренный мозг не мог представить, в чем же она заключается. Движимый неясным предчувствием беды, он повернул своего кротера и направил его к группе окружавших сарка даотаров. Воины с удивлением взирали на отъехавшего от стен города даотаркона, но тот сделал им знак не обращать на него внимания. «Если это западня,— ре-

шил Хайяш Тор,— не позволю заманить себя в нее». Он намеревался создать мощную империю, и ему нужен был сарк, разделяющий его желания. И потому он должен сохранить не только свою жизнь, но и убедить Фала Турида быть предельно осторожным. Размышляя о том, что же могли замыслить осажденные, Хайяш подъехал к огромному белому зампу, на котором восседал правитель Турдиса.

Между тем передовой отряд атакующих достиг Западных ворот, чернокожие рабы установили первый таран и принялись вместе с воинами раскачивать массивное бревно. С грохотом железный наконечник его обрушился на створки ворот, и по полю прокатился тяжкий гул.

Стоявшая на башне принцесса не могла не почувствовать, как вздрогнул под ее ногами пол от страшных ударов могучего тарана. Она опустила глаза вниз и обнаружила, что осаждающие устанавливают рядом с первым еще четыре бревна. Вот они ударили разом по обеим сторонам от ворот, стены задрожали пуще прежнего, и по красной поверхности их разбежалась паутина трещин.

Почувствовав, что наступает решительный момент, Соомия взглянула на Вапаса Птола и ужаснулась, заметив в его глазах кровожадный блеск. Поймав ее взгляд, Верховный хранитель широким шагом направился к Химогу Туну, замершему над первым в ряду черным шаром. Взяв у стоявшего поблизости воина меч, Вапас Птол приставил его к торчащей из черного шара трубке, и Соомия поняла, что сейчас он сорвет пробку, преграждавшую путь черному дыму безумия.

Сердце принцессы отчаянно билось, дыхание стало прерывистым. От волнения по телу побежали озноб, словно она стояла голой на холодном ветру. При мысли об ужасной смерти, о черном безумии, готовом обрушиться на тысячи людей, девушка чувствовала, что все у нее внутри цепенеет от ужаса и отвращения.

Вапас Птол сознавал, что настал его звездный час. Он находился на пике славы, подобно Богу держа в руках чудовищные силы, способные мгновенно погубить множество людей. Одним движением он может выпустить на землю мерзейших демонов ада! Разве в состоянии был кто-либо когда-нибудь уничтожить взмахом руки тысячи человек?

Губы Верховного хранителя дрожали от волнения. В предвкушении ошеломляющего триумфа, он медлил, наслаждаясь

безмерной властью, сознанием того, что судьбы тысяч людей зависят от его жеста, что взгляды всех присутствующих прикованы к нему и только к нему. Затем взмахнул мечом и ударил по пробке, закрывающей выход черному дыму.

Точнее, попытался ударить, ибо невидимая сила вырвала сверкающий клинок из его рук. Вапас Птол вытаращил глаза от изумления, глядя, как меч его завис в воздухе, повернулся, ослепительно блеснув в солнечных лучах, и устремился в небо.

Соомия, хранители, окружавшие Вапаса Птола воины и пленники — все стоявшие у парапетов, ожидая увидеть действие магического оружия, с удивлением наблюдали, как вырвавшийся из рук Желтого хранителя клинок летит ввысь, становясь все меньше и меньше, превращаясь в сияющее пятнышко света.

Ужас охватил людей на стенах: им показалось, что повеяло пронизывающим холодом, словно солнце закрыла туча и подул ледяной ветер. А затем раздался крик, нет, сотни, тысячи воплей огласили окрестности Патанги! Весь мир словно разом сошел с ума, несмотря на то что черный дым безумия так и остался в стеклянных шарах.

Глава 14
СТАЛЬ ПРОТИВ МАГИИ

В краю, где спит закат устало,
Ждут смелых щедрые дары —
Богатства, женщины, пиры,
Вино и злато, трон и слава!

Песня воинов валькаров

Мечи, кинжалы, копья и алебарды, вырванные из рук воинов невидимой силой, устремились в небо. С того места, где стояла Соомия, они казались огромной металлической тучей, поднимавшейся над тысячами стоящих под стенами Патанги людей. Это зрелище так поразило суровых воинов, что они кричали, визжали и вопили, как толпа перепуганных женщин.

Зампы и кротеры, с которых внезапно сорвали украшенную металлом сбрую и седла, метались из стороны в сторону, топча окружающих и тем еще больше увеличивая всеобщее смятение. Знать Турдиса, облаченная в панцири и кирасы, поднялась вверх,

покинув своих скакунов. Оказавшись в воздухе, люди извивались и корчились, издавая душераздирающие крики. Створки городских ворот и снабженные железными наконечниками тараны, устремившиеся в пыльный воздух, являли собой поистине устрашающее зрелище.

Спустя несколько мгновений войско, осадившее Патангу, перестало существовать. Часть воинов погибла под ногами обезумевших животных, остальные превратились в скопище смертельно перепуганных людей.

Момент показался Карму Карвусу подходящим, чтобы свести кое-какие счеты. Воспользовавшись тем, что приставленные к нему охранники не могут оторвать глаз от вырванных из их рук копий и мечей, подобно птицам взлетевших в небеса, он растолкал их и рванулся к Вапасу Птолу. Желтый хранитель, поглощенный созерцанием разбегавшегося войска Турдиса, гибнущего под ногами собственных кротеров и зампов, совсем забыл и о пленниках, и о черных шарах. С криком «Смерть Птолу!» Карм Карвус изо всех сил толкнул Верховного хранителя через парапет башни. Сияющее золотым шитьем и драгоценными каменьями одеяние забилось в пыльном воздухе, как крылья громадной пестрой бабочки, и мгновением позже Вапас Птол грянул о землю, окропив ее кровью, придавшей ему сходство с воином, погибшим на поле боя.

Поступок Карма Карвуса послужил сигналом и другим пленникам Верховного хранителя. Издав громоподобный боевой клич, герцог Мэл мощным ударом скинул с башни одного из своих стражей и сцепился с другим. Хитроумный барон Селверус столкнул охранявших его стражников лбами друг с другом и рывком выбросил обоих за парапет. Виконт Дру также избавился от своей охраны, и вскоре на башне началась рукопашная схватка не на жизнь, а на смерть.

Правитель Тесонии, уворачиваясь от ударов воинов, сделал отчаянное усилие, чтобы дотянуться до черных шаров. Барон Селверус, угадав его намерение, поспешил на подмогу престарелому герцогу, и Химог Тун, взлетев над каменным парапетом, разделил участь Верховного хранителя. Герцог Мэл радостно взревел и еще энергичнее принялся расшвыривать наседавших на него охранников.

Двое из сопровождавших Соомию воинов, показавшиеся ей по-прежнему преданными дому Чонда, вступили в бой со свои-

ми товарищами, приняв сторону Карма Карвуса и других пленников. Все произошло так стремительно, и действовали недавние узники Верховного хранителя так успешно, что в сердце Соомии зародилась надежда.

Паника, царившая в стане Фала Турида, достигла между тем своего апогея. Оказавшийся в центре войска Хайяш Тор вылетел из седла, когда кротер его столкнулся с обезумевшим зампом. Даотаркон вскочил на ноги, почти ослепший от пыли, оглушенный ревом, криками и стонами разбегавшегося войска, и понял, что все его мечты и надежды пошли прахом. Годами создававшееся войско в считанные мгновения превратилось в обезумевшую толпу. Люди вокруг не могли помыслить ни о чем, кроме бегства, и остановить их было невозможно. Война, еще не начавшись, оказалась проигранной. Некоторое время Хайяш Тор стоял на подкашивающихся ногах, пытаясь осмыслить происшедшую катастрофу. Меч вместе с ножнами и парадным кинжалом, сорванные с него неведомой силой, уплыли в затянутое пылью небо, как будто превратились в птиц... Да от одного этого впору сойти с ума!

Но вот постепенно пыль начала оседать, даотаркон увидел Фала Турида и стал пробираться к нему...

Белоснежный замп сарка не пострадал от неведомой и невидимой силы, но, обезумев от воплей и поднявшейся суматохи, впал в состояние невменяемости и сбросил своего седока на землю. Драгоценный, сработанный в форме дракона шлем слетел с головы Фала Турида, а изукрашенное металлическими побрякушками одеяние уплыло в небо. Почувствовав, что кольчугу и его самого тоже увлекает ввысь, сарк Турдиса все же догадался, извиваясь всем телом, высвободиться из разволоченной металлической рубашки. Не веря свои глазам, он проследил за тем, как она, подобно диковинной птице, поднимается в небеса, и понял, что вместе с кольчугой улетают его мечты о славе, блистательных завоевательных походах и господстве над всей Лемурией.

Неожиданно Фал Турид увидел вынырнувшего из тучи пыли даотара. Сарку не сразу удалось узнать Баранда Тона, покрытого пылью, без шлема, плаща и кирасы. Пошатываясь, даотар сделал несколько шагов и едва не наткнулся на повелителя Турдиса.

— Баранд Тон! Собирай своих людей, мы должны...— начал было сарк, но, встретившись глазами с даотаром, замолк.

— Не знаю, что за колдовство обрушилось на нас, но битва проиграна. Война окончена, и звать кого-либо бесполезно,—

холодно заметил Баранд Тон, приближаясь к сарку.— Это ты виноват в постигшем нас позоре! Твоя непомерная жажда власти, жестокость и недальновидность! Турдис побежден, Патанга победила, хотя ни один ее воин даже не обнажил меча! Понятия не имею, кто завтра займет Трон Дракона, но я рад, что твоему владычеству пришел конец!

Фал Турид попятился, однако даотар в два прыжка настиг его, и железные руки старого воина сомкнулись на горле ненавистного сарка. Напрасно повелитель Турдиса дергался, пытаясь освободиться от сжимающихся пальцев даотара. Напрасно силился выкрикнуть, что он — избранник Богов, и они обещали ему победу и власть над всей Лемурией, что он могуч и бессмертен...

Он умер, так и не успев ничего объяснить даотару, который вовсе не нуждался ни в каких объяснениях.

Хайяш Тор оказался единственным свидетелем гибели сарка Турдиса. Он мог помочь своему повелителю, но не сделал этого,— напротив, он отвернулся и продолжал удаляться от стен Патанги. Зачем вмешиваться? Война закончена, и он желал лишь одного: выбраться из этого ада. Потом, в какой-нибудь другой стране он добьется власти и еще покажет себя. Но будет это не здесь и не сейчас. Подняв с земли обломок копья, даотаркон продолжал путь, следя за тучей пыли, которую подняли бежавшие воины Турдиса. Среди них даотаркон с удивлением различил одетую в черное фигуру Мастера Пыток. Его замп взбесился, скинул со своей спины паланкин, и теперь Талаба, полуоглушенный падением, тоже спешил как можно скорее покинуть окрестности Патанги. За ним нетвердой походкой двигался Арзанг Пауме — сарк Шембиса. Закутанный в черное карлик тоже узнал покрытого пылью даотаркона.

— Хайяш Тор! Скорее собери отряд! Мы должны остановить тех, что бросятся в погоню за нами! — истерически потребовал Талаба, пытаясь ухватить даотаркона за руку.

Тот вяло отмахнулся от карлика и сказал:

— Нет времени заниматься ерундой. Все потеряно, беги, спасай свою жизнь, если она тебе дорога и если тебе удастся сделать это.

— Нет, нет! Все еще можно исправить! Где сарк?

Хайяш Тор равнодушно пожал плечами:

— Погиб. Его убил один из самых верных даотаров гвардии Турдиса.

Талаба, бормоча что-то невразумительное, попытался остановить даотаркона, схватившись за полы одежды. Когда-то его слово было законом, он мог распоряжаться судьбами любого жителя Турдиса, но Истребитель еще не уразумел, что время это безвозвратно миновало. Хайяш Тор отпихнул от себя приставучего карлика и, видя, что тот не унимается, с яростью ударил его обломком копья. Заостренное древко оказалось неожиданно страшным оружием — оно пробило череп Истребителя, и Мастер Пыток рухнул на пыльную землю, распространяя такой нестерпимый смрад, что Хайяш Тор поспешил отскочить подальше, с трудом сдерживая рвоту. Затем, бросив последний взгляд на труп Истребителя, он злорадно рассмеялся и поспешил прочь.

Несколько мгновений Арзанг Пауме бессмысленно взирал на невыносимо вонявшее тело Талабы Истребителя, потом опомнился и двинулся на непослушных ногах следом за даотарконом.

Когда последние сторонники Великого хранителя исчезли с башни, седой герцог Мэл, язвительный виконт Дру и толстый краснолицый барон Селверус, вместе с двумя вставшими на их сторону воинами, приблизились к Соомии, чтобы поцеловать ее руку и выразить свое почтение. Со слезами радости на глазах она горячо поблагодарила их. Затем герцог Мэл, подхватив золотистое знамя Патанги, подвел принцессу к лестнице, и они спустились на примыкавшую к стене города улицу. С того времени, как пленники Верховного хранителя поднялись на башню, успело произойти так много самых неожиданных событий, что они посто не укладывались в голове. Оставшиеся на улицах воины Патанги все еще не пришли в себя от потери оружия, вырванного из их рук невидимой силой. Потрясенные сверхъестественным вмешательством, они не решились даже прийти на помощь Вапасу Птолу, хотя прекрасно видели происшедшую на башне схватку.

Громкий, решительный голос герцога Мэла вывел всех из оцепенения. Воины, хранители и толпящиеся под стенами горожане увидели сияющий в солнечных лучах золотой стяг Патанги и гордо стоящую под ним изящную фигурку Соомии. Никто не сторожил ее, да и размахивавший флагом Мэл вовсе не напоминал пленника. Он обратился к горожанам с короткой речью:

— Жители славной Патанги! Вапас Птол убит, владычеству хранителей пришел конец! Очистим от них наш прекрасный город! За Соомию и свободу! За свободу и саркайю Соомию!

Слова эти явились той самой искрой, которая разожгла огонь в сердцах внимавших герцогу людей. Вид лишившихся оружия сторонников Великого хранителя подсказал горожанам, что лучшего случая расправиться с узурпаторами им не представится. А если еще и саркайя, законная повелительница Патанги, поддержит их, то...

— Соомия! Соомия саркайя! Смерть хранителям! — разнесся по улицам Патанги клич, подхваченный тысячами горожан.

Приспешники Вапаса Птола в ужасе бежали, видя, что жители Патанги готовы растерзать на куски своих мучителей. Тех же, кому не удалось сбежать и спрятаться, постигла жестокая участь: их убивали на улицах и площадях, выбрасывали из окон домов и дворцов. Кровь узурпаторов оросила мостовые Патанги.

Люди, видевшие некогда, как их отцов, матерей, сестер и детей, нагими, со вспоротыми животами, сжигали на медных алтарях Ямата, неистовствовали и упивались долгожданной возможностью учинить праведную месть. Они ломали двери храмов, убивали хранителей на месте, бросали на зажженные алтари ненавистного бога, так что скоро в городе не найти было желтых ритуальных одежд, которых не обагрила бы кровь их владельцев...

Большая часть приверженцев культа Ямата погибла в самом начале восстания. Что же касается старших хранителей, то они предпочли сами лишить себя жизни, в то время как опьяненные жаждой крови горожане взламывали двери их домов. Не удалось это сделать только Нимадаку Квелу — фанатичному помощнику Вапаса Птола: он не смог бежать и у него не хватило мужества покончить с собой. Его схватили и бросили на колени перед саркаей вскоре после того, как с разных концов Патанги стали приходить известия о том, что город очищен от жестоких узурпаторов.

— Высокородная, как велишь поступить с этой собакой? — обратился к Соомии герцог Мэл.— Даровать ему скорую смерть или бросить до времени в тюрьму?

Бледный, потерявший всякую надежду на спасение, хранитель с понуро опущенными плечами и так весьма смахивал на мертвеца, однако в устремленных на Соомию глазах его продолжал тлеть огонь ненависти. Он по-прежнему жаждал крови.

Прежде чем девушка успела ответить, набежавшая на солнце тень заставила собравшихся задрать головы вверх, и тут же окрестности потряс многоголосый вопль. Над ними медленно

парил поблескивавший серебром «Немедис». На его открытой палубе возвышался странный механизм. Он состоял из переплетенных между собой металлических труб и стеклянных шаров, и венчала его полированная полусфера, из которой торчал направленный вниз штырь, похожий на черное копье. Рядом с диковинным устройством стоял мужчина в красно-черной форме воинов Турдиса, а около него...

— Тонгор!

Летучий корабль описал круг и начал снижаться неподалеку от Западных ворот на поле, которому, к счатью, так и не довелось стать полем боя. Когда «Немедис» опустился, Тонгор спрыгнул на землю, и в то же мгновение из городских ворот выехали колесницы и повалила толпа народа, чтобы поприветствовать своего освободителя. Конечно же, именно валькар являлся освободителем Патанги, поскольку с помощью удивительного устройства сумел обезоружить не только войско Турдиса, но и сторонников Вапаса Птола.

Колесницы приблизились, и мгновением позже северянин уже сжимал в объятиях содрогающуюся от рыданий девушку. Расцеловав принцессу, он приветствовал Карма Карвуса и жителей Патанги, не успевших еще забыть, как совсем недавно варвар спас Соомию от ужасной гибели в огне жертвенного костра, умчав ее на летающем корабле.

В нескольких словах Тонгор рассказал друзьям о событиях, предшествовавших его появлению здесь. О подземельях Талабы, о невидимой паутине, в которую Ксосун запеленал его, и о том, как король-вампир проявил непозволительную беспечность, слишком много внимания уделив ему и совершенно перестав наблюдать за Нарьяном Зашем Дромором. О том, как парализованный страхом Нарьян все же нашел в себе мужество броситься на повелителя Омма и мобилизовал силы истощенного тела, чтобы задушить моргулака. Как он освободил Тонгора от невидимой паутины, выключив чудовищные приборы вампира после чего валькар поспешил покинуть руины заброшенного города, чтобы прийти на помощь принцессе Соомии. О том, как в последнюю минуту его осенила удачная мысль попросить благодарных ему за спасение от короля-вампира обитателей Омма перенести на «Немедис» то устройство, которое смогло протащить летающий корабль через пол-Лемурии, справедливо полагая, что оно окажется весьма действенным оружием.

Валькар рассказал о том, как, оставив Нарьяна Заша Дромора правителем Омма, он вместе с Элдом Турмисом на самой большой скорости, которую удалось выжать из «Немедиса», понесся над джунглями Куша, появившись над стенами Патанги в самый критический момент. Прячась за облаками, он включил изобретение Ксосуна...

В то время как северянин рассказывал о своих приключениях, а Соомия и Карм Карвус — о том, что произошло с ними, часть вышедших за стены Патанги горожан отправилась ловить кротеров, зампов и не успевших далеко убежать воинов Фала Турида. Верховые животные постепенно успокоились и особых хлопот не доставили. Так же, впрочем, как и воины Турдиса, ибо единственный не пустившийся в бега и не потерявший присутствия духа даотар разбитой армии приказал своим людям сдаваться и не помышлять о сопротивлении.

Горожане отводили пленных к тому месту, где стоявший в окружении друзей Тонгор тепло приветствовал Баранда Тона. Разумеется, валькара прежде всего интересовало, куда делся сарк Турдиса и его приближенные.

— Что касается Хайяма Тора и Арзанга Пауме, то они ударились в бега вместе с другими уцелевшими даотарами, когда зампы и кротеры начали сбрасывать своих седоков,— сообщил Баранд Тон.— Талабу Истребителя кто-то прикончил во время бегства...

— А Фал Турид?

— Мертв,— медленно ответил Баранд Тон.

— Как это случилось?

— Я убил его собственными руками,— глухо ответил Баранд Тон, не опуская глаз.— Да, я убил его, ибо глупость и властолюбие сумасбродного тирана навлекли на Турдис позор, подобного которому моя родина до сих пор не ведала. Если бы Боги поразили этого безумца год назад! Тогда нам не пришлось бы стоять здесь в пыли и горевать о попранной гордости Турдиса! А теперь... Теперь мы в вашей власти, но, право же, я рад нашему поражению!

— Погодите-ка минутку!

Все обернулись к Соомии, которая, взяв Тонгора за руку, чрезвычайно серьезно сказала:

— Жители Патанги, мои верные подданные! Наш город, так же как и Турдис, постигло большое несчастье. Пройдет немало

времени, прежде чем нанесенные недостойными правителями раны затянутся и жизнь войдет в нормальное русло. Я молодая, неопытная в делах правления женщина, и, дабы восстановить разрушенное и исправить содеянное Васпасом Птолом зло, мне нужен помощник — мужчина, муж. Тонгор из валькаров, согласен ли ты взять меня в жены?

Северянин оторопело уставился на девушку и покраснел до корней волос. Затем, встретившись с принцессой глазами, улыбнулся и кивнул.

— Итак, я, Соомия, дочь сарка Патанги Орвата Чонда, единственная оставшаяся в живых наследница дома Чонда, беру тебя, Тонгор из клана валькаров, в мужья. Отныне ты — сарк Патанги! Мои верные подданные, приветствуйте своего сарка!

Дружные крики свидетельствовали о том, что жители Патанги одобряют выбор своей саркайи и признают Тонгора своим сарком. Карм Карвус и Элд Турмис улыбались, чувствуя себя потрясенными до глубины души: их товарищ, варвар из Валькарта, и вдруг — сарк! Седой герцог Мэл недовольно смахнул выступившие на глазах слезы умиления и, чтобы скрыть волнение, рявкнул на виконта Дру, посоветовав ему не сопеть и не таращиться на саркайю, как будто он несмышленый ребенок. Выбор Соомии, быть может, и показался кому-то странным, но только не тем, кто видел, как Тонгор спас девушку с алтаря Ямата. Сам валькар воспринимал все происходящее как нечто само собой разумеющееся. Ощущая прикосновение сладких и упругих губ Соомии к своим губам, наслаждаясь ароматом, исходившим от ее волос, северянин понимал, что наконец-то, после долгих скитаний в диких, безлюдных землях, обретает свой дом.

— Тонгор! Тонгор — сарк! Слава Тонгору! — неслось между тем со всех сторон.

Оторвавшись от теплых губ девушки, валькар поднял руку, призывая толпу выслушать его:

— Я принимаю титул сарка. И раз уж вы признали меня своим сарком, слушайте мои первые распоряжения!

Возвышавшийся над толпой, залитый лучами солнца громадный северянин являл собой внушительное зрелище. Молодой, полный сил, бронзовокожий, могучий, сложенный, как Бог, он поистине поражал воображение. Оставшиеся от одежды лохмотья на его покрытом шрамами, синяками и царапинами

теле стоили королевского пурпура, и никому из присутствующих не пришло в голову, что нынешнее облачение Тонгора не вполне соответствует высокому титулу сарка Патанги.

— Я объявляю, что Турдис и Шембис проиграли начатую ими войну. Троны сарков этих городов не принадлежат больше тем, кто задумал заварить кровавую кашу, и потому я прошу Баранда Тона стать сарком Турдиса. Пусть он отправляется в свой город, который знает и любит, как никто другой. Пусть правит им по своему усмотрению, но прежде освободит его от приверженцев Фала Турида и, если те вздумают оказать сопротивление, предаст их казни.

С окаменевшим от удивления лицом воин подошел к Тонгору и опустился перед ним на колени. Валькар осторожно коснулся мечом его склоненной головы.

— Повелеваю тебе встать, сарк Турдиса!

Однако бывший даотар, не поднимаясь с колен, промолвил:

— Я готов стать правителем Турдиса и постараюсь быть достойным этого титула. Но позволь мне править этим городом от твоего имени. Пусть Тонгор, сарк Патанги, будет одновременно и сарком Турдиса.

Валькар удивленно поднял брови, но возражать не стал:

— Пусть так и будет, раз таково твое условие.

Новый правитель Турдиса поднялся с колен и отошел на прежнее место.

— Шембис тоже остался без сарка, и, если даже Арзанг Пауме жив, я объявляю его вне закона. Таким образом, Шембис нуждается в новом правителе, и я назначаю его сарком Элда Турмиса из Зангабала. Я вменяю ему в обязанность освободить этот город от сторонников Арзанга Пауме, причем, если понадобится, Патанга и Турдис помогут ему в этом.

Если Баранд Тон был удивлен дарованным ему титулом, то Элд Турмис просто оцепенел от восторга. Он не шевельнулся, пока Карм Карвус не подтолкнул его вперед. Бывший стражник опустился на колени перед Тонгором, который, доброжелательно посмеиваясь над внезапной неловкостью друга, коснулся его мечом и, назвав еще раз сарком Шембиса, велел подняться.

Побледневший и ставший вдруг удивительно серьезным, Элд Турмис промолвил, глядя в глаза валькара:

— Я тоже готов править Шембисом лишь от твоего имени, от имени сарка сарков!

Толпа встретила эти слова рокотом одобрения. Уже много веков здешние города не видели достойного саркона — короля королей. Но теперь он стоял перед жителями Патанги, воинами Турдиса и Шембиса — повелитель трех городов. Тонгор кивком головы подтвердил, что принимает этот титул. Потом, оглядев пленных, северянин махнул рукой и возвестил:

— Я возвращаю воинам Турдиса и Шембиса свободу, если они готовы признать назначенных мною сарков.

Взгляд валькара упал на Нимадака Квела и пленных хранителей. Они смотрели на Тонгора с ненавистью и страхом, вызвавшими лишь его улыбку.

— Хватит убийств. Я не хочу, чтобы день моей свадьбы и дальше омрачало кровопролитие. Все слуги Ямата отныне считаются вне закона, и пусть ни одного из них не останется на землях Турдиса, Патанги и Шембиса. Пусть уходят немедленно, захватив с собой столько скарба, сколько смогут унести в руках. Сокровища, собранные в храмах,— собственность Патанги, поскольку хранители отняли их у жителей этого города. И запомните, если вздумаете пересечь границу и вернуться, вас ждет здесь скорая и безжалостная смерть.— Сказав это, Тонгор отвернулся от людей в желтых балахонах и, обняв Соомию за плечи, с улыбкой обратился к окружавшим его друзьям и сторонникам: — Уже середина дня, а мы даже не позавтракали. Утро выдалось забавным, но пора наконец и закусить. Сарк сарков, как и простой меченосец, соображает лучше и работает усердней, если желудок его полон.

— Слава Тонгору!

Эпилог

Десять дней, наполненных всевозможными событиями, пролетели незаметно. Уцелевшие после бойни хранители были выдворены за границы трех королевств вместе с теми, кто сохранил верность прежним недостойным правителям. Гигантского идола Ямата повалили и разбили на куски. Начались работы в главном храме Ямата, переименованном в святилище Всех Богов.

Дни заполняли торжественные церемонии и пиры. Тонгора и Соомию, наряженных в великолепные одеяния, обвенчал и короновал восстановленный в правах глава традиционного куль-

та в Патанги. Церемония прпоходила в храме Девятнадцати Богов. Там же короновали и провозгласили сарками Турдиса и Шембиса Баранда Тона и Элда Турмиса. После этого состоялось великое торжество, на котором Тонгора официально признали сарконом — сарком трех городов. На этой церемонии два новых сарка поклялись в верности саркону, и Тонгор почувствовал большое облегчение, когда все эти торжества подошли к концу. Ему было трудно привыкнуть как к своему новому положению, так и к роскошным и тяжелым, увешанным драгоценностями нарядам.

В конце десятого дня Соомия и Тонгор задали невиданно роскошный пир во дворце сарков Патанги. Его приурочили к отъезду двух новых сарков, которые вместе со своими свитами и войсками на следующее утро покидали Патангу. Тонгор вместе с Кармом Карвусом предполагали проводить гостей на «Немедисе».

Пиршество удалось на славу. Свет множества факелов отражался от мраморных стен зала, играл на драгоценных камнях и изысканных украшениях сотен гостей, на великолепных тарелках, блюдах и кувшинах из золота и серебра. Арфы и золотые колокольчики услаждали слух собравшихся, заполняя промежутки между бесчисленными тостами и застольными речами.

Утомленные не столько делами, сколько выпитым и съеденным, Элд Турмис и Карм Карвус встретились на террасе, примыкавшей к пиршественному залу. Здесь царила прохлада и полумрак. Лунный свет заливал дворцовый сад, золотил поверхность прудов и бассейнов. Отыскав мраморную скамью, приятели с расслабленными вздохами опустились не нее, и Элд Турмис пожаловался:

— Как быстро все изменилось! Я все еще не могу прийти в себя и не знаю, радоваться мне происшедшим переменам или нет?

— То есть как это?

— Да так... Тонгор женился, и, зная его, легко предсказать, что скоро весь этот дворец заполнят путающиеся под ногами громкоголосые принцы и принцессы. А ведь мы так славно проводили время в «Обнаженном мече», когда были обычными наемниками! Теперь о подобных пирушках можно забыть. Никаких больше развлечений, приключений, только государственные дела...

— Что навело тебя на столь печальные мысли, о могучий сарк Шембиса? — весело поинтересовался Карм Карвус.

— То, что я знаю о жизни сарков! — со стоном ответил Элд Турмис.— Посуди сам, приличествует ли сарку вступать в драки, пускаться во всякие авантюры, гоняться за смазливыми девчонками? Остается, увы, только работа на благо королевства! Подготовка умных и важных документов, приказов, указов, законов и воззваний. Просиживание трона от рассвета до заката, да еще в этих разукрашенных нарядах, тяжелых и жарких, как медвежья шуба. Эти советы, споры, о великие Боги, какая тоска!

— Ободрись, друг мой! Тебе совершенно не о чем печалиться, поскольку ты абсолютно не прав!

— Не прав?

— Конечно! — рассмеялся Карм Карвус.— Плохо же ты знаешь Тонгора, если думаешь, что корона сможет удержать его на месте, как цепь удерживает пса около конуры! Вокруг него вечно все будет кипеть и бурлить! Кстати, на следующий год он обещал отправиться со мной в Тсаргол. Туда, где мы с ним встретились, когда нас заточили в темницу из-за интриг Друганды Тала, сарка Слидита, и Красного хранителя, Ялима Пелорвиса. Тонгор поклялся, что они дорого заплатят за свои злодейства, и, когда мы бежали, выпустил-таки сарку кишки. Остался хранитель, и с ним я справился бы и сам, но валькар не забыл клятвы и, несмотря ни на что, намерен навестить Тсаргол. Сомневаюсь, что кому-нибудь удастся его отговорить.

— Так ты действительно полагаешь, что Тонгор?..

Карм Карвус поднялся со скамьи и хлопнул друга по плечу:

— Давай-ка вернемся в зал и выпьем еще по кубку вина. Среди танцовщиц есть очень симпатичные девушки, и я заметил, что одна с меня глаз не спускала. Не может быть, чтобы у нее не нашлось хорошенькой подружки! Ободрись и верь мне: там, где Тонгор,— скучать не придется никому!

Посмеиваясь, приятели вернулись в зал, оставив огромную золотистую луну Лемурии в одиночестве любоваться своими отражениями в прудах и бассейнах дворцового сада. Ночь выдалась на редкость тихая, звезды ровно сияли на безоблачном небе, и лишь теплый ветер нарушал тишину, шелестя кронами цветущих деревьев. Весна была в разгаре, близилось жаркое лето.

Тонгор против Богов

THONGOR AGAINST THE GODS
1967

© Перевод. В. Федоров, 2002

Пролог

...Это случилось в эру волшебства, когда могущество магов боролось с волнами тьмы, угрожающе накатывающимися на Земли Людей.

...Мир больше не увидит колдовства, существовавшего в те времена, когда Лемурия была молода...

Все это происходило задолго до того, как мать всех империй развернула свои знамена над Египтом, задолго до Атлантиды и розово-красных городов майя. В тот бурный век колдовства и войн, кинжалов убийц и кубков отравленного вина саркам противостояли кровожадные хранители, а наградой победившему служил трон одного из королевств Лемурии...

Именно тогда появился искатель приключений с дикого Севера — Тонгор из клана валькаров, обладающий железными мышцами воина и варварским презрением к опасности. С помощью великого волшебника Шарата он одолел Королей-Драконов и сорвал их страшные замыслы призвать Темных Богов Хаоса. Первым среди богов Зла считался Ямат. Тонгор вдребезги разбил его огненные алтари и изгнал его Желтых хранителей, забрав себе Патангу, где раньше правил Ямат. Но хранители двух других Темных Богов остались непобежденными: в мрачном Тсарголе по-прежнему правили от имени кровавого Слидита, а Красные хранители по-прежнему властвовали над каменным городом у южного моря...

Лемурийские Летописи

Глава 1
ВОР ИЗ ТСАРГОЛА

Война подлеца — это ложь,
Что губит меча не хуже,
Как в спину брошенный нож —
Пред ним и герой безоружен...
Алая Эдда

Полночь накрыла Тсаргол словно черный занавес. Обнесенный неприступными стенами, каменный город застыл на южном побережье древней Лемурии, где разбивались о высокие утесы холодные волны Яхен-зеб-Чуна, Южного моря.

Повсюду царила тьма. Огни не горели ни на куполах башен, ни на широких проспектах. Великолепный дворец с тысячами окон молчаливо высился черной горой, ибо последний король Тсаргола умер. Ни фонари, ни канделябры не освещали и храмовый квартал, где обитали хранители Слидита, маги-хранители жестокого и кровавого культа, властвовавшего в городе из красного камня со дня смерти Друганды Тала, последнего сарка.

В городе властвовала темнота, словно в обители мертвых.

Темнота и тишина. Лишь там, где море в бессильной ярости билось в огромную стену уже тысячу лет — и будет биться еще десять тысяч,— нескончаемо грохотал прибой.

Но этой черной и беззвездной ночью в Тсарголе спали не все. В маленьком квадратном помещении, высеченном в граните там, где город вздымал корону пышных куполов, в сорока ярдах под священной Алой Башней Звездного камня, вокруг массивного стола из малинового нефрита сидели, строя коварные планы, четверо заговорщиков в черных бархатных рясах с капюшонами.

Их окутывало безмолвие вечности, ибо даже беспощадный молот грохочущего прибоя не мог проникнуть сквозь прочный

камень. Помещение освещали три белые свечи, воткнутые в железный шандал, стоявший на столе. Их безжизненный, колеблющийся свет падал на кроваво-красный нефрит, и тени скользили по фигурам заговорщиков.

В одном конце стола сидел высокий тощий Ялим Пелорвис, Красный Великий хранитель, властвовавший над Тсарголом от имени Слидита, Бога Крови. Сутулый и изнуренный, он казался обтянутым кожей скелетом. Холодное костлявое лицо напоминало обтянутый кожей череп. Бритая голова — шар из слоновой кости — сверкала в мерцающем свете. Узкие бесцветные глаза давно утратили живой блеск. Он как будто смотрел внутрь себя, словно человек, отведавший смертельного сока нотлая, Цветка Снов.

Наконец он заговорил тонким, бесцветным голосом:

— Как мы отомстим Тонгору, этому шелудивому щенку-варвару, который посягнул на неприкосновенность святилища Владыки Слидита, похитив оттуда Звездный камень? Тот священный талисман, что упал с небес в Алый Город тысячу лет назад. Дух владыки Слидита явился ко мне и сказал, что Темные Владыки требуют смерти варвара. Ваше мнение?

Слева от Ялима Пелорвиса сидел более молодой человек по имени Нимадак Квел, с обритой наголо головой и безумными глазами фанатика. Под рясой из черного бархата он носил желтый атлас жреца культа огненного бога Ямата — культа, объявленного вне закона.

Он заговорил голосом, дрожащим от ненависти:

— Я спал и видел сны — это боги шептались со мной. Мое астральное тело блуждало по Землям Тени. Со мной говорил Ямат. Бог рассказал, что Тонгор, убивший моего господина, Желтого Великого хранителя Вапаса Птола, забрался на трон священного города Ямата, Патанги, с помощью своей молодой жены, королевы Соомии, и теперь подлый дикарь должен умереть. Иначе Три Повелителя Хаоса никогда не восстановят владычество над этой планетой! Тонгора надо убить... но как?

Слева от объявленного вне закона хранителя из Патанги устроился невысокий толстяк, черная бархатная ряса которого скрывала претенциозные, крикливо-яркие одежды, обильно украшенные драгоценными камнями и золотым шитьем. На жабьем лице с дряблыми щеками злобно поблескивали крошечные глазки. Это был Арзанг Пауме, изгнанный сарк Шембиса, чье имя

наводило страх в Южных Королевствах из-за садистской жестокости правителя. Тонгор сверг Арзанга Пауме и, превратив его в изгнанника-скитальца, заменил кровавое царствование Пауме властью верного своего товарища, юного Элда Турмиса.

Арзанг Пауме алчно потер пухлые короткопалые ручки, сверкнувшие в тусклом свете драгоценными камнями перстней, и злобно сказал:

— Этот варвар скинул меня с трона, когда я присоединился к Фалу Туриду, сарку Турдиса, и пошел войной на Патангу! Предлагаю спустить на него Гильдию Убийц — пусть кубок с отравой или кинжал принесут погибель псу с севера!

— Нет! — нахмурился Желтый Великий хранитель Патанги.— Кинжал ничем не лучше руки держащего его убийцы... а яд не надежнее умения отравителя! Я предлагаю призвать на помощь наших братьев, Черных хранителей Заара, верных псов Третьего Повелителя Хаоса! При поддержке великого Города Магов мы сможем уничтожить северянина магией, не знающей промаха.

— Ты не прав, Нимадак Квел,— покачал головой Красный Великий хранитель.— Заар, Город Магов, лежит в тысяче лиг от моего города Тсаргола, за джунглями, лесами и бескрайними восточными равнинами, где хозяйничают синекожие кочевники, за высокими горами — на самом краю Лемурии. У нас нет времени призывать на помощь темную магию Черного Братства. Молодая империя Тонгора с каждым днем становится все сильнее. Варвар и его королева уже властвуют над Тремя Городами на заливе: Турдисом, Патангой и Шембисом. Тонгор в любое время может обратить свой взор на юг, к Тсарголу. Мы должны нанести удар немедленно!

Четвертый член тайного совета пока не высказывался. Раньше он сидел, погрузившись в свои мысли, надвинув на глаза черный капюшон. Теперь он наклонился вперед, и черный бархат упал на плечи, открыв лицо. Это был высокий человек, крепкого сложения, одетый, подобно воину, в кольчугу поверх кожаной куртки. Твердый, жестокий подбородок загорелого сильного лица обрамляла мрачная черная борода. Четвертым заговорщиком оказался Хайяш Тор, изгнанный даотар, бывший главный военачальник Турдиса, побежденный Тонгором. Именно его безумное, неуправляемое честолюбие и имперские амбиции толкнули слабовольного сарка Турдиса на кровавую дорогу завоеваний.

— Есть еще один способ, достославный Великий хранитель,— заговорил он.— Можно иным способом навлечь гибель на Патангу и погубить варвара...

Ялим Пелорвис обратил тусклый взгляд в его сторону и негромко осведомился:

— И какой же это способ?

Хайяш Тор наклонился вперед, обведя сообщников пронзительным гипнотическим взглядом.

— Я согласен с Ялимом Пелорвисом. Патанга должна быть уничтожена прежде, чем империя Тонгора поглотит всех нас. Тонгор строит воздушный флот летающих кораблей, тайной которых владеет одна лишь Патанга. Это — самое опасное оружие, так как, вооруженный всего одним таким летающим судном, Тонгор прорвал осаду Патанги и разбил мою армию. Поэтому именно сейчас нам и надо нанести удар. Не пройдет и года, как Тонгор достроит флот и обучит воинов. Тогда Патанга станет непобедимой — самой могущественной из королевств-городов Лемурии. Но убить Тонгора надо не кинжалом наемного убийцы... и не магией.

— А как тогда? — удивленно выдохнул тучный бывший сарк Шембиса.

Тонкие губы Хайяша Тора чуть дрогнули в слабой улыбке.

— Быстрое умерщвление лишит нас радости мести,— тихо произнес он.— Смерть — это конец жизни, но есть муки, которые могут показаться много хуже смерти и длиться хоть сотню лет!

Одно за другим прозвучали его слова и будто повисли в удушающем безмолвии тайной подземной палаты. Блистающие глаза Хайяша Тора сверкали злым, плотоядным блеском. Собравшиеся замерли, обдумывая услышанное.

— Но как же сможем мы передать Тонгора в руки палачей, Хайяш Тор? Как мы выманим северянина из рядов его могучей армии, из сердца хорошо охраняемого города, обнесенного стенами?

Хайяш Тор снова улыбнулся.

— Мы заставим его явиться к нам по собственной воле,— мягко произнес он.

Молодой Великий хранитель Ямата наклонился вперед. Глаза его сверкнули словно у почуявшего добычу вандара. Он неторопливо облизал губы.

— Как?

Хайяш Тор понизил голос до тихого шепота.

— Что, если мы тайно похитим из дворца Тонгора его жену, королеву Соомию, и их новорожденного младенца, принца Тара? Один человек может прокрасться сквозь стену часовых, с чем никак не справится армия.

— Продолжай,— затаив дыхание, попросил Красный Великий хранитель.

— Когда Соомия и ее ребенок будут надежно упрятаны за стенами Тсаргола, мы станем повелителями Тонгора! Если он когда-нибудь пожелает увидеть свою саркайю и их первенца, то он должен будет... открыть ворота Патанги перед нашей армией и приказать своим людям сложить оружие! А иначе мы уничтожим тех, кого Тонгор любит больше всего на свете!

Ялим Пелорвис молчал. Взгляд его стал тусклым, задумчивым.

— А поверит ли Тонгор нашему посланнику?

В голосе военачальника зазвенело адское веселье.

— Мы пришлем ему доказательство. Ваши палачи ведь достаточно умелы, чтобы отрезать саркайе левую руку и все же оставить ее в живых. Наш посланец принесет доблестному варвару кровавое доказательство. Прямо к его трону, где он восседает в окружении тысячи воинов. Ручаюсь, Тонгор сразу же отправится к нам!

Маленький жабообразный сарк Шембиса злорадно захохотал.

— И где же мы найдем человека, достаточно хитрого, чтобы исполнить такое?

Хайяш Тор, расслабившись, откинулся на спинку кресла и высокомерно взглянул на заговорщиков.

— В Тсарголе есть один вор по имени Зандар Занд...

* * *

Спустя две недели, ровно в полдень, через большой Западный въезд в Патангу проехал стройный юноша верхом на запыленном кротере. Огромные ворота высились над ним, словно утес, загораживая ясное голубое небо. Солнце сверкало на неприступных стенах города, вспыхивало огнем на черепице конических крыш, блестело на широких куполах из позолоченной бронзы, мягко лаская зеленую медь шпилей. Солнечные лучи позолотили наконечники копий и шлемы стоящих на стене часовых. Над дюжиной шатров развевались на ветру расшитые

золотом знамена Патанги, украшенные эмблемой Черного Ястреба валькаров.

Въехав в город вместе с толпой, стройный юноша остался незамеченным. В этой толпе встречались разные люди. Купцы из Зангабала в головных уборах из белой ткани с янтарными перьями на макушке везли выделанные кожи, бронзовые изделия и яркие шелковые ковры, сошедшие с ткацких станков Далакха и Кадорны. Напыщенные послы из Катула прибыли на север в занавешенных паланкинах с дарами в виде золота, серебра и бесценного язита. Были тут и крестьяне из дальних провинций, приехавшие на рынок на больших возах, которые тянули здоровые, тяжеловесные зампы. Они доставали свежие ягоды сарн и водяные фрукты, пшеницу и рожь. А с ними прибыло и множество запыленных молодых воинов из отдаленного Ашембара, лучников и конных копейщиков из далекого Дарундабара, наемников из Возашпы, привлеченных магией легенд о Тонгоре — «самом могучем из воинов, самом храбром и самом щедром из королей». Все они хотели записаться в его армию или, быть может, научиться таинственному искусству пилотирования стройных летающих кораблей, плавающих над Патангой подобно серебряным стрелам.

Юноша въехал через Западные ворота в имперский город по величественной Торийской дороге — огромному проспекту, что рассекал город, доходя до самой сердцевины — великолепной площади в центре Патанги. Вокруг поднимались дворцы, храмы и особняки — сказочные, сверкающие тысячью красок, блистающие варварской пышностью.

С балконов, окон и стен свисали многоцветные ковры и знамена. На минаретах и шпилях трепетали и развевались флаги. Превосходные фасады, украшенные скульптурами из мрамора, одетые камнем или покрытые ослепительной мозаикой, сверкали в лучах полуденного солнца. На большом базаре Патанги под полосатыми оранжево-сине-малиновыми тентами торговались, ссорились и жестикулировали купцы. Ветви цветущих деревьев гнулись под грузом листвы, отбрасывая на раскаленную мостовую прохладные озера тени, а между зданиями тут и там проглядывали сады с фантастическими цветами.

Улицы и проспекты наводнила толпа — едущие на рынок женщины; воины, спешащие на посты; королевские вестники в черно-золотых камзолах, несущие свитки; жрецы мудрого Отца Горма и мягкосердечной Владычицы Тиандры; знать и вельмо-

жи в колесницах с позолоченными колесами или верхом на поджарых кнутохвостых кротерах; мальчики-посыльные, бегущие с какими-то поручениями... Никто не обращал внимания на молодого человека в линялой и латаной пестрой одежде бродячего трубадура, с висящей за плечом лютней из слоновой кости, путешествующего верхом на запыленном кротере. Зандар Занд (ибо это, конечно же, был он) свернул с огромного базара на боковую улочку и спешился перед постоялым двором под названием «Знак головы дракона». Путник позвал конюха и приказал отвести своего скакуна в загон.

Сам же Зандар Занд вошел на постоялый двор, снял комнату на ночь и заказал у хозяина сарнового вина и жареную заднюю ногу буфара. Потом он улегся в постель и стал спокойно ждать темноты.

Когда пришла ночь и в небе засияла огромная золотая луна древней Лемурии, Зандар Занд покинул «Знак головы дракона», закутавшись в просторный тускло-серый плащ с капюшоном. Свой пестрый костюм он сменил на особую, плотно облегающую тело одежду черного цвета: она как перчатка охватывала тело Зандара Занда от шеи до пят и запястьев. Зандар Занд, отправившись по хорошо освещенному городу, выбирал темные проходы и незаметные, безлюдные проулки. Так добрался он до стены, окружающей дворец саркона.

Дожидаясь той минуты, когда поднявшийся туман скроет луну, он спрятался в чернильной темноте огромного цветущего отлара. Там он скинул серый плащ и быстро вывернул его наизнанку. Подкладка плаща оказалась из той же черной ткани, что и маскировочный костюм. Вслед за этим Зандар Занд натянул на лицо черную маску и вытащил из потайного кармана тяжелого плаща отрезок гибкой проволоки с прикрепленным на конце складным многозубым крюком из кованого железа. Чтобы приглушить звук, зубья покрывал слой толстой ткани. Когда, наконец, исчез лунный свет, Зандар Занд перекинул крюк-«кошку» через стену королевского дворца, а затем медленно стал тянуть его обратно. Зубья, скрипя, заскользили по камням, пока не застряли между железными копьями, венчавшими стену. Быстро и бесшумно вор из Тсаргола влез наверх, отцепил «кошку» и спрыгнул в темный сад по другую сторону стены.

Дворец саркона возвышался посреди роскошного парка-лабиринта, состоящего из шпалер кустарника, лужаек, покрытых

цветами и рощ благовонных деревьев; посреди этого великолепия бежали извилистые ручейки и сверкала вода прудов, украшенных лотосами. В разных точках парка стояли на часах воины из полка Черных драконов — полка воинов, подобранных самим сарком. Скрытый от глаз черным одеянием, вор проскользнул через густые кусты, без труда избегая ничего не подозревающих часовых.

Он подошел к стене самого дворца. Если верить изученным им в Тсарголе картам, в этой башне находились личные покои Тонгора и Соомии. Не теряя времени, Зандар Занд достал особую пару ремней, которые надел на сапоги. Из этих ремней торчали острые шипы из небиума, самого прочного из всех металлов. Затем он надел специальные перчатки со схожими шипами.

И полез по стене.

Зандар Занд был незаурядным вором. Он считался вором из воров: изящный и гибкий, как акробат, мускулистый, как гладиатор, обладавший навыками наемного убийцы и силой воина. Но для того, чтобы совершить такой необыкновенный подвиг — подняться по отвесной стене — даже ему пришлось здорово потрудиться.

Стена королевской башни, сложенная из огромных блоков гладкого, блестящего желтого мрамора, казалась неприступной. Но между блоками находился более мягкий, пористый слой цемента. Вот в эту-то крошащуюся губчатую субстанцию мастер-вор и загнал острые шипы, укрепленные у него на запястьях. Потом, подтянувшись, он воткнул шипы на сапогах в слой цемента ниже мраморного блока. Теперь, балансируя на ногах, он отработанным движением высвободил запястья и снова вонзил их острия как можно выше. Словно огромный паук он пополз вверх по стене, подбираясь к своей жертве.

* * *

Королева Соомия находилась в покоях одна, дожидаясь прибытия Тонгора. Няня только что накормила принца Тара. Годовалый мальчик спал в колыбели около большого, похожего на трон кресла, где сидела, мечтая о чем-то, молодая и красивая саркайя Патанги.

Сегодня вечером не намечалось никаких государственных дел — ни обедов, ни праздничных банкетов или балов. Сегодня

вечером они с Тонгором поужинают вдвоем в своих покоях. Женщина слегка улыбнулась, подумав об этом. Дела Трех Городов поглощали так много сил и времени, что саркайе и ее любимому мужу едва удавалось хотя бы час побыть наедине. Но сегодняшний вечер принадлежал им. Они разделят его и станут наслаждаться им вдвоем... или, точнее, втроем, если считать и сына. Вот-вот придет Тонгор. Он громко крикнет «вина!» и сожмет жену в объятиях, от которых у нее захватит дух. Он закроет улыбающиеся губы Соомии поцелуем, который сделает ее слабой и покорной, а потом выпустит ее плечи и подхватит на руки мальчика. Раскатисто хохоча, валькар подбросит верещащего от восторга малыша в воздух и поймает его в крепкие, нежные объятия, в то время как королева будет наблюдать за их игрой горящими глазами и смеяться от счастья. Скоро...

Но как быстро у нее отобрали эту мечту...

Раздался какой-то странный звук! Окно? Услышав лязг стали, женщина обернулась и закричала, увидев фигуру в плаще и маске — черную, чудовищную, словно громадная летучая мышь, стоящую в огромном оконном проеме.

Незнакомец внимательно оглядел красавицу.

Соомия, придя в себя, закричала, зовя на помощь. Но ужасная черная фигура бросилась на нее, и женщина увидела в черной руке, метнувшейся к ее горлу, смертоносный блеск стали.

Глава 2
КОРОЛЕВА В ОПАСНОСТИ

Вновь проложим мы дорогу
Сквозь ряды врагов — вперед.
Битва нам — вино свободы!
Песню смерти сталь поет!

Боевая песня Черных Драконов

Тонгор из клана валькаров махал тяжелым мечом северян, вкладывая в каждый удар всю силу своих гигантских мышц. Губы его разошлись, оскалив зубы в тигриной улыбке, а странные золотистые глаза горели от упоения боем.

Сталь звенела о сталь, высекая мрачную музыку войны. Искры полетели в разные стороны, когда клинок его противника

разлетелся вдребезги под неукротимой силой удара Тонгора. Даже сам валькар, не сумев устоять на ногах, опустился на колени. Но и в этой позе он продолжал разить противника, и тому пришлось поднять черм, чтобы отбить удар страшного тяжелого меча. Черм, лемурийский щит, был маленьким, круглым диском, крепко пристегнутым к левому предплечью воина. Сделанный из прочной выпуклой драконьей кожи, натянутой на легкую раму из дерева арлд, он применялся для того, чтобы ловко отбивать касательные удары меча и не годился для отражения прямого удара.

Огромные мускулы на плечах Тонгора напряглись и вздулись... Удар сбил воина с ног, а от его черма остались лишь щепки и ошметки порванной кожи.

Тонгор вскочил и рассмеялся. Какой-то воин помог его противнику подняться на ноги.

— Отлично, Чарн Коюн! Мы еще сделаем из тебя дракона! — прогремел варвар, хлопнув побежденного по плечу.

Чарн Коюн усмехнулся, морщась от боли.

— Да, сарк, если я сумею пережить подготовку и остаться живым!

Тонгор снова рассмеялся, убирая меч в ножны. Приняв у воина длинный малиновый плащ, он набросил его на мускулистые плечи и, продев один конец завязки под мышкой, а другой перекинув поперек груди, прикрепил ее к наплечному ремню брошью дымчатого кварца.

Могучий валькар представлял собой внушительную фигуру — широкоплечий бронзовый великан с мощным торсом, тонкой талией и стройными крепкими ногами. Его полуобнаженное тело прикрывали лишь черные кожаные ремни для оружия, широкий пояс да алая набедренная повязка. Ноги облегали мягкие черные ичиги. Непокорная темная грива жестких прямых волос волной опускалась на плечи, поддерживаемая пересекавшим лоб кожаным ремешком.

После долгого утомительного дня в палате совещаний или в зале собраний Тонгор больше всего на свете любил скинуть тяжелые одежды из царственной парчи и натянуть кожаные ремни воина, а потом провести часок среди солдат, упражняясь во дворе дворца. Из воинов Патанги, лучников Турдиса, бродячих наемников из дюжины городов, стекавшихся под знамя Тонгора, валькар постепенно выковывал превосходно обученный полк

закаленных ветеранов, мастерски владеющих всеми видами холодного оружия. Этот личный отряд королевской гвардии — Черные Драконы — должен был стать ядром, вокруг которого с течением времени соберется армия. Для Черных Драконов Тонгор стал не только королем и командиром, но и товарищем. Драконы все как один любили его и пошли бы на смерть, защищая своего господина и его жену.

Слишком быстро наступил вечер... Тонгор с удовольствием поупражнялся бы еще часок-другой. Его простая варварская жизнь в течение долгих лет, когда он дрался и скитался по континенту Лемурия в качестве атамана разбойников, воина-наемника, убийцы, вора, пирата и авантюриста, приучила его чувствовать себя гораздо уютней в казармах грубых воинов, чем во дворце сарка. Но вот уже почти два года как странный поворот судьбы или прихоть Девятнадцати Богов даровали ему место на троне Патанги рядом с любимой женщиной. Сначала в качестве сарка Патанги, а теперь уже саркона Трех Городов — сюзерена, или Верховного короля быстро растущей молодой империи. Он усмехнулся, пожав плечами. Его несложная философия северянина побуждала брать от жизни то, что она бы ни предложила.

Взмахнув на прощание рукой, Тонгор широким шагом вышел со двора со своим верным товарищем, Кармом Карвусом. Войдя во дворец, они расстались. Карм Карвус, как даотар недавно сформированной Воздушной Гвардии, направился к летному полю, в то время как Тонгор поднялся по лестнице к королевским покоям, где его ждали жена и сын. Большой красный плащ развевался у валькара за плечами и хлопал по пяткам, когда Тонгор стремительно проходил по пышно изукрашенным коридорам и великолепно меблированным покоям. На стенах повсюду висели шитые золотом знамена и бархатные гобелены, натянутые на каркасы из серебряной проволоки. Из ажурных бронзовых курильниц поднимались к потолку струйки благовонного дыма. Фарфоровые вазы с тиралонсами — зелеными розами Лемурии — создавали во всем дворце приятный аромат.

Тонгор уже прошел половину коридора, ведущего к королевским покоям, когда услышал пронзительный крик Соомии.

Человек, испорченный благами цивилизации, услышав женский крик, потерял бы несколько драгоценных мгновений, гадая, что случилось, и, наверное, прежде всего окликнул бы жену. Но Тонгор обладал сверхчувствительными нервами дика-

ря, жизнь которого всегда зависит от быстроты реакции на малейший признак опасности — шорох листьев, скрип половиц, запах, слабое движение.

Тремя большими прыжками одолев расстояние до двери своих покоев, он схватился за ручку. Дверь оказалась запертой изнутри. Цивилизованный монарх позвал бы охрану и подождал бы, пока та выломает преграду, но не Тонгор! Он высоко подпрыгнул и ударил ногами в дверь как раз над замком, обрушив на дерево всю мощь своего гигантского тела. Дверь не выдержала, и в ореоле щепок Тонгор влетел в комнату. Приземлившись на ноги, он одним молниеносным взглядом оценил открывшуюся перед ним сцену.

Потерявшая сознание Соомия, со связанными сыромятным ремнем запястьями и лодыжками, висела на руке похожего на летучую мышь мужчины в плаще и облегающей черной одежде. Незнакомец стоял над колыбелью, где надрывался в крике юный принц Тар, молотя по воздуху крохотными кулачками. Страшный человек протягивал к младенцу руку в черной перчатке, готовясь схватить его.

С львиным рычанием Тонгор бросился на похитителя в черной маске. Но Зандар Занд двигался с поразительной быстротой. Перебросив через плечо королеву, он оставил ребенка и выпрыгнул в окно, мгновенно растворившись в темноте.

Тонгор на секунду задержался у колыбели. Одного быстрого взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться, что ребенок невредим, хотя сильно испуган.

Потом, без размышлений и колебаний, Тонгор прыгнул через окно вслед за похитителем в черном. Его вытянутые в прыжке руки неожиданно наткнулись на болтающуюся веревку, в которую валькар и вцепился железной хваткой. В тридцати локтях под ним лежал окутанный ночной теменью сад.

* * *

Карм Карвус задержался в коридоре, остановленный своим старым другом —грубоватым, но добросердечным герцогом Мэлом, правителем Тесонии, одним из самых близких друзей и мудрых советчиков Тонгора. Они обсуждали предстоящий Совет Королей, где валькар должен был встретиться с Элдом Турмисом, сарком Шембиса, и со старым воином Барандом Тоном,

сарком Турана. Они собирались говорить о проблемах и делах сарконата. Именно из-за встречи с герцогом Мэлом Карм Карвус оказался не так далеко от королевских покоев. Он тоже услышал крик Соомии, последовавший за ним грохот (когда Тонгор выбил дверь) и полный дикой ярости крик северянина.

Выхватив из ножен мечи, и Карм Карвус и герцог Мэл побежали вверх по лестнице и оказались возле выбитой двери в королевские покои всего через несколько мгновений после того, как Тонгор выскочил из окна башни. На крики и шум прибежали часовые из соседних коридоров и знатные дамы, прислуживавшие королеве. Вместе с ними появилась и хорошенькая темноволосая молодая девушка, дочь Мэла — Иннельда.

Беспорядочную бурю вопросов оборвал глухой голос старого герцога:

— Дочь! Что здесь произошло? Где твоя госпожа?

— Не знаю, отец! — Иннельда подняла на отца испуганный взгляд.— Я лишь на миг вышла из покоев, посмотреть, готов ли ужин, так как мы с минуты на минуту ожидали прихода сарка. Королева Соомия находилась в покоях одна с принцем Таром... Я услышала, как она закричала, и...

Карм Карвус стремительно пересек помещение и выглянул в открытое окно. Потом он посмотрел наверх и закричал:

— Воллер Соомии... он поднимается с посадочной площадки на крыше! Клянусь богами... кто-то увозит королеву!

* * *

Когда вор влез по наружной стене башни и встал на оконный карниз, он вынул из-под плаща многозубый крюк, закинул его наверх и, зацепив за шпиль, обеспечил себе путь отступления. Захваченный врасплох внезапным появлением Тонгора, Зандар Занд забыл и думать про малолетнего принца и бежал через окно, взобравшись по веревке на крышу с быстротой и ловкостью акробата, ничуть не отягощенный телом худенькой Соомии.

Уцепившийся за веревку Тонгор, прекрасно понял, что ее оставил похититель, и, взобравшись на крышу, увидел похожую на летучую мышь фигуру. Незнакомец уже перебирался через конек. Валькар заметил на плече черного злодея драгоценную ношу и, оскалив от ярости зубы, полез следом. Быстро

перебирая руками, он забрался наверх всего несколькими мгновениями позже вора.

Плоское навершие башни давно переделали под посадочную площадку для кораблей нового воздушного флота Патанги. Сейчас здесь находился причаленный к мачте личный воллер Соомии. Когда Тонгор влез на крышу, он увидел, как фигура в маске с королевой на плече забралась на борт летучей лодки и отцепила якорный канат. Невесомое, как облачко, благодаря нейтрализующему притяжение корпусу из урилиума — магического металла, странное судно, обретя свободу, поплыло по воздуху, подгоняемое ночными ветрами.

Тонгор присел, напрягая мускулы, а потом подпрыгнул. Могучие ноги, словно мощные пружины, выбросили его тело высоко вверх. Одна рука задела палубные поручни воллера, соскользнула, но потом намертво вцепилась в какую-то металлическую деталь.

Вскоре и вторая рука смогла дотянуться до корпуса, и Тонгор повис на огромной высоте под брюхом корабля. А тем временем воллер уже покидал пределы дворца.

Зандар Занд с самого начала собирался скрыться из Патанги, угнав летучее судно, и подготовился к этому. Прежде чем покинуть Тсаргол, он внимательно выслушал Хайяша Тора. Бывший даотаркон подробно объяснил Занду, как пилотируются таинственные корабли. Как командующий войсками Турдиса, Хайяш Тор в совершенстве владел этим искусством, поскольку именно старый Оолим Фон, мудрый алхимик из Турдиса, и создал магический сплав урилиум. Он же сконструировал первый летающий корабль, позже названный воллером, сделав его секретным оружием в планах Турдиса, собиравшегося с помощью воздушного флота завоевать всю Лемурию.

И теперь Зандер Занд зря времени не терял. Промчавшись по палубе, он ворвался в кабину пилота и бросил Соомию на одну из двух коек, вытянувшихся вдоль бортов. Через несколько секунд он уже разворачивал судно, направляя его над городом. О том, что Тонгор тоже летит с ними, он не подозревал до той поры, пока с палубы не донесся скрежет металла о металл. Зандар Занд обернулся и увидел валькара, залезающего на палубу: его глаза сверкали от безумной ярости.

Титул вора воров Зандар Занд носил не напрасно, превзойдя себе подобных сообразительностью и изобретательностью. Он

одной рукой резко повернул штурвал воллера на пол-оборота влево. Судно едва не перевернулось, и в тот момент, когда палуба вдруг взыбилась вертикальной стеной, Тонгор, потеряв равновесие, перелетел через ограждение и исчез во мраке ночи.

Зандар Занд угрюмо улыбнулся и выправил судно. Два мощных винта на хвосте воздушного корабля загудели. Их острые лопасти стали кромсать холодный ночной воздух. Набирая скорость, воллер помчался в темноте словно сверкающая серебристая стрела. Через несколько мгновений маленький кораблик проскользнул над стенами города и понесся на юг, оставляя далеко позади купола и башни Патанги.

* * *

Тонгор стремительно падал, переворачиваясь в воздухе. Стараясь остановить вращение, он широко раскинул руки, и внезапно одна рука задела шест. Судорожным движением пальцы вцепились в металл, и варвар закачался на краю одной из городских крыш. Широко открыв рот, валькар пытался в первую очередь восстановить дыхание.

Внезапно он услышал грохот: к нему по крыше с криком бежал молодой воин с обнаженным клинком в руках.

Судя по золотистым ремням и искрящемуся серебристому шлему, он принадлежал к недавно сформированной Воздушной Гвардии. Тонгор вылез на крышу и огляделся. По прихоти богов Зандар Занд скинул его над башней, где также была оборудована посадочная площадка. Всего в нескольких шагах в воздухе плавал летучий корабль гвардейца, привязанный к причальной мачте, за которую и ухватился Тонгор, пролетев всего несколько локтей. Валькар мельком порадовался такой удаче.

Воин узнал короля и отсалютовал ему.

— Государь! Что...

— Сейчас не до разговоров,— рявкнул Тонгор. Он прыгнул на палубу корабля и, сбросив причальный трос, крикнул: — Передай Карму Карвусу, что я лечу вдогонку за воллером королевы... на юг. Пусть Воздушная Гвардия следует за мной... Торопись!

Молодой воин мгновенно покинул площадку. Воллер отплыл от мачты, и Тонгор занял место у рычагов управления. Загудели, оживая, роторы, и второй корабль умчался в ночь следом за

похитителем. Вскоре огни Патанги исчезли далеко позади, и теперь под килем судна Тонгора расстилались погруженные во тьму поля и леса.

Однако несколько минут задержки оказались весьма существенными. Оба воллера, принадлежавшие к новой, улучшенной серии машин, обладали более мощными двигателями и могли лететь куда быстрее, чем старый воздушный корабль «Немедис». Но их одинаковые возможности не позволяли Зандару Занду увеличить разрыв между ними, равно как и все мастерство Тонгора не могло его сократить. Так они и мчались по небу, окутанному облаками. Вскоре они пересекли границу Патанги и полетели над поросшими травой холмами и обширными лесами Птарты.

Тучи, прежде скрывавшие луну, теперь поредели. Часто и беспокойно оглядываясь, Зандар Занд ясно различал преследовавший его воздушный корабль. Он, конечно, даже не догадывался, что им управляет сам Тонгор. Зандер решил, что в городе подняли тревогу и за ним погнался один из катеров воздушного патруля. Но кто бы ни управлял этим судном, вору требовалось сбить его со следа. Никак не годилось приводить преследователя прямиком в Тсаргол и таким образом заранее предупреждать врага о готовящейся войне, ясно давая понять, что похищение королевы — одно из звеньев заговора.

Отчаянно озираясь по сторонам, Занд пытался сообразить, как удрать от преследователя. И тут он увидел на востоке, над землями Нианги, плотную гряду облаков. На далеком горизонте смутно различались невысокие горы, бывшие, должно быть, Ардатским хребтом. Зандар Занд круто повернул штурвал, направившись на восток. Там, в облачной пелене, он надеялся оторваться от погони.

Соомия мало-помалу приходила в себя. Там, во дворце, незнакомец ударом по голове оглушил ее, и теперь, возвращаясь в реальность, королева огляделась и поняла, что лежит на одной из двух коек в каюте собственного воллера. Над пультом управления сгорбился тот самый незнакомец в плаще и маске. Соомия сообразила, что, должно быть, какой-то неизвестный враг задумал похитить ее... и ее ребенка. Но, оглядев тесную кабинку, она успокоилась: маленького принца здесь не было. Королева попыталась приподняться, но вновь повалилась на койку — руки и ноги стягивали крепкие путы. Зачем ее украли? На какое-то мгновение саркайя дрогнула от болезненного страха,

но никто не назвал бы ее неженкой: между ней и варварской дикостью ее праотцов лежало всего несколько поколений. Призвав на помощь всю свою смелость, Соомия стала спокойно и хладнокровно раздумывать, пытаясь найти выход из затруднительного положения. Отражая напряженную работу мысли, маленький подбородок решительно выпятился вперед, губы сжались, между бровями пролегла морщинка.

Похититель в маске пока не знал, что она очнулась, и это давало ей шанс, пусть даже небольшой. Тонгор всегда учил ее, что человек, оказавшийся в опасности, должен хвататься за любое, хоть и незначительное преимущество и использовать его. Подвижный и смелый ум королевы выискивал всевозможные пути к спасению.

Со связанными за спиной руками она была практически беспомощна. Однако к койке ее не привязали, а руки связали только в запястьях. Возможно, ей удастся извернуться так, чтобы руки оказались впереди... Тогда, даже связанная, она сможет что-то предпринять. С гибкой грацией вытягивая связанные руки, Соомия подогнула ноги, сжавшись в комок. С небольшим усилием ей удалось протащить под стопами связанные запястья. Выпрямившись, она с удовольствием вытянула руки перед собой. Потом ей бросился в глаза блеск начищенной стали: на черном поясе таинственного похитителя висели кинжал и меч. Возможно...

Соомия села и спустила ноги с койки. Встать на связанные ноги в покачивающейся кабине казалось непреодолимой задачей, но ей удалось сделать и это. А потом она медленно, боком, стала подкрадываться к похитителю, попеременно опираясь о пол то пятками, то пальцами непослушных ног.

Каждый рывок воллера угрожал опрокинуть ее, но все же королеве удалось, не упав, неслышно пересечь кабину.

Теперь она стояла прямо за спиной пилота в черном плаще, сосредоточившего все свое внимание на гряде облаков впереди по курсу. Если она связанными руками попытается выхватить кинжал у этого человека, он, скорее всего, снова схватит ее, до того, как ей удастся заколоть похитителя. На какой-то миг на Соомию накатила волна страха... как, слабая, беззащитная, могла она противостоять этому человеку?

Но затем, решительно взяв себя в руки, отчаянно потянулась вперед, схватила незнакомца за волосы и прежде, чем тот успел пошевелиться или обернуться, изо всех сил ударила его головой

о стальной поручень, проходивший вдоль передних окон кабины, вложив в это движение все свои силы.

Человек в черном потерял сознание и рухнул на рычаги управления, заливая пульт кровью из рассеченного лба. Онемевшими пальцами королева сорвала маску и, слегка повернув голову похитителя, заглянула в лицо. Она ожидала, что перед ней окажется кто-то из старых врагов Тонгора, но этого молодого человека она видела в первый раз.

Потом королева выхватила из черных кожаных ножен кинжал. Сев на койку, она зажала его рукоять коленями и принялась перепиливать острым лезвием путы, стягивающие запястья, и хотя руки скоро заболели от этого упражнения, терять времени было нельзя. Похититель мог очнуться в любой момент, и тогда связанная королева не смогла бы защищаться. А вот со свободными руками, да еще и с кинжалом, Соомия готова была сражаться с кем угодно.

Перепиливая путы, женщина не заметила, как неуправляемый корабль нырнул в густые облака над Ниангой и понесся сквозь клубящиеся испарения прямо к отрогам невидимых во мгле Ардатских гор.

Глава 3
ПОДЗЕМНЫЙ ДВОРЕЦ

...За непроходимыми джунглями, у подножия горы, находится тайная крепость колдуна Запада. Там бесчисленные века ищет древний колдун в запретных книгах сокрытые тайны грядущего...

Третья книга Псенофиса

Над Патангой вставало солнце, положив конец тревожной ночной суматохе. Едва забрезжил рассвет, так и не сомкнувший глаз Карм Карвус созвал совет. Все придворные находились в замешательстве — в разных направлениях спешили офицеры и вельможи, разносили сообщения и приказы гонцы, мчались занять посты отряды воинов. Тонгор до сих пор не вернулся, а посланные на поиски гвардейцы не нашли никаких следов похищенной королевы.

На совет собрались предводители сарконата: герцог Мэл с нечесаной седой львиной гривой, постоянно морщивший лоб от беспокойства, полный краснолицый барон Селверус, некогда служивший отцу Соомии, покойному сарку, а теперь, верой и правдой, ее мужу, Тонгору, и виконт Дру — поджарый, остроумный, насмешливый. Но теперь никто не услышал его шуточек — в этот раз его поведение отличалось галантностью и серьезностью. Пришел также старый и мудрый Эодрим, жрец Горма, иерарх храма Девятнадцати Богов. Он собирался поделиться мудростью с участниками экстренного совещания.

Карм Карвус не терял зря времени на праздные церемонии. Он открыл заседание, четко и точно изложив события предшествующей ночи.

— Стало быть, перед нашим советом стоит три вопроса. Где саркайя Соомия, кто ее похитил и с какой целью? Где наш повелитель Тонгор и какова его судьба? Какую грядущую опасность предвещают эти странные события?

— Иными словами, Карм Карвус,— перебил его виконт Дру,— означает ли похищение королевы начало военных действий со стороны какого-то, пока неизвестного, государства или же это всего лишь злобная и мстительная выходка обезумевшего идиота?

— Правильно, виконт. Все возможные меры предосторожности уже приняты,— продолжал Карм Карвус.— Объявлена тревога. Наряды часовых утроены. Воздушная Гвардия все еще рыщет по округе. На самых быстрых летающих кораблях отправлены вестники с предупреждением к Элду Турмису в Шембис и к старому Баранду Тону в Туран. Мы хотим, чтобы и они не теряли бдительности.

— Кровь Горма!.. Прошу прощения, достопочтимый жрец!.. Значит, вы думаете, что похищение королевы лишь пролог к вторжению... Кто-то собирается смутить и напугать нас так, чтобы Патанга вышла из равновесия и ее можно было бы завоевать намного легче из-за замешательства в рядах защитников и из-за сломленного боевого духа? — прогремел герцог Мэл.

Карм Карвус мрачно кивнул.

Старый барон Тезони злобно выругался:

— Подлые, коварные черви! Прикрываться женщинами!

— Но кто же наш враг? — проворчал Селверус.— В Турдисе и Шембисе наши друзья. Наверняка это не Зангабал и не Пе-

лорм... и даже не Катула, что лежит на севере! Они обменялись с нами послами и знают, что им не нужно опасаться Тонгора.

— Да, барон Селверус,— согласился Карм Карвус.— Но мы пол-Лемурии наводнили озлобленными врагами — хранителями Ямата, которых изгнал Тонгор. Они вполне могли осесть в одном из близлежащих королевств и там раздувать дремлющее честолюбие какого-нибудь пока еще дружественного нам правителя.

Мэл задумчиво потер бороду.

— Да, согласен,— прогрохотал он.— К тому же еще остался Тсаргол. Этот город и его Красное Братство подлого бога-демона Слидита. Они-то не забыли оскорбление, которое нанес им Тонгор, украв у них из-под носа Звездный камень! Нет, такого они никогда не забудут... Да и то, что он сбежал, убив сарка Тсаргола, Друганду Тала!

— Возможно! — согласился виконт Дру.— Однако до Тсаргола лиги и лиги пути, помимо вод Южного моря. Думаю, нам лучше поискать врага поближе... Какой-нибудь небольшой городок, испугавшийся быстро растущей мощи Патанги. Вообразивший, что Патанга представляет угрозу для его самостоятельности, и введенный в искушение мстительными хранителями Ямата. Но кто бы ни был этот враг, вопрос остается прежним: что еще мы можем сделать для защиты нашего королевства?

Мудрый старый жрец, до сих пор молча слушавший это обсуждение, поднял свой жезл, увенчанный большим гром-камнем.

— Господа... и юный Карм Карвус!

Дворянин из Тсаргола повернулся к старику.

— Да, отец Эодрим? Я надеялся, что в столь важных делах вы поделитесь с нами мудростью, накопленной за столько лет. Выскажите то, что думаете обо всем случившемся.

— Годы, оставшиеся за плечами, не всегда прибавляют мудрости,— негромко рассмеялся жрец.— Однако я могу внести одно предложение...

Его дружно попросили высказаться. Старик поднялся — высокий, седобородый и величественный, в простой рясе из белого бархата. Струившийся через высокие окна зала Совета красноватый свет искрился огнями на Колесах Горма — ожерельях драгоценных камней, висевших у него на груди.

— Думаю, что мы, подняв дозоры по тревоге и отправив гонцов к союзникам, сделали для защиты Патанги все, что могли, и пока наш неведомый враг не откроет свое лицо или имя

каким-нибудь явным враждебным поступком, мы ничего больше сделать не сможем. Однако, если бы мы могли определить имя и понять цели нашего врага сейчас, до того как он будет готов нанести новый удар, мы поступили бы мудро, ударив первыми.

— Согласен, отец Эодрим,— кивнул Карм Карвус.— Но как это сделать?

— На западе, за широкими джунглями, за великими горами находится замок великого волшебника Лемурии, самого Шарата, который два с лишним года назад присоединился к Тонгору и тебе, Карм Карвус, чтобы низвергнуть Королей-Драконов. Думаю, мы можем смело рассчитывать на его дружбу с валькаром, королем-воином, и можем обратиться к нему за помощью...

* * *

Через час маленький летучий корабль поднялся с одной из посадочных площадок Патанги и набрал высоту. Сделав круг над городом, он повернул на северо-запад и помчался в утреннем небе, словно фантастическая птица.

Управлял этим судном Карм Карвус. Необременительный наряд стройного воина состоял из позолоченных ремней Воздушной Гвардии поверх кожаного жилета, набедренной повязки и широкого синего плаща. Эодрим, конечно же, прав. К кому же еще им обращаться в таком безвыходном положении, как не к могучему магу Моммура?

Патанга находилась в устье Саана. Севернее реки-близнецы расходились в разные стороны: Саан изгибался на северо-восток к Катуле Пурпурнобашенной, а Исаар петлял, уходя на северо-запад через дикие джунгли Куша. Карм Карвус на самом быстром воллере, какой только смог найти, мчался высоко в небе, следуя за сверкающей серебряной лентой Исаара, вплетавшего свою блестящую нить в изумрудный гобелен густых джунглей.

На севере возвышался огромный горный хребет Моммур. Высокие горы пересекали Лемурию посередине, словно колоссальная стена из сплошного камня, протянувшаяся от границ Пашты на западе до внутреннего моря Неол-Шендиса, лежащего в тысяче миль к востоку.

Подобно стреле из серебристого металла, корабль с головокружительной скоростью рассекал утреннее небо. Солнце Лему-

рии вскарабкалось по куполу небес, немного задержалось в зените. И медленно склонилось к западу. Когда тени раннего вечера легли на непроходимые джунгли, горы приблизились и закрыли горизонт. То тут, то там среди этих могучих пиков, поднимающихся на десять — двадцать тысяч локтей, Карм Карвус заметил дымящиеся кратеры. Кое-где текли потоки жидкого огня, а высоко в атмосферу поднимались густые султаны чернильно-черного дыма. Это был опасный и пугающий мир. Его сотрясали страшные землетрясения и чудовищные вулканические взрывы — красноречивые свидетельства мощи тех разрушительных сил, которые пока лишь дремали в глубинах Лемурии. Уже сейчас пророки и оракулы предупреждали о том, что в один прекрасный день они проснутся и, расколов несчастный континент, утопят его в пучине первозданного Тихого океана.

На западном небе малиново светилась печь заката. Корабль снизился у громадного утеса, вздымавшегося отвесной скалой на опушке джунглей. Карм Карвус надежно привязал свое судно к высокому стволу гигантского лотифера. Отсюда он пешком отправился в каньон, больше напоминавший лабиринт. Каньон представлял собой глубокое ущелье меж двух отвесных скал. Перебравшись через горы осыпавшихся камней, молодой воин оказался в извилистой долине, сжатой между огромными утесами и заканчивавшейся вертикальной каменной плитой. Сюда бывший житель Тсаргола мог добраться и без посторонней помощи... но не дальше. Карм Карвус не знал магического ключа, который отворил бы мрачные ворота в подземный дворец волшебника. Он лишь надеялся на то, что стражи уже заметили его приближение. И вот!..

Гигантская каменная плита беззвучно ушла в землю. Перед воином открылась черная пасть — вход в пещеру. Карм Карвус бесстрашно шагнул во тьму.

Он оказался в помещении фантастическом и сверхъестественно величественном. Перед ним простиралась огромная пещера, освещенная странным оранжево-алым сиянием, исходившим от бассейнов дымного пламени и потоков шипящей лавы, струившихся вдоль стен. Со сводчатого потолка пещеры, словно клыки в пасти какого-то невероятного дракона, свисали блестевшие от влаги сталактиты. А с пола пещеры навстречу им поднимались пики минеральных отложений, накопившихся за бессчетные геологические эпохи благодаря неспешно сочившимся известковым каплям воды. Карм Карвус прошел через этот лес сталаг-

митов к отдаленной стене, казалось, состоявшей из дыма, подсвеченной снизу темно-малиновым огнем, и оказался на берегу реки живого пламени. Здесь ленивый поток расплавленной лавы прорезал в полу пещеры глубокий канал. Жидкий огонь пылал вишнево-красными бликами. От него исходил обжигающий жар, опаливший полуобнаженное тело Карма Карвуса. На тусклой поверхности лавовой реки плясали мерцающие желтые язычки пламени. Оттуда поднимался маслянистый пар, заставивший глаза юноши слезиться.

Через огненную преграду выгнулся природный мост. Вот по этой-то каменной арке Карм Карвус и перебрался через лавовый поток, охранявший вход во дворец Шарата, словно ров, наполненный вместо воды жидким огнем.

От основания моста пол пещеры поднимался широкими невысокими ступенями к огромной двери из ржаво-красного железа, раза в три выше человеческого роста. По обе стороны двери стояли грубые каменные грифоны с угрожающе поднятыми лапами. Каменные клювы свирепых существ раскрылись в беззвучном предупреждающем крике. Вставленные в птичьи головы дымчато-серые кристаллы сверкали желтыми огнями. Подавив дрожь, Карм Карвус задумался, что означало это желтое мерцание — только зеркальное отражение света лавы или странную, магическую полужизнь грифонов?

Молодой воин поднялся по семи ступеням лестницы и остановился перед большой железной дверью, которая, застонав ржавыми петлями, распахнулась, словно от давления невидимых рук.

Перед гостем открылся длинный зал, вытесанный в сердце горы. В дальнем его конце было расположено возвышение, к которому тоже вели семь ступенек, и на нем стояло троноподобное кресло из черного мрамора. Сейчас оно пустовало. От двери к трону протянулся огромный стол из черного дерева, на котором возвышались канделябры из чистого золота. Однако свечи в них не горели, и удивительный зал заполнял зловещий полумрак, подсвеченный лишь пламенем, бившим из бассейна перед троном. Прямо над ним парил мерцающий шар чистого белого огня размером не больше человеческой головы.

Волосы у Карма Карвуса встали дыбом, он выругался, схватившись за меч.

Странное огненное существо висело в воздухе как раз напротив сердца Карма Карвуса и вибрировало в такт ему, то увели-

чиваясь, то уменьшаясь в размерах. В памяти благородного дворянина вновь ожили ночные страхи, но потом...

Из пульсирующего шара раздался нечеловеческий голос:

— Не бойся, смертный! Мой господин рад видеть тебя в своем дворце и просит следовать за мной в палату, где он дожидается тебя.

— Следовать за тобой? — воскликнул Карм Карвус.— Кто ты такой? — Ему показалось, что он услышал в этом свистящем голосе намек на простую человеческую насмешку.

— Не бойся, сказано тебе... Здесь рады тебя видеть! Я лишь дух огня, обязанный служить волшебнику Шарату. Идем же, Карм Карвус!

Подавив страх, молодой воин последовал за духом через одну из дверей, выходивших в зал. Огненная сфера напомнила ему блуждающий огонек, который часто сбивает путников с дороги и заводит в зловонные болота и бесплодные пустыни. Карм Карвус шагал следом за странным фосфоресцирующим шаром через удивительные покои, заполненные разными чудесами. На стенках висели гобелены, и вытканные на них деревья качались, гнулись под порывами магического ветра, а лица на фресках то злобно скалились, то улыбались вслед юноше. Карм Карвус прошел через дверные проемы, арки которых поддерживали бородатые змееногие кариатиды, вырезанные из коричневого мрамора. Зрачки их каменных глаз двигались, следя за Кармом Карвусом, когда тот проходил мимо.

Наконец юноша и его провожатый вошли в просторный зал, где потолок пересекали балки древнего дерева. С них свисали странные вещи — скелет человека, части которого соединяла золотая проволока, набитое чучело крокодила с рубинами вместо глаз, пучки и связки душистых трав и перекрученных корней. У одной из стен в очаге из блистающего черного мрамора горел изумрудно-зеленый магический огонь, не нуждающийся ни в угле, ни в дровах. Еще одну стену скрывали полки, где лежали стопками и стояли в ряд книги... Залежи, завалы книг, больше, чем когда-либо за свою жизнь видел Карм Карвус. Некоторые из них были в переплетах из выделанной кожи, другие с окладами из металла — золота, серебра, электра, язита, меди. Мудрость других скрывали обложки из незнакомого дерева, с вырезанными на них странными и гротескными рунами и криптограммами, или же резные обложки из слоновой кости, усы-

панные мигающими рубинами, злобно сверкающими, словно глаза змей. Часть полок заполняли свитки и рулоны пергаментов. В углах и щелях между прислоненными друг к дружке, лежащими на боку томами прятались баночки с цветными порошками, бутылочки с безымянными жидкостями, амфоры со странными снадобьями и пугающими кислотами. У третьей стены стояли длинные низкие столики из фарфора и стали. Там лежали инструменты и приборы алхимиков — реторты, чашки и мензурки, причудливые перегонные кубы, куркубиты и атаноры — непонятного для молодого воина назначения.

Заключенный в зеркала из полированного серебра, словно зеленая тень, колыхался призрак из пламени. Плавающий в туманной жидкости хрустального чана человеческий мозг пульсировал ужасным подобием жизни. Но Карм Карвус почти не замечал всего этого. Его взгляд был прикован к старику, сидевшему в большом, с высокой спинкой, кресле из пурпурного дерева яннибар, придвинутого к огромному столу из бледно-зеленого нефрита. Перед стариком лежала раскрытая книга, пергаментные страницы которой покрывали пиктограммы, нарисованные ало-черно-золотыми чернилами.

— Великий Шарат... что вы делаете? — воскликнул юноша.

Старик, улыбаясь, поднял сухопарую руку, бледность которой делала ее почти прозрачной.

— Я умираю, Карм Карвус,— ответил он мягким, спокойным голосом.

Воистину прожитые годы сказались на нем. Его фигура выглядела такой изможденной, его серая мантия с длинными рукавами, казалось, укутывала скелет, а не живого человека. Большая борода и грива волос стали белыми, как девственный снег, закутавший горные пики. Его усталое, бледное, восковое лицо покрылось морщинами, как и его исхудалые руки. Но в черных магнетических глазах все еще горела жизнь. За ними скрывался неуемно любопытный разум и могучий интеллект самого грозного мага во всей Лемурии. Карм Карвус в отчаянии покачал головой.

— Только не вы, величайший волшебник!

— А почему бы и не я? Разве я не человек? — мягко осведомился старик.— Верно, с помощью магии я продлил свою жизнь на много веков, но если дождь и ветер даже вечную гору, в конце концов, превращают в прах... Даже вечные звезды после

долгих циклов эпох стареют и гаснут, как уголья. Сначала они мерцают и тлеют, а потом превращаются в мертвый пепел.... Так почему бы Смерти не предъявить права на меня, Шарата? Я не сожалею об этом, Карм Карвус, ибо за жизнь свою повидал много чудес... Мое искусство позволило мне побывать в тех потаенных местах, где Время и Боги спрятали ключи своей мудрости. Из этих источников довелось узнать мне о том, что когда-то должно будет произойти!

Онемев от печали, Карм Карвус склонил голову.

— Но полно, давай не будем тратить понапрасну те немногие часы, что остались у меня... Ты ведь наверняка явился сюда с каким-то мрачным заданием или по срочной нужде. Говори! Как там поживает мой добрый друг Тонгор и его прекрасная жена?

Быстро, не тратя лишних слов, Карм Карвус рассказал колдуну о том, что случилось. Когда он закончил, Шарат посмотрел на него серьезным, печальным взглядом.

— Я попробую узнать, что происходит, но сейчас на время оставь меня... Проследуй вон за тем огненным духом в покои для гостей. Я прикажу, чтобы тебе туда подали поесть и выпить. Освежись и отдохни, а потом я сам призову тебя.

* * *

Когда над древней Лемурией взошла золотая луна, Карм Карвус вновь явился к колдуну. Старик предложил ему присесть на скамью. Шарат пристально вглядывался в тени, закрывавшие дальний конец комнаты.

— Своими тайными средствами я открыл вот что: враг ваш — твой родной город Тсаргол, где Нимадак Квел, Хайяш Тор и Арзанг Пауме столковались с Красным Великим хранителем. Они хотят развязать войну с Патангой. Но прежде они направили тсарголийского вора похитить саркайю Соомию. Однако их планы пошли наперекосяк, и воля случая унесла королеву далеко на восток, где ее и отправившегося следом за ней Тонгора поджидают необыкновенные опасности.

— Тсаргол! — воскликнул Карм Карвус.— Мэл так и предполагал! Значит, Тонгор и Соомия по-прежнему живы и... в безопасности?

Шарат задумался.

— Живы... но не в безопасности. Среди незнакомых народов востока им грозят новые беды. Ты не можешь им помочь, Карм Карвус, но ты должен оставаться настороже и сделать все возможное для того, чтобы войска Тсаргола не осадили Патангу.

— Я тотчас же вернусь в Патангу и поведу воздушный флот на Тсаргол!

— Да. Будет разумнее ударить сейчас, пока враг не подготовился... И все же я предвижу какую-то опасность. У Хайяша Тора появилось новое оружие, достаточно мощное, чтобы уничтожить ваш флот... Что это такое, мое искусство пока выяснить не может. Поэтому берегись и будь настороже!

— Обязательно, великий Шарат. Спасибо тебе за предупреждение.

Воин встал, собираясь уйти.

— Задержись еще на мгновение, Карм Карвус! — Старый чародей показал слабеющей рукой на большую пергаментную книгу в изумрудно-зеленом переплете из шкуры дракона.— Возможно, мне никогда больше не доведется увидеть ни тебя, ни остальных моих друзей. Поэтому возьми с собой в Патангу мой гримуар и помести его среди главных сокровищ королевства. Во времена грядущие и века, еще не рожденные, эта книга очень понадобится одному из принцев Лемурии — во всяком случае, так я прочел смутные видения грядущего!

— Я так и сделаю,— пообещал воин.

— И еще одно, мой юный друг,— сказал Шарат, проведя слабой рукой по лбу.— Во всем этом деле как-то замешаны черные хранители, поклоняющиеся Тамунгазоту, Темному Повелителю Лагии. Это черное братство обитает далеко-далеко на востоке, в Зааре, Городе Магов. Возможно, опасность со стороны далекого Заара еще не угрожает, но в будущем... Мои глаза стары, зрение становится все слабее... Я боюсь, что на восточных небесах собирается темная, ужасная тень, которая может задушить своими черными крыльями светлую Патангу. Из Заара явился я в эту пещеру много веков назад, так как взбунтовался против власти Черных хранителей и их нечестивого желания править всем миром. Когда снова увидишь Тонгора, посоветуй ему опасаться Черного города... и запомни, когда угрожает Тьма, рассеять ее может только одна сила...

Сквозь ночную мглу мчался Карм Карвус, неся в Патангу последнее предупреждение волшебника Лемурии.

Глава 4
ГОРА СМЕРТИ

Даже богам ужас внушает она
Злом напоенная черного камня громада.
Путник шальной, здесь тебя поджидает беда
Страшная смерть твой последний удел и отрада!

Завет Яаа

Сгорбившись над пультом управления, Тонгор напряженно смотрел сквозь застекленное окно кабины. Его горящий взгляд следовал за летящим далеко впереди воздушным кораблем. Так кошка из диких джунглей следит за движением добычи. И в самом деле, черты лица Тонгора поразительно напоминали лик вандара, могучего черного льва древней Лемурии: нестриженая грива жестких черных волос, мрачные неподвижные черты и странные кошачьи глаза, сверкавшие золотистым пламенем.

Все помыслы Тонгора сфокусировалось на вражеском корабле. В темноте пасмурной ночи сарк Патанги лишь смутно различал другое судно, ориентируясь по слабому отблеску света, отраженному от обводов серебристого корпуса. Сердце в груди его пылало от ярости. Но угрюмый варвар не позволял страхам за любимую жену отвлечь его внимание или занять его мысли. Изо всех сил старался он выжать хотя бы один лишний эрг из двигателей судна.

Казалось, он просидел, согнувшись над панелью управления, много часов: тело затекло и болело от напряжения. Тонгора озадачил странный поворот удирающего судна на восток, в той части Лемурии, насколько знал валькар, у него не было никаких врагов. Тем не менее, с мрачным, непоколебимым упорством он повторил маневр похитителя.

Два корабля, воллер королевы Соомии с нею и Зандаром Зандом на борту, и следовавшее за ним по пятам судно Тонгора, мчались, рассекая черную ночь, словно выпущенные из лука стрелы. Под ними проносились густые леса Птарты, и вскоре они уже летели над пустынными землями Нианги. С тех пор как Девятнадцать Богов, которые правят миром, поразили это царство проклятием, и Серый Туман Смерти уничтожил людей, очистив землю от них и их нечестивых, кощунственных преступлений против богов, в Нианге больше никто не селился.

Теперь перед преследуемыми и преследователем поднимались подобно массивной стене Ардатские горы. А внизу расстилался огромный район, небо над которым затянули густые облака. Вот туда-то, в непроницаемый туман, и нырнул воллер, в котором королева Соомия старалась перерезать свои путы, а вор Тсаргола лежал не двигаясь, потеряв сознание от удара. Увидев, что корабль вошел в клубящуюся массу облаков, Тонгор пробормотал проклятие. Он-то отлично понимал, насколько легко будет удирающему судну избавиться от погони, скрывшись в непроглядной темноте. Валькар не знал, что таинственный человек в маске больше не правит судном и что ни одна живая рука не держит штурвал несущегося вперед воллера.

Онемевшими пальцами, не обращая внимания на боль в запястьях, перепиливала Соомия свои путы. Казалось, освободиться от них с помощью острого клинка будет проще простого, но в действительности это оказалось невероятно трудным делом. Связанная королева лишь с большим трудом могла проводить ремни из сыромятной кожи, стягивающие ее запястья, по лезвию кинжала. Освободить лодыжки ей удалось сравнительно легко, крепко сжимая кинжал одной рукой, но когда дело дошло до перепиливания пут на руках... Это оказалось для нее болезненным и утомительным делом. К тому же работа шла чрезвычайно медленно, потому что кинжал то и дело выскальзывал из сжимавших его колен и падал на пол. Наконец, после долгого, мучительного труда она почти освободилась. Между ней и свободой оставался только один ремень из крепкой кожи... И тут она увидела, что лежавший без сознания Зандар Занд пошевелился и стал подниматься!

Машинально вцепившись в рукоятку кинжала, она окаменела и безвольно смотрела, как Зандер Занд встал на ноги и провел рукой по окровавленному лбу. На его лице возникло выражение удивления... А потом, когда он увидел Соомию с ножом в руке, взгляд его неожиданно прояснился.

Выругавшись, Зандар Занд бросился на женщину, выбил кинжал из ее полупарализованных рук, отшвырнул его к противоположной стене кабины воллера. После этого он швырнул королеву на койку, предупредив, чтобы она помалкивала и не двигалась. Потом он стремглав метнулся к штурвалу. Сколько времени воллер мчался сквозь ночь без всякого управления? Насколько далеко они залетели? Где они сейчас?

Увы, гирокомпас летающего корабля вдребезги разбился, когда оглушенный вор рухнул на пульт управления. С исчезновением компаса он теперь никак не мог узнать, ни где они находятся, ни в каком направлении летят.

Судно вслепую мчалось в густом тумане над незнакомой местностью...

Когда воллер с пленной королевой нырнул в плотную, напоминающую гору стену облаков и скрылся, Тонгора охватило отчаяние. Он отлично понимал, что спрятавшемуся кораблю ничего не стоит отклониться от прямого курса и улететь в любом направлении, к своей тайной цели, а он даже и не заподозрит об этом. При всей своей силе и находчивости Тонгор никак не мог этого предотвратить.

И ничего не мог сделать.

Но могучий варвар не для того преодолел десять тысяч опасностей, чтобы теперь сдаться, покорно склонив голову перед насмехавшейся судьбой. Выдохнув дикую молитву Отцу Горму, звучавшую, скорее, как брань, Тонгор направил свое суденышко в клубящийся мрак, нырнув прямо в туман вслед за своей дичью.

И почти сразу поле его зрения сузилось до границ собственного воллера. Густые облака словно опустившиеся веки закрыли его ястребиные глаза, скрыли усыпанное звездами небо и огромную золотую луну Лемурии. Тонгор летел дальше и дальше сквозь тьму, словно сквозь море чернил.

В море тумана исчезла и земля. В самом деле, даже если б он помнил те немногие карты этой местности, что изучал когда-то, он все равно не смог бы сказать, где сейчас пролетает. Он мог лететь где угодно: над холмами, над равнинами, над лесом или джунглями, над каменистой пустошью и над бесплодной пустыней, а то и над тяжелыми волнами Яхен-зеб-Чуна, Южного моря!

Клубящиеся испарения, вившиеся вокруг его летучего корабля, хлестали по прозрачным окнам, словно дымные змеи... Тонгор пытался разглядеть хотя бы самый слабый отблеск обшивки воллера, погоня за которым увела его так далеко от Патанги... Но тщетно его бешеные, золотистые, ястребиные глаза высматривали, в какую сторону удрала его ловкая дичь.

Соомия, сжавшись, лежала на койке, пока Зандар Занд боролся с управлением. Она следила за тем, как гибкий молодой человек, наклонившись вперед, пытался хоть что-то разглядеть в надвигающемся мраке. Вор последними словами клял беско-

нечную облачную массу, в которую нырнул его воллер, поскольку теперь потерял всякое ощущение направления и не знал, куда его несет машина. Вор Тсаргола не знал также, что сталось с тем кораблем, который так настойчиво гнался за ними все эти бессчетные лиги — с того самого часа, как он увез королеву из ее златокаменного города. И теперь каждая секунда полета могла приближать их к неведомому преследователю, унося все дальше и дальше от безопасного Тсаргола. В этой темноте... как он мог узнать?

Когда королева увидела, что лежавший без сознания похититель очнулся, ее парализовал ужас. Постепенно к ней вернулась способность мыслить... Она осознала, что, почти освободившись от пут, имела неплохие шансы снова нанести удар своему похитителю, может, даже развернуть судно, направив его обратно в свое королевство, к надежному убежищу в объятиях Тонгора. Соомия твердо решила попытаться сделать это, так как, бездействуя, все равно ничего не добиться. Даже смерть казалась ей предпочтительнее плена. А королева знала, что человек в черном не собирается ее убивать. Иначе он сделал бы это давным-давно.

Затравленно обводя взглядом кабину, она вдруг что-то заметила на другой стороне узкой койки: в глаза женщине сверкнул ледяной блеск обнаженной стали.

Кинжал!

Он лежал у противоположной стены, там, куда его отшвырнул Зандар Зан, выбив из рук Соомии всего несколько мгновений назад.

В юном сердце королевы шевельнулось сомнение. Сможет ли она добраться до кинжала, прежде чем вор в черном заметит ее движение и повернется, чтобы снова связать ее? Соомия решительно выпятила твердый маленький подбородок. Она должна попытаться! Хотя ей сильно мешал ремень, стягивающий запястья, она решила попробовать поднять кинжал и вонзить его меж лопаток похитителя, иначе кошмар плена никогда не кончится.

Двигаясь бесшумно, словно призрак, Соомия поднялась с койки и застыла без движения, не сводя испуганного взгляда со спины вора. Тот по-прежнему был занят управлением, а если и заметил, что она встала, то ничем не выдал этого. Королева стала тихонько пробираться через кабину. Та была узкой — всего несколько локтей, но даже такое расстояние показалось

Соомии бесконечным. Теперь она радовалась тому, что в первую очередь разрезала путы на ногах: будь ее ноги по-прежнему связаны, она не смогла бы бесшумно пересечь кабину.

Оказавшись у койки, саркайя наклонилась и схватила кинжал. В этот миг Судьба снова коснулась ее своей темной рукой. Случайный порыв ветра качнул корабль — так, самую малость, но этого оказалось достаточно, чтобы Соомия тяжело упала, ударившись спиной о стену кабины. И, упав, она невольно вскрикнула...

Стремительно обернувшись на ее крик, Зандар Занд сразу заметил кинжал в связанных руках женщины. Его лицо исказилось в гримасе ледяной ярости. Зарычав, он бросился на Соомию, словно дикий черный вандар.

Они боролись в раскачивающейся кабине. Соомия, с силой, порожденной полным отчаянием, извивалась и крутилась, словно змея, ловко лягаясь и пытаясь ударить кинжалом в лицо Зандара Зана. Но вместо этого тонкий клинок, описав дугу, угодил вору выше локтя, рассек траурно-черную одежду и оголил бронзовую кожу, по которой острая как бритва сталь прочертила алую полосу.

Ругнувшись, вор обхватил королеву длинными сильными руками за предплечья и попытался вырвать у нее кинжал.

В пылу борьбы никто из них не увидел приближающейся опасности.

Воздушный корабль теперь летел над неведомыми горами Ардата. Ветры, ревевшие, словно демоны, среди острых пиков, разметали окутывавшие воллер облака, и в их разрывах показалось чистое ночное небо. Где-то впереди лежали густые джунгли, расколотые скалы и высокие утесы, а за ними на неведомом востоке — бескрайние равнины легендарных синекожих кочевников. Но не это заставило бы сердца Зандара Занда и Соомии похолодеть от страха, если б они мельком взглянули в окно.

То, что неожиданно оказалось прямо на пути воллера, можно было бы сравнить с чудовищным кошмаром горячечного сна.

Звездное небо пронзала гора с фантастической вершиной из остроконечных скал. Гора из черного мрамора, огромная, темная, ужасная...

Гора Смерти!

Самая высокая из всех гор древней Лемурии, она вздымалась в ночное небо, словно стена тьмы. Глыба холодного мрамо-

ра, возвышающаяся над землей больше, чем на пять тысяч локтей.

Вот прямо на нее и мчался неуправляемый корабль. В маленькой, тесной кабинке яростно дрались Зандар Занд и Соомия, не ведавшие о каменной стене, к которой неслось их судно. Гибкая, как тигрица, женщина старалась не только удержать кинжал, но и при первой же возможности вонзить его в незащищенную грудь своего похитителя, а Зандар Занд выламывал ей руки, силясь отнять опасный клинок. Даже если бы они и хотели, то все равно не могли бы уделить ни мгновения на раздумья о том, что же творится снаружи.

А тем временем воздушное судно продолжало лететь, словно обломок железной стружки, с неудержимой силой притягиваемый к громадному магниту, словно щепка, увлекаемая в клубящуюся воронку водоворота. Беспомощный кораблик приближался к мраморной горе... и с грохотом врезался в непреодолимую преграду.

Тонгор так и не узнал, сколько времени изучал он затянутое облаками небо в поисках каких-нибудь следов другого судна. Казалось, прошли годы. Он чувствовал себя, приговоренным всю жизнь искать свою суженую, двигаясь по расширяющейся спирали в сплошной мгле. Правильно ли он поступал? Не повернул ли хитрый похититель назад, скрывшись в тумане от преследования? Не кружил ли Тонгор напрасно в пасмурных небесах над неведомой Ниангой?

Тут неожиданно бешеные ветры разорвали завесу тумана, и Тонгор оказался под ясным небом, с которого светили крупные звезды и огромный фонарь луны. Под килем его воллера замелькала ломаная линия диких горных пиков. Впереди выросла огромная черная гора, и потрясенный валькар заметил ускользнувший от него в тумане корабль: пока он сидел, беспомощно сжав кулаки, серебряная стрела врезалась в утес и разлетелась тучей сверкающих осколков!

Даже на таком расстоянии удар выглядел устрашающе. Всего один миг — и вот на месте летающего корабля осталось лишь облако мелких частиц урилиума. Звук удара напомнил Тонгору грохот тысячи стальных мечей, разом ударивших о тысячу щитов.

За мгновение до столкновения Тонгор увидел, как кто-то выпрыгнул из кабины и рухнул в бездну тьмы. Тело исчезло столь стремительно, что валькар не смог различить, кому оно

принадлежало — мужчине или женщине. Значит, другой, кто бы он ни был, остался в летающем корабле и наверняка должен был погибнуть при столкновении: человеческая плоть не могла бы выдержать такого неистового удара.

Со стоном рванув рычаг управления, Тонгор заставил свое суденышко притормозить, описав резкий полукруг. Он направился к месту столкновения, к точке, где на черном мраморе утеса светился круг, оставленный невесомыми обломками урилиума. Когда он подлетал к месту катастрофы, сердце его терзала лишь одна мучительная мысль: «Из воллера выпал только один человек. Лишь один человек мог пережить катастрофу».

Но кто? Женщина, которую он любил, или враг, который ее похитил?

Тонгор не знал, что этот вопрос еще долго останется без ответа.

Глава 5
НА ГРАНИ УЖАСА

Угрюмо высится там черная гора,
Вздымая гребень свой раздвоенный и дикий
Вратами в край неведомый.
Когда придет пора,
Послужат два пронзивших небо пика.

Сага о Тонгоре, XV

Воллер Тонгора медленно поплыл к обломкам судна, на котором Зандар Занд увез королеву Соомию. Искореженные обломки покачивались в воздухе возле отвесной стены черного утеса, бросая вызов силам тяготения: даже разбитая вдребезги, обшивка по-прежнему сохраняла сверхъестественную способность волшебного металла сопротивляться притяжению земли.

Все медленнее вращались винты. Корабль по инерции пролетел еще немного и остановился возле разбитого корпуса. Тонгор закрепил штурвал и вышел на маленькую палубу своего суденышка, которое плавно, точно лодка в море, покачивалось от шагов.

Луна теперь очистилась от туч, но даже ее яркий свет не мог проникнуть в спутанные и сплющенные обломки другого судна. Тонгор не мог разобрать, находится ли внутри разбитой кабины один из пассажиров. Валькар твердо решил перебраться на ко-

рабль Соомии и внимательно осмотреть обломки. Но сначала следовало позаботиться о собственном судне. Размотав на задней части палубы якорный канат, валькар причалил свое судно к скале и привязал его к каменному выступу в нескольких локтях над палубой. Испытав канат, он понял, что легкий складной крюк-«кошка» плотно застрял в щели между двумя валунами — если корабль унесут свистящие вокруг Черной Горы восходящие потоки, Тонгор, оказавшись так далеко от дома, будет совершенно беспомощным.

Убедившись в надежности причального каната, великан-варвар перешагнул через невысокие поручни, ограждавшие палубу. Удар о каменную стену сплющил острый нос суденышка Соомии, и теперь он напоминал какую-то безумную стальную розу с раскрытыми лепестками. Вот эти-то раскрытые листья металла и удерживали у скалы то, что осталось от обломков воллера. Плотно вбитые и вмятые в неровности отвесной стены, они служили якорем разбитому судну, напоминавшему трупик прилипшего к стене насекомого, прихлопнутого рукой гиганта.

Корабль очень сильно пострадал. Вокруг него плавало облако из урилиумных обломков. Современная картина разрушения на фоне дикой, бесплодной, гористой страны, в сердце которой поднимался пилон Горы Смерти, походивший на какое-то колоссальное строение посреди стертого с лица земли города, некогда воздвигнутого титанами. И всю эту сцену освещал золотистый лунный свет. Фантастический ландшафт из сновидений, порожденных бредом.

Тонгор осторожно перебрался на обломки. Кабина воллера саркайи сплющилась, а корма загнулась вверх почти под прямым углом к своему обычному положению и застыла перпендикулярно, наглухо закрыв вход в кабину с задней части корабля. Со сноровкой, приобретенной еще в детстве, когда он жил среди диких кланов ледяного севера Лемурийского континента, Тонгор забрался на крышу кабины, чтобы определить, не сможет ли он проникнуть в салон спереди.

Это было рискованным предприятием. Разбитый воздушный корабль держался у скалы лишь благодаря давлению погнутых листов обивки, и вес Тонгора заставил обломки ненадежно заколыхаться. Того гляди воллер в любой момент мог отцепиться от скалы, закружиться в воздухе и сбросить тело валькара вниз, в лапы страшной смерти на дне темной пропасти. Но природная

гибкость, отточенная Тонгором на отвесных ледниках своей родины, сослужила ему теперь хорошую службу. Он карабкался по останкам судна с безошибочной уверенностью снежной обезьяны.

Добравшись до носа разбитого судна, он обнаружил, что всего несколькими локтями выше вдоль скалы тянется узкий карниз. Оценив состояние корабля, воин решил, что сможет проникнуть в сплющенную кабину через один из иллюминаторов, если предварительно выберется на карниз... И поэтому Тонгор перелез на скалу.

Увы! Этот шаг оказался роковым.

Потянувшись к карнизу, Тонгор непроизвольно толкнул разбитое судно. И этого толчка оказалось достаточно, чтобы листы обшивки отцепились от скалы!

С ощущением полной безнадежности варвар смотрел, как воллер Соомии со страшным металлическим скрежетом рвущегося металла отделился от скалы и поплыл по воздуху, дрейфуя над пропастью, оставив Тонгора на карнизе.

На мгновение сарк решил было прыгнуть через разделившее их пространство в надежде ухватиться за обломки, но тут же понял, что такая попытка не имела никаких шансов на успех. Воздушные потоки, поднимавшиеся из бездны, подхватили покореженный корабль, и он быстро уплыл за пределы досягаемости, подгоняемый порывами ледяного ветра, хозяйничавшего в верхних слоях атмосферы.

Никогда в своей наполненной тысячами опасностей жизни Тонгор не оказывался в более ужасной ситуации!

На первый взгляд его положение казалось совершенно безнадежным. Карниз, на котором стоял валькар, прижимаясь спиной к стене из черного влажного камня, едва ли был больше трети локтя в ширину. Протянувшись всего на пару локтей в длину, он обрывался в бездну, а дальше простиралась гладкая как стекло скала без каких бы то ни было выступов, за которые можно было бы уцепиться. А то, что скрывалось ниже, Тонгор не мог разглядеть, опасаясь потерять равновесие.

Распластавшись на отвесной скале, он оказался на крошечном выступе в сотнях локтей над землей. Единственное, что ему оставалось — это рухнуть вниз, в манящую бездну. Тонгор чувствовал себя совершенно беспомощным. Похоже, что ему не избежать смерти на острых камнях у подножия скалы...

Считалось, что дикое сердце Тонгора из племени валькаров никогда не знало ледяного прикосновения страха. Неправда! Разве есть на свете хотя бы один человек, не ощутивший влажного дыхания ужаса? Могучий северянин наверняка был похрабрее большинства людей, победил сонмы врагов и одолел больше опасностей, чем дано испытать обычному человеку, он в этот страшный час понял, что никогда раньше не попадал в более безвыходное положение.

Его единственное средство спасения, летучий корабль, причаленный в нескольких локтях справа, плавал в воздухе над головой Тонгора. Однако, оценивая свое положение, валькар понимал, что этот очевидный путь к спасению — за пределами досягаемости. Если б корабль находился на несколько локтей поближе, Тонгор рискнул бы сделать отчаянный прыжок... но тот плавал слишком далеко. Прижавшись спиной к утесу, Тонгор с мрачной отрешенностью осознал, что ему никак не одолеть и половины расстояния до палубы. Он непременно упадет в темные глубины, вниз...

Похоже, никакого выхода не было.

Или... все-таки?..

Неожиданно северянин заметил, что яростные порывы ветра снизу все сильней раскачивают его судно. Прямо у него на глазах поручни палубы оказались на несколько локтей ближе. Корабль как маятник раскачивался на конце якорного каната.

Тонгор подобрался. Его бесстрастное лицо напоминало бронзовую маску. Могучие мускулы ног напряглись, сжавшиеся мышцы взбугрились, собирая силу в могучей спине и плечах. Мощные руки, распластанные, прижатые к холодному влажному камню, медленно опустились, готовые оттолкнуть его тело от скалы в отчаянной попытке добраться до безопасного места... своего судна.

И тут произошла новая катастрофа.

Воллер, который ветер швырял из стороны в сторону, сорвался с якоря! Крюк со скрежетом скользнул по крошащемуся камню и отцепился... Корабль подхватили восходящие потоки воздуха и понесли вверх — туда, где его мог достать только орел.

Свет померк в глазах Тонгора. Если кто и имел право на черное отчаяние, так это Тонгор из валькаров, сарк Патанги.

«Наверное, самым разумным было бы не цепляться за скалу, а прыгнуть в пропасть и положить конец мукам, разрывающим душу»,— думал валькар. По лицу Тонгора струился холодный

пот, туманя золотистые глаза, взгляд которых продолжал беспокойно обшаривать пространство, что роднило валькара с дикой кошкой джунглей, угодившей в западню и теперь высматривающей выход из этого опасного положения. Но нет... нет... Со свойственным варвару презрением к опасности и чем-то вроде инстинкта самосохранения, присущего цивилизованному человеку, Тонгор твердо знал, что никогда не сможет добровольно расстаться с жизнью.

Он прекрасно понимал, что ему суждено оставаться на хлипком карнизе еще долгие, изнурительные часы, пока могучее тело не одолеет усталость. А тогда у него подкосятся ноги, и он — против своей воли — упадет в объятия смерти.

Чуть склонив голову, так чтобы ветер откинул со лба гриву волос, он мысленно препоручил себя заботам Отца Горма — бога своего варварского народа.

Сколько времени длилось это бездумное отчаяние? Неожиданно Тонгор словно очнулся. Он все еще стоял над бездной — стальные мышцы превосходно натренированного тела помогали валькару сохранять равновесие на узком карнизе даже в беспамятстве. Что же привлекло его внимание? Тут он опять увидел это.

Вдалеке блеснул серебристый металл. Корабль!

Случайный каприз переменчивых ветров снова пригнал назад его странствующее судно и обломки корабля Соомии. Напрягая все нервы в стремлении сохранить спокойствие, несмотря на охватившую его внезапную дрожь от облегчения и зародившейся надежды, Тонгор осторожно повернул голову направо.

Там, на расстоянии десятка локтей, дрейфовал воллер. На какое-то время воздушные потоки утихли, и воллер замер. Но пока он находился слишком далеко, чтобы до него можно было допрыгнуть. Ветер поднес его так близко к скалам, что передние несущие винты, выступающие с обеих сторон под носом, слегка скребли по отвесной стене влажного черного камня. Если б этот крошечный карниз оказался подлиннее всего на несколько локтей, Тонгор смог бы добраться до судна и без всякого прыжка...

А вдруг, если Тонгор еще чуть-чуть подождет, воздушные потоки подгонят воллер еще ближе?

И в самом деле, в судно ударил случайный восходящий поток, толкнувший воллер к Тонгору, и тот, по-прежнему тыкаясь носом в скалу, словно теленок в бок своей матери, переместился еще на пару локтей.

Мускулы Тонгора снова напряглись, собирая силу для прыжка.

Ожидание казалось почти нестерпимым. Валькар чувствовал, как ноги его начинают дрожать. Напряженные мышцы трепетали от усталости. С трудом валькар сохранял неестественную позу.

И тут, как раз когда Тонгор собирался прыгнуть, яростный порыв ветра подхватил воллер и подбросил его высоко вверх. Такой каприз судьбы едва не разбил сердце варвара.

Задрав голову, он увидел, что корабль теперь находится на идеальной линии для прыжка... но в шестидесяти локтях выше, чем необходимо.

А потом он увидел нечто удивительное!

Со скалы на борт его судна прыгнул человек, закутанный в черный порванный плащ.

Очевидно, при катастрофе незнакомец, похитивший Соомию, попал на более широкий карниз, расположенный ближе к вершине утеса. Для неизвестного несчастье, лишившее Тонгора надежды, оказалось невероятной удачей.

Этим человеком в черном был не кто иной, как Зандар Занд — вор из Тсаргола. Выброшенный вверх, когда похищенный им воллер врезался в гору, вор все это время пролежал на карнизе, оглушенный, без сознания. Но он успел вовремя прийти в себя, чтобы понять всю опасность своего положения. Случай, принесший к его уступу воллер Тонгора, оказался желанной удачей. Зандар Занд, не теряя времени, перебрался через поручни палубы и взялся за штурвал. Разблокировав управление, он запустил винты, уводя воздушный корабль прочь от опасной горы. Он так и не заметил Тонгора, распластавшегося на карнизе далеко внизу. Вор посчитал, что это тот самый воллер, на котором прилетел он сам, поскольку внешне оба судна не отличались друг от друга. Потеряв сознание от удара, Зандар Занд так и не понял, что его корабль столкнулся со скалой.

Хотя Зандар Занд и не видел Тонгора, валькар отлично разглядел похитителя и понял, почему его судно описало широкую дугу. В могучее сердце Тонгора прокралось отчаяние. Он узнал мерзавца унесшего его королеву несколько часов назад из далекой Патанги, а нынче он узнал и его корабль.

Но самое гловное состояло в том, что теперь Тонгор точно знал — фигура, упавшая вниз, в темную бездну, его возлюбленная!

Значит, Соомия наверняка погибла. Ни один смертный не смог бы пережить падение с подобной высоты.

Отупело, с болью в сердце смотрел усталый валькар, как его воллер скользит вновь по затянутому тучами темному небу и, постепенно уменьшаясь, исчезает из виду.

Теперь Тонгор остался один и без всякой надежды.

Внезапно к вою ветра присоединился звук крошащегося камня!

Тонгор почувствовал, как скала под его ногами шевельнулась. Кровь застыла у него в жилах. Узкий каменный выступ, на котором он стоял, начал... подаваться под тяжестью тела варвара.

Тонгор затаил дыхание в надежде, что никаких дальнейших изменений не случится. Но судьба опять посмеялась над ним. Раздался зловещий скрежет камня о камень. Снова он почувствовал, как скала дрогнула под ногами. Пальцы заскользили по гладкой стене.

Посмотрев вниз, Тонгор увидел, как из-под ног, крутясь, улетают камешки в черную бездну. За ними последовала струйка пыли, и холодный ветер донес до его напряженного слуха удары каменных обломков далеко внизу.

Тонгор яростно стиснул зубы. Он знал, что смерть близка — возможно, ему осталось жить всего ничего. Узкий карниз у него под ногами мог обвалиться в любой момент, и Тонгор ничем не мог этому помешать. Вся его сила, смелость и воинское умение оказались бесполезными. Его жизнь отмеряла последние мгновения... А потом — в черные глубины далеко внизу. Там он присоединится к окровавленному телу любимой Соомии.

Но Тонгор не назывался бы Тонгором, если бы покорно уступил превосходящей силе. В течение всей своей трудной, насыщенной опасностями жизни он не раз оказывался в безвыходном положении, где единственно разумным решением было бы отступить.

Но никогда раньше он этого не делал. Тонгор всегда бросался в самую пасть опасности в безумной попытке бросить вызов Судьбе и вырвать свою жизнь из клыков смерти. Он твердо решил поступить так и сейчас. Чем дожидаться, когда карниз рухнет и полетит в бездну, стоит прыгнуть с утеса, погибнув по собственной воле, каким бы глупым и отчаянным ни выглядел этот поступок.

Собрав все свои силы, раскачиваясь на самом краю гибели, Тонгор в последний раз прошептал имя своей жены...

А потом прыгнул в зияющую пустоту.

Глава 6
ШАНГОТ ИЗ НАРОДА КОЧЕВНИКОВ

Мы — путники равнин, и наша песня
Над гордыми просторами звучит —
О том, как в бесконечном поднебесье
Дракон в закат рубиновый летит,
О том, как опускаются туманы
И травы клонит ветер до земли,
О том, как бродят наши караваны
В степях бескрайних словно корабли...

Песня кочевников джегга

Весь день Шангот охотился на крупного зульфара. Он выгнал могучего зверя из зарослей камыша возле безымянной реки, но страшный лемурийский кабан напал на него с такой стремительностью, что воину удалось метнуть лишь один из дротиков, которые носил в колчане за плечами. Легкое копье вонзилось свирепому старому зульфару в лохматый бок, вместо того чтобы проколоть его маленькое злое сердце. Может быть, это еще один знак немилости Богов?

Если дело обстояло именно так, то Шангот мог обезвредить черное предзнаменование, лишь убив раненого зульфара. И поэтому он отправился следом за ним легким пружинистым шагом, глотавшим пустые просторы бездорожной равнины.

Кабан убежал на запад — уж это-то можно было с легкостью вычислить по примятым камышам и взрытой копытами земле. Позже, когда степная трава поредела, переходя в давно высохшее болото, след взбешенного убегающего животного почти исчез. К счастью, дротик вонзился глубоко, и на мох тундры брызгала красная кровь, оставляя алый след, которого мог не заметить только слепец. Поэтому Шангот с легкостью шел по следу кабана. Медленно ползло время. Солнце спускалось по огромному голубому куполу безоблачного неба.

Никто не смог бы идти так долго и с такой скоростью, как Шангот. Этот воин не принадлежал к изнеженным отпрыскам городов, а являлся одним из легендарных кочевников Лемурии, истинным сыном расы, давно исчезнувшей с лица Земли за много миллионов лет до начала истории. Рост его достигал вось-

ми локтей, а одеждой служили лишь ремни из драконьей кожи. Перекрестия ремней украшали фантастические самоцветы и диски драгоценных металлов. Телосложением Шангот напоминал сказочного гладиатора: плечи невероятной ширины, а бицепсы толще, чем талия современного горожанина. Мощный костяк охотника покрывали колоссальные мышцы, и в сплетении их бугров и впадин дремала железная сила. Шангот с легкостью мог голыми руками разорвать врага пополам или метнуть охотничий дротик на тысячу шагов.

Тело Шангота из племени синих кочевников было совершенно безволосым, череп — гладким, как яйцо, а выпуклая грудь походила на обтянутый дубленой кожей щит. Сбоку, на широком поясе, стягивающем талию, висел огромный боевой топор, по другую сторону покачивался ятаган. К наплечным ремням был пристегнут колчан с дюжиной металлических дротиков. Всем этим оружием Шангот владел с мастерством, неведомым воинам нашего времени. Жизнь кочевника зависит от его способности защитить себя; свою семью или свой клан, и поэтому на опасность он должен реагировать мгновенно, без колебаний или заминок. Поэтому все кочевники, и мужского и женского пола, начинали учиться владеть оружием практически с младенчества, причем дети племени, годы которых не превышали количества пальцев одной руки, упражнялись с боевым оружием такого веса, какой большинство нынешних взрослых одолели бы с трудом.

Сколько Шангот себя помнил, он постоянно держал в руке ятаган или одну из больших секир. В любой момент его жизни оружие всегда находилось не дальше чем на расстоянии вытянутой руки. Такой тесный контакт порождает почти невероятное мастерство. Прибавьте к этому умению сверхчеловеческую силу синекожих великанов, и вы получите воина, равных которому не найдется на самых кровавых страницах человеческой истории.

Жизнь на великих восточных равнинах Лемурии — почти непрерывная война: война со свирепыми зверями, что бродят по бескрайним степям, с гигантским дварком, забредающим иногда на равнину, покидая южные джунгли, или с ужасным поа, речным драконом древней Лемурии. Тут с небес могут камнем обрушиться вам на голову ящеры — перепончатокрылые птеродактили — уцелевшие со времен юрского периода. А среди высоких трав таятся злые цветы слиты, дожидаясь, когда выпадет возможность утолить свою вампирскую жажду, выпив кровь

неосторожного путника, забредшего в зону досягаемости их наркотических, парализующих рассудок запахов. На просторах мрачных пустынь юга, где вековые развалины самых древних городов человека вздымают изъеденные временем обломки к холодно усмехающимся неярким звездам, там в поисках человеческого мяса ползают страшные слорги... Ужас песков... Злобные змеи с головами женщин ... Они приползают из сердца пустынь, которых избегают смертные, из мест, лежащих под вечным проклятием Девятнадцати Богов.

Кроме этих чудовищ там водится самый свирепый из всех зверей — человек. Ибо кочевники — отнюдь не единый народ. Все синие кочевники — враги друг другу. Племя выступает против племени, ведя бесконечные войны. Такое состояние бесконечной вражды длится бессчетные тысячелетия с самого начала всего сущего. Соединись тысяча воинственных кланов синекожих кочевников в единый союз, и здесь, на равнинах востока, среди обломков первых царств человека, могла бы сложиться могучая империя. Но война, нескончаемая, вечная, без остановок и перемирий, стала для кочевников образом жизни. Но будет ли так продолжаться до тех пор, пока, наконец, дремлющие глубоко под корой Лемурии вулканические фурии не проснутся и не восстанут, раскалывая на куски древнюю землю, погружая загадочный континент в Синее море?

Закат застал Шангота все еще шагающим по следу раненого зульфара. Даже наступление темноты не заставило молодого воина отклониться от намеченного пути...

Шангот являлся принцем своего клана. Его отец, Джомдат из племени джегга, великий вождь кочевников, всего несколько дней назад стал жертвой заговора: коварный враг хитростью заставил старейшин выступить против отца Шангота, изгнав его из племени. Это означало смерть: кто смог бы долго выжить в одиночку, без помощи, окруженный сонмом природных врагов — хищников, рыщущих по этим равнинам? Поэтому-то Шангот предпочел отправиться в изгнание вместе с отцом, чтобы поддержать его и помочь пожилому вождю освоиться с первобытными условиями жизни, которые наверняка привели бы его к смерти. А в это время в стойбище клана на развалинах древнего Альтаара правил узурпатор. Принц Шангот поклялся отомстить врагу своего отца. Могущественный и порочный шаман Тэнгри умрет от его руки... Шангот поклялся в этом Богам, которым поклонялся его народ...

Кровавый след зульфара привел Шангота на опушку великих джунглей. Шангот остановился и окинул взглядом стену деревьев. Его народ, обитавший на бескрайних равнинах, избегал углубляться в леса. Но след раненого зульфара вел в подлесок, и значит, охотнику придется отправиться туда. Высоко в небо вздымались стволы огромных деревьев с папоротниковыми ваями вместо листьев — пурпурные джанибары, малиновые лотиферы, фантастические древовидные папоротники, которые мы сегодня называем кикидами,— великаны джунглей, существовавшие в сумрачные времена раннего плейстоцена, в те времена, когда процветала лемурийская цивилизация. За джунглями высились далекие горы. А дальше простиралось темно-малиновое небо с мрачными, клубящимися грозовыми облаками.

Шангот на мгновение задержался, а потом нырнул в джунгли. Ему показалось, что он перешагнул магическую границу, разделявшую два враждебных мира.

В джунглях царил таинственный зеленый полумрак. Лишь изредка слабый малиновый луч света пробивался сквозь густо сплетенный полог ветвей высоко над безволосой головой Шангота. Вокруг него простирался неясный, странный мир безмолвия, нарушаемого лишь тихими шорохами... мир непроницаемого мрака, в котором иной раз загорались светящиеся глаза какой-нибудь твари. Со всех сторон подступали тени, странно колеблющиеся, пугающие, приводящие в дрожь. И в этом сумраке поднимались ввысь чешуйчатые стволы деревьев темно-пурпурного и малинового цвета. Случайно проскользнувшие сквозь листву лучи солнца вспыхивали на лепестках удивительных цветов, похожих на скопление самоцветов и испускавших мощную смесь головокружительных запахов. Если бы Шангот когда-нибудь видел храм, эти стволы напомнили бы ему величественные колонны, а ароматы леса — фимиамы курильниц.

Однако кровавый след вел все дальше и дальше в глубь джунглей.

Вокруг цвели фантастические цветы. Тиралонсы — странные зеленые розы Лемурии — колыхались на шелестящем ветерке. Цветы сонного лотоса с крикливо-яркими лепестками наполняли насыщенный влагой воздух одуряющими наркотическими парами. Лианы-кровососы свисали с укутанных тенями ветвей, словно чудовищные змеи, стремясь прикоснуться к какому-нибудь живому существу своими полыми колючками.

Шангот не знал всего этого, но если бы он случайно задел смертоносные черные сплетения, они обвились бы вокруг его тела словно спутанные живые цепи, проколов кожу и глубоко вонзив шипы в вожделенную плоть. И синий человек стал бы беспомощно болтаться в их объятиях, покуда из его тела не выкачали бы всю кровь до последней капли.

Шангот пробирался сквозь густые заросли между чешуйчатыми стволами уверенной и бесшумной поступью, словно крупная кошка джунглей. Держа наготове дротик, он изучал нефритовый сумрак острым взглядом, прислушиваясь и принюхиваясь. Кочевник догадывался, что в джунглях полным-полно враждебных существ. Здесь бродили свирепые гигантские вандары — огромные черные львы. Зачастую они достигали двенадцати локтей в длину и считались опаснее саблезубых тигров Центральной Азии. Здесь же таился ужасный деодас — дракон мира джунглей, который из-за своих трех сердец и двойного мозга был практически бессмертен. И самый жуткий зверь из всех, разгуливавших по древнему миру, тоже обитал именно здесь — колоссальный дварк, названный народом джунглей «Королем Ужасов». Мы, представители машинной цивилизации, обозначали его как Tyrannosaurus Rex и лишь по костям представляем себе, как выглядел самый чудовищный ящер древней эпохи. Каково же было первым людям, которые видели Короля Ужасов во всем титаническом великолепии его живой мощи?

Стемнело. На крыльях ночи налетела неистовая гроза. Воющие ветры рвали и хлестали высокие деревья, пропитав землю ледяным дождем. Молнии освещали клубящиеся черные тучи страшными вспышками фиолетового огня. В недрах этой грозы ревел, гремел, рокотал гром. Шангот прорубал себе путь сквозь черные ночные джунгли. Его огромный ятаган прокладывал тропу через подлесок. Народ Шангота, вечно скитавшийся огромными караванами по бескрайним равнинам, поклонялся богам грома и молнии, ветра и дождя, облаков, звезд и солнца, и поэтому, продолжая идти, Шангот выкрикивал заклинания, чтобы отвратить горящие копья Бога Грозы Дырма, повелителя грома и ледяных вихрей, и многокрылого Аарзота, повелителя ветра. И все же он продирался вперед, ибо недобитый зверь считался предвестником несчастий и знаком враждебного отношения богов к его роду.

Гроза тем временем поутихла, и, вытянув паутину неярких лучей, засияла в небесах золотая луна древней Лемурии. Шангот

пропел руны во славу богини Илланы, Владычицы Луны. Внезапно джунгли перед ним расступились, и то, что открылось изумленному взгляду воина, внушило ему первобытный, суеверный ужас.

Перед Шанготом расстилалось ровное зеркало черного озера, тянувшегося до подножия колоссальных гор, возносивших свои пики до горящих звезд. На востоке небо оставалось ясным, но на западе громоздились облака. И из этой стены курящихся испарений вылетел странный предмет, похожий на серебристого дракона. Он пронесся в свете звезд, словно брошенное кем-то копье, отражая гладкими боками золотой огонь луны. На глазах изумленного Шангота эта удивительная стрела с грохотом врезалась в грудь горы, но за миг до удара о гору из нее выпала какая-то крупинка и стала падать в неподвижное черное зеркало озера.

Крупинка напоминала человеческую фигурку, но падала столь стремительно, что Шангот, славившийся острым зрением, все же усомнился в этом.

Выйдя из джунглей, синекожий воин прошел по мокрым камням и черному песку туда, где ледяные мрачные воды лизали осклизлый берег. Ни секунды не колеблясь, кочевник погрузился в мертвенно-холодные объятия горного озера.

Искусство плавания неведомо синекожим великанам, разъезжающим на огромных колесницах по бескрайним равнинам. Однако принц, не раздумывая, ринулся в воду на поиски упавшего с неба тела. Набрав в могучие легкие побольше воздуха, он постарался как можно дальше проникнуть в черные глубины озера.

Холодная вода обожгла глаза, когда Шангот попытался оглядеться. Подводный мир напоминал замутненное стекло, но воин смутно различил медленно поднимающееся к поверхности светлое тело. «Женщина,— с удивлением понял Шангот.— Она летела на той штуке, что врезалась в черный утес».

Разведя в стороны могучие руки, Шангот устремился к телу, медленно всплывающему из глубины. Он мельком разглядел обнаженные белые руки и ноги, тонкие и обмякшие, и массу черных волос. Странная белая богиня с ночного неба из расы, неведомой его народу. Синекожий воин подобрался ближе.

Ни один смертный не смог бы пережить такого падения! Удар о воду наверняка выбил бы искру жизни из любого человеческого тела! Однако если женщина и в самом деле богиня из небесных чертогов, то ничто земное не могло причинить вреда ее бессмертной плоти.

Шангот, отчаянно работая руками и ногами, подплыл к незнакомке.

Но тут поднявшееся к поверхности тело королевы Соомии, похищенной жены Тонгора, заметил кое-кто еще.

В черных глубинах горного озера медленно распрямилось странное существо. Оно вытянуло свою хищную голову, увенчанную гребнем. Обострившиеся чувства сообщили воину, что в холодных водах озера скрывается опасность. Рептилия раскрыла зубастую пасть в предвкушении теплого мяса и горячей крови. Виток за витком, чудовище стало подниматься из глубин, подбираясь к добыче.

Это был поа, один из страшных речных драконов Лемурии, весьма крупный представитель этого ужасного вида — почти сотня локтей извивающихся стальных мускулов между шипастым кончиком хвоста и жуткой пастью, которая теперь распахнулась во всю ширь, готовая проглотить безжизненное тело. Махнув полупрозрачным плавником, поа поднялся на поверхность и, рассекая черные воды, устремился к Соомии.

Что же до Шангота, то речной дракон заметил приближение синекожего воина, но в змеином мозгу, обуреваемом только мыслью о невероятном голоде, не возникло и намека на возможную опасность. Мощная фигура великана-кочевника выглядела незначительной — просто карлик рядом с колоссальным, чудовищным змеем. Второй кусочек мяса — вот что подумал поа о синекожем воине.

Глава 7
ЖЕЗЛ СИЛЫ

Мозг совы и кровь дракона,
Сердце мыши полевой,
Яд змеи, перо вороны,
Шерсть овечки молодой...
Смесь понравится, я знаю,
Тем, кого я призываю...

Песня шамана

Шангот ударил поа! Его громадная секира врезалась в змеиную шею чудовища, чья разинутая клыкастая пасть тянулась

к телу потерявшей сознание женщины. Обезумевший от голода гигантский речной дракон сначала проигнорировал кочевника... но когда острый бронзовый клинок вонзился в сверкающую, полупрозрачную шкуру, перерубая канаты мускулов,— поа словно взорвался от ярости!

Он выпрыгнул на поверхность, вспенил темные воды озера, хлеща хвостом из стороны в сторону. Из страшной раны, оставленной секирой Шангота, по блестящей шее чудовища слизью потекла зеленая змеиная кровь, окрашивая тусклую воду мутным маревом. Что же касается кочевника, то он обхватил свободной рукой тело Соомии и приподнял ее голову над черной водой, так, чтоб она могла дышать, если в ней еще осталась хоть какая-то искра жизни. У Шангота нашелся лишь один миг, чтобы приготовиться к обороне, прежде чем его заметили горящие глаза поа. Когда змеиная голова метнулась к нему, синекожий воин вновь ушел под воду и поднял тяжелый бронзовый топор, готовясь отразить нападение. Вода смягчила удар, не дав топору обрушиться с полной силой, но, огромный и тяжелый, он все равно погрузился в шею дракона почти по топорище, как раз позади черепа.

Тварь могла бы мгновенно умереть, так как секира буквально раздавила крошечный мозг поа. Но жизнь упорно не желала покидать тело чудовища, и нервы исправно реагировали на болевой раздражитель. Когтистая лапа ударила Шангота прямо в грудь, вышибив воздух из легких гиганта. Тот, наверное, даже на несколько мгновений лишился сознания... Затем он понял, что покачивается на волнах, судорожно кашляя и изрыгая воду из рта и носа. Только чудом Шангот не утонул. Грудь кочевника сильно болела: ему даже показалось, что чудовище в предсмертном ударе сломало ему два или три ребра. И тем не менее, Шангот по-прежнему обвивал рукой талию Соомии, удерживая ее голову над вспенившейся водой.

Потом неукротимый кочевник кое-как добрался до берега, выполз на черный песок и рухнул от усталости рядом с бесчувственной Соомией. Долго он пролежал вот так, не двигаясь, давая отдых измученным мускулам, втягивая прохладный чистый воздух в ноющие легкие. Дракон — то ли убитый, то ли сильно покалеченный — вновь погрузился в черные глубины озера, видимо вернувшись в свою тайную подводную пещеру, свернулся там в безопасности и стал зализывать раны. А может, просто опустился на дно и умер.

К удивлению самого Шангота, он не особенно пострадал, хотя ребра болели всякий раз, когда он делал полный вдох. И все же он решил, что все кости целы, и со стоической выносливостью дикаря перестал обращать внимание на боль. Вместо этого он с интересом принялся разглядывать странное создание, спасенное им из ужасной пасти губителя глубин.

Шангот никогда не видел ни одного человека иной расы. Создание, оказавшееся в его власти, определенно было женщиной, но только это и роднило ее с женщинами его родного племени. Кочевника заворожила мягкая, нежная плоть ее полуобнаженного тела и жемчужная белизна кожи. У представителей его расы кожа была жесткая, словно дубленая шкура, синего или лилового цвета, настолько темного оттенка, что иногда казалась почти черной. Заинтриговали Шангота и волосы женщины. Ее длинные мокрые черные локоны растекались по плечам, почти достигая пояса. Такого кочевник никогда раньше не видел, поскольку головы его соплеменников — как у женщин, так и у мужчин — были одинаково голыми и безволосыми. Кроме того, его любопытство возбудила хрупкость фигуры спасенной. Женщины его расы немногим уступали в росте мужчинам, и Шанготу не доводилось видеть вполне взрослой женщины ниже шести-семи локтей ростом. По сравнению со знакомыми Шанготу массивными, могучими женщинами кочевников эта белокожая девушка с рассыпавшимися по плечам черными локонами и стройной фигурой выглядела маленькой и изящной, как эльф. Кочевник долго гадал, из какой же далекой страны она явилась и почему рискнула забраться так далеко от царства своего народа. В голове у него роились тысячи вопросов. Но, похоже, чудесное существо так никогда и не ответит ни на один из них. Шангот уже отказался от той мысли, что возникла у него, когда он увидел, как незнакомка упала со своей странной летающей колесницы. Теперь он твердо знал, что она не богиня, а обычная смертная женщина, хотя и сильно отличающаяся от любой, какую ему доводилось видеть и о какой случалось слышать. Наверняка ни одна богиня не лишилась бы сознания от удара о воду, и ее не потребовалось бы спасать от зубастой пасти поа!

Мертвенно-бледная женщина неподвижно лежала на влажном черном песке. Теплая кровь так и не прилила к ее бледным щекам. Прикрывавшие ее глаза густые черные ресницы ни разу не дрогнули. Ее кудрявые волосы были сырыми и прилипли к

белой коже. Сквозь прорехи в одежде виднелась бледная кожа тела, а сама одежда превратилась в промокшие, рваные тряпки. В серебристых лучах луны влажно блестели прикрывавшие ее грудь золотые чаши. Странная женщина, упавшая из неведомых небесных миров, видимо, разбилась насмерть. Никакое столь хрупкое и слабое на вид создание не смогло бы пережить страшного падения с огромной высоты.

Шангот с тяжелым сердцем поднял на могучие руки обмякшее, неподвижное тело и понес его в черные джунгли. Самое малое, что он еще мог сделать, так это похоронить незнакомку по обычаям своего народа. Нельзя допустить, чтобы такую красоту растерзали и разорвали на куски голодные звери. Нет... Он найдет в джунглях поляну, сложит там костер из сухого дерева и сожжет маленькое белое существо, чтобы его дух мог снова вознестись на неведомые небеса, где, быть может, находится его дом.

Нырнув в черные джунгли, Шангот не заметил, что золотые нагрудники незнакомки чуть-чуть поднимаются и опускаются в медленном, размеренном дыхании... Соомия не погибла, а лишь потеряла сознание. Но кочевник не разглядел этого и унес ее в темные глубины джунглей.

* * *

Джомдат из племени джегга замер на вершине невысокого пригорка позади лагеря, гадая, жив ли его сын. Вчера на рассвете Шангот отправился поохотиться на огромного зульфара, чьи следы они увидели прошлым вечером у водопоя. Весь день его сын не возвращался. Старый вождь прождал его всю долгую черную ночь. Теперь наступил рассвет, принеся с собой новый день, а принц до сих пор не вернулся.

Старый вождь кочевого племени джегга был человеком высоким и массивным, даже выше Шангота. Его великолепно сложенная фигура достигала девяти локтей. Одеждой ему служили позолоченные ремни, густо усыпанные редкими самоцветами и бляшками из драгоценных металлов. Стоя в золотых лучах утреннего солнца, опираясь на десятилоктевое копье из легкого металла и недвижно вглядываясь вдаль, он напоминал некоего варварского бога. Постарев под бременем королевской власти и бесконечных войны, а теперь вдобавок устав от забот и волнений изгнания, он не сгорбился и не ослабел. Благодаря каким-

то внутренним особенностям синекожие люди долго сохраняли юношеский задор. Старость же, когда она наконец настигала кочевника, наступала стремительно и опустошала тело за несколько дней. Но продолжительность жизни этих правивших огромными равнинами великанов измерялась столетиями, и Джомдат вполне мог прожить еще много лет, прежде чем силы его ослабнут, и темная рука Смерти погасит искру жизни... если какой-нибудь иной враг не сразит его раньше отмеренного срока.

А таких врагов у него имелось великое множество. Однажды они уже победили его, и могучий вождь мрачно стиснул зубы, вспоминая об этом. Сто с лишним зим правил он ордой в дни мира и войны и всегда делал это мудро и справедливо. Длинный караван металлических колесниц бродил по бескрайним степям, следуя за мигрирующими стадами, которыми кормилось их племя. Зимовали кочевники в разрушенных городах первых поселений человека, чьи рассыпавшиеся стены и обветшалые башни высились посреди пустынь — в городах древней Немедии, первого королевства, что поднималось у Безымянного моря, в незапамятно-древнем Альтааре и в разрушенном временем Кваре. А когда разгоралось пламя очередной войны, его народ удерживал свои владения, сражаясь с другими рохальскими кланами, бродившими по не нанесенным ни на одну карту равнинам. Во время боя кочевники ставили свои колесницы в тесный круг, натягивали тугие боевые луки и давали отпор нападавшим ордам врагов, воющих от боевого безумия. Враги, обычно раскрасив лица красной краской, атаковали стену колесниц и падали бездыханными возле их колес.

Но один хитрый и беспощадный враг все время строил козни за спиной вождя, стремясь скинуть Джомдата с престола и самому захватить корону. Этот злой, коварный человек был не воином, а колдуном — шаманом Тэнгри. Ходили слухи, что Тэнгри являлся прислужником могущественных темных владык, которые властвовали в Зааре — Городе Магов, расположенном далеко на юге, но много ли в этих словах правды, Джомдат не знал.

Однажды изобретательный шаман нашел-таки повод для недовольства и сумел восстановить кочевников против вождя. А случилось вот что. Среди дикого народа с варварскими обычаями и жестокими традициями, народа, предающегося искусству войны, только Джомдат и его сын, принц Шангот, понимали

значение таких устаревших слов, как «милосердие» и «доброта». Джомдат много раз избавлял пленных врагов от медленной смерти у столба пыток, милостиво даруя им быструю смерть. Это раздражало гордых воинов племени джегга. Хотя они и уважали старого вождя за мудрое руководство на охоте и во время кочевий, за смелость и изобретательность на войне и за справедливость беспристрастных решений в спорах из-за раздела богатства или женщин, но проявляемое им милосердие к пленным вызывало недовольство соплеменников. У них изощренность пытки считалась искусством, которое восхвалялось и ценилось. Кочевники хорошо помнили прежнего вождя, отца Джомдата, в умелых руках которого полтора века назад плененный вождь вражеского племени целый год испытывал адские муки, пока смерть наконец не забрала его изувеченное тело. Кочевникам не очень-то нравилось щепетильное мягкосердечие Джомдата. Чем больше он сдерживался и старался не применять неумеренной жестокости в отношении к беспомощным пленникам, тем больше начинали роптать его подданные.

Хитрый шаман ухватился за этот предлог и выступил против старого вождя. Его нашептывания, лукавые, хитрые намеки и шутки раздули недовольство воинов в пылающее пожарище, куда наконец и угодил Джомдат. Совет старейшин клана лишил старого вождя всех титулов и званий, изгнал его в степь, обрекая на одинокую смерть... Кто же сумел бы в одиночестве выжить в дикой степи? По равнинам бродили тысячи хищников, в схватке с которыми даже гигантской силы одного воина было бы недостаточно. Джомдат знал, что, будь воля Тэнгри, его б ни за что не отправили в изгнание. Шаман с удовольствием подверг бы Джомдата и его наследника Смерти Тысячи Ножей, чтобы насладиться кровавым концом своего врага. Но священные законы Богов говорили весьма недвусмысленно: законный вождь клана священен и неприкосновенен, даже если совет старейшин лишит его власти. Поэтому Джомдата изгнали из разрушенного города Альтаара, где сейчас располагалось лагерем племя. Его сын добровольно присоединился к нему.

Пока изгнанникам везло. Как-то им бросила вызов пара черногривых вандаров. Джомдат и его сын, вооружившись боевыми топорами, дали бой черному льву и его жестокой подруге. Больше ни один крупный хищник не осмелился напасть на них, живущих в одиночестве посреди дикой степи. Но со временем...

Джомдат беспокойно потянулся, разминая могучие руки. Его сын отправился вчера в этот же час на поиски зульфара, следы которого они видели около водопоя. Джомдат нисколько не боялся, что принц не сумеет одолеть кабана в открытом бою, даже если тот окажется матерым секачом. Каждый мальчишка-кочевник, проходя обряд посвящения в мужчины, должен был отправиться в одиночестве в дикую степь и убить зульфара — тотемного зверя кочевников джегга. Клыки этого зверя юноша носил на шее как ожерелье, добавляя к растущей цепочке клыки каждого добытого им зульфара, и среди кочевников джегга положение в обществе определялось длиной этого украшения. Юный Шангот носил уже десять таких клыков, представлявших пять убитых злобных лемурийских кабанов. Нет, на этот счет Джомдат не беспокоился. Но по равнинам бродило множество зверей. Некоторые из них были куда страшней огромного черного кабана. Если на Шангота напал один из ужасных ящеров... или один из сотрясающих землю драконов, что в те времена еще ходили по земле... тогда Джомдату и в самом деле стоило поволноваться за судьбу своего сына.

Но что за звук послышался вдруг за спиной вождя?

Джомдат быстро обернулся, но было уже слишком поздно. Могучие руки схватили его, вырвав копье. Врагов оказалось трое — молодых и при полном вооружении, а вождь оставил топор и ятаган в палатке. Тем не менее старик одним движением вырвался из захвата и резко ударил одного из нападавших ногой, угодив прямо в лицо. Он услышал хруст костей, и один из нападавших кубарем скатился по склону, испуская вопли из окровавленной дыры, которая некогда была его ртом. Потом, вырвав шест палатки, старый вождь бросился на двух оставшихся врагов.

Они яростно бились друг с другом под жаркими лучами полуденного солнца. Джомдат удачно отбивался от мечей противников и нападал сам. Ему удалось тяжелым шестом угодить одному из двух оставшихся противников в плечо, и из парализованной руки воина выпал и покатился по траве меч, ярко вспыхивая в солнечных лучах. Вцепившись здоровой рукой в разбитое плечо, воин упал на колени, воя от боли.

Теперь у Джомдата остался только один противник. Он сжимал в могучем кулаке боевой топор.

Бывший вождь узнал этого воина — одного из ближайших подручных шамана Тэнгри. Тот оскалился, глядя на старика, а

потом стал выкрикивать ругательства. Солнечные блики заиграли на широком клинке метнувшегося вверх боевого топора. Воин раскрутил страшное оружие над головой и обрушил его на старого вождя.

Джомдат ловко отпрыгнул, дав топору просвистеть, рассекая воздух как раз перед его грудью.

В тот миг, когда топор опускался, старик подался вперед и вогнал конец шеста в живот кочевника. Узкую талию воина окружали железные мускулы, но закругленный конец шеста погрузился в его тело на несколько локтей, издав жадный чмокающий звук. Воздух со свистом вырвался из легких раненого. Его грубое лицо исказилось в спазме мучительной боли. Он побледнел, сложился пополам и осел на землю. Топор отлетел в сторону.

Джомдат шагнул поближе. Нависнув над скорчившимся противником, он занес крепко сжатый кулак и изо всех сил ударил его в острие подбородка.

Звук удара получился точно таким, какой издает деревянная колотушка мясника, отбивающая говяжий бок. Воина приподняло на несколько дюймов над землей и швырнуло на спину.

Быстро разделавшись с тремя нападавшими, Джомдат, ожидая подвоха, повернулся окинуть взглядом свой лагерь и только тогда заметил стоявшего в тени палатки четвертую фигуру, закутанную с головы до ног в черный плащ с капюшоном. Человек опирался на посох из черного полированного дерева, на конце которого горел, словно зеленый злобный глаз, большой камень.

— Итак, подлый пес-шаман, ты не удовольствовался тем, что отдал меня на растерзание диким зверям... Ты явился со своими подручными закончить грязное дело! — прогромыхал Джомдат.

Закутанный в черный плащ колдун рассмеялся. Старый вождь нахмурился. Медленно спустился он с холма и приблизился к своему врагу, сжимая в могучей руке окровавленный шест. Но вот колдун откинул назад капюшон, открыв ужасное лицо, похожее на оскаленный череп.

Выглядел он усталым, опустошенным, словно голод и жажда иссушили его плоть. Иссиня-черная кожа плотно облегала кости, подчеркивая их рельеф. В черных провалах глазниц жестоко и насмешливо горели глаза, а тонкие губы чародея разошлись в насмешливой улыбке, обнажив длинные зубы, такие же острые и страшные, как оскаленные клыки вандара.

Колдун вытянул вперед руку, сжимавшую жезл, и светящийся камень на его конце слегка коснулся обнаженного плеча Джомдата. Руку вождя словно пронзила жгучая молния, мгновенно омертвив плоть от плеча до запястья точно так же, как несколько секунд назад удар вождя парализовал руку одного из противников. Ледяной паралич заставил пальцы разжаться, и деревянный шест упал к ногам вождя.

Человек в черном плаще снова резко рассмеялся.

Светящийся камень слегка коснулся бедра старого вождя, и тот рухнул словно зверь, остановленный точно нацеленной стрелой. От прикосновений колдовского пылающего камня рука и нога вождя сделались бледными, словно слепленными из воска.

Теперь чьи-то руки схватили Джомдата сзади, заставляя его приподняться на колени. Тогда старик пожалел, что не убил троих предателей, напавших на него, когда те лежали на земле, находясь полностью в его власти. Но укоренившееся в нем милосердие делало такие поступки невозможными. Ругаясь, воины шамана связали бывшему вождю руки за спиной, стянули веревкой ноги. Сам же Джомдат мрачно размышлял о том, что ему предстоит теперь расплата за дурную привычку щадить побежденных: те, кого он пощадил, вовсе не собирались щадить его!

Беспомощный, связанный Джомдат молча наблюдал, как шаман Тэнгри собирал в кучу хворост. Потом он подпалил дерево, прикоснувшись к нему колдовским камнем. Вскоре посреди лагеря уже ярко горел костер.

Вынув из костра горящую головню, шаман подошел к крепко связанному старому вождю. Пламя высветило его бесплотные черты. Он улыбался жуткой улыбкой.

— Я не мог оставить тебя диким зверям, старик,— хохотнул он.— Я все делаю основательно. И с тобой, и с твоим щенком-сынком должно быть... покончено!

С этими словами он прижал горящий конец палки к груди Джомдата. Старый вождь стиснул зубы и так свирепо сжал губы, что те посерели. Он не доставит этому дьяволу-жрецу удовольствие, палач не услышит, как воет старый воин, какой бы ужасной ни была эта боль. Горячие угли зашипели, коснувшись кожи старика. Его стошнило от наполнившей ноздри вони. Он смутно ощутил, как шаман отнял горящую ветвь от его тела, и неясно, словно бы издалека, услышал голос колдуна:

— Спешить незачем... У нас весь день впереди... И клянусь Темными Владыками Хаоса, мы еще услышим, как ты запоешь!

Перед глазами Джомдата из племени джегга все плыло, но он смутно увидел, как горящий факел снова приближается. Он ухватился за единственную мысль, молнией пульсирующую в его голове: «Где-то там, в степи, мой сын Шангот, который, должно быть, скоро вернется в лагерь».

Сквозь туман боли Джомдат взмолился своим богам, чтобы сын его вернулся вовремя и успел спасти его. Или, по крайней мере, отомстить за него. Но вернется ли принц?.. Сможет ли он победить злого колдуна?

Мысль о сыне, который мог оказаться столь же беспомощным в лапах коварного колдуна, наполнила сердце вождя болью гораздо большей, чем та, что причинял ему горящий факел.

Глава 8
ТОНГОР УКРОЩАЕТ ЗАМПА

Узкий карниз под ногами просел,
Камень крошится, хрупкий как мел.
Что будет то будет, один среди гор,
В пропасть бездонную прыгнул Тонгор.
Сага о Тонгоре, стих XV

Сначала Тонгор камнем падал вниз. Ветер, оглушая, свистел у него в ушах. Он дергал и рвал плащ, пока тот не развернулся малиновыми крыльями. Северянин падал, кувыркаясь, кружась в небе. Быстрота падения выбила воздух из легких. Не в силах вздохнуть, Тонгор чувствовал, летя в темную бездну, лежавшую у подножия черной мраморной стены, как постепенно меркнет сознание.

Затем, непонятно почему, падение замедлилось. Тонгор не знал, с чем это связано, но все происходило именно так, ибо ветер больше не визжал у него в ушах, словно разъяренные демоны, и воин смог перевести дух. Тонгор благодарно глотнул морозного воздуха, чувствуя, как рассеиваются смутные тени у него перед глазами. Он оглянулся, окинув безумным взглядом уносящуюся к небу гору. Голова валькара снова закружилась, и он борясь с головокружением, в какой-то мере овладел своими чувствами.

Тонгор и в самом деле падал медленнее, чем раньше. Ему удалось понять причину этого таинственного, но счастливого явления.

Когда узкий каменный карниз начал крошиться под тяжестью валькара, Тонгор не упал, а спрыгнул со скалы. Прыжок этот пронес его сквозь кучу парящих неподалеку осколков разбитого летающего корабля Соомии. Когда воллер ударился о Гору Смерти, обломки листов урилиума с обшивки корпуса и арматуры оказались оторванными от смятого корпуса разбитого судна. Урилиум, искусственный металл, созданный десять лет назад Оолимом Фоном, являлся магическим веществом с уникальным свойством антигравитации. Именно действие этого магического вещества, которое «падает вверх», а не вниз, и придавало воздушным кораблям способность летать. Проносясь сквозь плавающее в воздухе облако из крупных и мелких кусков урилиума, Тонгор инстинктивно ухватился за крупный осколок. Северянин сделал это не задумываясь, под воздействием какого-то слепого импульса. Сработал тот же инстинкт, что заставляет утопающего хвататься за любую деревяшку, какая окажется в пределах досягаемости.

Кусок, который оказался в руках Тонгора, был обломком кормовых поручней, ограждавших палубу, имел длину около трех локтей. Поручни целиком состояли из заговоренного металла и поэтому компенсировали хотя бы частично немалый вес воина. Небольшой обломок урилиума не мог полностью остановить падение, но его хватило, чтобы несколько замедлить полет в пропасть, дав Тонгору больше шансов уцелеть... Валькар понимал, что такое падение на каменистую равнину у подножия горы убьет его, раздробит кости, сломает хребет, несмотря ни на какой урилиум.

Поэтому он испытал огромное облегчение, когда через несколько мгновений заметил внизу чернильную гладь озера. Тонгор отбросил прочь спасшую его железяку и нырнул в ледяные воды. Вскоре он выплыл на поверхность, смахнул с глаз длинную прядь мокрых волос и огляделся по сторонам.

Уже рассвело. Долгая ночь, вместившая больше событий, чем порой происходит за годы, миновала. Утро высветило небеса на востоке алыми красками, прочертив ярко-золотые полосы на темном небе, где слабо мерцали последние звезды, подобные оплывшим, догорающим свечам.

После ночных приключений Тонгор проголодался и устал. Но он не смел останавливаться и отдыхать. Соомия, если она и впрямь была еще жива, могла находиться где-то совсем близко и отчаянно нуждаться в его помощи.

Тонгор нырнул в темные воды озера и какое-то время плавал под водой надеясь и страшась увидеть тело жены: ведь она могла и утонуть. Когда наступило утро, а силы Тонгора оказались на исходе, он направился к берегу. Могучие руки рассекали холодные волны, и вскоре валькар выбрался на черный песчаный берег. Некоторое время он бродил по берегу и вдоль опушки джунглей, пристально разглядывая землю. Над Лемурией разгорался новый день. И хотя Тонгор едва ли не просеял черный песок на берегу озера, ему так и не удалось найти никаких следов пропавшей королевы: ни спресованный песок, ни густой подлесок джунглей не сохранили отпечатков ног.

Однако в своих поисках Тонгор наткнулся на фондла — газель, пришедшую на водопой. Охотник убил ее, снял шкуру и подкрепился. Тонгору пришлось есть сырое мясо, поскольку он не хотел терять время на разведение костера.

Соомия исчезла. Тонгор волей-неволей пришел к этому выводу, так как он пока не нашел ее тела. В его душе возникла слабая надежда, что, быть может, благодаря какой-нибудь счастливой случайности, ей удалось выжить после падения в озеро. Разве не по прихоти судьбы Тонгор вышел целым и невредимым из ситуации, которая, казалось, сулила ему почти верную гибель? Наверняка Тиандра — Богиня Удачи — сопутствовала ему. Но валькар отлично понимал, что не может постоянно рассчитывать на везение. Его будущее целиком зависело от его собственной находчивости. Что же до королевы... он мог лишь молить судьбу, чтобы боги улыбнулись ей так же, как улыбнулись ему.

По воле случая Тонгор ступил под сень джунглей неподалеку от того места, где прошел Шангот-кочевник с Соомией на руках. Валькар широким пружинистым шагом направился на юго-восток — в ту сторону, куда улетел похищенный корабль.

Тонгор бежал легким, широким шагом, не обращая внимания на полуденную жару, без особых усилий оставляя за спиной лигу за лигой. Он проскочил опушку джунглей и помчался дальше через поросшую травой заболоченную равнину.

Хотя Тонгор сильно устал, он не снижал темпа. Соомия подвергалась очень большой опасности, если оказалась в одиноче-

стве в этих неизведанных, диких краях. Единственный шанс найти ее появится у Тонгора, если он вернет воздушный корабль. Поэтому, несмотря на усталость, валькар шагал по болоту.

Через некоторое время он замедлил шаг и, наконец, остановился среди зарослей камыша. Он наткнулся на опасных зверей — стадо кормящихся болотными растениями могучих зампов. Восемь этих рослых созданий стояли по колено в мутной воде примерно в ста шагах от Тонгора. Соблюдая осторожность, северянин наблюдал за ними. Его странные золотистые глаза прищурились.

Замп — огромное создание, родственное трицератопсу, пятнадцати-двадцати локтей в длину и огромным весом мощного тела, покрытого толстой, непробиваемой, крепкой, как доспехи, шкурой тускло-синего цвета, переходящего в грязно-желтый под горлом и на брюхе. Зверь с таким громадным телом, опиравшимся на четыре короткие ножки, напоминавшие пни, мог показаться тупым, флегматичным, малоподвижным существом. Но в действительности дело обстояло совсем наоборот. Замп мог рвануться в атаку с захватывающей дух скоростью. Громадная сила и выносливость этого чудовища придавали ему безграничную мощь. Он мог бежать буквально целыми днями. Народы Запада, возводившие города, ловили и укрощали зампов, используя их в качестве вьючных животных, подобно тому как их далекие потомки использовали буйволов. Тонгор знал способ, как укротить зампа, хотя, будь у него выбор, он бы предпочел более худую, поджарую и быструю рептилию — кротера.

В общем, Тонгор твердо решил изловить зампа.

Проект этот не обещал быть ни легким, ни безопасным, и поэтому валькар задумался. Замп не был плотоядным, но считался неукротимым бойцом и нападал на всякого, кто всерьез тревожил его. Толстая дубленая шкура отлично защищала зампа, а природа одарила его превосходным оружием: изогнутым рогом, росшим между маленькими свинячьими глазками. Защитой ему служили огромный щит из роговой пластины, расположенный позади маленьких нежных ушек, и костистый выступ, похожий на седло, прикрывавший толстую шею.

Тонгор задумчиво изучал маленькое стадо, выделив одного молодого самца, находившегося в расцвете своей мощи. Сейчас он сонно пощипывал болотные травы. Странное зрелище — огромное чудовище, щиплющее травку,— в другое время могло

бы позабавить Тонгора, но не сейчас. Он твердо решил укротить этого зверя.

Первая трудность состояла в том, что Тонгору требовалось отделить выбранного им зверя от стада. Может, он и сумеет справиться с одним зампом, но разделаться одновременно с восемью у него не было никаких шансов.

Потом, коль скоро он отделит его от других, ему потребуется каким-то образом сделать зверя беспомощным. А это нелегкая задача. Как остановить массивное чудовище, которое может мчаться с невообразимой скоростью?

Наконец, сделав зампа беспомощным, Тонгор должен придумать, как управлять зверем, как сделать такое дикое, неукрощенное животное послушным воле человека?

Каждая из трех задач выглядела почти невыполнимой и далеко небезопасной. Однако Тонгор собирался выбраться на просторы великих равнин, а чтобы пересечь их, ему требовался скакун. Поэтому валькар с мрачной практичностью варвара взялся решать эти задачи поочередно.

Наступил полдень, когда варвар завершил наконец свои приготовления.

Выбранный Тонгором замп и его собратья покинули болото и теперь мирно паслись в степи, выкапывая съедобные коренья жесткой, как проволока, травы. В этой части равнин то тут, то там высились заросли какого-то безымянного предка бамбука, иногда достигавшего высоты в двадцать-двадцать пять локтей. В тени этих бамбуковых рощиц устроилось несколько самцов зампов и одна из самок постарше. Но молодой самец, отмеченный Тонгором, все еще не утолил голода и нетерпеливо выкапывал коренья у кромки болота.

Неподалеку от того места, где лакомился молодой самец, Тонгор положил на траву большой и особенно сочный корень. Замп прошествовал к нему и тут же схрупал его, и лишь потом маленькие, близорукие свинячьи глазки заметили еще один корень, лежащий несколькими локтями дальше, в том же направлении. Зверь неуклюже направился к нему, радуясь своей удаче. Эти толстые корни были особенно вкусными. Обычно зампу не удавалось их найти, поскольку они скрывались слишком глубоко под землей. Но сейчас соблазнительная пища лежала прямо перед носом, словно разложенная специально для него!

Замп не понимал, как далеко увели его от стада вкусные корни, но неожиданно... без всякого предупреждения... земля под ногами колосса провалилась, и он упал в узкую, неглубокую яму. Не в состоянии выкарабкаться, он стал яростно фыркать, а потом гортанно заревел. И тут на него что-то свалилось. Это была рама из толстых бамбуковых кольев, крепко связанных друг с другом кожаными ремнями. Она оказалась немного шире ямы. Несчастный замп замер, обнаружив, что три поперечины заклинили ему голову. Одна прошла у него прямо перед рылом, две другие вклинились по обе стороны головы. Пока зверь отчаянно боролся с этими бамбуковыми жердями, чья-то невидимая рука установила четвертую поперечину, которая плотно встала позади и чуть ниже его костяного седла. Теперь, сколько бы зверь ни боролся, его голова оставалась неподвижной.

Рев чудовища разбудил остальное стадо, находившееся в некотором отдалении. Самцы зафыркали и стали бегать, двигаясь по кругу, то и дело поднимая морды и принюхиваясь в поисках запаха какого-нибудь врага. Самки визжали от страха и ярости. Наконец два самца уловили запах отбившегося от стада и попавшего в ловушку сородича. Переваливаясь, они подбежали к яме, сотрясая землю тяжеловесной поступью.

Внезапно они резко остановились. Широкая полоса болотной травы между ними и пленником полыхнула огнем! Почуяв запах едкого дыма, зампы в ужасе бросились наутек. Как и у всех зверей, никакой враг не вызывал такого ужаса, как огонь! Испуганное стадо затрусило на север и вскоре скрылось из виду. Полоса травы быстро прогорела, и пламя, добравшись до воды, потухло.

Покрытый грязью с головы до пят, Тонгор вылез из своего убежища в камыше и удовлетворенно осмотрел пленника. Молодой замп уже понял — что, как бы яростно он ни боролся, все равно не сможет выбраться из тесной ямы. Тумбоподобные ноги быстро превратили глинистые стенки и дно ямы в мягкую кашу, и теперь зверь не мог найти твердую опору. Кроме того, углы бамбуковой рамы, привязанные к четырем кольям, глубоко вбитым в землю по углам ямы, не позволяли высвободиться из ловушки. Наконец замп притих, тяжело сопя и удрученно фыркая.

Яму Тонгор выкопал мечом, хотя валькару и не очень хотелось ковырять землю своим любимым оружием. Грунт вокруг

болота был рыхлым от влаги, что сильно помогло воину. Будь земля плотно утоптанной, сухой или пронизанной древесными корнями, Тонгор мог бы и не справиться с подобной задачей. Нарезать и зачистить острым мечом крепкие, хотя и полые бамбуковые шесты для рамы и опор оказалось довольно просто, а вот для того, чтобы накрепко связать их, пришлось пожертвовать частью наплечных кожаных ремней, разрезав их на тонкие ремешки маленьким, но острым как бритва ножом, который висел у него на поясе.

Пока Тонгор сумел справиться с первой и второй задачами без особых хлопот. Самец оказался пойманным и обездвиженным. Теперь пора было переходить к третьей и последней фазе — укрощению.

Тонгор отсоединил от части своих ремней три стальных кольца. Нагрев острие ножа на костре, который развел в яме, чтобы подпалить болотную траву, Тонгор проделал дырочки в нежных ушах и нижней губе зампа.

Самец сначала громко визжал от ярости и боли, а потом затих. Тонгор не хотел причинять животному ненужную боль, но отверстия были необходимы для удилов. Раскаленное острие кинжала сразу же прижгло маленькие ранки, что остановило кровотечение. Затем Тонгор вставил в проколы металлические кольца, в которые продернул поводья, сплетенные из ремешков. Этим нехитрым способом великан-валькар надеялся управлять зампом, сидя в большом костяном седле как раз за головой животного.

Пока что все шло гладко.

Теперь настало время для действительно трудной и опасной задачи.

Очистив меч от грязи и вложив его в ножны, Тонгор встал на раму, отвязал бамбуковый шест, заклинивший голову зверя, затем быстро перерезал главные ремешки, соединявшие вертикальные колья и раму, и, опустившись в костяное седло, отбросил раму в сторону.

Как только валькар потянул за поводья, зверь яростно зарычал и взметнулся, расшвыряв бамбуковые колья. Неожиданно почуяв свободу, замп рванулся из ямы. Пораженный странным чувством — ощущением всадника, примостившегося на спине, животное с ревом рванулось на юг, горя желанием убраться подальше от этого места со зловещим провалом в земле и отвра-

тительными бамбуковыми ловушками. Он бежал тяжелым, сотрясающим землю шагом. Тонгор раскачивался в седле, стиснув ногами шею своего скакуна.

Через некоторое время замп осознал, что всадник по-прежнему восседает у него на загривке. Тогда он замедлил бег и начал мотать из стороны в сторону массивной башкой, надеясь сбросить нежелательного седока. Тонгор живо отвадил его от этого, слегка натянув поводья: теперь при каждом взмахе головы они дергали за вставленные в уши кольца. Это причиняло зверю боль. Уши и губа являлись единственными небронированными частями тела, а поэтому весьма чувствительными. Крошечный мозг зампа наконец установил связь между поворотами головы и острой болью в ушах, усвоил, что если голова неподвижна, уши не болят. Тогда замп перестал пытаться сбросить Тонгора. Он просто остановился, тяжело сопя и опустив голову. Теперь он был готов для дальнейших уроков.

Когда Тонгор последний раз видел воллер, тот летел на юго-восток. В этом направлении валькар и решил отправиться. Он слегка потянул за правый повод. Чтобы избежать болезненного потягивания за правое ухо, замп повернул массивную голову направо. Тонгор потянул еще, и зверь послушно повернулся в этом направлении всем телом. Потом варвар потянул за повод, прикрепленный к чувствительной нижней губе зампа. Не зная, как избавиться от боли, замп попытался сбежать от нее и потрусил вперед. Неприятные потягивания за губу тотчас прекратились. Вскоре зверь понял, что боль возвращается как только он прекращает движение.

Вскоре зверь усвоил большую часть простых уроков Тонгора, необходимых для того, чтобы превратить дикое животное в послушного скакуна. Валькар остался доволен результатами обучения. Позволив зверю некоторое время свободно попастись и напиться из пруда, Тонгор и сам отдохнул, пожевав мясо фондла. Что ж, из пойманного зампа со временем получится превосходный скакун. Даже сейчас, не приученный и враждебный, он все же научился повиноваться немногим необходимым командам — останавливаться или трогать с места, бежать налево или направо.

После отдыха Тонгор повернул своего скакуна на юго-восток и заставил его бежать по степи ровной рысью, намного проворнее, чем мог бы идти человек. Тонгор быстро скакал в ту сторо-

ну, куда исчез воллер, а в бездонном голубом небе, где плавали легкие облачка, ярко сверкало золотое солнце.

Глава 9
УЖАС ДЖУНГЛЕЙ

Вандаров и змей берегись,
И джунглей избегни опасных,
Там густо лианы сплелись,
Скрывая чудовищ ужасных...
Алая Эдда

Соомия приходила в себя медленно, словно пробуждаясь от глубокого, бодрящего сна. Она не знала, где находится. Сначала она осторожно открыла глаза, обведя взглядом темную поляну. Женщина не знала, как очутилась в джунглях... Последнее, что ей удалось вспомнить, это... это...

Неожиданно она села, представив похитителя, их отчаянную борьбу за нож в раскачивающейся кабине несущегося по воздуху воллера и надвигающуюся ужасную черную скалу, которую Соомия отчетливо разглядела через плечо злодея!

Еще она вспомнила, как вырвалась из его когтей, выпрыгнула из кабины на палубу, где свистел ветер... А потом ее охватил тошнотворный приступ головокружения. Она опрокинулась через борт и стала падать... падать... падать...

Каким-то чудесным образом она спаслась от страшной смерти. Но как она перенесла такое падение? И где, во имя Девятнадцати Богов, находится?

От непроизвольного движения тело пронзила страшная боль. Хотя Соомия и не могла этого знать, спасли ее обыкновенные законы физики. Падающее тело постепенно увеличивает скорость и через несколько секунд летит уже так быстро, что дышать невозможно. Воздух проносится мимо столь стремительно, что человек не может вдохнуть его. Так что Соомия при падении потеряла сознание скорее от кислородного голодания, чем от ужаса. Расслабленность бесчувственного тела спасло женщину от переломов, которых она не избежала бы, находясь в сознании — тогда тело ее обязательно бы напряглось. Добавьте к этому ряд удачных обстоятельств: Соомия коснулась поверх-

ности воды ногами под самым безопасным углом, а не рухнуло плашмя; ее тело словно игла прокололо воду почти без удара и ушло вглубь, но не разбилось о дно. Если бы не это, то она, вероятнее всего, сейчас была бы мертва. И хотя теперь у нее сильно болели все мышцы, а тело представляло один сплошной синяк, она осталась жива. Соомии казалось, что ее исколотили. Однако она не переживала: от природы крепкая и здоровая, она быстро восстановит силы. Тогда и руки, и ноги снова обретут былую гибкость.

Но как она попала на эту поляну? Оглядевшись, она сообразила, что этому могло быть только одно объяснение: ее сюда кто-то принес.

Кто?

Соомия осмотрела себя, обнаружив, что руки и ноги ее не связаны, а одежда — влажная. Потом она попыталась встать и после нескольких попыток с трудом поднялась на ноги. Прислонившись к дереву, она огляделась. По другую сторону поляны высилась странная куча сухого хвороста и свежих веток, сильно напоминающая погребальный костер. Женщина стала гадать, что бы это означало...

А затем застыла, охваченная ужасом.

На поляну вышел гигант, несший охапку сухих ветвей папоротника. Соомия смутно различала его в малиновых отблесках заката, лучи которого пронизывали листву. Человекоподобный великан не менее восьми локтей ростом, обнаженный, если не считать усыпанных драгоценными камнями ремней, ничем не напоминал людей, к которым привыкла саркайя. Иссиня-черная шкура незнакомца обтягивала колоссальные мышцы. Королеве потребовался лишь миг, чтобы сообразить, что она каким-то образом попала в руки одного из страшных синих кочевников — воинов-рохалов с великих восточных равнин.

Почти не дыша, следила она, как странный великан положил охапку хвороста поверх огромной кучи. Уж не предназначался ли этот погребальный костер для нее? Соомия знала, что рохалы — дикие варвары, любящие войну. А может быть, они еще и людоеды?

Неподалеку от женщины лежал колчан с тонкими зазубренными дротиками. Соомия стала подкрадываться к оружию, не спуская взгляда с синекожего гиганта. Тот все еще стоял спиной к женщине. С тех пор как появился на поляне, он даже не

взглянул в ее сторону. Тщательно рассчитывая каждое движение, королева осторожно пересекла открытое пространство и, с трудом нагнувшись, выудила из колчана кочевника два дротика.

Как раз в тот момент, когда она это сделала, рохал повернул голову и замер, прислушиваясь. Не услышал ли он едва различимое позвякивание дротиков, когда саркайя вытягивала их из колчана? Еще мгновение, и гигант обернется и увидит...

Недолго думая, Соомия замахнулась одним из дротиков, готовясь всадить его в широкую спину гиганта.

Неожиданно у нее за спиной раздался громовой рев.

Королева резко обернулась и увидела огромную, жуткую, оскаленную морду черного кабана, уставившегося на нее из подлеска. Женщина заметила отблеск горящих, словно угли, бешеных глаз и желтые клыки, с которых капала пена... А потом огромный зульфар вылетел из зарослей, целя клыками ей в горло. Он напоминал черную молнию.

Будь Соомия изнеженной девицей, она застыла бы от страха и пала под ударами клыков и копыт ужасного зверя. Но женщины ее народа привыкли к суровой жизни в условиях осад и походов. Они отлично владели оружием и довольно часто сражались с врагами, стоя бок о бок со своими мужьями и сыновьями.

Поэтому Соомия действовала не задумываясь и не колеблясь. Одним плавным движением она метнула дротик. Тот, сверкнув серебристым боком, пронзил покрытую лохматой гривой шею чудовищного кабана. С кашляющим хрюканьем массивный зульфар грохнулся на мох. Дротик Соомии остановил его. Кабан несколько раз перекувырнулся и теперь снова собирался подняться, чтобы броситься на женщину. От его шерсти пахло кровью, а по сухому мху протянулся алый кровавый след. Но прежде чем раненый зверь успел изготовиться к новому броску, королева нанесла очередной удар. Второй дротик вошел точно между широкими челюстями зверя, которые бесполезно сомкнулись на металлическом древке... а потом медленно разжались. Из пасти кабана хлынул густой поток дурно пахнущей крови. Зульфар осел на траву, дернулся пару раз и застыл неподвижной глыбой. Его глаза остекленели и затянулись пленкой.

Наступила тишина. И Соомия, и незнакомец напряженно молчали. Потом кочевник медленно повернулся к королеве и приветствовал ее, по обычаям кланов джегга коснувшись ладонью сердца.

— Я думал, ты мертва,— просто сказал он.— Я хотел освободить твой дух в пламени, чтобы он мог вознестись к богам, сотворившим его в Начале Всех Вещей, но смотри-ка, ты ожила! Твое вмешательство оказало мне огромную услугу. Я целые сутки преследовал этого зульфара, собираясь убить его... но если бы не ты, зульфар освободил бы мой дух от земной оболочки. Теперь я вижу во всем этом волю Небес... Ты, упавшая в темное озеро из сверкающей стальной птицы, ты, явившаяся из страны Богов, помогла мне выполнить мой обет,— тут он склонил голову перед Соомией.— И поэтому я спрашиваю тебя: ты — богиня? И если да, то чего ты хочешь от Шангота из племени джегга?

Соомия облегченно улыбнулась. Теперь, когда кочевник заговорил, она увидела, что хотя он и принадлежал к варварам, но отнюдь не являлся жестоким кровожадным великаном-людоедом из сказки: он оказался всего лишь человеком, хотя и довольно странным на вид. Молодая женщина вполне разумно рассудила, что Шангот, скорее всего, даже не задумывался о своей пугающей внешности, которая, наверное, и ей-то показалась такой только потому, что прежде королева никогда не встречала синекожих кочевников. Вероятно, и ему ее облик мог показаться не менее отталкивающим.

— Нет, друг,— ответила она.— Я не богиня, а смертная женщина, которая устала и очень проголодалась. Я — Соомия, саркайя Патанги, Города Огня. Мне известно, что люди твоего племени обитают на самом востоке Лемурии, а мои земли находятся далеко к западу отсюда.

Кочевник устроил для женщины удобное кресло, частично разобрав погребальный костер и накидав поверх сухих веток и мягкой травы. Потом, когда Соомия присела, дав отдых рукам и ногам, которые по-прежнему болели, Шангот занялся приготовлением ужина.

— Усталость проходит со временем, саркайя,— заметил он со спокойной улыбкой.— Но что касается голода, его мы сможем утолить довольно быстро!

Он стал снимать шкуру с убитого кабана. Вскоре над ревущим огнем поджаривалась сочная свинина. Над поляной повис неописуемо вкусный запах.

За едой Соомия и Шангот рассказали друг другу о своих приключениях. А потом королева, измотанная событиями дол-

гой ночи, уснула. Синий великан остался стоять на страже, держа наготове дротики и боевой топор.

Королева проснулась задолго до рассвета, исцеленная и душой и телом, и они вместе с Шанготом отправилась через джунгли. Соомия радовалась тому, что в тяжелом пути ее сопровождал могучий воин-рохал. Теперь ей не придется в одиночку и без оружия бороться с темными ужасами джунглей.

Поскольку Шангот никак не мог отвести ее через весь континент в Патангу, он убедил женщину отправиться вместе с ним на сравнительно безопасные равнины, где жил вместе с отцом — изгнанным старым вождем Джомдатом. Соомия была благодарна ему за это предложение, так как опасалась, что ее похититель спасся во время крушения воллера и теперь вновь кинулся на поиски жертвы. Теперь уверенная в том, что Тонгор в конце концов отыщет ее, она решила переждать это смутное время среди друзей, даже если и они синекожие варвары.

Утро уже разгоралось, когда путники вышли из джунглей. В лучах зари саркайя впервые увидела безбрежные просторы великих Лемурийских равнин — бескрайние широкие степи, порождавшие меланхолическое ощущение заброшенности и траурной пустоты. Их вид наполнил душу женщины дурными предчувствиями, но ей ничего не оставалось, как мужественно шагать рядом с синекожим великаном. А Шангот тем временем поведал ей о том, как его отца подло предал хитрый и мстительный шаман Тэнгри.

Королева сомневалась, смогут ли ее ноющие ноги выдержать дальний путь. Но скоро она обнаружила, что свежий утренний воздух, и насыщенный блеск яркого солнца, и сияющее голубое небо постепенно снимают боль. Вскоре Соомия приноровилась к широким шагам воина-гиганта. Кочевник шел, раздвигая высокую, шелестящую траву, и глухим, гортанным голосом негромко рассказывал женщине о своем народе и его обычаях. За разговором королева даже не замечала, как за спиной у них оставались лига за лигой. Рассказы Шангота завораживали Соомию, а сам кочевник казался ей любопытным и интересным человеком. Просто счастье, что она понимала его язык, который, несмотря на странный акцент и отличие в произношении отдельных слов, в основном оставался тем же самым языком, на котором говорил ее народ. В те времена юности человечества народы первого континента Земли еще не разошлись по лингвистическим тропам.

Соомию заворожили повадки степняка: он был почти вдвое выше женщины и в несколько раз тяжелее, но так бесшумно и легко шагал через густую траву, что та почти не хрустела под его ногами. Каким же превосходным охотником должен быть этот могучий воин! Не знающий усталости и выносливый, двигающийся бесшумно, как звери, на которых он охотился...

У королевы также вызывало любопытство и то таинственное шестое чувство, благодаря которому Шангот находил дорогу через равнину. Соомия заблудилась бы в тот же самый миг, как перестала видеть опушку джунглей или высившуюся у них за спиной черную массу Горы Смерти. Но Шангот шел по бескрайним равнинам по прямой, точно держа направление на отцовский лагерь, как стрелка компаса, всегда указывающая на север.

Молодая женщина наблюдала за его уверенными движениями, понимая, что так и должен вести себя кочевник, проводивший всю свою жизнь в скитаниях по громадным равнинам восточного побережья. Вдруг она заметила, что поведение Шангота изменилось. Он несколько раз останавливался, внимательно оглядываясь вокруг, а однажды долго стоял, опустив голову, словно в глубоком раздумье. Наконец Соомия решилась спросить у своего спутника, что все это значит. Странный ответ Шангота встревожил женщину.

— Я не могу... почему-то не могу точно определить направление,— признался он с таким видом, словно для него самого это было великим позором.

Никогда раньше он не испытывал ничего подобного и теперь очень опечалился. У него складывалось впечатление, что какая-то сила мешает ему правильно ориентироваться. Он ощущал холодную ауру чьей-то темной и безымянной власти, запустившей сверхъестественные щупальца в его мозг. С каждым шагом в нем росло предчувствие чего-то зловещего. В этих краях, где он с отцом оказался из-за интриг шамана, жизнь была далеко небезопасной. Земли на юго-востоке Лемурии находились под темным крылом Заара — Города Магов, зловещего мегаполиса, расположенного посреди пустыни. Там обитали черные маги, совершавшие мрачные обряды и поклонявшиеся страшным Повелителям Хаоса, которые испокон веков стремились уничтожить вселенную. Народ Шангота никогда не забирался далеко на юг — он боялся и ненавидел колдунов Заара.

Сейчас же в душе кочевника зарождался страх. Сверхъестественное вмешательство в его чувства отдавало темным чародейством Черного Города...

Шанготу показалось, что изменился даже цвет земли, и изменился неестественно. То тут, то там среди высоких степных трав появились невысокие скалы. Трава стала какой-то больной, мягкой и бесцветной. Ясное голубое небо словно бы затянули серые волны тумана, хотя никаких облаков по-прежнему не было видно. Кочевнику показалось, что над ними натянули тонкую густую паутину.

Поднявшись на гребень невысокого холма, путники увидели высокую черную башню.

Она напоминала сталагмит из какой-нибудь мрачной пещеры. Башня казалась созданием природы, а не рук человека. Ее очертания выглядели естественными, несмотря на неправильную форму. Острое зрение Шангота не смогло различить отдельных камней кладки, из которых сложили бы этот каменный шип — отвесный и гладкий, как стекло, уродливый и безобразный, словно порождение фантазии безумца.

Тогда Шангот окончательно поверил, что его сбило с правильного направления подлое колдовство... Он не нуждался больше ни в каких доказательствах. Одного вида жуткого строения вполне хватило.

Высоко на гладкой и широкой крыше черной башни стоял островерхий шатер, а над ним пылал огромный кристалл, испускавший зеленый огонь. Он горел словно некий гигантский глаз. Всем своим телом кочевник чувствовал пристальный взгляд какого-то злобного и скрытого разума. Кочевник не мог оторвать глаз от пылающего камня, венчающего башню, не замечая Соомию, которая схватила его за руку и заговорила с ним.

Шангот почувствовал, как, вопреки его воле, ноги сами зашагали вниз по пологому склону к песчаной дорожке, что вела к волшебной башне. Соомия кричала вслед синекожему воину, прося остановиться... но он не слышал ее. Наконец магия этого места коснулась и королевы. В какой-то миг Шангот смутно осознал, что саркайя тоже двинулась в сторону черной башни.

Словно два лунатика, попавших в один и тот же гипнотический сон, синекожий великан и юная королева вошли в тень башни, и тьма поглотила их...

Глава 10
РОЗЫ СМЕРТИ

На зампе огромном вслед за судьбой
По диким просторам мчался герой —
Принцесса, надежды и страха полна,
В Зааре ужасном в руках колдуна

Сага о Тонгоре. Стих XVI

Вот уже не один час огромный замп скакал на юго-восток через бескрайние степи. Зверя, казалось, больше не беспокоил странный всадник на его спине. Но, впрочем, мозг у зампов маленький — странный контраст в сравнении с их огромной силой и выносливостью. Однако именно поэтому зампы легко приручались и использовались лемурийцами как вьючные животные. Потомки жителей Лемурии точно так же станут использовать яков, быков и слонов. Наверное, замп уже настолько привык к Тонгору, что теперь вес всадника казался ему вполне естественным!

В любом случае, молодой замп слушался приказов Тонгора и быстро нес его по степи. От убаюкивающего ритма скачки усталый северянин задремал прямо в роговом седле на шее чудовища.

Тонгор так никогда и не узнал, сколько же времени он проспал. Проснулся он неожиданно, инстинктивно ощутив близкую опасность. Потом он понял, в чем дело. Его разбудил запах дыма! Натянув поводья, валькар перевел зампа на шаг, высматривая вокруг какие-нибудь признаки обитания людей. Вскоре он увидел впереди небольшой лагерь.

Северянин осторожно подобрался к нему. Раньше он никогда не бывал в этих землях, и любые встреченные им люди могли оказаться как друзьями, так и врагами. Лучше сначала все разузнать, чем потом убиваться, сожалея о своей неосмотрительности.

В лагере находилось пять человек. Один лежал связанный, а другие пытали его. Тонгор с одного взгляда узнал рохалов, так как ему уже доводилось видеть синекожих великанов востока. В Турдисе, где он некогда служил наемником в легионах Фала Турида, безумного сарка, рохалов использовали как рабов, хотя синекожие кочевники редко встречались в городах Запада.

Губы Тонгора крепко сжались. Трое воинов и еще один человек, судя по одежде, какой-то жрец или колдун, мучили беспомощного связанного человека, тыкая в него горящей веткой. Лицо северянина исказилось от отвращения. Он, как и подобало варвару, стоически воспринимал боль и смерть как естественные условия жизни и придерживался простого кодекса дикаря, требовавшего для врага быстрой смерти. Нездоровые удовольствия от пыток шли вразрез с грубым рыцарством Тонгора.

К тому же связанный пленник казался значительно старше своих мучителей. Тонгор не мог не восхищаться тем, с каким величественным и непоколебимым достоинством этот старик сносил муки. С его твердо сжатых губ не сорвалось ни единого стона. Он не бредил и не молил о пощаде, а терпел страшную боль, с презрением взирая на своих мучителей. У Тонгора вскипела кровь. Рука его так стиснула эфес меча, что побелели костяшки пальцев. Он не смог больше вынести этого зрелища, равно как не мог и просто убраться восвояси.

Тонгор погнал зампа вперед. Выхватив из-за пояса кинжал, он метнул его решительно и точно — тот полетел в цель, пришпилив руку шамана к горящему орудию пыток.

Джомдат из племени джегга не потерял сознания от боли, опаляющей разум, и не дрогнул, когда его кожи коснулись раскаленные угли, настолько он владел собой. Но сквозь застлавший ему глаза красный туман он почувствовал, как на сердце легла черная рука отчаяния. Если его сын, Шангот, не придет на помощь, то его, Джомдата, ожидают долгие часы нескончаемых мук, а потом смерть. Разве кто-нибудь в землях рохалов, там, где все воюют друг с другом, поможет ему?

Вождь смотрел в оскалившееся лицо шамана, когда пылающая ветвь снова приблизилась к его груди... а потом началась фантастическая цепь невероятных событий.

Когда шаман протянул вперед свой факел, то завопил сам! Завопил и, удивленно выпучив глаза, уставился на свою правую руку! Неожиданно, словно по волшебству, непонятно откуда вылетевший кинжал проткнул руку шамана, пришпилив его похожую на когтистую лапу кисть к горящей ветке. Уставившись на шамана, Джомдат увидел, как тот дернулся от сильной боли. На руке Тэнгри заблестел кровавый ручеек, а губы его

посерели от боли, которую он умел с таким удовольствием причинять другим, но не умел терпеть сам. Охнув, колдун лихорадочно вцепился неповрежденной рукой в рукоять кинжала, пытаясь вырвать его из окровавленной ладони.

— Да помогите же, дураки... Мне больно! — корчась, простонал он. Его подручные, пораженные и застывшие от изумления, очнулись и бросились помогать шаману. И тут в них врезался живой таран.

Сотрясая землю громовыми ударами копыт, из пустоты возник гигантский замп. Один из синекожих воинов обернулся, сжав меч в руке. Замп проткнул его могучим рогом и, мотнув головой, отшвырнул тело далеко в сторону. Потом чудовище развернулось и растоптало другого кочевника, превратив его в кровавые ошметья.

А потом замп неожиданно замер. С его загривка спрыгнул невероятный наездник — превосходно сложенный воин с бронзовой кожей, цвет которой подчеркивали черные наплечные ремни и большой малиновый плащ, развевавшийся за спиной, словно фантастические крылья. В мускулистой руке этот таинственный воин сжимал большой сверкающий меч. Соскочив со спины зампа, воин рванулся к колдуну.

Шаман вскинул длинный посох, увенчанный светящимся зеленым камнем, который сразил Джомдата. Теперь таинственный самоцвет угрожал валькару Тонгору, так как это, конечно же, был он. Но в этот раз волшебный жезл не помог шаману. Северянин ударил первым, перерубив посох колдуна. Волшебный камень упал в пыль.

Взвыв от ужаса, Тэнгри отскочил в сторону, стараясь увернуться от сверкающего клинка, и, переваливаясь, побежал к своей колеснице, оставленной в полусотне шагов от места пыток, на другом конце лагеря старого вождя. Уцелевший подручный шамана, тот, которому Джомдат из племени джегга сломал руку, удрал вслед за своим повелителем. Тонгор посмотрел на убегавших, пожал плечами и принялся развязывать старика.

Кинжал Тонгора так и остался в покалеченной руке Тэнгри, поэтому северянин перерезал путы острием своего огромного меча. Он помог кочевнику подняться и провел его в тень палатки. Там и оставил он вождя, а сам отправился на поиски воды и перевязочного материала. Все необходимое он обнаружил в палатке. Склонившись над вождем, Тонгор с нежностью жен-

щины промыл его раны и, достав из сумки на поясе пузырек с едкой целебной мазью, обработал ожоги и порезы, а потом перевязал их.

Все это было проделано молча. Но когда Тонгор закончил, Джомдат поблагодарил его.

— Беларба, друг! — с достоинством склонил голову вождь.— Не знаю, ни кто ты, ни откуда взялся, но благодарю богов за то, что ты оказался достаточно близко и не оставил меня в моих страданиях. Я — Джомдат, некогда вождь кочевников джегга. Мне суждено было или жить, или умереть — все по воле небес. И теперь все, что есть у меня,— твое. В палатке ты найдешь меха с вином...

Тонгор кивком дал понять, что принимает благодарность старика.

— Беларба, вождь,— повторил он лемурийское приветствие.— Я — Тонгор из клана валькаров, некогда бродяга из Северных земель, а ныне король в городе Патанга, лежащем далеко на западе. Я счастлив, что смог прийти тебе на помощь. А что касается вина, то я схожу принесу его... день-то жаркий, а я давно обнаружил, что любая схватка вызывает жажду,— усмехнулся он и исчез в палатке. Через мгновение он вышел из нее с мехом вина. Усевшись рядом с отдыхающим вождем, Тонгор первым, как и полагалось гостю, сделал большой глоток кислого напитка, а потом перехватил мех так, чтобы и вождь смог утолить жажду.

— Никогда не видел человека вроде тебя,— признался Джомдат. Вино развязало ему язык, и он выпустил на свободу любопытство, которое до сего времени сдерживал.— В вашем западном царстве все люди такие же, как ты,— с коричневой кожей, малорослые и со странными головными уборами? — спросил вождь, указывая на струившую по плечам Тонгора гриву черных волос.

Слова старика позабавили валькара, и он с трудом подавил усмешку. В королевстве Тонгор считался высоким человеком... А здесь, на неведомом востоке, среди великанов девяти локтей ростом он оказался пигмеем!

* * *

Тонгор и синекожий вождь разговорились, рассказав друг другу о своих злоключениях. И хотя Тонгору не терпелось бро-

ситься на поиски воллера, он понимал, что не сможет просто уехать и оставить старика одного. Ведь если его враги вернутся с подкреплением, Джомдат окажется беспомощным. Старый вождь был слишком слаб после пыток, хотя отдых и вино в какой-то мере восстановили его силы.

— Теперь, когда шаман выследил логово старого вандара, я тут больше не смогу оставаться и ждать возвращения моего сына, Шангота,— объяснил старый вождь.

— Но как ты можешь укрыться от него? — усомнился Тонгор.— И как твой сын, вернувшись с охоты, узнает, куда ты уехал? Ведь любое послание, которое ты оставишь, может попасть в руки шамана, как только он снова появится здесь.

Джомдат спокойно улыбнулся.

— Мы предвидели такой оборот, и прежде чем мой сын вчера вечером ушел на охоту, мы договорились, что в случае опасности я перенесу лагерь на две лиги к югу отсюда, к холмам. Когда мы покинем это место, я оставлю на земле тайный знак. Он покажется бессмысленным любому, кроме Шангота, а ему он расскажет, где меня искать.

— Тогда, если ты достаточно отдохнул, поехали,— предложил Тонгор.

Старик поднялся, двигаясь все еще немного неуверенно. Они собрали нехитрый скарб и, взобравшись на зампфа Тонгора, отправились на юг. Но прежде чем они покинули стоянку, Тонгор подобрал отломанный кончик жезла шамана Тэнгри, на котором все еще сверкал странным внутренним светом сверхъестественный зеленый камень.

— Шаман замахнулся на меня этой штукой, считая ее, по-видимому оружием,— заметил валькар, с любопытством поворачивая камень. От прикосновения к нему по жилам воина пробегала странная дрожь. Тонгора удивило, что камень прикреплен к концу жезла из эбенового дерева. Кроме того, поперек кристалла имелось тонкое отверстие, в которое был вставлен металлический штырь, торчавший с обеих сторон зеленого камня. Человек нашего века без труда нашел бы в нем сходство с подобием электрода.

Вождь рассказал, как прикосновение колдовского камня парализовало его. Тонгор запомнил это, а сам кристалл завернул в тряпицу и засунул в сумку на поясе. Камень с такой магической силой вполне мог еще пригодиться...

Больше не задерживаясь, отправились они на юг. Солнце уже клонилось к закату. На бескрайние равнины легли вечерние тени. Постепенно травы вокруг поредели, стали сухими. Чем ближе подъезжали путники к южному краю степей, где высился страшный черный город Заар, тем мертвее становилась земля, словно все живое в ужасе и ненависти отступало, не желая приближаться к королевству черных магов, расположившемуся на самом краю земли.

Тонгор и старый вождь пересекли сухой овраг, в который превратилось русло древней реки: вероятно, она давно пересохла до самого истока, а может, свернула с привычного пути. В воздухе чувствовалась напряженность, какая бывает перед грозой... словно весь мир ждал чего-то...

Тонгору это не нравилось. Обостренные чувства варвара подсказывали ему, что где-то здесь затаилась опасность — опасность, которую он ощущал всем телом, хотя и не видел, но которую чувствовал. Кожу северянина покалывало, как от прикосновений влажного холодного ветра. Небо стало серым и пасмурным, словно затемненное невидимыми крыльями.

И что это за странный запах? Откуда в порывах ветра странный сладковатый привкус? Никогда Тонгор не вдыхал такого дурманящего, всепроникающего аромата.

Ну конечно, цветы! Замп трусил по необъятному полю странных цветов, подобных которым Тонгор раньше никогда не видел. Большие мясистые лепестки образовывали бутоны, из которых торчали длинные прозрачные отростки. Цветы окружали путников со всех сторон, задевая бока зампа.

Самым странным в растениях был их неестественный цвет. Тонгор никогда прежде не видел — и даже не слышал о том, что лепестки цветка бывают тускло-серыми...

Их запах поднимался густыми волнами удушающих испарений — перенасыщенных, сверхсладких, почти невероятных по своей остроте. И под их притупляющей чувства сладостью угадывалась то ли мускусная вонь рептилий, то ли миазмы сгнивших мертвых существ... У Тонгора мелькнуло смутное желание ускорить бег зампа. Что-то подсказало ему, что из этого отвратительного сада нужно убираться как можно скорее... но замп не желал бежать быстрее.

Ощущение опасности не давало Тонгору покоя, призрачные голоса старались пробудить его от непонятной летаргии. Валь-

кар не мог этого понять... Наверное, если б он лишь на миг смог закрыть глаза...

Старый вождь, сидевший позади Тонгора, давно дремал, восстанавливая силы. Он пробудился, когда откинувшийся назад северянин едва не сбросил его со спины зампа. Старик растолкал Тонгор, но северянин, едва очнувшись, снова стал засыпать, бормоча что-то о проклятой вони серых цветов...

По нервам старого вождя пробежала дрожь суеверного страха. Он резко выпрямился в седле и отчаянно затряс задремавшего спутника.

— Серые цветы! Тонгор, очнись! Скачи что есть мочи! Мы в смертельной опасности... Мы забрели в сад ужасов!

— О чем... о чем... ты говоришь?

Старик снова затряс северянина.

— Мы забрались во владения адских цветов, которые знахари нашего племени называют Розами Смерти! — хрипло воскликнул он.— Они испускают наркотические испарения, которые притупляют чувства, туманят голову, погружая в сон, от которого не пробудиться! В сон, который кончается смертью! Ведь когда ты заснешь, усики цветов выкачают всю кровь из твоего тела и оставят от тебя сморщенный остов... Скачи, Тонгор... Скачи!

Но никакие слова уже не могли помочь: оказалось уже слишком поздно. Валькар безвольно осел набок и выпал из седла на холмик, заросший адскими цветами.

Ударившись о землю, он растянулся без сознания, погрузившись лицом в серые цветы, но при этом задел нечто скрытое под лепестками. Странный предмет скатился к подножию холмика, оказавшись белым оскалившимся черепом, на котором не осталось ни лоскутка плоти. Жуткая находка замерла в пыли, улыбаясь Джомдату, когда тот пьяно закачался в седле и, не переборов головокружения, упал следом за валькаром в мягкие объятия Роз Смерти.

Он упал, но еще некоторое время боролся со сном. Однако вскоре легкие его наполнились сладкими ароматами, и старый вождь замер, лежа ничком в странных цветах.

Замп некоторое время постоял, словно гадая, не заберутся ли на него всадники, затем протопал к Тонгору и с любопытством ткнулся носом в плечо варвара, вдыхая дурманящий запах... А потом принялся ощипывать серые лепестки. Но их вкус зампу

не понравился — зверь фыркнул и выплюнул то, что захватил в пасть, потом побрел прочь в поисках более сочной травы. Скоро он скрылся из виду и, возможно, инстинкт привел его к своему стаду.

А два воина остались лежать, сраженные отравой, излучаемой цветами.

Вдруг один из бутонов шевельнулся. Из гущи лепестков высунулись тонкие, прозрачные трубочки, подергались словно от ветра и задели обнаженный бок Тонгора. Мгновенно отвердев, они острыми иглами вонзились в плоть и принялись... высасывать кровь.

Глава 11
ГОРОД, ПРОСТОЯВШИЙ ТЫСЯЧУ ВЕКОВ

«Странны и пустынны обширные равнины Востока, населенные воспоминаниями минувших эпох. Там высятся сонмы мертвых городов первых королевств Человека... и там, на отягощенной веками, загроможденной развалинами земле, собралось то, что осталось от древней тьмы...»

Великая Книга Шарата

Зандар Занд был испуган, но более того — глубоко встревожен. Чуть ли не с самого начала его планы пошли наперекосяк, чего никогда не случалось со столь искусным вором.

Сперва ему не удалось похитить сына Тонгора — Тара, малолетнего принца Патанги. Неожиданное появление валькара нарушило его план, вынудило бежать, прихватив в качестве приза только королеву. Его хозяев из приморского Тсаргола не обрадовала бы такая, пусть и частичная неудача. Но и этого оказалось мало.

Чуть ли не с первой же минуты бегства Зандара Занда из Патанги — Города Огня — его преследовал по пятам военный летучий корабль. Это тоже не входило в планы вора из Тсаргола. Погоня лишила его возможности отправиться прямиком в город своих хозяев. Вместо этого ему пришлось выбрать другой, более дальний маршрут, отправиться на восток. Там надеялся

он замести следы, спрятавшись под густой завесой грозовых туч, оторваться от преследователя, затеряться в ночи среди облаков.

Но и длительный побег не сделал его победителем: произошла страшная катастрофа — неожиданное столкновение с чудовищной горой. Пленница Зандара Занда, саркайя Соомия, погибла жуткой смертью, упав вниз, в ужасную пропасть, в то время как самому вору удалось перепрыгнуть на скальный карниз, где он и остался лежать оглушенный, весь в синяках, трясущийся, затерянный в сердце Лемурии, безнадежно застрявший почти на самой вершине самого высокого пика в мире.

Только счастливая прихоть судьбы дала ему шанс, какой выпадает лишь раз в жизни. Когда летучий корабль преследователя оказался в пределах досягаемости, вор смог перебраться на палубу. Сначала он ошибочно принял этот воллер за тот, на котором прилетел сюда из Патанги. Но очень скоро Зандар Занд обнаружил свою ошибку: на этом судне пульт управления оказался целым, тогда как на его корабле он разлетелся вдребезги, разбитый во время неожиданного нападения королевы. Да и вряд ли судно смогло бы уцелеть после удара о каменную стену.

Сопоставив все это, Зандар Занд понял, что он захватил воллер своего неизвестного врага — того, кто безжалостно гнался за ним через пол-Лемурии только для того, чтобы самым таинственным образом исчезнуть. Зандар Занд не знал, что сам Тонгор, муж увезенной им королевы, правил этим воллером, следуя по пятам за похитителем своей жены... Не догадывался вор и о том, что, захватив неуправляемый корабль, он поменялся местами с великим сарком Патанги, оставив его на черном мраморном утесе в точно таком же положении, в каком до того находился сам. Ему и в голову не пришло, что Соомия осталась жива после падения в темную пропасть.

Вор знал лишь одно: он потерпел неудачу. Соомии у него больше нет. Малолетнего принца Патанги он украсть не сумел. Теперь — если он когда-нибудь вернется в Тсаргол и предстанет перед Ялимом Пелорвисом, верховным Великим хранителем Слидита, Нимадаком Квелом, представляющим разгромленный и объявленный вне закона культ Ямата — Огненного Бога, и другими, кто замышлял заманить Тонгора в смертоносную ловушку и завоевать его молодую империю — ему нездоровится. Зандар Занд не смог добыть то, за чем они его послали!

И теперь невозможно что-либо исправить. Вор Тсаргола, избежавший тысячу ловушек благодаря своему разуму и ловкости, теперь сам угодил в западню.

Мало того... он к тому же еще и заблудился. Он летел теперь над страной, которую никогда не видел и о которой никогда раньше не слышал. Под ним простиралась огромная бескрайняя степь, где нет ни дороги, ни моста, ни города, ни лагеря кочевников, ни бивачного костра.

Сфера направления сообщила ему, что корабль летит на восток. Это странное устройство — изобретение волшебника Шарата — состояло из стеклянного шара, надежно укрепленного на пульте управления в кабине воллера. В сфере находился подвешенный на тонкой нити металлический маятник. Эта крошечная стрелка всегда указывала только на север благодаря какой-то неведомой магической силе. Зандар Занд, конечно, никогда не слышал о магнетизме и не знал, что хитроумное устройство Шарата являлось, в сущности, первым в мире компасом.

Как далеко на восток залетел вор?

Сколько лиг пролетел он прошлой ночью? Зандар Занд проник на территорию дворца в первый час после заката и почти тотчас же захватил королеву... Столкновение с горой произошло как раз перед рассветом, поскольку вскоре после попадания на борт второго воздушного корабля Зандар Занд увидел красочный восход солнца. Значит, он летел на восток немного меньше половины суток.

Насколько быстро летел корабль? Этого Зандар Занд, конечно, не мог знать, потому что еще не существовало приборов, способных измерять скорость полета. Невесомые суда Патанги двигались, подгоняемые пропеллерами, которых заставляли вращаться гигантские скрученные пружины, протянувшиеся вдоль всего судна от носа к корме. Хотя и трудно оценить силу натяжения этих чудовищно огромных пружин или то, насколько они эффективны, практически невесомый корабль малых размеров и обтекаемых пропорций мог преодолеть за световой день не меньше тысячи лиг. Скорее всего, именно такое расстояние и пролетел Зандар Занд!

От такой мысли у вора замерло сердце.

О землях к востоку от Ардатских гор не было известно решительно ничего, кроме туманных слухов, древних мифов и лживых выдумок отчаянных путешественников. Не существовало никаких карт этих диких равнин, а единственным населенным

людьми городом во всем этом огромном регионе являлся страшный Заар. Только дурак или сумасшедший мог решиться сунуться к мрачным воротам этого запретного города!

Судя по тому, что знал или когда-либо слышал Зандар Занд, на равнинах Востока жили рохалы — свирепые воины-кочевники, дикие синекожие великаны, ведущие бесконечные войны друг с другом и пребывавшие в вечной вражде со всеми людьми.

Здесь Зандар Занд определенно не мог найти убежища.

И все же: раз Тсаргол для него закрыт, куда же ему отправиться?

Позволив кораблю бесцельно кружить по яркому полуденному небу, вор нахмурился. Среди варваров он не сможет найти безопасного убежища, это уж точно. Не посмеет он и вернуться в Тсаргол: признавшись в своей неудаче, он сам вынес бы себе страшный приговор. В Патанге, Турдисе и Шембисе правили Тонгор и его друзья. Там Зандара ожидает лишь быстрая и кровавая смерть.

Но в Лемурии существовали и другие города. Во время бегства из Патанги Зандар Занд пролетел мимо Дарундабара и мимо Далакха — самого восточного города, населенного людьми. Во время своих скитаний по городам Запада Зандар Занд ни разу не бывал там и мало что знал о правителях этих городов, об обычаях их жителей. Наверное, ему следовало бы повернуть острый нос воллера на запад. «Вор всегда может заработать себе на жизнь среди людей»,— подумал он, цинично усмехнувшись.

Да и что еще он мог бы придумать?

Возникла мысль о Возашпе — городе, возвышающемся на берегу Южного моря... Но нет, Возашпа находилась слишком близко к Тсарголу, для того чтобы вор смог почувствовать себя там в полной безопасности. А еще дальше к западу, вдоль Патангского залива, раскалывающего континент Лемурии надвое почти до самого его сердца, стояли богатые города Таракус, в котором процветала торговля красками и резными изумрудами, и Пелорм, где обрабатывали червонное золото, а люди носили голубые тюрбаны. Где-то там находился и Зангабал, откуда привозили розовые жемчужины и медные слитки. В этом таинственном городе жители красили лица в красный и зеленый цвета, а копья украшали султанами перьев. Но беда в том, что эти города находились между Патангой и Тсарго́лом... Слишком близко и к одному, и к другому городу — Зандар Занд не мог бы там спокойно уснуть...

Однако вор должен был приземлиться... и как можно скорее. Он устал после бессонной ночи. Его измучили голод и жажда. Но ничто на бескрайних равнинах внизу не вызывало желания спустить корабль. Более того — все увиденное там вызывало у него еще большую решимость оставаться в воздухе.

Один раз, вскоре после полудня, он пролетел над большим караваном кочевников, который, извиваясь, полз по равнине подобно бесконечной змее со сверкающей чешуей. Зрелище восхитило и испугало Зандара Занда. Сотни огромных трехколесных металлических колесниц, просторных, как дома, и великолепно изукрашенных золотом и сверкающими самоцветами. В этих гигантских повозках, запряженных зампами, ехали женщины и дети.

Рядом с цепью громадных колесниц ехал эскорт из двадцати тысяч вооруженных всадников. Эти синекожие великаны в кожаном ременном снаряжении, усыпанном бесценными самоцветами и бляшками редких металлов, служили живым воплощением варварской пышности, что подчеркивалось яркими перьями головных уборов и сказочными плащами из бархата, расшитого золотыми и серебряными нитями. Воины держали наготове ужасные копья, достигавшие в длину двадцати пяти локтей. Синекожие исполины проезжали под килем воздушного судна верхом на длинношеих быстроногих рептилиях, кротерах. Когда Зандар Занд пролетал над ними, воины стали потрясать копьями и громко выкрикивать угрозы. Эти всадники принадлежали к страшной Задакской Орде, не знавшей никаких союзов, и теперь намеревались поработить немногочисленные племена Шанг и Тэд, кочевавшие по степи много севернее. Вор завороженно наблюдал грандиозное зрелище похода. Воины не торопясь проезжали под днищем воллера, иной раз выпуская в его направлении черные стрелы.

С безопасной высоты Зандар Занд рассмотрел сердце вытянувшегося на целые лиги каравана — кортеж великого вождя Зартома Грозного. Сам вождь ехал на огромной колеснице, покрытой пластинами золота и усыпанной тысячами самоцветов, пылающих всеми цветами радуги.

Когда караван Задакской Орды превратился в крошечную линию, вор повернул свое судно на юг. Вечерние тени над равнинами становились все длиннее. Скоро наступит ночь. Зандар Занд знал, что должен найти еду, воду и убежище до наступления темноты. Он так оголодал, что дрожал от слабости, а жажда

сжигала его, словно неуемный пожар, опаляя горло. Язык вора стал сухим, как старый пергамент.

Теперь, не ведая о том, он пролетал над обширными территориями, на которые притязали кочевники джегга, воевавшие в настоящее время со своими западными соседями, племенем Карзана.

Не город ли возник там, на горизонте? Сердце в груди вора радостно подпрыгнуло, а сжимавшие штурвал руки задрожали. Наверняка город! Зандар Занд увидел широкую каменную дорогу, ведущую к его воротам... А потом в сумерках стали ясно различимы величественные мрачные стены. Зандар Занд летел прямо к громадному метрополису из серого камня. Под ним проплыли могучие здания. Тогда вор замедлил скорость воллера и сделал несколько кругов... От разочарования он едва не зарыдал! Если в городе и жил кто-то, то только дикие звери и змеи. Город лежал в руинах уже столетия, а может, и тысячелетия. Меж его обвалившихся стен и во дворцах без крыш, наверное, уже тысячу лет не бывал ни один человек. Даже смерть покинула эти разбитые улицы, не находя пищи для своего шабаша... Но похоже, он ошибся — люди здесь все-таки обитали! В сердце мертвого метрополиса находилась центральная площадь, без которой не обходился ни один лемурийский город — такая же обычная деталь архитектурного стиля, как и окружающие город стены. Вот на этой большой площади-форуме собралась огромная толпа. Они столпились вокруг погребальных костров... Нет — вокруг двух столбов, торчащих из кучи сухих дров. Уже окончательно стемнело, лишь зловеще разгоралось дымное пламя костров. Кто зажег его — синекожие великаны-рохалы или какое-то затерянное человеческое племя, каким-то образом выжившее в этом уголке Земли?

Вор стал снижаться, чтобы выяснить это.

* * *

Шаман Тэнгри бесился от ярости, грызущей его сердце. Он держал Джомдата в своих руках и предал бы вождя мучительной смерти, если б не выскочил из ниоткуда неизвестный чужеземец, спутавший его планы. Теперь колдун поглаживал свою покалеченную руку, кусая тонкие губы от ненависти. Лев отогнал его от пойманной им добычи, но он, подобно шакалу, дождется своего часа и вернется к пиршеству.

Теперь шаман ехал во главе дюжины воинов. Бежав от Тонгора, он поспешно вернулся в разрушенный город Альтаар, где разбила лагерь орда джегга, собрал отряд своих верных сторонников и быстро вернулся к стоянке Джомдата... Там он обнаружил, что старик скрылся вместе с таинственным незнакомцем, помешавшим шаману пытать ненавистного упрямца!

Следы показали, что беглецы покинули лагерь верхом на большом зампе. К счастью, к югу лежали бесплодные земли, и трехпалые отпечатки лап зампа отчетливо виднелись даже в меркнущем вечернем свете. Тэнгри и его подручным повезло, что они скакали на кротерах, способных передвигаться намного быстрее, чем тяжеловесные зампы.

Колдун боялся лишь того, что ночь накроет их раньше, чем они нагонят беглецов. Очень скоро большое солнце Лемурии скроется за горизонтом, мир погрузится во тьму, и станет невозможно различать следы. Тэнгри с нетерпением подгонял своего скакуна. Старый вождь не должен второй раз вырваться из его когтей! Шаман чувствовал себя настоящим властителем племени джегга и твердо верил, что может теперь спокойно на глазах у всех соплеменников подвергнуть пыткам и казнить бывшего вождя — это должно еще больше укрепить его власть и устранить возможных союзников его единственного соперника!

Неожиданно один из разведчиков остановился и что-то выкрикнул. Тэнгри подхлестнул своего кротера и легким галопом поскакал вперед, посмотреть, что тот обнаружил.

Внезапно в сердце шамана вспыхнула черная радость! В меркнущих лучах заходящего солнца он увидел Джомдата из племени джегга и неизвестного воина, лежащих среди смертоносного поля серых цветов...

— Хай... Джегга! — воскликнул он.— Розы Смерти поймали нашу дичь! Вперед, мои воины. Отберем добычу у этих цветочков! — Раздалось безобразное кудахтанье, видимо означавшее смех, но даже сопровождавшие шамана воины, с колыбели приученные к смерти и ужасу, содрогнулись от скрежещущих звуков этого смеха.— Ну-ка быстро, пока эти кровопийцы не высосали их досуха... да задержите дыхание, придурки, чтобы не нанюхаться испарений и не уснуть рядом с ними!

Синекожие воины знали свое дело. Еще до наступления ночи шаман и его приспешники вернулись в мертвый город Альтаар вместе со связанными и бесчувственными Джомдатом и Тонго-

ром... Их вырвали из объятий цветов-вампиров, чтобы предать гораздо более мучительной смерти на кострах кочевников джегга посреди большой площади Альтаара.

Глава 12
ЧЕРНЫЕ ДРАКОНЫ

Мир широк, длинна дорога,
Мы шагаем с песней в ногу,
Впереди нас битва ждет,
И добыча и почет!

Боевая песня Черных Драконов

Подлетая к Патанге после беседы со старым Шаратом, мудрым волшебником Лемурии, Карм Карвус застал город в самый разгар подготовки к войне с неизвестным врагом. Посланцы на быстроногих кротерах принесли Алое Знамя в Шембис, и могучий Турдис с боевыми легионами раскинул лагерь под золотыми стенами Города Огня. Из кабины своего воллера Карм Карвус различил флаги старого Баранда Тона, сарка Турана, и молодого Элда Турмиса, сарка Шембиса. Вид столь могучих армий, поспешивших на защиту столицы сарконата Трех Городов, обрадовал его.

С дерзким мастерством молодой посланник посадил летучий корабль на крышу дворца и заторопился в зал Совета Королей, где застал ожидающих его властителей всех трех союзных Городов.

* * *

Великолепный портал открылся, и Карм Карвус быстро вошел в громадный зал, мраморные стены которого украшали великолепные гобелены, изображавшие сцены охоты, эпизоды битв и любовные игры богов.

Облаченный в позолоченные ремни, искрящийся серебряный шлем и широкий голубой плащ, Карм Карвус, даотар Воздушной Гвардии, являл собой воплощение молодой энергии. Он остановился у торца стола, выхватил из ножен свою рапиру и швырнул ее на столешницу.

Металл зазвенел. Лицо Карма Карвуса горело от негодования.

— Жители Патанги! — вскричал он.— На нашу королеву наложил свои подлые руки город моих предков Тсаргол! Великий Шарат, отходя в заоблачные чертоги Горма, Отца Звезд, заглянул в свой магический кристалл и узнал, что войну затевает именно Тсаргол.

Все оцепенели. Вожди встревожились, но ни один из них не выказал никаких признаков страха. Прямодушный старый Мэл, герцог Тесонии, прорычал грубое ругательство. Гибкий, язвительный виконт Дру, двоюродный брат Соомии, задумчиво провел тонким пальцем по своим шелковистым усам, в то время как другая рука его, дрожа, сжала рукоять меча. Мудрый старый Эодрим, иерарх Храма Девятнадцати Богов, помрачнел и задумался. Он выглядел по-прежнему усталым и печальным, но величественным.

Первым заговорил дородный краснолицый барон Селверус:

— Значит, это война... На Тсаргол! Мы отучим этих трусливых хранителей распускать грязные лапы...

Мужчина средних лет в плаще и шлеме, стоявший лицом к окну, повернулся к собравшимся. Его коротко подстриженную черную бороду пронизывали серебристо-серые нити, но в остальном годы обошлись с ним милостиво. Он по-прежнему держался все так же прямо, щеголяя военной выправкой. Это был Зэд Комис, командир Черных Драконов — гвардии Тонгора.

— Господа, войска Трех Городов готовы выступить в поход хоть сейчас. Если наш враг — Тсаргол, как говорит даотар Карм Карвус, тогда, клянусь всеми богами, давайте обрушимся на него! Вы отдадите мне такой приказ, герцог Мэл?

Мужественный старый герцог жаждал битвы.

— Да, Зэд Комис... пусть трубы прогремят так, чтобы небо треснуло!

Одобрительный рев перекрыл слова Карма Карвуса.

— Герцог Мэл! Подождите!

Мэл обернулся.

— Но мы должны выс...

Голос Карма Карвуса зазвенел, перекрывая его слова:

— Подумайте, господа, еще немного. Тсаргол расположен за много лиг к югу от нашего города, на самом берегу Южного моря. Для того чтобы перебросить туда войска, потребуется день, а может, и два, даже если все отправятся в путь на быстрых кротерах. Разве я не прав?

Ответил ему все тот же Зэд Комис:

— Да, даотар. Но единственное, что мы можем сделать, это тотчас же протрубить «в поход» и как можно быстрей отправиться в путь!

Ответ Карма Карвуса оказался неожиданным.

— Мы можем уже через несколько часов быть у стен Тсаргола!

Мэл недовольно потер бороду, а Зед Комис продолжил:

— Да... да. Но... сможем ли мы поднять на воллерах всю армию? Как насчет...

Он собирался спросить, как корабли смогут перевезти большие тараны и осадные башни, катапульты и другие тяжелые машины, необходимые для ведения войны... А потом начал смутно понимать, что имел в виду Карм Карвус... Глаза военачальника засверкали от волнения! Со звоном ступая по мраморным плитам, рослый командир Черных Драконов подошел к даотару Воздушной Гвардии и восторженно хлопнул его по обнаженному плечу.

— Клянусь всеми богами, Карвус прав! — рассмеялся он.

Сбитый с толку Селверус недоуменно моргнул... Отец Эодрим ничего не понимал... Даже виконт Дру выглядел озадаченным.

Зэд Комис ухмыльнулся, по-тигриному оскалив острые зубы.

— Господа... мы по-прежнему мыслим категориями той войны, какую знали и вели раньше! Но наш повелитель Тонгор изменил положение вещей, когда год назад завершил строительство воздушного флота. Неужели вы еще не поняли, о чем говорит Карм Карвус?

Мэл по-прежнему задумчиво молчал. Остальные пожали плечами, пока еще не понимая, в чем дело. Командир Черных Драконов снова рассмеялся.

— Да вы только посмотрите, господа, ведь теперь в нашем распоряжении есть оружие, которое навсегда сделает устаревшими те тяжелые военные машины, какие применяли наши отцы. Зачем перемещать людей по суше, скакать на кротерах, когда Воздушная Гвардия может за два-три часа перебросить их к заданной цели! Зачем нагружать тихоходных зампов едой и припасами для долгого перехода, когда ни еды, ни припасов, ни самих зампов не понадобится? Зачем вообще обременять войска всеми этими массивными атрибутами — осадными машинами и таранами?

На это отозвался лишь виконт Дру:

— Я полагал, что такие машины должны помочь нам пробиться через стены вражеского города... Я разве не прав?

— В общем, да, милостивый виконт,— усмехнулся Зэд Комис.— Но зачем нам нужно пробивать бреши в стенах Тсаргола... когда Воздушная Гвардия может просто перелететь через них?

Вот тут-то военачальники поняли, что он имеет в виду. Их глаза вспыхнули от восторга, хотя в них еще сквозило недоверие.

Зэд Комис повернулся к Карму Карвусу.

— Может ли даотар Воздушной Гвардии сказать нам, сколько воинов способен перевезти его флот? — решительно спросил он.

Карм Карвус кивнул.

— Наш флот может перевезти двадцать тысяч воинов и их оружие,— ответил он.

Услышав это, герцог Мэл нахмурил брови.

— То есть,— медленно проговорил он, тщательно обдумывая каждое слово,— Воздушная Гвардия может принять на борт всех Черных Драконов вместе с патангийскими лучниками, и еще останется место для дворцовой гвардии и войск, подошедших из северных городов вместе с Элдом Турмисом и Барандом Тоном. Но тогда останутся вне игры пятнадцать тысяч всадников...

— Которые могут остаться охранять Патангу от вероломного нападения! — подытожил Зэд Комис.

Мэл встал, затянул малиновый плащ вокруг массивной талии.

— Тогда пусть трубят трубы, Зэд Комис. Грузите Драконов на воллеры... Я только надеюсь, Карм Карвус, что сила урилиума способна поднять в небо толстого старого Селверуса и меня... Мне не хотелось бы прибыть в Тсаргол и обнаружить, что город уже завоеван, а моему топору не осталось работы!

И тогда заревели трубы!

Никогда прежде стены Патанги не видывали более красочного зрелища, чем отбытие воздушной армады, которая вскоре отправилась в поход. Паря с неземным величием, могучие корабли сверкали на солнце, поднимаясь над зелеными полями и пологими холмами в утреннем небе. Флот направлялся на юг.

На носу и над кабиной каждого судна колыхались на ветру длинные знамена — на голубом поле золотое полотнище Патанги с угловатым Черным Ястребом валькаров. Тут же развевалось знамя великого Турдиса — алый дракон на черном — и серебряно-зеленое знамя Шембиса.

Штурвалом каждого судна управляли гвардейцы Карма Карвуса, одетые в просторные голубые плащи. В каютах и на палубах кораблей можно было увидеть Черных Драконов в угольно-чер-

ных плащах и с ужасными драконьими гребнями на шлемах, прославленных патангийских лучников в одеждах, вышитых золотом, с большими боевыми луками наготове и колчанами, полными стрел, воинов и опытных ветеранов из войска Трех Городов.

В авангарде флота летели три быстрых корабля с Элдом Турмисом из Шембиса, Барандом Тоном из Турдиса, бароном Селверусом и герцогом Мэлом, виконтом Дру, Кармом Карвусом и его другом Зэдом Комисом. Под ними лига за лигой проносилась лесистая Птарта, и пока ничто не нарушало спокойный полет, Карм Карвус тихим голосом рассказал своим спутникам все, что узнал от великого волшебника Лемурии.

— Если старый Шарат прав... а я не знаю ни одного случая, чтобы мудрый маг ошибся... то этот вор, которого отрядили тсарголийцы, украл Соомию, но потерпел неудачу.

— Значит, ни Тонгора, ни Соомии в Тсарголе нет, так? — спросил Мэл.

— Да,— кивнул Карм Карвус.— Поэтому у нас, герцог, нет никаких причин останавливаться, пока не разберем Тсаргол до последнего камня... Если бы саркайю держали там в плену, то тсарголийцы смогли бы шантажировать нас.

— Мне непонятно, что имел в виду этот волшебник, говоря, что саркон и королева находятся на востоке,— с волнением сказал Мэл.— Не нравится мне это... Там, на востоке, страна рохалов, а с таким народом опасно связываться... Но сейчас на карту поставлена судьба Патанги... Поэтому сначала мы сровняем с землей Тсаргол, а уж потом станем беспокоиться, как найти Тонгора и его жену...

* * *

Воздушный флот Трех Городов, словно громадная гряда серебряных облаков, пронесся над лесом и исчез на юге, где у Южного Моря высились мрачные стены Тсаргола.

Хайяш Тор спланировал все правильно. Рассыпавшиеся по безлюдным землям Птарты разведчики молниеносно известили его о приближении летящей армады с помощью системы сверкающих зеркал, и, прежде чем воздушный флот Патанги одолел половину расстояния до Тсаргола, армия Хайяша уже вышла на равнину. Он проехал перед войсками на белоснежном зампе, сверкая позолоченной кольчугой. Алые перья колыхались на его

шлеме. Наступил миг его торжества, и он упивался им. Некогда он был даотарконом Турдиса, верховным главнокомандующим объединенных войск безумного сарка Фала Турида. Когда-то Хайяш Тор во главе самой могучей армии, какая когда-либо собиралась в Лемурии, воевал с Патангой... и тогда всего лишь один летучий корабль поверг в прах всю его славу. Тогда Тонгор одержал победу над его армией, его сарком и над ним самим.

Сегодня он напишет славное продолжение того мрачного дня! Сегодня гордость Патанги разлетится в пух и прах, и имя Хайяша Тора прогремит на весь мир. Он верил в это...

* * *

Арзанг Пауме пребывал в раздражительном и безрадостном настроении. Этот приземистый, похожий на жабу человечек меланхолично жевал душистые засахаренные фрукты, двигаясь в пышной свите Хайяша Тора. Он терпеть не мог активную деятельность, ненавидел верховую езду и испытывал полное отвращение к войне. Кроме того, он не понимал, с какой стати им лезть прямо в пасть дракону.

Если Тонгор на одном корабле разгромил войско Турдиса в битве, стоившей маленькому Арзангу Пауме его трона, то каким образом Хайяш Тор надеялся одолеть тысячу этих проклятых боевых судов? Хайяш Тор промолчал, когда Арзанг Пауме раздраженно спросил его об этом. Он лишь холодно улыбнулся, раздвинув губы в волчьем оскале, и посоветовал проявить терпение... Арзанг Пауме вздохнул и покапался в шкатулке, отыскивая новые сласти. Он считал, что сегодняшний день закончится катастрофой, как закончился и тот, другой день, там, под гигантскими стенами Патанги.

* * *

Нимадак Квел был молчалив, насторожен, бдителен. Холодные глаза последнего Желтого Великого хранителя глядели в сторону Хайяша Тора с нескрываемой злобой. Нимадак Квел видел, как Тонгор принес гибель его господину — Вапасу Птолу, который некогда носил эти одежды как иерарх Ямата, Огненного Бога. Он видел, как могучий валькар уничтожил культ Ямата, выгнал его жрецов, словно бездомных бродяг... Нимадак

Квел знал, что сегодня он увидит конец этой повести: именно сейчас станет ясно, выживет ли культ, последним Великим хранителем которого он был... или погибнет. Нимадак Квел гадал, не был ли Хайяш Тор просто высокомерным, напыщенным, чересчур самоуверенным дураком... или у него и в самом деле есть какой-то тайный план, при помощи которого он сможет победить летучую армаду?

* * *

Ялим Пелорвис ехал в янтарном паланкине, но мысли его витали далеко отсюда. С тех самых пор, как Тонгор из валькаров вырвался с великой арены Тсаргола, на которой ему надлежало умереть, и убил Друганду Тала, последнего сарка Тсаргола, подняв, таким образом, Ялима Пелорвиса к высотам власти... с тех самых пор Ялим мечтал о смерти валькара. Не из-за убийства Друганды Тала — об этом даже думать не стоило, но Тонгор умыкнул священный Звездный Камень из башни слоргов, где тот хранился тысячу лет... Именно за это немыслимое преступление Ялим Пелорвис и поклялся убить валькара на алтаре Слидита. Он с наслаждением представил, как будет долго мучить северянина, чтобы тот искупил чудовищное святотатство. Эти мысли утомили Ялима. Узкие глаза закатились... Костлявая рука скользнула в усыпанную драгоценностями шкатулку и поднесла к ноздрям щепотку зеленоватого порошка. В занавешенном паланкине возник головокружительный аромат нотлая, Цветка Снов, и повелитель Красных хранителей почувствовал, как искрящиеся волны сонной магии подхватили его душу и понесли ее на крыльях наркотической пыли...

* * *

Хайяш Тор остановил войска и развернул легионы в форме колоссального ятагана из сверкающего металла, выгнутого на север. Стены Тсаргола остались у них за спиной. Уже скоро могучий флот в тысячу летучих кораблей покажется на горизонте... Вот тогда-то он и ударит!

Он быстро оглянулся на огромных зампов, запряженных в массивные деревянные повозки. Хранители выгружали из них таинственные шары хрупкого черного стекла. В соответствии с

тщательно разработанным планом из обоза подтянули огромные катапульты. В их чашки стали осторожно укладывать стеклянные шары. Хайяш Тор беззвучно рассмеялся от явившегося внезапно воспоминания.

Два года назад, в Турдисе, он видел, как старый мудрый Оолим Фон испытывал свое новое изобретение, и слушал объяснения хитрого старого алхимика, каким образом можно уничтожить магические силы урилиума.

«Известно лишь одно вещество, которое может разрушить силу волшебного металла, —дрожащим голосом говорил тогда старый алхимик.— После соприкосновения с этим веществом летучее судно обретет свой реальный вес и сможет подняться в воздух лишь половину суток спустя. А до тех пор оно будет лежать бесполезной грудой металла, придавленное собственной тяжестью...»

Хайяш Тор хищно оскалился. Он скрывал эти полезные сведения до той поры, пока не сможет воспользоваться ими. Но время настало! Тот редкий минерал, о котором говорил старый Оолим Фон, теперь заключен в виде порошка в хрупкие шары. Когда воздушная армада Патанги окажется на расстоянии выстрела из катапульт, он подаст сигнал, и в небо полетят стеклянные бомбы. Они разобьются о корпуса воздушных судов...

Полководец снова усмехнулся.

Ему не терпелось насладиться этим зрелищем.

Глава 13
КОЛДОВСКАЯ БАШНЯ

«...А далеко на востоке по-прежнему нерушимо вздымались черные стены Заара — Города Магов, где свершались мрачные обряды во имя Третьего Повелителя Хаоса — Тамунгазота, Властелина Магии. Здесь за долгие века, со времени падения Немедии и первых королевств Человека, Черные Маги собирали темные знания, дожидаясь своего часа, чтобы нанести удар...»

Лемурийские Летописи

Постепенно королева Соомия полностью пришла в себя, очнувшись от наркотического транса, вызванного какими-то ма-

гическими флюидами. Сначала она никак не могла понять, как очутилась в этом странном месте. Ее память не содержала никаких воспоминаний, словно пергаментный свиток, на котором пока еще ничего не написали или с которого стерли написанное. Ей смутно виделся Шангот — кочевник... они возвращались к стану Джомдата из племени джегга, его отца... когда...

Но нет. Она никак не могла вспомнить того, что случилось. Кажется, они сбились с пути... Постепенно перед ее мысленным взором возникла странная башня из черного стекла, поднимавшаяся ввысь как рука из эбенового дерева, зажавшая в когтях огромный кристалл, который своим чудовищным блеском притягивал к себе...

Внезапно Соомия все вспомнила... и в отчаянии огляделась!

Она находилась в почти неосвещенном помещении с высоким сводом, прикованная к колонне из черного стекла, которая, казалось, вырастала из стекловидного пола, словно темный обсидиановый сталагмит. Или... нет, ее руки оставались свободными. Просто королева не могла оторвать их от колонны. Ладони были прижатыми к шероховатому холодному стеклу, сколько Соомия ни старалась вырваться из захвата магической силы... Она напоминала муху, угодившую в липкий сок растения-хищника. Достаточно странно, но действовала эта сила только на ладони Соомии, оставляя телу видимость свободы.

Саркайя огляделась. Помещение оказалось обширной пещерой, возникшей естественным путем, а не благодаря человеческому труду. Неровный пол к краям этого зала поднимался, переходя в стены, и их изъеденные временем поверхности подобно стенам каньонов уходили высоко вверх, смыкаясь там сводчатым потолком.

В центре зала на черном блестящем полу светился пылающий круг. Он сверкал холодным зеленым огнем, словно фосфоресцирующий глаз гигантской кошки. В круге возвышался белый трон. Его поверхность украшала резная вязь грубых иероглифов, принадлежащих какому-то неведомому древнему языку. Рядом с этим величественным креслом находился пьедестал или аналой из той же, что и трон, древесины, а на нем лежала раскрытая книга, словно приготовленная для какого-то обряда или службы. Похоже, листы книги были не бумажными или пергаментными, а, скорее, металлическими... сделанными из тончайшего листового металла какого-то зеленовато-серебрис-

того сплава, неизвестного Соомии. На металлических листах виднелись выгравированные там сложные символы... странные узоры, выделенные алыми, эбеново-черными, серно-желтыми и индиговыми красками. Эти цветные переплетения переливались, образуя вокруг огромной книги ореол света. Сам воздух возле нее, казалось, пульсировал с какой-то неведомой силой, заключенной в таинственных символах. Соомия даже не догадывалась, что видит перед собой «Сардатмазар» — Книгу Власти.

Исходивший из фосфоресцирующего круга свет становился все ярче. В его отсветах Соомия вдруг увидела Шангота. Синекожий великан стоял, окованный той же невидимой силой, что удерживала и ее, на другом конце зала. Он уронил голову на могучую грудь, но находился в сознании, хотя Соомии поначалу и показалось, что тот все еще пребывает в беспамятстве. Уловив движение королевы, кочевник поднял голову и заговорил.

— Не падай духом! — спокойно подбодрил он женщину.

Соомия кивнула и через силу улыбнулась, хотя сердце и сжимали тиски страха. Она попыталась вообразить, как повел бы себя Тонгор при таких обстоятельствах. Наверное, он сказал бы: «Я еще жив, а пока живу — надеюсь».

Неожиданно в круге зеленого света возник человек.

Мгновение назад его там не было. Не видела Соомия и того, как он входил в зал. У женщины похолодело в груди при мысли о сверхъестественном способе его появления. Словно сама темнота сгустилась в плотное облако, превратившись в очень высокого человека, закутанного в необычную одежду. Незнакомец стоял, насмешливо глядя на королеву. Его глаза отсвечивали на бледном лице, словно осколки льда. Потом он уселся на трон и заговорил. Резкий звук его голоса больно отозвался в сердце женщины.

— Приветствую королеву Соомию, дочь Дома Чонда, саркайю Патанги и Трех Городов! И принца Шангота, сына Джомдата — вождя кочевников племени джегга. Давно уж мой бастион не принимал в своих стенах гостей столь высокородных и знатных!

Шангот ответил за них обоих.

— Радушный хозяин не связывает гостей, словно диких зверей,— бросил он с достоинством.

Хозяин замка рассмеялся.

— Связывает, говоришь? Что-то не видно ни пут, ни цепей! Ты можешь двигаться, если хочешь, кочевник... Или ты пред-

почитаешь не двигаться, а? Тогда не жалуйся на мое гостеприимство.

Соомия гордо подняла голову и, не дрогнув, взглянула прямо в глаза незнакомцу.

— Ты знаешь, что наши оковы порождены магией. Нужно ли еще насмехаться над нами? В моей стране с пленными и то обращаются лучше, а ты назвал нас гостями!

Незнакомец спокойно улыбнулся, откидываясь на спинку кресла. Пульсирующий свет стал ярче. Исходя от раскрытого гримуара на аналое, он окрасил черты незнакомца цветными огнями.

— А! Твоя страна. Да... мы в последнее время очень заинтересовались вашей страной на западе. Мы должны поговорить об этом... Но полно, радушному хозяину негоже так поступать. Я же не представился!

— Сделай одолжение,— равнодушно сказала Соомия.— Мне хотелось бы знать, кому я обязана за столь «любезный» прием.

Незнакомец слегка поклонился, но с кресла не встал.

— Меня зовут Адаманкус, маг из города Заара и один из членов его Совета. Я — Хранитель Северных Границ, и из этого бастиона, как с заставы, слежу за землями, по которым кочуют орды беспокойных рохалов... Иной раз ко мне заходят гости, такие вот, как вы...

— Я запомню твое имя,— ответила Соомия.

Волшебник поднял брови в притворном удивлении.

— В самом деле? Ну, к этому мы вернемся позже, саркайя. Мы говорили о вашем королевстве Патанга... О, да, это название последнее время часто всплывало на Совете девяти Архимагов. То, что происходит в вашей западной стороне, все больше заботит нас. Мы недовольны последним поворотом событий. Я говорю об этом выскочке-авантюристе, Тонгоре из клана валькаров, женой которого, как я понимаю, ты и являешься.

Соомия лишь едва заметно вздрогнула.

— Тонгор? Какое тебе до него дело?

Маг пожал плечами.

— Дела нам до него действительно мало или совсем нет... пока. Но грядет время, когда нам придется... э... чуть-чуть вмешаться в дела его растущей маленькой империи, до того как она перестанет быть просто небольшим неудобством. Хотя уже сейчас наши планы относительно племен, живущих на западе, нарушены этим авантюристом с его маленькой империей... Да...

Что-то придется предпринять...— Колдун умолк, задумчиво глядя перед собой, положив подбородок на сжатый кулак. На пальцах его сверкали талисманы-самоцветы и заговоренные кольца.

Озадаченная Соомия рискнула спросить, какие именно планы сорвал Тонгор. Колдун мрачно нахмурился, поджав губы.

— Этот неотесанный варвар впервые привлек наше внимание не более восемнадцати месяцев назад. Наши могущественные повелители и наставники — страшные Наргасаркайи, которых вы, жители Запада, зовете Королями-Драконами, миллионы лет до сотворения Фондата Перворожденного и пришествия людей правили Землей. Короли-Драконы строили великие планы, а этот выскочка-северянин сорвал их грандиозный замысел открыть портал в иной мир, чтобы Владыки Хаоса, которым мы служим и поклоняемся вместе с Наргасаркайями, могли бы вернуться в наш мир. Из-за вмешательства твоего мужа труд тысячи веков остался незавершенным, а последние из Королей-Драконов погибли...

У Соомии закружилась голова от такого откровения! Короли-Драконы — долгоживущая раса разумных ящеров — господствовала на Земле в век пресмыкающихся. Их сломили первые королевства людей. Силы Королей-Драконов истощились во время Тысячелетней войны — люди перебили их. Лишь немногие из злобных повелителей сумели ускользнуть. Чудовища бежали к внутреннему морю Неол-Шендис. Они прятались в гористом сердце континента, отдыхали там долгие века, накапливая силы. Холодные мозги рептилий измышляли зло: вызвать на Землю ужасных Богов Хаоса, выброшенных Девятнадцатью Богами за пределы звезд в высший миг творения. Тонгор прервал последний Ритуал Вызова, так как самый могущественный маг этого века — Шарайта — призвал его на помощь, чтобы сорвать замысел Королей-Драконов. Но узнать теперь, спустя два года после этого события, что Короли-Драконы вскормили и заразили людей своим кощунственным поклонением космическому Злу, было поистине фантастическим откровением! Прежде чем Соомия сумела понять все значение полученных сведений, Адаманкус опять заговорил:

— И едва мы, дети и ученики Королей-Драконов, начали постигать масштабы губительной неудачи, составлять собственные планы возвращения Темных Богов, тот же варвар нанес еще один страшный удар нашему делу. Это произошло на Западе, в

той части мира, которой мы мало интересовались, считая, что она находится во власти наших братьев из черных культов Огненного Бога и Повелителя Крови. Одному из самых могущественных членов нашего ордена, магу из Совета Девяти, к которому принадлежу и я, дали власть над западной частью нашего континента.

— Что... это был... за человек? — сквозь сведенное судорогой горло выдавила Соомия.

— На Западе он звался Талаба Разрушитель, здесь же мы знаем его под другим именем, но это не имеет значения.

Соомия изумилась. Талаба Разрушитель!

Она отлично помнила это страшное, отталкивающее существо, чье темное искусство поработило мозг Фала Турида и толкнуло в объятия самых губительных страстей: он загорелся жаждой власти, безумным честолюбивым стремлением завоевать и разорить все города Запада, сплавив их в единую воинственную империю. Он захотел стать Повелителем Запада.

У Соомии кровь стыла в жилах от одного воспоминания о твари в черном плаще, чье имя вселяло ужас в закаленные сердца воинов Турдиса. Именно Талаба подталкивал обезумевшего от наркотиков сарка к осаде Патанги... И теперь королева начала понимать, как попала Патанга под власть Желтых хранителей, захвативших королевство и вынудивших Соомию отправиться в изгнание. На первый взгляд это могло показаться странным... Ведь Желтые хранители состояли в союзе с черным городом Зааром, а Талаба, разоблаченный теперь как один из владык Заара, направлял Фала Турида как свою марионетку, чтобы тот воевал с хранителями. Теперь-то она поняла, что они вышли за пределы рамок, установленных им планом Заара для Запада, попытавшись даже оспаривать первенство самого Заара!

«Выходит,— размышляла она,— те, кто поклоняются злу, коверкают свою душу, практически теряя ее. Они могут предать даже своих собратьев по Темному Ремеслу...»

Но попытка Талабы поглотить и уничтожить Патангу потерпела провал. Турдис был раздавлен и сломлен, а Тонгор одним махом разделался и с Хранителями, и с Талабой из Заара! Неудивительно, что маги Востока так сильно желали отомстить мужу Соомии!

Но все же это была поразительная новость... Так, значит, Талаба Разрушитель обладал большей властью, чем казалось.

Фактически он являлся тайным посланником Заара — Черного Города магов, стоявшего за полмира от Турдиса! Удивительная новость... Но вот колдун Адаманкус заговорил вновь, как бы размышляя вслух, словно забыл о присутствии пленников:

— Итак, твой Тонгор вмешался и расстроил все наши планы... Владыка Талаба был убит, когда Тонгор сорвал осаду Патанги. Совет Девяти превратился в Совет Восьми, и мы стали слабее...

Волшебник поднял голову и уставился горящими глазами на беспомощную саркайю— бледную фигурку на фоне шершавого черного столпа, возле которого держали ее колдовские путы.

— Но и это еще не все. С той поры Тонгор без устали трудился, искореняя в Патанге культ Бога Огня. Он изгнал наших братьев в дикие леса. А теперь я опасаюсь, что наши братья из культа Бога Крови своим плохо спланированным похищением его жены — я имею в виду, конечно, тебя, Соомия — развязали войну между Тсарголом и Патангой... Это заставит воинственного варвара-валькара обрушиться на них и разнести в клочья все их королевство, если они не умней, чем я думаю... Они повели себя как круглые дураки, не посоветовавшись с нами, своими старшими братьями! И, боюсь, они очень дорого поплатятся за свою ошибку!

Соомия затаила дыхание и побледнела.

— Война? — со страхом пробормотала она.— Война между Патангой и Тсарголом?

— Да,— кивнул волшебник, и голос его прозвучал мрачно.— Думаю, ваш воздушный флот уже летит навстречу Хайяшу Тору, заготовившему секретное оружие... Это мы сейчас увидим.

Колдун встал, высокий и тощий. Он вытащил из стоявшего за его креслом черного металлического стола странный инструмент. Тот представлял собой несколько блестящих металлических сфер и спиралей серебристой проволоки, подвешенных на одном конце длинного медного посоха. Сферы и спирали стягивали кольца из какого-то неведомого Соомии черного вещества. Адаманкус сделал что-то с рукоятью этого магического аппарата, и в полых сферах, где между штырями виднелись закрученные тонкие нити, вспыхнул ослепительный огонь.

Адаманкус направил металлический посох на одну из стен зала и громко произнес заклинание на каком-то резком, ужас-

ном языке, о существовании которого Соомия даже и не подозревала. Люди не смогли бы воспроизвести подобные звуки. Фраза, произнесенная колдуном, прогрохотала под сводами пещеры как раскат грома. Обсидиановый пол дрогнул в такт ужасным словам, слетевшим с уст чародея.

Как только утихло эхо, повторившее заклинание, стена растаяла!

На ее месте Соомия увидела клубящийся туман неясных образов. От неожиданности она ахнула. Шангот приглушенно выругался и, судя по всему, призвал своих богов, в свидетели волшебства. Холодный, насмешливый голос Адаманкуса заставил их замолчать.

— Что за шум, дорогие гости? Это всего лишь иллюзия... Простой трюк светового луча, который пронзает расстояние, приближая то, что происходит вдали... А вот теперь смотрите внимательно!

Неясные тени приобрели конкретные формы, но их нереальность подчеркивало отсутствие цвета. Черно-белые тени копошились там, где стояла стена, и Соомия сначала не смогла разобрать, что же видит перед собой.

Но потом она поняла, что рассматривает изрезанное лицо Земли с какой-то невероятной высоты. Вот там, в верховье залива, находилась Патанга — крошечное скопление миниатюрных строений, окруженное толстой стеной... Потом взгляд королевы скользнул над лугами, холмами и лесами к Тсарголу, расположенному на побережье. Точка, с которой они взирали на мир, находилась, должно быть, в тысяче лиг над землей. Как бы иначе они могли сразу разглядеть такой большой кусок континента? Соомия представила, что бы она могла увидеть, находясь в тысяче лиг над землей, и поняла, что магическая картина гораздо яснее и четче, чем в реальности.

На полпути между городами, над великими лесами Птарты величественно плыл громадный флот воздушных судов — сверкающие воллеры, ряд за рядом, украшенные развевающимися знаменами и ощетинившиеся копьями воинов. Они летели с невероятной скоростью, словно летучая армия теней-призраков.

— Это... это и в самом деле происходит сейчас за полконтинента отсюда? — удивилась Соомия.

Маг кивнул, а потом ударил металлическим посохом о каменный пол. Белые огни в хрустальных сферах погасли... В тот

же миг видение пропало, словно его и не было. Соомия почувствовала, как от напряжения и волнения с болью колотится сердце. Война! А она здесь, вдали от родины. А Тонгор... Где он сейчас? И о каком «секретном оружии» толковал колдун?

На месте туманных картин вновь появилась стена, и зловещий сумрак опять воцарился в зале. Соомия не заметила, куда Адаманкус спрятал свой магический инструмент, его руки снова праздно покоились на подлокотниках трона.

— Мы не станем дожидаться битвы. Непобедимый флот Города Огня столкнется с оружием, приготовленным Хайяшем Тором,— насмешливо проговорил чародей.— Я же, как хозяин, не смею нарушать священные законы гостеприимства, заставляя гостей смотреть на столь страшное зрелище. Кроме того, у нас есть дела поважнее.

Шангот глухо зарычал. На могучих плечах гиганта вздулись бугры мышц, он изо всех сил старался вырваться из магических пут. Соомия не дрогнула и не испугалась угрозы, прозвучавшей в голосе Адаманкуса. Она лишь гордо откинула голову и наградила его холодным, презрительным взглядом.

— У нас с тобой нет никаких дел, колдун. Я приказываю тебе освободить нас и отпустить.

Волшебник зловеще ухмыльнулся. Его взгляд стал задумчивым.

— Пожалуй, я знаю, как отменно отомстить этому самому Тонгору...— сказал он, словно размышляя вслух, а потом окинул Соомию оценивающим взглядом.

— Если ты хотя бы пальцем тронешь королеву, гнусный чародей, тебе несдобровать! — прорычал Шангот.— Клянусь вечными Богами Неба, я раздеру тебя на части и раздавлю твое мерзкое сердце.

Адаманкус, казалось, не слышал слов синекожего гиганта. Он рассуждал вслух...

— Если я сумею вынуть из тела королевы душу и разум и заменить их некой сущностью, призванной из полночных глубин и поклявшейся служить мне... А потом я отпущу красавицу. Пусть воссоединится со своим любимым варваром... Вот тогда и позабавимся...

Отчаяние ледяной стрелой пронзило сердце Соомии... Она поняла: маг не шутит.

Глава 14
ЗНАК БОГОВ

Ветку черную анчара,
Мак, лимонную цедру,
Сердце, у единорога
Вырезанное поутру:
Все смешаю при луне —
Духи вновь ответят мне!
Песня шамана

Полная луна ярко сверкала в небесах над Лемурией.

Ее золотистые лучи заливали сверхъестественным светом жутковатые развалины Альтаара. Тут тысячи лет назад жил могучий народ самого древнего государства Земли. А теперь величественные дворцы и древние храмы перешли во владение к мрачным дикарям, людям без прошлого, к грубому народу, среди которого преобладала жестокость.

На полуразрушенной площади древнего города кочевники племени джегга приготовились сжечь заживо Тонгора и своего бывшего вождя Джомдата. Уже установили колья — почерневшие столбы из крепкого дерева ард, обугленный вид которых свидетельствовал, сколь часто их раньше использовали для подобной же мрачной цели. Вокруг столбов навалили большие груды сухого хвороста и приковали к ним своего изгнанного вождя и приведенного вместе с ним странного чужеземца. Сердце Тонгора упало, когда он увидел эти прочные металлические цепи. Но это никак не отразилось на его невозмутимом лице. Если уж он и должен умереть, то должен, по крайней мере, показать этим воинам, как способен умереть северянин. Он решил, что они не услышат даже стона.

«Наверное, было б куда спокойнее стать жертвой цветов-вампиров»,— подумал он. В объятиях дурманящих ароматов он и старый вождь погружались бы все глубже и глубже в наркотический сон, от которого нет пробуждения, но нет и боли. Однако что толку размышлять о том, что могло бы быть? Мстительный шаман гнался за ними по пятам и украл добычу у смертоносных цветков только для того, чтобы предать пленников иной смерти, приковав к столбам посреди площади. Тонгор

твердо решил умереть, не доставив кочевникам удовольствия поиздеваться над ним. Они не увидят, как сильный воин сгибается под бичом страха.

Тонгор пристально следил за толпой. Он наблюдал за ней все время с тех пор, как медленно пришел в сознание, очнувшись от чар серых роз. Валькар выслушал речь, которую шаман произнес перед собравшимися на площади, запугивая их колдовскими силами и убеждая, что воля Небесных Богов состоит в том, чтобы принести в жертву изгнанного, объявленного вне закона бывшего вождя вместе с чужаком-иноземцем, пытавшимся увезти его. Ни Джомдату, ни Тонгору, конечно же, не разрешили выступить в свою защиту. Хитрый шаман настолько взвинтил кочевников, играя на их суеверных страхах, что убедил, вопреки их нежеланию нарушить клановые законы, предать смерти своего вождя, жизнь которого всегда считалась священной. Выступление Тэнгри оказалось шедевром дьявольского красноречия. В этот раз он победил.

Через несколько мгновений дикари-рохалы поднесут горящие факелы к кучам хвороста, и начнутся страшные муки. Однако некое шестое чувство подсказало Тонгору, что положение шамана в племени не такое уж и прочное, как тот считал,— в сердцах многих воинов еще оставались следы былой преданностик Джомдату. Северянин разглядел на лицах кое-кого из них стыд, неодобрение действий Тэнгри и даже легкое восхищение безупречной смелостью и благородством, проявленными в этот час их бывшим вождем. Во время длинной речи шамана Джомдат ни разу не дернулся и не дрогнул. Он стоял, прямой и высокий, со словно высеченным на лице холодным презрением — железной гордостью, непоколебимый и неустрашимый даже в преддверии смерти. Тонгор чувствовал, что многие из присутствующих с удовольствием освободили бы Джомдата и приковали бы на его место обезумевшего от ненависти шамана.

И одновременно валькар поддерживал в своей груди искорку надежды. Скрывающийся за угрюмой маской разум усиленно работал, пытаясь хоть что-то придумать. Кандалы предназначались для запястий великанов-рохалов... а эти гиганты возвышались над Тонгором словно башни. Их запястья в обхвате были больше, чем запястья валькара!

Может, ему удастся вырвать из оков руки? Только не сейчас, когда внимательные взгляды тысячи вооруженных воинов сле-

дили за каждым его движением, надеясь увидеть, как он начнет извиваться от страха и нестерпимой боли...

А нельзя ли как-то отвлечь их внимание? Как знать... Если не удастся, так что ж... тогда Отец Горм примет у своего очага дух еще одного валькара, когда Воинственные девы перенесут по небесам в Чертог Героев душу Тонгора.

Время ожидания истекало. Шаман Тэнгри больше уже не взывал к духам смерти. Он подошел к почерневшим от огня кольям, возле которых стояли Джомдат и северянин, высоко подняв в искалеченной кинжалом руке пылающий факел. Злорадное удовольствие на губах колдуна вызвало отвращение у Тонгора. Уж если суждено умереть, то лучше погибнуть от холодной стали, чем долго умирать, словно пойманное в западню животное.

На виду у всего племени шаман поднял факел, помахал им Одиннадцати Сторонам и Семи Ветрам и ткнул огненный язык в сухой хворост.

...Но тут раздались крики.

— Знак! Знак! Небесные Боги наслали на нас погибель за то, что мы посмели поднять руку на священного вождя!

Тонгор зашевелился. Он поднял голову и увидел в небесах знакомые очертания... Он тоже вскрикнул от удивления при виде этого «небесного знамения»!

Похоже, Отец Горм пока не готов принять его дух гостем в Чертоге Героев. Северянин улыбнулся. Теперь никто на заполненной народом площади не смотрел на него — все уставились на изумительное чудо в небесах. Валькар с усилием вырвал руки из довольно свободных металлических манжетов, оставив на них несколько кусочков кожи. «Можно заплатить за свободу и более высокую цену!» Снова северянин поднял голову и пристально посмотрел на воллер, спускавшийся в город с ночных небес.

Поблескивающий серебром корпус машины проплыл над площадью, и теперь медленно описывал круги. Зандар Занд из кабины присматривался к открывшейся ему внизу сцене. Валькар никак не мог понять, что заставило его смертельного врага именно в этот момент прибыть в город синекожих людей. Но по иронии судьбы странное стечение обстоятельств сделало врага Тонгора его чудесным спасителем.

Неожиданное появление воллера повергло толпу рохалов в панику. Они тут же истолковали появление летающей машины как знак богов, говорящий о том, что Джомдата надо пощадить.

Два десятка мускулистых воинов-кочевников тотчас бросились освобождать старого вождя. Тэнгри завопил, пытаясь остановить толпу угрозой небесного гнева, но его бесцеремонно оттолкнули в сторону. Его верные подручные бросились ему на выручку. В свете разгорающегося костра сверкнула сталь. Началась свалка. Тонгор заметил, что с борта воллера все еще свисал абордажный крюк, служивший кораблю якорем, когда сарк зацепился им за щель в вертикальной скале. Когда вор перепрыгнул на борт пустого судна, он просто не подумал об этом. И теперь, когда воллер, снизившись, снова совершал круг над площадью, Тонгор и прыгнул. В этот прыжок он вложил все свои силы, прекрасно понимая, что ему отпущен судьбой только один шанс — корабль уже снова стал подниматься. Стальные мускулы ног с невероятной силой подбросили северянина в воздух, словно скрученные пружины.

Пальцы вытянутой руки Тонгора задели абордажный крюк... едва не соскользнули... и вцепилась железной хваткой в скользкий металл.

Острый нос летучего корабля рассекал холодный воздух. Судно круто поднималось вверх и вскоре исчезло в ночи вместе с болтающимся на конце каната валькаром.

А тем временем внизу на площади подручных шамана обезоружили и связали. Освобожденный от оков Джомдат стоял посреди огромной толпы воинов, которые вновь приветствовали его как своего вождя и повелителя племени. Они становились перед стариком на колени, касаясь земли возле его ног обнаженными мечами. В этой сцене было свое варварское величие: гордый старый вождь в сверкающих ремнях, окруженный вопящими коленопреклоненными воинами с колышущимися султанами перьев. Лезвия мечей сверкали, а оранжевое пламя горящих костров отбрасывало неверный, колеблющийся свет на мраморные фасады разрушенных дворцов, обступивших усыпанную обломками площадь. Джомдат с достоинством принял покаяние кочевников, а когда те спросили, как поступить со связанным шаманом, на бесстрастном лице вождя появилась улыбка. Он взглянул на Тэнгри, который бешено сопротивлялся, хотя его, словно какого-то загнанного свирепого зверя, удерживало не менее дюжины воинов. Жуткое, нечеловеческое лицо шамана исказила бессильная ярость. На губах пузырилась пена, а взгляд метался по сторонам. Глаза сверкали, словно у дикой кошки.

— Будь я таким же жестоким, как он, я бы предал этого колдуна-дьяволопоклонника огню, привязав вон к тому колу, на мое место. Пусть бы он прочувствовал те мучения, на которые обрекал меня. Но это наказание я приберегу на тот случай, если он когда-нибудь вздумает снова появиться в орде... А теперь я осужу его точно так, как он осудил меня и моего сына! — И, подозвав одного молодого воина, принадлежавшего к свите Шангота и по-прежнему оставшегося верным принцу, старый вождь приказал: — Джугрим! Возьми два десятка воинов и выгони шамана со всеми, кто решит последовать за ним, как можно дальше в дикую степь. Пусть идут куда хотят, пусть живут как сумеют и под страхом смерти не возвращаются к нам!

Пока старый вождь слушал громкие крики одобрения, воины приступили к исполнению его приказания. За считанные мгновения шаман Тэнгри пал с горных высот триумфа и власти, и теперь изгонялся в ночную степь, чтобы страдать там от одиночества и проклинать судьбу, на которую когда-то обрек старого вождя.

* * *

Тонгор маятником раскачивался на конце каната. Ветер завывал у него в ушах, словно хор взбесившихся баньши. Золотистая луна скрыла свой лик за завесой клочковатых облаков, и ночь погрузилась в бездонную темноту.

Воллер с бешеной скоростью несся сквозь неизвестность. Руины Альтаара исчезли позади, и теперь круто поднявшийся воздушный корабль летел в нескольких тысячах локтей над ровной степью. Тонгор не знал, что Зандар Занд решил направиться на юг, поскольку не надеялся найти отдых, припасы, или безопасное прибежище там, где сражались и убивали друг друга дикари.

Холодный ветер леденил полуобнаженное тело Тонгора, беспомощно раскачивающееся на конце причального троса. Лохматая грива волос развевалась за плечами потрепанным боевым знаменем. Огромный малиновый плащ полоскался на ветру, словно крылья гигантского нетопыря. Не желая напрасно тратить силы на борьбу с воздушными потоками, варвар начал медленно подниматься вверх по канату. Меч у него отобрали, когда шаман Тэнгри захватил его в плен, и теперь валькар

оказался безоружным. Однако он не сомневался, что победит вора даже голыми руками — такая ярость вновь бушевала в его душе.

Воллер чуть качнулся, когда Тонгор ухватился за поручни и вылез на кормовую палубу. Зандар Занд этого не заметил — он сидел в кресле пилота, сгорбившись над управлением, и напряженно вглядывался в ночь. Он не знал, что невольно принял на борт пассажира, пока не услышал у себя за спиной негромкий смешок. Вор Тсаргола резко обернулся... и обмер, словно увидев жуткий призрак: в низких дверях кабины стоял Тонгор, слегка пригнувшийся для прыжка. Всем своим видом валькар показывал, что намерен вцепиться в горло врага.

Немного помедлив, повелитель Патанги снова хрипло рассмеялся — смехом глухим и гортанным. На иссеченном шрамами загорелом лице северянина ярко вспыхнули странные золотистые глаза, когда он шагнул в кабину.

Но Зандар Занд двигался с быстротой разящей змеи. Рука в черной перчатке метнулась под плащ и мгновенно появилась вновь, сжимая длинный тонкий кинжал, оружие наемного убийцы, которым Зандар Занд владел мастерски. Тонгор остановился, увидел сверкающую тонкую иглу. Теперь и вор мог бы посмеяться: у его противника вовсе не было никакого оружия.

Или...

Когда могучие руки Тонгора метнулись к поясу, чтобы сорвать ремень — в руках опытного воина и он мог стать опасным оружием, пальцы задели спрятанный в сумку предмет. Валькар вспомнил про страшный колдовской кристалл, которым шаман Тэнгри угрожал ему в лагере Джомдата.

И тогда Тонгор с быстротой молнии нанес удар. Зандар Занд обладал проворством и ловкостью наемного убийцы, но сноровка воина сделала Тонгора более стремительным. Странный камень сверкнул, пролетев через раскачивающуюся кабину, и ударил вора в плечо прежде, чем тот успел метнуть нож. Камень, коснувшись тела, пронзил его зеленой молнией магического огня!

Раздался лязг металла, когда кинжал выпал из вмиг омертвевших пальцев Зандара Занда. Прикосновение зеленого кристалла парализовало его руку, и она плетью повисла вдоль тела. Тонгор бросился вперед.

Но в тот самый миг летучий корабль подхватило порывом ветра. От рывка корма воллера задралась вверх, и Тонгор отлетел к стене. Зандар Занд немедленно воспользовался случаем, и

здоровой рукой, прижимая к телу парализованную, рванулся мимо Тонгора на палубу.

Впервые в жизни вор струсил. Его охватила паника. Не зная, что предпринять, он прыгнул к поручням. Ветер снова подхватил воллер, и палуба опасно накренилась. Зандар Занд потерял равновесие, ударился о поручни коленями и со страшным криком полетел в черную тьму навстречу быстрой, милостивой смерти.

Так погиб вор Тсаргола.

Тонгор же, не теряя времени, взялся за рычаги управления летающего корабля, поднимая его выше, где не так безумствовали ветры. Валькара не тронула участь вора, смерть давно стала его привычным спутником,— и, проводив взглядом Зандара Занда, он только пожал плечами.

Но внезапно по спине Тонгора пробежал холодок.

В кабину стал вползать светящийся туман. Волосы Тонгора поднялись дыбом. Онемев от ужаса, наблюдал он, как нечто чудовищное материализуется в пространстве между койками... Постепенно призрак принял облик высокого величественного старца со смутно знакомым бородатым лицом.

Неожиданно Тонгор узнал его.

— Шарат! Дружище... это ты? — воскликнул валькар.

Призрачная фигура кивнула.

— Ты жив... или явился из холодных чертогов мертвых?

В ответ послышался леденящий душу шепот:

— Смерть уже почти забрала меня, Тонгор! Однако я все еще удерживаюсь в этом мире. Я смог отделить свет тела от смертной плоти, чтобы отыскать тебя. Торопись, мой друг-воин, не меняй направления воллера. Там, вдали, твоя королева находится в смертельной опасности... В опасности более ужасной, чем просто смерть! Черный маг Заара держит ее в верхнем зале своей башни. Он хочет вселить демона стихии в ее тело... Спеши же, друг мой. Спаси ее, и да будет с тобой благословение бессмертных богов!

Бестелесный шепчущий голос стих. Призрачная фигура старого чародея подняла посох в прощальном жесте... И вновь превратилась в клубы тумана. Внезапно туман исчез, словно его и не было вовсе. Тонгор подумал, что это смерть забрала душу старого волшебника. Однажды Шарат вырвал Тонгора из пасти дракона джунглей. Потом они долго сражались бок о бок, стремясь уничтожить последних Королей-Драконов... Великий волшебник Лемурии, с помощью своей мудрости и магических наук, сколько

мог отдалял свою смерть. Но теперь даже потрясающие знания не защитили его от мира теней. Смерть пришла к великому Шарату, как, в конце концов, приходит ко всем людям.

Однако сейчас Тонгор не мог скорбеть о кончине старого друга. Соомии грозила опасность, и Тонгор согнулся над штурвалом, заставляя воллер лететь как можно ниже и выжимая из него всю скорость, на которую тот был способен. Машина мчалась сквозь дождливую ночь, серебристая стальная стрела. Угрюмый взгляд валькара обшаривал лежащую впереди темную землю в поисках черной башни, где томилась в заточении его королева. Он должен вырвать ее из лап колдуна, задумавшего вселить в юное тело саркайи ужасного демона из бездонных глубин ада.

Сверкающий летучий корабль рассекал грозовые небеса древней Лемурии, оставляя в ночи искрящийся след, словно падающая звезда.

Успеет ли Тонгор вовремя?

Сможет ли он победить колдуна?

Глава 15
ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛИНАНИЕ

О маг, ты демонов из бездны не зови:
Прибудут силы их и на твоей крови!
Алая Эдда

Адаманкус тотчас приступил к мрачному ритуалу. Сначала жезлом власти он начертал светящийся круг, замкнувший в кольцо колонну, к которой приковали беспомощную Соомию невидимые узы. Другим таким же кольцом он окружил Шангота. Эти защитные круги из фосфоресцирующего пламени оградят его пленников от когтей Демона Стихий, пока маг не сумеет подчинить того своей власти. Когда чуждый дух появится в этом мире, его ярость будет столь велика, что только защитные круги и могут спасти смертных. Поэтому точно такая же защита охватила и трон колдуна, и алтарь. Если бы Адаманкус вышел за пределы круга, то никакая сила в мире не защитила бы даже такого могущественного волшебника от ярости демона.

Только после того, как демон поклянется верно служить новому хозяину, колдун разорвет круг, защищающий Соомию.

Тогда Демон Стихий сможет войти в ее тело и пожрать невинную душу. А потом Адаманкус отпустит одержимую дьяволом королеву, чтобы та смогла вернуться к Тонгору. Варвар даже не заподозрит, что в прекрасном теле его жены обитает уже не чистая, юная душа, а черная тварь, извлеченная с самого дна бездны.

А уж потом, когда королева станет послушной марионеткой черного мага, он использует ее как оружие против валькара и навлечет страшную гибель и на сарка и на его растущую молодую империю — на всех беспомощных жителей Запада. Адаманкус улыбнулся при мысли о подобной перспективе и начал вызывающие суеверный ужас приготовления...

Установив защитные круги, он разжег на невысоком алтаре из черного изумруда Адское пламя. Странный малиновый огонь тлел, не касаясь поверхности вещества, похожего на драгоценный кристалл, не подпитываемое никаким горючим материалом. Его изогнутые пляшущие языки алого цвета извивались и трепетали с гипнотической змеиной грацией, приковывая к себе взгляды Шангота и Соомии. Адаманкус не торопился. Если не держать под постоянным контролем пятиугольники Силы, то всепожирающее пламя может с легкостью вырваться и, прежде чем вернуться в свою подземную обитель, поглотить его заколдованную крепость до последней пылинки.

Теперь колдун был готов начать последний ритуал. Вооружившись мощными талисманами, сделанными из редчайшей, желтой меди и драгоценного язита, магического металла Лемурии, на котором были выгравированы страшные руны Древнейшей Мудрости, чародей начал читать заклятие. Он раскрыл перед собой на широком аналое неразрушимые металлические листы «Сардатмазара» — Книги Власти. Над нею тотчас возникла пульсирующая энергетическая аура, а начертанные волшебными красками сложные колдовские символы загорелись опаловым светом, озарив бледное волевое лицо мага, склонившегося над огромной книгой.

Чародей нараспев произнес несколько имен на странном языке магов, к которому не приспособлены человеческие уста и уши. Сотрясающая землю сила этих имен прогремела в сводчатом черном зале, встряхнув башню до самого основания.

Потом волшебник стал нараспев читать заклятия на простом языке, известном и Шанготу-кочевнику, и Соомии из Патан-

ги — единственном универсальном языке всех людей того далекого века. Страшные силы, вызванные Адаманкусом, заставили дымный, освещенный пламенем воздух заклубиться.

— Клянусь Рекой Огня и Рекой Крови! Сейчас сассур — девятый час ночи, и Луна находится в своем Двенадцатом Доме, в Доме Азарфы, там, где властвует Абдизуил! И Луна сидит в Зодиакальном Доме Льва, где властвует Верчиил! А теперь великим именем Шамайна Неба Луны и именем Аракана, который до сего дня властвует над духами воздуха, я вызываю тебя! Приди, во имя сверхъестественных сил Абдидуила, Верчиила, Шаймана и Аракона...

Громовой призыв словно гигантский молот многократно ударил в стены зала... и прямо на глазах у Шангота и королевы в воздухе начал материализовываться дымчатый призрак!

Похожий на спирали и хвосты зеленого пара, он вился на фоне темноты. В тусклом воздухе плыли щупальца изумрудного тумана. По-змеиному извивающиеся потоки, отражавшие свет чешуйчатыми полумесяцами, сверкали, словно кольца какого-нибудь огромного свернувшегося змея. Адаманкус запел заклинание громче. Призрак стал приобретать материальность и подобие формы... Он напоминал мифическую гидру со множеством рук вместо множества голов или какого-нибудь злобного кракена, всплывшего с огромной глубины. Немыслимо огромный, он вознес свои змеевидные кольца к сводчатому потолку пещеры...

Самым же ужасным в облике этой твари было отсутствие лица... Вместо него — лишь сгусток тумана, в котором горели два глаза, напоминающие светящиеся диски нефритово-зеленого огня, висящие в зыбкой пустоте...

Маг закончил и порывисто воздел руки в кощунственном экстазе поклонения, откинув голову назад и неотрывно глядя на свернувшуюся кольцами тварь... И тут словно весь мир взорвался! Как будто на темную пещеру обрушились воды взбесившегося потока. События громоздились одно на другое, так что Соомия, ослепленная и полузагипнотизированная адским пламенем и холодными глазами жуткой твари, едва могла осознать их последовательность.

С громовым лязгом, словно от столкновения двух миров, одна из стен зала разлетелась вдребезги, рассыпавшись осколками черного стекла. Башня содрогнулась от удара и закачалась

на своем каменном фундаменте, когда сверкающий нос летающего корабля Тонгора прорвался сквозь разбитую стену и воллер влетел в зал.

Адаманкус громко вопил, пытаясь увернуться от падающих камней... Сделав это, он переступил через магическую линию, отделявшую его от жуткой твари из запределья.

Холодные нефритовые глаза чудовища неожиданно вспыхнули алым огнем от нестерпимого голода. Щупальца, состоящие из клубов дыма, лениво развернулись, вытянулись и сомкнулись вокруг чародея...

Сквозь сжимавшие его призрачные кольца Соомия разглядела белое лицо, разинутый в безмолвном крике рот, пустые глаза — осколки ледяного ада, находящегося за пределами человеческой выносливости. Защитные талисманы, висевшие на колдуне, разом вспыхнули искристым пламенем и с шипением погасли в крепких объятиях адской твари.

Произошел бесшумный взрыв малинового света.

Пламя, горевшее на алтаре из черного изумруда, полыхнуло, взметнувшись к потолку, высвободившись из-под власти колдуна. Извивающиеся языки огня принялись жадно пожирать алтарь. Они расползлись по полу, подпалив трон-кресло и аналой, на котором лежала великая магическая книга. Адское пламя горело, беззвучно поглощая все, к чему прикасалось, не давая ни жара, ни дыма.

Чары, воздвигнутые колдовством, развеялись, тварь, освободившись от их власти, отступила в свой странный полумир, унося с собой тело Адаманкуса, которое начало быстро таять, а потом и вовсе пропало вместе с вызванным из запредельных глубин бездны демоном стихий.

Соомия бессильно рухнула возле основания черного столба. Сковывающие ее невидимые цепи лопнули в тот же миг, как только колдун оказался в когтях дьявольского чудовища. Шангот тоже освободился. Он шагнул прочь от столба, уворачиваясь от языков пламени.

Тонгор спрыгнул с летающего корабля и подхватил стройную фигурку Соомии. Он стал неистово целовать жену, прижав ее к своей широкой груди. Шелковые ресницы Соомии затрепетали, румянец залил ее щеки и побледневшие губы. Очнувшись, она увидела себя в надежных объятиях человека, которого любила.

— Мой воин!..— выдохнула она. Губы ее горели от поцелуев Тонгора.

— Моя королева! — тихо ответил он.

К ним подошел Шангот, и Тонгор отвел взгляд от Соомии. Поддерживая ее одной рукой за узкую талию, он протянул другую и крепко сжал плечо синекожему великану.

— Я знаю, ты — Шангот, сын Джомдата,— проговорил валькар.

Кочевник кивнул.

— А ты — великий воин, Тонгор с Запада,— ответил рохал.

— Верно,— усмехнулся Тонгор.— А теперь пошли. Мое судно ждет. Я отвезу тебя к отцу, который снова встал во главе своего народа и ожидает известий в мертвом городе Альтааре. Он снова вождь, а вашего врага, мерзавца Тэнгри, свергли.

— Рад слышать это, Тонгор. Я ничуть не сомневаюсь, что именно ты помог отцу спастись от преследователей и восстановить законное положение. Не знаю, чем смогу тебе отплатить. Но я кладу свой топор к твоим ногам.

Тонгор рассмеялся.

— Все твои долги, воин, оплачены, и втройне. Я, в свою очередь, ничуть не сомневаюсь, что только твоя сильная рука ограждала до сих пор мою супругу от множества опасностей! Но пошли... Нам надо подняться на борт воллера и улететь отсюда, а то и нас сожрет магическое пламя.

Через несколько минут летучий корабль, покинув черную башню, поднялся в небо. Малиновое пламя уже охватило почти всю крепость Адаманкуса, от фундамента до самого верха. Стеклянная башня горела, словно громадный факел, освещая местность на много лиг вокруг. А потом крепость колдуна рухнула, рассыпавшись в пыль, которую тут же поглотило малиновое пламя. А затем исчезло и оно.

Большая золотистая луна первозданной Лемурии появилась из-за рваных туч и осветила мягким светом великие степи Востока.

Корабль быстро и бесшумно устремился на север. Словно огромная серебряная стрела помчался он к разрушенному городу Альтаару, где Джомдат, повелитель кочевников джегга, готовился приветствовать своего сына-принца и вознаградить героического иноземца, спасшего их обоих от страшной смерти.

Глава 16
ЧЕРНЫЕ ДРАКОНЫ ПОБЕЖДАЮТ

Пусть грянет песня удалая!
Мы бой без устали ведем
И, знамя с ястребом вздымая,
Вино победы жадно пьем!
Гремите, громы, пойте, трубы!
Враг отступает и бежит!
Пускай услышат нас повсюду —
Здесь племя гордое царит!

Боевая песня Черных Драконов

— Катапульты, пли!

Команда Хайяша Тора прозвенела громко и четко, разорвав вечернюю тишину. Черное небо над его армией неожиданно заполнилось сверкающими летучими кораблями. Их было так много, что, казалось, они заполнили небо от горизонта до горизонта. Они величественно летели к высоким каменным стенам Тсаргола.

Словно какое-то мифическое животное с тысячью рук, катапульты метнули ввысь большие хрупкие шары из тонкого стекла, уже лежавшие в чашах. Сферы прочертили в воздухе дуги и разбились о корпуса могучей армады.

Лопаясь, каждый кристаллический шар выпускал мерцающее облачко пыли, настолько тонкой и мелкой, что ее частички долго плавали в воздухе, словно кольца дыма, обвиваясь вокруг каждого летающего судна.

Из какого редкого минерала намололи этот порошок, не знал никто, кроме Хайяша Тора. Но облачка пыли испускали странное серебряное свечение, словно туман, подсвеченный солнцем.

Воины Патанги с любопытством поглядывали через поручни летающих кораблей за этим странным явлением. В какой-то миг фосфоресцирующие пылинки заблистали очень ярко. Пыль стала собираться под килями воллеров, и вскоре флот словно плыл по колдовскому морю жидкого огня.

А в следующее мгновение светящиеся облачка пропали. Серебристые урилиумные корпуса воздушного флота поглотили мельчайшие частицы, как сухая губка впитывает воду.

Карм Кармус с флагмана пристально осматривал флот Патанги. Он не мог объяснить таинственного явления. Откуда взялась загадочная пыль? Но он ощущал неясное беспокойство. Что-то... какое-то призрачное предчувствие... В этих облачках пыли наверняка таилась какая-то опасность... Но какая?

Ответ пришел через несколько мгновений.

Флагман замедлил ход. Он, казалось, больше не реагировал на повороты руля. Его нос опустился, и судно стало быстро снижаться. Один из пилотов Карма Карвуса безуспешно пытался бороться с управлением. Потом он поднял лицо и печально посмотрел на дворянина Тсаргола.

— Мы стремительно снижаемся, даотар! Похоже, подъемная сила урилиума почему-то уменьшается.

— Уменьшается? — беспокойно пробормотал герцог Мэл.— Как такое может быть?

Элд Турмис, сарк Шембиса, показал через окно кабины на соседний с ними корабль.

— Смотрите!

Они проследили взглядом за его рукой и, пораженные, увидели, что блистающий серебром корпус из урилиума потемнел. Полированный до зеркального блеска магический металл стал матовым!

Виконт Дру мрачно поджал губы.

— Господа, похоже, нам, в конце концов, все-таки придется сражаться на земле! Тсарголийский военачальник знает какую-то неизвестную нам тайну, касающуюся производства магического невесомого металла. Вероятно, светящаяся пыль, которую он швырнул в наш флот, аннулировала подъемную силу воллеров.

Дородный старый Селверус едко выругался, равно как и Баранд Тон, сарк Турдиса. Но Зэд Комис, командир Черных Драконов, не стал терять драгоценного времени. Он поднял висевший у него на бедре большой боевой рог и затрубил в него. Резкий зов рога рассек вечерний воздух, призывая воинов быть готовыми выполнить приказ.

— Черные Драконы... Вперед!

Когда воллеры опустились ниже верхушек деревьев, воины из полка Черных Драконов перемахнули через поручни своих кораблей, спрыгнули на землю и заняли оборону, выставив вперед свои страшные длинные копья. Войска Тсаргола бросились на них, но Драконы пронзили первые ряды врагов своими ко-

пьями и нанесли им существенный урон уже в первые же несколько мгновений битвы. Вскоре, однако, подтянулись пешие части тсаргалийцев, стараясь окружить Драконов и отрезать их от основных сил Патанги. И тогда загремели сигнальные трубы Хайяша Тора. Чтобы закрепить успех, он направил в бой ударных бойцов Тсаргола на быстроногих кротерах.

Но патангийские лучники, все еще находившиеся на снижавшихся судах, вовремя оценили обстановку. По команде своего даотара, виконта Дру, они натянули страшные луки и нацелили их в приближающихся всадников. На кавалерию Тсаргола посыпался смертоносный дождь стрел, вызвав смятение в рядах нападавших. В мгновение ока стройный прядок сменился хаосом, в котором перемешались встающие на дыбы кротеры, разбегающиеся люди, раненые и умирающие...

И тогда, перекрывая шум, прозвенел решительный голос Элда Турмиса:

— Вперед, мои воины! Прорубим себе дорогу.

Битва разыгралась в полную силу, когда на помощь Черным Драконам подоспели воины Патанги, Шембиса и Турдиса. Клин воинов с летающих кораблей глубоко врезался в массу тсаргалийской армии, по-прежнему осыпаемой стрелами лучников, которые оставались на еще не приземлившихся воллерах, чтобы полностью использовать преимущество высоты.

Но корабли быстро снижались. Некоторые суда, потеряв управление, врезались в высокие деревья. Других случайные порывы ветра уносили прочь от основного флота, и они спускались на землю на позициях неприятеля. О тех доблестных воинах, что угодили в гущу тсаргалийцев, можно лишь сказать, что бились они храбро — до последнего вздоха стоя спиной к спине, окружив себя валом из поверженных врагов.

Наступила ночь. Даже Хайяш Тор сообразил, что его воинам в такой тьме не отличить друзей от врагов. Вскоре трубачи сыграли сигнал к отступлению, и его армия стала отходить и перестраиваться. Два войска разомкнули смертельные объятия. К тому времени уже весь гигантский флот Патанги оказался на земле. Воздушная армия лишилась своего преимущества. Теперь им предстояло сражаться в пешем строю, а их противники имели кавалерию, где в качестве скакунов использовались и кротеры, и зампы. Требовалось что-то быстро предпринять, чтобы уравновесить это преимущество.

Большая часть летучего флота осела на землю на невысоком холме. Зэд Комис, оглядевшись, быстро оценил положение, собрал войска Трех Городов и занял его гребень. Таким образом, его воины получили небольшое преимущество. Теперь врагам придется атаковать их, поднимаясь вверх по склону, и они не смогут разогнаться, чтобы с ходу смять ряды союзников. В то же время, находясь на вершине холма, лучники Патанги имели лучший обзор, чтобы разить сверху наступающие орды. Карм Карвус отдал приказ передней шеренге сцепить щиты и ни в коем случае не пропускать врагов через этот барьер к вершине холма.

Воины приготовились и ждали нападения.

Как только взошла луна, коварный даотаркон Тсаргола показал, на что способен. Вместо того, чтобы бросать воинов на стену щитов, он пустил вперед больших боевых зампов, подгоняя их уколами стрел и копий. Визжа от боли, обезумевшие гигантские звери прорвали строй Черных Драконов в дюжине мест, растоптав множество храбрых воинов.

Потом в эти проломы хлынули тсарголийцы, уничтожив последние остатки строя. К тому времени большая золотистая луна Лемурии высоко поднялась в ясное небо. Теперь отлично было видно, кто друг, а кто враг. Однако даже храброму Зэду Комису казалось, что армия Патанги вот-вот проиграет.

Тем не менее союзники отчаянно сражались. Каждый в глубине своего сердца твердо решил скорее пасть, сражаясь до последнего, чем уступить проклятым хранителям Бога Крови и, сдавшись, умереть на страшных алтарях.

Карм Карвус видел своих товарищей лишь мельком. Он слышал, как неистовый Мэл распевает какую-то варварскую боевую песню, укладывая вокруг себя врагов могучими ударами двадцатифутового бронзового молота. Старый герцог, несмотря на свой возраст и вес, сметал врагов ударами своего мощного оружия, словно те были деревянными куклами. Он исчез из поля зрения Карма Карвуса, но тот знал, что герцог по-прежнему неистово молотит врагов.

Виконт Дру, больше ничем не напоминавший ленивого щеголеватого придворного, фланировавшего от игорного стола к будуару с ироничной шуткой или изящным стишком на устах, сражался с холодной свирепостью тигра, исторгая проклятия всякий раз, как его смертоносная рапира, сверкающая как игла,

пронзала горло, руку или незащищенную грудь противника. Ленивый вельможа показал свое умение фехтовальщика. Когда Карм Карвус мельком увидел его, на острие рапиры отважного воина было разом наколото три тсарголийца.

Других дворян Карм Карвус не видел, хотя и догадывался, что Элд Турмис, окруженный толпой верных ему воинов, по-прежнему удерживает вершину... А где-то ниже по склону Зэд Комис и старший барон Селверус собрали в большой кулак Черных Драконов и повели их через строй врагов на выручку отряду лучников, оказавшемуся неподалеку от лесной опушки. У лучников не было мечей, и они оказались беспомощными перед ордой врагов. Зэд Комис спас стрелков от верной смерти. Он отвлек врага, дав лучникам время залезть на деревья. Оттуда — с выгодной высоты — они открыли огонь по врагу.

Много времени прошло, прежде чем тсарголийцы отступили. Зэд Комис присоединился к Карму Карвусу. Оба они слишком устали, чтобы, воспользовавшись представившимся шансом, погнаться за отступающим врагом. Они решили передохнуть. Карм Карвус организовал воинов и отправил небольшой отряд за водой и вином на воллеры, чтобы напоить раненых. Потом они стали ждать, пока Хайяш Тор перестроит свои ряды и снова их атакует.

И он не заставил себя ждать...

Вновь и вновь устремлялись тсарголийцы на холм, и каждый раз их отбрасывали назад. Но редели ряды воинов Патанги. Правая рука Карма Карвуса так устала, что он с трудом держал меч онемевшими пальцами. Он потерял всякое представление об общей картине боя... Битва стала для него не более чем шумным кошмаром, в котором перед ним то и дело всплывали воющие, потные и пыльные лица, которые требовалось рубить. И лица других воинов, спешащих встать на место павших.

А потом весь мир, казалось, сошел с ума.

Гром битвы внезапно затих, и все неожиданно задрали головы, уставившись на восток. Карм Карвус увидел, как покраснело небо на востоке, и только тогда понял, что сражался всю долгую ночь напролет. Но что случилось?.. Отчего все воины пялятся на небо, разинув рты?

Потом его затуманенный взор прояснился. Сердце всколыхнулось от прилива надежды. С востока к полю битвы летел одинокий воллер.

Он резко снизился над сражавшимися и на мгновение завис над центром тсарголийского воинства, там, где толпились вражеские командиры. С палубы этого воллера вниз посыпались чудовищные синекожие воины-великаны, достигавшие девяти локтей роста. Они размахивали ужасными бронзовыми топорами.

Этот отряд словно ураган ударил в сердце вражеского войска. Хайяш Тор все еще глядел на небо разинув рот, когда рядом с ним оказался принц кочевников, Шангот. Сын вождя племени джегга усмехнулся. На его гигантских плечах вздулись мускулы. Огромный боевой топор просвистел, рассекая воздух, и голова Хайяша Тора запрыгала по земле, пятная пыль потоками крови.

Принца сопровождали в этом полете Джугрим и Чунджа, а также другие воины племени джегга, принадлежавшие к его свите. Они напали на ошеломленных врагов Патанги. Дюжины знатных даотаров тсарголийского войска, парализованные ужасом при появлении синекожих великанов, погибли в первые же несколько мгновений. Большие бронзовые топоры гигантов вздымались и опускались, и снова вздымались...

Похожий на жабу Арзанг Паума, бывший сарк Шембиса, упал, сброшенный скакуном. Его замп обезумел от запаха рохалов. Когда могучая трехпалая лапа вставшего на дыбы зампа опустилась на голову сарка, тот слабо взвизгнул... И больше маленький сарк не издал ни звука.

Рохалы проложили кровавую тропу сквозь штаб полководцев Тсаргола, следом шел сам Тонгор. Его руки сжимали окровавленный меч. Увидев его, усталые воины Патанги, Шембиса и Турдиса издали громовой, сотрясающий землю победный крик:

— Ура... Тонгор! Тонгор!

Нимадак Квел, фанатичный молодой жрец Ямата, был сброшен со своего скакуна могучей рукой Тонгора и умер, когда меч валькара пронзил его сердце.

За какие-то несколько секунд центр тсарголийского воинства превратился в беспорядочный хаос бегущих и умирающих воинов. Большие бронзовые топоры рохалов, по весу равные взрослому человеку, обрушились на них, рассекая стальные латы, щиты и шлемы, словно деревянные чурки. Отменный удар Шангота, друга Тонгора, свалил разом трех тсарголийских воинов, заодно перерубив шест, на котором развевалось боевое знамя Тсаргола.

Это окончательно подкосило боевой дух воинства Тсаргола.

Именно это и требовалось. Подобного момента и ждали Карм Карвус и Зэд Комис. Воины Патанги атаковали строй тсарголийских воинов. Они лавиной помчались вниз с холма: при виде Тонгора усталость покинула их, словно они всю ночь не сражались, а мирно спали. Черные Драконы запели свою боевую песню. Они черными молниями врезались в строй врагов. Их окровавленные мечи вздымались, падали и снова вздымались. Если раньше они сражались как воины, то теперь они превратились в берсеркеров. Они стали дьяволами. Ни плоть, ни сталь не могли устоять под их напором.

Тсарголийский строй сломался в тысяче мест. Тонгор и дюжина гигантских воинов-рохалов шли вперед, как таран. Не отставали от них и воины из Патанги, Шембиса и Турдиса: они громили неприятеля по всему фронту. Враг бежал. Тысячи тсарголийских воинов побросали оружие, стараясь как можно дальше убраться с поля боя, скрыться от Черных Драконов, от сверкающих топоров синих великанов и алого от крови меча Тонгора Непобедимого.

Но далеко они не ушли. Патангийские лучники засыпали отступающих градом смертоносных стрел.

Так пал Тсаргол и были спасены страны Запада.

* * *

«...И поднял Тонгор руку и сломал железные стены Тсаргола, искоренил во всей той стране культ Слидита Красного, отправив в изгнание всех, кто поклонялся кровавому богу. И поставил Тонгор сарком над народами побережья своего товарища Карма Карвуса. Империя Трех Городов стала еще более великой, превратившись в Империю Четырех Городов. И боги были довольны...»

Лемурийские Летописи

Город магов

THONGOR IN THE CITY OF MAGICIANS
1968

© Перевод. А. Митрофанов, 2002

Итак, Тонгор-варвар разбил и изгнал из своих земель жестоких, поклонявшихся демонам хранителей, что долгое время стремились захватить девять городов Запада. Но через несколько лет на юные дерзкие города Запада упала зловещая тень колдовского Заара, лежащего в самом далеком уголке земли. На черном алтаре Хаоса девять колдунов Заара поклялись отомстить королю-воину Патанги, который уничтожил их братьев на Западе. Они поклялись ужасной клятвой, что кара, которая должна постичь Тонгора, будет чудовищной и память о ней вечно станет преследовать будущие поколения.

Летописи Лемурии

Однажды безлунною ночью, когда Тонгор крепко спал,
Душа его вдруг оказалась на гребне одной из скал.
И яростно волны бились о вековой гранит...
Никто никогда не узнает, где эта земля лежит.
Герою явились боги и рассказали о том,
Что миру несет угрозу Заар своим черным крылом;
Но есть у мира надежда, и должен Тонгор найти
В великой книге Шарата способ народы спасти.

Сага о Тонгоре, XVII, 1, 2

Глава 1
ТАЙНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

А книга великого мага запрятана так глубоко,
Что даже отважным и смелым ее отыскать нелегко,—
Под стенами древнего храма в пыли подземелий пустых
Скрывает она свои тайны от глаз ненасытных людских.

Сага о Тонгоре, XVII, 3

Ночь тяжелым занавесом стояла над каменным, окруженным стеной городом, находящимся в устье Рек-Близнецов. Покрывало темных облаков спрятало огромную золотую луну Лемурии и скрыло от взора звезды. Ничто не двигалось на улицах Патанги, города Огня, кроме поющего ночного ветра. Иногда лишь отряд стражников проходил по улицам к городским воротам сменить караул. Но над городом беззвучно кружили патрули — блестящие летающие корабли Воздушной гвардии.

Они летали над главной площадью, лежащей в центре города, над куполом огромного храма Девятнадцати Богов и великолепной Торийской дорогой, которая широким проспектом проходила через весь город, от центральной площади до суровых бастионов Западных ворот. Воздушные суда несли круглосуточную вахту, поскольку Патанга являлась сердцем огромной империи, сарконатом пяти городов. И хотя ее черно-золотые знамена развевались почти над всеми городами, лежащими на берегу залива и вдоль бурного берега Яхен-зеб-Чуна, Южного моря, много хитрых и жестоких врагов с завистью следили за молодой империей и стремились втоптать в грязь ее стяги.

Но сейчас завистники спали. Летняя ночь была тихой, и Патанга мирно отдыхала, окруженная могучими стенами.

Лишь один человек не спал...

Кто-то бесшумно пробирался по темному залу храма Девятнадцати Богов. В храме царил мрак, если не считать вечного

пламени, горящего перед верховным алтарем и гигантскими каменными статуями.

Человек сошел по каменным ступеням к основанию алтаря, протянул руку и коснулся потайной кнопки, что была спрятана среди узора символов, вырезанных на бледном мраморе. Послышался шорох, и открылся темный ход!

Высокий человек спустился по винтовой лестнице, и та привела его в подземелье, о существовании которого знали лишь немногие.

Человек вошел в Грот Пламени.

Перед ним открылась гигантская пещера. Стены из древнего камня образовывали высокий свод, с которого свисали сталактиты — толстые пики из перламутрового камня, размером с клыки Барумфара, легендарного отца всех драконов. С пола пещеры навстречу этим пикам поднимались стеклянистые сталагмиты с округлыми верхушками, созданные известковой водой, бесчисленные века просачивающейся через грунт. Жуткое, захватывающее дух первобытное великолепие!

Но самым необычным было пламя.

В центре пещеры находился глубокий, окруженный низким бортиком колодец, напоминающий фантастический кратер. Из его черного жерла вырывался громадный сноп изумрудно-зеленого пламени. Таинственный свет мерцал на стеклянных стволах сталагмитов и сталактитов... Загадочным был этот изумрудный вечный огонь! Никто из живущих не знал его секрета. Желтые хранители Ямата, Бога Огня, окружили огненный колодец всевозможными мифами. «Вечно сияющий» — называли они его, или «Негасимое пламя».

Вероятно, это была струя неизвестного газа, поднимающегося из неведомого сердца Лемурийского континента — из недр планеты. Пламя горело здесь с незапамятных времен. Шарат, ушедший из жизни великий колдун Лемурии, предположил однажды, что газ выходит из незнакомого людям мира вулканического огня, бушующего глубоко под основанием материка. Это мир лабиринтов и пещер, где, находясь в неустойчивом равновесии, борются силы огня, пока сдерживаемые, но которым в необозримом будущем суждено вырваться на свободу и чья ярость встряхнет всю Лемурию и утопит ее в водах Тихого океана... Ничего не останется от былой славы и великолепия первых храбрых царств человечества, кроме обрывков легенд и

имени... Лемурия, затонувший континент, колыбель человечества.

Тонгор мрачно глядел на пламя. Именно он, повелитель пяти городов, спустился по тайной лестнице сюда, в подземелье, следуя указаниям, что оставил ему несколько лет назад старый волшебник Шарат. Это он, сарк сарков, император, не спал в эту ночь.

Северянин Тонгор, могучий бронзовый лев, с мускулами, будто у языческого бога, был повелителем Патанги. Суровое величественное лицо валькара обрамляла густая грива черных волос, струившаяся по могучей спине и массивным плечам. Она была перехвачена золотым обручем с гранеными опалами из горных рудников в горах Моммур. На теле воина были лишь алая набедренная повязка да кожаные ремни с пряжками — одежда лемурийского воина. К ремням при помощи бронзовых колец крепились ножны кинжала и огромного меча: с оружием Тонгор не расставался никогда. К широкому кожаному воротнику, охватывающему сильную шею, застежками из дымчатого топаза крепился широкий алый плащ. На пальцах сарка сверкали перстни, на жилистых запястьях — браслеты.

Северянин бесстрастно взирал на пляшущее пламя.

Но Тонгор явился в это тайное подземелье не для того, чтобы посоветоваться с древним оракулом Пламени, поэтому он прошел через пещеру к дальней стене. Его шаги эхом разносились по небольшому помещению, а алый плащ развевался за спиной, будто крылья фантастической птицы.

Тонгору не давал покоя страх. Именно страх заставил валькара подняться с постели, где рядом спала любимая супруга, и погнал в таинственную ночь. Сердце северянина сжигал страх за свой народ, страх перед тем, что может ожидать его королевство в будущем.

Тонгор был варваром, единственным оставшимся в живых представителем первобытного племени, клана Черного Ястреба, валькаров, чьи сложенные из камня укрепления до сих пор взирали на холодную пену Жаранга Татрайбаала, Великого северного океана. Тонгор пришел с сурового и дикого Севера, пересек горы Моммур и спустился к пышным, поросшим джунглями холмам, где молодые города вздымали к утреннему небу свои башни... Валькар пришел на Юг, туда, где жили юные народы и правили пороки, туда, где сталкивались амбиции сарков и жадность хранителей.

Молодой великан, обладавший неиссякаемой энергией и военным мастерством, с колыбели владевший мечом, буянил и пировал, дрался и гулял, хвастался подвигами и побывал в половине городов Юга. Тонгор был вором и наемным убийцей, бандитом и бродягой. Рабом на галерах в Шембисе, он потел под безжалостной плеткой надсмотрщиков. Потом, став предводителем пиратов, валькар грабил города по берегу Патангского залива. Позднее, благодаря дружбе молодого воина по имени Элд Турмис, ему удалось стать наемником, и он воевал под красно-черным знаменем Турдиса.

В те безумные годы, наполненные дерзкими подвигами, Тонгор не задумывался о том, что принесет с собой следующий день. И не было у Тонгора никаких желаний, которые не могли бы утолить чаша красного вина, податливые красотки или острый меч.

Но мудрые боги древней Лемурии или Судьба, которой, как говорят некоторые, подвластны даже сами боги, уготовили необычное будущее этому косматому варвару северных равнин. Вначале он ступил на тропу, которая привела его почти через пол-Лемурии к Внутреннему морю Неол-Шендис, где вместе с могучим колдуном Шаратом он, используя как оружие божественные молнии, бился против последних рептилий — Королей-Драконов, что до появления людей долгие века правили миром. Во время этого фантастического приключения, память о котором, дошедшая до нас в сагах и легендах, пережила сам континент, Тонгор познакомился с прекрасной девушкой, Соомией, изгнанной королевой Патанги, города Огня. Этой девушке и суждено было стать его супругой.

Тонгору благодаря храбрости и военному искусству удалось разбить врагов Соомии, победить Желтых хранителей, изгнать их из Патанги, освободить город Огня и вернуть королеве ее трон. Тонгор же занял место рядом с ней, как сарк или король земель Патанги.

Но вместе с титулом Тонгор принял на себя множество забот. Патангу со всех сторон окружали сильные враги. Другие города, Тсаргол на юге и воинственный Турдис, расположенный на другой стороне залива, выступили против варвара-завоевателя. Много раз после того, как старый и мудрый Эодрим, иерарх храма Девятнадцати Богов, обвенчал Тонгора и Соомию перед алтарем Отца Горма, звучали трубы и сарк Патанги выводил свои легионы на поле боя. Город Дракона пал перед ним, как и

Шембис, лежащий на берегу, и Тсаргол, возвышающийся на берегу моря, на юге. Таким образом, северянин создал могучую империю, посадив на троны завоеванных городов своих самых лучших друзей.

Но Патанге по-прежнему грозила опасность. На этот раз она надвигалась с востока, из самого дальнего уголка Лемурии, оттуда, где поднимались угрюмые стены Заара, города Черных колдунов.

Пять лет прошло с тех пор, как Тонгор столкнулся с одним из магистров Черного города, с Адаманкусом Заарским. Воин уничтожил злого мага при помощи его же собственного демона и спас королеву, отняв ее у колдуна. Башню магистра пожрал колдовской огонь, а Тонгор вернулся назад в Патангу и скоро позабыл о Черном городе, занявшись делами Зангабала, ставшего пятым городом империи, и тысячей других государственных дел.

Но в эту безлунную летнюю ночь, когда Тонгор спал рядом со своей королевой, он услышал во сне зловещее имя — Заар...

Валькар нахмурился, вспомнив об этом. Ему грезилось, что он поднялся сквозь туманы сна и оказался на вершине огромной горы. Небо над ним сияло миллионами звезд. А вокруг вершины, так, как стоят вокруг стола его друзья во время совета, застыли полупрозрачные огромные фигуры богов, увенчанные ослепительными звездами! Тонгор замер в благоговейном трепете, нагой и одинокий на обдуваемой ветрами вершине. Со всех сторон были обращены к нему суровые туманные лики Девятнадцати Богов. Тут был Горм, Отец Звезд, с косматыми бровями, развевающейся бородой и яростным орлиным взором; старый Пнот, Бог Мудрости, прижимающий к груди Книгу миллионолетий; улыбающаяся Тиандра, Богиня Удачи; Аслак, Кузнец Богов; сияющий Аэдир, Бог Солнца, и его супруга Иллана, Богиня Луны, и другие. И Девятнадцать Богов сказали ему:

— Тонгор, берегись Черного города, чей глаз следит за твоим королевством и за тобой... Подумай над мудрыми словами Шарата Великого, который, как ты знаешь, обитает сейчас в наших звездных чертогах, и над предостережениями, которые он записал в Книгу Мудрости, что оставил тебе... Возвращайся на Восток, туда, где сможешь найти волшебные кристаллы. В них — залог будущей безопасности Патанги. Берегись, Тонгор, ибо на Востоке поднимается буря, и все земли Запада может накрыть ее тень. И если ты не обуздаешь небесные молнии, падут города Запада...

Тонгору снилось, что он протянул руку к огромному величественному лику Отца Горма и проговорил:

— Отец Богов, я готов исполнить то, что может смертный. Я готов защитить мир от Темных сил... Я не боюсь опасности, поскольку мы с ней давние друзья! Но скажи! Объясни, что это за нависшая угроза, окажи помощь в борьбе против врагов богов и людей!

И Горм отвечал ему:

— Знай, Тонгор, что боги принадлежат более высокой сфере, чем мир людей, и мы ничего не можем менять в твоем мире, согласно законам, которые правят даже нами, ибо твои Боги лишь слуги неизвестных тебе Высших Богов! Мы действуем только через людей. Во снах и видениях приходим мы к таким людям, как ты — тем, от кого зависит судьба мира. И то лишь в мгновения величайшей опасности для вселенной позволено нам дарить людям знамения и символы... Прислушайся же к нашим предупреждениям, Тонгор, и берегись!

Клубы тумана вдруг поглотили лица Богов. Облака скрыли их, а потом унеслись прочь, оставив чистое небо, в котором завывал ветер. Неожиданно вершина горы исчезла, и Тонгор начал падать сквозь туман... все ниже и ниже...

Но тут валькар вскочил с супружеского ложа, потрясенный благоговейным ужасом. Стража за окном прокричала третий час ночи.

Тогда сарк оставил опочивальню и прокрался сюда, в скрытый от людских глаз мир пещер под огромным городом, поскольку здесь, в ему одному известном месте, хранилось волшебное сокровище Патанги. И вот Тонгор оказался перед потайной дверью сокровищницы!

Северянин вытянул руку, в нужном месте надавил на грубую каменную стену, и массивная плита опустилась, открыв вход.

Перед его глазами предстала вырубленная в камне пещера, в которой не было ничего, кроме грандиозного куба из черного полированного мрамора. На его блестящей поверхности лежал золотой браслет с загадочным камнем — редким хандралом с крапинками янтарного цвета.

Рядом покоилась гигантская книга, размером в половину человеческого роста. Это был гримуар Шарата Великого, где маг огненными чернилами на тонких листах металлической фольги запечатлел плоды своей мудрости. Этот огромный удивитель-

ный том имел переплет из зеленой чешуйчатой кожи дракона и запирался семью стальными замками. За черным мраморным кубом, прикрепленный к стене железными скобами, сверкал легендарный меч — тот самый меч богов, который Тонгор держал в руках семь лет назад, когда судьба привела его к черной цитадели Королей-Драконов.

Никогда больше не возьмет в руки Тонгор заколдованный клинок, но тот, кто придет после него, поднимет этот меч, когда настанут последние дни Лемурии, и использует чудовищные силы меча мечей против Хаоса и Вечной ночи...

Вынув связку ключей из сумки у пояса, Тонгор отпер один за другим семь замков. Затем он склонился над огромным гримуаром и, медленно переворачивая блестящие страницы, стал читать наставления Шарата.

Долго размышлял он над словами старого колдуна. Восток уже окрасился алым, когда валькар вышел из камеры, снова запечатал тайную сокровищницу и стал подниматься по винтовой лестнице.

Глава 2
ПРИРУЧИТЬ МОЛНИЮ

В той книге — пророчество мага о том, что восстанет Заар
В безмерном коварстве и злобе, в могуществе черных чар;
О том, что в борьбе с ним поможет подобный звезде красотой
Магический синий камень, что молнией бьет, как стрелой.

Сага о Тонгоре, XVII, 4

К северу от центральной площади Патанги, недалеко от Речных ворот, находилась небольшая площадь, называвшаяся Форум Нумидона. Там возвышалось здание из желтого камня с красной черепичной крышей, дом Иотондуса Катоольского, молодого философа и естествоиспытателя. И туда направился утром король Тонгор в сопровождении знати...

Долго размышлял валькар над словами книги, прежде чем вернуться в королевский дворец, чтобы позавтракать вместе с супругой Соомией и юным Таром, их шестилетним сыном. После северянин отправился посоветоваться с молодым мудрецом. Прошлой ночью во сне или в видении Боги говорили о «волшеб-

ных кристаллах». Тонгор вспомнил о том времени, пять лет назад, когда он во время одного из невероятных приключений оказался на рохальских равнинах далеко на Востоке. Он вспомнил шамана Тэнгри и его магический жезл, увенчанный сверкающим камнем, от простого прикосновения которого человека тут же парализовало. Тонгор срезал этот камень с жезла шамана и привез его в Патангу как достопримечательность, а затем передал Иотондусу для изучения. И мудрец поведал ему, что среди волшебников камень этот зовется ситурлом... волшебным кристаллом.

Так что этим утром Тонгор отправился к Иотондусу для того, чтобы узнать, не смогут ли острый ум и обширные знания молодого философа разгадать загадку, заданную ему Богами. Солнце уже приближалось к зениту; день выдался солнечным и жарким. Вместе с сарком следовали: плечистый старый воин — герцог Мэл; толстый краснолицый пожилой барон Селверус; элегантный молодой виконт Дру, даотар патангских лучников; Зэд Комис и Том Первис, даотары Черных драконов и Воздушной гвардии. Верхом на быстроногих кротерах Тонгор и его товарищи выехали через задние ворота из дворца и проскакали по проспекту, называемому Королевской дорогой, направляясь через старый город к Форуму.

Оповещенный гонцом о прибытии Тонгора, мудрец встретил гостей у ворот дома, поприветствовал их и провел внутрь. Как и все дома на западе Лемурии, этот дом имел внутренний двор, или атриум, который и служил мудрецу местом работы, его лабораторией. Тут Иотондус проводил эксперименты, пытаясь глубже постичь тайны природы.

Атриум был тенистым и прохладным. От солнца его защищал полосатый брезентовый полог. Вдоль стен стояли железные столы, низкие и длинные, с мраморными столешницами, на них размещались приборы: пробирки, реторты, тигли и странные стеклянные сосуды, где бурлили таинственные жидкости. Повсюду были деревянные полки с книгами и чертежами. В углу стоял человеческий скелет, сочлененный при помощи медной проволоки, а на фарфоровой скамеечке в прозрачной емкости, наполненной мутной жидкостью, плавал человеческий мозг.

Прямодушный и веселый герцог Мэл с отвращением косился на полки, заставленные книгами, и столы, заваленные бумагами и всевозможными артефактами: человек военный, он верил

лишь своему королю и мечу, а интеллектуальные занятия попахивали, по его мнению, колдовством и черной магией.

Его верный товарищ, жирный и краснолицый барон Селверус, зайдя во двор, также проворчал что-то и фыркнул сквозь свои разбойничьи усы, косясь на реторты, тигли и другой научный инвентарь. Но третий спутник Тонгора, стройный щеголь виконт Дру, кузен Соомии, с живым интересом принялся рассматривать таинственные химические аппараты, листать старые, переплетенные кожей фолианты и разглядывать разбросанные по столам пергаментные свитки со сложным иероглифическим письмом.

Что же касается Зэда Комиса и Тома Первиса, то они стояли, внимательно слушая все, что тихим голосом говорил королю философ. У Зэда Комиса, даотара отряда ветеранов Тонгора — отобранных, закаленных в боях воинов, были черные с проседью волосы и седая короткая борода, но тело его сохранило юношескую крепость. Одет он был в форму Черных драконов: черный плащ, откинутый за спину, обнажал загорелую грудь воина, а торс оплели блестящие и тоже черные кожаные ремни.

Том Первис, даотар Воздушной гвардии, с зорким взглядом и копной седых волос, казался суровым и величественным, будто пантера; его одежды украшали серебряные позолоченные ремни воздушного флота, блестящий серебряный шлем и широкая голубая накидка.

Молодой философ обратился к ним.

— Беларба, господа,— произнес он обычное лемурийское приветствие.— Я много времени посвятил изучению этого кристалла и готов продемонстрировать вам его необычные свойства, как и хотел сарк сарков.

Иотондус вынул ситурл и положил его на мраморный стол вместе с другими предметами. Волшебный кристалл представлял собой камень размером с кулак мальчика. Он был огранен, и вдоль его оси шла медная проволока, выступающая с двух концов и заканчивающаяся утолщениями,— в ней человек нашего времени узнал бы электрод. Кристалл был непрозрачным, но внутри постоянно двигалась, образуя завихрения, некая дымка, и вспыхивали странные зеленые и серебряные искорки. Мэл и барон Селверус с опаской покосились на этот камень, но остальные принялись разглядывать ситурл с большим интересом.

Иотондус, спокойный, скромный молодой человек в неброском сером одеянии, грустно смотрел на свою блестящую игрушку.

— Вот, что я узнал,— тихо заговорил он.— Такой камень можно найти лишь на равнинах далеко на востоке, где кочуют огромные племена рохалов. Он обладает свойствами, отличающими его от всех известных веществ. Например, этот кристалл впитывает и сохраняет солнечный свет. Ситурл вбирает в себя лучи и фильтрует их, превращая в энергию, подобную энергии молнии, и накапливая эту энергию. Я не могу сказать, каким образом солнечное тепло превращается в силу молнии, но это факт. Возможно, все происходит так, как писал древний ученый мудрый Квонидус Ибский: «Все виды энергии: тепло, свет, огонь и небесная молния — лишь формы одной первичной силы».

Философ продолжал перечислять особенности ситурла. Но ныне нельзя полностью разгадать тайну этого камня и невозможно уже с точностью восстановить все его свойства: последний известный подлинный ситурл исчез давным-давно.

— Сарк сарков поведал мне историю о Джомдате из племени кочевников джегга. Тот рассказывал, что, когда жезл шамана, увенчанный этим кристаллом, коснулся его тела, он почувствовал странное онемение и оказался обездвижен. Подобная сила свойственна не только камню. В свое время я был свидетелем того, как в корабельную мачту попала молния и людей, стоявших рядом, сбило с ног и парализовало. То же самое делает и ситурл. Энергия, высвобожденная определенным способом, превращается в тонкий луч, парализующий нервы. Если высвободить ее иным способом, результат получится более... впечатляющим.

— Как же это делается? — спросил Тонгор, с необычным блеском в золотистых глазах глядя на таинственный камень.

— Все дело в металлической проволоке, проходящей вдоль оси кристалла. Она — ключ, управляющий молнией,— объяснил ученый.— Также важно соотношение формы, количества граней и внутренней структуры кристалла, а местоположение этих проволочек влияет на высвобождение энергии.

Мудрец что-то покрутил на металлическом штативе, где был закреплен кристалл, и поставил штатив на край низкого стола, с которого перед этим убрал весь хлам. На другом конце стола он установил деревянные тиски и зажал в них стальной кинжал клинком вверх.

— Я проводил опыты в различных условиях и выяснил, как добиться высвобождения луча различной силы воздействия,— сказал философ.

Виконт Дру недоверчиво поглядел на кинжал и на камень, закрепленный на штативе.

— Ты говоришь, что результат может получиться впечатляющим.

Философ кивнул и с улыбкой ответил:

— В зависимости от размеров кристалла и времени, в течение которого он находился под воздействием солнечных лучей, результаты действительно могут быть различными. Смотрите!

Он еще что-то покрутил...

Ослепительная молния зеленоватого цвета вырвалась из дымчатого кристалла. В ноздри ударил запах озона. Клинок кинжала засветился вишневым, затем ярко-желтым и... согнулся. Расплавленный металл стек вниз и образовал на столе кипящую лужицу.

Крепкий стальной клинок исчез, остался лишь куцый, раскаленный огарок и застывающая лужица стали.

Действительно... впечатляюще!

— Горм! — пробормотал Тонгор, у которого зашевелились волосы на голове от врожденного страха перед сверхъестественным.

— Колдовство! Злое колдовство! — забасил старый Селверус и схватился за амулет из зеленого стекла, висевший у него на шее на кожаном ремешке.

Все остальные вытаращили глаза, застыв от удивления и моргая, ослепленные яркой вспышкой.

— Или... смотрите! — сказал мудрец, снова поколдовав у штатива с удивительным камнем.

Зеленовато-серебристое свечение ситурла постепенно стало ярче... и вдруг мягкое неземное сияние залило затененный пологом двор, словно зажглось миниатюрное солнце!

— Небесная молния и небесное солнце, заключенные в одном магическом камне,— проговорил Зэд Комис, задумчиво поглаживая бороду.

Тонгор вспомнил пророчество, прочитанное им прошлой ночью в гримуаре Шарата. Он повторил эти слова вслух:

— Сила будущих веков заключена в кристаллах таинственного Востока, их энергия может осветить города людей или стереть их в пыль...

Молодой Иотондус кивнул.

Сияние ситурла ослабело... сделалось тусклым... и исчезло.

— Вот какой это кристалл,— подытожил философ.— Он может накапливать солнечную энергию. Камень больших размеров и более чистой воды мог бы нанести удар большей разрушительной силы и светиться в течение нескольких часов...— Голос его сделался мечтательным, лицо — задумчиво-грустным.— Теперь нам открыта великая тайна, использовать которую можно либо на благо, либо во вред человеку. Обладая этим знанием, мы сможем освещать города в темное время, чтобы люди не боялись ни темноты, ни убийц, притаившихся в тени, ни подкарауливающего их вора. Либо, изменив огранку, можно добиться того, что поток солнечного тепла смягчит суровую зиму. Либо...

— Либо можно использовать камень в военных целях,— закончил Том Первис мысль философа.

— Да, это так.

— И я боюсь, что в первую очередь нам придется использовать ситурл на войне,— мрачно проговорил Тонгор.

Он никому не рассказывал о предупреждении Богов: ни супруге Соомии, ни знатным военачальникам своей империи. Но слова Богов тяжелым грузом лежали на его душе.

А потом валькар обратился к мудрецу:

— Ты выяснил, как высвободить силы, заключенные в кристаллах. Смог бы ты узнать, как изготовлять кристаллы, дающие более сильную молнию? И если бы мы установили ситурлы на наших воллерах, то смогли бы поражать цели на расстоянии?

Иотондус кивнул:

— Да. Если достать кристаллы в пять или шесть раз больше, чем этот, я бы за несколько дней огранил их для этой цели.

— Ты получишь их, клянусь Гормом. И если злые колдуны Заара нападут на нас, мы станем защищаться небесными молниями.

— С радостью воспользуюсь возможностью поэкспериментировать с новыми камнями и изучу природу скрытой в них силы.— Иотондус отвесил своему королю легкий поклон.— Мне лишь нужно побольше кристаллов. Я смогу приспособить их к действию на большом расстоянии. Я придумал, как установить камни на треножниках на палубе и управлять их разрушительной силой из кабины.

Герцог Мэл с удивлением посмотрел на мудреца.

— Как? Всего мгновение назад ты сожалел, что кристаллы можно использовать для военных целей, а сейчас ты уже пере-

полнен идеями о том, как превратить их в оружие! Как тебе удается примирить свои нравственные принципы с практичными интересами Тонгора?

Философ мягко улыбнулся.

— Я ученый, мирный человек, а не воин. Однако у меня хватает ума, чтобы понять: заниматься мирными делами и наукой можно лишь тогда, когда королевство достаточно сильно и способно защититься от врагов! Мир там, где сила, и так будет всегда, пока люди не станут мудрыми и благородными, как сами боги,— что, боюсь, на моем веку не случится! И значит, нам нужны доблестные воины, которых следует обслуживать и почитать тем, кто не носит оружия. Поэтому я понимаю: в наше время и в нашем мире нельзя пренебрегать никаким оружием, если мы хотим, чтобы мирные люди, такие как я, могли заниматься философией и наукой,— закончил Иотондус, который, несмотря на молодость, считался в ту героическую эпоху мудрейшим из мудрых.

Герцог Мэл просиял, подошел к мудрецу и хлопнул могучей рукой по худому, хрупкому плечу Иотондуса. Улыбающийся молодой человек чуть не упал от такого удара.

— Хорошо сказано! Да, действительно мудрые слова. Мне нравится твое настроение! — прогремел басом Мэл, и все вокруг заулыбались.

Тонгор же грустно смотрел на загадочно мерцающий небольшой кристалл... кусочек камня, которому суждено изменить лицо Земли и повлиять на всю последующую историю. Но настроение его вдруг изменилось, и в жилах валькара, будто хмельное вино, закипела жажда приключений. Ему предстоит снова отправиться на неизведанные восточные равнины! Нужно завладеть могучим оружием для того, чтобы вести оборонительную войну против Заара! Голос валькара зазвучал как труба, призывая к войне:

— Том Первис! Подготовь два десятка самых больших, самых вместительных воллеров, и мы немедленно отправимся в поход в земли кочевников джегга. Отбери самых опытных пилотов, мы вылетаем сразу, как только закончатся все приготовления.

— Есть, мой король!

— А ты, Зэд Комис, дай команду отборному отряду Черных драконов приготовиться к погрузке на корабли. Одному Горму известно, какие опасности ждут нас на краю земли!

Так начался этот поход... Последняя битва. Боги снова положили на весы армию Патанги с одной стороны и злую науку Заара — с другой, так что один город должен победить, а другой — пасть!

Глава 3
ТОНГОР ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВОСТОК

Тонгор отправляется на Восток
И должен Тонгор отправиться во имя защиты от зла
Со всем своим флотом крылатым в далекие земли, туда,
Где высится город хранителей, а рядом средь вечных скал
Можно найти тот самый прекрасный и грозный кристалл.
И мчатся блестящие птицы — прославленные корабли —
Туда, где восходит солнце над утренней негой земли,
Туда, на восток, где отныне Грядущего тайна лежит,
Где будущих подвигов ратных великое пламя горит...

Сага о Тонгоре, XVII, 5, 6

На востоке загорелись ало-золотистые огни утренней зари. Подувший с залива свежий соленый ветерок принялся трепать широкий плащ Тонгора и играть черно-золотыми знаменами на крышах. На сборы ушло два дня, и вот экспедиция в неизведанные восточные земли была готова отправиться в путь. Свет солнца переливался на серебристых корпусах воздушных кораблей, кружащих над королевским дворцом в ожидании Тонгора.

На крыше, переделанной в посадочную площадку, валькар прощался со своей супругой и сыном, молодым принцем. Молодой Тарт, или Тар, как его называли родители, был крепким шестилетним мальчиком, загорелым и гибким, с черной гривой жестких волос и необычными золотистыми глазами, как и у его могучего отца. Тонгор нагнулся, схватил малыша в охапку, подбросил в воздух и поймал рассмеявшегося сына, а затем передал его герцогиням Иннельде и Лулере, дочерям герцога Мэла и фрейлинам саркайи Соомии.

Затем он обернулся и заключил в объятия свою темноглазую супругу. Он прижал к груди ее мягкое тело и звучно поцеловал в губы, отчего у Соомии перехватило дыхание.

— Не бойся за меня,— ласково сказал он.— Мы просто отправляемся в земли, где правит наш друг Джомдат, старый вождь племени джегга, наберем кристаллов и вернемся в Патангу.

Соомия улыбнулась и вместо ответа поцеловала его. Будучи женой воина, она понимала, что жизнь ее супруга полна опасностей. Хотя женское сердце щемило при мысли о том, что любимый человек отправляется на другой конец света и тысячи опасностей могут обрушиться ему на голову, она не сказала ни единого слова против. Храбрый мужчина должен сражаться с врагами и либо победить, либо погибнуть в борьбе с ними. И она не согласилась бы, чтобы было иначе.

Они последний раз обнялись, после чего Тонгор повернулся и приветствовал остальных, пришедших проститься на площадку на крыше: герцога Мэла и барона Селверуса, виконта Дру и философа Иотондуса, воина Черного дракона Зэда Комиса, который должен будет править городом Огня во время отсутствия Тонгора, и мудрого старого Эодрима, Иерарха храма Девятнадцати Богов.

— Слава Тонгору! — прокричали собравшиеся, и валькар поднял руку, приветствуя их. Затем он повернулся к центру посадочной площадки, туда, где к мачте был пришвартован его личный воллер. По веревочному трапу Тонгор взобрался на палубу и отдал приказ молодому пилоту Фалвоту Птару отдать швартовы. Когда корабль поднялся в небо и присоединился к остальному флоту, Тонгор вошел в небольшую каюту, где его ожидали телохранители.

Во время предыдущей экспедиции на Восток северянин крепко подружился с сыном старого вождя кочевников джегга — дерзким молодым воином, князем Шанготом, которого он вырвал из лап у Адаманкуса Заарского. После этого Шангот, в сопровождении нескольких молодых рохальских воинов, вместе с Тонгором отправился на запад, чтобы участвовать в битве за Тсаргол. С тех пор рохалы стали верными друзьями северянина и вошли в его царскую свиту. Кочевники Чунджа, Джугрим и Родрик-Топор остались в Патанге, чтобы служить Тонгору. Теперь они сопровождали его. Ведь Тонгор направлялся на бескрайние восточные равнины, где кочевали и дрались их братья.

Под блестящим килем воздушного судна-воллера проносились купола и башни Патанги. Острые лопасти пропеллеров рассекали прохладный утренний воздух. Караван возглавляла личная яхта Тонгора, а за ней двумя рядами следовали остальные корабли. Пропеллеры наполняли небо монотонным гудением. Вот далеко внизу показались возделанные земли, окружаю-

щие Патангу. Вскоре корабли вышли за пределы бассейна Рек-Близнецов и полетели над поросшими лесом холмами Птарты.

Воллеры составляли основу могучей армии Патанги, давая городу Огня преимущество над другими городами Запада. Их тайна заключалась в блестящем серебристом металле, из которого сделали обшивку узких, обтекаемых корпусов. Именно он поднимал воллеры в воздух. Урилиум, таинственный металл, являлся сплавом, созданным гением Оолима Фона, алхимика из Турдиса. Этот сплав оказался единственным веществом, способным противостоять силе гравитации. Пропеллеры, приводимые в движение длинными, расположенными под палубой пружинами, позволяли судну с легкостью обогнать и кротера, и зампа.

Первый летучий корабль построил Оолим Фон. Судно должно было бы стать прототипом мощного военно-воздушного флота, при помощи которого Фал Турид, безумный сарк Турдиса, намеревался завоевать весь мир. Но семь лет назад Тонгор, служивший тогда наемником в Турдисе, был приговорен к смерти за дуэль с офицером. Во время побега Тонгор угнал корабль, а позднее воспользовался им для того, чтобы победить Фала Турида и его помешанного на власти военачальника Хайяша Тора, когда те осадили Патангу. После того как Тонгор женился на королеве Соомии и стал сарком города Огня, он построил собственный могучий воздушный флот для защиты империи пяти городов.

Прошли часы. Солнце еще выше поднялось над горизонтом. Когда оно приблизилось к зениту, флот уже находился над землями Нианги. Здесь не было городов. Кругом простиралась мрачная пустыня — иссохшая, малонаселенная местность. Некогда здесь располагалось королевство с зелеными лесистыми холмами и множеством богатых городов. Но прошло уже четыре тысячи лет с того дня, когда обожествленные короли Нианги дерзнули оспорить власть Неба и Девятнадцать Богов обрушили на их государство страшное проклятие, названное Проклятием Серой Лягушки. После этого чудовищного наказания мрачные пустыни Нианги оказались заброшены. Люди прозвали их Серыми пустынями или Землей смерти.

С высоты Тонгор и его воины смотрели на центральные земли Лемурии, распростершиеся под ними, словно гигантская карта. На севере, вдоль линии горизонта, с запада на восток через всю Лемурию, подобно позвоночнику материка, протянулась величественная гряда Моммурских гор. Далеко на северо-восто-

ке, среди гор над спокойными водами Внутреннего моря, сияло полуденное солнце — именно там семь лет назад Тонгор и колдун Шарат бились с Королями-Драконами и разрушили их последний оплот.

На востоке у самого горизонта пурпурной грудой, окутанной туманом, высились Ардатские горы. А на юге, не видный даже с такой высоты, на берегу Яхен-зеб-Чуна, Южного моря, стоял город Тсаргол. Там правил товарищ Тонгора, Карм Карвус, которого до этого изгнал и объявил вне закона Великий Красный хранитель Ялим Пелорвис. Тонгор сломил силы Красных хранителей, поклонявшихся злому богу Слидиту, Богу Крови, и выгнал их из Тсаргола, вернув принцу Карму Карвусу принадлежавший ему по закону престол. Теперь Тсаргол стал вторым по величине городом империи, самым сильным и надежным союзником Тонгора.

В полдень воины подкрепились вяленым мясом, фигами и финиками, хорошим черным хлебом из Пелорма, засахаренными фруктами из Таракуса и запили все это сарновым вином.

Ближе к вечеру они пересекли реку Илт и пролетели над самыми восточными городами, Дарундабаром и Далакхом, стоящими на берегу великой реки, оставив далеко на юге приморский город Возашпу, который уже окутали вечерние тени.

Теперь воины Патанги парили над неведомой страной. Тонгор один раз уже пролетал над этими землями, но никогда не посещал их. Даже Шангот, сын вождя племени, кочующего по восточным равнинам, никогда не отваживался заходить в эти края. Внизу тянулись пески страны пустынь, которую, бросая вызов жажде, песчаной буре и другим опасностям, иногда пересекают купеческие караваны. Тут, среди бескрайних барханов красного песка, живут ужасный катган, или песчаная кобра, и самая страшная тварь страны пустынь чудовищный слорг — змея с женской головой.

На западе догорели последние угольки заката. Ночь распростерла свое черное крыло над Лемурией, а воздушный флот продолжал лететь все дальше и дальше сквозь сгущающуюся темноту. Вскоре многокрылый Аарзот, Бог Ветра, и его брат Дирм, Бог Бури, разогнали туман и облака, скрывавшие вечернее небо. Во всем своем великолепии вспыхнули звезды, ожидая восхода небесной госпожи Илланы. Вскоре она появилась во всей своей красе — огромная золотая луна древней Лемурии.

Юный Фалвот Птар, пилот королевского воллера, устал. Тонгор сменил его за рычагами управления, а Птар прилег немного поспать на узкой койке.

Впереди, скрытая темными крыльями ночи, вытянулась на юг гряда Ардатских гор. Где-то там среди этих пиков поднималась огромная черная гора, похожая на пирамиду из черного мрамора. Когда-то Тонгор попал в ловушку на одном из ее склонов. Несколько часов простоял он на узком карнизе. Валькар очутился там, преследуя Зандара Занда — вора из Тсаргола.

В эту ночь, однако, воллеры промчали Тонгора и всех его воинов мимо суровой горы, унося флот к голым, безрадостным равнинам на востоке, огражденным горными хребтами, будто могучей стеной. Рассвет застанет воллеры Патанги над южной страной джунглей, а полдень — над землями рохалов, друзей Тонгора. Когда же начнут удлиняться тени, флот достигнет осыпавшихся стен древнего мертвого города Альтаара, который тысячелетия тому назад был великим городом. Ныне же его руины стали надгробным памятником людям, камень за камнем сложившим этот город... Теперь это место является главной стоянкой племени джегга. Там Тонгор надеялся найти своего верного друга, великого вождя племени— Джомдата.

Далеко на самой южной оконечности Лемурии, на мысе, выдающемся в море, стоял город Колдунов. Оттуда за флотом Тонгора наблюдал колдовской Глаз, полный черной злобы и невероятной ненависти.

Глава 4
ВСЕВИДЯЩИЙ ГЛАЗ

Но силы Заара не дремлют: волшебного зеркала взгляд
Следит, как в полуденном небе предвестники бури летят,
И мрачные взгляды хранителей, как воды морские, темны,
И мысли недобрые — яда, смертельного яда полны!

Сага о Тонгоре, XVII, 7

Зеленый Глаз следил!

В центре громадного сводчатого зала, выложенного черным полированным камнем, в оправе из потемневшей меди лежало огромное зеркало зеленой ртути. На кольце оправы через рав-

ные промежутки были установлены большие ситурлы. Волшебные кристаллы светились таинственным светом. От их электродов в разные стороны протянулись медные провода, образуя настоящую паутину. Тяжелый воздух дрожал от энергии, переполняющей зал. Циклопические стены из стекловидного черного камня вздымались к хрустальному куполу. Конус изумрудного сияния над озерцом ртути пульсировал, подобно сердцу титана, в такт с искрящимися ситурлами.

На громадном троне из черепов, стоящем на возвышении, куда вели девять ступеней зеленого мрамора, сидел Марданакс, повелитель Заара, города Колдунов, Великий Черный хранитель, верховный жрец богов Хаоса.

Высокий и худой, он укутался в объемную накидку из черного бархата. Руки его скрывали черные перчатки, а лицо прятали от взгляда людей черная маска и капюшон.

С высоты трона из черепов глаза колдуна, полные холодного изумрудного огня, вглядывались сквозь прорези в маске в бурлящую серебристо-зеленую глубину Всевидящего Глаза.

Он располагался у основания возвышения, на котором стоял трон. Там, в черном мраморном полу, был пробит глубокий колодец, окруженный кольцом красной меди. Семь ситурлов, установленных на оправе, наполняли колышущийся жидкий металл электрическим огнем.

Но вот бурлившее озерцо ртути успокоилось. Туман испаряющегося металла рассеялся, открыв зеленую поверхность волшебного зеркала. В его глубине начало проступать странное видение...

...Укрытые ночью холмы у подножия огромных черных гор. Их склоны отражались в многочисленных черных озерах. Ночное небо над ними сияло звездами, словно драгоценными камнями, разбросанными небрежной рукою по черному бархату. Огромная золотая луна Лемурии, будто драгоценная брошь, сверкала среди звезд.

На фоне золотого лика луны проплывали странные тени. Бескрылые, обтекаемые воллеры с заостренными носами блестели полированным металлом. Посредине каждого летающего судна были низкие рубки, открытые со стороны кормы. На кормовых флагштоках воллеров развевались флаги — золотые полотнища с черным ястребом валькаров.

Флот Тонгора пролетал над Ардатскими горами!

Все дальше летели воллеры, пересекая яркий диск луны. Все дальше на восток... Увидев это, Черный колдун улыбнулся. Холодные жестокие глаза Марданакса сразу узнали эти черно-золотые знамена. Он уже видел точно такое же знамя несколько лет назад, когда воздушный корабль Тонгора пробил стену башни Адаманкуса. Самого колдуна убил его же собственный демон, а правительница Патанги Соомия и ее защитник, грозный воин-рохал из племени джегга, были освобождены. Тогда, пять долгих лет назад, холодные жестокие глаза Черного хранителя вот так же вглядывались в глубины Всевидящего Глаза. И Марданакс был свидетелем того, как доблесть и сила Тонгора-варвара принесли смерть Адаманкусу.

Теперь король-воин Патанги снова решил вторгнуться в таинственные восточные земли... Значит, не боялся он гнева Заара и ужасной мести повелителя Марданакса!

Колдун прищурился. Не моргая, глядел он в колеблющееся зеркало, наблюдая, как флот Патанги пролетает над горами и пустынями, джунглями и равнинами.

Замок Марданакса возвышался на вершине скалы в центре Заара, как чудовище, готовое к броску. Вокруг спал укутанный темнотой город тысячи чудес. Словно орел с вершины, зорко следил повелитель Заара из своего замка за всем происходящим в его стране.

Шел семь тысяч четырнадцатый год истории человечества. Семь тысяч лет простоял этот город на самом краю Лемурии, омываемый темными водами неведомого моря. В незапамятные времена здесь, на Востоке, правили девять сыновей Фондата Перворожденного. Они и их сыновья, и сыновья их сыновей построили первые города: древний Иб и огромный Альтаар, потерянный в веках Немедис и угрюмый, лежащий на юге Заар. Во время Тысячелетней войны дети Немедиса и Заара, Альтаара и Иба — города Червя — боролись против Королей-Драконов, властвовавших на земле до того, как Отец Горм вылепил из грязи первого человека и влил в свое создание жизнь вместе с кровью из своей правой руки.

Тысячелетняя война закончилась. Эпоха Королей-Драконов прошла, и первые человеческие города пришли в упадок. Империя Востока пала под грохочущими колесницами рохальских орд.

Пали все города, кроме Заара. На краю земли, в городе из черного камня, по-прежнему жили потомки его основателей.

Заар оказался единственным из человеческих городов, кто изменил Завещанию Перворожденного. Он вступил в союз с Королями-Драконами, испил из их рук неземной мудрости, принял темное знание сих холодных рептилий и смог при помощи колдовства отсрочить свою гибель, оградив себя магической силой, словно крепкой стеной. Заар выжил, предав само имя Человека.

Самый древний город планеты, Заар был так же стар, как и само человечество. Восточные земли, где зародилось человечество, стали свидетелями первых признаков великого катаклизма, в котором суждено будет погибнуть Лемурии. Вулканические силы, постоянно действующие в глубине Земли, уже начали неумолимо разрушать древнейший континент. Мыс, на котором стоял Заар, город Колдунов, давно уже начал погружаться в безымянное море — суровая прелюдия того рокового дня, когда целый материк дрогнет и скроется под бескрайними водами Тихого океана. Но это случится еще через несколько тысячелетий.

А пока Заар оттягивал день своей гибели с помощью грандиозной стены, сдерживающей черную морскую воду. Колдуны с опаской следили за наступающим морем и уже многие годы искали себе новый дом — на далеком Западе.

Однако заарских колдунов, хотя и искусных в черной магии, осталось мало. Им было не одолеть империю пяти городов в открытом бою, и не решались они выставить силу черной науки колдовства против доблестных клинков Патанги и других городов.

Маги действовали незаметно, исподтишка. Больше тысячи лет агенты Заара сеяли раздор, разжигали зависть, ненависть и взаимные подозрения в городах Запада. В последние годы их интерес к западным землям так возрос, что одного из девяти колдунов Верховного Совета, управляющего городом, десять лет назад отправили на Запад с тайной миссией. Это злобное существо, известное людям как Талаба Истребитель, втерся в доверие к Фалу Туриду, безумному сарку Турдиса. Талаба сумел подлить масла в огонь, распалив мечты Турида о мировом господстве... Но появление Тонгора разрушило эту часть великого плана колдунов Заара. Когда победа армий Турдиса и Шембиса уже была близка, когда они уже стояли перед воротами Патанги, осадив город Огня, появился Тонгор, безродный варвар из северных степей. Он поверг знамена Турдиса, разбил железные легионы Фала Турида и втоптал в грязь и безумного сарка, и хитрого Талабу...

Но один из этапов великого плана был начат еще при жизни предыдущего поколения, когда тайные агенты Черного города проникли на ключевые места в братствах хранителей культа Ямата в Патанге и культа Слидита в Тсарголе. Великий Желтый хранитель Патанги и Великий Красный хранитель Тсаргола работали рука об руку с Великим Черным хранителем Заара. Их жестокие культы развращали людей Запада и сеяли страх в их сердцах. Наконец и в Тсарголе, и в Патанге их усилия принесли плоды: Вапас Птол занял трон Патанги, в то время как на юге Ялим Пелорвис, Великий хранитель Слидита, стал править Тсарголом.

Но опять каким-то чудом безродный варвар, Тонгор из племени валькаров, разрушил планы Заара. Он разбил оба братства, казнил их руководителей, а оставшихся сторонников жестоких культов изгнал, лишив власти и влияния. После этого Тонгор объединил разрозненные западные города и основал молодое государство, которое, оправившись от потерь, встало могучей цитаделью, защищая Запад от темных сил Востока.

Этот выскочка Тонгор, ставший сарком сарков Запада, создал империю, объединившую пять из девяти западных городов. Колдуны же хотели, чтобы города Запада ослабели в борьбе друг с другом, и тогда Заар без труда покорил бы их. Ныне и эта часть великого плана провалилась.

Такие мысли тревожили злобного Черного хранителя Марданакса, пока он наблюдал за полетом воздушных кораблей Тонгора.

Тонгор из Патанги нанес планам колдунов разрушительные удары. Одним из наиболее ощутимых стала смерть Талабы Истребителя и Адаманкуса. Оба являлись великими магами Тьмы; оба были членами Совета Девяти. А девять колдунов Заара объединились со зловещей целью: в структуре Хаоса они являлись незаменимыми силовыми полюсами. А когда два полюса оказались уничтожены, осталось лишь семь... И общая мощь Совета значительно уменьшилась.

Однако и заарская семерка была сильна: Марданакс, Питуматон, Ксот-Череп, Малдрут, Вуал-Мозг, Рамадондус Вотх и Сарганет Нульдский. Пусть их и стало меньше, но сила колдунов Совета еще могла одолеть и погубить Запад!

Когда рассвет окрасил золотом дымку на востоке, злой колдун прервал свои наблюдения. По его команде ситурлы потух-

ли. Изображение на волнующейся поверхности озерца жидкой ртути исчезло, и пульсировавший конус зеленого света над колодцем, где находился Глаз, потух. Зеленое сияние больше не освещало огромный каменный зал, и сквозь хрустальный купол забрезжил дневной свет.

Марданакс поднялся с трона. Он медленно спустился по девяти ступеням, прошел через зал к алькову и раздвинул алые бархатные занавески, скрывавшие нишу, где находился свинцовый постамент. На постаменте возлежала странная сфера, выполненная из металлической сетки.

Изумрудные глаза под черной маской, скрывавшей лицо мага, закрылись. Колдун сосредоточил все свои мысли на этой блестящей сетке, стоящей на тускло поблескивающей свинцовой колонне.

Усиленное и сфокусированное этим инструментом мысленное послание пролетело через весь город Колдунов, разнося весть, обращенную ко всем остальным магам.

Одного за другим Марданакс вызывал величайших волшебников Земли — Сарганета Нульдского, Рамадондуса Вотха, Вуала-Мозга, Малдрута с железными мускулами, Ксота-Черепа и Питуматона. Весть отрывала их от темных колдовских занятий и собирала на Совет Девяти, чтобы решить, как погубить Тонгора... В глубине души повелитель колдунов поклялся, что Тонгор погибнет самой страшной, самой чудовищной смертью...

Глава 5
ХОЛМЫ КРИСТАЛЛОВ ГРОМА

От алой зари на востоке и снова до алой зари,
Как стрелы, соперники ветра, летят и летят корабли —
Все дальше, лига за лигой, над пиками гор, над водой,
Над лесом, над степью безмолвной,
Над жизнью и смертью людской...

Сага о Тонгоре, XVII, 8

Всю ночь серебристый флот Патанги скользил по усыпанному звездами небу.

Различные земли проносились под сверкающими килями кораблей, исчезая в темноте за кормой. Воллеры миновали су-

ровые южные пустыни, где руины забытых городов, построенных на заре времен, вздымали полуразрушенные колонны некогда пышных дворцов к презрительно взирающим на них нестареющим звездам. Вот впереди показался барьер Ардатских гор. Над ними возвышался монолит из черного мрамора — Гора Смерти. Корабли пролетали над окутанными облаками вершинами, под которыми раскинулись непроходимые джунгли. Когда-то в их изумрудно-сумеречной глубине огромные драконы древней Лемурии с ревом сражались с яростными деодасами и величественными черногривыми вандарами. На востоке забрезжил бледный рассвет, а флот уже следовал над бесконечными равнинами синих кочевников. Все дальше и дальше: бескрайней степью, поросшей шепчущими травами, где паслись зульфары, лемурийские кабаны, а также дикие стада зампов и буфаров.

Аэдир, Бог Солнца, медленно ехал на огненной колеснице, поднимаясь все выше по лазурному небосводу. Воллеры летели уже много часов. Моторы работали без перебоев, пропеллеры рассекали воздух.

Когда день померк и тени протянулись по бескрайней равнине, на горизонте показался еще один разрушенный город. Стали видны огромные, подобные скалам стены из серого камня, а за ними высокие башни и темные обвалившиеся купола. Серебристые воллеры, притормаживая, начали снижаться.

Они зависли над приводящими в трепет развалинами древнего города. Только появившись на горизонте, стены показались им прочными и надежными. Когда же корабли подлетели поближе, стало видно, в каком они жалком состоянии. Время жестоко обошлось с древним Альтааром. За семь тысяч лет гордый город превратился в поросшую травой груду камней. Там, где на заре времен жил могучий народ, лежали лишь величественные руины. Огромное пространство было заполнено каменными обломками. От башен остались лишь куцые пеньки да горы камней, завалivших прежние проспекты и бульвары. Купола, подточенные неумолимым временем, обрушились. Даже толстые стены местами обвалились, словно земля, устав от их веса, сбросила с себя эту обузу.

Когда-то, много веков назад, Альтаар был цветущим городом: великолепные дворцы, строгие храмы, богатые жители. Но сейчас былое великолепие облюбовали суровые кочевники, народ без прошлого. Жизнь рохальских воинов, владеющих этими

землями, была полностью посвящена бесконечной борьбе с жестокой природой и другими кочевыми племенами. К тому же кочевники находились под властью самых диких предрассудков и были обречены на прозябание в невежестве.

Ныне Альтаар стал лагерем прославленного в боях племени джегга. И воины этого племени вели нескончаемую войну, пытаясь выжить в столь суровых землях. По поросшей травой земле бродили как чудовищные звери, так и страшные люди, поэтому многовековая история кочевников джегга была написана алыми чернилами человеческой крови.

Чаще всего джегга воевали с могущественным племенем зодак, владеющим землями на юге. Одно имя их вождя, Зартома Грозного, внушало страх. Реже кочевники джегга сражались с менее сильными врагами: ордами шанг и тад или с карзоона на западе. И джегга, как и любое другое из пяти племен, было племенем диких кочевников, вечно скитающихся по бескрайней степи на своих громадных колесницах, которые лишь изредка останавливались среди развалин городов Первых людей, предпочитая открытое небо. Так было раньше...

Но несколько лет назад джегга повстречались с Тонгором, и валькар научил их многому. В те дни великий вождь племени, Джомдат, вместе со своим сыном Шанготом оказался изгнан хитрым шаманом. Хотя Джомдат и был грозным воином, в его диком сердце зародились более мягкие чувства, и он стал возражать против жестоких казней на костре и длительных пыток, которые шаманы посвящали своим богам. Старейшины, одураченные злым Тэнгри, сместили старого вождя, но Тонгор спас и его, и Шангота от медленной смерти. Он сверг шамана, помог Джомдату снова стать вождем джегга и наказал старейшин.

Теперь среди древних стен Альтаара стоял лагерем совсем иной народ, которому не чужды были понятия милосердия и справедливости, добра и любви. Народ, сделавший наконец первый шаг по лестнице, выводящей из мрака звериной жестокости к свету цивилизации.

Под килями воллеров лежала полуразрушенная площадь древнего города. Из своей рубки Тонгор видел, как могучие, украшенные перьями воины джегга радостно встречают его, размахивая огромными копьями. Они стояли на крышах, на стене и на развалинах башни. Воздушные корабли замедлили движение, описали круг и зависли над заваленной обломками площадью.

Оглушительный приветственный крик вырвался из тысячи глоток, когда Тонгор по веревочному трапу спустился на разбитую мостовую. За ним следовали Шангот, Джугрим, Чунджа и другие воины джегга из личной охраны сарка.

В первую очередь северянин направился через всю площадь к старому вождю племени и пожал ему руку.

— Беларба, Тонгор,— произнес тот, с королевским достоинством приветствуя друга. Валькар ответил подобающим образом и отошел в сторону, пока старый воин здоровался с сыном, которого не видел несколько лет. Сдержанность — составная часть достоинства варвара — проявилась в словах обоих. Великий вождь пытливо оглядел своего сына с ног до головы.

— Вел ли ты себя среди народов Запада так, как подобает настоящему воину джегга, сын мой?

— Да, отец,— скромно ответил Шангот.

Джомдат фыркнул, демонстрируя свое недоверие.

— Хм! Без сомнения, ты лил себе в глотку огненное вино Запада и храпел словно пьяный боров! — Старый воин сплюнул. Глаза его вспыхнули притворной яростью, за которой он пытался скрыть гордость за сына и нежность, которые переполняли его сердце.— И у тебя по-прежнему сильная рука сына богов, который может без устали сражаться, служа своему господину Тонгору? Не опозорил ли ты имени отца своего перед лицом врагов?

Тонгор едва сдержал улыбку. Он выступил вперед и положил руку на плечо Шангота, который опустил голову, слушая отца.

— Твой сын, о правитель племени джегга, вел себя как подобает. Он достоин своего родителя,— произнес валькар.— Во время битвы с легионами Тсаргола, Алого города, он вступил в бой с моим заклятым врагом Хайяшем Тором, главнокомандующим армии Тсаргола. Я собственными глазами видел, как твой сын снес ему голову. Да! Своим топором он прорубил дорогу в самое сердце вражеского строя!

— Ха! — усмехнулся Джомдат.— Неплохо. В племени джегга любой сосунок...

— И еще,— продолжал Тонгор.— Собственными глазами видел я, как твой сын ударом топора убил трех противников, срубил шест знамени Алого города и бросил стяг наших врагов в грязь.

— Хорошо! — Суровое лицо вождя расплылось в довольной улыбке.— Ты действительно видел это, Тонгор? Тогда, сын мой, приветствую тебя, ибо вижу, что ты не посрамил своего народа!

Сияя от невыразимой радости, Джомдат обнял сына, а потом повернулся и прокричал собравшимся воинам:

— Воины джегга! Приветствуйте Великого повелителя Запада! Режьте животных, несите мехи с пивом. Этой ночью, когда взойдет луна, джегга устроят пир в честь друзей, прилетевших с западного края мира!

— Слава Тонгору! — прогремели воины, потрясая копьями.

Когда огромная золотая луна древней Лемурии засверкала в небе, большие костры уже пылали на разрушенной площади старого города. Кочевники джегга угощали гостей, развлекали их военными танцами и оглушительной барабанной музыкой. На кострах жарились туши буфаров, рекой лилось и горькое пиво, и сладкое вино. Тонгор и его военачальник Том Первис обсуждали со старым вождем цель своей столь далекой экспедиции на Восток.

Как и надеялся Тонгор, Джомдат действительно знал о горном отроге, который протянулся между землями племени джегга и землями, где правило племя зодак. В этих горах и скрывались загадочные волшебные кристаллы. Воинам джегга сии камни не требовались, но они говорили, что кристаллы можно найти среди скал предгорий, там, где на поверхность выходила порода, содержащая свинец. Часто (как рассказывал Джомдат) охотник или разведчик, забредавшие подальше в поисках какого-нибудь укрытия от неожиданной грозы, блуждали среди этих скал и видели, как страшные молнии богов притягиваются к земле мистической силой кристаллов.

Утром, когда взошло солнце, из разрушенных ворот древнего Альтаара выехали всадники: кочевники решили помочь Тонгору отыскать волшебные камни. В то время как воздушный флот плыл по небесам, Джомдат, Шангот и отряд их воинов скакали на кротерах.

Так и вышло, что на седьмой день после того, как Тонгору явились во сне Девятнадцать Богов, он отправился за магическими камнями в сопровождении могучей армии джегга.

Валькар еще никогда не видел воинов джегга в полном вооружении. Это было фантастическое и впечатляющее зрелище варварского великолепия: девятифутового роста синекожие великаны, тела которых оплетали кожаные ремни, украшенные драгоценными камнями и знаками отличия из редких металлов! Бритые головы воинов венчали качающиеся плюмажи. По-

верх ремней рохалы носили роскошные халаты из алого, изумрудного и шафранного бархата, с многочисленными вышивками золотой и серебряной нитью. В руках воины держали страшные копья, длиной в двадцать футов — от окованного железом тупого конца до острого стального наконечника. Часть воинов ехала на гигантских, похожих на трицератопсов зампах, чьи седла были усеяны драгоценными камнями. Другие восседали на грохочущих колесницах, сверкающих сталью, под колесами которых дрожала земля. Этот почетный караул из сотни воинов отправился вместе с Джомдатом, чтобы проводить Тонгора и его флот к горам. Когда валькар увидел сие грандиозное зрелище, его варварское сердце радостно забилось.

Вскоре они достигли холмов кристаллов грома, и воины Тонгора сошли с кораблей. Добыча камней казалась несложной задачей, потому как таинственные зеленоватые кристаллы десятками лежали среди скал, неглубоко присыпанные землей, либо выступали из низких каменистых склонов. Их можно было легко выковырять острием меча. Тонгор приказал своим людям отбирать самые большие и чистые камни, такие, из которых, как заявил Иотондус, можно сделать оружие.

Откапывать камни было нетрудно, но они оказались тяжелыми, как свинец. Воинам пришлось попотеть, загружая их на воздушные корабли. И все же, когда солнце поднялось к зениту и объявили обеденный перерыв, на воллеры погрузили уже сотни три превосходных камней. За это Тонгор должен был благодарить гордых воинов джегга, так как их огромная сила очень пригодилась.

И вдруг, когда все сидели в тени летающих аппаратов и ели, случилось непредвиденное.

Фалвот Птар, молодой воин Воздушной гвардии, пилот королевского воллера, вдруг подавился, побледнел и медленно опрокинулся навзничь. Огромная черная стрела торчала из его груди!

Закричав, Тонгор вскочил на ноги и выхватил меч. Воины Патанги и джегга также заорали от ярости, ужаса и боли. Начался смертоносный дождь черных стрел. Люди гибли десятками!

На флагманском судне, где дежурил Том Первис, протрубили в рог. Черные драконы Тонгора и могучие воины джегга приготовились к бою. Но кто же их враг, без предупреждения обрушившийся на них в этих пустынных землях? Как ни всмат-

ривался Тонгор в окружающие скалы, он никого не увидел! Кроме его собственных воинов и воинов джегга, никого не было среди холмов кристаллов грома.

Глава 6
СЕМЬ КОЛДУНОВ ЗААРА

Когда ж повелители смерти узнали в герое того,
Кто в прошлом лишил их надежды свершить свое черное зло
И снова ворвался в их царство, чтоб планы нарушить опять...
Решили они дерзновенного мучительной смерти предать,
И мрачно семерка собралась на тайный высокий совет,
Измыслила гибель Тонгору, страшнее которой нет,
Измыслила муки такие, что род и не ведал людской,
Чтоб пламень жестокого ада ему показался водой.

Сага о Тонгоре, XVII, 9, 10

Повелитель Марданакс сидел на черном мраморном троне, закутавшись в бархатные одежды. Его холодные глаза злобно блестели из щелок маски.

Огромный круглый зал Совета Девяти был вырублен в монолите черного мрамора. Вдоль изогнутых стен стояли колоссальные колонны, вершины которых терялись во мраке под куполом.

Трон Марданакса, повелителя Заара, был одним из девяти каменных тронов, располагавшихся широким кругом, а в центре, в мраморном полу, находился глубокий колодец. Из его неведомых глубин с ревом вырывалось красно-золотое пламя, распространяя по огромному помещению золотистое сияние.

Остальные восемь мест пустовали. Вдруг вокруг трона из пурпурной яшмы начал сгущаться мрак. Из тьмы появилась прозрачная тень и, постепенно материализуясь, превратилась в человека. Фонтан огня взметнулся вверх, залив зал алым светом. Громоподобный голос, доносившийся непонятно откуда, медленно произнес фразу, наполнившую зал Совета звучным эхом:

— Прибыл повелитель Питуматон, король магии!

Питуматон был огромен. Его раздутый живот и пухлые члены покрывала фантастическая одежда из пурпурного бархата и

лавандного шелка. Он был лыс, лицо — масса дряблого жира, брови и ресницы отсутствовали, а бледные глаза, окруженные бледной болезненной кожей, мерцали словно кусочки льда. В мочках ушей холодным светом сверкали громадные драгоценные камни, и многочисленные перстни унизывали толстые пальцы. Явившийся поклонился.

Потом из потайной двери выскользнул синекожий великан. Статную фигуру рохала украшали изумрудно-зеленая портупея и огромная накидка. Лицо его было невыразительным, глаза тускло блестели, и в них отсутствовал даже намек на разум. Гигант двигался неловко, будто зомби. В могучих руках он нес отвратительное, скрюченное тельце.

— Прибыл повелитель Вуал-Мозг, король магии! — произнес тот же замогильный голос. Вспышка алого огня осветила жалкое уродливое существо, которое бесстрастный раб положил на массивный трон из зеленого нефрита. Мерзкое тельце было не больше тела годовалого ребенка, но голова — огромная, словно раздутая, болтавшаяся над узкими плечиками — по размеру в несколько раз превосходила голову взрослого человека. Лицо же мага оказалось крохотным, остреньким, и на нем огоньками горели злые черные глазки.

Вуал-Мозг кивнул огромной уродливой головой в сторону черного трона и уселся на своем зеленом. Раб-рохал встал за его спиной, сложив могучие руки на груди.

Затем в зал вошел великолепный чернобородый воин в сверкающей стальной кольчуге, мускулистый и сильный, словно величественный тигр. Он был широкоплечим, высоким и крепким. На суровом лице по-кошачьи горели зеленые глаза, губы иронично улыбались. Сбоку на поясе висел огромный меч, с плеч ниспадала алая шелковая накидка. Воин подошел к одному из тронов, с насмешливой улыбкой поклонился и, громко вздохнув, развалился на сиденье из сверкающего алого хрусталя. Вспыхнуло пламя, и трубный голос возвестил:

— Прибыл повелитель Малдрут, король магии!

Вокруг пятого трона, вырубленного из цельного гигантского сапфира, сгустилась тускло светящаяся дымка. Полыхнуло! В беззвучной вспышке цвета индиго появился следующий колдун.

Высокий и тощий, он казался костлявым, словно сушеная мумия. Этот сутулый скелет кутался в широкий темно-синий бархатный плащ. Когда рукой, похожей на птичью лапу, он

откинул капюшон, в тусклом свете сверкнул череп неестественного бурого цвета. В глубоких черных глазницах горели глаза безумца. Колдун поклонился черному трону и устало сел на свое место, облизав губы узким черным языком.

— Прибыл повелитель Ксот-Череп, король магии!

Шестой трон из серого гранита оказался вдруг занят, но никто не мог сказать, откуда появилась эта небольшая хрупкая фигура. Узкое, без всякого выражения лицо; кроткий взгляд и бесцветные волосы; скромно сложенные на груди ручки. Бледный человечек, одетый в ладно сидящий костюм из серого шелка, в свою очередь молча поклонился черному трону.

— Прибыл повелитель Сарганет Нульдский, король магии! — прогремел голос, наполнив темный свод над головой громким эхом.

Шесть королей магии заняли свои места. Но три каменных трона вокруг огненного колодца оставались пусты. Седьмой трон принадлежал Талабе Истребителю, мерзкому существу, с изуродованным болезнями и изъеденным плесенью телом. Этот маг погиб в битве за Патангу. На восьмом когда-то восседал Адаманкус, великий колдун. Тонгор разрушил его башню, а самого мага уволок демон. Но девятый трон?

Оглядев собравшихся, Марданакс спросил:

— А где наш брат, повелитель Рамадондус Вотх? Его трон из желтого камня пуст!

Мягким тихим голосом заговорил Сарганет Нульдский, владелец серого трона:

— Желтый брат занял мое место среди крылатых людей Занда, о Старший брат. Я удачно там поработал: развратил и склонил на нашу сторону Нулд, выполнив свою миссию. Закончит же дело наш Желтый брат. Он лучше меня разбирается в науке управления сознанием.

С алого трона вступил в разговор Малдрут:

— Значит, скоро армия летучих воинов ураганом накинется на Патангу, город Огня! Да здравствует Хаос! Веселый будет денек! Пурпурный брат, а как дела у нашего секретного агента в самой Патанге? Как поживает та злая, подлая змея, которую патангцы греют на своей груди, не подозревая, что это шпион?

Повелитель Питуматон поерзал на своем огромном троне и сипло захохотал.

— Наш тайный агент, Далендус Вул — барон Таллан, еще не готов захватить трон города Огня, о мои братья, но время это близко! Ни Тонгор, ни его военачальники не подозревают Вула. Барон же набирает головорезов и готовится ударить в тот момент, когда крылатые воины Нулда обрушатся на Патангу. Тогда он захватит дворец и всех сторонников нынешнего сарка.

Марданакс рассмеялся:

— Это может случиться раньше, чем вы думаете, братья! Возможно, нашей мести не придется ждать долгие годы!

Все присутствующие в зале напряглись, повернувшись в сторону Черного хранителя.

— Да, пришло время поведать вам одну новость, братья мои! Наш величайший враг, дикарь Тонгор, сам явился на погибель мне в руки.

Со стороны синего трона раздался голос Ксота-Черепа:

— Что ты имеешь в виду, Старший брат? Как это произошло?

И повелитель Марданакс рассказал все по порядку. Он сообщил о том, как при помощи Всевидящего Глаза узнал, что воздушный флот Патанги движется на Восток. Как вслед за этим Тонгор и армия его воинов-героев приземлились на площади мертвого города Альтаар. Когда рассказ завершился, Вуал пронзительно закудахтал от смеха на своем зеленом троне.

— Глупец! — пропищал Мозг.— Варвар, видно, сошел с ума, если решился пересечь границу нашего царства! И что теперь?..

— Теперь нам надо просто сжать ладонь в кулак, и Тонгор будет наш! — промурлыкал Сарганет бесцветным голосом.

— Правильно, Серый брат,— холодно улыбнулся Марданакс.

Наступившее молчание прервал ироничный голос Малдрута:

— Но если он в Альтааре, среди своих друзей из племени джегга, то каким образом повелитель Марданакс предлагает нам схватить Тонгора? Ведь его окружают десять тысяч крепких воинов.

— Это проще, чем ты думаешь, Алый остряк! — грубо ответил Черный хранитель.— Уже бесчисленные годы великое племя зодак воюет с племенем джегга. И, как вам всем хорошо известно, могучий военный вождь зодак Зартом Грозный — наш союзник, которого иногда можно уговорить оказать нам услугу...

Питуматон поерзал на месте и захихикал, отчего затряслись его живот, щеки и многочисленные подбородки. Он склонился вперед и сквозь смех проговорил:

— Значит, если я правильно тебя понимаю, Старший брат, ты натравишь племя зодак на джегга? Ха, приятное зрелище для старых усталых глаз! Но что делать с летучими кораблями Тонгора? Вдруг они поднимутся в воздух и станут воевать на стороне Джомдата? Насколько я знаю, воздушный флот — очень грозное оружие. Ведь имея всего лишь один корабль, эта северная свинья Тонгор разбил объединенную армию двух городов. Тогда Черный Ястреб одержал победу над Драконом Турдиса и Серебряным дельфином Шембиса?

— План мой изощреннее, чем вы полагаете,— холодно объяснил Марданакс.— Я еще не все вам рассказал. Завтра, не знаю зачем, Тонгор и его воины отправляются к скалам, разделяющим земли племен зодак и джегга. Синекожие будут сопровождать их. Так что этим вечером мы вступим в переговоры с вождем Зартомом и предоставим ему наше новейшее оружие — плащи-невидимки!

Череп едва не вскрикнул. Глаза его вспыхнули фанатичным огнем, и тело колдуна, укутанное синим плащом, затряслось.

— А-а-а... Теперь я понимаю, Старший брат,— в сухом монотонном голосе слышалось предвкушение удовольствия,— воины Зартома незаметно подкрадутся к судам, схватят Тонгора и накроют его еще одним плащом... И никто не помешает нашим союзникам увести варвара в свой лагерь. А как только он окажется в стенах древнего Иба, города Червя, я явлюсь за ним и доставлю в Заар... где мы сможем поступить с пленником по своему усмотрению.

По кругу гигантских тронов пробежала волна злорадного смеха.

— Теперь, братья, остается лишь решить то, какому наказанию мы подвергнем этого северного варвара.

Последовал длительный спор, во время которого обсуждались достоинства различных способов истязания. Пока колдуны препирались, Великий Черный хранитель спокойно сидел на своем месте и едва заметно ухмылялся. Через некоторое время он прервал своих братьев:

— Все эти способы достаточно хороши, но ни один из них не унизит Тонгора так, как мы хотели бы. Нам требуется найти наказание, соответствующее величине преступления, совершенного валькаром против повелителей Хаоса и нас, их слуг.

Малдрут склонился вперед:

— Ты хочешь нам что-то предложить, Старший брат?

Марданакс злорадно усмехнулся и ответил:

— Да.

Наступила гробовая тишина, и в ней весомо прозвучали два ужасных слова:

— Величайшее жертвоприношение.

Его слова эхом разнеслись по залу.

Толстый Питуматон побледнел. Его пухлые, дряблые щеки заблестели от пота.

Черные глаза Вуала вспыхнули злобой, а тонкие губы растянулись в улыбке.

Малдрут иронично усмехнулся. Но никому больше идея эта не показалась смешной. Даже костлявый Ксот содрогнулся, услышав такой приговор.

Первым заговорил Питуматон:

— Но, Старший брат. Последние несколько тысяч лет ни один магистр Заара не решался провести этот ритуал!

Глаза Марданакса в прорезях маски вспыхнули изумрудным огнем.

— Значит, мы будем первыми, кто обрушит на Тонгора эту самую изощренную кару, придуманную человеческим разумом.— Он сделал паузу и затем с явным удовольствием в голосе произнес полное название дьявольского обряда: — Ритуал превращения души человека в раба сил Хаоса!

Затем, прикрыв глаза воспаленными веками, колдун откинулся на спинку трона.

— Но развлечение состоится не сегодня. Сейчас надо заняться делом! Я отправляюсь в древний город Иб, чтобы договориться с Зартомом. А ты, повелитель Питуматон, подготовь достаточное число плащей. До восхода луны я должен быть в городе Червя.

Жирный колдун задумчиво почесал отвисшую щеку и просипел:

— Не думаю, Старший брат, что за это время можно успеть зарядить энергией больше дюжины плащей.

— Ладно, и дюжины должно хватить,— решительно произнес Марданакс.— Займись этим.

Совет закончился.

Один за другим колдуны вставали, должным образом прощались с Черным колдуном и, каждый по-своему, уходили.

Они возвращались к свои делам, с нетерпением ожидая того момента, когда бессмертная душа Тонгора Великого будет отдана в вечное рабство повелителям Хаоса.

Глава 7
НЕВИДИМАЯ АРМИЯ

Над степью безвестной и дикой, где вечно царит война,
Где странных людей синекожих чужая лежит страна, —
Там гибель войскам Тонгора наносит свой первый удар,
И падают воины с криком, в душе унося кошмар...
Ужасна и непостижима, как будто из воздуха смерть!
Как можно сражаться с теми, кого и не разглядеть?
И как же суметь защититься от шквала незримых атак?
То люди иль черная сила?! — невидим таинственный враг!

Сага о Тонгоре, XVII, 11, 12

— Горм Всемогущий!

Это выругался Тонгор, вскакивая и не находя от удивления других слов.

Мимо его плеча просвистела черная стрела и впилась в горло могучему рохальскому воину. Другая стрела ударила в корпус судна и разлетелась в щепки.

Валькар обернулся, сжимая меч, и позвал Тома Первиса. Но тут один молодой воин, недавно принятый в Черные драконы и случайно оказавшийся рядом, вдруг крикнул:

— Господин, берегись!

Юноша кинулся к повелителю и заслонил его грудь небольшим легким щитом, или чермом. Стрела впилась в круглый кожаный черм, и Тонгор замер: если бы не молодой воин, стрела пронзила бы его тело.

Валькар взглянул на залитое потом лицо юноши и улыбнулся:

— Благодарю тебя, Чарн Товис. Но ты ранен.

Молодой воин сделал пренебрежительный жест:

— Просто руку задело. Ничего серьезного.

Однако длинный порез на предплечье сильно кровоточил. Тонгор положил ладонь на плечо юноши.

— Ты заслонил меня от стрелы, рискуя собственной жизнью,— спокойно проговорил он.— Такая преданность очень ред-

ка, Чарн Товис. С этого момента ты — коджан и принадлежишь к знати империи. Кроме того, ты теперь командир сотни.

Товис покраснел от радости и сбивчиво забормотал слова благодарности. Но у Тонгора не было времени слушать его. Валькар побежал к скале, туда, где стоял даотар Том Первис и внимательно оглядывал местность.

— Не могу обнаружить врага, господин! — вздохнул старый воин.— Непонятно, откуда берутся эти стрелы.

Тонгор огляделся. Его воины выстроились кольцом, готовые к бою, защищая грудь и лицо чермами, которые при помощи ремня крепились на предплечье. Черные стрелы сыпались вокруг смертоносным дождем. На камнях уже лежало девять окровавленных тел. Часть отряда племени джегга ускакала в поисках невидимого врага, но и они пали, утыканные стрелами, а их кротеры взволнованно заметались из стороны в сторону. Валькар заметил, как старый вождь Джомдат и его сын Шангот укрылись за кормой ближайшего судна.

Непостижимо! Кто же напал на них?

Том Первис провел рукой по седым волосам и проворчал:

— Такое ощущение, что наши враги — духи из Страны Теней... или у самого воздуха выросли руки, он взялся за оружие и обратился против нас.

Над его плечом со свистом пролетела стрела. Даотар пригнулся и грязно выругался.

— Надень на голову шлем. Не зевай, держа его под мышкой,— раздраженно сказал ему Тонгор. Пока старый воин надевал на копну седых волос сверкающий шлем, валькар внимательно огляделся вокруг. Даже его острое зрение не могло различить ни малейшего следа нападавших. Похоже на то, что фантастическое предположение даотара — правда. Невероятно!

Самым разумным было бы сесть в летающие корабли и подняться в воздух (в трюмы уже погрузили три сотни превосходных кристаллов), но сердце Тонгора противилось мысли о бегстве. Если бы ему нужно было думать только о себе, он без промедления покинул бы укрытие среди скал и непременно нашел неизвестного противника, чем бы ему это ни грозило. Но Тонгор давно уже не был одиноким искателем приключений, который может бродить по свету, ни о чем не заботясь, кроме как о чести воина. Он — король и в первую очередь должен думать о многих тысячах людей, от него зависящих. Поэтому,

хотя ему и претило бежать, не нанеся в ответ ни одного удара, он понимал, что необходимо поступить именно так.

— Горм! Если бы только увидеть этих собак, мы изрубили бы всю их стаю или погибли в бою, а не прятались здесь, как желтобрюхие унзы,— проговорил он, еле сдерживая ярость.

— Да, господин,— ответил военачальник.— Но сейчас мы беспомощны! Мы не можем сражаться с невидимками.

Тонгор проворчал что-то, но вынужден был согласиться:

— Ладно, ясно одно: если мы задержимся здесь еще ненадолго, невидимые враги всех нас перебьют.

— Может, сделаем вылазку? Нападем на них неожиданно? — предложил старый даотар.

Тонгор молча размышлял над этим предложением... Заманчиво... Но он не имеет права рисковать: необходимо сохранить имеющийся запас ситурлов и обязательно доставить в Патангу. И незачем... Сарк сарков знал свой долг и понимал, что необходимо сделать в первую очередь, хотя сердце его стонало от гнева.

— Нет,— ответил он.— Том Первис, дай команду садиться на корабли. Поднимемся туда, где нас не достанут стрелы этих собак. Потом вернемся в Альтаар.

— Да, но...— начал было возражать воин.

Тонгор оборвал его:

— Это приказ. Выполняй! Мне это нравится не больше, чем тебе. Но делать нечего. Действуй!

Даотар отдал команду горнисту на флагманском судне, и тот протрубил сигнал. Черные драконы с восхитительной слаженностью шаг за шагом стали отступать к воллерам, защищая друг друга щитами, и забираться в тяжелогруженые корабли. За воинами Тонгора последовали джегга, которым ничего не оставалось, как потрясать огромными копьями, грозя пустой равнине.

Почти все люди находились уже на борту. Тонгор и даотар Воздушной гвардии последними направились к воздушным судам. Они вышли из-за скалы, за которой прятались, и побежали к ближайшему кораблю. В них полетело множество черных стрел, будто град ударил в землю.

Так получилось, что старый воин достиг судна первым. С удивительной для его возраста ловкостью военачальник уцепился рукой за палубное ограждение и запрыгнул на борт. Встав на колени и прикрываясь щитом, протянул руку своему господину.

Но тут случилось нечто странное.

Тонгор остановился, споткнувшись, попытался ударить мечом по воздуху, качнулся, будто налетел на невидимое препятствие,— и исчез!

Том Первис разинул от удивления рот. Он слышал шум потасовки: тяжелое дыхание, ругань, звон оружия,— но ничего не видел. У старого даотара волосы зашевелились на голове, когда он заметил, как приминается сухая трава в том месте, где стоял до этого Тонгор. Казалось, по ней ходят невидимые ноги.

— Господин! Я иду! — крикнул он, выхватил меч и взялся рукой за ограждение, для того чтобы спрыгнуть на землю. Но вдруг раздался другой звук — топот множества ног! Невидимая армия приближалась к воллерам.

Из ниоткуда донесся сдавленный голос Тонгора:

— Назад! Назад, глупец!.. Сейчас же взлетайте! Не пытайтесь меня спасать. Взлетайте, пока невидимки не захватили корабли!

Том Первис в отчаянии застонал. На его лице каплями выступил пот, и ужас сдавил его горло, так что он едва мог говорить.

— Но, господин! Мой король! — воскликнул он дрожащим от горя голосом.

Звуки борьбы удалялись. Тот, кто схватил сарка, оттащил его подальше, но в каком направлении — сказать было трудно.

Снова из ниоткуда донесся голос Тонгора. Но на этот раз слова прозвучали холодно, властно, по-королевски решительно:

— Я... приказываю... взлетать... и доставить кристаллы Иотондусу! Пусть ускорит изготовление оружия... установить его на... летучих кораблях!

— Мой господин!

— Затем возвращайтесь... и ищите меня...

— Господин! Тонгор!

Ответа не было. Валькар молчал. Тонгор, повелитель Запада, исчез, словно под землю провалился. По искаженному горем лицу Тома Первиса текли слезы, смешанные с холодным потом.

Воин, стоявший рядом с ним, вдруг вскрикнул и зашатался. Из раны на груди потекла кровь, и он, взмахнув руками, уже мертвый упал за борт.

Тот Черный дракон, что держал щит над даотаром, закричал, когда невидимый топор ранил его в руку, и повалился, зажимая рану. Первис, почти ничего не понимая, оглядывался по сторонам.

На палубу воллера забирались невидимые воины!

Будто очнувшись от ужасного сна, военачальник поднялся на ноги. Другие Черные драконы тоже догадались, что враг добрался до них. Прямо перед Томом Первисом на блестящем урилиевом корпусе появилось мутное пятно. Зеркальная отполированная поверхность запотела, словно к ней прикоснулась потная рука. Палуба чуть качнулась — кто-то тяжелый перелезал через борт. Старый даотар почувствовал, как по его телу побежали мурашки.

Он вслепую ударил по воздуху. Клинок со свистом рассек пустоту — и вонзился в чье-то тело. Кто-то закричал, и палуба под ногами закачалась, будто за борт упал тяжелый предмет. Воздушное судно слегка вздрогнуло.

Военачальник удивленно поглядел на клинок, который держал в руке. Тот был в крови от кончика до самой гарды! Очевидно, меч достал до горла противника.

Том Первис быстро развернулся и помчался по палубе. На корме он нагнулся и со всей силы ударил мечом по канату, который удерживал корабль. Немедленно, словно отпущенный воздушный шар, воллер рывком поднялся на десяток ярдов.

Перекрывая шум, прогремел могучий, словно рев медной трубы, голос даотара:

— Всем подняться в воздух! Рубить концы!

Как стая голубей, флот Патанги взмыл в воздух. На палубах продолжалась суматоха, воины, крича и ругаясь, сражались с невидимыми противниками. Но к тому моменту, когда Том Первис перерубил трос, лишь горстка врагов успела подняться на палубу воллера. Этих немногих быстро перебили и выбросили за борт. Вскоре суда уже находились высоко в воздухе, а воины Тонгора тяжело дышали от возбуждения и дрожали от суеверного страха, глядя на степь и пустынные низкие скалы, где, пощипывая траву, бродили зампы. Внизу лежали пронзенные стрелами трупы... но больше никого не было видно! Случившееся казалось кошмаром, но теперь все закончилось. Им удалось вырваться, сохранив кристаллы и свои жизни...

Старый военачальник поморщился при мысли о том, что вынужден был отступить. Он вытер лоб тыльной стороной ладони. Но что поделать: даотар выполнил приказ короля. Как старый солдат, Том Первис знал: приказы не обсуждают.

Однако за всю свою жизнь он никогда не получал приказа, который было бы так тяжело исполнить. Теперь военачальник

сгорал от стыда. Он чувствовал себя сломленным. Словно смертельно раненный зверь, он хотел лишь уползти подальше и остаться наедине со своей болью.

Даотар напрягся, расправил плечи и постарался принять равнодушно-спокойный вид. Он словно нацепил железную маску.

Теперь он остался единственным начальником. Два десятка судов — сотня добрых воинов Воздушной гвардии и Черные драконы — ожидали его распоряжений. Не время поддаваться горю: он должен принимать решения и отдавать приказы, должен отвести флот в Патангу и доставить Иотондусу груз кристаллов. Это сейчас самое главное.

Еще будет время скорбеть о погибших...

И отомстить! Сердце даотара забилось быстрее. Последним приказом Тонгора было: установить на корабли новое оружие и вернуться на равнины.

Плотно сжатые губы военачальника растянулись в зловещей улыбке. Глаза загорелись ледяным огнем.

Это будет такая месть, какой равнины не видели с тех пор, как руки Богов вылепили этот мир из первозданного Хаоса.

Первис подозвал горниста:

— Труби: мы возвращаемся в Альтаар. Высадим там наших друзей, а потом полным ходом в Патангу! Труби!

На палубе другого корабля скрючился у борта, прячась от любопытных взоров, и незаметно плакал Шангот. Он видел, как исчез Тонгор, как унесли его невидимые враги. В руке князь джегга сжимал черную стрелу — одну из многих, упавших на палубу. Успокоившись, Шангот внимательно рассмотрел ее. Она была помечена знаками изготовившего ее племени.

Стрела племени зодак... их старинных врагов!

Шангот слышал последний приказ, который успел прокричать Тонгор, прежде чем его одолел невидимый противник.

И Шангот видел горе Тома Первиса. Он понимал, что старый воин отвечает за исполнение приказа своего короля, и заметил, как согнулась спина даотара под тяжестью этой ноши. Даже если он расскажет даотару о метке на стреле — военачальник не нарушит приказ своего повелителя.

Шангот стал на колени у палубного ограждения и сломал стрелу.

Пять лет тому назад, когда валькар спас его от страшной смерти от рук Адаманкуса, колдуна из Заара, Шангот положил

свой боевой топор к ногам Тонгора — как символ клятвы верности, какую приносят рохалы своим вождям.

Тогда же он положил к ногам Тонгора и свое сердце.

Кочевник понимал, что ему остается только одно.

Решившись, он со свойственной дикарям быстротой и откровенностью перелез через ограждение палубы воллера и ухватился за веревочный трап, болтавшийся в воздухе. Воллеры так поспешно взлетали, что никто еще не вспомнил о том, что надо втянуть веревочные трапы и сложить их на палубе.

Шангот же спустился по трапу и повис на самом его конце.

Разжав руки, он спрыгнул, приземлившись на упругий мягкий дерн. Более слабый человек переломал бы себе ноги. Но Шангот был кочевником племени джегга и, как и все его собратья, обладал железной силой и могучей мускулатурой. Хоть он и ушибся, но травм не получил.

Он поднялся и смотрел, как воллеры проносятся над головой. Но вот флот Патанги растаял вдали.

Тогда молодой князь повернулся и побежал уверенно и быстро; такой темп он мог поддерживать в течение нескольких часов.

Он знал, что племя зодак располагается сейчас среди руин Иба, города Червя, на расстоянии многих лиг к югу отсюда. Шангот понимал: для чего бы враги ни схватили Тонгора, они тут же поспешат доставить свою добычу в свой лагерь. И кочевник молча поклялся преследовать похитителей и попытаться освободить Тонгора, пусть даже на пути его встанет десять тысяч врагов.

Или погибнуть.

Глава 8
ПЛЕННИК СИНИХ ВЕЛИКАНОВ

Стараниями хранителей невидимость обрело
Свирепое племя зодак — свершилось черное зло,
Тонгор своими врагами доставлен пред очи вождю,
Плененный и связанный крепко, со смертью лицом к лицу.

Сага о Тонгоре, XVII, 13

Солнце начало сползать к горизонту. Тени стали длиннее. Наконец кочевники, взявшие в плен Тонгора, увидели вдали стены Иба, города Червя.

Как только невидимые люди отошли подальше от холмов кристаллов грома, то сняли плащи с себя и сорвали плащ-невидимку с пленника. Тонгор увидел, что взяли его рохалы из враждебного племени, хотя северянин и не мог определить по украшениям кожаных ремней, что это воины племени зодак, так как не знал отличительных знаков различных племен кочевников. Руки ему заломили за спину и надели на запястья крепкие наручники.

К югу от холмов кристаллов грома стояли привязанными несколько зампов. Рохалы свернули волшебные накидки, сделанные из скользкого, стеклообразного материала, и уложили в седельные сумки.

Как удалось разглядеть Тонгору, их мантии с капюшонами скрывали все тело. Рукава, длиннее обычных, охватывали даже кисти рук, а капюшон — лицо. Насколько валькар сумел разобраться, именно брошь на груди, украшенная драгоценными камнями, таинственным образом управляла невидимостью плаща. В центре украшения находился огромный золотисто-оранжевый хандрал — камень очень большой редкости, исчезнувший с Земли после гибели Лемурии. Похоже, все дело было именно в нем. Он вращался в оправе, подобно ручке настройки.

Тонгор вспомнил, что много лет назад великий лемурийский колдун, мудрый Шарат, передал ему золотой браслет с огромным хандралом и упомянул, что безделушка может когда-нибудь пригодиться. Позже, находясь в плену у мертвецов из затерянного города Омм в джунглях Ковии, Тонгор случайно обнаружил, что браслет является талисманом, превращающим владельца в невидимку, стоило только повернуть хандрал в оправе.

Еще северянин вспомнил, что Шарат жил в Зааре до того, как порвал с неразборчивыми в средствах Черными хранителями, бежал и поселился в подземном дворце у подножия гор Моммур далеко на Западе.

Тонгор догадался, что его враги, колдуны Заара, дали плащи-невидимки рохальским воинам. Конечно, северянин не был в этом полностью уверен, но, скорее всего, все было именно так. Он никогда не имел ничего общего с людьми этого племени, и непонятно, зачем похищать именно его, если только враги не действуют по указке Черных колдунов.

Толкаясь, воины племени зодак посадили Тонгора верхом на одного из зампов и повезли на юг, в сторону древнего Иба.

Замп — огромное, сильное и медлительное животное, похожее на носорога, или трицератопса. Толстая шкура его имеет цвет индиго, плавно переходящий в грязно-желтый на брюхе. Короткие толстые ноги могут без устали нести животное в течение нескольких дней. У зампа твердый, покрытый роговой тканью клюв, как у попугая, а между свинячьими глазками и маленькими нежными ушками — рога. Огромный вогнутый костный щит защищает его шею и плечи, напоминая седло. В западных землях наездники и использовали этот щит как седло, но синекожие рохалы были слишком велики и поэтому цепляли на спину зампа специальное седло из кожи. Они управляли животным при помощи поводьев, прикрепленных к железным кольцам в чувствительных ушках зампа. Страшный на вид, огромный взрослый замп весил от трех до четырех тонн. На самом деле это был добродушный травоядный зверь, легко приручаемый, хотя и туго соображающий.

Отряд племени зодак вместе с Тонгором отправился в путь по долине, оставив два десятка товарищей следить за воинами Патанги и сопровождающими их джегга. Они догонят племя позднее, когда летающие корабли покинут эти края.

Через некоторое время рохалы и Тонгор въехали в ворота города Червя. Кочевники не разговаривали с пленником, да и тот не пытался задавать им вопросы, предпочитая сохранять королевское достоинство и величие.

Тонгор заметил, что племя зодак значительно менее развито, чем джегга. Суровые воины с грубыми лицами, покрытыми ритуальными шрамами, мало смеялись, редко обменивались шутками. Каждый мужчина племени смотрел на своих товарищей с подозрением и ненавистью. Молчаливые и угрюмые, они пользовались речью лишь для того, чтобы прорычать оскорбление или жестоко пригрозить. Они постоянно ссорились. Все они, как казалось, готовы были в любой момент взбунтоваться. За время долгого пути по равнине вспыхнуло несколько драк. Любой воин, которого случайно толкал или задевал плечом товарищ, разражался безумным гневом. Тогда весь отряд ненадолго останавливался, и два гиганта с криками кидались друг на друга, бешено размахивая огромными бронзовыми топорами до тех пор, пока один из противников не превращался в изрубленный кусок мяса. Во время подобных дуэлей остальные воины не вмешивались и не делали ни малейших попыток остановить

драку. Они просто собирались вокруг, чтобы посмотреть и посмеяться от радости, когда один из их товарищей падет под ударом тридцатифунтового топора. Потом победитель снимал с трупа все украшения и драгоценные камни, и отряд двигался дальше, оставив мертвое тело хищникам.

Наблюдая бурные проявления животной ярости рохалов, Тонгор решил, что племя зодак находится на более низкой ступени развития, чем джегга, их северные враги. Хотя кочевники джегга тоже считались дикарями, у них был принят определенный ритуал вызова на дуэль. Поединок определялся строгими правилами, и за их точным соблюдением следил секундант. Дуэль была честной, а победа — справедливой. Более того, во время военных походов в племени джегга дуэли вообще запрещались. Валькару было непонятно, как дикарям племени зодак удается поддерживать дисциплину в своих рядах во время войны.

Когда кочевники и их пленник въехали в город, еще более очевидным сделалось то, что зодак — варварский и примитивный народ, достигший лишь самой низшей ступени социальной организации. Женщины являлись общей собственностью всех мужчин племени. На детей воины не обращали внимания либо угощали их пинком или подзатыльником. Когда мальчики взрослели и уже могли за себя постоять, их неохотно принимали в среду полноправных воинов племени.

Проезжая по заваленным обломками улицам, Тонгор наблюдал на каждом шагу убожество и запустение. Жилища племени зодак выглядели невообразимо жалко: заваленные зловонным мусором, лишенные элементарных удобств,— временные убежища от непогоды, а не дома. Племя, похоже, не имело никаких предметов быта, кроме украшений, которые они, скорее всего, никогда не снимали. Эти рохалы, очевидно, не достигли того уровня цивилизации, когда появляется понятие личной жизни и частной собственности. Эти кочевники не имели вещей, которых нельзя носить с собой, постоянно защищая.

Лагерь великого вождя племени зодак находился на центральной мощеной площади разрушенного города. Более половины ее завалила обломками упавшая башня. В руинах была выкопана пещера, которая и служила залом, где жил Зартом и его придворные. От непогоды вход в зал защищал рваный и грязный навес, поддерживаемый двумя палками. Когда Тонгора подвели ближе, он заметил, что это остатки некогда роскошного

гобелена изысканной работы, который даже сейчас, выцветший и заляпанный, сохранил следы былого великолепия.

Перед входом отряд остановился и спешился. Тонгора воины сбросили с седла на грязную мостовую. Валькар молча поднялся на ноги, не высказывая никаких претензий. Мужчины заржали, глядя на бесстрастное, похожее на маску лицо северянина, а самый высокий из них, тот, кого остальные считали старшим и которого, как понял Тонгор, звали Хошка, ткнул пленника массивным кулаком в грудь. Валькар послушно зашагал к темному входу.

Логово Зартома представляло собой неописуемо грязную дыру, источающую невероятное зловоние. Повсюду в помещении валялись военные трофеи — предметы, отнятые у более слабых племен. Разломанные шкатулки, из которых высыпались каскады драгоценных камней. Вазы и статуэтки из золота и серебра, из язита и электра валялись под ногами, среди гниющих пищевых отходов: раздавленных фруктов, разлитого вина и обглоданных костей.

В центре помещения находилось что-то типа помоста, где стояло похожее на трон кресло из слоновой кости, украшенное превосходной резьбой, но обмазанное грязью и остатками пищи. И на этом величественном кресле сидело самое отвратительное чудовище в человеческом обличье, какое когда-либо видел Тонгор. Обнаженное тело с развитыми до настоящего уродства мускулами выглядело противоестественно. На этой груде мышц висели гроздья драгоценных украшений. Роскошные ремни вождя были буквально утыканы самоцветами и обшиты круглыми, похожими на монеты, золотыми пластинами. Фантастический пояс, поддерживавший огромное пузо, весь сверкал бриллиантами, и на нем висел целый арсенал усыпанных драгоценными камнями кинжалов и ножей, а также огромная кривая сабля и гигантский бронзовый топор с золотой ручкой и вставленными в нее неограненными рубинами.

Но все эти роскошные драгоценности не могли скрасить отвратительную внешность их владельца. Лицо Зартома хранило следы всех пороков, какие только могут отразиться на лице. Грозный лик вождя опух от разгульного пьянства. Под маленькими холодными глазами, белки которых были налиты кровью, набухли мешки. Губы выглядели дряблыми и безвольными.

В мерзком облике вождя не было ничего царского или даже простого человеческого. Из-за болезни или какой-то травмы рот Зартома был постоянно приоткрыт, и слюна тонкой струйкой

непрерывно стекала на массивную грудь. Морщины лица подчеркивали жестокость и животную хитрость вождя. Желтые клыки, торчащие из нижней выдающейся вперед челюсти, упирались в верхнюю губу, отчего казалось, что вождь постоянно ухмыляется. В одной грязной лапе, усеянной перстнями, вождь держал невероятного размера чашу с вином, из которой он, когда Тонгор подошел к трону, шумно отпил. В другой руке Зартом сжимал жирную полусырую говяжью ногу, которой закусывал.

— Так это и есть та жалкая унза, которую велели нам поймать повелители Заара? — прорычал вождь. Воины, толпившиеся рядом с троном, расхохотались от такой грубой шутки, так как унза — маленький лемурийский грызун, чьи отвратительные повадки в сочетании с трусостью сделали его имя любимым ругательством.

— Да, великий вождь! — подобострастно сказал Хошка. Он опустился на колени и положил к ногам повелителя меч валькаров, отнятый у пленного. Первозданной чистотой блеснула серебристая сталь среди окружающей смеси роскоши и дерьма.

Тонгор ничего не сказал, но его величественная поза говорила сама за себя, а взгляд золотистых глаз был полон презрения.

Задетый молчанием пленника, вождь отбросил чашу на грязный пол и наклонился вперед.

— Говори, малявка... позор воинов! Зачем могучему колдуну из Черного города понадобилась такая мелюзга, как ты? Может, у тебя есть что-то, что им нужно? — В глазах Зартома на мгновение вспыхнул огонь жадности. Он икнул и вытер жирный рот такой же жирной рукой. Затем, не дождавшись ответа пленника, он швырнул недоеденную ногу, с которой капал жир, прямо в лицо валькару и взорвался хохотом, брызжа слюной, когда тот покачнулся от удара.

Вождь вытер руку о бедро, вытянул ее и приказал:

— Хошка, дай мне оружие чужестранца.

Из груди Тонгора вырвалось рычание. Его золотистые глаза вспыхнули как глаза тигра. В его племени никто и никогда не прикасался к чужому оружию, ведь меч, так же как и жена, может принадлежать лишь одному мужчине. Так считали валькары, и это было делом чести.

Зартом не обратил внимания на рычание пленника. А следовало, так как кисти Тонгора, скованные за спиной, напряглись, и мускулы плеч и спины валькара задрожали от напряжения.

Восточные кочевники однажды уже сковывали Тонгора. Это случилось, когда взбунтовавшиеся воины племени джегга захотели сжечь своего старого вождя Джомдата и его друга-валькара. Тонгор тогда обнаружил, что наручники кочевников рассчитаны на синекожих гигантов. А обычный человек сумеет выдернуть из них руки, если постарается. Незаметно для воинов племени зодак, чье внимание было приковано к вождю, Тонгор попытался освободиться. Сильно ободрав кожу, он сумел-таки это сделать.

Зартом узнал о том, что пленник освободился, когда железный кулак северянина, как кузнечный молот, обрушился ему под дых. Тонгор прыгнул на развалившегося на троне вождя с ловкостью лесного кота. Когда Зартом согнулся от боли, сжимая руками живот и блюя, валькар схватил свой меч и, обернувшись, утопил блестящую сталь в зловонном сердце жестокого Хошки.

Воины вокруг закричали, два десятка кочевников, обезумев от ярости, бросились защищать своего вождя.

Но Зартом одним взмахом могучей руки остановил их, а другой рукой выхватил из-за пояса кривую саблю. Он уже пришел в себя после удара. Размахнувшись, он примерился, чтобы снести голову жалкому человечишке, осмелившемуся прикоснуться к его священной особе.

Но удар сабли не попал в цель: Тонгор не стоял на месте. Валькар подпрыгнул под удар сабли Зартома и пронзил острием меча мясистое плечо вождя. С криком боли и ярости раненый кочевник выронил саблю и бросился на пленника с голыми руками, желая смять северянина в своих объятиях. Но валькар ловко увернулся от рук разъяренного вождя и болезненно ударил его мечом по бедру. С гневным ревом десятифутовый колосс покачнулся, когда подогнулась раненая нога. Теперь Зартом с трудом держался на ногах.

И тогда Тонгор ударил его кулаком прямо в челюсть. Чудовищный удар. В этот удар сарк сарков вложил всю мощь своих мышц.

Должно быть, Зартома впервые за его долгую жизнь ударили по лицу.

Вождь повалился на спину и рухнул с возвышения на толпящихся воинов, сбив их с ног. Его лицо, искаженное яростью, распухло и посинело. Но больше всего вождя бесило унижение. Посидев несколько мгновений и убедившись, что всё это происходит на самом деле, Зартом обезумел. Он поднялся на ноги,

дрожа, словно раненый бык, и набросился на своих людей, разметав их в разные стороны ударами могучих рук. Схватив огромный топор, вождь повернулся к пленнику, чтобы изрубить того на куски,— но бронзовокожий противник исчез!

Стоя на помосте рядом с троном, окруженный со всех сторон врагами, Тонгор воспользовался тем, что все кочевники на мгновение отвлеклись, бросившись на помощь своему упавшему вождю. Валькар присел, подпрыгнул и ухватился руками за потемневший от времени деревянный брус, проходивший прямо над троном.

Зоркий взгляд северянина разглядел черную дыру в стене в дальнем конце зала. Подтянувшись и взобравшись на брус, Тонгор пробежал по нему, спрыгнул на пол и исчез в дверном проеме. Он выскользнул из зала еще до того, как удивленные рохалы заметили его отсутствие.

Но один зоркий воин приметил, куда сбежал пленник, и указал остальным.

Нырнув в темный дверной проем, Тонгор оказался в узком коридоре с осыпавшимися стенами, похожем на туннель. Валькар помчался по этому коридору, хоть и не знал, куда тот ведет. Как голодные демоны, воины племени зодак ринулись за ним в погоню. Их вел хромающий, обезумевший вождь. Из его разинутого рта капала белая пена, красные глаза вылезли из орбит.

В конце узкого коридора находилось примитивное святилище, посвященное каким-то адским тварям, которым поклонялись кочевники. За низким, забрызганным кровью алтарем зияло черное отверстие, уходящее в глубь земли.

Тонгор остановился на краю, быстро огляделся по сторонам. Больше идти было некуда: через секунду разъяренные воины, как свора собак, растерзают его. Сжав меч в руке, валькар прыгнул в темную дыру!

* * *

Зартом и его воины остановились на краю колодца, заглядывая в черную бездну. Из дыры дул легкий ветерок. Воздух пропитала мерзкая вонь рептилий, словно на дне колодца находилось логово чудовищных змей.

Тонгор прыгнул туда...

Зартом стоял и смотрел вниз.

Сперва он улыбнулся... холодной, злой улыбкой.
А потом расхохотался.

Глава 9
ГИБЕЛЬ ПЛЕМЕНИ ЗОДАК

Звучат боевые трубы, нарушив степей тишину,
Суровое племя джегга свою начинает войну.
Готовы воины джегга жизнь за Тонгора отдать,
Их смертоносная ярость — как бога войны печать!
Сага о Тонгоре, XVII, 14

Когда закат развернул на западе алые знамена, отряды воинов племени джегга выехали из ворот мертвого города Альтаара.

Впереди ехал Джомдат, старый вождь, который уже тысячу раз водил своих соплеменников в бой. Кочевники отправились в поход. В своем необузданном сердце старый повелитель кочевников поклялся в том, что доберется до Иба, возьмет город штурмом и проткнет клинком зловонное сердце Зартома или погибнет.

Джомдат, так же как и его сын Шангот, узнал метки на черных стрелах, дождем посыпавшихся с ясного неба у холмов кристаллов грома. И старый вождь понял, кто подло напал на них, воспользовавшись какой-то колдовской уловкой. Племя зодак было их древним врагом.

Воины этого племени убили или похитили великого Тонгора, которому Джомдат выделил эскорт из своих воинов. И теперь старый вождь поклялся, что не пройдет и дня, как оскорбление, нанесенное его народу, будет смыто кровью. Он пообещал себе снять позорное пятно со своего щита или погибнуть.

Том Первис доставил вождя и оставшихся в живых рохалов в лагерь в разрушенном Альтааре. Вслед за этим флот Патанги удалился, чтобы отвезти драгоценные волшебные кристаллы Иотондусу. А в древнем городе затрубили большие боевые трубы, призывая кочевников джегга к бою!

Когда ночь расправила свои черные крылья и скрыла землю тенью, племя джегга отправилось на войну.

Поросшая травою равнина дрожала под тяжелой поступью огромных зампов, которые несли на своих широких спинах де-

сять тысяч одетых в кольчуги и украшенных перьями воинов. Земля стонала под тяжестью больших металлических боевых колесниц. Миллионы сверкающих звезд с любопытством взирали на это грандиозное зрелище.

Огромная орда без остановки двигалась по бескрайней ночной степи. И когда через несколько часов огромная луна древней Лемурии поднялась над линией горизонта, чтобы залить равнины ровным сиянием, она осветила фантастическую картину.

Воины племени джегга к восходу луны уже достигли разрушенных стен древнего Иба, города Червя. Обвалившиеся стены и рухнувшие купола, осыпающиеся фасады древних дворцов с упавшими колоннами и пустыми глазницами окон, улицы и площади, заваленные обломками и заросшие сорной травой, очень походили на руины фантастического города, затопленного водами золотого моря.

На улицах пылали большие костры. Тысячи воинов джегга, сверкая оружием, подошли к проломленным стенам. Но на стенах не было ни одного часового, и никто из племени зодак раньше времени не заметил приближения давнего врага. Пытаясь смыть горечь обиды на самих себя из-за побега Тонгора и нанесенных им оскорблений вождю, все кочевники Иба погрузились в пучину буйного пьянства.

Сам Зартом, которому кое-как перевязали раны полосками разорванной ветхой накидки, дико орал. Он перепил кислого сарнового вина, которое готовил его народ. Вождь наполнил себя этой огненной жидкостью для того, чтобы побыстрее заглушить страдания уязвленной гордости и чувства собственного достоинства, а не тупую боль плохо обработанных ран. И еще он хотел охладить свою ярость... Не успел Тонгор скрыться в темной пещере под городом Иб, как Зартом обрушился на тех, кто стоял рядом с ним тогда, когда дерзкий валькар бежал. В гневе вождь перерубил половину своей свиты. Его — самого могучего и грозного завоевателя в мире — оскорбили, ударили и выставили дураком, пока толпа его самых сильных воинов стояла разинув рты! Этого он не мог стерпеть.

Было от чего прийти в ярость. Вот Зартом и взбесился, обрушился на своих людей, как разъяренный тигр. Теперь все население города тряслось в страхе, прислушиваясь к реву вождя и его ругани, когда он, упившись, шатаясь, ходил по центральной площади, убивая всех, кто попадался ему под руку. За

ним протянулся след из окровавленных тел, беспомощно бьющихся и корчащихся на каменной мостовой.

Бесшумно, как привидения, воины джегга пробрались в город сквозь многочисленные проломы в стене.

Через открытые неохраняемые ворота с грохотом и скрипом вкатились мощные колесницы друзей Тонгора, но весь этот шум потонул в криках, доносящихся с центральной площади, где бушевал и убивал людей пьяный вождь в окружении перепуганной свиты.

Кто-то закричал... Из толпы, стремясь выбраться из давки, выбежал худенький голый мальчик. Гневный взгляд Зартома остановился на ребенке, и вождь с чудовищным ревом взмахнул огромной кривой саблей, красной от крови, и зарубил перепуганного мальчика.

Над наблюдавшей за этим толпой повисла тишина. Руки, покрытые шрамами, незаметно потянулись к рукоятям сабель и кинжалов. В сотнях злобных глаз вспыхнула обида. Если бы кто-нибудь из рохалов вышел вперед и показал пример, которому могла бы последовать толпа, вспыхнул бы бунт и озверевшая орда растерзала бы Зартома.

Но ничего не произошло. Среди напряженной, мертвенной тишины Зартом презрительно пнул тело ребенка и захохотал, брызжа слюной. Вдруг смех его оборвался.

Все увидели, как появившаяся словно по волшебству алая стрела пронзила его грудь!

Зартом качнулся, тупо глядя на трепещущую стрелу. Кривая сабля выпала из обессилевшей руки и зазвенела, покатившись по каменной мостовой. Вождь поднял руку и, застонав от боли, выдернул стрелу, отшвырнув ее в сторону.

Стрела упала на камни, и все воины с удивлением посмотрели на нее. Среди постоянно враждующих степных племен зодак, джегга, шанг, тад и карзоона стрела, отмеченная знаками племени и пущенная во вражеский город, равносильна объявлению войны.

На алой стреле ясно были видны символы племени джегга.

И вдруг весь мир сошел с ума!

Затрубили трубы, и, как паровые гудки, заревели боевые зампы. Свита, окружавшая Зартома, заколебалась и побежала! Сквозь беснующуюся толпу с грохотом понеслись колесницы джегга, давя тех, у кого не хватало быстроты и ловкости, чтобы ускользнуть от тяжелых, утыканных шипами колес.

Десять тысяч глоток проревели боевой клич джегга. В воздухе засвистели алые стрелы, осыпав толпу смертоносным дождем.

Зартом стоял и тупо глядел на происходящее, словно не мог поверить...

К нему подъехала тяжелая колесница, коей правил величественный и суровый старый вождь Джомдат. В руках у него был могучий лук.

Немеющей рукой Зартом пошарил по своему украшенному камнями кожаному поясу, стараясь отыскать саблю, которую только что уронил. Пальцы его нащупали рукоять тяжелого бронзового топора. Вождь зодак выхватил топор и замахнулся, собираясь метнуть его прямо в лицо Джомдату. Но противник поднял лук и выпустил вторую алую стрелу. Она попала Зартому точно между бровей.

Огромное отвратительное лицо рохала приобрело мертвенный свинцовый оттенок. Воспаленный взгляд потух. Рот расплылся в идиотской ухмылке... Зартом медленно, словно массивная башня, чье основание неожиданно разрушил какой-то катаклизм, повалился вперед и упал лицом на мостовую.

На площади началась резня. Рохалы дрались при лунном свете, отчего происходящее походило на барельеф, изображающий битву чудовищ. Время от времени воины племени зодак собирались в группы и атаковали врага, но их тут же сметал град алых стрел, от которых их ряды таяли, будто лед в жарком дыхании печи.

По улицам громыхали колесницы. Они загоняли вопящих воинов в тупики, где их, припертых к стене, ждала смерть.

Ликующие воины джегга, верхом на боевых зампах, разъезжали среди орущей, беснующейся толпы воинов племени зодак, рубя саблями направо и налево. Многих затоптали могучие лапы зампов. Многие, не успевшие вовремя отскочить в сторону, умирали в клювах животных: звери перекусывали людей пополам.

Один за другим, десяток за десятком, гибли сотни воинов.

Восточные равнины никогда еще не видели такой ужасной резни, какую в ту ночь устроил Джомдат. Большая часть племени зодак погибла на улицах и площадях мертвого города, стоявшего посреди бескрайней равнины!

Бойня закончилась нескоро, но все же закончилась. Розовые лучи рассвета осветили верхние этажи дворцов древнего Иба. Над залитым кровью городом воцарилась тишина.

Упиваясь победой, воины джегга не забыли о том, чему учил их Тонгор,— о мудрой справедливости, милосердии и сдержанности.

В эту ночь преследовали и убивали лишь зрелых мужчин, и только тех из них, кто отказывался сложить оружие и сдаться.

Женщин и детей, стариков и больных, рабов и всех воинов племени зодак, у которых хватило ума сдаться, щадили.

Взошедшее солнце стало свидетелем того, как кочевники-победители разделили добычу и погрузили сокровища на огромные колесницы. Так велико было богатство, накопленное воинственным племенем зодак за долгие годы, что пришлось использовать и грузовые телеги разбитого племени. Воины джегга забрали также и остатки племени зодак. Ведь Джомдат поклялся, что вражеское племя должно быть уничтожено. Детей, женщин и всех оставшихся в живых примут в племя джегга.

Обыскав весь город, люди Джомдата не нашли и следа Тонгора. В мертвом городе не нашли ни его трупа, ни его оружия.

И хотя Джомдат и его военачальники продолжали поиски, допрашивали пленных, им не удалось разрешить загадку исчезновения Тонгора...

Единственное, что удалось им узнать, лишь еще больше удивило их, поставив перед ними еще одну неразрешимую задачу.

Странные слова сказал ухмыляющийся старый шаман (и знахарь) племени зодак, который проповедовал мерзкий, требующий жертвоприношений, культ бога Ксатусаркиа, Повелителя Червей. Этот культ, полный жестоких пыток и кошмарных убийств, являлся неким подобием религии.

Злорадно посмеиваясь, дряхлый знахарь сказал:

— Вы ищете чужестранца Тонгора? Здесь вы его не найдете!

— Где же он тогда, старик? — сурово спросил Джомдат.

Губы шамана скривились в ехидной улыбке, и он произнес:

— Вы найдете его в пасти Червя!

Дальше старый знахарь говорить отказался, и никакие уговоры и пытки не смогли развязать ему язык.

Джомдат почувствовал, как холодная рука отчаяния сжимает его сердце.

Сказав слово «червь», не имел ли в виду старый знахарь бога, которому поклонялся? Не давал ли он понять, что пленника принесли в жертву во время какого-нибудь мерзкого ритуала? Либо в его устах слово «червь» было синонимом слова «смерть»? Ведь в одинокой темноте могилы царствует лишь Червь.

Вождь наморщил лоб, пытаясь решить эту загадку. Древний город Иб иногда называют городом Червя. Потому ли это, что он являлся культовым центром поклонявшихся повелителю Червя... или, может быть, те обрывки легенд, что слышал Джомдат... правда? Молва утверждала, что в катакомбах под древним городом Иб обитает отвратительное существо... гигантский червь.

Джомдат продолжал искать своего друга Тонгора до полудня, до тех пор, когда уже не мог больше откладывать возвращение в Альтаар. Он так и не сумел найти вход в то таинственное и, вероятно, легендарное подземелье, существующее, согласно поверьям, под руинами древнего Иба. Возможно, и нет никаких катакомб. Возможно, Тонгора убили. Хотя Джомдату очень не хотелось прекращать поиски, он вынужден был это сделать. Раненых воинов следовало доставить обратно в Альтаар, где их раны можно промыть, смазать и перевязать.

Когда огромный караван колесниц победившего племени джегга выехал из ворот павшего Иба на бескрайнюю равнину, Джомдат последний раз взглянул на безмолвные руины. Он подумал о том, пожмет ли он еще когда-нибудь руку Тонгора.

И злобно произнесенная фраза ухмыляющегося шамана снова прозвучала у него в голове. Она преследовала его и будет еще долго преследовать...

«Найдете его в пасти Червя!..»

Глава 10
ПОДЗЕМНЫЙ МИР

На диких и вольных равнинах музыка битвы звучит,
И гнев молодого Джомдата противнику гибель сулит.
Враг побежден. Но напрасно Тонгора ищет Джомдат:
Тот, разорвав свои цепи, бежал в мир подземный — в ад.
В пещеры ужасные ныне путь Тонгору лежит,
Туда, где живому нет места, где страх и безумье царит.
Один на один со смертью, во тьме, глубоко под землей
С кошмарною, мерзкою тварью в схватке сошелся герой.

Сага о Тонгоре, XVII, 15, 16

Тонгор камнем падал в непроглядную тьму. Из черной бездны дул сырой ледяной воздух. Он был отвратительным, влаж-

ным, затхлым... зловонный запах разложения, который бил по органам чувств, словно вонь гнезда змей, которые извивались, свернувшись клубком среди собственного помета.

Падая, Тонгор вложил меч в ножны, так чтобы обе руки его оказались свободны. Он не подумал, когда прыгал, что колодец может оказаться такой неимоверной глубины, и пришлось расставить руки в попытке ухватиться за какой-нибудь выступ. Но северянин не смог дотянуться до стен.

Однако, если он упадет с такой высоты на камни внизу, то должен радоваться, если только ноги переломает...

Вдруг тело валькара погрузилось в ледяную воду, и Тонгор понял, что упал в подземное озеро. Вода показалась невероятно холодной. Вначале удар оглушил Тонгора, но жгучий холод быстро оживил его. Северянин вынырнул на поверхность и стал барахтаться, с трудом дыша, отплевываясь. Тело его занемело от холода.

Валькар обнаружил, что его подхватило мощное течение! Значит, это не озеро, а подземная река, которая с непреодолимой силой уносит его куда-то. Кругом царила абсолютная темнота. Он ничего не видел, но по тому, как рев бурлящей воды отражается эхом, решил, что поток несет его по узкому туннелю с низким сводом. Бесполезно было бороться с бурным потоком, так что Тонгор сосредоточился на том, чтобы держать голову над водой. Это оказалось достаточно трудно. Борьба со стихией целиком захватила беглеца.

Подземная река неслась с чудовищной скоростью по туннелю, который постоянно петлял, как очень скоро обнаружил валькар, когда вода с силой ударила его о грубую стену на первом же повороте. Тонгор быстро приспособился и выставлял вперед ноги, когда чувствовал, что поток собирается снова швырнуть его на камни. Всеми силами сражался он с рекой и вдруг почувствовал, как от ледяного холода черных вод начинают неметь его члены. Если он не выберется из потока — и при этом в самое ближайшее время,— холод скует его ноги и руки, так что даже железная воля валькара не заставит их пошевелиться, и беспомощный Тонгор утонет в этих черных водах неизвестной реки где-то глубоко под землей...

Совершенно неожиданно подземный поток вырвался в огромную, отдающую гулким эхом пещеру, просторную, с высоким сводчатым потолком, как в грандиозном храме.

Вдруг валькар заметил вдали слабое свечение — и тут же поток с силой ударил его о мокрый холодный камень. Из последних сил Тонгор онемевшими руками схватился за скрытый под водой уступ и вытянул свое тело из реки на плоский холодный камень.

Беглец смахнул с глаз прядь мокрых волос, вглядываясь в окружавший мрак. Пока тело его отдыхало, глаза привыкали к темноте. Слабый свет — тусклое зеленоватое свечение — не походило ни на что, виденное им раньше. Северянин огляделся.

Вокруг камня, на который он выполз, неся поток воды. Он впадал в черное озеро, на поверхности которого пузырилась белая пена.

Где-то слева, вне поля зрения Тонгора, вода из озера стекала вниз водопадом, о высоте которого ничего сказать было нельзя. Но грохот его эхом разносился по пещере, а в воздухе висел туман брызг. Местами из воды поднимались каменные стеклообразные клыки. Некоторые из них достигали высоты в три человеческих роста. Толщиной они могли сравниться лишь с гигантом лотифером. Мощный поток воды за долгие века подмыл основание громадных сталагмитов, и на уровне воды образовались уступы, на один из которых и вылез Тонгор.

Валькар закинул голову, вглядываясь в темноту. Он хотел разглядеть свод пещеры. Если бы тот находился достаточно низко, Тонгор ухватился бы за низко свисающий сталактит и вскарабкался по нему. Тогда, возможно, он отыскал бы выход наверх!

Справа, за группой остроконечных сталагмитов, он увидел уступ, образованный краем озера. И зеленоватый свет, похоже, шел с той стороны.

До ближайшего сталагмита было недалеко. Поднявшись на ноги и цепляясь за скользкий камень, нависающий над уступом, валькар сумел перебраться на соседний сталагмит, а оттуда на следующий. Он добрался до края озера, вскарабкался по изъеденному водой склону и оказался на сухом месте.

Камень под ногами был прочным, но покрытым грязью и разлагающимся мусором. Тонгор поднялся по склону, спустился по другой его стороне и увидел остальную часть пещеры. Впереди поднимался густой лес сталагмитов, но валькар решительно направился вперед. По мере его продвижения странный свет усиливался.

Он оказался в фантастическом лесу чудовищной растительности. Поганки... огромные, вздувшиеся купола зловонных грибов доходили ему до груди. Они покачивались на бородавчатых ножках, толщиной с могучую руку воина. Всю эту растительность окружал светящийся нимб — жуткий, не имеющий определенного источника света. Тонгор заметил его, еще когда выбирался из подземного озера.

Зеленоватое свечение походило на блуждающие огни, встречающиеся на болотах.

Здесь, отойдя от ревущей воды, отделенный от черного озера лесом каменных пик, Тонгор мог оценить высоту сводчатого потолка. Если где-то и свисают сталактиты, то, судя по звучному эху падающих капель, гудящему над головой, потолок находится очень высоко.

Придется искать другой выход.

С упорством настоящего варвара беглец отправился на поиски, двигаясь вдоль стены огромной пещеры.

Пробродив невесть сколько, Тонгор нашел-таки туннель, выходящий из сводчатого зала пещеры. Тусклое свечение, идущее от разлагающихся грибов, не проникало внутрь коридора. Как валькар ни вглядывался, его зоркие глаза не могли проникнуть сквозь занавес темноты. И все же, обнажив меч, он нырнул в кромешную тьму. Он напрягал все свои органы чувств и готов был в ответ на малейший шорох нанести серию ударов.

Но, очевидно, в подземном мире не было ничего живого, кроме неестественно больших грибов в пещере у озера. Тонгор прошел по туннелю, не встретив ни одного живого существа, и вышел в еще более просторный сводчатый зал — в гигантскую пещеру, протянувшуюся, наверное, на тысячу локтей. Она казалась такой огромной, что валькар не видел дальней стены!

Помещение освещали отблески вулканического огня. Приятно было видеть предметы после этого проклятого зеленого полумрака!

В неровном полу громадной пещеры полным-полно было похожих на кратеры ям. Из многих из них били струи красно-золотого пламени — вероятно, фонтаны горящего природного газа или выходы вулканического огня, бушующего глубоко под земной корой. В любом случае, какова бы ни была природа этих огней, Тонгор отлично видел все вокруг.

Он подошел к ближайшему огненному гейзеру, согрелся, отжал и высушил плащ и длинную гриву черных волос. Нежась в жаре гейзера, валькар ощущал, как усталость и онемение постепенно покидают его тело. Наконец северянин пришел в себя и почувствовал, что готов преодолеть все препятствия, преграждающие ему дорогу назад, на землю.

И еще он почувствовал сильный голод. Последний раз он ел много часов назад, среди холмов кристаллов грома, да и то лишь сухой походный паек. Варвар мечтал о сочном куске мяса и надеялся, что встретит какого-нибудь вкусного представителя пещерной фауны, убьет его и поджарит мясо в пламени гейзера. Но, увы, пещера, куда он попал, казалось, была лишена жизни. Не видно было даже грибов.

Согревшись, валькар стал думать, как же ему выбраться на поверхность. Тонгор перебрался на другую сторону пещеры гейзеров и вошел в туннель, ведущий в глубины подземной страны.

Вскоре странник потерял всякое представление о времени. Он долго шел по туннелям, пещерным залам, опять по туннелям и почувствовал такую усталость, что заснул, стараясь не обращать внимания на мучительный голод, свернувшись на теплом полу в каком-то огромном длинном зале, накрывшись плащом и на всякий случай держа меч под рукой.

* * *

Тонгор не мог сказать, сколько времени проспал: час, день? Но голод мучил его еще сильнее, скрутив кишки в большой болезненный узел.

Варвар миновал еще цепь пещер и вышел к каменному мосту, природной арке, перекинувшейся через быструю подводную реку с черной водой. Была ли это та же самая река, в которую он упал, когда только попал в подземный мир, или это ее приток, а то и вовсе другой поток, Тонгор не мог определить. Но в этой реке была жизнь!

Когда он находился на середине моста, из черной воды поднялась змеиная шея — шея, толщиной с туловище Тонгора, покрытая серыми костными пластинами. Голова чудовища качнулась в сторону беглеца, челюсти раскрылись, обнажив кинжалы клыков. Глаза чудовища были белыми, слепыми.

Здесь, на скользкой каменной арке в темной пещере, варвару пришлось драться со слепым речным драконом. Поющий клинок валькара смел голову чудовища, оставив рану на челюсти дракона, из которой тут же начала сочиться зеленая кровь рептилии.

Серый поа зашипел, как паровой котел, и бросился на Тонгора, щелкнув пастью в том месте, где только что стоял успевший пригнуться варвар. Валькар отскочил в сторону, чуть не поскользнувшись на мокром сыром камне, и нанес удар, вложив в него всю силу могучих рук, плеч и спины.

По-прежнему бешено щелкая челюстями, отрубленная голова поа упала в сторону каменной арки, в то время как извивающаяся шея, разбрызгивая кровь, исчезла в бурном потоке.

Тонгор выловил все еще бьющееся тело речного дракона немного ниже по течению, там, где оно застряло между двумя сталагмитами. Резать прочную чешуйчатую шкуру гигантский рептилии было очень трудно, но голод подгонял Тонгора. Вскоре он отсек несколько кусков мяса и сполоснул их в воде, смывая кровь.

Воздух в следующем зале был нестерпимо раскален, но на этот раз вместо огненных гейзеров по полу растеклись бурлящие озерца лавы. Проделав несколько опытов, валькар обнаружил, что мясо поа можно приготовить, положив его на край кипящего озерца вязкого расплавленного камня.

Тонгор проглотил первые куски с аппетитом, польстившим бы главному придворному повару в Патанге, и нашел мясо дракона вкусным. Оно было плотным, сочным и лишь слегка отдавало болотной тиной. Сарк впервые пробовал мясо дракона и был рад, что вкус не оказался таким гадким, как можно было бы ожидать.

После еды он улегся у лавового озерца и уснул так крепко, как только может уснуть усталый человек с полным желудком. Через несколько часов он пробудился и отправился исследовать лабиринт подземного мира дальше.

* * *

Кто-то преследовал Тонгора. Кто-то преследовал короля Патанги уже около часа. По крайней мере, первые подозрения о слежке возникли у валькара час назад.

Отдаленный шорох и долгий скрежет, словно какое-то существо с трудом волочило огромное тело по ровным камням. Валькар не стал дожидаться, пока неизвестный преследователь нагонит его, он не стал задерживаться, чтобы посмотреть, что это за тварь. Северянин шел все дальше и дальше, двигаясь как можно скорее и надеясь на то, что преследователь отстанет.

Неожиданно Тонгор вышел на верхнюю галерею гигантского сводчатого зала. Его стены и потолок сверкали жуткими мерцающими огнями, светом, исходящим, по-видимому, от прожилок какого-то минерала, прорезавшего черный камень.

Уступ, на котором стоял валькар, находился примерно ярдах в двадцати над полом пещеры, и стена обрыва выглядела крутой и гладкой. Шорох за спиной северянина становился все громче и громче, и валькар понял, что существо, идущее по следу, быстро его настигает. Нет времени стоять здесь, на краю уступа. Как ни опасен спуск, надо спускаться, и поскорее — иначе неизвестная тварь может просто сбросить его с обрыва.

Тонгор был человеком действия. Он лег на край, ухватился за каменные выступы и повис, пытаясь нащупать ногами опору на ровной стене. Отыскав выступающий камень, который выдерживал его вес, валькар перебрался на него. Затем согнулся, обхватил выступ обеими руками, повис, нащупал ногами трещину и стал искать, за что можно ухватиться руками. И опять невероятно мерзкая вонь! Тот же тошнотворный запах разложившейся плоти ударил северянину в нос, когда он падал в подземный мир много часов или дней назад!

Осколки камней посыпались ему на спину, и валькар поднял голову, чтобы посмотреть, кто там подбирается к нему сверху... Кровь похолодела от ужаса в жилах варвара!

В десятке футов над Тонгором, через край уступа свесилась голова какого-то желеобразного полупрозрачного существа, воняющего слизью. То был гигантский червь, слепой и мерзкий, отвратительный и ужасный, невероятной длины. Его открывшаяся пасть имела десяток футов в поперечнике и готова была проглотить человека, будто муху.

Меча Тонгор выхватить не мог, так как обеими руками держался за скалу.

Желеобразное тело червя вытекало из туннеля, все сильнее перевешиваясь через край обрыва. Слепое рыло с раскрытой пастью тянулось к валькару.

Глава 11
В ПАСТИ БОГА ЧЕРВЕЙ

Мрачно перед Тонгором зияет жуткая пасть.
Хоть воин в лицо этой твари мечом и сумел попасть,
Но... тварь не чувствует боли и неумолимо вперед,
Внушая холодный ужас, все так же неспешно ползет.
Тонгор, словно будучи в трансе, странную битву ведет,
А тварь надвигается, точно всепожирающий рот,
Точно и нет смертоносных укусов стального клинка.
Неведом ни страх, ни боль ей... Ну, чья тут не дрогнет рука?!

Сага о Тонгоре, XVII, 17, 18

Весь день Шангот шел на юг по бескрайней равнине в поисках воинов племени зодак, которые захватили Тонгора. Верный рохал двигался размеренным шагом, оставляя за спиной милю за милей,— в темпе, какого не выдержал бы ни один другой воин. Стальные мускулы восьмифутового синекожего великана работали ритмично, как паровая машина, и несли его все дальше и дальше.

Кочевник знал, что пленника доставят в Иб, город Червя. Он бежал в сторону разрушенного города, ведомый таинственным седьмым чувством — чувством направления, известным лишь воинам его расы. Природа снабдила рохалов естественным компасом. Именно четкая ориентация в пространстве позволяла кочевникам выжить в бескрайней, поросшей травой степи. Таким образом, не пользуясь никакими видимыми ориентирами, подсознательно определяя дорогу, князь джегга стрелой летел по равнине к далекому Ибу.

Несколько раз он останавливался, чтобы дать отдых своим могучим мускулам, подкрепить силы едой и выпить из бурдюка, подвешенного к поясу. Все рохалы из-за постоянных битв с многочисленными врагами всегда имели при себе запас еды и питья.

Уже вечерело, когда пилигриму пришлось сделать неожиданную остановку. Впереди беспокойно рыскал в траве огромный замп. Это был молодой самец, весом примерно в тонну, очевидно, изнемогающий от жажды, так как он бродил, спотыкаясь, и мотал огромной головой из стороны в сторону. На

могучей спине зампа находилось громадное седло, украшенное драгоценными камнями и бляхами. По знакам, плохо различимым в затухающем свете, Шангот узнал в этом самце одного из верховых животных, на которых ехал эскорт — воины племени джегга, сопровождавшие Тонгора в холмы кристаллов грома. Тогда, во время нападения невидимого отряда воинов племени зодак, зампы разбежались. Этот зверь забрел очень далеко, но Шангот был рад, что встретил его, так как верховое животное намного ускорит его путешествие в Иб.

Воин побежал вперед и криками стал подзывать животное. Замп явно узнал команду, которой его приучили повиноваться. Однако он не пошел навстречу наезднику. Вместо этого огромный зверь широко расставил толстые ноги, опустил морду так, что острый рог, подобный костяному мечу, торчащему между глаз, нацелился прямо на Шангота, и застыл в ожидании.

У молодого князя не было времени обдумывать такую странную реакцию, так как замп вдруг качнулся и ринулся ему навстречу. От его поступи затряслась земля. Только тогда Шангот заметил черную стрелу, торчащую из глазницы животного, и понял, что бедное животное ранено и взбесилось от боли.

Больше Шангот уже ничего не узнал: громадный зверь могучим ударом подбросил кочевника и отшвырнул его тело на несколько локтей в сторону. Синекожий воин шлепнулся на землю, словно сломанная кукла.

* * *

Тонгор едва держался на отвесной скале, а слепое рыло дьявольского червя, покачиваясь, приближалось к нему. Пасть, похожая на сфинктер, была уже рядом. Валькар задохнулся от зловонного дыхания громадного чудовища, казалось, внутренности этого беспозвоночного были полны слизи, разлагавшейся тысячелетия. Из черной пасти твари капала мерзкая слюна.

Тонгор понял, что перед ним ксат — один из ужасных гигантских червей, обитающих в недрах Лемурии. Это огромные, слепые, покрытые слизью беспозвоночные, ползающие в темноте глубоких пещер. Они заглатывают свою добычу, подобно удаву, и едкий желудочный сок растворяет тело жертвы. Ксат — существо очень примитивное. Он лишен мозга и органов чувств, если не считать рудиментарной способности воспринимать за-

пах пищи, не имеет сердца и других уязвимых органов, не чувствует боли — его практически невозможно убить. Валькар уже встречался с одним таким и бился с ним шесть лет назад в пещерах под Турдисом, когда бежал вместе с Элдом Турмисом от Талабы Истребителя. Но сегодняшний противник имел просто фантастические размеры.

Эти мысли промелькнули в голове у Тонгора, пока он висел на скале и не имел возможности выхватить меч. Если бы он повис на одной руке и попытался защищаться другой, то непременно сорвался бы с отвесной стены. Хотя, наверное, лучше разбиться о камни, чем задыхаться в мерзком животе гигантской твари...

Ксат ударил как молния.

Рот-сфинктер сомкнулся, заглотнув валькара. Тонгор начал погружаться в булькающую утробу дьявольского червя!

Свет померк. Тело северянина облепила желеобразная масса. Кожу защипало, когда кругом забурлила горячая едкая слюна. Очевидно, подобное испытывают грешники в аду. Валькар чувствовал, как сокращаются мышцы ксата, проталкивая жертву по пищеварительному тракту.

Наступило самое мрачное и ужасное мгновение жизни Тонгора... и, без сомнения, это было его последнее мгновение.

Червь пополз вниз по вертикальной стене! От недостатка воздуха у валькара раскалывалась голова, в висках застучала кровь. Он открыл глаза, не обращая внимания на жгучую слизь, и увидел тусклый красноватый свет, исходящий от огненных фонтанов лавы. Свет свободно проникал сквозь полупрозрачное тело червя. Тонгор понял, что умрет, если не вдохнет воздуха.

Почти не отдавая себе отчета в своих действиях (ужас создавшегося положения толкал его на отчаянный поступок), Тонгор дотянулся до ножен и выхватил огромный меч. Пространство в животе червя оказалось слишком ограниченным для того, чтобы нанести настоящий удар. Валькару слабеющей рукой удалось сделать лишь колющее движение, но холодная сталь с легкостью пронзила желеобразное тело чудовища!

Свежий воздух и яркий свет!

Острие меча прокололо тонкую кожу на брюхе твари. Словно живую воду, глотая свежий воздух, Тонгор принялся изо всех сил работать руками и ногами, расширяя отверстие. А ползучая тварь уже добралась до пола пещеры. Валькар напряг все свои силы и выбрался наружу, с трудом поднявшись на ноги... Свобода!

Тут же покачнувшись, Тонгор привалился боком к отвесной стене, и его начало рвать. С головы до ног северянин был измазан слизью и отвратительно вонял. Но он остался жив и сделал то, что раньше не удавалось ни одному человеку,— он вырвался из утробы мерзкой твари.

Фантастический червь полз мимо, ритмично сокращая и расслабляя мышцы. Огромная рана зияла на его брюхе. Из нее текла зловонная маслянистая жидкость, но тварь не чувствовала боли — казалось, даже не замечала гигантской раны на своем теле!

Но каким-то таинственным образом мерзкая тварь все-таки чувствовала близость человека. Слепое безглазое рыло медленно повернулось к валькару, и ксат отвратительно зачавкал.

Тонгор отбежал на середину огромной пещеры, надеясь оторваться от медлительной безмозглой твари. Но, когда он оглянулся, оказалось, что подземное чудовище неутомимо ползет следом.

Ослабевший, измученный тошнотой Тонгор повернулся лицом к червю. Он нанес удар мечом, вложив в него всю силу могучих плеч. Такой удар уложил бы взрослого зампа! В желеобразном теле появилась новая рана. Кусок чудовищного тела повис, качаясь, будто шмат вонючего студня. И хотя червь истекал маслянистой кровью, он продолжал ползти, надвигаясь неумолимо, как судьба. Северянин наносил удар за ударом.

Клинок перерубил кольцевую мышцу, управлявшую пастью чудовища. Похожий на сфинктер рот открылся, не в силах сомкнуться,— но даже этой раны ксат не почувствовал!

Тонгор укрылся за толстым, стволообразным сталагмитом и перебежал в центр пещеры, быстро оторвавшись от медлительного червя. Там покоился зловещий громадный куб из грубого черного камня, покрытый давно забытыми иероглифами. Валькар с удивлением осмотрел камень и заметил на его поверхности, обмазанной зловонной слизью, большие пятна почерневшей запекшейся крови. Что-то хрустнуло под ногой: пол вокруг черного куба был усыпан костями и человеческими черепами — высохшими, пожелтевшими и удивительно гладкими, словно омытыми сильной кислотой...

Валькар понял, что это означает, и лицо его сделалось суровым. Так именно здесь бездушные воины племени зодак приносили жертвы своему богу, гигантскому червю! Тонгора перепол-

няло отвращение. Он слишком хорошо представил себе тысячи обнаженных, плачущих жертв, прикованных к мрачному алтарю, в то время как поющие заклинания звери в человеческом обличье призывали мерзкую тварь на пир!

Валькар обернулся. Ксат по-прежнему преследовал его. Теперь их разделял только на время задремавший огненный гейзер.

Губы Тонгора растянулись в боевом оскале, так как теперь он знал, что делать. Вместо того чтобы бежать, валькар шагнул навстречу приближающемуся червю. Холодная сталь не смогла остановить неторопливого Бога Червя — разум валькара может оказаться острее сверкающего клинка! Тонгор остановился на краю дымящегося колодца. Слепое рыло ксата находилось всего в десятке ярдов от северянина. Тонгор попытался припомнить, сколько времени прошло с тех пор, как этот гейзер исторгал пламя из недр земли.

Как валькар и ожидал, червь приподнял тело над дымящейся ямой, чтобы обрушиться на противника сверху. Огромная тень головы червя накрыла его. Северянин поскорее отскочил назад, но не устоял на ногах, упал на живот, и руки его обожгла волна жара. Тонгор перекатился на спину, повернул голову, и перед ним предстало зрелище, от которого похолодело все внутри.

Фантастический червь аркой изогнулся над небольшим отверстием в полу пещеры, медленно поводя головой из стороны в сторону в поисках жертвы. И тут полыхнул гейзер! В потолок пещеры ударил огненный фонтан. Тело червя оказалось на пути огненного потока!

Тонгор услышал, как зашипела, затрещала плоть червя, увидел, как она плавится в огне. Слизистое, желеобразное тело древнего Бога сморщилось, за несколько секунд почернело и вспыхнуло, словно живой факел, когда пламя добралось до какого-то легковоспламеняющегося вещества, содержавшегося в железах твари.

Окутанный пламенем, стофунтовый червь извивался, бился в безумной агонии на каменном полу просторной пещеры. Теперь он все-таки ощутил боль.

Тонгор мрачно наблюдал за тем, как умирает чудовищный ксат.

Затем валькар покинул подземное капище, нашел водный поток, где смыл вонючую слизь, и направился дальше, намереваясь идти, пока силы не оставят его.

Но далеко идти не пришлось.

Пробираясь по одному из туннелей, Тонгор заметил во мраке какое-то быстрое движение. У его ног упал и разбился шар тонкого стекла.

Раньше, чем северянин успел что-либо предпринять, его обволокло облако ароматной голубой пыли.

Не понимая, что делает, Тонгор вдохнул воздух — и втянул в легкие наркотический порошок. Силы оставили его. Он упал и остался лежать на земле как мертвый.

От стены отделилась тень. Оказалось, там прятался высокий человек в темном, как ночь, плаще с капюшоном. Лицо его скрывала маска.

Это был Великий Черный хранитель Марданакс из Заара!

Он прибыл сюда для того, чтобы забрать у племени зодак плененного Тонгора. Не встретив своих слуг, хранитель при помощи магического искусства разыскал валькара в подземном лабиринте и усыпил наркотическим порошком из сушеного лотоса.

Теперь Тонгор, величайший из воинов, благороднейший из героев, лежал совершенно беспомощный у ног своего злейшего врага.

В холодных глазах колдуна, сверкавших сквозь прорези маски, искрилось злорадство. Марданакс из Заара склонился над неподвижным телом, несколько раз ударил его ногой и уверился, что сарк Патанги спит. Тогда, довольно посмеиваясь, маг пнул поверженного героя в лицо...

Глава 12
КРЫЛАТЫЕ ДРАКОНЫ ЗААРА

И все же герою спасенье дарит сама земля:
Тонгор в багровое пламя заманивает Червя.
Тварь гибнет... Но где же воин? Под действием черных чар
Герой отправляется к морю, в ждущий его Заар.

Сага о Тонгоре, XVII, 19

Холодный ветер, обжигающий лицо, разбудил Тонгора. Он помотал головой, чтобы окончательно проснуться, и грива его смоляных волос развевалась на ветру, словно черное шелковое знамя. Сковавшие его наркотические чары постепенно рассея-

лись, и сознание валькара начало проясняться. Он взглянул вниз и увидел, что летит по воздуху в тысячах ярдах над землей!

Какое-то время, пока мозг его еще был затуманен синим порошком лотоса сновидений, варвар думал, что его убили в темных подземельях под городом Червя и теперь крылатые кони Воинственных дев несут его душу на небо, в чертоги Отца Горма.

Но потом он обнаружил, что привязан к огромному седлу, закрепленному на фантастическом чудовище, которое, мерно размахивая перепончатыми крыльями, несло его по небу, будто какого-нибудь бога! Тонгор уже видел таких драконов раньше и даже дрался с ними. Валькар узнал длинную змеиную шею, ястребиную морду с хищным клювом и торчащие вдоль спины шипы. Он посмотрел на кожистые крылья, размах которых достигал сорока футов, и почувствовал, что ноги его прижаты к холодной чешуе летучей рептилии. Сзади извивался длинный хвост, также усеянный острыми шипами.

Это был страшный ящер, грозный дракон лемурийского неба, ужасный птеродактиль древних времен. Зловещие легенды хранили память о его чудовищном облике и безмерной прожорливости. Именно он послужил прототипом мифических драконов.

Но на этом крылатом чудовище были седло и узда!

Сзади донесся пронзительный крик. Тонгор обернулся и увидел еще одного ящера. Его огромные крылья заслоняли солнце. Второй дракон тоже был оседлан и нес всадника. Сильный ветер, дующий в лицо, не давал рассмотреть детали, позволяя увидеть лишь черную фигуру, управляющую дьявольским скакуном... И тут северянин вспомнил тень, замеченную в туннеле как раз перед тем, как наркотический порошок лишил его чувств.

Вот тогда-то Тонгор и понял, что оказался в плену колдунов Заара. Ничто, кроме черной магии, не смогло бы приручить свирепых чудовищ, на одном из которых летел сейчас пленивший его колдун.

Валькар снова осмотрел свои путы. Хитрый колдун связал ему кисти и локти ремнями из сыромятной кожи. Прочная кожа слегка растянулась, когда Тонгор напряг могучие мышцы рук и груди,— растянулась, но не порвалась. Пленник мрачно стиснул зубы. Веревки или даже цепи он бы разорвал, но сыромятная кожа, высыхая, сжимается. Уже сейчас она врезалась в тело так, что немели мускулы.

Тонгор оказался беспомощен.

Он огляделся вокруг. Садящееся солнце зависло над горизонтом, заливая горы жидким золотом. Длинные пурпурные тени протянулись по бескрайней равнине. По положению солнца валькар определил направление полета — на юг.

А далеко на юге поднимались мрачные стены и темные бастионы Заара, города Колдунов!

Теперь Тонгор убедился в правильности своей догадки о том, откуда у племени зодак появились плащи-невидимки.

Предупреждение Девятнадцати Богов, правящих миром, оказалось правдой. Маги Заара являлись его тайными врагами. Каким-то образом, при помощи неведомого колдовства, они узнали о его появлении в восточных землях и сговорились со своими союзниками, кочевниками племени зодак, схватить повелителя Патанги!

Но... с какой злой целью колдун в маске везет его на юг, в Черный город? Наверное, ради пыток, чтобы предать Тонгора мучительной смерти. Маги желают достойно отомстить за гибель Адаманкуса и Талабы Истребителя и расплатиться за разгром братств хранителей Патанги и Тсаргола. Золотистые глаза валькара прищурились, губы сжались, а мышцы на скулах напряглись. Он не боялся смерти, как боится ее большинство людей, рожденных в городах и воспитанных среди размягчающей роскоши, называемой «цивилизацией». Нет... Тонгор прошел суровую школу жизни, с ранних лет его спутником стал мрачный призрак смерти. Смерть превратилась в верного друга, и в Стране Теней не было ничего, что могло бы испугать его храброе сердце.

Но что станет с патангским королевством, если Тонгора убьют? Что станет с королевой Соомией и маленьким сыном валькара? Сарк сарков знал, что боги придают большое значение его жизни, хранят его для какой-то важной роли, которую предстоит сыграть в будущем. Если он погибнет, не покорят ли колдуны Заара молодые города Запада? Суровое лицо валькара стало еще более мрачным, а глаза засверкали холодным золотистым огнем. Хотя сейчас он и беспомощен, он не должен упустить возможности вырваться...

Земли, над которыми они летели, постепенно становились все более суровыми и пустынными. Густая сочная трава лугов осталась позади, уступив место потрескавшейся глине. В воздухе

появился едкий запах раскаленного металла. Чем ближе они подлетали к Черному городу, тем более пустынным и угрюмым становилось все вокруг. Казалось, они приближаются к некоему источнику заразы, где собрались космические силы разрушения.

Не успел еще пожар заката поглотить остатки дня, а они уже достигли мертвой равнины голых камней и ядовитой земли, такой же безжизненной, как замерзшие лунные пустыни.

И вот показался Черный город. Заар стоял на краю длинного скалистого мыса, далеко выдающегося в море. Холодные волны налетали на утесы, с грохотом разбивались и отступали, прячась в теле огромного океана. Но новые волны снова и снова бросались на пляжи черного песка, взрывались брызгами и в отчаянии ревели, пенясь у грандиозной стены, сдерживающей неумолимое наступление океана.

Южная оконечность Лемурии гибла под действием непобедимых сил Природы. Самая древняя часть потерянного континента уже начала неотвратимо погружаться в глубины океана. Если б не мощная стена черного мрамора, которой колдуны отгородились от моря, Черный город давно бы пал под бушующими холодными водами вечного океана.

Ящеры закружились над самым древним из человеческих городов, и Тонгор внимательно глядел вниз.

Грандиозной цитаделью возвышался Заар над буйными волнами. Его защищали огромные стены из черного стеклообразного вещества; между массивными приземистыми башнями зиккуратов протянулись узкие извилистые улочки. При виде города сердце валькара сжалось: ни одна армия не сможет взять штурмом эти мрачные бастионы...

По подземным пещерам, под мощеными улицами черной метрополии зла, проходила мертвая река с соленой, едкой водой. Она вытекала сквозь решетку в городской стене, унося в себе ядовитые отходы и зловонные экскременты.

Над мрачными дворцами магов висела пелена дыма — мерзкое дыхание печей в лабораториях колдунов. Черный город, выстроенный на покрытых сажей равнинах ада... И в этом царстве зла и колдовства он должен оказаться один, без друзей, со связанными руками.

От такой мысли Тонгор вздрогнул. Вдруг по невидимому сигналу колдуна в маске дракон валькара взмахнул могучими крыльями и по спирали начал опускаться. Черный город стремитель-

но приближался. Факелы ярко освещали кривые улочки и широкие проспекты между циклопическими постройками. Валькар видел отсветы красного пламени в узких стрельчатых окнах, а зарешеченные ворота скалились, словно пасти дракона.

Массивные зиккураты и башни алого и черного цветов пронеслись мимо, когда крылатый дракон нырнул в самое сердце обители некромантов, неся связанного Тонгора в логово его врагов.

В центре Черного города в ночное небо ступенями поднимался огромный зиккурат — колоссальная гора, созданная руками человека. Широко взмахивая крыльями, дракон полетел к центральной площадке. Через черное отверстие в квадратной башне на самой вершине массивного строения попеременно изрыгались то яркие языки пламени, то клубы черного дыма.

Оба крылатых ящера опустились на одну из широких ступеней центрального зиккурата и расселись, словно химеры, на массивных блоках мутного черного хрусталя, нависающих над освещенными улицами.

Со стены и дальнего конца зиккурата суровые молчаливые фигуры в широких накидках наблюдали за спускающимися драконами. По беззвучной команде колдуна в маске к Тонгору подошли двое. Лица их закрывали капюшоны. Они отвязали валькара от седла, позволив ему самому слезть с замершего на каменном насесте дракона.

Пока незнакомцы помогали пленнику перебраться на одну из ступеней зиккурата, он внимательно присмотрелся к ним. Трудно было определить, к какой расе принадлежат эти люди, укутанные в просторные одежды, но, приглядевшись, Тонгор распознал в них смуглых черноглазых туранийцев.

Когда колдун в маске слез с дракона, валькар понял, каким образом повелители Заара управляли этими неподдающимися приручению древними чудовищами. Чародей засунул руку в перчатке под капюшон и, отстегнув, снял с головы легкий шлем. На шлеме крепились талисманы из странного, зеленовато светящегося металла. Сразу после этого драконы забеспокоились. Птеродактиль, сидевший ближе к Великому хранителю, защелкал клювом, выгнул шею и зашипел.

Один из охранников в черном принял у мага шлем и надел его себе на голову. Самый большой из талисманов оказался в середине лба, в месте, рождающем таинственную энергию и известном в колдовских анналах как аджна чакра — «третий глаз». Два

талисмана поменьше размещались у висков, четвертый —на затылке у основания черепа, рядом с таинственной шишковидной железой, пятый находился на макушке, в точке, называемой шахасрара чакра — «лотос, имеющий тысячу лепестков».

Как только охранник надел на себя этот странный шлем и повернулся к злобно шипящему ящеру, крылатая тварь успокоилась, засунула голову под крыло... и уснула!

Тонгор задумчиво прищурился. Эти пять талисманов, по-видимому, усиливали волны, излучаемые мозгом, и таким образом команда, отданная человеком, заставляла доисторическую рептилию повиноваться. Подумав об этом, валькар содрогнулся. Обладая такими шлемами, черные колдуны Заара могли собрать бесчисленную армию птеродактилей и обрушить ее на своих врагов, они могли направить орду драконов джунглей, титанических динозавров, на стены любого непокорного города. Обладая такими знаниями, они способны покорить мир!

* * *

Тонгор застыл на ступени зиккурата, широко расставив ноги. Некоторое время он рассматривал охранников в плащах с капюшонами. Возможно, настал момент нанести удар и попытаться бежать: сейчас вокруг меньше стражи, чем будет, когда его уведут внутрь горы, созданной руками человека!

Но у каждого из воинов в руках находился длинный жезл из черного металла, верхняя часть которого была вырезана в форме демона, сжимающего кристалл,— дымчатый шар, в котором зловеще поблескивали зеленоватые огоньки.

Тонгор взглянул на жезлы и решил, что пытаться бежать пока бесполезно. Дымчатые шары являлись ситурлами, по их огранке валькар узнал парализующее оружие, которое одним прикосновением лишает человека сил. Точно так же был огранен ситурл, увиденный им впервые несколько лет назад, когда жестокий шаман Тэнгри обездвижил великого вождя кочевников джегга, могучего Джомдата.

Тонгор грустно опустил голову. Безнадежно... выхода нет!

Колдун в маске обратился к охранникам:

— Проводите нашего пленника, повелителя Тонгора, отсюда в Зал Девяти тронов, где он предстанет перед судом повелителей Заара!

— Слушаюсь, господин.

Северянин повернулся и в сопровождении охраны послушно зашагал по широкой ступени зиккурата, освещенной мечущимся высоко над головой алым пламенем, внутрь здания.

Так Марданакс, Великий Черный хранитель, взял Тонгора в плен и доставил в Заар, чтобы подвергнуть пытке, какую не знал еще ни один смертный...

Глава 13
ШАНГОТ-МСТИТЕЛЬ

Тем временем в поисках друга князь джегга, отважный Шангот,
В путь устремляется снова — туда, где море поет,
Где волны бьются о скалы, где тайны вода хранит
И где на краю равнины мрачный Заар стоит.

Сага о Тонгоре, XVII, 20

Пролежав невесть сколько часов без сознания, князь племени джегга пришел в себя и обнаружил, что все его тело покрыто запекшейся кровью и ужасно болит. Бешеного зампа, ударившего его, нигде не было видно. Наверное, обезумевшее животное побрело куда-то дальше.

Шангот с трудом поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Боль, вибрирующая, словно гонг, накатывалась волнами. Перед глазами кочевника все плыло, мир казался кроваво-красным. Он потрогал рукой лоб и ощупал сочащуюся кровью рану. Рог зампа сильно поранил князя. Если бы не завидная выносливость Шангота и не превосходное здоровье, он мог бы и вовсе не прийти в себя. Хотя могучее телосложение и позволило ему выжить, после того как замп боднул и потоптал его, раны оказались довольно серьезными. Он чувствовал себя слабым, как больная женщина. Некоторое время кочевник стоял, качаясь, приложив руку ко лбу, и боролся с наплывающими волнами темноты, которая грозила снова поглотить его.

Несмотря на важность вставшей перед ним задачи, он реально оценил свои шансы догнать схвативших Тонгора рохалов: в нынешнем его состоянии это невозможно. Так что Шангот решил отдохнуть, обработать раны и набраться сил, прежде чем двигаться дальше. Не теряя времени, он занялся этим со всей

практичностью дикаря. Пучок сухой травы, зажженный при помощи огнива, превратился в костер и согрел князя в холодную ночь. Разогрев в шлеме воду из фляги, кочевник удалил с тела засохшую кровь и промыл рану на лбу, а потом обработал ее мазью, чьи целебные свойства были почти что волшебными. После, расположившись у потрескивающего костра, рохал приготовил из имевшихся у него запасов сытный ужин, смешав и заварив сушеные плоды и вяленое мясо, и все это запил несколькими глотками вина.

Завернувшись в теплую накидку, Шангот заснул, проспал всю ночь и пробудился, лишь почувствовав прикосновение свежего утреннего ветерка. Теперь князь племени джегга чувствовал себя вполне сносно. Прежние силы почти вернулись к нему.

Когда первые лучи восходящего солнца коснулись собравшихся на востоке кучевых облаков и позолотили их, Шангот отправился по следу Тонгора. Он вынужден был идти пешком, так как ему не попалось ни одного верхового животного, кроме бешеного зампа. Но молодость и сила взяли свое, и кочевник, не сбиваясь с темпа, все утро бодро шагал по степи.

Когда солнце почти достигло зенита, молодой воин добрался до своей цели — разрушенных стен мертвого Иба.

И тут вместо вражеского лагеря он обнаружил лишь разоренную стоянку, залитую кровью, и мертвые тела воинов.

Зоркие глаза Шангота быстро заметили метки племени джегга на стрелах и проломленных щитах, валявшихся тут и там, и острый ум молодого воина воссоздал события, превратившие город Червя в кровавое кладбище, источающее зловоние, словно скотобойня.

Но что же стало с Тонгором?

Шангот вошел в разрушенные городские ворота и проскользнул по заваленным обломками улицам к центральной площади. Повсюду лежали тела павших воинов. Мечи, копья, стрелы и боевые колесницы с серпами на колесах пожали кровавый урожай. Он не нашел ни одного живого рохала, только несколько собак с рычанием глодали трупы, да вороны с шумом взлетали с тел, когда кочевник приближался к ним.

На центральной площади Шангот обнаружил мертвого Зартома Грозного. Труп в забрызганных кровью украшениях выглядел отвратительно. Унзы объели лицо вождя, превратив его в ужасное красное месиво. Во лбу Зартома торчала красная стрела.

Шангот прочитал метки на стреле и узнал, что та выпущена из большого боевого лука его отца, великого вождя Джомдата. Значит, воины джегга спасли Тонгора?

Молодой рохал оставил труп вождя племени зодак и отправился побродить среди мертвых развалин.

Вскоре он нашел огромного боевого зампа со сбруей, отмеченной знаками племени зодак. Огромный зверь был невредим и одиноко стоял рядом с запертым загоном для зампов, терпеливо ожидая хозяина, который накормит и напоит его... хозяина, который, вероятно, погиб под копьями воинов племени джегга.

Когда Шангот подошел к животному, замп жалобно замычал и осторожно ткнулся рогатой мордой в плечо князя. Молодой воин похлопал зверя по спине и отпер ворота. Замп вошел в загон, где Шангот налил ему воды и насыпал в ясли зерна. Зверь погрузил морду по самые глаза в корыто с водой и принялся громко пить. Потом он вынул мокрую морду из корыта, повернул ее в сторону Шангота и фыркнул, будто говоря «спасибо». Воин задумчиво разглядывал животное. Найти послушного зверя было большой удачей. Если в поисках Тонгора придется отправиться еще дальше, этот молодой замп станет добрым скакуном.

И в этот момент Шангот увидел знак, который искал.

Солнце заслонила фантастическая тень.

Рохал посмотрел наверх и замер от удивления.

Два ящера рассекали перепончатыми крыльями воздух над мертвым городом Ибом.

Шангот укрылся в тени ограды загона. Ужасные крылатые ящеры обитали в Ардатских горах и горах Моммур и редко встречались на бескрайних равнинах Востока. Однако князь джегга слышал рассказы об их ярости и кровожадности и знал, что у них очень прочная чешуя. Убить такое чудовище мог лишь самый ловкий и удачливый воин.

Тиандра, Богиня Удачи, явно по-прежнему благоволила молодому воину, так как крылатые демоны пронеслись у него над головой, не обратив на рохала никакого внимания. Они пролетели мимо и скрылись из виду в вечернем небе, держа курс на юг.

Но Шангот успел разглядеть двух всадников.

Сердце заколотилось в могучей груди молодого рохала. Тонгор жив! Казалось, валькар спал под воздействием какого-то заклятия. Связанным летел он в седле одного из драконов и не

видел стоящего внизу Шангота. Но зоркий князь кочевников узнал своего друга даже на таком расстоянии. И еще он разглядел колдуна в черной одежде и в маске, летевшего на другом чудовище следом за Тонгором. Присутствие мага и курс на юг подсказали Шанготу конечную цель их полета, словно это было написано на небе гигантскими огненными буквами,— они следовали в черный Заар!

Шангот решил спасти друга, даже если дорога приведет его к самым воротам зловещего города Черных колдунов, служителей Хаоса!

Молодой кочевник не знал о том, что Тонгора пленили, усыпив, в катакомбах Иба. Он не знал, что колдун в маске при помощи волшебства доставил валькара на поверхность, где их поджидали оседланные драконы. Все это было не важно. Князь знал лишь то, что Тонгор еще жив, хотя и находится в руках жестоких Черных хранителей... знал, что должен преследовать крылатых драконов и спасти своего друга или погибнуть.

Когда замп вдоволь наелся и напился, Шангот пополнил свои запасы за счет продовольствия из хранилищ племени зодак, оставшихся теперь без хозяев. Потом он сел в «седло» зампа — естественный нарост огромного костяного щита, защищающего шею и плечи лемурийского трицератопса. Потянув поводья, Шангот развернул животное. Замп прошагал по заваленным обломками улицам Иба, прошел сквозь разрушенные ворота и выбрался на бескрайнюю равнину. Тут шаг его стал шире, и животное понесло своего наездника все дальше и дальше на юг.

На скалистом утесе, нависшем над мертвой рекой, Шангот натянул поводья и остановил зампа. Отсюда открывалась грандиозная панорама: древний город Заар на фоне закатного неба.

Конечно, кочевник потратил больше времени на путь, пересекая равнины верхом на грузном зампе, чем колдун в маске и Тонгор, летевшие на драконах. Но Шангот продолжал скакать, и когда ночь закрывала небо своим крылом, и когда небо окрашивал красный рассвет. Он не давал себе времени на отдых. И сейчас, когда на западе пылал закат, он достиг черных стен, стоял и смотрел на колдовской город. Где-то за этими стенами Тонгор Великий — пленник ревнителей Хаоса. И только Шангот может спасти повелителя Запада от гибели.

Но как один человек, даже такой могучий воин, как восьмифутовый рохал, может бороться с обителью злого колдовства?

И как ему проникнуть в Черный город?

Шангот рассматривал мощные нависающие стены, сторожевые башни. Крепостная стена была такой толстой, что на вершине ее проходила дорога, по которой можно было объехать город на колеснице. Безмолвные люди в капюшонах, вооруженные странными мерцающими жезлами, стояли на бастионе и внимательно наблюдали за окружающей город равниной. Даже храброе сердце Шангота дрогнуло.

Он не мог вскарабкаться на стену. Та поднималась больше чем на сотню футов и была сложена не из каменных глыб, между которыми, без сомнения, остались бы щели, где всегда можно зацепиться рукой или ногой. Нет, ее построили при помощи огненной магии из единой массы черного, неизвестного кочевнику камня. Не мог войти Шангот и через ворота, огромные, железные, покрытые ржавчиной и закрытые, запертые так крепко, что ни таран, ни другая осадная машина не одолела бы их.

Как же проникнуть в город?

«Где бессильны сила и ловкость, надо использовать хитрость».

Эти слова из Алой Эдды раздались в голове молодого воина, когда он, восседая на терпеливом зампе, обдумывал вставшую перед ним задачу. Фраза эта еще звучала в мозгу, а глаза рохала уже принялись внимательно разглядывать безжизненную реку, прорезавшую глубокое русло в черной, покрытой копотью и сгоревшим углем равнине и исчезающую под стеной Черного города...

Князь кочевников внимательно пригляделся к тому месту, где река исчезала под черной стеной, сделанной из стекловидной массы. Там, в таинственном камне, находилось низкое полукруглое отверстие. Стремительный поток просеивали ржавые тяжелые прутья, выходящие из верхней части арки и исчезающие под водой. Шангот понял, как он попробует попасть в город Колдунов.

Но перед этим он снял узду с доброго зампа, так верно послужившего ему во время долгого пути по равнине. Шангот вынул кольца, вставленные в нежные уши и нижнюю губу животного, и выкинул их. Теперь зверь был свободен. Замп замычал и ткнулся мордой в плечо рохала, будто спрашивая совета. Шангот похлопал зверя по могучей холке и оттолкнул от себя. Тот недоуменно поглядел на хозяина маленькими добрыми глазками, снова промычал и побрел прочь. Князь некоторое время

смотрел вслед животному. Ему было жаль расставаться с зампом. Возможно, это последнее дружески настроенное существо из тех, что ему предстояло встретить. Но Шангот не мог оставить доброго зампа привязанным. Ведь князь может не вернуться из Заара.

Когда замп исчез за горизонтом, Шангот собрался с духом и нырнул с утеса в реку. Вода в ней была солоноватой, мутной и холодной как лед. Рохал вынырнул на поверхность реки, жадно глотая ртом воздух, и поплыл к городу, надеясь на то, что вечерние сумерки и синий цвет кожи хорошо маскируют его на фоне черной воды. Но на всякий случай, приблизившись к стене, Шангот нырнул и уже под водой подплыл к решетке. Железные прутья оказались толщиной с его бедро, но за бесчисленные века, что они находились в воде, ржавчина сильно разъела их, а Шангот был более чем в два раза сильнее обычного человека. Ему удалось-таки сломать решетку, он поднырнул под арку и поплыл дальше...

Глава 14
ГОРОД ТЫСЯЧИ ЧУДЕС

О город, проклятый и дерзкий! Империя зла! Гнилье!
Купили властители ада презренное сердце твое,
Купили не звонкой монетой, не золотом, не серебром,
Не блеском бесценных подарков, а мерзким и злым колдовством!
Тебя обучили прекрасно темные чары творить,
Чтобы твоими руками планы Небес извратить.
Только властители ада не ведают первопричин,
Тайны души человека, ее сокровенных глубин!

Сага о Тонгоре, XVII, 21, 22

Следом за колдуном в маске Тонгор вошел в гигантский зиккурат. Они миновали лабиринт галерей и залов, которые, словно соты, заполняли грандиозное строение. Со всех сторон пленника окружали доказательства того, что черные маги Заара достигли невероятных вершин в колдовской науке, успехов, о которых остальной мир не мог и помыслить.

Все помещения освещались искусственным светом. Под потолками комнат, через которые проходили колдун и Тонгор,

разбрасывая ровный свет и прогоняя тени, висели шары холодного белого огня. Эти странные сферы застывшего пламени не являлись ни кристаллами, ни полыми стеклянными шарами. Казалось, некая таинственная сила собрала тускло светящийся болотный туман и спрессовала его бесплотное сияние в сферу. Валькар не мог понять, как все это было устроено; не понимал он и того, каким образом шары эти парят в воздухе. Но тем не менее они парили и давали ровный, немигающий свет.

Тонгор и колдун прошли по высокой галерее, с которой открывался вид на огромный зал, уходящий на два этажа вниз. Множество людей, собравшихся в этом зале, занимались непонятным на первый взгляд делом. Тонгор с любопытством разглядывал их через перила. В зале стояли столы из какого-то белого материала, похожего на фарфор, но полупрозрачного. В центре кольцом были установлены высокие печи из тяжелого металла, где пылало пламя, достигавшее температуры поверхности солнца. Люди, одетые в необычные костюмы, сотканные из серебряного металла, работали у печей, погружая в огонь длинные сверкающие шесты. Тонгор догадался, что здесь колдуны проводят свои алхимические опыты, а в печах разогреваются тигли, в которых под действием высокой температуры изменяется внутренняя структура вещества и образуются новые соединения.

Потом валькар и колдун оказались в длинном помещении с низким потолком, где стояли колоссальные емкости зеленого стекла, в которых булькали разноцветные жидкости. Стеклянные трубки свивались в причудливые конструкции. В змеевиках конденсировались испарения, коим нет названий в человеческом языке. Люди, работающие здесь, носили плотные одежды и стеклянные маски, защищающие от ядовитых паров и едких веществ. Тут разрабатывали яды и сильные опьяняющие вещества для использования во время военных конфликтов или пыток. Хотя Тонгор и старался оставаться бесстрастным, словно на лицо его надета бронзовая маска, его переполняло отвращение. Он видел, что колдуны, глубоко проникшие в тайны структуры космоса и овладевшие законами вселенной, направили свои знания не на службу человеку, а на его уничтожение.

Работники лаборатории, в своих странных костюмах и нечеловеческих масках, освещенные зеленым светом и окутанные клубящимся паром, напоминали демонов из нижних областей ада, ворошащих угли в царстве мук и отчаяния.

Проходя по другим галереям, Тонгор видел, как силы природы покоряют здесь для того, чтобы пытливый человеческий ум мог исследовать скрытые от него законы и извратить их. Плененная молния, захваченная в невообразимую ловушку, извивалась, будто сверкающая змея, между двумя шарами из начищенной бронзы, наполняя воздух резким запахом озона. В залах зиккурата полным-полно было всевозможных кислот и других сильно пахнущих химикатов.

В одном помещении в длинной фарфоровой емкости под дождем электрических разрядов кипел маслянистый бульон. Вероятно, злобные маги Заара делали кощунственные попытки повторить Божественное чудо, создав искусственную жизнь.

В другой адской лаборатории валькар увидел голых рабов, привязанных к операционным столам. Маги пилой вскрыли череп одного из них и вынули мозг, который затем погрузили в какую-то маслянистую жидкость и воткнули в него тонкие медные проволочки. Заметив, что пленник обратил внимание на этот омерзительный ритуал, колдун в маске холодно улыбнулся и пояснил:

— Мы пытаемся разработать метод консервации и дальнейшего функционирования человеческого мозга.

Он указал тощей рукой в черной перчатке на ряд платиновых канистр. Маги стерилизовали их паром.

— Если нам удается сохранить мозг живым, мы помещаем его в один из этих прочных контейнеров, соединив центры, отвечающие за восприятие и речь, с хитроумными механизмами, копирующими действия естественных органов тела. Таким образом, мозг, находящийся вне тела, живет и по-прежнему видит, думает, говорит. Когда мы окончательно разработаем этот метод, наши величайшие мыслители станут бессмертными. Пусть время одолеет плоть человека, но сознание продолжит жить и работать после того, как тело рассыплется и станет пылью. Другими словами, мы ищем абсолютного бессмертия! Подумай об этом, дикарь,— сохранять сознание человека тысячи, миллионы лет после смерти тела!

Слушая колдуна, Тонгор морщился от отвращения.

— Сознание живет, тело умирает,— проговорил он.— Но скажи, хранитель, а как же душа?

Холодные насмешливые искорки засверкали в зеленых глазах мага.

— Наши исследования человеческой анатомии, кажется, еще не установили местопребывание этого неуловимого компонента.

И улыбающийся колдун повел пленника дальше.

Их прогулка напоминала экскурсию по преддверию ада. Тонгору показали оружие, до которого остальное человечество не додумается и через десять тысяч лет. В огромном, напоминающем казарму помещении валькар наблюдал, как мрачные колдуны-воины обучаются обращению с волшебными жезлами. Кристаллы были настроены так, что выдавали импульс, соответствующий колебаниям нервной системы. От одного их прикосновения противник, крича, корчился на полу: все тело пылало в агонии, выжигающей мозг и разрушающей разум человека.

Тонгор видел газовые бомбы, хрупкие стеклянные емкости в форме гантели, внутри которых находился сжатый ядовитый газ, действующий в тысячу раз сильнее голубого порошка лотоса, что свалил его в пещерах червя. Там заключались наркотические пары такой мощи, что люди, вдохнувшие даже ничтожное количество, умирали, беснуясь. Они сходили с ума от невыносимых видений и галлюцинаций.

Валькару показали воинов, одетых в непробиваемые доспехи из синтетического материала, прозрачного, как тонкое стекло. Доспехи, легкие, словно выкованные из тонкого хрусталя, но такие твердые, что о них разобьется любое копье. Подобная броня могла отразить удар меча из закаленной стали.

Пленник встретил отряды летающих воинов, доспехи которых были сделаны из урилиума — невесомого металла, придающего подъемную силу воздушным кораблям Патанги. Кровь Тонгора похолодела при мысли о том, что потерянные знания Оолима Фона снова найдены злобными чародеями, мечтающими о завоевании всего мира. Скоро, очень скоро они используют тайное искусство для того, чтобы создать летающий флот, который сможет соперничать с Воздушной гвардией Патанги!

И еще он видел адские лаборатории, где людям производились инъекции больших доз наркотика, отчего подопытные становились совершенно нечувствительны к боли.

— Представь себе, если можешь, целую армию таких воинов,— с ухмылкой заметил Марданакс.— Они будут драться до конца, даже если им отрубить все конечности. Само собой разумеется, такие дозы смертельны, но перед смертью воины придут в ярость и станут сражаться как опьяненные жаждой крови

безумцы. Ведь они все равно скоро умрут! Скоро мы поработим синих кочевников: в первую очередь твоих друзей джегга, затем племена шанг, тад и все остальные. Наши препараты увеличивают физическую силу, помимо того, что снимают чувствительность к боли. Мы бросим на крепости Запада многочисленные армии рабов. И победим, не потеряв ни одного жителя Заара!

Тонгор ничего не ответил, но из груди его невольно вырвалось звериное рычание. Великий Черный хранитель саркастически засмеялся и повел пленника дальше по коридорам зиккурата.

Наконец они пришли в самое сердце этой рукотворной горы. Здесь хранители добрались до вулканического огня, бушующего в недрах земли. Пламя земли использовали как источник энергии. Тепло вулканического огня вращало гигантские колеса. Избыток вулканических газов шел по гигантской трубе внутрь зиккурата и вырывался наружу в виде факела, который Тонгор заметил, подлетая к городу Зла.

В этом зале люди работали в теплозащитных костюмах. Они бродили среди озер раскаленной лавы и гейзеров, среди едких испарений, которые сожгли бы их тела в пепел, если бы у них хватило ума снять защитную одежду. Это походило на картину нижнего круга ада: приземистые фигурки людей в странных костюмах, гротескно ковыляющие между языками ослепительного пламени и выбросов горящего газа! Тонгор глядел на эту невероятную сцену через герметичное окно из жаростойкого стекла, но яркий свет пламени и здесь слепил глаза. Пока Марданакс хвастался достижениями, которые помогли магам обуздать неисчерпаемую энергию, бушующую в глубине земли, валькар размышлял. Возможно, именно это вмешательство человека в мир титанических сил, которые движут и формируют земную поверхность, было частично ответственно за медленное погружение Лемурийского континента в океанические воды. Тонгор видел, что мыс, на котором злой город воздвиг свои зиккураты и башни, уже начал погружаться в море, и препятствовала затоплению лишь могучая стена. Пусть в этом и была злая ирония, но именно научные достижения Черных колдунов Заара посеяли семена их гибели...

Северянин не знал, сколько длилась экскурсия по городу тысячи чудес: потрясенный открывшимися ему ужасами, он потерял ощущение времени. У него окрепла уверенность в том, что Черный город нужно стереть с лица земли, если люди хотят

жить мирно и спокойно. Все свои грандиозные научные открытия, все свое умение управлять силами природы маги Заара направили на то, чтобы достигнуть господства над миром, на уничтожение непокорных.

По этой причине город должен быть разрушен, а колдуны, живущие в нем, уничтожены. Ничего нельзя оставить, если мир хочет дышать спокойно.

В душе бронзовый великан-варвар поклялся богам все свои силы, если ему удастся вырваться, бросить на то, чтобы от этого города не осталось ничего, кроме дымящихся руин... Даже если ему самому придется погибнуть ради этого!

И снова изворотливый ум Тонгора обратил внимание на гигантскую стену, которая пока еще сдерживала бурные морские волны. Но как он — один, будучи лишь человеком, а не богом, разрушит этот монолит?

Во время экскурсии по адским лабораториям Тонгору показали серый порошок, появившийся в результате тысячи экспериментов. В каждой сухой грануле невинного на вид порошка таилась сила, которая могла вызвать землетрясение. Это взрывчатое вещество, как объяснили пленнику, обладало таким могуществом, что горсть порошка способна разрушить гранитную стену в девять футов толщиной.

Тонгор мечтал избавиться от своего конвоя, вернуться по извилистым коридорам в лабораторию, набрать порошка и взорвать морскую стену, так чтобы океанские волны поглотили Черный город... и пусть он сам при этом погибнет.

В голове валькара все время звучал один и тот же вопрос: может, именно из-за взрывчатого порошка и привели его боги в это жуткое место?

Еще Тонгор думал о своей любимой жене, которую не видел уже много дней. Никогда больше не обнимет он ее нежное тело! Никогда больше не посмотрит в ясные глаза своего сына, не увидит, как растет и крепнет его мальчик!

Но какую судьбу уготовили ему боги? Разрушить город, пожертвовав жизнью? Или они хранят валькара для какой-нибудь более великой, более значительной цели... Откуда ему знать?

Однако какая цель может оказаться важнее, чем уничтожение Заара?

Занятый такими мыслями, Тонгор не обращал внимания, куда вели его колдуны. Теперь, когда они остановились, плен-

ник поднял голову и увидел огромную дверь, покрытую золотом и украшенную замысловатым узором.

Марданакс указал рукой вперед.

— Пришел час, о Тонгор из Патанги, предстать тебе перед судом повелителей Заара... и узнать о каре, ждущей тебя!

И кровь валькара похолодела, когда он услышал злорадный тон Великого Черного хранителя.

Что это за кара, вызывающая столь радостное предвкушение у Черного колдуна? Какая участь ждет Тонгора в Зале Девяти тронов?

Очень скоро он должен это узнать и испить горькую чашу отчаяния...

Глава 15
НОЖ В ТЕМНОТЕ

Коварства и страха обитель! Напрасно твое торжество,
И больше тебе не придется вершить свое черное зло.
Конец ненасытной власти стучится в твои врата,
И гулкая поступь Тонгора — это твоя судьба.
Уже молодой князь джегга в тени твоих каменных плит
Бродит по улочкам узким, и Небо его хранит.
Он ищет пропавшего друга. Великий Заар, берегись!
Оставь свои грязные игры, небесного гнева страшись!

Сага о Тонгоре, XVII, 23, 24

Шангот плыл в черной ледяной воде, не имея никакого представления о правильности выбранного направления. Каждый раз, когда он пытался вынырнуть на поверхность бурной реки, голова его касалась низкого потолка! Могучие легкие рохала разрывались от недостатка воздуха. Мощное сердце работало как перегруженная, готовая сломаться паровая машина. Если он не найдет выхода из подземного туннеля (и притом в самое ближайшее время), бурный ледяной поток понесет дальше лишь безжизненное тело.

Большую часть запаса воздуха кочевник потратил, выламывая решетку под аркой. Он тогда очень долго боролся с толстыми железными прутьями. Кусочки ржавчины впились в мозолистые руки варвара. На спине и мощных плечах рохала вздu-

вались и играли мускулы. Наконец, истратив почти все силы, князь джегга раскачал один из ржавых прутьев и вытащил его из гнезда. Шангот проплыл сквозь образовавшийся проход в мир, где были лишь темнота и бурлящая вода — и отсутствовал воздух! Если в самое ближайшее время он не вдохнет кислорода, ему все равно придется разжать губы в предсмертной агонии, а потом он сгинет в черных водах адской реки...

Свет!

Впереди сквозь мутную воду откуда-то сверху шел тусклый свет! Собрав последние крупицы сил, Шангот напрягся и вынырнул на поверхность.

Легкие рохала с хрипом втянули спасительный кислород, и у него даже голова закружилась от наслаждения. Никогда еще воздух не казался ему столь сладким.

Вскоре и дыхание, и сердцебиение пришли в норму. Звон в ушах прекратился, и туман, застилавший взор, рассеялся. Шангот огляделся по сторонам. Он находился на дне колодца, футов двадцать глубиной, закрытого сверху решеткой. Отвесные стены были измазаны всевозможными отходами. Какое-то время князь не мог сориентироваться и понять предназначение стока. Наконец он догадался, что колдуны использовали его для отвода дождевой воды, стекающей сюда по городским каналам, а также для удаления различного мусора. Если догадка верна, то прямо над головой у него проходит одна из улиц Заара!

Но как подняться по вертикальному двадцатифутовому колодцу? Шангот не видел здесь ни скоб, ни лестницы. Черные стены сделаны из того же гладкого стекловидного вещества, что и крепостная стена. Тут не было отдельных камней с зазорами между ними.

Шангот как мог высунулся из воды и, вжавшись широкой спиной в стену, ногами уперся в противоположную. Прочно закрепившись, он приподнялся чуть выше, скользя лопатками по гладкой поверхности. Потом он переставил одну ногу и замер в этом положении. Теперь он полностью выбрался из воды. Повторяя эту операцию, Шангот поднялся на фут, потом на два... Все дальше и дальше взбирался он по черной стене, словно чудовищная гусеница.

На самом деле это было не так трудно, как может показаться. Восьмифутовое тело рохала почти полностью закупорило отверстие колодца. Единственная сложность состояла в том, что

стены колодца были очень скользкими из-за прилипших разлагающихся отбросов, и время от времени Шангот съезжал по глянцевой поверхности вниз. Много раз на протяжении нескончаемого подъема воину с трудом удавалось не упасть назад в бурлящую воду.

Наконец он добрался до решетки сточного люка и с огромным облегчением обнаружил, что та не привинчена и не приварена, а просто лежит поверх колодца. По тому количеству света, что просачивалось сквозь решетку, князь заключил, что люк находится в темном переулке или каком-нибудь замкнутом пространстве. Звука шагов он все равно не услышал бы из-за гула воды внизу, и оставалось лишь надеяться, что рядом со стоком никого не окажется и никто не увидит, как он вылезет на улицу. Собравшись с духом, кочевник поднял решетку и, тяжело дыша, выполз на грязную вонючую мостовую.

Следовало поторопиться. Шангот не мог позволить себе лежать здесь и блаженствовать, дав отдых измученному телу, когда его могут в любой момент обнаружить. Он встал на колени и установил тяжелую круглую решетку назад в гнездо над гулким колодцем.

Поднявшись на ноги, рохал огляделся. Узенькая кривая улочка, где он очутился, была пуста. Ее тускло освещал странный, бледно светящийся шар, висящий в воздухе на углу улицы. Неподалеку кочевник заметил темные ворота и бросился туда. Здесь он чувствовал себя в большей безопасности, чем посреди мостовой.

Шангот осмотрел себя. Если не считать ноющих мышц, нескольких ссадин в тех местах, где стены колодца ободрали грубую кожу, рохал остался невредим, но всего его с ног до головы покрывала зловонная жидкая грязь. Пряжки и бляхи отсутствовали, а ядовитая вода разъела позолоту кожаных ремней. Из всего снаряжения сохранились лишь большой боевой топор и кинжал с тонким лезвием.

Оказавшись в городе, полном врагов, воин племени джегга понимал, что ему надо соблюдать величайшую осторожность. Один неверный шаг может выдать его. И конечно, у любого случайно встреченного горожанина Шангот вызовет подозрение.

Мрачное небо время от времени подсвечивалось бледно-голубыми вспышками. Моросил дождь. Рохал пожалел, что это не ливень, который омыл бы его тело. После недолгих поисков он обнаружил бочку, подставленную под водосточный желоб и пол-

ную свежей дождевой воды. Этой водой Шангот смыл с себя зловонную грязь.

Но что делать с одеждой? Если кто-нибудь увидит его, то удивится, что рохал, воин племени кочевников джегга, свободно разгуливает по улицам их города. Надо переодеться... и как можно скорее!

Шангот пересек двор и обнаружил арку, выходящую на большую площадь, где вырисовывался фасад какого-то дворца или особняка. С карниза здания на площадь глядели, оскалясь и растопырив когтистые лапы, резные каменные химеры. Странные светящиеся шары отражались в лужах мокрой мостовой... Выглянув из тени подворотни, князь увидел множество людей, спешащих по своим делам. Среди них было много рабов-рохалов, что обрадовало князя джегга, который опасался, что, даже если он сумеет переодеться, вызовет подозрение само присутствие синекожего кочевника в Черном городе.

Внимательно приглядевшись, он попытался запомнить манеру рабов ходить и одеваться. Они носили портупеи из простой кожи, без драгоценных камней и украшений из дорогих металлов, а на бляхах можно было различить гербы хозяев. Шангот также заметил, что рохалы перемещались по городу без всякого препятствия со стороны заарских стражников, стоящих у входа в роскошные здания, окружающие площадь. Стражники вообще не обращали на них внимания. Ни разу, за то время пока князь джегга наблюдал из подворотни, они не остановили ни одного раба-кочевника и не потребовали у того ни удостоверения, ни пропуска.

Значит, решил Шангот, ему нужна портупея раба, в которой он без всяких расспросов сможет бродить среди заарцев. И тогда он без помех найдет место, где держат его господина, Тонгора. Но для этого надо потерпеть, пока один из рохалов не подойдет так близко, что его можно будет схватить и затащить в тень.

Наконец долгое ожидание оказалось вознаграждено. Из ворот роскошного здания появился высокий, превосходно сложенный раб. Он зашагал по площади к темной арке, где притаился Шангот. Безжизненные глаза и лицо рохала были полностью лишены какого-либо выражения, как и у всех заарских рабов. Князь джегга даже подумал: не дают ли им колдуны какое-нибудь сильнодействующее снадобье, разрушающее мозг и превращающее человека в послушную машину? Обращало на себя внимание то, что охранники выражали рабу-рохалу особое ува-

жение. Шангот решил, что, очевидно, причина тому — высокое положение его хозяина в иерархии Черного города.

Князь джегга внимательно оглядел рохала. Одет тот был не так просто, как остальные рабы, носившие лишь простые кожаные портупеи. За его спиной развевался просторный зеленый плащ, а на изумрудно-зеленых ремнях лемурийскими знаками, которым Тонгор когда-то обучил Шангота и других своих телохранителей, было написано слово «Вуал». Имя это ничего не говорило Шанготу. Взявшись за рукоять кинжала, он подкрался поближе к выходу.

Когда раб приблизился, молодой воин шепотом позвал его, привлекая внимание так, чтобы не услышали стражники, стоявшие неподалеку.

Как он и ожидал, рохал остановился... повернулся в сторону подворотни. Шангот еще раз позвал его шепотом и шагнул вперед, так чтобы раб заметил его.

— Иди сюда! — позвал он тихо.

Будто робот, не имеющий возможности противиться приказу, могучий раб шагнул в тень арки и скрылся в тени.

Он не стал ни сопротивляться, ни кричать, когда Шангот набросился и пронзил его сердце кинжалом.

Князь быстро снял с трупа портупею и надел на себя, закрепил топор за спиной, скрыв его в складках плаща, а свои испорченные водой ремни нацепил на бездыханное тело. Затем он отволок труп через двор назад к люку, ведущему к подземной реке. Вокруг, к счастью, никого не оказалось. Лишь мгновение потребовалось сильному молодому рохалу для того, чтобы снова открыть люк, сбросить мертвое тело в темную воду и закрыть крышку.

После этого Шангот попытался придать своему лицу безжизненное выражение, чтобы не отличаться от остальных рабов его расы, и вышел на тускло освещенную улицу, пытаясь подражать механической походке рабов.

Теперь он собирался найти Тонгора, где бы ни прятали его хранители в своем лабиринте из черного стекла и мрачного камня. Если это вообще возможно...

Всю ночь Шангот ходил по улицам Заара. Люди, которых он встречал, не обращали на него внимания, и если замечали вообще, то только, как решил воин, из уважения к рангу его хозяина — кем бы ни был этот Вуал!

Хотя рохал много бродил по городу, стоял рядом с группами горожан, пытаясь подслушать их беседу, узнал он о повелителе Запада очень мало. Некоторые жители города со злорадством в голосе обсуждали поимку Тонгора Великого, но ни один подслушанный разговор не подсказал Шанготу, где искать господина и друга. Много раз кочевник жалел, что не может завести с людьми непринужденный, невинный разговор и спросить, как бы случайно, не знают ли они о том, где содержат пойманного варвара. Каждый раз, когда эта мысль приходила ему в голову, что-то удерживало его — какое-то интуитивное чувство подсказывало, что рабы-рохалы в пределах нависающих стен Заара не имеют права говорить!

Если не считать отсутствия информации о том, где держат Тонгора, трюк Шангота с переодеванием прошел превосходно. Никто не удивлялся тому, что он расхаживает по городским улицам и площадям, никто не пытался преградить ему путь или подойти с расспросами.

Но вдруг все изменилось. Перед самым рассветом сквозь окруженную колоннадой арку, рядом с которой бродил Шангот, на быстрых кротерах проскакал отряд стражников. Князь джегга был потрясен: они носили одежду того же изумрудного цвета, что и его портупея, и таинственное слово или имя «Вуал» было вышито у них на капюшонах и на груди их просторных одежд. Воины потрясали черными жезлами, каждый из которых был увенчан когтистой птичьей лапой, сжимающей мерцающий таинственный кристалл. Шангот видел такие жезлы в руках злых шаманов своего народа еще до того, как отец его, великий вождь Джомдат, изгнал мерзких колдунов. Князь джегга помнил, что легкого касания этого безобидного на вид кристалла достаточно для того, чтобы парализовать человека на несколько часов.

Он надеялся, что стражники проедут мимо, не обращая на него внимания. Но Тиандра явно отвернулась от него.

Один из всадников, заметив Шангота, осадил свою рептилию и крикнул своим спутникам:

— Эй! Вот он. Фантар, посади пустоголового на своего кротера... живее!

Стражники на рептилиях окружили воина. По-прежнему копируя выражение лица и механическую походку других рабов, рохал попытался уйти. Не получилось. Один из стражников схватил князя за руку и велел остановиться.

— Стоять! Повелитель Вуал нуждается в тебе... Где ты пропадал столько часов, ты, дурак безмозглый? Мы прочесываем улицы с самого Часа Кота!

Шангот замер, не смея взглянуть на обратившегося к нему человека и благоразумно решив не отвечать.

Другой стражник расхохотался.

— Ты же знаешь, что они не умеют разговаривать, Ченгту. Давай затащим этого ходячего мертвеца на кротера и отправимся... возможно, я еще успею поспать часик до рассвета!

Не решаясь оказывать сопротивления, окруженный стражниками, Шангот позволил затащить себя в седло шипящего кротера и поехал по городу в сопровождении стражников. Он не имел ни малейшего понятия ни о том, куда его везут, ни о том, за кого его приняли.

Он только сознавал, что каждый шаг теперь уводил его все дальше и дальше от его господина.

Очевидно, его взяли в плен и теперь везут туда, откуда он не сможет вырваться и помочь Тонгору. Однако он не решался сделать что-то, чего не делают рабы Заара. Он молча ехал, словно бык на бойню, и в своем отчаянии не понимал, что уже вступил на путь, который приведет его к великому подвигу...

Над угрюмыми зиккуратами Черного города Заара медленно загоралась заря.

Глава 16
ТОНГОР В БЕЗВЫХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Тонгор, закованный в цепи, пред мрачным судом стоит,
А в центре зала на троне верховный хранитель сидит.
Где-то в степи замирает эхо далеких гор...
И вот Марданакс произносит чудовищный свой приговор.
Сага о Тонгоре, XVII, 25

Тонгор и колдун остановились перед гигантскими позолоченными дверями с замысловатым узором, напоминающем языки адского пламени. Один из стражников подошел к висящему на серебряной цепи огромному нефритовому диску. Он ударил в центр диска, и раздался гулкий звон. В скрытых тенями углах загудело эхо.

Массивные двери начали медленно отворяться... и Тонгор оказался на пороге громадного Зала Девяти тронов. Нахмурившись, он шагнул в просторное, гулкое темное помещение. Двери захлопнулись за его спиной со зловещим грохотом, будто удар колокола судьбы.

Валькар оказался в полной темноте.

Вдруг из центрального колодца вырвался фонтан огня. Из неведомых глубин с ревом взметнулся огромный язык алого пламени, разукрасив стены круглого зала колоннами девяти пляшущих тенями высоких тронов.

Гигантские тени поползли по выгнутым стенам за девятью тронами, на которых искусно были нарисованы фрески, изображающие чудовищных демонов. Какое-то время валькар разглядывал изображения могучих служителей Хаоса и Древней Ночи — повелителей черного ада, таких, как ужасный Гаморий и Зафар Красный, Фурфур, появляющийся перед смертными в образе харта с огненным хвостом, и темный Кхил. Здесь были чудовищный Салеос, который ездит верхом на крокодрилле, Ситри с головой леопарда и крыльями грифона и Велет, всадник, сидящий на белом коне. Перед глазами возникали образы незабываемого кошмара, написанные на стенах с невероятным мастерством: краски пылали и, казалось, выжигали глаза!

Теперь, по мере того как фонтан, разбрызгивая искры, поднимался все выше, алый свет залил все помещение. Стражники провели Тонгора в центр гулкого зала и поставили его рядом с огненным колодцем. И там они оставили валькара, исчезнув в тени. Тонгор огляделся, осмотрел огромные троны из разноцветного камня, стоящие каждый на собственном возвышении из полированного мрамора, и огромные фрески с изображением злобно оскалившихся демонов. Сыромятная кожа заскрипела, когда пленник попробовал крепость ремней, стянувших его запястья.

Затем со стороны золоченых дверей донесся зловещий звон нефритового гонга.

И повелители Заара начали один за другим занимать свои места на тронах...

Трон из пурпурной яшмы занял дряблый Питуматон, разодетый в роскошный бархат и лавандовый шелк. Воинственный Малдрут, гордо вышагивая в красном плаще и латах, с саркастической улыбкой на красивом смуглом лице, подошел к трону из сверкающего алого хрусталя. Тихий Сарганет Нульдский

уселся на трон из серого гранита, откуда принялся пялиться своими бесцветными глазами на мужественную фигуру плененного Тонгора. Явился тощий, похожий на мумию Ксот-Череп, тело которого было завернуто в ткань цвета индиго. Ядовито-зеленые глаза Великого Черного хранителя Марданакса торжествующе сверкали сквозь прорези в маске. Он занял свое место на самом высоком троне черного мрамора. Последним появился Вуал-Мозг, чье щуплое, иссохшее, детское тельце внес на руках раб-рохал. И когда зомби осторожно клал своего хозяина на огромный трон из сверкающего зеленого нефрита, колдун злобно взирал маленькими черными глазками на молча стоящего валькара.

Раб отступил и встал за спинкой зеленого трона, а заарские колдуны устремили свои взгляды на Тонгора, который очутился один, без друзей, в самом логове неприятеля, окруженный со всех сторон своими величайшими врагами.

Мрачным тоном Марданакс принялся перечислять преступления, в которых обвинялся Тонгор. Он рассказал о том, как валькар — искатель приключений — разрушил их тщательно подготовленный заговор против девяти городов Запада. О том, как он уничтожил их братьев-хранителей, приверженцев культа Слидита — Бога Крови, и Ямата — Бога Огня. О том, что ордена этих хранителей были изгнаны из Тсаргола, Алого города, и Патанги, города Огня, и вынуждены теперь скитаться, не имея крова. Он поведал грозным голосом, что их брат, повелитель Талаба Истребитель, король магии, встретил унизительную смерть, когда Тонгор разорвал кольцо осады Патанги и изгнал армии Турдиса и Шембиса. Рассказал он и как другой их брат, повелитель Адаманкус, король магии, был побежден и погиб в объятиях им же вызванного демона, когда Тонгор разрушил стены заколдованной крепости, чтобы спасти королеву Соомию и Шангота, князя племени кочевников джегга. Он поведал и о том, как племя зодак было разбито железными легионами союзника Тонгора, Джомдата, что правит теперь на большей части рохальских равнин.

Тонгор понимал, что единственным приговором, который может вынести этот трибунал колдунов после столь длинной обвинительной речи, будет смерть.

И, несомненно, учитывая ненависть, какую питают к нему черные колдуны Заара, казнь будет долгой и изощренной.

Но пока валькар неподвижно стоял, молча и презрительно глядя на своих врагов, в груди его разгоралась искра надежды.

Ему потребовалось задействовать всю свою силу, чтобы сохранить на лице бесстрастную холодную маску. Он чуть было не вскрикнул от неожиданности, когда увидел рохала, несущего на руках щуплое тело Вуала-Мозга,— рохала-зомби, в котором он узнал своего лучшего друга Шангота, князя племени джегга!

Каким образом сын Джомдата оказался в городе некромантии и зла, Тонгор никак не мог понять.

Последний раз валькар видел друга, когда воины Зартома Грозного поймали его в ловушку у холмов кристаллов грома. Тогда Шангот успел укрыться на корме корабля Тонгора... а затем невидимые воины-кочевники зодак схватили сарка и уволокли в развалины древнего Иба, города Червя.

Это произошло много дней тому назад, далеко на севере. Как Шангот преодолел такое расстояние — и зачем? Он хочет попытаться спасти повелителя Запада? На сердце у Тонгора потеплело. Ему хорошо известна преданность своего друга, князя племени джегга. Другого объяснения валькар найти не мог. Однако один страшный вопрос продолжал звучать у него в мозгу, и Тонгор едва не содрогался, глядя на неподвижную фигуру Шангота, стоящего скрестив руки на могучей груди и тупо глядящего перед собой безжизненным взглядом.

Неужели эти злодеи уничтожили своим злым колдовством ум и волю князя кочевников, превратили его в бездушного робота, подобно всем остальным своим рабам — ходячим мертвецам?

Решение суда, когда наконец настало время его произнести, было именно таким, как Тонгор и ожидал. Повелитель Мардонакс, сидящий на черном мраморном троне, закончил долгую злорадную обвинительную речь, и колдуны вынесли приговор.

— Остается лишь избрать вид наказания,— сказал Черный хранитель, и все маги зашевелились, предвкушая удовольствие.— Вы, вероятно, помните, о братья, что я предложил провести определенный... эксперимент... на нашем последнем Совете несколько дней тому назад? — Он выдержал долгую паузу и, ухмыляясь, поглядел на Тонгора. Валькар по-прежнему стоял молча. Его лицо напоминало бронзовую маску.— Эксперимент, названный в девяти книгах Тьмы... ритуалом превращения души человека в раба Хаоса.

Тонгор не понял значения этого названия, но от демонической ухмылки и радостного тона Великого хранителя волосы зашевелились на голове валькара. Он оставался спокойным,

словно слова колдуна совсем не касались вопроса его судьбы. Если семь колдунов Черного города надеются сломить его дух, поставить его на колени и заставить ползать перед их тронами, они ничего не добьются! Тонгор был неколебим, словно гранитная статуя, выражая всем своим видом крайнее презрение.

— С тех пор, братья мои,— продолжил Марданакс шелковым, мурлыкающим тоном,— я глубже изучил процедуру проведения этого ритуала. Хотите ли вы услышать об этом подробнее?

— Да, о Старший брат! — ответили все вполголоса.

— Никогда еще за семь тысяч лет нашего господства не пытались мы провести этот ритуал. Но скоро мы исполним его... очень скоро!

На лице Тонгора по-прежнему не дрогнул ни один мускул.

Марданакс рассмеялся.

— Я восхищаюсь твоей храбростью перед лицом неизвестности! Но, скорее всего, причина тому — твое невежество, а не отвага. Вероятно, мне следует простыми словами объяснить, в чем именно заключается наказание. Попытаюсь. Во время этого ритуала в храм Черных Богов вызываются в материальной форме повелители Хаоса. При помощи могучих заклинаний из твоего тела будет вырвана душа и скормлена мрачным богам... Это обречет твою бессмертную душу на бесконечное рабство у богов Зла, а твое тело, лишенное души, станет безмозглой игрушкой... жалким растением, не способным ни на разумные, ни на волевые поступки, но все же сохраняющее способность чувствовать боль. И оно действительно будет чувствовать боль, Тонгор, бесконечные годы, полные унижения, мук, зверского надругательства... Твое тело станет рабом в наших руках, а душа твоя попадет в рабство темных повелителей космического Зла! У тебя будет возможность осмыслить картину, описанную мной, в течение нескольких часов. Пока мы готовимся к ритуалу, ты будешь заперт в подземелье. Увести его.

Отдав приказ, Марданакс продолжил обсуждать предстоящую церемонию:

— Это очень важный ритуал. Карцисом — распорядителем действа — назначается повелитель Вуал.

— Слушаюсь, Старший брат. Почту за большую честь...

— Зеленый брат, для проведения церемонии тебе понадобится защита самого сильного из всех амулетов — защита Великого Нейтрализатора. Возьми его и подготовь, напитав энергией.

— Иду, Старший брат,— тихо проговорил Вуал-Мозг, мысленно подзывая раба.

Стражники вывели Тонгора из зала через потайную дверь. Валькар надеялся встретиться взглядом с безмолвным Шанготом, посмотреть, не ответит ли кочевник. Но воины вытолкали пленника, так и не дав ему этой возможности.

Дверь темницы, стальная плита с маленьким зарешеченным окошечком, захлопнулась. Стражники заменили сыромятные ремни, связывавшие Тонгору руки, на железные кандалы и приковали их цепью к массивному бронзовому кольцу, вделанному в стену. Когда эхо от грохота захлопнувшейся двери затихло, валькар остался один в темноте и тишине, которую нарушал лишь звон падающих капель воды, просачивающейся откуда-то сверху. Да еще пищали и шуршали по углам унзы — бесшерстные, питающиеся падалью грызуны. В мозгу пленника снова и снова эхом отдавалась одна фраза: «Ритуал превращения души человека в раба Хаоса».

Злобный разум, правящий мрачным городом Зааром, верно оценил Тонгора. Угрозы физических мучений никогда не смогут сорвать крика с его губ или вызвать отчаяние в храбром сердце воина.

Но такая пытка превосходит все мыслимые муки плоти... мучение души, которая вынуждена служить врагам. И даже Тонгор Великий содрогнулся при этой мысли. Она не давала ему покоя в течение долгих часов, пока он лежал один, закованный в цепи, в холодной темнице, где с потолка капала вода, а в темных углах пищали грызуны.

Глава 17
ГОЛОС ДРУГА

Когда лучезарные звезды положенный сделают шаг
И образуют на небе древний магический знак —
Знак небывалой силы! — так говорят письмена...
Душа молодого героя сгинуть навеки должна!

Сага о Тонгоре, XVII, 26

Каменная темница была сырой, холодной и влажной, ее стены покрывала слизь. Где-то постоянно капала вода — монотон-

ный, раздражающий звук. До Тонгора доносился писк и шорох невидимых существ — маленькие коготки скребли о камни. Унзы постепенно наглели, подбираясь все ближе, и валькар крепко сжал зубы. Он слышал рассказы о том, как на узников набрасывалась пищащая орда отвратительных красноглазых грызунов. Жертвы оказывались сожраны заживо этими голодными обитателями подземелий, обглоданные кости сгнивали среди ржавых цепей, забытые в темницах.

Тонгору оставалось только завидовать такой смерти. Но Черные колдуны Заара не позволят ему умереть так просто.

Он думал о том, когда же его наконец казнят. Марданакс ничего не сказал о том, сколько времени понадобится колдунам на подготовку ритуала и когда они приведут в исполнение чудовищный приговор.

Здесь, в темноте, прислонившись спиной к сырому холодному камню, прислушиваясь к монотонному звону капель, Тонгор почти забыл о том, каков на вкус свежий воздух и как выглядит чистое небо. Мысли его начали блуждать, и, несмотря на холод, вонь и неудобство, причиняемое цепями, валькар сначала задремал, а потом уснул. Засыпая, он вспоминал о своей супруге, темноглазой королеве, и о своем сыне. Он пытался представить себе, что близкие делают в это время, вспоминают ли о нем.

Еще Тонгор думал о своей родине, лежащей далеко на севере, которую он уже так долго не видел. Перед ним вставало лицо его отца, Тумитара из племени Черного Ястреба... его могучее бронзовое тело, закутанное в меха. Повелитель Патанги вспоминал, как отец сражался с длиннохвостыми ледниковыми волками, оглашая воздух боевым кличем, вспоминал его черную, покрытую инеем бороду... Видел смеющиеся лица своих братьев... и спокойное красивое лицо своей матери.

Валькар вспоминал о той войне, когда племя Белого Медведя хлынуло в заснеженную тундру и захватило места рыбной ловли. Жестокой была битва, где валькары сражались с врагами копьями с каменными наконечниками и бронзовыми топорами. От алого восхода до багрового заката бились они. Когда же все кончилось, в живых из валькаров остался лишь Тонгор... тяжело дышащий, изможденный, покрытый кровью, окруженный десятками мертвых врагов.

В той страшной битве погибли и отец, и все его храбрые братья... Погибли, оставив Тонгора одного во враждебном мире,

пятнадцатилетнего мальчика без родственников и друзей. Он похоронил там всю свою семью, выкопав в мерзлой земле сломанным топором яму и навалив кучу камней, чтобы волки не раскопали могилы. Потом Тонгор подобрал огромный меч — Саркозан, принадлежавший его отцу, а до этого отцу отца и так далее вплоть до могучего героя Валька Черного Ястреба, седьмого сына Тангарта из Немедиса, основателя племени валькаров на суровом севере... Взяв меч, мальчик отправился странствовать по миру, полному врагов, надеясь найти себе достойное место среди людей. Но сначала он отомстил...

Тонгор перебрался через ледяные перевалы гор Моммур и оказался в душных джунглях Ковии. Какое-то время он был грабителем и наемным убийцей в прекрасных молодых городах Юга. Затем ему вынесли приговор, и он трудился на галерах Шембиса, но однажды ночью разорвал цепи, задушил жестокого надсмотрщика, от плетки которого на спине Тонгора появились длинные шрамы, и возглавил восстание рабов. Восставшие захватили судно, на котором отбывали наказание, посадили на весла команду и стражников и уплыли в открытое море. Бывшие рабы стали вести свободную жизнь, занимаясь пиратством. В течение пяти лет Тонгор был известен как Черный Ястреб, предводитель морских бродяг. Валькар бороздил моря, грабил купеческие галеры, сжигал их и всякий раз уплывал назад в Таракус, город пиратов, чтобы без меры пить красное вино и расхаживать в награбленных украшениях по узким улочкам жестокого, буйного королевства морских разбойников... Это были хорошие дни, полные золота и славы, яростных битв и дерзких приключений!

Вспомнил Тонгор и о том, как главари пиратского братства обратились против него, когда он убил их предводителя во время дуэли, длившейся целый час на скользком причале, освещенном факелами. Чистая, простая душа варвара противилась садистской жестокости пыток, при помощи которых пиратский вожак добывал сведения у пленных моряков... И Тонгор убил его. Морские разбойники вынудили валькара бежать и преследовали его на своих кораблях: за ним устремилась половина Таракуса. Валькар проплыл мимо Птарты и оказался в порту Зангабала. Здесь, чтобы выжить, он воровал. Здесь обрел друга. Им стал молодой зангабальский воин Элд Турмис, убедивший Тонгора оставить воровское ремесло. Вместе они переправились

через залив и прибыли в Турдис, где железная сила и военная сноровка позволили валькару получить место наемника.

Семь месяцев он вместе с другими воинами четвертой когорты сражался за Фала Турида, безумного сарка Турдиса. Но опять варварское представление о чести не позволило ему занять достойное место среди цивилизованных людей. Когда один разодетый в шелка изнеженный дворянин отказался платить проигранные на скачках деньги, Тонгор тут же окунул его в огромный бронзовый чан с вином, а затем пропорол ему живот своим мечом. И снова северянину пришлось бежать, и снова за ним гналось полгорода, так как убитый дворянин был не только представителем знатного рода, наследником высокого титула и большого состояния, а являлся еще и командиром отряда, где служил Тонгор!

Так началась цепь приключений, в результате которых нищий варвар из покрытых льдами северных земель вместе с женщиной, которую любил, занял самый высокий трон на Западе. Если чему и научился Тонгор во время своего пребывания в пышных городах, так это тому, что простой кодекс чести валькаров благороднее и честнее, чем законы так называемой цивилизации, где прихоти разодетого дурака, если у него есть земли и титул, могут перевесить разум, благородство, доблесть и честь.

Тонгор поежился, потянулся и зевнул. Потом он заорал так, что все унзы разбежались и попрятались.

— Тюремщик! Эй, тюремщик! Горм тебя побери, ты хочешь, чтобы воин подох с голоду в этой дыре? Принеси поесть!

Наконец на его крики явился заспанный толстый тюремщик и, вытаращив глаза, сквозь окошечко поглядел на валькара. Толстяку доводилось слышать от несчастных, запертых в темнице, мольбы о пощаде, но никто никогда не требовал, чтоб его накормили.

— Поесть? — удивленно спросил тюремщик.— Ты, должно быть, сошел с ума от страха. Ты что, забыл о предстоящем ритуале жертвоприношения?

Тонгор засмеялся.

— Человек умирает лишь однажды, дружище. Я могу погибнуть с голоду, не дождавшись ритуала. Боги! Уже много дней прошло, даже не могу сосчитать сколько, с тех пор как я нормально ел. Неси немедленно!

Требование возымело результат. Толстый глупый тюремщик торопливо зашаркал прочь в темноту и вскоре вернулся с огром-

ной деревянной миской горячей похлебки, куском черствого черного хлеба и кувшином кислого красного вина. Это едва ли походило на изысканные блюда, к которым Тонгор привык в своем королевстве, но голодному человеку мало дела до кулинарных ухищрений. Пока толстяк глядел разинув рот, валькар принялся за еду. Он опустошил кувшин вина и миску похлебки с аппетитом, которого едва ли можно было ожидать у человека, приговоренного к смерти на алтарях Хаоса... к тому же заключенный потребовал добавки!

Через несколько часов (или дней? — Тонгор потерял всякое представление о времени в этом темном подземелье) валькара разбудил неожиданный звук. Шорох кожаных сапог, ступающих по камням перед дверью камеры!

Тонгор насторожился. Это не дряхлый тюремщик, который шаркает и звенит ключами. Нет. Это крадущиеся, осторожные шаги — шаги того, кто не хочет, чтобы его услышали.

На широких бронзовых плечах варвара вздулись мускулы. О Горм! Как ужасно быть прикованным, беспомощным, словно животное в клетке! Освободиться от цепей, прижаться спиной к сырой каменной стене, держа в руке добрый меч,— и пусть явятся эти служители дьяволов и возьмут его для своего мерзкого ритуала! Если только посмеют!

В зарешеченном окошечке камеры показалось лицо. Всего лишь темный силуэт на фоне мрака. Тонгор напряг зрение, пытаясь разглядеть черты... Кто же это может быть?..

— Это я, Шангот.

— Шангот! — Валькар едва ли не прокричал это имя, но затем быстро, понизив голос, произнес: — Горм, я думал, эти черные дьяволы поработали над тобой и превратили в безмозглого раба!

Синекожий великан улыбнулся.

— Нет, господин, я все еще в своем уме. И здесь я благодаря необъяснимой причуде Тиандры.

Очень быстро и кратко князь джегга описал все, что произошло с ним в последние дни. Как он проник в город по подземной реке, как убил рохала-зомби и взял его одежду и как его приняли за раба Вуала-Мозга.

— Этот карлик ни разу не снизошел до того, чтобы посмотреть рабу в лицо, так как для господ Заара мы низшие существа, всего лишь животные,— объяснил Шангот,— поэтому, когда по-

сланные им стражники отыскали меня и привели к нему, я, не вызывая подозрений, смог взять на себя обязанности убитого мною рохала. Это удача, что процесс разрушения сознания превращает рабов в бездумных зомби, иначе я тотчас бы себя выдал! А раз все распоряжения рабу-зомби надо каждый раз отдавать заново, меня не разоблачили.

— Слава богам, что ты здесь! — проговорил Тонгор.— В этом проклятом месте друзья могут пригодиться.

— Да.— Князь джегга грустно кивнул.— Если бы ты знал, как я удивился, когда принес карлика в Зал Девяти... и увидел тебя, господин! Боги, я чуть не уронил этого головастика! И я боялся, что ты выдашь меня — вздрогнешь, узнав.

— Я действительно пытался привлечь твое внимание. А когда не смог этого сделать, решил, что они действительно лишили тебя разума. Но ты здесь, освободи меня.

Шангот оглядел дверь, затем грустно покачал головой.

— Нет, даже моя сила здесь бесполезна. Дверь заперта при помощи черного колдовства, и никто на свете не откроет ее без ключа. Но выслушай меня. Я могу ходить где угодно, так как любой заарец узнает по знакам на одежде, что я раб Мозга, и думает, что я выполняю приказ своего хозяина. Благодаря этому мне удалось найти твою камеру. И поскольку я должен таскать на руках это щуплое чудовище всюду, куда только оно ни пожелает, мне удалось присутствовать на Советах и слышать разговоры колдунов. Жертвоприношение... намечено на завтра.

Завтра...

— Час установлен при помощи астрологических вычислений,— продолжал рассказывать Шангот шепотом.— Одно важное созвездие, звезды которого были далеко разбросаны до этого друг от друга и очень долго бродили по небу, сейчас образует какой-то могучий символ, знак кощунственного ритуала, во время которого они хотят вырвать из тебя душу и отдать ее Богам Хаоса. Но хотя я и не могу открыть этой двери и освободить тебя, у меня есть план. План отчаянный, но больше ничего не остается...

Тонгор придвинулся ближе к зарешеченному окошечку и приготовился слушать. План был прост. Он также был очень рискованным, почти самоубийственным, но что могут сделать два человека против целого королевства врагов, кроме как довериться удаче? Тонгор согласился.

Подбодрив друга, рохал направился прочь, стараясь двигаться бесшумно. А валькар остался в одиночестве обдумывать последние слова, произнесенные кочевником,— слова, заключающие всю жизненную философию Тонгора: «Не теряй надежды!»

Глава 18
ЧЕРНЫЕ АЛТАРИ ХАОСА

Для Черного города смерти час роковой настает,
И от возмездия Неба ничто Заар не спасет.
Тонгор порвал свои цепи и с обнаженным мечом
Свободный стоит пред врагами, с адом — к лицу лицом!
Сага о Тонгоре, XVII, 27

В храме Богов Хаоса был огромный зал из черного мрамора, где титанические колонны, подобные окаменевшим секвойям, поддерживали на высоте в девяносто ярдов величественный свод из алого хрусталя. Вдоль круглых стен ступенями поднимались ряды каменных скамей, образуя амфитеатр. Там в ожидании представления восседали сотни заарских жрецов, собравшихся для того, чтобы наблюдать, как Тонгора принесут в жертву.

На полу в середине амфитеатра стоял колоссальный идол, напоминающий зловещего гиганта, застывшего и окаменевшего. Это был атлант невероятных пропорций, на плечах которого сидело целых три головы.

Вокруг трехголового идола Хаоса стоял ряд разноцветных тронов, а между расставленных ног каменного гиганта находился куб черного мрамора в десять футов высотой, блестящий в свете масляных ламп.

На этом мраморном постаменте стоял Тонгор. Руки его были прикованы золотыми цепями к ребрам куба.

Час жертвоприношения пробил!

Зазвенели бронзовые колокола, и трубы завыли как гарпии.

Один за другим повелители Заара начали занимать свои места на тронах.

Слюнявый жирный Питуматон в пурпуре. Сарганет Нульдский в неброском сером. Дерзкий чернобородый Малдрут в ярком алом одеянии. Тощий Ксот-Череп с горящим взглядом фанати-

ка, укутанный в синюю материю. Могущественный Марданакс в черной маске и такого же цвета одежде.

И Вуал-Мозг, чью разодетую голову, украшенную изумрудно-зеленым, нес на могучих руках не раб-рохал, а князь Шангот из племени джегга.

Со стороны каменных скамей послышалось мрачное монотонное песнопение. Оно становилось то тише, то громче, голоса гудели, словно бурное море. Ритуал начался...

Сейчас все решится.

Сработает ли отчаянный план Шангота?

День и ночь этот вопрос не давал Тонгору покоя. Скоро... очень скоро он узнает ответ.

Честь играть главную роль в проведении церемонии была предоставлена повелителю Вуалу. По команде хозяина могучий раб-рохал перенес его с трона к огромной кафедре, установленной перед кубическим алтарем, к которому приковали Тонгора. Положив уродливое тело Зеленого колдуна на каменное возвышение, могучий раб отступил назад и встал за спиной Вуала, сложив руки на груди.

Вуал приготовился. Все затаили дыхание. Поскольку Вуал-Мозг выполнял обязанности карциса, его сознание должно было служить посредником, который передаст призыв собравшихся на жертвоприношение Богам Хаоса. Его мысленный приказ полетит далеко-далеко, в темные неведомые глубины космоса... дальше звезд... проникнет сквозь оболочку трехмерной Вселенной, напоминающей гигантскую сферу... и отправится дальше и дальше в таинственные глубины бескрайнего королевства Хаоса, вечно бьющегося о Стену Творения.

На пюпитре перед карликом лежала громадная книга, запечатанная девятью печатями червонного золота со вставленными в них мерцающими ситурлами.

Когда колдун произнес магическое слово, печати распались и огромный фолиант раскрылся перед карцисом.

Страницы громадной книги были сделаны не из бумаги или пергамента, папируса или кожи, а из блестящей фольги какого-то неизвестного нержавеющего металла. Любой другой материал не выдержал бы силы написанных на нем заклинаний. С того места, где стоял Тонгор, были видны сложные фигуры, вытравленные на блестящих страницах разноцветными чернилами: алыми, темно-синими, черными и едко-желтыми. Более того —

магические символы светились! Сам воздух вокруг металлической книги пульсировал и гудел, словно сила заклинаний, заключенных в ней, была столь велика, что удерживать заклятия на страницах удавалось лишь с великим трудом.

Тонгор узнал эту книгу и ее древние символы, так как видел подобный фолиант в крепости Адаманкуса.

Но теперь перед ним оказался сам «Сардатмазар» — волшебная книга, созданная полмиллиона лет назад в далекой таинственной земле Гиперборее, задолго до того, как первого человека вылепили из земного праха.

И карцис, положив руки на страницы, заговорил писклявым срывающимся голоском:

— Я, Вуал, король магии, повелитель Заара, магистр Девяти наук, призываю тебя, о Триединый Правитель Хаоса, тайным ужасным именем Ядо-Теймангозот. Именем, пред которым трепещут стихии: сотрясается воздух, дрожит земля, отступает вода, гаснет огонь земной и небесный, и вся армия духов земли, неба и ада бежит! Сойди к нам, нерожденный, силой Паумачи, Анафексатиона, Хелиорема, Примеуматона! Приди, зову и умоляю тебя, ради бездны мучений, ради реки Огня и реки Крови, ради самой непостижимой и жуткой Печати Триединого Хаоса, зову тебя! Батол, движущийся к Солузену. Абреор, снисходящий на Ледриона. Марфас, повелевающий Шаксофаром!

По мере того как повелитель Вуал произносил заклинание, голос его начал странным образом меняться — обретать более глубокий тембр, набирать силу, становиться властным. За спиной карлика-колдуна на каменных скамьях жрецы раскачивались в такт его словам и монотонно пели в унисон. Тонгор чувствовал, как по рукам, ногам и шее его от жуткого предчувствия бегут мурашки. Чудилось, что огромный сводчатый зал наполняется невидимыми, неощутимыми потоками, исходящими от тысяч жрецов. Сила разума семи колдунов соединила их энергию, карцист, возглавляющий ритуал, направил ее... Сам воздух, казалось, гудел электрическим напряжением, когда мощный луч мысленной энергии устремился от земли в таинственную точку, расположенную по ту сторону звезд...

— Приди, приди, более великий, чем Боги... Приди, заклинаю могучим, всесильным именем Токтах Таваронак. Услышав это имя, в страхе сжимаются души умерших, и замирают сердца живых, и трепещут вечные силы! Сойди на меня, о король

ночи и ужаса, ради могущества Абимеша, Зио, Аблутора, Балдактиенса, приди, призываю Тебя руной Ко и знаком Ягт, приди ради всесокрушающей силы Ириона, Оразима, Сургата, Надамиэля, приди ради звезды Иримид и Девятигранной печати... Ради Черного монолита и Алого озера вызываю тебя! Матон, свяжи Руакса. Загарта, набросься на Фосара. Раум, следуй за Алетом. Фатси, покорись Яриату!

Теперь голос Вуала достиг нечеловеческой глубины и мощи, словно бледными растянутыми губами колдуна говорили тысячи людей. Монотонный речитатив становился все громче. Оглушающий грохот волнами накатывался на Тонгора и подтачивал рассудок и самообладание валькара, как океанские волны постепенно разрушают мощную дамбу.

— ...Приди ради Слов Тагла, Армисор, Залай, Гуатц, Гутор, Тзафниэль... Приди, мы ждем тебя, повелитель десяти миллионов эонов... Кхил, призови Фримоста. Акорий, справься с Аксекоар. Алаостер, справься с Иототом... Приди! Приди! Приди! Приди!

И вдруг Тонгор увидел чудо.

Высоко над головой, там, где лучи пробивались сквозь алый дымчатый хрусталь свода и снова растворялись в полумраке, там, где воздух бурлил и гудел от силы сознания, начала сгущаться темнота и образовалась воронка, черная, как смерть, холодная, как пространство между мирами.

Ледяное дыхание ветра, вечно дующего меж звезд, коснулось Тонгора, заморозив его до костей. А бурлящая воронка тьмы росла, росла, росла, становясь все более осязаемой. Она постепенно спускалась к тому месту, где стоял прикованный валькар. Вот тогда Шангот и ударил.

Из-под просторного зеленого плаща он выхватил огромный боевой топор, взмахнул им и срубил с тоненькой шейки раздутую голову Вуала — будто срезал с ветки гнилой плод!

Глаза колдуна все еще горели, рот все еще спазматически двигался, но сама отвратительная уродливая голова покатилась к подножию черного трона, на котором замер Марданакс... Покатилась и шмякнулась, как кусок мяса, о мраморную ступень!

Разбрызгивая липкую бледную кровь из обрубка шеи, тщедушное тельце свалилось с кафедры перед огненной волшебной книгой, подергалось и замерло навсегда.

Монотонное пение прервалось, будто по тысячеглоткам одновременно провели бритвой. Повисла напряженная тишина.

С грозным боевым кличем племени джегга Шангот одним прыжком вскочил на мраморный алтарь, где стоял Тонгор. Снова просвистел топор, и цепи, будто бубенцы, зазвенели, покатившись по черному мрамору. Лезвие топора рассекало их, словно они были из бумаги.

Тонгор свободен!

С воплем повелитель Запада поймал переброшенный ему князем джегга меч — большой меч валькаров, который Марданакс отобрал у Тонгора, когда пленил его! Шангот разыскал меч во время своих блужданий по цитадели Заара и принес оружие в храм, спрятав под плащом.

Теперь, с мечом в правой руке, сарк сарков чувствовал, что в состоянии сразиться с самими богами Тьмы.

Марданакс поднялся во весь рост и вытянул в сторону Шангота свой жезл. Восьмифутовый воин с криком бросился на колдуна, но с конца жезла вырвался зеленый луч и окружил тело рохала мерцающим нимбом.

Синекожий гигант замер, словно каменная статуя.

Стоя на алтаре, Тонгор приготовился к последней битве. Он напряг мышцы могучих ног, собираясь прыгнуть к черному трону, но внезапно ощутил, что его удерживает на месте странная сила, почувствовал электрическое покалывание по всему телу, будто прикосновение холодного щупальца, протянувшегося к нему из черного водоворота над головой.

Чье-то ледяное прикосновение парализовало его, не давая двигаться. Холод сковал разум, притупил сознание, лишил тело сил... Тонгору казалось, что злые руки сжали его душу!

Долго, бесконечно долго длилась эта немая сцена.

Марданакс, стоящий у трона с магическим жезлом... Шангот-мститель, застывший в зеленой сияющей сфере... Тонгор, парализованный черным облаком, что нависло над ним и готовилось всосать в себя его бессмертную душу...

И вдруг Марданакс не выдержал.

Жезл заколебался, выпал и покатился по каменному полу. Великий Черный хранитель тяжело рухнул на свой трон, будто от напряжения, требовавшегося для поддержания зеленого парализующего луча, не выдержал какой-то таинственный внутренний источник энергии колдуна.

Шангот вновь обрел силы и, оглядевшись, мгновенно оценил ситуацию. Он бросился на помощь Тонгору, ломая голову, как

противостоять Темной силе из черной воронки, захватившей валькара.

И вдруг взгляд рохала упал на блестящий зеленый талисман, все еще висевший на обрубке шеи Вуала. Тут же молодой воин вспомнил слова, подслушанные им во время Совета семи: «Зеленый брат, для проведения церемонии тебе понадобится защита самого сильного из всех амулетов — защита Великого Нейтрализатора».

Кочевник сорвал талисман и перебросил его Тонгору.

Талисман ударился о вытянутую руку валькара, и его цепочка обмоталась вокруг запястья северянина!

Словно теплое дыхание весны среди зимнего холода, прикосновение талисмана вернуло Тонгору подвижность. Все еще онемевшей рукой он схватил амулет и надел цепочку на шею так, что Великий Нейтрализатор повис напротив сердца.

Оцепенение оставило Тонгора. Он окликнул Шангота, и синекожий гигант ринулся на троны, кровожадно размахивая топором. Могущественные колдуны все еще сидели неподвижно, охваченные ужасом. Первым умер Ксот-Череп. Голова его была рассечена надвое одним ударом. Шангот подскочил к следующему трону и опустил окровавленный топор на съежившегося, забившегося в угол сиденья Сарганета Нульдского, который пронзительно запищал, словно крыса в когтях у кошки, когда холодная сталь рассекла ему живот. Из его тела хлынула кровь...

Но черная спиральная воронка по-прежнему висела в воздухе над орущей, беснующейся толпой. По мере того как повелители Заара гибли один за другим, воронка темноты росла, словно питаясь смертью, увеличивалась и становилась все более осязаемой с каждым ударом окровавленного топора Шангота!

Разрываясь между необходимостью быть рядом с другом и требованием набиравшего силы черного водоворота, вызванного совместными усилиями колдунов Заара из глубин Хаоса, Тонгор пребывал в неподвижности.

Тут волокна тьмы начали оплетать его — холодные щупальца черноты, чьи ледяные прикосновения резали, как нож... Валькара подняло в воздух, его затягивала воронка, перед ним зияла раскрытая пасть Хаоса!

Когда Тонгор стал терять сознание, а жизнь начала покидать его тело, он отчаянно воззвал:

— Горм, помоги мне! Горм! Горм...
Тьма поглотила валькара.

Глава 19
БИТВА БОГОВ

Призыв молодого героя услышали боги сквозь тьму,
И битвы небесной отзвук грозой разорвал тишину.
На стены морские Заара — за всю его подлость и ложь! —
Боги из туч громадных обрушили огненный дождь.

Сага о Тонгоре, XVII, 28

...И тут в темноте вспыхнул свет.

Тонгор начал медленно приходить в себя. Казалось, сознание освобождается от укутывавшего его тумана. Он неуверенно поднялся на колени и огляделся.

Кругом крики и беготня, жрецы в панике носились из стороны в сторону или застыли группами по двое или по трое с вытаращенными горящими глазами. Бледные, полные благоговения и ужаса, глядели они на что-то у себя над головой.

Тонгор взглянул наверх.

Над обезумевшей от страха толпой грозно возвышался Горм, Отец Звезд.

Титаническая, в сотню футов, фигура походила на колонну. Суровый величественный воин смотрел на жалкие фигурки, снующие у него под ногами. Развевающаяся грива волос, длинная борода водопадом струится по груди. За спиной — огромные белые крылья. Его колоссальный торс с перекатывающимися гигантскими мускулами окутывали грозовые тучи, а вокруг величественной головы вспыхивали огненные молнии. Неземное великолепие... зрелище, наполнявшее благоговением любого смертного.

Когда Тонгор увидел языческого бога, кровь сильнее потекла по его жилам. У валькара закружилась голова, и он поднял большой меч, отдавая честь своему господину.

Перекрывая крики толпы, по залу разнесся голос валькара:

— Приветствую тебя, Отец богов и людей! Спасибо тебе, о Горм, за то, что ты не оставил меня в минуту великой беды!

И в глубине его сознания могучий голос медленно произнес:

«Приветствую тебя, сын Севера. В том сне я сказал тебе, что лишь в минуту великой опасности для вселенной могут боги действовать в мире людей... поэтому сейчас я пришел».

Тонгор посмотрел туда, где находился черный водоворот, у которого отняли добычу. Воронка висела над землей, плотная, как грозовая туча, холодная, как Северный полюс, бурля таинственными вихрями... Шангот снес голову повелителю Вуалу до окончания жуткого ритуала, и явившиеся из Хаоса силы не успели полностью обрести материальность в земном пространстве. Но, даже не до конца обретшие плоть, боги Хаоса узнали своего врага — одного из богов Сотворенного мира.

Черная воронка метнулась к Горму! Они встретились, и огромный зал затрясся от силы их столкновения. Пол вздыбился, каменные плиты раскололись. Люди пали ниц.

Словно чудовищная летучая мышь-вампир, сгусток темноты бросился к шее бога...

Мрачный зал залил ослепительный свет, будто под хрустальным куполом вдруг вспыхнуло полуденное солнце... С поднятых рук Горма сорвалось два пучка ослепительных молний, и на воронку тьмы огненным дождем хлынули потоки небесного огня.

Грохотал гром. Стены тряслись. Зал освещали вспышки молний. Бог Творения и повелитель Хаоса сошлись в грандиозной битве! Зрелище поражало воображение. Воздух гудел от разрядов неимоверной силы, которые выпускали друг в друга божества Неба и Ада. Мелькали молнии, зал осыпали искры. Серебряные лампы опрокинулись, и разлившееся масло вспыхнуло, усиливая общую неразбериху.

Тонгор заметил в мечущейся толпе своего друга Шангота, который сражался среди тронов. Валькар даже сквозь клубы дыма видел блеск бронзового топора рохала, которым тот пытался сдержать вооруженную массу разъяренных жрецов. Что же касается оставшихся в живых повелителей Заара, то они сидели парализованные ужасом на своих высоких тронах и следили за битвой богов.

Тонгор ринулся по разбитому полу на помощь своему товарищу. Огромный меч валькара наносил удары во все стороны. Клинок потерял блеск, окрасившись кровью. Вскоре северянин прорубил себе дорогу к Шанготу, и двое воинов стали сражаться, стоя спина к спине, защищаясь от обезумевших хранителей.

Меч Тонгора крушил черепа и отсекал конечности. Каждый удар разбрасывал по воздуху фонтаны крови, казалось, шел алый дождь. На фоне рева и грохота битвы: криков нападающих, воплей раненых, хрипа умирающих и звона клинков — зазвучал глубокий голос валькара, запевшего старинную боевую песнь:

Крови горячей вино молодое
Горму-Отцу преподносит рука.
Девы войны — как гроза над землею.
Бой — словно песня стального клинка.

Глаза Тонгору затуманили ярость и жажда крови. Он сражался словно неутомимая машина. Его бронзовая рука крушила противников, черная грива волос развевалась за спиной, и над кровопролитной битвой гремела старинная боевая песнь. Хранителей было очень много, но топор рохала и меч валькара косили ряды врагов.

Вдруг, совершенно неожиданно, вокруг больше не оказалось противников, только кучи мертвецов в черных одеяниях. Тонгор оперся о свой огромный меч, с трудом пытаясь отдышаться.

Но... но что с Великим хранителем?

Во время первой отчаянной атаки — казалось, это произошло много часов назад — Шангот из племени джегга зарубил трех повелителей Заара: Вуала-Мозга, Сарганета Нульдского и скелетоподобного Ксота. Но что случилось с остальными? Валькар обернулся, оглядел ряд тронов и увидел жирного одетого в пурпур Питуматона, развалившегося на огромном сиденье. Лицо колдуна было бледным как воск и неподвижным. Вероятно, и без того перегруженное сердце колдуна не выдержало ужаса битвы или, возможно, случайный колдовской разряд оборвал нить его жизни... Но как бы то ни было, Пурпурный колдун лежал мертвый.

А Алый хранитель Малдрут был жив. Он оправился от ужаса перед Гормом и теперь обратил свое внимание на Тонгора и Шангота, которые стояли среди гор трупов, тяжело переводя дыхание. Уголки губ колдуна изогнулись в ироничной улыбке, а черные глаза насмешливо и дерзко смотрели на валькара и князя племени джегга.

— Неплохо сражается милостивый государь с Запада! Приятно посмотреть... Но теперь у тебя будет совсем другой противник!

Тонгор без страха оглядел высокого, крепко сложенного Алого мага.

— Сталь валькаров прорубит красную одежду так же легко, как и черную,— прорычал он.— Иди сюда, красная заарская собака, и я докажу, что говорю правду

— Не сомневаюсь в том, что ты говоришь правду, мой первобытный друг,— ответил Малдрут и ехидно улыбнулся.— Но простая схватка на мечах — это так... примитивно... так вульгарно. Мое искусство более редкое.

Колдун поднял руку, замерцал странный перстень, и вдруг ослепительная молния ударила прямо в лицо Тонгору. В кольцо из серебристо-зеленого металла был вставлен сверкающий кристалл — вездесущий ситурл. Черные колдуны Заара использовали эти волшебные камни для своих темных дел.

По почти обнаженному телу северянина пробежал озноб, будто его обдул холодный бриз,— пробежал и исчез. Какова бы ни была природа колдовского разряда, брошенного Малдрутом, он не подействовал на железного валькара. Тонгор поднял окровавленный меч и, хохоча, направил его на удивленного короля магии.

— Попробуй еще, красная собака! Простыми заклинаниями воина не остановить!

Перстень снова сверкнул. И снова. Если не считать быстро проходящего озноба, никакого воздействия талисман на Тонгора не оказывал. Каждую новую попытку колдуна валькар приветствовал взрывами хохота и все ближе подходил к чародею.

Это, вероятно, был первый случай в полной злодеяний неестественно долгой жизни Малдрута, когда колдовство Хаоса подвело Алого хранителя. И это потрясло его глубже, чем Тонгор мог подозревать. Хвастливый, дерзкий, ироничный повелитель Заара был всего лишь дешевым наглецом и жалким трусом.

А сейчас он к тому же оказался безоружен. На лбу его выступили крупные капли холодного пота, взгляд забегал из стороны в сторону, как у загнанного в угол грызуна. Повелитель Малдрут снова поднял руку с перстнем, чтобы направить магический луч ситурла на валькара.

Шангот рассмеялся.

— Талисман! — сказал он, указывая пальцем на необычной формы украшение из камня, напоминающего яшму, висящее на могучей груди Тонгора. Валькар поглядел себе на грудь и увидел амулет, сорванный Шанготом с обезглавленного трупа Ву-

ала-Мозга,— амулет, который он накинул себе на шею и забыл про него. Великий Нейтрализатор, как называли его заарские колдуны! Вот что защищало его от волшебного перстня!

Взгляд Малдрута тоже привлек всемогущий талисман. В глазах колдуна появилось отчаяние, обычной ленивой кошачьей злобы там не осталось. Колдун понял, что проиграл.

Дрожа от ужаса, он принялся озираться по сторонам в поисках выхода, пытаясь улизнуть от улыбающегося короля-воина.

Но выхода не было.

Произнося злобные проклятия немного дрожащим голосом, Алый колдун выхватил из разукрашенных ножен позолоченную шпагу и попытался ударить забрызганного кровью варвара. С оглушительным звоном сталь ударилась о сталь, Тонгор отразил удар, и сила его контратаки заставила Малдрута отшатнуться.

Шангот наблюдал за схваткой, широко улыбаясь. Он стоял, опершись на зазубрившийся, затупившийся топор.

Оружие звенело, будто гонги. Острие меча распороло одеяние Малдрута от плеча до плеча, обнажив грудь Алого колдуна. Потом Тонгор кольнул его, почти играя.

Они продолжали сражаться. Малдрут задыхался от непривычной физической нагрузки, на его тяжело вздымающейся груди заблестел пот. Его изысканная одежда превратилась в лохмотья, изрезанная мечом Тонгора и испачканная кровью множества порезов и мелких ран.

Теперь красивое лицо Малдрута стало бледным. Черты его искажала ярость. В глазах появился безотчетный страх. Зубы злобно оскалились. Клинок Тонгора перерезал повязку на голове мага, и черные волосы спутались, упав ему на глаза.

Если бы это зрелище не было таким жалким, над унижением Малдрута можно было бы посмеяться. Тонгор в любой момент мог закончить поединок. Но он, как кот, играл с пришедшим в отчаяние, дрожащим, теперь уже почти голым и совершенно подавленным противником.

Даже Шанготу с его первобытным понятием о справедливости показалось, что друг зашел уж слишком далеко.

— Заканчивай,— тихо сказал рохал.

В выпученных глазах Малдрута вспыхнул ужас.

— Неее-еет! — пронзительно заорал он. Тонгор вонзил меч в живот колдуну, поставил сапог на слабо подергивающееся тело и с бесстрастным лицом выдернул окровавленный клинок.

Пока длилась эта дуэль, незаметно для князя Шангота и Тонгора, внимание которых сосредоточилось на Алом колдуне, с самого высокого трона тихо спустился маг в черных одеждах.

Словно тень, проскользнул он по залу и растворился во мраке за одной из гигантских колонн.

Рука в черной перчатке нащупала потайную дверь и открыла ее. Маг на мгновение задержался на пороге, следя за тем, как Тонгор убивает его Алого брата.

Холодные глаза сверкнули ядовитым изумрудным огнем сквозь прорези в маске — и фигура Великого Черного хранителя Заара исчезла в отверстии потайного хода. Дверь захлопнулась.

Наверху, над рядами тронов, битва между богами Света и Тьмы тоже заканчивалась. Черная воронка была обвита молниями, которые метал Отец Горм. Сначала водоворот впитывал ослепительные стрелы молний, поглощая свет своей тенью... но в конце концов воронка Хаоса, насыщенная потоками света, сжалась, не в силах противостоять небесному огню.

Все вокруг задрожало от ужасного взрыва, когда черная воронка резко сжалась и... исчезла. Взрыв встряхнул все помещение. Медленно, очень медленно у колоссального трехглавого идола Хаоса стало крошиться основание. Изваяние начало крениться, готовясь упасть!

Три головы с громким треском отвалились от каменной шеи. Оскаленные, перекошенные гримасой смеха каменные маски упали, раскрошив троны на мелкие кусочки.

Титанические конечности откололись от торса статуи и осыпались лавиной раздробленного камня, завалив раненых стражников и жрецов.

В воздухе повисла каменная пыль. Словно вырванные бурей деревья, начали падать колонны. Стены не выдержали — по ним разбежалась паутина трещин. Здание начало рушиться. Клубилась пыль. Грохотали падающие стены. Огромная туманная фигура Горма начала постепенно растворяться и исчезать.

Шангот стоял среди обломков. С ног до головы он был осыпан белой пылью.

— Скорее! Убираемся отсюда. Сейчас все рухнет нам на голову!

Слова Тонгора немного отрезвили кочевника. Друзья помчались по вздымающимся каменным плитам, бывшим когда-то ровным полом. Далеко впереди среди пыли и обломков стен блестели створки бронзовых ворот.

Вдруг один за другим послышались взрывы.

Купол из алого хрусталя разлетелся на миллионы кусков, и острые осколки посыпались смертоносным дождем. Воздух неожиданно наполнился вспышками зеленоватого огня — сеть сверкающих молний оплела небо... И тут толстые стены храма не выдержали, рухнули, подняв тучу пыли, которая скрыла Тонгора и Шангота...

Глава 20
НЕБЕСНЫЕ МОЛНИИ

Ломайтесь, крушитесь, стены! Дайте дорогу воде
В город безумных хранителей, погрязших в жестокой вражде;
Дайте дорогу волнам — и пусть они хлынут стеной
И похоронят злобу в темной пучине морской!

Сага о Тонгоре, XVII, 29

Из-за густых облаков, затянувших небо, появилось множество серебристых воздушных кораблей, которые принялись кружить над городом колдунов. С острых носов этих необычных судов, где находилось загадочное устройство из блестящего металла, срывались ослепительные молнии — небесные молнии, направляемые человеческим разумом!

Горячие электрические разряды коснулись стен Заара, испепелив стражников.

Потом корабли полетели над улицами, поражая загадочными разрушительными лучами сторожевые башни и другие важные объекты. От прикосновения молний здания разлетались в пыль. Перегораживая грудой обломков целые проспекты, рухнули башни. Одного мгновения оказалось достаточно для того, чтобы вспыхнули деревянные крыши и сараи. Из сотен мест повалил, поднимаясь к небу, густой удушающий дым горящих домов.

Том Первис исполнил свой долг. Когда невидимые воины племени зодак схватили Тонгора, устроив засаду у холмов кристаллов грома, последними словами валькара был краткий приказ командующему Воздушной гвардией доставить груз волшебных кристаллов магу Иотондусу.

Хотя седой даотар предпочел бы потерять свою правую руку, чем оставить сарка сарков в беде, приказ был предельно ясен,

и со слезами на глазах старый воин подчинился. Флот покинул скалы и отправился на запад через весь Лемурийский континент домой в Патангу на самой большой скорости, какую только можно было выжать из воллеров.

Долгие дни и ночи после прибытия в город Огня Том Первис ожидал, пока неутомимый Иотондус трудился почти без отдыха и отказавшись от пищи. Перед лицом опасности, грозящей империи, мягкий философ с тихим голосом превратился в сурового, строгого командира, подгоняющего армию помощников. Иотондус заставлял своих работников допоздна гранить ситурлы, устанавливать их в оправы, проверять и монтировать устройства на воздушных судах. Затем вооруженная разрушительной силой, неизвестной до того смертным, распаленная жаждой мести Воздушная гвардия Патанги вернулась в мертвый город Альтаар, к стоянке кочевников джегга. На воллерах находились Зэд Комис, командир Черных драконов, а с ним тысяча закаленных в боях воинов из личной охраны Тонгора, а также королева Соомия и юный принц Тарт. Королева была полна отчаяния и ужаса, ведь о судьбе ее любимого мужа ничего не было известно.

Джомдат, вождь племени джегга, рассказал прибывшим о гибели племени зодак и с сожалением поведал о том, что Тонгора найти не удалось, хотя его воины обшарили весь город Иб. Судьба сарка оставалась неразгаданной тайной. Старый вождь пожалел хрупкую королеву и оставил свои подозрения при себе. Джомдат склонялся к мысли, что Тонгора нет больше среди живых.

Но независимо от того, найден валькар или нет, воинам Патанги было понятно, кто их враг. У Соомии, Зэда Комиса и Тома Первиса даже сомнений не возникло в том, что их враги — обитатели города Заар. И хотя, вероятно, уже поздно было идти на помощь Тонгору, можно отомстить его убийцам. Оба даотара сурово поклялись, что месть будет страшна и человечество запомнит ее на тысячу лет.

И вот воздушные легионы Патанги набросились на черные стены Заара. Наступил последний час кровавой и полной злодеяний истории самого древнего города людей.

Флот Патанги окружил город магов и ринулся на его стены и башни. Под прикрытием грозовых туч корабли незаметно подобрались к зловещей столице колдовства. Теперь они сеяли смерть и разрушение на улицах города.

Штурмом Заара из рубки флагманского воллера командовал старый Джомдат. Том Первис и Зэд Комис практически ничего не знали о Черном городе, но вождю диких синих кочевников Заар был известен даже слишком хорошо. Уже тысячу лет колдуны воевали с рохалами. Сейчас, руководя штурмом, Джомдат чувствовал, как радуется его кровожадное сердце варвара.

Первой своей целью он избрал огромный храм повелителей Хаоса. По огням, сияющим под куполом алого хрусталя, вождь определил, что в храме проходит какая-то богомерзкая, злодейская церемония. Поэтому первый свой удар Джомдат и направил на цитадель Черных богов. Он дал команду сигнальщику, стоящему на корме. Через несколько секунд над воллером взвились разноцветные флажки, и командиры других кораблей патангского флота прочли закодированный приказ.

На храм обрушился ливень молний. Стены древнего здания не выдержали удара разрушительных лучей. Храм с громом обрушился, скрывшись в облаке дыма и пыли.

Одно здание за другим поражали молнии воллеров — одно за другим строения Заара превращались в груды руин. В течение первых мгновений штурма Черный город стал грандиозным пылающим костром, где метались охваченные паникой жители.

Никогда за время своей мрачной и величественной истории город Колдунов не знал такого ужаса. Неприступный, благодаря массивным черным стенам неизвестного камня, непобедимый, благодаря искусству магов, город наконец испил вина поражения и нашел его горьким.

А как же прославляемые магические средства защиты и оружие, при помощи которого колдуны в черных одеяниях намеревались покорить весь мир? Все это ничуть не помогло. Вся защита Заара была ориентирована против сухопутной армии, а не против воздушного флота. Средства наблюдения, одним из которых был Всевидящий Глаз Великого Черного хранителя, непрестанно следили лишь за громадными равнинами... а не за небом над ними! Город не предусмотрел того, что новые эпохи принесут с собой новые методы ведения войны. Колдуны отстали от времени. Погруженные в апатию, презирающие все другие царства, убежденные в собственном превосходстве, они дождались часа, когда победоносный флот Патанги пронесся над охваченными огнем улицами, молниями поражая мечущихся жителей.

А что касается могучего оружия черной магии, которым обладал город, то требовалось определенное время на то, чтобы привести его в действие,— необходимо было подготовиться заранее, но для этого времени как раз и не хватило.

Зоркие глаза Джомдата, вождя племени джегга, светились радостью. Он видел, как воздушный флот побеждает старинного врага его народа.

Вдруг взгляд его привлекла блестящая, отражающая вспышки молний, мощная дамба. Морская стена...

Вот он, могучий бастион, сдерживающий ледяные волны Таконда Чуна, Неизвестного моря. Титаническая стена из черного мрамора высилась над городом колдунов, словно какое-то колоссальное здание, воздвигнутое руками пленных великанов, или цитадель богов. И тогда Джомдат отдал приказ уничтожить Заар. Над флагманом опять взвились цветные флажки, оповещая все воллеры.

Теперь мечущие молнии пушки сосредоточили огонь на морской стене. В глянцевую поверхность посыпался удар за ударом. Миллионы эрг солнечной энергии, собранной загадочными ситурлами, выплеснулись на титаническую постройку.

Вначале казалось, что дамба Заара выдержит дождь магических молний.

Но вдруг Джомдат сильно сжал правое плечо Тома Первиса.

— Вон там. Видишь?

По черному мрамору пробежала извилистая трещина. Цветные сигнальные флажки спустили, но они тут же взвились снова, однако уже в другом порядке. Теперь все воллеры направили лучи на едва заметную трещину в грандиозной стене. Трещина стала расширяться.

Молнии откалывали блестящие куски мраморной поверхности; камни летали в воздухе, словно черные мошки вокруг белого, огненного цветка, прилепившегося к стене,— места, где фокусировались десятки разрушительных лучей.

Молнии вгрызались все глубже и глубже. Теперь от главного разлома побежали трещины поменьше. Морскую стену словно покрыла зигзагообразная паутина. На фоне рева пылающих городских зданий и монотонного гула мечущих молнии пушек послышался новый звук. Зловещий шум. Глухие, глубокие, гулкие раскаты грома, словно близилась гроза.

За зловещим громом последовал грохот крошащегося камня!

Морская стена начала осыпаться. Центральная часть дамбы разлетелась на миллионы каменных осколков. Сквозь гигантский пролом хлынул поток воды.

Огромная масса воды двинулась на город. В один миг достигла она окраин, где издавна именитые господа столицы колдовства любили отдыхать в тишине своих дворцов.

Море смяло дворцы, как бумажные игрушки. И понеслось дальше.

В течение многих сотен лет эта стена сдерживала Таконд Чун. Но теперь она рухнула, и море вырвалось на свободу. С ревом пронеслось оно по городу, сметая стоящие на пути человеческие постройки. Море вырвалось на свободу!

От веса хлынувшей воды задрожала земля. Титаническая пенистая волна пронеслась по полуострову, разбивая все стоящее у нее на пути, и затопила Черный город.

Лишь башни Заара возвышались еще над бурлящей водой. Но и они одна за другой рушились, по мере того как их основание размывал бушующий поток.

Волны с грохотом бились в скалы, поднимавшиеся за Зааром, там, где раньше протекала река, проходившая под городом. Теперь город исчез под толщей бурной грязной воды.

Земля дрожала словно под ногами великана, топчущего город. С чудовищным грохотом в том месте, где полуостров примыкал к материку, разверзлась черная пропасть. Огромная трещина в земле стала распространяться, и титаническим водопадом морская вода хлынула через ее край к раскаленному сердцу земли.

Через несколько мгновений весь мыс, на котором стоял Заар, оказался смыт гигантскими волнами — мрачная прелюдия того неминуемого катаклизма, который в далеком будущем уничтожит Лемурию. Тогда весь огромный континент потонет в водах океана, который однажды с невольной иронией назовут Тихим.

И вдруг с губ Зэда Комиса сорвался крик:

— Вон там... на скале!

Все посмотрели туда, куда даотар показывал рукой, и Соомия воскликнула, не веря своим глазам:

— Тонгор!

Это был он. Когда обрушился громадный храм, Тонгор и Шангот успели выскочить на улицу, подняли железную решетку одного из канализационных люков и нырнули в подземную реку еще до того, как молнии воллеров превратили столицу

колдовства в грандиозный костер. Друзья проплыли тем же путем, каким Шангот проник в город, вынырнули уже за сломанной решеткой в городской стене, выбрались на берег и залезли на скалу. Перед ними открылось величественное зрелище падения Заара. Когда гигантская волна накрыла город, они уже находились в безопасном месте.

Едва зоркий взгляд Зэда Комиса заметил валькара и его друга, флагманское судно снизилось и зависло над вершиной скалы. Спустили веревочный трап, и через несколько мгновений Тонгор уже перелез через палубное ограждение на корме и обнял свою дорогую супругу, с силой прижав ее к своей груди. Валькар целовал Соомию, а стоящие вокруг них Шангот, Джомдат и воины Патанги громко прокричали:

— Слава Тонгору! Слава сарку сарков Запада!

Так Тонгор выиграл последнюю битву... по крайней мере, так написано в Летописях Лемурии.

Эпилог

...Так Тонгор победил врагов, ибо с ним против Темных Сил выступили Бессмертные боги. Вооруженный небесными молниями, Тонгор Великий сокрушил черные бастионы Заара и уничтожил древний город Колдунов вместе со всей его злой мудростью и темной наукой. Черный город утонул в водах непобедимого моря, и никто из людей больше никогда не слышал об этом городе. Так исчезли с лица земли последователи культа Триединого повелителя Хаоса, и так впредь будут погибать все служители Тьмы, в какое бы время и в какой бы земле ни стремились они прийти к власти... ибо разве не сказано в Красной Эдде, что Свет всегда одержит верх над Тьмой?

Летописи Лемурии

Долгое существованье мрачный Заар прекратил,
И зло ненасытных хранителей навек океан поглотил...
Вот так стихия морская исполнила волю богов,
Освободив мир подлунный от страшных его оков.
И верный Шангот с Тонгором друг друга нашли наконец,
И радостно льется песня их боевых сердец;
Домой, на далекий Запад, от успокоенных вод
Отправились два героя, закончив великий поход.

Тонгор
на краю времени

THONGOR AT THE END OF TIME
1968

© Перевод. А. Рудый, 2002

Часть 1
ПЕРЕОДЕТЫЙ КОЛДУН

...Величие пришло к Патанге, городу Огня, после того, как Заар, город Колдунов, был превращен в руины и затоплен Неизвестным морем. Шесть городов обрели независимость, встав под черно-золотые знамена Тонгора Могущественного, и боги были удовлетворены. Однако жестокая и неумолимая Судьба, торжествующая даже над богами и не зависящая от блеска и власти королей, покарала воина Запада самым страшным образом, и Смерть широко раскрыла свои объятия, чтобы поглотить его непобедимый дух.

Летописи Лемурии, книга пятая, глава 1

Глава 1
ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Богам все дано предвидеть. Судьбы земных людей
Для них — как открытая книга, и вот что написано в ней:
«Громко завоет ветер сквозь погребальный звон.
Внезапною смертью, скажет, будет Тонгор сражен...»

Сага о Тонгоре, XVIII

Могущественный Тонгор судорожно схватился за горло и зашатался, с трудом удерживая равновесие. Дрогнув, поплыл перед его слабеющим взором высокий алтарь величественного храма города Патанги. Тонгору не хватало воздуха. Грудь его то подымалась, то опускалась, дыхание стало хриплым и частым. Он рванул на себе украшенную золотом королевскую мантию. На обнажившейся груди зеленым огнем сверкнул небольшой амулет. Тонгор боролся с оцепенением, которое, подобно ледяному яду, разливалось по его жилам. Он пытался отогнать кружащийся малиновый туман, застилавший глаза. В мутнеющем свете сквозь скопления теней он неясно различал удивленно-

встревоженные лица друзей и капитанов, придворных и других титулованных приближенных, а среди них — бледное лицо его любимой жены Соомии и испуганные глаза сына, джасарка Тарта. Лучи полуденного солнца ярко освещали храм, заполненный людьми, которые собрались здесь, чтобы увидеть, как повелитель Запада совершит весеннее жертвоприношение. Вряд ли могли они предположить, что станут свидетелями столь трагического события.

Силы оставили Тонгора, и он потерял сознание, рухнув на мраморные ступени у подножия алтаря. Раздались крики ужаса, пронзительный женский визг. Паника и страх охватили присутствующих. Старый герцог Мэл, один из друзей и советников Тонгора, находился впереди толпы и поэтому первым оказался около упавшего короля. Он приложил ухо к неподвижной груди варвара, затем дрожащими руками коснулся его тела. Не обнаружив признаков жизни, он в отчаянии взглянул на саркайю Соомию. Его обычно добродушное и простоватое лицо выражало боль и растерянность от постигшей всех утраты.

Молодая королева стояла, крепко прижимая к себе испуганного сына. Ужас и обреченность — вот что она испытывала. И без слов герцога Мэла она не сомневалась в том, что ее царственный и своенравный супруг мертв.

Однако это не начало повествования. Чтобы рассказать все сначала, нам нужно вернуться к страницам Книги миллионолетий, чтобы оказаться за пятнадцать дней до того, как произошли эти события. Место действия — Западные ворота Патанги. Ранний час. Именно здесь и начинается рассказ о самых страшных и фантастических приключениях Тонгора.

Было раннее утро весны в год царствования 7017-й. Чарн Товис, молодой отар Черных драконов, который спас жизнь Тонгору три года тому назад, когда воины Патанги попали в засаду в холмах кристаллов грома, поднялся, как обычно, с рассветом. Получив от Тонгора в награду за храбрость звание капитана, Чарн Товис теперь командовал сотней воинов, имея почетный титул коджана империи. Это давало ему право жить во Дворце Ста Сарков. Дворец представлял собой мощное сооружение, кирпичная кладка которого возвышалась над Ториан Вэй — величественной улицей, проходившей от большой площади в центре пышного метрополиса к высоким башням Западных ворот. Именно туда Чарн Товис и направился в этот утрен-

ний час, когда золотистое солнце древней Лемурии поднялось над горизонтом и затопило светом всю землю.

Чарн Товис был высоким худощавым воином. Его загорелое мускулистое тело покрывали черные кожаные доспехи, украшенные эмблемой дракона. Такая же эмблема была и на рукоятке его меча. На чисто выбритом лице с волевым подбородком выделялись светло-серые глаза. Прямые черные волосы были коротко подстрижены. Он шел по улицам, и его шаги гулко отдавались по каменной мостовой. Широкий черный плащ был наброшен на плечи, и солнце сверкало на драгоценностях, украшавших его запястья, пояс и рукоятку меча.

Высокие ворота Патанги раскрывались с наступлением рассвета. Приближался Праздник весны, и уже с утра слышалось громыхание тяжелых телег, груженных зерном, фруктами и другим товаром. Все они направлялись на знаменитый базар города Огня. Через ворота окруженного стеной города текла пестрая толпа: фермеры и крестьяне, стремившиеся попасть на рынок, бродячие певцы и фокусники. Проезжал на своем поджаром горячем кротере одетый в плащ воин — кожа кротера, подобно змеиной чешуе, сверкала на солнце. Здесь же на широких плечах рабов-рохалов, уши которых были украшены драгоценностями, покачивался паланкин дворянина.

В толпе выделялись молодые люди в военном снаряжении, с мечами на боку, луками и колчанами за спиной. Эти юноши, серые от дорожной пыли и усталые, направлялись сюда из девяти городов Запада. Они шли из Зангабала, Пелормы и Шембиса, из Тсаргола, Кадорны и Турдиса — города Дракона. Их вело в великую Патангу знаменитое имя Тонгора и легенды о его славных делах. Чарн Товис улыбнулся, глядя на них. Совсем недавно и он, отпрыск древнего, знатного, но обедневшего рода, был таким же молодым чантаром, воином из далекой Возашпы на Востоке. Чарн Товис прошагал полмира, порвав со своей родиной и посвятив себя служению великому королю, герою века — Тонгору из Валькарта, повелителю шести городов.

Эти парни найдут, конечно, свое место в имперских легионах или же, если им подвернется удача,— среди стрелков Патанги или в недавно созданной Воздушной гвардии, сверкающие серебристые корабли которой без устали кружили в утреннем небе над великим городом. Может быть, они попадут даже в самые почетные войска — станут Черными драконами, кото-

рые поклялись до конца защищать правителя сарка, его жену саркайю и их юного сына — джасарка. Город Огня продолжал нуждаться в защитниках. Да, Тонгор многого достиг за девять лет правления (четыре вражеских города пали в ходе войны, а его империя стала такой огромной и сильной, что не имела равных себе во всей Лемурии), и тем не менее враги, завидуя Патанге и его славе, постоянно устраивали заговоры с тем, чтобы сбросить в дорожную пыль черно-золотые знамена.

Погруженный в эти мысли, Чарн Товис не обратил внимания на человека, который, прихрамывая, проследовал через городские ворота за огромной военной колесницей с чантарами. Человек этот шел медленно, старчески согнувшись, тяжело опираясь на длинный посох. Его худое тело прикрывала обтрепанная грязная одежда черного цвета, а изорванный капюшон был глубоко натянут на опущенную голову.

Путник заметил Чарна Товиса, наблюдающего за проходящей через ворота толпой.

Прихрамывая, человек в плаще подошел к пилону, где находился молодой воин и где были высечены даты славных побед короля Нумидона, правившего Патангой много лет тому назад, когда город был еще совсем молодым. Чарн Товис обернулся, и перед ним предстал одетый в лохмотья незнакомец. По виду изодранной, пропитанной дорожной грязью одежды воин решил, что старик, стоявший перед ним,— нищий.

— Извините, я сегодня вышел без кошелька,— сказал Чарн Товис, дружески улыбаясь.— Но вам подадут у дворцовых ворот, где кормят городскую бедноту.

Человек в капюшоне, закрывавшем лицо, слегка покачал головой и заговорил тихим хриплым голосом, почти шепотом:

— Старик благодарит вас, благородный господин, но мне нужно не ваше золото, а ваша помощь. Я ищу дом барона Таллана, не могли бы вы указать мне путь туда?

— В самом деле? Нет ничего проще! Эта улица называетсяТориан Вэй. Идите по ней до Базарной площади и дальше по проспекту Сфинксов на юг от площади к кварталу Купцов. Там вы найдете дом, который вам нужен. Там, где он стоит, проспект раздваивается: на запад — к Базарным воротам и на юг.

Старый нищий благодарно поклонился и зашаркал прочь. Вскоре он затерялся в толпе. Чарн Товис задумчиво смотрел ему вслед.

— Клянусь Карчондом, Богом Воинов! — вырвалось у него.— Очень странно.

— Что странно, Чарн Товис? — прогремел чей-то голос, прерывая его размышления. Товис обернулся и увидел могучую фигуру воина из рохалов в блестящих, украшенных драгоценностями доспехах, улыбающегося ему с высоты своего огромного роста.

— Беларба, Шангот! — обрадовался Чарн Товис, произнося обычное для Лемурии приветствие.— Ты рано встал сегодня.

— Не раньше тебя,— ухмыльнулся Шангот. Достигавший в высоту восьми футов, лысый, как яйцо, синекожий гигант был одним из легендарных воинов далекого Востока, князем племени джегга, с которым Тонгор подружился восемь лет назад, путешествуя по великим равнинам. Шангот и несколько воинов из его свиты сопровождали Тонгора на его обратном пути в Патангу и вошли в его личную охрану. Обладая смелостью, достоинством варвара и будучи глубоко преданным повелителю Запада, Шангот быстро сошелся с важными сановниками и охранниками Тонгора, несмотря на свою странную внешность и поразительно высокий рост.

— Когда я подошел, ты говорил сам с собой. Что-нибудь случилось? — обратился Шангот к Чарну Товису. Молодой воин задумчиво почесал подбородок.

— Да, собственно, ничего. Когда я стоял у ворот, проходил старый нищий. Он спросил, как найти дом Таллана. Это и кажется мне необычным.

— Что же тут необычного? — удивился Шангот.

— Может быть, ты не знаешь барона Таллана. Он редко бывает при дворе, его там не слишком любят. Имя его — Далендус Вул, и он — весьма неприятный человек. Все, что у него есть,— это титул, который достался ему лишь по причине его появления на свет. Он из старинного дворянского рода, и ему как-то удалось остаться на плаву, когда повелитель Тонгор освободил Патангу от власти хранителей Огня. Саркон сослал большую часть старых дворян — тех, кто помогал жестокой тирании хранителей. Но против Далендуса Вула не было никаких свидетельств, за исключением его не слишком приятной репутации. Вот мне и кажется странным, что бродяга ищет дом Таллана. Я никогда не слышал, чтобы барон проявлял щедрость — как раз наоборот.

Шангот пожал плечами и рассмеялся.

— Ну, если это все, на что ты тратишь свое время, то присоединяйся ко мне. Давай вернемся во дворец. День только начался, и мы вполне успеем до завтрака сразиться разок-другой. Я вызываю тебя на поединок!

— Принимаю твой вызов,— ухмыльнулся Чарн Товис,— хотя по опыту знаю: за пятнадцать минут ты вымотаешь меня так, что я буду чувствовать себя усталым весь оставшийся день.

Они отправились во дворец, дружески болтая. Лишь много дней спустя у Чарна Товиса появилась причина вспомнить о встрече с одетым в черное нищим.

* * *

Согнутая фигура в изодранной и грязной одежде медленно ковыляла по проспекту Сфинксов и вскоре добралась до дворца Далендуса Вула. Это было высокое роскошное здание, фасад которого украшали разноцветные изразцы с фантастическими чудовищами посреди различных гербов и геометрических фигур.

Нищий пробирался к задней части дворца, где располагались кухни. В воздухе ощущались нежнейшие ароматы готовящихся блюд. Повара, суетясь, сцеживали охлажденное вино и загружали подносы сочными фруктами. Обнаженные до пояса поварята вынимали из дымящихся печей пироги с мясом и раскладывали на блюдах изысканнейшие пирожные. Было хорошо известно, что Далендус Вул — большой гурман и что он испытывает удовольствие от жизни лишь при виде яств во время трапезы, а не на поле брани и не во время военного похода.

Прихрамывающий нищий выглядел так незначительно и так тихо вошел, что некоторое время никто не замечал его присутствия. На нищего обратили внимание лишь тогда, когда в комнату торопливо вбежал управляющий дворцом, чтобы поторопить поваров с приготовлением блюд. Выпучив глаза на странного незнакомца в лохмотьях, он побагровел от ярости.

— Откуда взялся этот оборванец? Из какой сточной канавы? — заорал он.— Эй, ты! Побыстрее убирайся или я напущу на тебя стражу! Если мой господин узнает, что уличные бродяги болтаются по дворцу...— Но тут голос его стал затихать, глаза округлились от удивления, а лицо побледнело.

Согнутая фигура нищего вдруг распрямилась. От облаченного в черное незнакомца теперь исходило странное ощущение

надменной холодности и королевской властности. Худощавое лицо его скрывал низко надвинутый капюшон, и только глаза злобно горели изумрудным огнем. В этих пылающих злобой глазах чувствовалось что-то роковое, какая-то неземная сила. Леденящий страх буквально парализовал управляющего, так что кровь застыла в его жилах.

Человек в черном презрительно смотрел на управляющего. Трясущийся слуга с бледным от ужаса лицом вызвал у бродяги насмешливую улыбку. А потом незнакомец заговорил, и голос его напоминал зловещий и неприятно холодный дьявольский рокот прибоя.

— Отправляйся к своему господину, собака, и скажи ему, что пришел его хозяин. Да, тот, о котором все думают, что он мертв и погребен под холодными водами Таконды Чуна, Неизвестного моря. Так думали все в течение этих трех длинных лет. Но мне удалось избежать гибели и ускользнуть от ярости варвара Тонгора. Я все еще жив и хочу увидеть собаку-валькара мертвым в могиле. Иди, дурак, и пусть мой раб Далендус Вул предстанет передо мной. Я — Черный повелитель, его хозяин.

С выпученными от ужаса глазами, взмокший от пота и ослабевший, управляющий собрал все свои силы и дрожащим голосом произнес:

— Ваше... имя?

Изумрудные глаза незнакомца вспыхнули холодным колдовским огнем. Его тонкие губы шевельнулись, произнося устрашающее имя того, кого считали давно умершим:

— Марданакс из Заара!

Глава 2
У АЛТАРЯ ДЕВЯТНАДЦАТИ БОГОВ

Заар, город зла и горя, вместилище темных сил,
По воле богов однажды седой океан поглотил.
Но маг, что избегнул смерти, одною лишь местью живет
И тонкую сеть коварства, обмана и зла плетет.

Сага о Тонгоре, XVIII

За три года до того, как происходили эти события, воздушная армада Патанги окончательно сокрушила Заар — древний

город магов-чародеев, находившийся далеко на Востоке. Вооруженные волшебными кристаллами, ограненными великим Иотондусом Катоольским, отряды Тонгора нанесли ужасные разрушения цитадели дьявольских чар. Проломив гигантскую стену из черного мрамора, отделявшую город от моря, они высвободили гигантские волны Таконда Чуна, Неизвестного моря, и те поглотили Черный город. Так погибло последнее Черное братство, которое уже давно пыталось добиться господства над молодыми городами Запада с помощью своей таинственной науки волшебства.

В этом катаклизме погибли колдуны Заара. Эти ужасные мастера магии уже очень близко подошли к тому, чтобы захватить власть над всем миром. Таинственная магическая сила колдунов превращала людей в беспомощных рабов, и ворота Заара проглатывали их, словно пасть чудовища. Однако Тонгору Великому и его другу Шанготу, воину из рохалов, удалось одержать верх над колдовскими чарами и победить повелителей Заара. От руки Шангота, князя кочевников, погибли Вуал-Мозг, Сарганет Нульдский и Ксот. Сам же Тонгор в жестоком поединке убил Алого колдуна. Центральный храм Заара был разрушен боевыми кораблями Патанги, и под тоннами камней погиб Питуматон, чья смерть последовала за смертью Адаманкуса и Талаба Истребителя.

Все полагали, что Марданакс, Черный Великий хранитель, погиб, как и остальные чародеи. Однако ему удалось уцелеть в этом хаосе. Пока Тонгор сражался с Малдрутом, повелитель Заара покинул свой трон и скрылся через потайную дверь. Известными ему одному путями переодетый колдун выбрался из города. Он сохранил жизнь, но лишился при этом очень многого. Покинув Заар, он оказался без орудий колдовства. Его волшебная сила постепенно слабела и рассеивалась. Он остался совсем один. Все его собратья по черной магии погибли. Мир был враждебен к нему. Перед Марданаксом встала исключительно сложная задача — пересечь полконтинента, наводненного врагами,— и ему удалось ее выполнить. Описание опасностей, окружавших его, и тех трудностей, которые он преодолел, могли бы составить захватывающую книгу приключений. Но об этом никогда не будет рассказано, поскольку этого нет в летописях Лемурии.

Теперь же наконец Марданакс попал в лагерь своих врагов. В тайне и одиночестве шел он к Великому заливу, который

разрезал Лемурию почти пополам, протянувшись от Таракуса, самого южного города на конце мыса, до Патанги, в самой северной части залива, расположившейся в устье Рек-Близнецов. Миновав городские ворота, колдун направился дальше по улицам, не замеченный никем, кроме Чарна Товиса. Так он добрался до дома единственного своего союзника во всем великом городе Огня.

Далендус Вул, барон Таллан, был тайным агентом Заара, поклявшимся содействовать уничтожению Патанги. В его доме и находился сейчас черный маг. В течение долгих трех лет путешествуя по континенту, Марданакс не переставал разрабатывать и совершенствовать коварный план мести. Теперь же все детали были продуманы. План выглядел безупречно, он не мог закончиться неудачей. Казалось, Тонгор обречен. Даже здесь, в своем собственном городе, окруженный сотней тысяч воинов, он не сможет уйти от черной тени последнего хранителя.

Шли дни, и вот наконец настал Праздник весны. Повелители Запада в нарядных одеждах собрались в огромном колонном зале храма Девятнадцати Богов, чтобы быть свидетелями того, как сарк сарков совершит жертвоприношение у высокого алтаря. Там были насмешливый, фатоватый юный князь Дру и старый грубовато-добродушный воин князь Мэл со своими молоденькими дочерьми Иннельдой и Лулерой. Безукоризненный, в блестящих серебряных доспехах и небесно-голубом плаще Том Первис из Воздушной гвардии стоял рядом со своим старым товарищем Зэдом Комисом, командиром Черных драконов. Князь Шангот из племени джегга возвышался над всеми остальными. В толпе перед троном можно было заметить спокойное моложавое лицо великого Иотондуса Катоольского вместе с Чарном Товисом и толстым старым бароном Селверусом и всеми остальными, менее знатными придворными. Здесь же находились и послы из городов, платящих дань: Шембиса, Тсаргола, Зангабала, Турдиса и прекрасного Пелорма, вставшего под знамена империи лишь год тому назад.

* * *

Среди менее знатных дворян особняком стоял массивный, неприятный на вид Далендус Вул. Его тучное тело было облачено в великолепные одежды. Яркие драгоценные камни свер-

кали в ушах, украшали лоб и грудь, а толстые пальцы представляли собой сплошное ослепляющее созвездие драгоценностей. Однако богатство, так выставлявшееся напоказ бароном Таллаком, не могло скрыть его отталкивающую внешность, поскольку природа восстала против него с самого момента его рождения. Далендус Вул был жертвой редкой болезни, которая сделала его кожу чрезвычайно бледной и покрыла волосы серебристой белизной, а его водянистые глаза приобрели неземной розовый оттенок. Теперь мы называем таких несчастных альбиносами и, понимая их состояние, сочувствуем им. Однако в те времена, когда происходили описываемые события, люди были полны предрассудков. Обычных альбиносов они считали колдунами, боялись и ненавидели их. Однако благодаря своей знатности и богатству Далендус Вул был избавлен от оскорблений со стороны простонародья. Ничто не ограничивало свободы его передвижений. Но ничто не могло его излечить. Он ощущал растущую ненависть к обычным людям, окружавшим его, более счастливым, чем он, из-за нормального цвета кожи. Тайная ненависть пожирала его, словно какая-то ядовитая язва. Из-за этого он стал легкой добычей колдунов Заара, пообещавших ему, что если он поможет им победить повелителя города Огня, то он — Далендус Вул — станет правителем города, а жители Патанги — его рабами, и он сможет поступать с ними, как ему заблагорассудится.

От внимательного наблюдателя наверняка не укрылось бы, что Далендус Вул, стоявший со своей скромной свитой и наблюдавший за происходящей церемонией, пребывал в необычном волнении. На его бесцветных бровях выступили капельки пота, а в глазах застыл страх. Слабый и чувственный рот его дрожал, а тучное тело выглядело обмякшим от слабости. Был ли это страх или беспокойное ожидание чего-то, что неминуемо должно произойти? Вряд ли кто-либо мог ответить на этот вопрос.

А кто этот высокий незнакомец, появившийся в окружении Далендуса Вула? Его стройная фигура была закутана в темные одежды, на голову низко надвинут капюшон, так что никто не мог разобрать его лица и заметить блеск изумрудных глаз, которые колдовскими огнями горели во мраке. Это был Марданакс из Заара.

У алтаря Тонгор проводил обряд приношения Девятнадцати Богам, высокие фигуры которых, высеченные из отполирован-

ного мрамора, окружали его огромным полукругом: Отец Горм и улыбающаяся Тиандра, Эдир — Бог Солнца и Иллана — Владычица Луны, Карчонд — Бог Воинов и юный Иондол — Бог Песен, мудрый Пнот и угрюмый Авангра, Шастадион — Бог Моря, Диомала — Богиня Плодородия и все остальные. Золотистые лучи полуденного солнца, проходившие сквозь стеклянный купол, освещали храм. Мерцающий свет мягко падал на гладкий белый мрамор высоких фигур богов и на алтарь, где стоял Тонгор, повелитель Запада.

Львиная мощь чувствовалась в мускулистой бронзовой фигуре варвара — искателя приключений из далеких северных земель. Участвуя во многих битвах и сражениях, он завоевал половину городов на юге Лемурии. Даже боги стали считаться с ним, победителем, и вознесли Тонгора над другими правителями. Богатая, украшенная золотом одежда не скрывала могучего телосложения валькара — ширину плеч и мощной груди, сильные, как у гладиатора, мускулы. Несмотря на королевскую власть и роскошь, Тонгор прежде всего оставался воином, железная сила которого никогда не ослабевала.

Его жесткое, бесстрастное лицо напоминало маску из темной бронзы, величественную и суровую, обрамленную гривой темных волос, которые спадали на плечи, а на лбу удерживались платиновым обручем со сверкающими бриллиантами. Под хмурыми черными бровями с дикой силой величественного и неукрощенного льва джунглей горели яркие золотистые глаза. По случаю торжественного жертвоприношения богам Тонгор не взял с собой знаменитого меча валькаров. Вот таким человеком был Тонгор — величайший воин всех времен, герой тысяч легенд, который проделал длинный путь через многие опасности, завоевав трон и разделив его с женщиной, которую любил.

Именно в тот момент, когда Тонгор был в зените своей славы, Марданакс из Заара нанес удар.

* * *

В течение семи дней и ночей скрываясь в доме Далендуса Вула, колдун подготавливал себя к этому титаническому действу, чтобы в нужный момент выплеснуть всю мощь своих колдовских чар на самого ненавистного своего врага. Склепы и катакомбы, находившиеся под дворцом Далендуса Вула, стали

свидетелями ужасных убийств. Каждое утро воды Рек-Близнецов выбрасывали в море изувеченные трупы рабов барона Таллана, с тел которых были срезаны клейма. Жизненная энергия, грубо вырванная из трепещущей плоти рабов, была принесена Марданаксом в жертву повелителям Хаоса.

Теперь колдун обладал огромной волшебной силой и мог поразить своего врага.

Когда-то Марданакс занимал почетное место среди девяти колдунов Заара, каждый из которых был столпом власти. Вместе они обладали невероятной колдовской силой. После их гибели возможности Марданакса быстро ослабли, так как астральные потоки, которые соединяли его и других членов Черного братства, исчезли. Однако в данный момент колдун как бы одолжил силы. А потом, пусть удар его и был слабее, чем обычно, он поразил повелителя Запада прямо у величественного алтаря богов.

Ужас и оцепенение охватил толпу, когда все увидели Тонгора безжизненно лежащим у подножия алтаря. Люди смотрели друг на друга с изумлением и страхом. Женщины визжали и падали в обморок. Охранники, пытаясь навести порядок, размахивали стальными клинками, словно этим оружием можно было защитить королевскую семью Патанги от невидимых колдовских сил.

Никто не остался безучастным в толпе кричащих, ругающихся или молящихся мужчин и женщин. Даже Далендус Вул, знавший с самого начала о готовящемся покушении, застыл с выражением явного страха на взмокшем от пота лице. И только прикрывающийся капюшоном высокий худой человек оставался отчужденно спокойным и полным тайного триумфа. Со злорадством наблюдал он за тем, как саркайя Соомия безудержно рыдала над безжизненным телом сраженного сарка — любимого супруга, и его сощуренные глаза светились дьявольским изумрудным огнем. Один за другим занимали свои места около поверженного вождя его верные товарищи: Зэд Комис, виконт Дру, барон Селверус, герцог Мэл, Шангот из племени джегга, молодой Иотондус и другие.

Но Чарна Товиса не было среди них. Молодой воин, ставший совсем недавно одним из Черных драконов и получивший от Тонгора титул коджана империи, полагал, что не имеет права считать себя близким другом умершего правителя.

Стоя в отдалении, он заметил в свите Далендуса Вула высокую, облаченную в черные одежды фигуру. Посреди взволнованной толпы этот таинственный человек поражал своим ледяным спокойствием и невозмутимостью. Где же Чарн Товис видел его раньше? Несколько дней назад на него произвела странное впечатление встреча с нищим у городских ворот. Мог ли этот знатный приближенный барона Таллана оказаться тем оборванным бродягой, который разговаривал с Чарном Товисом при въезде в город?

Молодой воин в кожаных доспехах Черных драконов с тревогой рассматривал странного незнакомца. Что же касается переодетого колдуна, то он вообще не заметил Чарна Товиса. Марданакс из Заара был слишком увлечен моментом своего триумфа. Он так упивался победой и разыгрывавшимся перед его глазами спектаклем, что ни разу не взглянул на Чарна Товиса. Позднее он пожалеет об этом, так как молодой воин запомнил эту неподвижную среди всеобщей суматохи фигуру. Это обстоятельство сыграет свою роль в последующих событиях.

Глава 3
ТАЙНЫЙ СОВЕТ

Не вечно глумиться злу,
Непрочны заклятия магов,
И те, кто спасет страну,
Надеждой сильны и отвагой.
Алая Эдда

Каменная крепость Сардат Кип возвышалась на зеленых холмах поместья Тезони к северу от Патанги. Здесь сливались воедино две реки — Саан и Исаар, одна из которых, петляя, текла с запада, из страны буйных джунглей Куша, а другая проложила свой путь сквозь огромные, величественные горы Моммур, делившие Лемурию на две части.

В окрестностях Сардат Кип уже семьсот лет благоденствовали наследники герцога Мэла.

Именно сюда в полуночный час тайными и скрытными тропами прибыли десять мужчин, вызванных герцогом на совет.

Кроме самого Мэла, тут присутствовал тучный старый Селверус — второй из трех баронов королевства. Но не было викон-

та Дру, находящегося в заточении во дворце. По той же причине отсутствовал Том Первис, даотар Воздушной гвардии, хотя его друг Зэд Комис находился здесь вместе с Иотондусом, принцем Шанготом и старым жрецом Эодримом — иерархом храма Девятнадцати Богов. Прибыл и молодой Чарн Товис.

Эти десять человек добирались сюда окольными путями. Одни, как Селверус, Эодрим и Иотондус,— по земле, верхом на зампе или кротере, другие, как Шангот и Зэд Комис, прибыли по воздуху на личных воздушных кораблях — воллерах, как назывались они в древней Лемурии. Эти люди встретились тайно, потому что темные и ужасные времена наступили в империи Запада, хотя всего семь дней прошло после неожиданной и трагической смерти их товарища и правителя — Тонгора.

Странные события начали происходить почти сразу же после того, как тело Тонгора в кожаных доспехах, облаченное в величественный темно-красный плащ (знаменитый меч валькаров покоился на поясе северянина), было положено в гробнице из белого мрамора, установленной в храме перед высоким алтарем.

Несравненная молодая королева Соомия удалилась во дворец и редко появлялась на публике. Неизвестно почему она распустила совет помощников сарка, который преданно служил Тонгору в годы его правления. Она сосредоточила всю власть в своих руках, на что, в соответствии с законами Патанги, имела право. Тем не менее, выглядело это странно, словно княжну подменили.

Кроме того, поскольку наследнику Тонгора — Тару — было лишь девять лет, саркайя выбрала регента для управления империей от ее имени и от имени сына. И вновь она поступила самым странным и неожиданным образом, повелев своим баронам выбрать на эту должность Далендуса Вула — малозначительного коджана, не очень знатного, которого не любили, редко видели при дворе и которому не доверяли. В один миг барон Таллан стал первым человеком империи.

Зловещие и необъяснимые события следовали одно за другим так быстро, что ни герцог Мэл, ни другие сановники не могли разобраться в этом многообразии ежедневных изменений. Единственный родственник Соомии, ее кузен виконт Дру, заехал к ней во дворец, и больше его никто не видел. Может, его заточили в темницу по какому-либо обвинению? Если так, то выглядит это невероятно. Да, в такое смутное и беспокойное

время все могло случиться, и многие преданные трону высокопоставленные лица очутились в тюрьме. К большому сожалению, среди них был один из самых заслуженных воинов Патанги, старый Том Первис — даотар Воздушной гвардии, прославленный командир, не раз защищавший империю от врагов. Могло показаться невероятным, но приказ об его аресте был скреплен подписью и печатью саркайи Соомии, и Далендус Вул потребовал, чтобы старый офицер признался в тех преступлениях, которые ему предъявили, хотя было очевидно, что все они выдуманы и необоснованы.

Эти события, подозрительные, неясные, полные загадочности, и собрали на совет в этом удаленном замке людей, особенно преданных трону. Теперь наступило время посовещаться, сделать выводы и составить план действий, так как кто из них мог быть уверен, что завтра и его не отправят в подземные темницы по какому-либо нелепому обвинению?

Поэтому герцог Мэл послал своих самых верных воинов из Тезони в дальние уголки империи, чтобы собрать на тайное совещание преданнейших друзей Соомии и Тонгора. Сюда прибыл Элд Турмис, сарк Шембиса, третьего города империи, и один из старейших друзей и сподвижников Тонгора. К сожалению, посланец, которому поручили передать приглашение на совет Карму Карвусу — еще одному из доблестных товарищей Тонгора, так и не вернулся. Из Тсаргола, четвертого города империи, расположенного на берегах Яхен-зеб-Чуна — Южного моря, где в течение последних восьми лет правил Карм Карвус, не было никаких известий.

Из Турдиса — второго города империи — старый сарк Баранд Тон прислал своего молодого, крепко сложенного сына, джасарка Рамчана Тона, в качестве своего полномочного представителя. Из Зангабала приехал князь Зул — младший брат сарка этого города. Зангабал присоединился к империи по своей собственной воле четыре года тому назад. Но никаких известий не было получено от сарка Пелорма. И опять, как в случае с прибрежным Тсарголом, посланец либо сбился с пути, либо ему не удалось достичь цели по какой-то другой серьезной причине.

Герцог Мэл заявил, что находит действия саркайи Соомии необъяснимыми.

— Похоже на то, что она отвернулась от всех нас,— пророкотал он, расправив свои мускулистые плечи и тряхнув большой головой, как старый рассерженный медведь.

— Мне кажется, что наиболее загадочным ее поступком является назначение регентом барона Таллана,— сказал Элд Турмис.— Отказаться от услуг таких старых советников и друзей, доказавших свою преданность, как герцог Мэл, или барон Селверус, или виконт Дру, и предпочесть малоизвестного и нелюбимого раньше коджана, такого как этот Далендус Вул,— это просто непостижимо,— задумчиво и удивленно проговорил он.

Молодой философ Иотондус согласно кивнул.

— Похоже, она находится под воздействием какого-то снадобья,— заметил он.— Вначале я считал, что она так странно ведет себя, потрясенная смертью мужа. Но теперь... те шаги, которые она предприняла в последние дни, так не похожи на нее, что это позволяет мне предположить, что она исполняет чью-то волю, находится в плену черного колдовства.

Отважный старый воин Зэд Комис согласился с философом. Он схватился грубой мозолистой рукой за эфес меча, его глаза полыхнули огнем.

— Если королева нуждается в нашей помощи, мы должны сделать все, чтобы освободить Соомию от тех сил, которые опутали ее, какими бы могущественными они ни были,— решительно заявил он.

С этим были согласны все собравшиеся. Но Мэл тут же выразил и общее сомнение.

— А с кем же мы будем сражаться? Ведь на самом деле у нас нет каких-либо реальных врагов, кроме тех, что существуют в нашем воображении. А что, если саркайя не находится под чьим-либо влиянием, а действует по собственному желанию... Разве можем мы тогда протестовать? Как нам это выяснить?

Было сказано еще много слов и обсуждалось много проблем, но, когда на рассвете совещание закончилось и все участники отправились по домам, никакого конкретного решения принято не было.

Правители империи были сбиты с толку, обеспокоены, рассержены и полны подозрений, но они не смогли найти врага, с которым надо сражаться, и не обнаружили каких-либо доказательств государственной измены или нечестной игры.

Они покинули Сардат Кип с первыми лучами солнца, появившегося из-за высоких вершин гор Моммур и осветившего все небо. Участники прошедшего совета договорились быть начеку и советоваться друг с другом, наблюдать за происходящими событиями и действовать осторожно. Больше они ничего не могли

сделать. Тайные враги Патанги действовали столь хитроумно, так умело управляли событиями, что сами оставались в тени.

Однако один человек из десяти, принимавших участие в совете, решил предпринять активные действия. Это был Чарн Товис. Во время совещания он не считал возможным высказывать свое мнение наряду с другими, более знатными сановниками. Однако он обдумывал свой вариант. Он решил нарушить то уединение, в котором находилась королева Соомия, хотя бы это и противоречило ее желаниям. Кто-то должен был задать ей ряд вопросов и убедиться в том, что саркайя не находится под влиянием каких-то враждебных сил. Чарн Товис решил, что именно он сделает это.

Глава 4
ЛЕТАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Во мраке земля утонула — смерть к Тонгору пришла,
Вонзив свое острое жало подло, из-за угла.
Душа его улетает, оставив пределы земли,
Страну свою покидает, скрываясь в небесной дали...
Но что со страною станет? Что будет с его женой?
И с ней уже рядом — недруг, колдун, полон мести злой.
Уже ее ум во власти коварства и лжи его,
И ей не понять, где правда, кто друг, а кто враг ее.

Сага о Тонгоре, XVIII

Ночь нависла над Патангой черным бархатным покрывалом. В густом тумане не было видно ни золотистой луны древней Лемурии, ни звезд. Город Огня окутала тьма. Туман надвигался с залива, проглатывая одну за другой мощеные улицы и площади.

Над городом неустанно кружили серебристые воздушные корабли, и бдительные офицеры Воздушной гвардии несли свою многочасовую ночную вахту. Корабли пролетали над Рыночной площадью в самом центре города, над храмом Девятнадцати Богов и величественной улицей Ториан Вэй, которая протянулась от центральной площади к Западным воротам. В темной зелени садов виднелись Дворец Иерархов и Дворец Ста Сарков.

Никто из стражников, стоявших у дворцовых ворот, башен и дверей, не заметил таинственной фигуры, проплывшей по черному небу в направлении дворца, где жила Соомия.

От внезапного порыва ветра всколыхнулись воды залива, затрепетали поникшие черно-золотые знамена. На какое-то мгновение густой туман, висевший над городом, разошелся, и появилась луна, залившая золотистым сиянием дремлющие здания Патанги.

Неожиданно на ярком лунном диске появился силуэт летящей фигуры. Одеяние этого человека напоминало огромные крылья, позволяющие ему парить в воздухе. Так же внезапно черный силуэт вновь стал невидимым: тучи заволокли ночное небо.

Тихо, как падает осенний лист, летящий человек опустился на балкон из резного мрамора, который находился на башне дворца, высоко поднимавшейся над окутанным туманом садом. Рука в перчатке коснулась оконного запора. Окно приоткрылось, темная фигура в плаще проскользнула между занавесками и исчезла во дворце.

В этот поздний час залы дворца были пусты. Лишь на верхних этажах огромного здания кое-где маячили одинокие стражники, облокотившиеся на древки копий. Не много осталось охраны и возле покоев семьи правителя.

Темная фигура бесшумно скользнула в огромный зал. Стены зала украшали превосходные гобелены старинной работы, где изображались сцены из жизни богов и героев. В нишах вдоль коридора стояли гипсовые статуи и бюсты давно умерших монархов. Свет канделябров отражался на вазах из драгоценных металлов. Человек в развевающемся черном плаще крался по пустым залам. Надвинутый на глаза капюшон скрывал черты лица.

У главной двери, ведущей в покои королевы Соомии, человек остановился, прислушиваясь. Из-за двери не доносилось никаких звуков. Охрана отсутствовала. Далендус Вул решил воспрепятствовать любому, кто хотел бы поговорить с саркайей или передать ей какое-либо сообщение, поэтому он изменил систему охраны дворца, расставив посты по-другому, не так, как раньше. Теперь часовые стояли у подножия каждой лестницы, ведущей на этаж, где размещались королевские покои. Чтобы попасть к саркайе, посетителю пришлось бы пройти мимо нескольких постов стражников. Барону Таллану казалось, что теперь-то никто не встретится с Соомией.

Ни сам Далендус Вул, ни его зловещий хозяин не предвидели, что кто-то проберется во дворец, в буквальном смысле свалившись с неба.

У дверей в королевские покои Чарн Товис скинул капюшон, а потом открыл двери ключом, который ему дала горничная Соомии — Иннельда, дочь герцога Мэла, до того как Далендус Вул уволил всех слуг саркайи, в том числе и Иннельду, заменив их своими людьми.

Чарн Товис осторожно вошел в королевские покои, понимая, что такой поступок может привести его в темницу или на виселицу. В эти помещения не позволялось входить никому под угрозой самого сурового наказания. Если саркайя поднимет тревогу, отважный воин не сможет привести никакого разумного объяснения своему тайному проникновению во дворец, а также незаконному присутствию в личных покоях саркайи и молодого принца. Но Чарн Товис чувствовал, что его риск оправдан.

Именно поэтому он и уговорил ученого философа Иотондуса помочь ему. Мудрец из Катооля в недавнем времени приступил к испытанию своего нового изобретения — урилиума — волшебного сплава, обладающего антигравитационными свойствами. Этот сплав использовался при создании воздушных кораблей Патанги. По просьбе Чарна Товиса Иотондус придумал, как сделать летающие доспехи, покрыв их пластинами этого удивительного блестящего металла. Названные «небесным поясом», они держали человека в воздухе, делая его почти невесомым. Надев этот «небесный пояс», человек мог плыть по воздуху при помощи мускульной силы.

Чарн Товис установил, что обычный прыжок может поднять его вверх на пятьдесят шагов и переместить на расстояние в двести ярдов. Облачившись в «небесный пояс» и накинув сверху черный плащ, чтобы его случайно не обнаружил кто-нибудь, он прыгнул с крыши соседнего замка и перелетел к верхним этажам дворца.

Открыв дверь и войдя в комнату, он нашел ее темной и пустой. Может, княжна спала? Осмелев, он зажег лампу. Комната оказалась прихожей, примыкающей к главным покоям. Чарн Товис осторожно стал пробираться по богато украшенным залам. На пороге спальни он остановился, вновь прислушиваясь. Ни один звук не доносился до него. Воин вошел в опочивальню, высоко подняв лампу и освещая комнату. И тут он увидел то, ради чего пришел сюда.

Полностью одетая, саркайя Соомия сидела, выпрямившись, в большом золоченом кресле, оставаясь неподвижной, как ку-

сок полированного мрамора. Широко открытыми глазами она смотрела прямо перед собой. Когда Чарн Товис вошел в комнату, она не повернулась к нему. По тому, как слабо вздымалась ее грудь, видно было, что ее дыхание очень неглубокое. Но только оно и говорило о том, что Соомия жива.

— Моя госпожа,— выдохнул он и встал перед Соомией на колени, но та даже не взглянула на него, не проявила никаких признаков того, что заметила преданного друга. Она продолжала смотреть перед собой, словно и вовсе не замечала его присутствия. Чарн Товис коснулся руки саркайи, безжизненно лежавшей на кресле. Она была холодной и словно восковой.— Госпожа! Вы узнаете меня? — прошептал он. Соомия не ответила. Он провел рукой у нее перед глазами, но ее взгляд оставался таким же, устремленным в пустоту.

Чарн Товис был озадачен и испуган. Неприятное предчувствие охватило его. Что-то здесь не так... Что-то совсем не так! Он внимательнее осмотрел саркайю. С ее лица исчезли теплые краски, сделав его бледным и неподвижным, как восковая маска. Ее чудесные черные глаза, которые барды часто сравнивали со сверкающими черными жемчужинами, утратили живость. Вся фигура поражала отстраненностью от окружающего мира.

Вдруг воин почувствовал сильный тошнотворный запах, сладкий и опьяняющий.

Он испугался, узнав этот затемняющий разум аромат. Это был запах сильного наркотика, называвшегося нотлай — Цветок Снов. Сей порошок погружал разум человека в розовые видения и ломал волю тех людей, кто его употреблял. Сделав это ужасное открытие, Чарн Товис не мог сдержать своих чувств, и крепкое слово сорвалось у него с языка. Он понял, что заговор существует на самом деле.

Какой-то хитрый и скрытый предатель использовал вредные свойства отвратительного наркотика и затуманил рассудок саркайи, сделав ее подвластной чужой воле. Поэтому нет ничего удивительного в том, как она правит после гибели Тонгора. Понятно, почему она распустила совет, состоявший из преданных правителю людей, и уединилась во дворце. За этим заговором стоял, по-видимому, очень хитрый человек, и Чарн Товис понимал, что странные поступки Соомии трудно скрыть от внимательного взора со стороны. Заговорщики могли манипулировать ею лишь втайне от всех. Только так ее можно было застав-

лять подписывать и заверять печатью губительные для империи приказы, предписания и послания. Если бы саркайя появилась на публике, все сразу увидели бы, что с ней не все в порядке. Поэтому неудивительно, что Далендус Вул уволил прежних слуг Соомии, заменив их своими людьми.

Перед Чарном Товисом раскрылась вся чудовищность этой государственной измены. Кто бы ни скрывался за этим заговором — будь то Далендус Вул или кто-либо другой,— он теперь правил и городом, и империей. Подчинив себе саркайю, он мог совершить любое чудовищное преступление без риска быть разоблаченным.

Чарн Товис понимал, что в одиночку помочь королеве он не сможет. Тут же он подумал о маленьком джасарке. Что с ним? Удалось ли принцу Тарту избежать рук коварных изменников, или мальчик тоже находится во власти дьявольского наркотика?

Комната джасарка находилась рядом с покоями его матери. Чарн Товис прошел туда, освещая себе дорогу масляной лампой. От света мальчик сразу проснулся и теперь сидел на кровати, щурясь и потирая глаза.

— Чарн Товис! — с удивлением воскликнул он.— Что ты здесь делаешь?

Молодой воин ответил сразу же, не раздумывая:

— Я должен отвести вас к герцогу Мэлу.

Глаза мальчика, такие же золотистые, как и у отца, загорелись от возбуждения.

— И я смогу опять увидеть Иннельду и Лулеру? — спросил он.— Я так по ним скучаю. А Мэл разрешит мне покататься на кротере? Меня целыми дням не выпускают из дворца!

Чарн Товис стиснул зубы.

— Да, сынок, ты сможешь покататься на кротере и опять увидишься со своими нянями,— рассеянно ответил он.

Перед Товисом стоял главный вопрос: что делать? Пока мальчик вставал, снимал с себя ночную пижаму и одевался, собирая сделанное специально для него воинское снаряжение, воин размышлял.

Ему было ясно, что спасти саркайю он сейчас не в состоянии. Возможно, его летательные средства выдержат вес мальчика, но не вес взрослой женщины. Что же тогда делать? Ему предстояло принять очень важное решение, а у него было слишком мало времени. Молодой воин опасался, что для находящейся под силь-

ным воздействием наркотиков и полностью подчиненной воле врагов королевы мгновенное освобождение может оказаться роковым. С другой стороны, принц Тарт был наследником трона и будущим правителем Патанги. И Чарн Товис сделал выбор, беззвучно молясь о том, чтобы этот выбор оказался правильным.

Мальчик почти собрался. Он повязал ярко-красную набедренную повязку и накинул на плечи плащ, прицепил к поясу подаренный отцом меч. В этом крепком девятилетнем подростке с густой шапкой волос, сходящимися бровями и странными золотистыми глазами Чарн Товис увидел зеркальное отражение своего могущественного властелина. Слезы навернулись ему на глаза, и он незаметно смахнул их.

— Я готов, Чарн Товис! Мне попрощаться с мамой? — радостно спросил джасарк.

— Нет, мой принц. Не надо беспокоить маму: она спит. Пойдемте.— Он откинул плащ и поправил блестящий пояс. В нагрудной пластине был установлен камень управления доспехами. Прикосновение к нему задействует пластины улириума, сделав почти невесомыми Чарна Товиса и мальчика. Глаза Тарта заблестели от возбуждения.

— «Небесный пояс»! Я слышал о нем, но отец говорил, что я слишком мал, чтобы летать с ним. Отец говорил, что это очень опасно.

Чарн Товис не мог спокойно слышать, когда ребенок говорил о его умершем господине. Он молился о том, чтобы небо и земля защитили драгоценного наследника от враждебных сил. Первым шагом было вырвать его из стана врагов и спрятать в укромном месте у кого-нибудь из десяти верных соратников сарка. Потом можно будет поднять знамена революции, сообщив всей стране о вероломном предательстве Далендуса Вула, собрать армию в поддержку наследника трона принца Тарта и изгнать подлого узурпатора, восседавшего сейчас на украденном троне.

— Пойдемте, джасарк,— позвал молодой воин. Он взял мальчика на руки, посадил его на плечи и предупредил, чтобы тот держался как можно крепче. После этого Чарн Товис включил «небесный пояс» и выпрыгнул через окно.

Воин и молодой принц растаяли в темноте.

Чарн Товис, подобно птице, летел в ночном небе, спасая от врагов надежду и будущее империи.

Часть 2
КОРОЛЕВСТВО ТЕНЕЙ

Знай же, смертный, что за пределами всего земного лежит далекое и загадочное королевство, в котором обитают тени. Странными и вызывающими трепет, находящимися за пределами вообразимого являются чудеса и тайны Страны Теней. Там одинокий дух ищет вечности среди символов и таинства жизни. Боги бродят среди теней, и ты чувствуешь, что ими будет определяться твоя судьба на весь оставшийся период времени...

Алая Эдда

Глава 1
ПРИВРАТНИК

Забыв о земных печалях, о радостях жизни земной,
Забыв суету и скуку, душа уйдет в мир иной.
И вот уж Врата открыты, за ними — лишь мир теней,
Угрюмое царство мертвых, приют рабов и царей.

Сага о Тонгоре, XVIII

Для Тонгора прошло невообразимо много времени, и вдруг он оказался перед уходящей ввысь аркой гигантских ворот. Вокруг завывал сильный ветер, в ушах звенели отдаленные причитающие голоса, но валькар не мог разобрать ни одного слова. Он взглянул на подымавшиеся вверх столбы ворот и попытался понять, что же с ним случилось. Все, что он помнил,— это острый приступ боли в сердце, резкий порыв ветра и холод, сковавший все его тело. Потом не было ничего... пока он не пришел в себя и не оказался у этих огромных ворот.

Они были отлиты из какого-то блестящего металла или высечены из сверкающего камня и ослепляли сверхъестественным сиянием так, что Тонгор не мог долго на них смотреть. Арка казалась выше самой большой башни в Патанге. Ее поверхность

украшали разнообразные барельефы. Здесь были рыдающие женщины и сражающиеся мужчины, старики, лежащие на смертном ложе, и игривые девушки и юноши, короли и оборванные нищие, пирующие дородные правители и хитрые, усмехающиеся воры, старухи и младенцы — то есть было представлено все разнообразие рода человеческого.

— О человек, ты не должен смотреть на Врата между Мирами!

Голос был глубоким и звучным, каким-то неземным, не похожим на голос обычного человека. Тонгор замер, а потом резко обернулся. Привычным движением он хотел ухватиться за рукоятку большого меча, который всегда висел у него на бедре, но оружия не было. Валькар с удивлением обнаружил, что совершенно обнажен, как в день своего появления на свет.

— Кто это говорит? — воскликнул он, и звук его голоса, приглушенный завываниями ветра, показался ему странным, словно это был совсем не его голос.

— Это я. Я нахожусь здесь, в переходе из одной вечности в другую — на пороге королевства, в которое ты наконец попал и куда со временем попадают все люди.

Вглядевшись пристальнее, Тонгор увидел в арке гигантских ворот странную фигуру. Даже сидя, она казалась выше любого смертного. С головы до пят она была укутана в какой-то черный материал, но это была не одежда... по крайней мере, не та одежда, к которой привык северянин. Казалось, сама темнота окутала загадочную фигуру Привратника.

Сражаясь с бушующими порывами ветра, Тонгор подошел ближе, пока не оказался лицом к лицу со странным существом. Львиные глаза валькара сверкали, а в груди поднималась волна гнева, к которому примешивался неясный призрак страха.

— Что это за место? — грозно вскричал он.— Как я здесь оказался и кто ты такой, охраняющий эти ворота?

Облаченная в черные одежды фигура величественно покачала головой. Когда незнакомец вновь заговорил, в его глубоком и важном голосе послышались насмешливые нотки.

— Вопросы, бесконечные вопросы, всегда одни и те же. Оглянись, человек, и скажи мне, что ты видишь.

Тонгор обернулся и почувствовал, что все его вопросы бессмысленны. За спиной его зияла огромная бездна, прародительница всех бездн. Валькар был поражен, увидев далеко, у самого дна ее, сверкающие звезды.

Ничего не понимая, он поднял изумленные глаза и посмотрел в другую сторону. Там — одни боги знали, как далеко от него — он увидел плоскую ровную землю, такую огромную, что его взгляд мог охватить находящиеся на ней неизвестные ему океаны и континенты. Среди них он смутно различил очертания великой Лемурии, которую покинул. Он узнал морской залив, врезающийся глубоко в континент, но с такого огромного расстояния великий город Патанга казался едва различимой маленькой точкой, глаза Тонгора увлажнились, и взгляд затуманился из-за ревущего штормового ветра.

Над землей медленно проносились тучи. Часть их находилась на дневной половине Земли, другая же была погружена в черноту ночи.

Луна — величественная луна плавала далеко внизу, похожая на маленький золотистый глобус. Звезды висели над огромным миром.

Между тем миром и этим распростерлась туманная бездна, через которую постоянно двигались мерцающие призраки — души людей. Они перемещались с Земли туда, где сейчас стоял Тонгор,— в мир небытия, проносились мимо валькара, проходя через огромные Врата Теней. Некоторые из них рыдали, другие что-то выкрикивали, кто-то молился, кто-то смеялся, как сумасшедший. Были и такие, кто молчал, склонив голову и опустив руки.

— Теперь ты знаешь, что ты мертв и прибыл в Страну Теней,— заявил Привратник.

Тонгор тяжело вздохнул. Его суровое волевое лицо исказилось, гнев вспыхнул в золотистых глазах. Он покачал головой, встряхнув буйной гривой волос.

— Мертв? Я не мертв! Как же я мог умереть? — воскликнул он.— Я не погиб от меча врага, в меня не попадало ни одной стрелы, в моем кубке не было яда. Я молод и полон сил, а не дряхлый старик — как же я мог умереть? Отвечай мне, если можешь, Привратник!

Призрак бесстрастно покачал головой.

— Между жизнью и смертью существует столько тайн, о которых смертные и не подозревают. Я не бог, и поэтому не осмеливаюсь объяснить тебе причины твоей смерти, человек.

Тонгор посмотрел на свои руки, на широкую грудь. Они, как ему представлялось, были из плоти и крови. И все же он ощущал

что-то странное, словно его обнаженное тело стало нечувствительным, его восприятие — призрачным, он будто превратился в некое отражение себя самого. Ступни его ног не чувствовали грубых холодных камней, а пальцы рук — ледяных порывов ветра. Прежде чем валькар успел сформулировать возникший у него вопрос, Привратник заговорил, отвечая на его мысли:

— Все здесь — только иллюзия. Ты — бестелесный дух, лишь нематериальное подобие твоего земного облика. Теперь же, человек, отправляйся в странствие по Стране Теней, и ты сможешь заглянуть за ее пределы.

Валькар взглянул на фантастическую фигуру и попытался понять, о чем ему говорят.

— Что я должен искать? — требовательно спросил он.— Говори яснее, старик, и кончай с этими загадками, прошу тебя!

Привратник усмехнулся.

— Я отвечу на твой вопрос настолько ясно, насколько мне это позволено. Ты должен будешь бродить по Стране Теней до тех пор, пока не дойдешь до Трона Тронов. О смертный... когда наступит то время, ты узнаешь три истины.

После этих слов Привратник медленно растаял. Что же это за три истины? Как Тонгор сможет в этом призрачном мире отличить правду от иллюзии? Как сможет определить, какие три истины он должен найти? Выполнял ли когда-нибудь смертный человек задачу, подобную этой, будь то в стране живых или в королевстве Смерти?

Тонгор пошел вперед, озадаченный и ничего не понимающий. Миновав огромную сверкающую арку Врат Теней, он оказался на пороге странного нового мира с неясным горизонтом и невероятными перспективами, где нельзя было четко разглядеть ни один предмет и ни одно существо. Окружающие валькара тени представляли лишь искаженные подобия знакомых ему ранее предметов, и полностью Тонгор не мог их ни понять, ни описать.

По мере того как он продвигался дальше и дальше сквозь багровый туман, его пораженный ум посещали странные мысли. Он знал, что он должен быть мертвым... но его отчаянная храбрость, его дух воина, который не признавал поражения, восставали против этого. Был ли он мертв на самом деле?

Раньше Тонгор не раз слышал о том, что, когда погибал храбрый воин, крылатые богини войны поднимали его душу

высоко над миром, выше звезд, и уносили в сверкающий Чертог героев. Особо выдающиеся люди представали там перед Отцом Гормом. Но валькар попал в Королевство Теней совсем другим путем, и здесь не было ни сверкающих чертогов Горма, ни лучезарных лугов. Значит, сказания и мифы лгут?

Потом Тонгор задумался о другом.

Если он действительно мертв, то это значит, что его любимая королева и девятилетний сын остались одни на далекой теперь Земле. Эта мысль до глубины души поразила Тонгора, и все же ощущение потери не казалось ему вполне реальным. Он должен был чувствовать себя раздавленным страданиями и печалью, тем ужасным открытием, что он никогда больше не увидит прекрасного лица своей возлюбленной, никогда не обнимет ее гибкий стан, не почувствует тепло ее губ в поцелуе... и все же он ощущал лишь тень печали, а не ту мучительную агонию, которую должен был чувствовать.

Валькар задумался и решил, что его ощущения — лишь слабое эхо тех разрывающих сердце чувств, которые он должен был испытывать. Если его духовная форма — лишь тень его смертного тела, то естественно предположить, что чувства — всего лишь чувства-тени, слабые отражения действительности. Тонгор находился в сверхъестественном мире, и все тут казалось странным.

Воин осмотрелся. Вокруг простиралась туманная равнина, погруженная в густую пурпурную тень. Равнина выглядела мрачно и казалась бесплодной, лишенной каких-либо признаков жизни. Над ней, завывая, как потерявшиеся души, проносились ветра, но густая черная грива волос Тонгора не развевалась, так как это была тень ветра... или же тенью была его грива волос, и поэтому ветер не мог коснуться ее.

Под ногами был тусклый кристаллический песок. Но он не скрипел и не шуршал. Шел ли Тонгор на самом деле или передвигался каким-то колдовским способом, неким бестелесным образом, который его дремлющий мозг воспринимал как ходьбу?

Была ли эта пустыня реальностью или призрачной иллюзией?

Тело северянина было обнаженным, и Тонгор чувствовал себя сверхъестественно легким, не ощущающим ничего. Из этого валькар заключил, что его ментальное «я» — точный двойник земной оболочки его тела. Трудно осознать приход смерти. В один краткий миг оказываются отброшенными в сторону все земные заботы и обязанности — все остается позади, как будто

ничего этого не существовало на самом деле. И после этого ты попадаешь в новый, странный мир.

Тонгор огляделся. Со всех сторон до самого призрачного горизонта простиралась плоская равнина темного песка. Здесь отсутствовал яркий свет, горячее солнце не сияло в небе, на котором не было ни звезд, ни луны.

Тут и там по всей этой огромной равнине поднимались грубо обработанные камни замысловатой формы. Были ли это бесполезные, неуклюже вытесанные колонны или статуи какой-то незнакомой культуры, причудливые и необычные? Валькар не стал задерживаться, чтобы осмотреть эти мрачные творения. Они напоминали карикатуры на человека, нескладные и слишком высокие, с удлиненными конечностями, резко выступавшими из грубого камня. Очертания фигур казались стертыми и размытыми, словно скульптор, обладавший исключительным мастерством, пытался изваять тело, окутанное липким туманом. Головы этих мрачных статуй совершенно не походили на человеческие, они напоминали идеальный конус. Глаза, однако, приковывали к себе внимание.

Неясное беспокойство охватило Тонгора, когда он почувствовал, что каменные глаза одной из фигур с явной насмешкой рассматривают его. Валькар понимал, что это — простая игра света и тени, но глаза тем не менее казались живыми, их взгляд — осмысленным.

Северянин поспешил прочь, стараясь избегать подобных созданий.

Над необъятной равниной свистели ветры, но Тонгор их не ощущал. Слабые звуки доносились до него издалека. Ему казалось, что он слышит призывные голоса, повторяющие в мольбах одно и то же имя. Он часто останавливался, пытаясь разобрать хоть что-нибудь, но не мог выделить ни одного слова.

Крики, полные боли, раздавались вновь и вновь. В этих голосах звучала то невыносимая мука, то страстное желание. Иногда Тонгору казалось, что он слышит странный саркастический хохот. Все эти звуки действовали гипнотически, и валькару стоило большого труда заставить себя оторваться от бестелесных плывущих голосов, осознавая присутствие в этих нескончаемых равнинах удивительных и необъяснимых вещей.

Над ним проплыла какая-то тень, и Тонгор ощутил смятение. Но когда он взглянул наверх, то ничего не увидел, кроме

перемещающихся струй тумана, которые медленно плыли, образуя извивающиеся щупальца и различные змеевидные формы, заканчивающиеся время от времени подобием глаза, ухмыляющегося рта или длинной волнообразной конечности. Он оторвал взгляд от этих странных видений и тяжело побрел дальше.

Казалось, что в этом призрачном месте время не имеет никакого значения. Здесь не существовало ни дня, ни ночи. Тонгор не чувствовал ни голода, ни жажды, ноги его не уставали от долгого пути. Трудно сказать, прошел ли один час, или сотня часов, или даже сотня лет, прежде чем он неожиданно набрел на расположенные кольцом огромные камни.

До этого он просто механически двигался вперед, занятый какими-то неясными мыслями, мало обращая внимания на дорогу. Действительно, он ведь толком не понимал, куда идет, в каком направлении и к какой далекой цели...

Вдруг валькар четко осознал, что перед ним появилась вертикальная поверхность. Он остановился, вглядываясь в фиолетовый полумрак. Перед ним кольцом застыли семь огромных каменных блоков, в центре находился какой-то сверкающий блестящий предмет.

Смутное предчувствие появилось в помутненном, дремлющем разуме Тонгора. В этом странном мире мертвых нужно двигаться с большой осторожностью, полагаясь мысленно на совет Отца Горма, который один только знал обо всех ужасах и чудесах этих мест. Тонгор с интересом рассматривал каменное кольцо. Проходы между блоками были достаточно широкими. Камни появились здесь с какой-то определенной целью — либо для того, чтобы вовлечь кого-то в свой круг, либо для того, чтобы кого-то там удерживать.

Тонгор знал, что должен разгадать эту загадку до того, как войти туда. Собравшись с силами, он осторожно стал двигаться вперед, пока не оказался в кольце, образованном камнями.

Казалось, какой-то странный невидимый барьер продолжает удерживать валькара. Он ничего не видел перед собой, но не мог двигаться вперед. Словно целая стена застывших теней выросла на его пути. Собрав все свои силы и мысленно призывая на помощь Отца Горма, северянин направился дальше и почувствовал, что державший его барьер растаял.

Он полностью оказался в кольце и тут увидел...

Глава 2
МЕЧ В КРИСТАЛЛЕ

Но там, за вратами царства, что мертвым покой сулит,
Душе молодого валькара скитаться судьба велит.
Искать заповедные тайны душа его вновь должна:
Покоя и снов беспечных и в смерти она лишена!..

Сага о Тонгоре, XVIII

Гигантский драгоценный камень! Он поднимался выше человеческого роста и имел тысячи блистающих граней. Во всей призрачной нереальной Стране Теней Тонгор не видел более яркого предмета, чем этот огромный сверкающий кристалл.

Драгоценный камень был прозрачен, как хрусталь, и отсвечивал бледно-синим цветом — цветом летнего моря. Грубо обработанный, он возвышался, словно колоссальный айсберг, пригнанный зимними ветрами Жаранга Татрайбаала — великого северного океана. От него исходил ослепительный свет.

Вокруг расположилось кольцо из семи камней, подобно великанам, приставленным для охраны драгоценного сияющего кристалла и превратившимся в камни за долгие, медленно текущие годы.

Тонгор стоял, глядя на кристалл, от которого исходило нечто таинственное, какой-то поток странной силы — ее валькар ощущал своей бронзовой кожей. Чувство благоговейного страха и трепета охватило Тонгора, заставив зашевелиться волосы на его голове. Долгие годы, проведенные им среди цивилизованных людей в больших городах Запада, мало изменили валькара — он остался варваром с несколько примитивным мироощущением и верой в сверхъестественное.

Определить словами его состояние было невозможно. Его чувства обострились, появилось покалывание в кончиках пальцев.

И все же Тонгор понимал, что этот кристалл, находящийся в кольце из камней, является самым реальным предметом, который ему удалось увидеть во всем этом колдовском, фантастическом мире. Действительно, что же означали таинственные слова, сказанные Привратником? «Все здесь — только иллюзия... Отправляйся в странствие по Стране Теней... и ты сможешь заглянуть за ее пределы».

Валькар шагнул вперед, чтобы получше разглядеть огромный драгоценный камень. Свет пробивался из него мерцающими лучами. Оказалось, что Тонгору очень трудно двигаться против этих льющихся лучей — как будто неосязаемые преграды вставали перед ним, не позволяя приблизиться к камню. Все ощущения северянина притупились, он чувствовал себя попавшим в паутину какого-то фантастического паука.

Исполнившись решимости и вновь произнеся беззвучную молитву Горму, Отцу Земли и Неба, он направился через колеблющийся занавес невидимой силы и почувствовал, как она сопротивляется, мешая проникнуть сквозь сеть сверкающих лучей.

С большим трудом сумел он подойти к гигантскому кристаллу.

Он пристально смотрел внутрь, сквозь сверкающие грани. Его взгляд проник в глубины пульсирующего ярко-синего пламени, казавшегося волшебным, божественным огнем.

И тут он увидел меч!

Клинок лежал, глубоко погруженный в сверкающий кристалл. Ярко-синее пламя, извиваясь, струилось по всей его длине. Звездочки искрились, сверкали и горели на его мощной рукоятке. Он находился в самом центре мистического камня и напоминал огромных существ, вмерзших в сверкающие стенки ледника, который Тонгор видел в детстве, когда жил на севере в племени валькаров.

Вне всякого сомнения, это был необычный меч. Тонгору приходилось иметь дело с самым разнообразным оружием, когда-либо использовавшимся людьми, но такого меча он не встречал. Из огромной рукояти, имевшей форму креста, выходил большой клинок длиной в семь футов. Этот клинок не был выкован из какого-либо известного металла. Он блистал, как зеркало, напоминал некий сверхчистый сверкающий сплав, созданный Аслаком — Кузнецом Богов — или какой-то сказочной расой существ, которые жили на земле за тысячелетия до появления человека.

Тонгору страшно захотелось взяться за рукоять меча, почувствовать его огромный вес, проверить неземную закалку сияющего лезвия.

Валькар знал, что должен освободить меч из его кристаллической тюрьмы. Он не мог объяснить, как понял это, но такое убеждение зародилось где-то глубоко внутри него, и теперь он понял, что должен сделать. Возможно, меч лежал здесь с момента зарождения Вселенной для того, чтобы Тонгор забрал его

именно сейчас. Сами боги предназначили ему завладеть этим мощным сверхъестественным оружием. Северянин был уверен, что это его меч и он должен его освободить.

Для такого человека, каким был Тонгор, непреклонного, решительного и не отличавшегося тонкостью мысли, думать — значило действовать. Он понимал, что голыми руками разрушить сверкающий камень невозможно. Можно было веками молотить по искрящемуся кристаллу и нисколько его при этом не повредить. Необходимо найти какой-то инструмент.

Валькар нетерпеливо осмотрелся вокруг, но ничего материального не обнаружил, за исключением огромных камней, образовавших кольцо. На этот раз Тонгор улыбнулся, и его острый глаз измерил расстояние до центра кольца. Хотелось надеяться, что камни не простая иллюзия, а нечто реальное и помогут разбить драгоценный кристалл.

Тонгор уперся спиной в один из этих огромных блоков и напрягся, пытаясь его сдвинуть. Это было все равно, что попытаться сдвинуть гору из мрамора. Высоченную глыбу было невозможно даже покачнуть одному человеку. Большинство людей и не пыталось бы сделать это. Тонгор взглянул вверх на вздымающуюся каменную колонну. Она поднималась в небо на высоту в три раза выше его роста, а Тонгор не был низкорослым. Да, задача казалась невыполнимой. Для большинства людей. Но Тонгор отличался от других. Этот варвар был редким и странным существом. Такой человек никогда не отказывался от попыток добиться своего и в результате достигал невозможного.

Северянин оперся могучим плечом о каменную глыбу и попытался найти удобное положение для рук и ног, затем глубоко вздохнул и напрягся.

Какое-то мгновение ничего не происходило. Колонна не шелохнулась. «Перестань,— стучали в мозгу валькара призрачные молоточки.— Этого нельзя сделать,— повторяли они,— брось, брось сейчас же».

Валькар продолжал давить на камень, его мышцы вздулись от усилий, лицо потемнело, грудь тяжело вздымалась, усиленно работало сердце.

На плечах и могучих руках северянина набухли крупные бицепсы, резко очерченные под бронзовой кожей. Его ноги глубоко зарылись в песок, руки обхватили края огромной глыбы. Суставы пальцев побелели от напряжения.

Вдруг глыба заколебалась и поддалась. Медленно, медленно, дюйм за дюймом, камень стал клониться вперед под неослабевающим напором мощных мускулов Тонгора.

Когда камень начал падать, Тонгор отпустил его и отпрыгнул. Он стоял, пошатываясь, глубоко втягивая легкими воздух. Он наблюдал.

С грохотом колонна рухнула на драгоценный кристалл. Тот треснул. Паутина черных линий протянулась по его сверкающей поверхности сверху донизу. Валькар с трудом приходил в себя, размышляя о том, что же это за сверхъестественный мир, где дух испытывает боль и усталость точно так же, как человек из плоти и крови, где нематериальные легкие вдыхают нереальный воздух, где нематериальное сердце бьется в бесплотном теле,— сумасшедший, кошмарный мир!

С громоподобным взрывом огромный драгоценный камень разлетелся на тысячи осколков. Вспышка ослепила Тонгора. Сияние превратилось в поток божественного света. Затем яркое пламя взметнулось белым столбом огня. Воин почувствовал жар, подобный дыханию открытой печи.

Какие бы ужасные силы ни были заперты внутри колдовского кристалла, они удерживались в непрочном равновесии. Как только была разрушена их стеклянная тюрьма, они вырвались на свободу.

Тонгор открыл глаза. От упавшей колонны ничего не осталось. Кристалл тоже исчез, оставив безобразную кучу дымящейся земли. Один за другим, словно карточный домик, повалились шесть оставшихся камней, составлявших кольцо. Может быть, это произошло из-за взрыва драгоценного камня, а может быть, просто потому, что им нечего было больше охранять. Равнина вздрагивала всякий раз, как падала глыба. Меча тоже нигде не было видно. Нет, он был там — среди дымящихся обломков что-то сверкнуло. Тонгор разбросал камни. Земля предательски скользила под ногами, валькар ощущал странный сухой запах гари. Наконец, ухватившись за сверкающую рукоятку, он вытащил сияющий меч, поднял клинок и подождал, пока уляжется пыль. Но вот лучи света коснулись меча, и он невероятно засверкал. Теперь, с таким оружием в руках, Тонгор чувствовал себя достаточно уверенным.

Вдруг меч исчез — совсем! В руке осталась лишь золотисто-красная рукоятка. В недоумении валькар заморгал. Но все было

именно так: только что он чувствовал вес меча, поднимая его высоко над головой, и вдруг вес стал необъяснимо мал.

Нахмурив брови, Тонгор растерянно осмотрел бесполезную рукоять.

Что же это было? Игра света, призрачное сияние, исходящее из рукоятки, подобно клинку? На мгновение Тонгору показалось, что он вновь видит тонкий нематериальный белый луч, бьющий из рукояти.

Но вот он опять исчез. Но на тот краткий миг, когда Тонгор увидел этот загадочный луч, он почувствовал, как сквозь него прошло ощущение таинственной силы, и он испытал прилив жизненной энергии.

Валькар долго стоял, задумчиво держа в руках кусок тяжелого золотистого металла.

Все в этом темном царстве повелителя Смерти Авангра представляет собой подобие твоего земного существования... даже твое собственное тело.

Тонгор поднял рукоятку, усмехнулся и отошел от обломков колонн, все еще держа кусок металла в руках.

«Может быть, этот лучевой меч был какой-то проверкой? А может, этот меч Страны Теней является символическим подобием моего собственного меча?» — подумал Тонгор.

Ни на один из этих вопросов он не знал ответа. Все в этом призрачном королевстве казалось насмешкой, отзвуками эха, неясной и часто повторяющейся массой меняющихся символов. Но в любом случае Тонгор решил взять рукоять меча с собой. Может быть, это глупо — обременять себя такой, казалось бы, бесполезной ношей, а может быть — нет. Потом будет видно.

Он направился по призрачной равнине к туманному горизонту. И вскоре ему пришлось убедиться в надежности меча... скорее, чем он предполагал. Прямо перед валькаром неожиданно возникла огромная черная тень — неуклюжая косматая фигура, похожая на великана-людоеда, со сверкающими глазами и ледяным дыханием, налетевшим на Тонгора, как порыв зимнего ветра.

И здесь в Стране Теней, за Вратами Смерти, Тонгор-варвар был вынужден сражаться в страшном бою с врагом, которого он едва видел, но чувствовал и который схватил его в объятия, сравнимые лишь с объятиями самой Смерти!

Глава 3
ДОРОГА В МИЛЛИОН ЛЕТ

Возникнув из ниоткуда, чтоб позже исчезнуть опять,
В руках его меч могучий поможет в бою устоять.
Но ужас морозным дыханьем сковал его сердце льдом...
И в мире теней сражаться Тонгор за жизнь обречен...

Сага о Тонгоре, XVIII

Совершенно неожиданно воину из племени валькаров пришлось сражаться за свою собственную жизнь!

Огромная клешня обхватила его вокруг талии и сжала с чудовищной силой. Все вокруг погрузилось во мрак, темнота буквально облепила северянина. Тонгор беспорядочно размахивал кулаками, но его удары не встречали никакого сопротивления... Все это было похоже на схватку с бесформенной тенью!

В крепких тисках темноты валькар не мог получить какого-либо представления о своем волшебном противнике. Он едва различал огромную косматую фигуру с покатыми плечами и звериными лапами, одна из которых с огромной силой сжимала его.

На широкой и тупой бычьей голове с черными пучками волос сверкали огромные, словно луны холодного огня, глаза. Потом Тонгор увидел вторую голову твари, и волна страха превратила в лед его сердце.

Чудовище неуклюже шаркало толстыми конечностями. Две косматые головы-близнецы рассматривали Тонгора. Вдруг их усеянные клыками пасти широко раскрылись, и тело валькара затрепетало от порыва неимоверного холода: дыхание людоеда оказалось ледяным.

Тонгор почувствовал, как на груди и руках у него появляются кристаллики льда. Сердце его отчаянно забилось, и сознание стало меркнуть.

Какой смысл сражаться? Легче оставить все как есть, погрузиться в мягкую темноту, сдаться, уступить. Зачем бороться с тем, кого не можешь победить?

Предательские мысли обволакивали сознание воина. В какой-то миг, долгий и ужасный, он почувствовал всю притягательность мысли о смерти. Но мужество все-таки вернулось к нему, в нем вспыхнули и стали крепнуть ярость и злость. До сих

пор Тонгор сражался с людьми и зверями, демонами и богами — и никогда не сдавался!

Он нанес еще один удар казавшейся бесполезной золоченой рукояткой меча, и вдруг произошло чудо! Меч обрел свою силу!

Из рукояти внезапно вырвалось слепящее сияние — неимоверно яркий луч длиной не менее семи футов. Казалось, отчаянная решимость Тонгора, его нежелание признать себя побежденным привели к возрождению волшебного клинка.

Тонгор взмахнул им, и сверкающий луч проник глубоко в грудь чудовища. Огромная глыба, составлявшая тело людоеда, оказалась разрублена надвое. Отсеченная часть твари стала похожа на облако тумана, а потом превратилась в пар.

Людоед беззвучно взвыл. Опять холодное дыхание коснулось Тонгора. Но теперь через руку валькара тек пульсирующий поток тепла от сверкавшего меча, и Тонгор осязал его всем телом.

Очередной взмах меча — и охватившая северянина мохнатая конечность чудовища беспомощно отвалилась, превратившись в кипящую массу мутного пара. Тонгор почувствовал воодушевление: теперь нападал он!

Чувствуя прилив сил, валькар перешел в решительное наступление, нанося противнику смертельные удары своим волшебным оружием. Не выдержав столь ошеломляющей атаки, людоед, спотыкаясь, начал отступать.

В несколько секунд Тонгор уничтожил чудовище, и оно превратилось в облако медленно расплывающегося тумана. Замерев, воин наблюдал за поднимающимися испарениями. Великая радость победы охватила его. Но меч снова превратился в бесполезную рукоятку из красноватого золота.

Теперь валькар начал понимать кое-что из странных законов, управляющих этим астральным царством, где все было не тем, чем оно являлось на самом деле, и каждая вещь представляла собой отражение, эхо или тень другого предмета.

Когда Тонгор победил свой страх, он смог одержать победу над чудовищем.

Может быть, тварь представляла собой символическое олицетворение его страха?

Возможно. Воин не был в этом уверен. Он вспомнил, что сначала и задача высвобождения меча из драгоценного кристалла показалась сверхтрудной, даже невыполнимой. Но, когда валькар решил, что может это сделать, ему это удалось!

Тонгор отбросил эти сбивающие с толку мысли. Он был человеком действия. А все эти тонкости и рассуждения годились, по его мнению, для философов или дураков, а может, для тех и других вместе взятых.

Крепко сжав рукоятку меча, валькар отправился дальше.

Теперь он шагал по широкой и ровной дороге, вымощенной камнем. Удивительно, как незаметно проступила она среди зыбучих песков пустынной равнины. Тонгор следовал ей, словно она была его поводырем.

Прямая, как полет стрелы, дорога вела к призрачному, далекому и туманному горизонту. Наверное, поэтому нельзя было определить, что же там, в конце дороги. Сначала Тонгор шел, не думая ни о чем.

Затем валькар задался вопросом: кто же построил эту дорогу и для чего?

Казалось, получить ответ на это невозможно. Он начал размышлять, какое путешествие на земле или какая дорога могли быть подобиями этого небесного пути.

Его внимание привлекали необычные образы, появлявшиеся вдоль дороги через определенные интервалы. Они не возникали из пустоты, скорее, Тонгор сам время от времени замечал их существование, а потом видел их вполне четко. Они в большей степени, чем что-либо другое, что он встречал в этом колдовском мире, казались действительно символическими.

По сторонам вымощенного камнями пути поднимались троны необычных старинных конструкций. Они были серые от пыли, покрытые паутиной, потрескавшиеся от времени.

Груды больших и малых корон, королевские скипетры и посохи валялись на них вместе с остатками царских одежд — изодранными лохмотьями бархата и шелка.

Тут и там появлялись разрушенные ворота неизвестных городов и портики огромных дворцов. Статуи и бюсты забытых королей возвышались на растрескавшихся пьедесталах или лежали, брошенные в пыль.

Тут же валялись потрепанные штандарты некогда гордых королевств. Одни были из шелка, украшенные золотом и серебром или блестящими драгоценными камнями, другие — из простой ткани, но все они истлели от старости.

Тонгор задумался о происхождении этих разрушенных, покрытых пылью останков королевской славы. Дорога, по кото-

рой он шел, представилась ему величественной и всеохватывающей рекой времени, оставляющей позади обреченные на забвение троны и империи прошлых блистательных эпох. Валькар мрачно размышлял о том, что любое королевство и народ, какими бы великими и победоносными они ни были, в конце концов погибают. Никто не может уберечься от того, что время — этот великий повелитель — не превратит его в конце концов в пыль.

Тонгор не знал, сколько часов или дней длилось его путешествие, поскольку в призрачном царстве постоянных сумерек время текло неуправляемо и незаметно, если вообще существовало.

Может быть, его скитания длились лишь мгновения, а может, они продолжались целую вечность, но тело валькара совсем не чувствовало усталости. Он шагал и шагал по вымощенной камнем Дороге в миллион лет (как он мысленно назвал ее), но казалось, что его астральное существо, призрачное подобие его земной формы, невосприимчиво к усталости. А может быть, это путешествие — лишь иллюзия его дремлющего мозга? Тонгор этого не знал...

Время от времени в жутком полусвете возникали иссохшие мумии давно умерших королей. Одни из них покоились в разрушенных временем беломраморных гробницах, другие — в золоченых гробах, испещренных иероглифами. Некоторые восседали на своих тронах с надвинутыми по самые брови коронами.

Тонгор убеждался в том, что и боги смертны. Повсюду в символических руинах по краям длинной дороги, ведущей к неизвестному горизонту, попадались грубо вытесанные идолы. Это были давно забытые боги, имена которых затерялись в дымках легенд точно так же, как и их почитатели.

«На что же надеяться человеку,— с горькой усмешкой подумал валькар,— если даже боги могут умереть?»

И тут перед ним возникла новая преграда. Остановившись перед ней, Тонгор вновь ощутил всю беспомощность своего положения — положения бестелесного духа умершего человека, затерявшегося в пустынных просторах мистической Страны Теней!

Тонгор взглянул на реку огня и понял, что не сможет перейти ее.

Глава 4
РЕКА ОГНЯ, СТЕНА ЛЬДА

Багрового пламени воды преградой встают на пути:
Поток, где не сыщешь брода,— но надо его перейти.
Река, порождение ада, слепая стихия огня,
Тонгор, твой путь преграждает, но смелость — твоя броня.
Сага о Тонгоре, XVIII

Широкая бесконечная река багрового пламени пересекала путь Тонгору. Она неожиданно возникла перед ним, и, остановившись у самого края огненного потока, валькар увидел, что любой неосторожный шаг приведет его к ужасной смерти в яростных объятиях пылающей жидкости.

Он попятился перед невообразимой преградой.

Из чего бы ни состояли воды этой реки, они горели безумно и неистово. За время своих многочисленных странствий по земле Тонгор из племени валькаров встречался с потоками светящейся лавы, представлявшими не меньшую опасность, чем возникшая на его пути река. Но лава — это расплавленный камень, плотное и вязкое вещество, нагретое до ярко-красного свечения. А здесь было совсем другое — широкая колдовская река какой-то жидкости, похожей на воду и сверкающей колеблющимися всполохами золотистого, оранжевого и алого цветов, поднимавшимися на десять метров от ее поверхности. Свет, излучаемый горящей рекой, был настолько сильным, что Тонгору пришлось прикрыть глаза рукой, чтобы не ослепнуть.

Варвар попытался определить ширину потока. Может быть, он сможет преодолеть его мощным прыжком? Нет. Ширина горящей реки была около тридцати ярдов.

Валькар огляделся, все больше ощущая свою беспомощность. Казалось, невозможно перебраться через эту реку огня: она протянулась от горизонта к горизонту. Но может быть, это иллюзия — в этом Королевстве Теней нельзя доверять тому, что видишь.

Следующей мыслью Тонгора было попробовать использовать в качестве плавучего средства один из огромных камней, которыми вымощена дорога. Он знал, что на поверхности расплавленной лавы плоский камень какое-то время держался бы. Следует проверить, как в этом случае поведет себя река.

Он выковырял небольшой камень с края дороги и бросил его в огненный поток. Мгновенно, не оставив и следа, обломок исчез.

Казалось, на этом Тонгор исчерпал все имевшиеся возможности. Как же ему все-таки перебраться через сверкающий грозный барьер? Или же все его странные поиски закончатся здесь, и ему ничего не остается, как повернуть назад?

Он стоял и задумчиво смотрел на ту часть дороги, которая резко обрывалась перед огненными водами реки. Древние камни были смещены, и между ними повсюду росли сорняки, даже вблизи от потока пламени.

Валькар застыл от удивления.

Нет, не должно его странное путешествие закончиться здесь, перед огненной колдовской преградой. Вдруг ему это стало ясно, и он облегченно рассмеялся. Неужели он так никогда и не научится не доверять своим ощущениям в этом призрачном царстве? Да, поток огня был страшен. Но это чисто зрительное впечатление. Ведь от этой огромной горящей массы не исходило никакого жара!

Именно поэтому сухие сорняки росли между камнями мостовой совсем рядом с пылающим потоком. По всем законам природы они должны были сморщиться и превратиться в пепел рядом с горящей рекой — если эта река реальна.

Тонгор подошел поближе и сунул руку в пламя.

Зрительно это представляло собой ужасную картину: рука исчезла в огне, язычки пламени с жадностью охватили ее. Но валькар не почувствовал боли. Река огня была не более чем иллюзия!

Тонгор шагнул в ревущий поток, воды которого поднялись ему до груди. Мечущиеся всполохи накрыли его с головой. Излучаемый свет был таким ярким, что воин прикрыл глаза.

Но при этом он по-прежнему не чувствовал ни жара от огромной температуры, ни сильного течения. Ничего.

С угрюмой усмешкой на лице пересек он эту реку, и в тот же миг река исчезла так же внезапно, как и появилась. Сзади простиралась бесконечная дорога, и ничего больше. Свободно вздохнув, Тонгор отправился дальше.

Но ему суждено было преодолеть еще одно препятствие.

Неожиданно его окружил плотный туман. Поднимающийся от земли серый пар резко ухудшил видимость. Каково же было удивление Тонгора, когда сквозь густые испарения прямо перед

ним проступила огромная стена сверкающего льда. Она вздымалась цепью ледяных гор и простиралась в обе стороны от валькара. Кристаллы льда причудливо расположились в виде башенок, придавая этому видению сходство со стеной фантастического замка. Призрачный свет мерцал и отражался от многочисленных граней ледяных кристаллов.

Тонгор пытался разгадать — не иллюзия ли это вновь? В памяти валькара проснулись воспоминания детства, которое он провел на севере Лемурии, где затаились огромные ледники и властвовали морозные туманы. Здесь же он не ощущал резкого дыхания холода.

Если бы эта стена была реальностью, а не фантомом, то странствиям и поискам Тонгора пришел бы конец: преграда выглядела непреодолимой. Отвесная сверкающая поверхность подымалась на пятидесятиметровую высоту. Далекие остроконечные вершины тускло мерцали сумеречным светом, искрясь в отблесках света, исходящего от какого-то неведомого источника.

Наконец северянин решился. Стремительно подошел он к ледяной стене и дотронулся до нее рукой. Пальцы легко прошли сквозь прозрачную голубую поверхность. Он не ощутил никакого противодействия, никакого холода. И на этот раз перед валькаром оказался лишь мираж.

Тонгор шагнул в смертоносные объятия льда, и его обнаженная кожа сжалась в ожидании холодного прикосновения, но он ничего не почувствовал. Вместо этого он обнаружил, что может пройти сквозь отвесную поверхность сверкавшей стены. Теперь он был внутри нее!

Ощущение было незабываемым. Кругом, насколько мог видеть глаз,— лед. Призрачная голубоватая перспектива простиралась во все стороны. Изломанные поверхности и грани ледяных кристаллов завораживающе искривляли лучи света. Тонгор очутился один в колдовском мире, замурованный в толще голубого льда.

Он направился сквозь массы льда дальше, проходя через фантастические пещеры, мимо свисающих сталактитов, похожих на огромные стеклянные пики. Странной и жуткой была красота этого мира ледяных кристаллов, а когда Тонгор закрывал глаза, ему казалось, что он стоит посреди голой равнины.

Чему же он научился за время своих странствий по Стране Теней? В сражении с чудовищем он победил свой страх, и после

этого двухголовое страшилище превратилось в ничто на его глазах. Когда он не пугался преград, казавшихся непреодолимыми, то одерживал верх. Просто сам факт стремления осилить их являлся ключом к победе. Невероятно!

Валькар понял, что ему необходимо хорошенько запомнить эти странные препятствия и поразмышлять о символических уроках богов.

Но вот он прошел сквозь толщу ледяной стены, и она исчезла. Оглянувшись, странник увидел лишь дорогу, которая простиралась назад до самого горизонта.

Он повернулся и посмотрел вперед. Теперь конец пути был очень близок, и все же северянин не понимал, какова цель его невероятного путешествия-сновидения. Огромные горы подымались вдали, и там, у самого края этого фантастического мира, дорога наконец заканчивалась. Тонгор направился к горам.

Казалось невозможным, но варвар почти добрался до них. Теперь он вспомнил, как в начале своего путешествия видел их у самого дальнего конца мира. Каким-то образом в этом неподвластном времени Королевстве Теней валькару удалось пройти невообразимое расстояние, и вот он уже стоял перед горной цепью, доходящей до самого неба, озаренного призрачным светом.

Горы не были иллюзией, в чем он убедился, коснувшись камня рукой. Вздымаясь черной монолитной массой, они образовывали наверху впадину в виде чаши, напоминающую огромный каменный трон, размеры которого превышали все мысленно допустимые пределы.

Рассматривая этот гигантский трон, Тонгор заметил огромную тень, возникшую из призрачной пустоты.

Она напоминала человека — туманная и неясная в своих очертаниях.

Два огромных столба, вздымавшиеся вверх,— ноги. Клубящиеся тучи обволакивали их наподобие какой-то призрачной одежды. Далеко наверху можно было различить могучую грудь, плечи и суровое лицо...

Оно напоминало лицо смертного... это был человек, старый и мудрый, с царственной осанкой, с величественной бородой, ниспадающей на гигантскую грудь. Острые, сверкающие, как звезды, глаза смотрели вниз, на Тонгора, а темные облака собирались вокруг огромной головы наподобие капюшона.

Еще варвар заметил гигантскую книгу, запечатанную семью печатями. Одна рука призрака лежала на книге, и каждый палец этой руки был больше в обхвате и длиннее, чем сам Тонгор.

Валькар догадался, что это Книга миллионолетий, в которой (как гласит легенда) записаны события всех времен: прошедшего, настоящего и будущего.

И по этой книге Тонгор узнал его. Это был Пнот — Бог Мудрости.

Северянина охватил благоговейный страх. Смиренно склонился он перед призрачной фигурой, восседавшей на огромном троне.

Перед валькаром был живой бог.

Часть 3
РАБЫ ИМПЕРИИ ПИРАТОВ

Там, где залив Патанги смешивается с бесконечными водами Яхен-зеб-Чуна — Южного моря, высится огромный скалистый мыс, на котором построен Таракус, пиратский город, беззаконное и кровавое царство, признающее только одну власть — власть золота. Там через много лет зародится угроза для городов Запада. Будь бдителен, Тонгор, и помни об этой опасности.

Великая Книга Шарата, колдуна Лемурии

Глава 1
ВЫШЕ ОБЛАКОВ

Бегите, друзья, скорее, пускай вас укроет ночь,
От ваших врагов жестоких бегите, летите прочь...
Но ночь не подарит покоя, немало угроз иных
Таит ее мрак. Бегите, спасайтесь теперь от них!

Сага о Тонгоре, XVIII

Чарн Товис и юный Тарт покинули дворец, и ночь окутала их плотной тьмой. Как птицы, летели они над городскими башнями, и ветер свистел рядом, развевая плащи и играя в волосах.

«Небесный пояс» был создан недавно и едва ли проходил какие-либо испытания. Кожаные доспехи покрывались тонким слоем урилиума — волшебного металла, открытого много лет тому назад старым алхимиком Оолимом Фоном. Хотя урилиум и обладал антигравитационной силой, на «небесном поясе» его было недостаточно, чтобы сделать полностью невесомыми воина и мальчика. Иотондус Катоольский, молодой ученый-волшебник, разрабатывавший новые виды мощного оружия для воинов

Патанги, придумал средство, во много раз увеличивающее подъемную силу серебристого сплава.

Он предложил применять ситурл — волшебный кристалл, найти который можно было лишь на равнинах загадочного Востока, где обитали синие кочевники. Ситурл поглощал солнечные лучи и преобразовывал солнечную энергию в электрическую силу. Такой кристалл сверкал и на «небесном поясе» Чарна Товиса, выделяя волны волшебной силы, которая во много раз увеличивала антигравитационные возможности урилиума.

Во время этого полета Товис пытался извлечь весь потенциал из «небесного пояса». Энергия зеленых кристаллов ситурла была довольно ограничена. Значительную часть ее молодой воин израсходовал, пробираясь во дворец. Теперь же, когда земное притяжение стало побеждать, он пришел в отчаяние. Товис понимал, что отдавший большую часть накопленного заряда ситурл не сможет долго удерживать в воздухе двойной вес — его самого и мальчика.

Если ему не удастся что-либо придумать, сила кристалла иссякнет, и беглецы опустятся вниз — на те улицы, где полным-полно патрулей Далендуса Вула.

Сделав вираж, Товис решил спуститься на высокий балкон одного из зданий недалеко от дворца. Он собирался переждать здесь и обдумать возможные способы спасения. Ясно было одно: для юного принца необходимо найти безопасное место. Не могло быть и речи о его возвращении во дворец, где в полубессознательном состоянии, накачанная наркотиком, томилась его мать — саркайя Патанги Соомия.

— В чем дело, Чарн Товис? — спросил Тарт.

— Все нормально. Просто у «небесного пояса» не хватает энергии, чтобы удерживать нас двоих в воздухе так долго,— ответил молодой воин и объяснил мальчику, что их путешествие становится небезопасным.

Тарт обвел взглядом ночной город, безлунное небо, клубящиеся облака. Мальчик с интересом воспринимал все то новое, с чем ему пришлось встретиться, не чувствуя при этом никакого страха. Происходящее казалось ему лишь увлекательным приключением и очень нравилось!

Откинув назад взлохмаченную гриву черных волос, юный принц сделал вдруг довольно разумное предложение:

— Давай полетим на воллере. На крыше этого дома есть посадочная площадка и там — корабль.

Чарн Товис взглянул на мальчика. Конечно, джасарк не мог понимать всю сложность их положения. Как объяснить ему, что Далендус Вул — враг, что вооруженные силы города попали под его влияние и что нельзя больше доверять их командирам? С самого начала воин думал, что принц окажется тяжелой обузой, а не умным расчетливым товарищем. Однако оказалось: он мог рассчитывать на большее — ведь мальчик был сыном Тонгора.

— Хорошая мысль. По крайней мере, можно попробовать. Забирайтесь снова ко мне на плечи и держитесь крепче. Я думаю, у пояса хватит силы, чтобы поднять нас на крышу.

Оттолкнувшись от балкона, Чарн Товис вновь почувствовал сильный ветер, который бил по их телам, словно какая-то фантастическая птица крыльями. Джасарк Тарт засмеялся, радуясь полету, а молодой воин становился все мрачнее, видя, что им никак не набрать нужную высоту.

Зеленовато-серебристые огоньки ситурла едва светились на поясе — силы волшебного кристалла таяли на глазах. Товис старался не привлекать к этому внимание мальчика и надеялся, что тот ничего не замечает.

Наконец волшебная подъемная сила и вовсе иссякла, и они стали медленно опускаться: покрытие из урилиума все-таки уменьшало тяжесть их тел. Видимо, они попадут на улицу, находящуюся внизу, если только...

В отчаянии Чарн Товис протянул руки к каменному фасаду, украшенному причудливыми фигурами химер. Влажные пальцы заскользили по гладкому мрамору клюва-носа, затем схватились за открытую клыкастую пасть. Это остановило падение, и молодой воин благодарил бога за то, что подъемная сила волшебных доспехов не угасла полностью. Он не подумал, что благодарности заслуживал и древний архитектор, посадивший на верхние этажи этого дома фантастических существ.

Теперь придется карабкаться вверх по фасаду здания до самой крыши почти в полной темноте. К счастью, фасад имел много разных выступов, за которые можно было ухватиться. Завывание ветра становилось все сильнее, развевающиеся волосы мальчика мешали Чарну Товису ориентироваться, руки воина болели от напряжения, когда он наконец добрался до крыши.

Не было, однако, времени не только на отдых, но и просто перевести дыхание. Над посадочной площадкой свободно покачивался на канате большой воздушный корабль. Часовой, воин в серебряных блестящих доспехах и голубом плаще Воздушной гвардии, подошел к беглецам и, приподняв ситурловую лампу, направил на них луч яркого света.

Узнав мальчика, он с удивлением воскликнул:

— Мой принц?! Почему вы здесь?

Товис, подобно гибкому черному вандару джунглей, прыгнул на плечи охранника, повалил его и нанес страшный удар кулаком. Потом он повернулся к Тарту, раскрывшему от удивления рот.

— Теперь быстро, на разговоры у нас нет времени. Мы должны сейчас же отправиться в путь. Наверное, охрана во дворце уже заметила ваше исчезновение. В любой момент могут поднять тревогу.

— Но, Чарн Товис, вы ударили его! — запротестовал мальчик.

Молодой воин обхватил Тарта за плечи и пристально посмотрел в глаза сына Тонгора.

— Мой джасарк! Доверьтесь мне! Я понимаю, что все это кажется вам странным и что у вас появляется много вопросов, но доверьтесь мне! В холмах кристаллов грома я спас жизнь вашего отца и своего господина. Знайте, молодой принц, сейчас я не менее предан ему, чем тогда.

После этих слов в широко открытых глазах Тарта появилась решимость.

— Я верю тебе и пойду за тобой,— отчетливо проговорил принц.

Для ответных благодарностей времени не оставалось. Товис молча пожал руку мальчика, затем помог ему взобраться по веревочной лестнице на заднюю палубу воллера, покачнувшегося под их весом. Оказавшись в кабине, воин включил двигатели и велел Тарту освободить крепежные канаты. Через мгновение они взлетели, дрейфуя по ветру, и воллер стал подниматься над городом по крутой спирали вверх.

Это был один из новейших кораблей, способный развивать огромную скорость. Иотондус Катоольский усовершенствовал двигатель, применяя ситурл для вращения лопастей винтов вместо использовавшихся раньше гигантских пружин. Аппарат от-

личался и легкостью управления: достаточно было малейшего прикосновения к рычагам, и корабль взмывал вверх, подобно могучему орлу.

Они поднялись на высоту в двадцать тысяч футов. Теперь Патанга осталась далеко внизу, и с трудом можно было разглядеть огромную Центральную площадь и широкую улицу,Ториан Вэй, протянувшуюся через весь город до огромной каменной стены огненного цвета. Призрачный лунный свет отражался на поверхности Рек-Близнецов, возле длинных набережных покачивались на якоре суда, похожие на игрушечные кораблики.

Чарн Товис понимал, что им не удастся покинуть город незамеченными. Зоркие глаза Воздушной гвардии внимательно следили за ночным небом, и когда воллер с беглецами поднялся в воздух, патрульные корабли сразу же направились к нему.

— Смотри,— вскрикнул джасарк, указывая сквозь передний иллюминатор.— Патрульные заметили нас!

— Без паники. Мы убежим от них.

Сначала Товис собирался направиться на север, во владения герцога Мэла. Но теперь нужно было избрать другой маршрут: не следует показывать врагу конечную цель своего путешествия. Поэтому он повернул на запад, где смутно виднелись воды Великого залива, который разрезал континент, словно мощный водяной клин, от Таракуса до Патанги.

* * *

Двигатели пели свою песню. Корабль несся сквозь ночное небо, как серебряная стрела. Ветер свистел вокруг обтекаемого, сверкающего урилиумом корпуса воллера. Чарн Товис, сидя у панели управления, держал курс строго на запад.

— Два патрульных корабля все еще преследуют нас,— заметил мальчик, но в голосе его не ощущалось страха.— У них есть лучевые пушки.

— Спокойно, мой джасарк. Возможно, мы оторвемся от них в облаках,— сказал молодой воин, меняя направление полета и поворачивая на юг. Он разглядел на юге плотное скопление облаков и направился туда, выжимая из двигателей все, на что они были способны. Однако это не принесло никаких результа-

тов. Оба патрульных корабля продолжали гонку с упорством охотничьих собак.

Преследователи и преследуемые летели приблизительно с одной скоростью, поскольку их корабли были одной модели. Однако Товису удавалось постепенно увеличивать разрыв за счет того, что его воллер оказался легче (с ним был лишь мальчик), а в каждом патрульном корабле находилось двое полностью вооруженных воинов. К тому же Чарн Товис стартовал на несколько секунд раньше. Это давало беглецам хоть и небольшое, но все-таки преимущество.

На воллерах-преследователях замигали сигнальные огни — свет закодированных приказов замерцал во тьме.

— Сдавайтесь или будете сбиты,— расшифровал сигналы Тарт и растерянно спросил: — Но почему? Мы же не сделали ничего плохого!

— Они думают иначе, мой принц. Во дворце наверняка уже поднялась тревога. Они решили, что я похитил вас.

— Но если они знают, что я на борту корабля, они не осмелятся стрелять в нас,— решил мальчик.— Они блефуют.

Чарн Товис улыбнулся. Тарт был смел и сохранял хладнокровие, несмотря на смертельную опасность. Как гордился бы Тонгор своим сыном, если бы видел его сейчас!

— Возможно, вы правы, мой джасарк. Во всяком случае, будем на это рассчитывать.

Почти полчаса воздушный корабль летел на юг, преследуемый патрулем. Казалось, что джасарк Тарт рассудил правильно, и корабли воздушной охраны не решатся стрелять. По крайней мере, лучевые пушки молчали. Но воллеры продолжали преследовать их, не догоняя, но и не отставая. С каждым мгновением Чарн Товис все больше убеждался в том, что ему не удастся легко уйти от погони в плотной пелене туч, которые виднелись впереди. Теперь тучи разошлись, и огромная золотистая луна древней Лемурии залила ночь сияющим светом. Тихие воды залива внизу превратились в гигантский серебряный щит. Ровный лунный свет искрился на металлическом покрытии корабля, и Товис боялся, что даже в густых облаках преследователи без труда заметят его.

Но вот беглецов накрыла долгожданная облачная пелена, под ее прикрытием воин сменил курс, повернув на юго-восток, в направлении города Зангабала на дальнем побережье. Если

удастся уйти от воллеров охраны, они смогут найти убежище в этом дружественном городе, входящем в состав империи, поскольку двоюродный брат саркайи был сторонником императора и участником недавнего тайного совета в Сардат Кипе.

Но сможет ли он уйти от патрульных кораблей? Чарн Товис оглянулся — в клубящемся тумане преследователей не было видно.

— Все в порядке, мой принц,— обрадовался он.— Теперь надо перейти на высоту в десять тысяч футов. Возможно, они будут продолжать искать нас там, наверху.

Он снизил обороты и позволил кораблю плавно опуститься вниз, сквозь туман. Чарн Товис понимал опасность такого маневра. Возможно, ниже не было ни облаков, ни тумана. Тогда они потеряют свое прикрытие и окажутся на виду у преследователей. В этом был определенный риск, но Чарн Товис решился пойти на него.

Как он и предполагал, никакого тумана внизу не оказалось, и они понеслись в открытом пространстве. Тень их корабля черным пятном скользила по водной глади. А тут еще из-за туч вышла луна.

Направляя корабль к отдаленным шпилям и башням Зангабала, Чарн Товис молился, чтобы луна вновь скрылась за плотным туманом. Он и не подозревал о новой грозной опасности, готовившейся обрушиться на них.

— Чарн Товис, взгляни!

Испуганный голос мальчика заставил его повернуться. Воин увидел, что патрульные корабли вышли из туч и находятся теперь высоко над их кораблем. Когда же он посмотрел вперед, то ощутил волну холодного страха.

Воздушные корабли Патанги не безраздельно господствовали в небе. В этой южной части Лемурии со времен юрского периода сохранились огромные птеродактили — чудовищные летающие рептилии. Жители Патанги называли этих ужасных хищников летающими драконами.

И теперь, отбрасывая на золотистую поверхность луны тени, похожие на чудовищных летучих мышей, два дракона нависли над воллером беглецов, как черные демоны из кошмарного сна.

Не успел Чарн Товис разглядеть их, как они, сложив огромные крылья, начали пикировать. Их пасти широко раскрылись, готовые схватить свою жертву.

Глава 2
СХВАТКА С ДРАКОНАМИ

В размахе огромных крыльев — таких, что пропала луна! —
Две черные тени возникли кошмаром ожившего сна —
Летающие драконы явились, как черная смерть...
А небо над краем залива лишь начинает светлеть.

Сага о Тонгоре, XVIII

Командиром патрульных кораблей, преследовавших Чарна Товиса и юного джасарка Тарта, был старший отар Чанган Джал. За несколько секунд до взлета украденного корабля с посадочной площадки Джалу стало известно о дерзком похищении девятилетнего принца предателем из отряда Черных драконов. Это сообщение было передано с помощью флажковой сигнализации с башни Воздушной Крепости.

Чанган Джал не был прихвостнем Далендуса Вула. Его взял на службу еще Тонгор, и он успешно проявил себя, исполняя приказы Тонгора Могущественного. Однако ни он, ни другие преданные Тонгору воины и не подозревали о том, что предатели захватили трон и управляли армией. Далендус Вул осуществлял все дела с такой хитростью и осторожностью, что многие и предположить не могли измену. Поэтому, как всякий верный воин Патанги, Чанган Джал должен был сделать все, чтобы поймать предателя Чарна Товиса.

Он упорно следовал по курсу украденного воздушного корабля на протяжении многих лиг, а когда тот скрылся в клубящихся тучах, Чанган Джал не прекращал свои поиски, понимая, что необходимо спасти беспомощного джасарка, находящегося в руках предателя.

Внимательно вглядываясь в иллюминатор, он заметил серебристую точку, воллер беглецов, она находилась значительно ниже. Сердце его наполнилось радостью: злодей и его жертва снова обнаружены! Но это чувство мгновенно сменилось ощущением страха: рядом с воллером беглецов он увидел летающих драконов.

Затаив дыхание, Чанган Джал и второй пилот наблюдали за тем, как маленький корабль делал резкие виражи, пытаясь ускользнуть от хищников. Эти маневры разозлили драконов. Выйдя из пике, шипя, твари расправили крылья, готовясь к погоне.

Эти летающие чудовища были невероятного размера. Размах их крыльев составлял не менее сорока футов. Гигантские острые когти на лапах могли разрушать каменные стены и разрывать листы металла. При встрече с летающими драконами даже мощные воздушные корабли Патанги были беспомощны, если...

— Стреляй же, дурак,— пробормотал сквозь стиснутые зубы Чанган Джал.— Зря, что ли, у тебя лучевая пушка.

Офицеру казалось, что воллер беглецов отчаянно и безнадежно кружит, пытаясь уйти от щелкающих челюстей разъяренных птеродактилей.

Но и без этого совета Чарн Товис уже подготовился к атаке и ждал только удобного момента. Выстрел из лучевой пушки прорезал ночь ослепительно яркой вспышкой. Сноп белого огня, направленный на одного из драконов, поразил крылатую тварь. Чудовище буквально разорвало на части. Охваченные пламенем куски плоти гигантской рептилии, кружась, полетели вниз, в воды залива.

Но тут ринулось в атаку второе чудовище. Растопырив когти, оно напало на воллер, подобно гигантскому ястребу. Воздушный корабль содрогнулся от удара. Мощные челюсти сомкнулись на носовой заостренной части судна. Блестящий металл был смят, словно бумага. Уничтожив носовую часть корабля, дракон своим жестким крючковидным клювом нанес удар по кабине. В результате стекла рассыпались мелкими осколками, а металлические стойки погнулись.

Теперь изуродованный корабль падал в залив, а дракон продолжал наносить по нему сокрушающие удары. Его клюв бил по кораблю со страшной силой. Ни корпус, ни обшивка воллера не вынесли такого испытания.

Патрульные корабли ничем не могли помочь: слишком далеко от них происходила эта смертельная схватка и слишком стремительно напали летающие рептилии.

Чанган Джалу и второму пилоту оставалось только беспомощно наблюдать за тем, как птеродактиль буквально разрывает корабль на части. Сверкающие куски обшивки урилиума рвались, как тонкая фольга. Сохранявшаяся в них подъемная сила заставляла оторванные куски подниматься высоко в небо, где первые лучи рассвета уже коснулись густых облаков.

Остатки воллера, изуродованные челюстями чудовища, стремительно падали в воды залива. Все было кончено. Издав оглу-

шительный победный клич, распаленный битвой дракон сделал круг и улетел.

От воллера беглецов не осталось ничего. Он был уничтожен, превращен в груду искореженного металла.

Скорее всего, джасарк и его похититель погибли. С тяжелым сердцем Чанган Джал должен был прийти к выводу, что ни наследнику трона Патанги, ни его похитителю не удалось избежать ужасных челюстей летающего чудовища.

Второй пилот повернул к командиру напряженное побелевшее лицо:

— Что будем делать, господин?

Отар печально покачал головой:

— Боюсь, мы мало что можем сделать. Можно, конечно, спуститься к воде и поискать останки. Но смысла в этом нет. Если джасарка и того, кто его похитил, не сожрало чудовище и они просто выпали из обломков воллера, разорванного на куски,— все равно невозможно остаться в живых при падении с высоты более мили. Так что вернемся в Патангу и доложим о том, что произошло.— Лицо его помрачнело, и он с горечью добавил: — Я прослужил Дому Чонда и Дому Валькара одиннадцать лет, и никогда у меня не было более тяжелого дня, чем этот, Анзан Варл. Бедная саркайя! Сначала потерять мужа, а теперь — единственного сына. Ну что же, сигналь второму воллеру, будем возвращаться.

Через некоторое время оба воллера, сделав еще один круг, опустились к воде, отдавая молчаливые почести погибшему джасарку. После этого они поднялись на высоту пятнадцать тысяч футов и взяли курс на север к окруженному каменной стеной городу Огня, находящемуся в устье Рек-Близнецов. На них лежала печальная миссия: донести до жителей Патанги скорбную весть о гибели джасарка Тарта, сына Тонгора, последнего наследника несчастливого Дома Валькара.

Утреннее солнце взошло над горизонтом и залило светом всю землю. Ясными и светлыми были его лучи. Какое дело было солнцу до гибели династий и смертей принцев? Все это было безразлично светилу.

* * *

Далендус Вул и Марданакс из Заара узнали новость о смерти юного принца во время завтрака на террасе дворца. Молчали-

вый, одетый в черное Марданакс всегда присутствовал в роскошной свите Далендуса Вула, который управлял теперь империей на правах регента.

Когда смысл сообщения дошел до не отличавшегося храбростью Далендуса Вула, он задрожал от страха и пролил при этом вино на свои одежды. Ворчливым резким голосом он стал задавать бесконечные вопросы отару, пришедшему с докладом о последних событиях.

Марданакс легко овладел ситуацией, одной презрительной фразой заставив испуганного Далендуса Вула замолчать и попросив отара удалиться.

— Клянусь богами, это — проклятие для нас, мой господин! — Далендус Вул задыхался, вытирая струившийся по лицу пот.— Как же я смогу править как регент, когда принца не стало? Как отстоять свои права? Не потребуют ли герцог Мэл и Селверус, чтобы я освободил трон? Что мы станем делать?

Марданакс с ледяным презрением взглянул на жирного, трясущегося от страха сановника.

— Замолчи, болтливый дурак, ты же испугаешь слуг,— отчетливо произнес он голосом, в котором звучали металлические нотки. Хныкающий Далендус Вул затих.— Во всяком случае, в одном ты прав. Больше мы не сможем управлять Патангой через регентство.

— Тогда давайте отступимся, хозяин! Ради всех святых! Отправимся домой, в Таллан, и покончим со всем этим!

— Заткнись, дурак! Я знаю, что в душе ты — жалкий трус. Так старайся хоть внешне походить на человека. Да... твое регентство на этом заканчивается... Хаос поглотил мальчишку и идиота-героя, который спасал его. Напрасно. Мы не причинили бы Тарту большого вреда, просто свели бы с ума и заставили выполнять наши приказания. Принц Тарт отрекся бы от престола в твою пользу, чтобы потом тихо умереть от изнурительной лихорадки... Жаль, что все не случилось именно так. Не люблю неоконченные дела.

Марданакс задумчиво потер рукой подбородок, и голос его зазвучал мягко и вкрадчиво.

— То, что произошло, меняет все наши планы. Надо найти новый альтернативный вариант и перейти к его осуществлению. Конечно, тут есть определенные сложности. Всё случилось так неожиданно, что времени просто не остается.

— Что за альтернативный вариант, хозяин? — Далендус Вул недоверчиво взглянул на него.

Марданакс ободряюще улыбнулся.

— Ты должен будешь жениться на саркайе Соомии и унаследовать при этом трон, как истинный сарк Патанги и повелитель Запада,— в голосе колдуна зазвучали бархатистые нотки.

Побледневший барон изумленно повторил:

— Жениться на саркайе...— И тут же захныкал.— Но как же я смогу... почему она?

Голосом, в котором отчетливо звучали ледяные нотки, Марданакс резко прервал жалкое бормотанье Далендуса Вула.

— У нее не будет выбора. Она исполнит то, что я ей прикажу. Воздействуя и дальше на ее разум, я добьюсь того, что окончательно подчиню ее себе, как, впрочем, и тебя, толстомордого дурака! Но я рассчитывал, что мне будет отпущено какое-то время... Я не готов действовать прямо сейчас!

— А вы уверены, что ваш план сработает? — засомневался Вул.

— Откровенно говоря, не очень уверен. Мы убрали от саркайи самых близких людей, и это не могло не вызвать подозрений. Но поступить так было необходимо: ведь моя власть над ней не безгранична, и я не решаюсь показывать ее людям, особенно тем, кто хорошо ее знал. Увидев ее, они сразу поймут, что с Соомией творится что-то неладное. И все же у нас есть шанс. Прежде всего, постараемся немного продлить твое регентство. Мы сообщим о днях королевского траура, и это сообщение будет иметь подпись и печать королевы. Так мы выиграем еще несколько дней. И кроме того,— он разразился мурлыкающим смехом,— в результате такого неожиданного поворота событий мы получаем еще один козырь. Поскольку тот дурак, который похитил мальчика, был из отряда Черных драконов, мы можем арестовать Зэда Комиса, командира этого отряда. Скажем, что имел место заговор среди высших офицеров под руководством Зэда Комиса, направленный на свержение законных правителей и захват власти. Звучит недурно! В ближайшее время отдадим соответствующее распоряжение.

Он умолк, радостно посмеиваясь, и, взглянув на расстроенного барона, на его отрешенное, искаженное страхом лицо, ободряюще проговорил:

— Ну, мой правитель-регент, заканчивайте завтрак и давайте займемся делами. У нас впереди трудное утро: надо сообщить

об официальном сроке траура, арестовать и посадить в тюрьму даотара Черных драконов. Что же касается вашей предстоящей свадьбы, мы оповестим народ об этом позднее, но на этой неделе.

Глава 3
БАРИМ РЫЖЕБОРОДЫЙ

Ветер гуляет на вольном просторе,
Яркие звезды играют с луной.
Мы на волнах серебристого моря
Золото ищем ночною порой.

Морская песня пиратов Таракуса

До помутненного сознания Чарна Товиса, которого волны залива то подымали вверх, то опускали вниз, постепенно стали доноситься чьи-то возгласы, по-видимому, обращенные к нему. Он чувствовал, что одной рукой крепко сжимает какой-то предмет, но не мог открыть глаз, чтобы посмотреть, что у него в руке. Задыхаясь, он выплюнул теплую солоноватую воду. Затем что-то шлепнулось в волны рядом с ним, и Чарн Товис, защищаясь от неведомой опасности, взмахнул рукой.

Тут же кто-то сильно схватил его за горло, и Товис понял, что его предупреждают не делать резких движений.

— Плыви спокойно, Тангмар поможет тебе,— услышал он чей-то голос.

Чарн Товис расслабился, но рука его все продолжала сжимать непонятный предмет, который теперь пришел в движение. Он услышал кашляющие звуки — кто-то выплевывал морскую воду. Открыв наконец глаза, он увидел, что крепко держит джасарка Тарта.

Тангмар — так, по-видимому, звали его спасителя — крикнул, чтобы им бросили трос. Затем сознание молодого воина вновь помутилось.

Когда он пришел в себя, то лежал на деревянной палубе корабля под огромным темно-красным парусом.

— Гляди-ка, очухался,— услышал он чей-то грубый голос.

— А что с мальцом? — спросил кто-то.

— Все будет нормально — вон сколько воды вышло из него.— В этом голосе чувствовался поющий акцент Кадорны.

Чарн Товис приподнялся, опираясь на локоть, и осмотрелся. Вокруг него собрались грубоватого вида люди. С длинными волосами, заплетенными в косы, обнаженные по пояс или в рубашках малинового шелка и черных камзолах; их мускулистые загорелые тела были стянуты кожаными ремнями, на которых висели тяжелые мечи. Кроме этого многие были вооружены кинжалами с золотыми рукоятками, выступавшими из-за широких кушаков. У других Товис увидел и кривые восточные сабли с широкими клинками, и изящные, острые, как игла, рапиры Тсаргола, и зазубренные тесаки прибрежных городов, и тупые канворы Куша, и даже заканчивающиеся шишаками танги, которыми пользовались дикие племена джунглей Ковии. Большинство мужчин было босиком, но на некоторых он увидел высокие ботфорты.

Тут собрались представители разных национальностей Лемурии. Большую часть составляли темнокожие черноволосые южане, но Чарн Товис увидел и стройных уроженцев Кадорны, с золотистой кожей и янтарными глазами, и даже огромного синекожего кочевника с далеких равнин Востока. Незнакомцы носили золотые кольца, в ушах у них также сверкали украшения. Лица были отмечены шрамами и даже клеймами, выдававшими преступное прошлое. Некоторые щеголяли бородой, что было вообще редкостью среди соплеменников Товиса. Тут собралась грубая и разношерстная команда, одетая в пестрые варварские одежды, но они казались довольно дружелюбно настроенными и разглядывали Товиса и Тарта с любопытством и без враждебности.

Один из них опустился на колени с кружкой дымящейся жидкости и мускулистой рукой обнял Чарна Товиса за плечи.

— Ну-ка, выпей, тебе будет лучше,— сказал он хриплым голосом.

Молодой воин признательно кивнул и глотнул дымящегося напитка — тот напоминал горячий мясной бульон с добавлением бренди. Для Чарна Товиса угощение имело невыразимо приятный вкус, особенно если учесть, что в течение последних трех часов он вдоволь нахлебался соленой морской воды. Теперь же он медленно пил, ощущая, как тело наполняется теплом.

* * *

Когда летающий дракон атаковал воллер, Чарн Товис схватил Тарта и выпрыгнул из кабины. На нем был «небесный по-

яс», и хотя энергетический кристалл уже не действовал, покрытие урилиума обладало достаточной силой, чтобы уменьшить скорость падения.

Беглецы медленно спускались вниз, но скорость их движения все-таки постепенно нарастала, и удар о воду залива оказался достаточно ощутимым. Они ушли глубоко под воду, и Тарт потерял сознание. Увидев, что мальчик остался под водой, Товис нырнул (он был неплохой пловец и ныряльщик) и теперь уже показался на поверхности вместе с принцем. Он старался держать ребенка так, чтобы лицо ему не захлестывали волны, и джасарк скоро пришел в себя.

Молодому воину хорошо были видны патрульные воллеры. Когда напали драконы, преследователи находились слишком высоко и не смогли прийти на помощь. Не могли они и разглядеть беглецов среди обломков корабля, разрушенного летающим чудовищем. Чарн Товис понял, что пилоты воллеров не сомневаются в их гибели, так как, сделав прощальный круг, воздушные корабли взяли курс на Патангу. Последняя надежда на спасение пропала. Вокруг на многие мили простиралось море. Им никогда не удастся добраться до земли. Что за странная ирония судьбы: спастись от драконов, не погибнуть при падении с корабля... и утонуть в заливе! Если не случится чуда, они обречены...

Но чудо произошло. Через несколько часов изнурительного морского купания, когда силы Товиса были на пределе и он почти потерял сознание, их заметили с пиратского судна «Ятаган». Того мускулистого, с бронзовым загаром пирата, который дал Чарну Товису выпить бульона, звали Тангмаром. Именно он прыгнул в воду, чтобы спасти беглецов.

Тангмар был высоченным гигантом из страны, покрытой девственными лесами и находящейся к западу от Тсаргола. Ее населяли дикие племена, постоянно враждовавшие между собой. Сейчас пират стоял перед Товисом — великан семи футов ростом, с мощными мускулами цвета бронзы. Его ярко-золотистая грива волос была заплетена в толстую косу, спускавшуюся вдоль спины. Пират широко улыбнулся, увидев, что спасенный пытается встать, в его странных голубых глазах зажглись дружелюбные огоньки. Товис никогда раньше не видел голубоглазого человека среди жителей Запада. Все, кто жил там, имели темные глаза, черные волосы и характерный коричневый отте-

нок кожи. Светловолосые голубоглазые люди были редкостью для девяти городов Лемурии.

Никогда раньше не встречал молодой воин и уроженцев Коданга — диких воинов-варваров. Они избегали городов и жили в таинственной стране Красного леса, расположенной на южном побережье Лемурии, между Тсарголом и Таракусом. Эти лесные дикари отчаянно не желали следовать обычаям и образу жизни горожан и предпочитали примитивные поселения, обнесенные частоколом и скрытые в лесах. Однако Тангмар, как позже узнал Чарн Товис, в детстве расстался со своим народом. Еще мальчиком он был захвачен пиратами, а потом стал таким же, как и они, выбрав для себя полную опасностей и приключений жизнь морского волка.

* * *

— Ну вот, теперь ты и мальчишка в порядке,— проговорил светловолосый гигант, ухмыляясь.— Ну-ка отвечай, что вы делали в заливе, так далеко от земли?

Чарн Товис ответил не сразу. Он понимал, что пираты не симпатизировали ни одному из правителей империи. Они грабили корабли прибрежных городов. Если они узнают, что перед ними джасарк Тарт, то, несомненно, попробуют получить за него приличный выкуп от Далендуса Вула. В результате наследник снова попадет в руки врагов.

Молодой воин оглядел себя. Плащ и сапоги он скинул сразу, как оказался в воде, чтобы легче было держаться на плаву. Тогда же он избавился и от доспехов с покрытием из урилиума, и от кристалла ситурл, опасаясь, что в воде произойдет короткое замыкание. Теперь, в набедренной повязке, с намокшим кожаным поясом, он выглядел простым рыбаком, и в его одежде не оставалось и намека на то, что он воин из отряда Черных драконов Патанги. Он перевел взгляд на Тарта. На том была лишь набедренная повязка. Промокший и испачканный, он совсем не походил на джасарка.

Чарн Товис уже собирался изложить перед любопытствующей командой какую-нибудь правдоподобную историю, не раскрывая при этом сведений ни о себе, ни о мальчике, но его опередили сами пираты, которым не терпелось обнаружить собственную, как им казалось, проницательность.

— Это рыбаки, нечего и думать,— проскрипел худой усатый старик, грубое и обветренное лицо которого было испещрено белыми шрамами. На брови его наползал малиновый платок, а пустую глазницу прикрывала черная лента.— На них напал дракон, и они потеряли лодку,— продолжал старый пират, сверля беглецов своим единственным глазом.

— Ага, старый Дурган знает, что говорит,— кивнул толстяк из Ковии, огромное брюхо которого охватывал широкий кожаный пояс, весь увешанный кинжалами и кортиками. С добродушным выражением на красном, покрытом потом лице, смотрел он на Тарта, который, в свою очередь, не сводил глаз с огромной золотой серьги, сверкавшей в ухе пирата.— Похоже, мальчишка родом из Зангабала,— пропыхтел толстяк, поджимая губы,— верно, паренек? Скажи Блею правду!

Прежде чем Чарн Товис смог что-либо ответить, раздался громоподобный рев:

— Эй, толстобрюхий! Я проведу допрос у себя на палубе. Дурган, приведи-ка их сюда, если они не разучились ходить. Посмотрим, что за рыбу мы вытащили на этот раз... Поторапливайтесь, долговязые!

— Капитан, это рыбаки из Зангабала,— доложил старый Дурган и с важным видом знатока добавил: — Их смыло волной за борт.

— Ну что же, поглядим,— прорычал главарь пиратов.

Блей, Дурган и ухмыляющийся Тангмар помогли Чарну Товису и Тарту подняться по крутым деревянным ступенькам на носовую палубу и почтительно отступили перед капитаном.

— Хм, довольно грязная парочка, поджарьте меня с потрохами, если я не прав,— проворчал тот, оглядывая спасенных сверху донизу.

Капитан был человеком-горой — гигантом с широкой грудью и бычьей шеей, с сильными руками и ногами, похожими на корни могучего дерева. Самым удивительным в нем была его огромная борода, закрывавшая половину лица и спускавшаяся почти до пояса, усеянного драгоценностями. Кудрявая, как руно, и ярко-рыжая, как природное золото, она являла поразительный контраст с его сильно загорелым, бронзовым лицом. Надо добавить, что грудь капитана была чрезвычайно волосата, и, стоя на палубе в ярком свете дня, он напоминал огромного медведя со светлой шерстью. В этот день на нем были штаны

бутылочно-зеленого цвета и огромные ботинки из черной кожи, на самые брови надвинут золотисто-малиновый платок. Большая кривая сабля болталась на боку пирата, повешенная на перевязь.

— Кто вытащил их из воды, ты, Тангмар? — прорычал он могучим басом, который, казалось, исходил из глубин его большого живота.

Гигант с готовностью кивнул.

— Ну что ж, если в следующий раз ты бросишься спасать таких же костлявых неудачников, «Ятаган» тебя дожидаться не будет. Посмотри-ка на них — кожа да кости, а мяса так мало, что ими даже рыбу не накормить. Чтобы привести их в нормальное состояние, мы затратим больше, чем выручим от их продажи.— Капитан был явно не в восторге от такого «улова». Он уставился на Чарна Товиса своими серыми, холодными, как сталь, глазами.— Если ты думаешь, парень, что я поверну корабль и отвезу тебя обратно в Зангабал, ты ошибаешься. Меня зовут Барим из Белнарта. Некоторые зовут меня Рыжебородым. Только сегодня утром мы захватили купеческую галеру из Зангабала, разграбили ее до последней доски и утопили. Вряд ли зангабальцы отнеслись бы по-доброму к Бариму Рыжебородому, если бы он оказался так глуп, что отвез бы вас туда. Нас бы тут же вздернули. Что ты на это скажешь?

Чарн Товис заставил себя улыбнуться.

— Капитан Рыжебородый, меня зовут Чарн, а это — Тарн, мой брат,— сказал он, изменяя имя джасарка.— Мы очень благодарны вам за вашу доброту, за то, что вы спасли нас. Могу ли я спросить вас, что вы собираетесь с нами делать?

Услышав такие слова, капитан немного сбавил тон и заговорил более приветливо:

— Сейчас мы должны вернуться в свой порт, нигде не задерживаясь, и вы отправитесь вместе с нами — хотите вы этого или нет. Мы выделим вам койки и накормим: малышу надо нарастить мясо на костях, выпустите мне кишки, если я не прав!

Тарту не понравилось такое покровительство. Движением руки он коснулся пояса, где всегда висел его маленький меч, но тот безвозвратно исчез в водах залива.

— Я проучу тебя,— взорвался юный принц, но тут же замолк, так как Товис крепко сжал его голое плечо. Воин кашлянул.

— Мой брат Тарн немного не в себе, капитан. Мы пробыли в воде несколько часов до того, как появился ваш корабль.

— Все нормально, мне нравятся парни с характером,— рассмеялся Барим Рыжебородый.— Ну, раз вы моряки, вы знаете, что делать на корабле. Будете драить палубы, чинить такелаж и оснастку — вот и оплатите ваше содержание. Отведи их вниз, Дурган, пусть набьют свои пустые желудки и немного отдохнут. А теперь поднимем паруса и — домой. И больше никаких задержек, или половина флота Зангабала окажется у нас на хвосте!

Помощник капитана, плотный, черноусый, отвратительного вида человечек, рыча, стал отдавать команды. Пираты вскарабкались на реи, паруса с шумом развернулись, наполняясь утренним бризом. «Ятаган», набирая скорость, заскользил по волнам.

Спускаясь вниз, в каюту, Чарн Товис бросил последний отчаянный взгляд на открытое море и утреннее небо. Никогда раньше не сталкивался он с выражением «из огня да в полымя», но сейчас с ними как раз такое и случилось. Проявив смелость и сообразительность, он вырвал джасарка из предательских рук Далендуса Вула, и все это лишь для того, чтобы оказаться у ужасных пиратов Таракуса.

Глава 4
КРЮК В СПИНУ

Ночь светла, стремителен прилив.
Поднимайте паруса скорее!
Мы выходим в море, грусть забыв,
Чтобы золотой увидеть берег...

Морская песня пиратов Таракуса

Пираты Таракуса были настоящим бедствием Яхен-зеб-Чуна, Южного моря, и ужасом для всего побережья. Однако они нечасто заходили так далеко в залив Патанги. Чарну Товису и принцу Тарту повезло, что Барим Рыжебородый появился здесь, иначе они утонули бы в соленых водах залива. С другой стороны, они оказались пленниками жестоких головорезов, не уважавших ни закон, ни короля, ни самих богов.

В первые дни после спасения Товис, или Чарн из Зангабала, как его теперь звали, привыкал к нелегкой морской жизни и учился у пиратов. Однако больших симпатий морские разбой-

ники не вызывали. Команда корабля представляла собой грубое и неопрятное сборище матросов. Грязные ругательства постоянно срывались с их языка. Но железная рука Барима Рыжебородого умело сдерживала бандитов, заставляла работать, справедливо судила за проступки, прерывала их частые споры и удерживала от чрезмерного пьянства, любимого времяпрепровождения. Главарь пиратов мог одолеть любого из своей команды, даже таких, как светловолосый гигант из Коданга Тангмар или девятифутовый синекожий кочевник Рогир. Все боялись и уважали его, и Чарн Товис сразу понял, что капитан «Ятагана» необычный человек.

Молодому воину из княжеского окружения и джасарку нелегко было привыкнуть к своей новой и такой странной жизни. В первое же утро, как только они остались одни, Чарн Товис предупредил Тарта, чтобы тот следил за своими словами. Мальчику нужно было забыть о том, что он принц Патанги. Ни своими речами, ни поведением он не должен выдать себя. Для окружающих — он просто Тарн, юный рыбак из Зангабала.

Члены команды относились к спасенным по-дружески. Но пленники должны были очень много работать, а поскольку они не были знакомы с морским делом, то их неуклюжесть бросалась в глаза. Один из пиратов с особым удовольствием отпускал свои насмешки. Звали его Готар. Родом из Турдиса, злобный и неуправляемый, этот грубый негодяй часто затевал скандалы. В одном из морских сражений он потерял правую руку, но оставшейся культей действовал очень ловко. На культю была сделана специальная насадка, в гнездо которой пират мог вставлять различные предметы (на своем поясе он носил целый набор). Иногда он использовал даже стальной крюк или лезвие пилы. Худой, обветренный всеми ветрами старый Дурган и дружелюбный толстяк Блей предупредили Товиса, чтобы он остерегался дикого нрава Готара. Ведь тот был настоящим убийцей, от руки которого в драках и скандалах погибли девять человек. Все они были сражены наповал острым, как лезвие бритвы, крюком из арсенала разбойника.

— Как только увидишь, что Готар берется за крюк, берегись,— предупредил молодого воина Дурган,— это значит, он собирается кого-то убить.

Чарн Товис пообещал остерегаться зловещего Готара и велел Тарту держаться от страшного однорукого разбойника подальше. Однако это было легко сказать, но не сделать, так как Готар

продолжал обидно насмехаться над беглецами. Молодой воин старался, как мог, выдерживая издевательства и грязную ругань, но когда увидел, что Готар позволяет себе так же обращаться и с мальчиком, он не выдержал.

Как-то Тарт занимался починкой снасти, а это дело требует большого терпения и ловкости рук. В какой-то момент мальчик запутал нить и испортил уже начатую работу. Это совершенно разъярило однорукого пирата. Изрыгая ругательства, он сбил Тарта с ног и уже взмахнул рукой, чтобы ударить его по лицу.

В два прыжка Чарн Товис пересек палубу и, словно тисками, схватил Готара за плечо, развернул его к себе и дважды ударил. Первый удар был в живот, прямо под ребра. Второй, направленный снизу вверх, пришелся в челюсть. Голова пирата резко дернулась назад, его подбросило вверх на полдюйма, а затем он глухо ударился о перила.

На палубе все стихло. Толстый Блей вращал белками глаз, и только с языка Дургана сорвалось ругательство. Чарн Товис стоял наготове со сжатыми кулаками. Готар, красный от ярости, медленно поднялся на ноги, вытирая струйку крови, протянувшуюся из уголка рта. Глаза его пылали ненавистью. Костлявая рука скользнула к поясу, и в ней оказался огромный нож. У Чарна все похолодело внутри, но он продолжал стоять, готовый защищаться даже голыми руками.

Вдруг на злобно рычащую фигуру Готара упала черная тень, и кнут, просвистев, ударил его по лицу. Кровь ручьем полилась из рассеченной кожи. Пират отшатнулся и встретил ледяной взгляд Барима Рыжебородого. Хлыст капитана скользнул по палубе, а его серые глаза были холодны, как арктический лед. Наглец понял — пощады не будет.

— Я следил за тобой, Готар,— проревел Рыжебородый.— Теперь послушай-ка меня, ты, мерзкая собака. Если я еще раз увижу или услышу, что ты коснулся своими грязными лапами этого малыша, я вспорю своим кнутом тебе спину, так что ребра будут торчать наружу. Ты понял меня? А теперь отправляйся в свою конуру, мерзавец! Пошел вон!

Сказав это, капитан презрительно повернулся спиной к Готару, лицо которого побледнело от услышанных оскорблений. Находившиеся на палубе матросы потупили глаза, и лишь Чарн Товис наблюдал за тем, что же произойдет дальше.

Как большая белая клешня, здоровая рука пирата ощупала пояс и выхватила крюк. Прежде чем Чарн успел опомниться, Готар прицепил крюк к культе. Сделав большой шаг вперед, он вскинул ее, чтобы всадить острый крюк в широкую спину Барима Рыжебородого.

Не раздумывая ни секунды, Товис бросился на Готара. Казалось, время замедлило свой бег. Схватив руку пирата, молодой воин попытался отвести ее в сторону. Страшное острие при этом скользнуло по его груди, оставляя ярко-красный след на бронзовом от загара теле. Чарн Товис задохнулся, почувствовав укус холодной стали. Мышцы на его плечах напряглись. Он резко опустил руку Готара вниз, а затем отвел назад. Крюк по самую рукоятку вошел пирату в живот. Тот побледнел, губы его дрожали, словно он пытался что-то сказать, на них показалась кровавая пена. Пират мешком свалился на палубу. Он так и умер с не произнесенным до конца ругательством на губах.

Чарн Товис почувствовал, что слабеет. Кровь хлестала из раны ручьем. Он покачнулся на онемевших ногах, и палуба закружилась перед глазами. Сильная рука Барима Рыжебородого обняла его за плечи. Капитан помог ему устроиться на куче парусины, а затем своим громовым голосом потребовал, чтобы принесли горячей воды и чистую одежду. Ловко и заботливо, как женщина, Барим промыл рану молодого воина и перевязал ее.

Рана оказалась неглубокой и должна была зажить быстро и без осложнений. Целый день Чарн Товис отдыхал на своей койке, но вскоре поднялся и начал бродить по кораблю. Он заметил, что отношение пиратов к нему и принцу резко изменилось. Команда корабля не считала их больше чужаками: Товис и Тарт завоевали их дружбу.

Несмотря на свое кровавое ремесло, пираты оказались добрыми людьми. Не имеющие семьи, ведущие грубую, полную смертельной опасности жизнь, они были безгранично преданы капитану и рады выказать свою признательность Чарну Товису, который спас их главаря от предательского удара крюком в спину.

Пока молодой воин отдыхал и залечивал рану, используя свежий воздух, соленый морской ветер и пялящее солнце, старый Дурган, толстяк Блей и другие матросы приняли на себя заботу о Тарте и наперебой обучали мальчика взбираться на реи и держать равновесие.

Тангмар еще раньше стал другом Чарна Товиса и Тарта — с того момента, как бросился с борта «Ятагана» в синие воды залива и спас их. Теперь добродушный светловолосый гигант из Красных лесов Коданга обучал Тарта управлять кораблем, держать руль так, чтобы «Ятаган» стремительно двигался вперед, оставляя позади пенящийся след.

Один за другим и остальные члены команды стали проявлять к принцу свое дружеское расположение. Кочевник Рогир, мрачноватый и молчаливый синекожий рохал, обычно избегал компании других людей, возможно, из-за своей национальности: он был единственным кочевником с дальнего Востока среди матросов «Ятагана». Но Тарт еще раньше выучил несколько слов рохальского диалекта, узнав их от Шангота, Чунды и других воинов племени джегга, которые служили в личной гвардии Тонгора. И вскоре улыбчивый мальчик стал другом даже неразговорчивому Рогиру, и Товис не раз видел, как девятифутовый гигант таскает принца на своих плечах.

Даже мрачный, вечно недовольный помощник капитана, плотный черноусый человек по имени Ангар Зенд, был покорен отважным поступком Чарна Товиса и мальчишеской бесшабашностью Тарта. Он благосклонно смотрел на маленького джасарка и позволял пиратам обучать его тому, как действовать наверху, над палубой. Вскоре смышленый и храбрый мальчуган карабкался по канатным лестницам, как бесстрашная обезьянка.

Тарт был еще очень юн, а в этом возрасте хорошо ко всему приспосабливаются. Мальчик подружился с матросами, для которых стал чем-то вроде любимого домашнего животного. Они оспаривали друг у друга право учить его тому, как надо сплетать концы каната или менять паруса, как обращаться с абордажной саблей и как определять путь корабля по ветрам и течениям или рассчитывать курс по звездам. Тарт, который никогда в жизни не бывал на большом корабле, наслаждался плаванием. И даже Чарн Товис начал успокаиваться: вряд ли можно было бы найти другое более безопасное укрытие от Далендуса Вула и его охраны, чем здесь, среди пиратов Южного моря.

Светловолосый гигант Тангмар вскоре поведал молодому воину, что у грозного на вид Барима Рыжебородого было на самом деле доброе сердце, а его неистовый темперамент и про-

низывающий взгляд по большей части наигран. Товис узнал, что Барим родом с севера. Его родиной были суровые холодные степи за горами Моммур, откуда много лет тому назад пришел Тонгор. Молодой воин думал о том, как отреагировал бы капитан, узнав всю правду о смерти Тонгора и их бегстве. Возможно, пирату не стоит доверять столь важную тайну. Жадность и беззаконие кровавого ремесла могут заставить Барима попытаться продать принца его врагам. Или же родство с Тонгором и Тартом окажется сильнее и сделает пиратского главаря верным и надежным другом?

Чарн Товис не знал, как поступить в такой ситуации. Он уже склонялся к тому, чтобы довериться грубоватому на язык, но дружески настроенному капитану и попросить у него помощи, хотя понимал, какую несет ответственность, взяв джасарка на свое попечение. В этом мальчике заключалось будущее Патанги.

И он, Чарн Товис, оправдает это доверие. Не колеблясь ни минуты, он отдаст жизнь, чтобы защитить принца от любой опасности. Он уже многим пожертвовал ради Тарта — стал беглецом, чье имя было запятнано и осквернено, предателем в глазах тех, кто не знал правды о Далендусе Вуле. Ему придется терпеть столько времени, сколько потребуется, но он дождется своего часа.

Однако решение нужно было принять как можно скорее, так как Барим Рыжебородый уже поведал, что ожидает пленников по прибытии в пиратский порт Таракус.

Ближе к концу путешествия молодой воин сам спросил об этом, набравшись храбрости. Капитан дернул себя за огненный ус и пророкотал, избегая взгляда Товиса:

— Ну, что касается этого, парень, то Закон Красного братства морских пиратов не оставляет мне никакого выбора. Каштар, наш вождь, требует, чтобы каждый пленник, захваченный или спасенный, был продан на рыночных торгах.

Чарн Товис стоял молча, ошеломленный этим известием. Он и раньше опасался прибытия в порт, и неприятные предчувствия не раз охватывали его. Но действительность оказалась намного ужаснее того, что он мог себе представить.

«Сын Тонгора станет рабом,— подумал он с мрачным отчаянием,— и все из-за меня: мне нужно было бы действовать мудрее».

— Мне жаль вас, парень,— грубовато проговорил капитан.— Если бы это зависело от меня, я взял бы и тебя, и парнишку в свою команду. Но что я могу поделать — даже в Таракусе правит Закон. Но я помню, что я твой должник,— продолжал пират,— мы с тобой кровно повязаны, и я не был бы честным человеком, если бы не расплатился с тобой достойно. Я сделаю вот что. Когда ты и парнишка будете выставлены на торги, я куплю вас обоих. Тогда вы сможете войти в нашу команду. Конечно, этого мало за то, что ты сделал для меня, ведь ты спас мне жизнь.

Чарн кивнул, не решаясь заговорить. Он не был неблагодарным. Он понимал необычную щедрость такого поступка со стороны Рыжебородого. Но как сможет он стоять и наблюдать за тем, как сына Тонгора — наследника Патанги — продают, как раба, на торгах, даже если Тарта покупает их хороший друг? Что же делать, чтобы избежать этого?

Барим Рыжебородый не мог правильно расценить его молчание. Он дружески толкнул Товиса в плечо, потом быстро зашагал по палубе, чтобы разобраться с пиратом, который, работая на вантах, допустил ошибку.

Молодой воин задумчиво бродил по кораблю. На глаза ему попался Тарт. Черную гриву волос покрывала красная вязаная шапочка, яркий пояс ловко охватывал стройную талию. Скрестив ноги, мальчик восседал на бочке, наблюдая за тем, как пираты танцуют грубый матросский танец, и подпевал своим детским голосом хору ревущих голосов, исполнявшему бесстыдную песню.

Чарн облокотился о перила и посмотрел на бегущие волны. Белые чайки, пронзительно крича, кружили над кораблем. Синие воды впитывали яркий солнечный свет и искрились десятками тысяч танцующих отблесков.

На закате «Ятаган» войдет в гавань Таракуса.

Молодой чантар прилагал все усилия, чтобы отыскать путь к спасению. Но как он ни пытался, ему не удалось найти никакого решения проблемы. С каждым часом беглецы уплывали все дальше от мирных городов северной части залива. С каждым часом они приближались к загонам для рабов пиратской столицы — Таракуса.

Чарн Товис ничего не мог предотвратить. Но нельзя опускать руки. Надо найти способ, чтобы помочь мальчику бежать.

Нос корабля с резным драконом разрезал соленые морские воды. Подхваченный легким бризом, «Ятаган» на всех парусах держал курс на юг — к Таракусу.

Часть 4
В МИРЕ БОГОВ

Некто создал Девятнадцать Богов: Горма — отца звезд и великого Трифондуса, Эдира — Бога Солнца и Тиандру — Богиню Удачи, Диомалу — Богиню Плодородия и Иллану — Владычицу Луны, Карчонда — Бога Воинов и Дирма — Бога Бури, свирепого Авангру — Повелителя Призраков и Ириона, Иондола — Бога Песен и Аслака — Кузнеца Богов, Пнота — Бога Мудрости и Алтазона — Вестника Богов, Нергондила и Аарзота — Бога Ветра, и Шастадиона — Бога Моря, и Зат-Ломара и умного Балкира. В их руки он вложил силу природы и законы мироздания... И мир был создан.

Летописи Лемурии. Книга первая, глава II

Глава 1
БОГ МУДРОСТИ И ВЕЧНОСТИ

О, как далеко и долго дорога его вела
Через загадки и тайны, сквозь силы добра и зла.
И вот перед ним сияет где-то средь облаков
Лик величавый и грозный мудрейшего из богов.

Сага о Тонгоре, XVIII

С высоты на Тонгора смотрело таинственное гигантское лицо. Всепоглощающий благоговейный страх заполнил сердце валькара, и он замер у подножия горного трона, глядя на необъятную фигуру, нависающую над ним.

Лицо Бога напоминало человеческое, но носило печать сверхъестественного величия и неземной духовной красоты. В нем ощущалась сила, непобедимая воля и огромная мудрость, выходящая за пределы понимания простых смертных.

Туманный водопад бороды струился по неясно очерченной громадной груди. Острые и яркие, как огромные звезды, глаза

сверкали из-под едва различимого капюшона. Могучая рука прижимала к груди огромную книгу, закрытую семью печатями. Это была легендарная Книга миллионолетий. Тонгор понял, что перед ним Бог Звездной Мудрости и Вечности — Пнот.

Бог Вечности, глядя на Тонгора сверху вниз, обратился к нему с вопросом, и глубокий голос походил на раскаты далекого грома.

— Что ты, воин из племени валькаров, делаешь здесь, в Королевстве Теней?

Тонгор откинул назад свои густые черные волосы и поднял меч в салюте, с каким люди обращаются лишь к самым могущественным королям.

— Я считаюсь умершим, и моя тень теперь бродит здесь с какой-то неведомой целью.

— Ты считаешь себя мертвым,— возразил Бог Вечности на его слова.— Ты ничему не научился, попадая в различные ситуации во время странствия по этой стране?

Валькар почувствовал недоумение. Он не знал, как отвечать.

— Я узнал, что не все таково, каким кажется, и что внешняя оболочка еще не говорит об истинности явления в этой странной Стране Теней,— наконец сказал он.

Титан медленно кивнул в знак согласия, задумчиво разглядывая Тонгора, а потом продолжил:

— Тогда подумай, как поступить, если действительность не соответствует внешнему проявлению. Как ты можешь знать, что на самом деле находишься здесь и что все, что ты видишь вокруг себя, не часть какого-то сна? Что же касается смерти, то что ты знаешь о жизни, чтобы говорить так уверенно?

И опять валькар не знал, что ответить. Он чувствовал свою ничтожность перед глубокой мудростью Бога Вечности, восседавшего на горном троне. Размеренным протяжным голосом Пнот говорил:

— Существует десять тысяч состояний бытия, и различие между ними зачастую не более толщины волоска. Ты и твой род по своему невежеству и глупости все оттенки этих разновидностей существования определяете всего двумя терминами. Один из них — «жизнь». Но вы и сами не понимаете смысла этого определения. Другое состояние вы называете «смерть». И тут тоже непонятно, что вы имеете в виду. Для вас все, что не живет во плоти, означает смерть, а все, что живет во плоти, означает жизнь. Однако состояние бытия — это нечто большее, чем эти

два определения, смертный, значительно большее, чем ты можешь себе представить. Словно ты все светлые оттенки цветов назвал белыми, а все темные — черными. Поэтому самую большую глупость ты совершаешь, когда судишь о тех вещах, о которых не имеешь представления.

Воин нахмурился. Человек, привыкший действовать, а не рассуждать, он никогда раньше не интересовался философскими абстракциями. Но сейчас он старался уловить хоть какой-то смысл в странных словах Пнота.

— Может быть, могущественный Бог Вечности имеет в виду, что когда я ощущаю себя в Стране Теней, то это еще не значит, что я действительно умер? — спросил он.

На лице Бога появилась улыбка. Он важно кивнул в знак согласия.

— Если это так, то почему я здесь и как попал сюда?

— Не спрашивай меня о том, как ты оказался здесь, а задай эти вопросы Богу Богов Горму, Отцу Звезд, поскольку только он знает ответ.

При упоминании о Горме в сознании Тонгора опять всплыл тот же вопрос, которым он задавался несколько часов или веков тому назад при разговоре с Привратником у Врат Теней. Именно тогда его в какой-то момент заинтересовало, были ли верными все сказания Алой Эдды. Ему всегда говорили о Девятнадцати Богах, наблюдающих за миром, и о том, что крылатые Воинственные девы после смерти возносят дух доблестных героев на небеса, в сияющий Чертог героев, где властвует сам Отец Горм — Творец Земли и Создатель Звезд.

Но с Тонгором этого не случилось. Была ли во всем этом какая-то тайна, скрытый смысл которой северянин должен был разгадать? Нужно ли спросить об этом у Пнота, или же он должен найти ответ самостоятельно?

Голос Пнота опять зазвучал над его головой:

— Мне известны твои мысли, валькар, и те вопросы, которые теснятся в твоей голове. Ну что же, давай я подниму тебя к своему трону и покажу тебе путь, по которому ты должен будешь пройти.

Гигантская рука опустилась с горных высот к обнаженной фигуре Тонгора. В следующий миг валькар почувствовал, что его подняли вверх. Ветер раздувал и спутывал длинную гриву его волос, откидывая их за спину, как черное развевающееся знамя.

Земля осталась далеко внизу, и у воина закружилась голова. Могучая рука Бога так быстро подняла его на самый верх отвесных скал, что сознание короля на какое-то время помутилось.

Вскоре, однако, он пришел в себя. Он стоял на гребне горы, которая вместе с другими образовывала гигантский трон Пнота. Этот пик высоко подымался над пустынными равнинами Страны Теней. С этой высоты та половина мира, по которой он странствовал, казалась очень маленькой. Он мог проследить почти весь свой путь по безжизненной пустыне — от Врат Теней до горного трона. Сверху едва можно было разглядеть туманную пелену, окутывавшую удивительное Королевство и странную, казавшуюся бесконечной дорогу, по которой он шел. Тонгор огляделся и с удивлением обнаружил, что Пнот исчез.

«Странно, очень странно,— подумал валькар с недоумением.— Все в этой проклятой стране — загадка».

Темные небеса над ним сверкали звездами. Но это были не звезды земного неба, и Тонгор отлично это понимал. Еще в детстве отец учил его определять направление по созвездиям. Но те звезды, что он увидел здесь, образовывали совершенно фантастические, неизвестные ему созвездия.

А над Королевством Теней виднелось то, что, очевидно, и было Чертогом героев. Подобно сияющему островку света, там выделялся сверкающий золотом остров. Он находился выше тех нескольких слабо мерцающих звезд, которые пытались осветить странные небеса, лежащие за пределами того мира, который знал Тонгор.

Туда, как говорили легенды, отправлялись души воинов-героев, не заходя в Королевство Теней, где обретали вечный покой души обыкновенных людей. Там, в небесах, на сияющем золотом острове, было место и его, Тонгора. Почему же он находился здесь? Могли ли боги ошибиться? Или в его странствиях имелся какой-то особенный, загадочный пока смысл?

Склонив голову, валькар напряженно размышлял. Подобно неясным призракам, перед ним вставало множество вопросов, но ему казалось, что ни один из них не является главным, требующим немедленного ответа.

Взгляд Тонгора упал на золотую рукоятку лучевого меча. И вдруг он осознал ту реальность, которую скрывало это символическое Королевство. Неожиданно перед ним встал вопрос, определивший суть загадки.

Вопрос был такой: зачем он взял меч? Действительно, почему Боги захотели, чтобы он завладел этим оружием? Ведь Тонгор уже понял, что в загадочной Стране Теней все происходящее имело определенный смысл.

Он вспомнил все события, случившиеся с тех пор, как он переступил Врата Теней. Он обнаружил меч и взял его. Очевидно, оружие было спрятано в кристалл с единственной целью — чтобы северянин обратил на него внимание. Но после того, как валькар взял его, меч ни разу не понадобился ему...

За исключением того случая, когда на его пути встало чудовище, вспомнил Тонгор. Но нет, оказалось ведь, что на самом деле монстра не существовало. Это была тень его собственного страха, и когда воин с ним справился, он одолел и чудовище.

Но ведь он убил монстра этим оружием! В решающий момент меч ожил, превратившись в сноп слепящего света, который уничтожил и распылил черный призрак его страха. Происходило ли это на самом деле? Может быть... может быть, проявление храбрости уничтожило призрачное чудовище? А сам меч был всего лишь символом его храбрости?

Разгадка заключалась в природе самого меча. В действительности это был вовсе и не меч, а лишь его рукоять. Оружие обретало свою законченную форму лишь тогда, когда у Тонгора появлялась смелость и решимость противостоять тем препятствиям, которые, казалось, окружают его.

Валькар пытался понять, открылась ли ему наконец вся истина или лишь ее часть. Опасности в Королевстве Теней оказались иллюзорными. Стена льда и река огня были обманом восприятия, и король преодолел эти преграды, как только решился это сделать.

Казалось, что все рассуждения логичны. Но какую пользу можно из них извлечь? Вновь, нахмурив брови, глубоко задумался Тонгор. Он долго молча размышлял, стоя на высокой горной вершине в сиянии далеких призрачных звезд.

Вдруг мелькнула догадка. Может быть, опыт, приобретенный в этом загадочном Королевстве Теней, поможет ему справиться с чем-то, что происходит в том мире, который остался позади него,— в мире живых? Может, и в реальном мире нет непреодолимых преград? Логическая цепь прослеживалась довольно четко. Поскольку в Стране Теней все было лишь подобием реальных земных вещей, возможно, происходящее здесь соответствовало сути происходящего на земле.

Однако в реальной жизни все обстояло немного сложнее. Чудовищный дракон, обитавший в Лемурии с первобытных времен, и непроходимые удушливые джунгли не были иллюзией. Они — настоящие, из плоти и крови. Воин мог быть невероятно храбрым, и все-таки враг, превосходящий его силами, способен был уничтожить его.

Что же тогда должен означать опыт Тонгора, приобретенный в Королевстве Теней? Смысл происходящего по-прежнему ускользал от воина. Пожав плечами, он выпрямился, и тут к нему пришло решение. Может быть, он поступает глупо, но...

Тонгор подошел к краю бездны и... бросил в нее волшебный меч!

Тот, сверкнув, пронесся сквозь пространство и исчез во мраке. Сарк лишился своего единственного оружия.

Он стоял, скрестив на груди мускулистые руки, ожидая неизвестно чего. Он понял истину, скрывавшуюся за символами, и отбросил символы, зная, что они ему уже не нужны. При встрече с любым врагом достаточно проявить мужество и решимость.

Приняв такое решение, валькар отказался от своего единственного средства защиты. Он сделал выбор пред ликами самих Богов! Теперь Тонгор ждал какого-либо знака, подтверждавшего, что он поступил именно так, как ожидали Боги.

Ему не пришлось долго ждать, хотя увиденное им оказалось далеко не тем, что он мог себе представить.

Тонгор стоял на горной вершине, и вдруг его накрыла какая-то тень. Он взглянул наверх — с туманных небес спускалось фантастическое крылатое существо.

Оно явилось за ним.

Глава 2
ДАЛЬШЕ ЗВЕЗД

Шаг — и у пропасти молча застыл он с суровым лицом,
И меч устремляется в бездну, сверкнув напоследок клинком...
Теперь я открыт пред врагами — другого оружия нет.
Ошибся ли я? О Боги! Дайте же мне ответ!

Сага о Тонгоре, XVIII

Тонгор отскочил в сторону, как загнанный зверь. Из его груди вырвался угрожающий звук, напоминающий глухое рыча-

ние. Летящее существо неожиданно расправило свои яркие крылья и оказалось рядом с гребнем горного трона.

Теперь стало ясно, что это — не животное. Ростом в два или три раза выше человека, существо излучало мерцающий свет, такой яркий, что валькару пришлось прикрыть глаза рукой. Прошло некоторое время, прежде чем он смог снова взглянуть на фантастическую фигуру на обдуваемом ветрами горном пике. Она была окружена феерическим сиянием.

Постепенно золотистое свечение стало ослабевать, и теперь Тонгор смог разглядеть странное создание. С чувством благоговейного страха смотрел он на этого пришельца, наделенного сверхчеловеческой красотой. Поражало гордое, вечно юное лицо, серьезное и в то же время открытое. Величественный, пропорционально сложенный мужчина был обнажен, но талию его окутывала полоса яркого света. Из могучего торса росли девять больших крыльев, а глаза, смотревшие на Тонгора, сияли, как два солнца. Шелковистая грива волос развевалась на ветру.

Тонгор понял, что перед ним Алтазон — Вестник Богов. Валькар видел мраморное изображение этой прекрасной девятикрылой фигуры в храмах и читал о посланнике богов в Алой Эдде, где собраны священные пророческие сказания Лемурии.

Алтазон улыбнулся и обратился к Тонгору голосом, похожим на шум сильного ветра:

— Баларба, воин Запада! Отец Богов отправил меня в Страну Теней, чтобы привести твою душу на суд перед Троном Тронов.

Северянин с серьезным выражением лица выслушал приветствие посланника богов. Он понял, что его решение бросить меч было правильным.

— Я готов.

— Тогда отправляемся в путь, герой Патанги, так как Отец Звезд ждет тебя в своих величественных чертогах.

Последовавший вслед за этим полет представлял собой невероятное, фантастическое путешествие по заполненной звездами расширяющейся Вселенной. Прекрасный посланник богов поднял Тонгора с горной вершины, и они устремились вверх, а королевство мертвых осталось далеко внизу. Они летели, рассекая пространство. Вокруг них бушевали свирепые вихри. Со всех сторон надвинулась тьма — та беспредельная ночь, которая заполняет зияющую бездну между сверкающими звездами и которую человек никогда не видел и не увидит до тех пор,

пока космические корабли будущего не оторвутся от поверхности планеты и не завоюют все окружающее их пространство.

Вскоре Тонгор почувствовал, что вихри стали стихать, но ощущение гигантской скорости мешало ему поверить в истинность происходящего. Ему стало ясно, что скорость, с которой они летели, находится за пределами человеческого понимания. Валькар понимал, что огромный мир, где он путешествовал до встречи с посланником богов, сократился до размеров горошины и затерялся в пустынной безмерности звездного пространства.

Волшебные крылья бились около него, черная грива волос Тонгора развевалась, как плащ. Его отделившийся от тела дух блуждал в поисках того, что находится за пределами восприятия, и разум не мог принять реальность происходящего. Валькар понимал, что посланник богов, несущий его сквозь межзвездное пространство, не был обыкновенным летающим существом, и что его сверкающие крылья на самом деле не борются с вихрями и не вздымаются, отталкиваясь от воздуха. Но как еще можно воспринимать полет, если не ассоциировать его с какими-либо знакомыми действиями?

Теперь Вселенная раскинулась перед ним, подобно сокровищам тысяч императоров. Звезды напоминали драгоценные камни, рассыпанные на черном бархате пустоты. Тут было намного больше светил, чем видел Тонгор раньше. Они сверкали в небесах, удивляя северянина многообразием цветов.

Одни были как искрящиеся алмазы, голубовато-белые; другие — желтоватые топазы, как глаза львов; третьи — травянисто-зеленые, как изумруды, или ярко-красные, как пурпурные рубины. Гроздья звезд самых разных оттенков сверкали вокруг, проносясь мимо и исчезая в бесконечном пространстве.

Теперь, когда они поднимались с немыслимой скоростью все выше и выше, Тонгор разглядел, что звезды образуют витые спирали сверкающего великолепия. Варвар жил за много веков до появления такой науки, как астрофизика, и ничего не знал о галактиках, но теперь он с любопытством смотрел на огромную светлую полосу, которую ныне мы называем Млечный Путь.

Солнца пылали, как огнедышащие жаровни, увеличиваясь по мере приближения к ним путешественников и уменьшаясь по мере удаления. Длиннохвостые кометы, призрачно сияя, проносились мимо. Казалось: это рука божества нанесла мазок жидким светом по беспредельному темному полотну.

Мелькали планеты. Одни были окутаны мертвыми оболочками из замерзших газов. Другие представляли собой колдовские океаны — миры, населенные хищными драконами. Третьи — целиком покрыты лесом, где высоченные шеренги деревьев-великанов выстроились сплошной стеной от полюса до полюса. Некоторые же планеты являли безжизненные пустыни, где лишь ветер носился над пологими дюнами бесконечного красного песка. Однако Тонгору порой удавалось заметить и обитаемые зеленые миры, очень похожие на его собственный. Там человекоподобные или иные существа вели мирную жизнь в прекрасных городах или сражались в опустошительных войнах, превращавших в руины целые страны.

Галактика позади путешественников сузилась до маленькой полоски света. Но на смену ей приходили новые, с их неисчислимыми горячими звездами и холодными мирами. Тысячи и миллионы галактик проносились мимо путников, как бесчисленные капельки бесконечного потока мироздания. А Тонгор и его спутник все летели и летели сквозь фантастические просторы космической ночи.

* * *

Через некоторое время Тонгор почувствовал, что они пересекли некую невидимую границу. Окружавшая их темнота наполнилась слабым сиянием, которое не было светом мириадов звезд, заполнявших бесконечность.

Они вышли за пределы звездного поля, и теперь валькар видел то, с чем не соприкасался никто из живых. Ни один не приходил еще сюда с тем, чтобы потом вернуться и рассказать об увиденном.

Небо выгнулось дугой, и его заполнила дымка призрачных оттенков. Это были движущиеся цветные клубы света, совершенно не похожие на тот свет, что известен людям в материальном мире. Тонгор оказался за пределами самой Вселенной. Перед ним возник Чертог героев, который ранее издали показал ему Бог Пнот, именно сюда направлялись души храбрейших воинов.

Глазам Тонгора предстали золотистые поля и покрытые бархатистыми травами луга, прозрачные реки и леса со сказочными птицами и чудовищами, не известными земной мифологии.

В этой стране герои оставались вечно молодыми. Их силы никогда не иссякали. Они или странствовали в поисках того,

что невозможно себе представить, сражались с фантастическими чудовищами, неизменно выходя победителями, или же проводили время в застольях и пирах, и пресыщение было им неведомо.

Тонгор знал, что где-то там, среди густых лесов и сияющих золотом полей, бродят его дед Валгот, его могущественный отец, его храбрые братья и друзья юности. В Чертоге героев пребывают и другие смелые воины: Вальк Черный Ястреб, с которого началось племя Тонгора, герои Немедиса и первого королевства людей, те доблестные победители Королей-Драконов с крайнего севера, герои тысячелетней войны, Джейдор и Корбан, Диомбар Сказитель, Коннар, Игрим и все великие сыновья Фондата Перворожденного, которых Горм создал из земной пыли в те дни, когда мир только возник.

Тонгор знал, что и он займет свое место среди героев, чтобы навсегда остаться в этой стране.

Посредине этого чудесного рая возвышалось огромное сооружение, окруженное волшебным светом. Алтазон направился к нему. Когда они подлетели ближе, Тонгор понял — перед ним Дворец Богов, и его охватил такой благоговейный трепет, что он не мог произнести ни слова.

Миновав лес шелестящих темно-золотистых деревьев, Алтазон мягко, как падающий лист, опустился на холм, поднимавшийся в тихой долине. Теперь она лежала перед ними, напоминая красивую ткань, усыпанную цветами неземной красоты.

Здесь посланец богов попрощался со своим спутником и удалился, шумя блестящими крыльями.

Тонгор, оставшись в одиночестве, с благоговением глядел на дворец.

Разум смертного не мог воспринять его красоту и найти какую-либо аналогию для сравнения. Долго стоял валькар перед высокими, до небес, башнями, великолепие которых невозможно описать. Здание напоминало застывшую музыку, полную совершенства эпическую песню или полотно, сотканное из молний.

Наконец по пологому склону холма Тонгор направился к этому чудесному дворцу. Он шел по благоухающим травам, среди которых росли невиданные цветы. Перед ним встали зубчатые стены, сверкающие золотистым сумеречным светом, за которыми раздавалось мелодичное пение вечно живых птиц.

Глава 3
БОГ ТРЕХ ИСТИН

Неси, Алтазон крылатый, его из Страны Теней
Туда, где ни дня, ни ночи, ни времени, ни смертей,
Туда, где над тьмой столетий, над звездами всех миров
Прекрасные высятся стены чертогов великих богов.

Сага о Тонгоре, XVIII

Пол под ногами Тонгора был похож на море стекла. Черный, как ночь, он простирался в призрачную бесконечность. Валькар чувствовал себя как бы парящим в пространстве над Вселенной; посмотрев вниз, он увидел, что на сверкающей поверхности покрытия, подобного кристаллу, искорки света сверкали, как далекие звезды.

Там, где Тонгор ожидал увидеть свет, был таинственный мрак, заполненный тенями, загадочными формами, едва различимыми в темноте. «Может быть, великолепие этого зрелища столь ослепительно, что сокрыто от глаз людей,— подумал Тонгор.— Сияние столь сильно, что кажется темнотой для ошеломленного человека».

Зал, где он находился, был огромен. Горы могли бы укрыться под его дугообразным сводом. Массивные колонны уходили в темноту бескрайних высот.

В полумраке в полной тишине застыли какие-то тени. Тонгор направился вперед по сверкающему полу, усеянному ночными звездами, и через какое-то время оказался в самом центре зала.

Были ли это троны? Он не мог четко различить, но вздымавшиеся над ним огромным полукругом силуэты напоминали именно троны.

Один из тронов выглядел величественнее других. Похоже, что он был высечен из огромного драгоценного камня, но глаза валькара не могли разглядеть ничего определенного в переплетении теней, где формы предметов искажались до неузнаваемости.

И тут он почувствовал, что не один.

На центральном троне, превосходящем размерами остальные, появилась некая темная субстанция — бесформенное облако, неясное, едва различимое пятно. Однако внутри облака скрывался разум, огромный и спокойный, не имеющий возраста. Он

наблюдал за Тонгором. На гигантском троне восседало нечто столь неземное в своем великолепии, что глазам смертного оно показалось тусклым.

И тут послышался голос.

Странно, но он не был громоподобным, как голос Пнота. Он не напоминал ревущий свист ветра, как голос Алтазона, а звучал мягко и спокойно, словно один человек разговаривал с другим, стоящим рядом. Это был почти шепот, а Тонгор ожидал услышать гром десяти тысяч труб.

Очевидно, как и ослепительный свет, который был здесь таким ярким, что воспринимался как мрак, сверхмощный голос для ушей человека звучал очень тихо.

— Что же ты узнал? — спросило существо, восседавшее на троне.

Тонгор выждал, прежде чем отвечать, собираясь с мыслями. Он не сделал никакого приветственного жеста или поклона, поскольку не мог придумать ничего, подходящего для такой ситуации. Валькар просто стоял, как может стоять честный и гордый человек перед самим Создателем. И когда Тонгор произнес первые слова, его голос прозвучал твердо и отчетливо.

— Первый урок я вынес, получив меч. Я был озадачен, увидев его на своем пути. Я понимал, что этому должно существовать какое-то объяснение и я должен извлечь из происходящего некий урок. В результате я понял, что меч мне на самом деле не нужен. Способность противостоять страху, побороть его, собрав все свое мужество,— вот что необходимо для победы. Я также научился не презирать страх, ведь, лишь преодолев его, становишься храбрым.

— Это была первая из истин,— голос звучал спокойно и негромко.

— Но я усомнился в значимости того, что я узнал,— признался Тонгор.— Поскольку все, с чем я встретился в Королевстве Теней, было лишь эхом или отражением своих двойников с Земли. Я задумался, как такой опыт можно использовать в том мире, откуда я пришел. Я, как и все люди, знаю, что в моем мире все опасности и враги — материальны, они не исчезают, как бесплотные тени, перед одним только проявлением мужества. Только в Стране Теней я мог победить чудовище, поборов собственный страх.

— И к чему же привели тебя подобные размышления?

Валькар сдвинул брови, пытаясь более четко сформулировать свою мысль.

— Я пришел к выводу, что первая истина справедлива даже в отношении реальных физических опасностей моего мира. С точки зрения богов, неважно, побеждает ли человек, храбро встречающий испытание. Настоящую победу одерживает не только тот, кто выходит живым из сражения. По мнению богов, человек, который смело сражается за правое дело, всегда будет победителем, независимо от того, одерживает ли он в конечном счете верх над врагом. Другими словами, я понял, что не надо бояться поражения, потому что именно оно может обернуться истинной победой.

— Это была вторая истина, и она важнее первой,— опять прозвучал ровный голос.

Услышав это, Тонгор обрадовался. Он прошел две трети пути, оставалось сделать последнюю попытку.

— Научился ли ты чему-нибудь еще? — мягко спросил его голос.

Северянин неуверенно покачал головой.

— Те непреложные законы, которые я открыл во время моего пребывания в этом странном мире духов, объединяются, как мне кажется, в логическую последовательность. Ничто нельзя воспринимать здесь как само собой разумеющееся. Все, что я видел, с чем сталкивался, являлось лишь отображением и символом реальности. Согласно законам жизни различные состояния вытекают друг из друга, они переплетены, а не противопоставляются друг другу. Так храбрость вырастает из страха, а победа может прийти после поражения. Я начинаю думать, что и жизнь проистекает из самой смерти.

Наступило долгое молчание, прежде чем голос вновь зазвучал.

— Это третья истина — самая великая из всех,— приглушенно и мягко сказал Бог.— Знай, что ты — единственный из людей, кто искал и нашел объяснение трем истинам. Мы гордимся тобой, Тонгор из валькаров.

Тонгор продолжал хмуриться. Недоставало еще одного звена в логической цепочке, которую он так медленно и с таким трудом для себя формулировал. Был еще какой-то неизбежный вывод, и валькар почти подошел к нему после открытия трех истин. Ну конечно же...

Тонгор решительно повернулся к трону. Теперь он находился на пороге нового смелого озарения.

— И еще одно,— начал он неуверенно.— Попав в эту таинственную Страну Теней, я постепенно все больше и больше начал понимать ее суть. Теперь наконец я знаю правду о ней, и я хочу задать тебе вопрос, Бог Жизни.

— Спрашивай, что хочешь,— голос понизился до шепота.

Тонгор перевел дыхание.

— Стоило мне переступить Врата Теней, как у меня появились вопросы. Саги, мифы и сказания всегда учили меня тому, что крылатые Воительницы переносят души храбрецов в Чертог героев. Но со мной этого не случилось. Я сам пришел к Вратам как странствующий призрак, сам нашел путь к тому месту, где сейчас нахожусь...

— Ну, продолжай же, не бойся,— подбодрил голос.

— Меня не поразил ни меч врага, ни жестокая болезнь, я еще достаточно молод. Я научился тому, что ничто нельзя воспринимать таким, как оно есть, даже, как мне кажется, простой факт моего присутствия здесь. Это и заставило меня прийти к выводу: я не знаю, как такое может быть, но я — не мертвый.

Темное облако заколебалось. Из него стал вытекать свет. Окружающие предметы замерцали и начали становиться прозрачными. Твердый пол под ногами Тонгора превратился в нечто нематериальное. Валькар мог видеть сквозь него, как сквозь тонкую вуаль. Стены, громадные колонны, высокий купол и даже величественные троны, образовавшие гигантский полукруг, стали зыбкими тенями.

Тонгор не понимал, что происходит, но он не чувствовал страха. Его собственное тело тоже стало нематериальным, превратившись в некий туман, облачко, плывущее над глубинами. Далеко внизу он видел огромную Вселенную с миллиардами звезд. Она стремительно неслась к нему, расширяясь с фантастической скоростью. Звезды мчались, как сверкающие ракеты, миры проносились мимо, словно пена на поверхности клокочущей реки,— вся бесконечная Вселенная снова открылась валькару в громоподобном реве и грохоте. И все же сквозь эту резкую какофонию Вселенной Тонгор расслышал тихий, спокойный голос, прошептавший ему еще одну истину. Эта истина была более ошеломляющая, чем все, что он раньше узнал,— несколько слов, которые подтвердили его самые фантастические подозрения и вызвали

целый поток вопросов. Он услышал слова, которые зазвенели и отдались эхом в его потрясенном мозгу:

— То, что я скажу, тоже истина, Тонгор. Ты — не мертвый.

Затем он ощутил, что с шумом летит вниз через искрящийся космос, и перед его изумленным взором открылась феерическая панорама.

Он увидел величественную Вселенную, свернутую в виде свитка.

Врата Вечности широко распахнулись, принимая его сверкающий дух.

Он отправился в новое путешествие — путешествие во Времени.

Глава 4
МИЛЛИАРД ДНЕЙ ГРЯДУЩИХ

Тонгор, ты, познавший тайны, снова вперед спеши,
Через века, сквозь время снова себя ищи!
Все, что осталось в прошлом, все, что еще грядет,—
Все для тебя откроет во Времени твой полет.

Сага о Тонгоре, XVIII

Тонгор смотрел вниз на мир и видел его таким, каким тот был в самом начале времен. Огромный диск из газа и мельчайших частиц вращался на протяжении веков. Окутанный космической пылью, валькар наблюдал за тем, как крутящаяся масса медленно собирается в каменные комочки.

Молодое Солнце испускало мощные потоки плазмы. Это было не то ласковое золотистое Солнце, которое знал Тонгор, а бурлящий первозданный котел вселенского огня. Таким оно было до того, как появились окружающие его миры.

За шесть миллиардов лет до своего рождения Тонгор наблюдал за тем, как из черной глубины космоса рождается Земля.

Движущиеся по близким орбитам пылинки сталкивались и слипались друг с другом. Возникали рыхлые, пористые образования, не имеющие пока никакой структуры. Эти образования соединялись между собой со все возрастающей скоростью. Так появился зародыш Земли из мертвого инертного камня, бомбардируемый потоками притягиваемой им пыли.

Миллиарды тонн пыли накладывались слоями на этот зародыш, все это разогревалось и начинало плавиться от воздействия радиоактивного распада составляющих элементов. Огненные моря кипели и бурлили в полостях молодой Земли. Спустя тысячелетия они начали вырываться на поверхность через жерла вулканов. Миллионы гейзеров выделяли едкие испарения, создавая первичную атмосферу.

Складки коры молодой планеты вздыбились первыми горными цепями, склоны которых омывались первыми дождевыми потоками. Они бурлили и стекали в низины, образуя быстро разрастающийся единый океан. Проходили тысячелетия, в течение которых яростные волны разрушали, крошили горную породу в мелкую пыль. Кипящие пары, вырывающиеся на поверхность в результате вулканической деятельности, состояли из метана, азота и аммиака. По мере того как палящие лучи Солнца воздействовали на новую атмосферу, обнаженную породу и кипящие моря, в воздухе стал появляться кислород. В кипящем котле газа и расплавленной породы, пронизываемом космическими лучами и нагреваемом Солнцем, появились новые элементы. Ядовитые пары атмосферы — метан и аммиак — под воздействием ультрафиолетовых солнечных лучей постепенно превратились в аминокислоты, затем — в белок и наконец в протоплазму.

Так зародилась Жизнь.

Тысячелетия пронеслись над Землей. Зеленые джунгли и душные испаряющиеся болота покрыли ее поверхность. В мутных морях обитали миллионы невиданных существ. Они размножались, сражались друг с другом и умирали в эту раннюю эру.

Жизнь развивалась и побеждала. Огромные доисторические ящероподобные драконы заполонили молодую планету.

Землю сотрясали колоссальные климатические катаклизмы. Пронизывающие ветры несли чудовищный холод, образовывались гигантские ледники. Подвергавшаяся таким перепадам температур, жизнь должна была или приспособиться к ним, или погибнуть. Многие формы жизни исчезли с лица Земли. Но были и такие, которые адаптировались и выжили.

На большом острове у Северного полюса властвовала тропическая жара, пока ось планеты не отклонилась. Именно там, где жили хищные доисторические драконы, и зародился Разум, и страшные Наргасаркайи — Короли-Драконы — стали править

миром. Своим холодным, жестоким умом рептилий они проникли в самые темные тайны вещества и энергии, пространства и времени и разгадали законы черной магии. Вскоре, вдохновляемые темными силами Хаоса, что находятся за пределами Вселенной, Короли-Драконы направили свой утонченный разум на завоевание всего живого. И на полярном континенте появилась Черная империя.

Но в результате вмешательства Богов, постоянно следящих за развитием мира, наступил ледниковый период, и весь север был погребен подо льдами. По вздымавшимся волнам Неизвестного моря Короли-Драконы уплыли на юг. Они добрались до зеленых берегов Лемурии, которая поднялась из океана в более ранний период истории. И здесь Черная империя снова вытянула гибкие щупальца власти, желая вечно управлять планетой.

Затем наступило то, что веками позже было описано в первой книге Летописей Лемурии:

Девятнадцать Богов, правивших миром, не могли больше видеть, во что превратилась Земля под владычеством Королей-Драконов, и они поклялись, что этому наступит конец.

Там, над самой Вселенной, сидя на высоких тронах среди звезд, Боги решили:

— Давайте создадим человека. Он сможет одержать верх над детьми Змеи, разрушит цитадели их власти и сотрет их с лица земли.

Именно так и было сделано.

Так на заре жизни появился Фондат —первый Человек. Он вышел из земли, плоть его была создана из почвы, а кости — из горной породы. Воды моря стали его кровью, а воздух небес дал ему дыхание. И Горм — Отец Богов и людей зажег в нем Огонь Жизни. И стал Фондат жить на Земле. Вслед за ним появился его сын Арниак, и он стал отцом Зута, который породил Игрима...

А Тонгор продолжал смотреть вниз, на разворачивающиеся перед его глазами грандиозные картины развития мира. Он наблюдал за тем, как Боги вооружили первых людей и обучили их военному искусству и мирным делам. Огромное эпическое по-

лотно тысячелетней войны предстало перед ним. Выдающиеся герои первых королевств вели кровавые сражения против немыслимой мощи Королей-Драконов. Они воевали и погибали, терпели поражение, но вновь и вновь возвращались и опять сражались.

Проходили столетия, и война неумолимо приближалась к победоносному концу. Мир изменялся, менялся и климат. Полюса Земли замерзли, ось стала проходить через полюса. Закончился век огромных рептилий. Динозавры вымирали, и Королей-Драконов с их сверхчеловеческой волшебной силой становилось все меньше и меньше. Гигантские грозные драконы были обречены. Часы Вечности продолжали свой бег, и мир вступил в Век Млекопитающих. В мире появлялись самые разные животные, а рептилии погибали. И только здесь, в первобытной Лемурии, выжили последние динозавры, обитающие в душных джунглях и зловонных болотах.

В конечном счете Человек одержал верх, Короли-Драконы были побеждены, и ужасные Наргасаркайи доисторической Лемурии вымерли. О них сохранились упоминания лишь в нескольких отрывках древних мифов, аналогичных легендам и сказаниям Древней Индии, где их смутно вспоминают как Змеиных Князей, или Нагусов.

Тонгор наблюдал за тем, как дети Фондата заселяли огромное пространство континента Лемурии — первого дома человечества. Он следил, как были покинуты семь городов Востока и как встают и расцветают девять городов Запада.

Вдруг валькар увидел себя самого, увидел свои славные боевые подвиги и победы. И тут он услышал голос своего спутника по путешествию во Времени, который спрашивал его:

— Ты никогда не удивлялся, Тонгор, той невероятной удаче, которая постоянно сопутствовала тебе в годы твоих странствий, приключений и сражений? Ты не удивлялся своей непобедимости? Ведь тебе удавалось избежать тысячи опасностей там, где любой другой человек потерпел бы поражение и погиб. Знай же, что Боги всегда следили за тобой и вселяли в тебя мужество и храбрость, мудрость и силу, помогая тебе в самые опасные моменты. Ты спросишь: почему? Чтобы получить ответ на эту загадку, вновь взгляни на тот мир, который ты знаешь. Ты уже увидел историю прошлого, а теперь посмотри на то, что произойдет в еще не наступившем будущем.

Валькар увидел, как им создавалась молодая Империя Запада, как девять вражеских городов один за другим сдавались ему и вставали под его черно-золотые знамена. Тонгор наблюдал за тем, как началось правление его сына Тарта. Люди назвали это время Золотым Веком.

С большим волнением смотрел он на свадьбу Тарта и рождение своего внука, Тандара. Когда продолжительное и полное событий правление Тарта подошло к концу и началось царствование Тандара, король-варвар увидел, каким непобедимым стал воздушный флот Запада, покоривший всю Лемурию: пустыни и леса, горы, джунгли и болота. Появлялись новые города, развивались самые разные науки. Сын Тандара, Шарн, и следующие за ним Валкор, Тангот и другие правители будущего значительно расширили границы Золотой Империи за пределы морей. Тонгор смотрел на еще не родившиеся века далекого будущего и видел, как на берегах неизвестного ему Майяпана, первобытной Шамбалы и на островах Крыши Мира (в будущем они станут величайшими пиками Тибета) появляются колонии Великой Лемурии.

Он стал свидетелем и последних трагических дней, когда Лемурия начала погружаться на дно океана. Она исчезла под рокочущими волнами всепобеждающих морей.

Но перед этим увидел он и Великое Переселение, когда народы Лемурии по воздуху отправились искать новые земли, чтобы поселиться там, навсегда оставив уходящий в море континент.

Тонгор наблюдал за героическими сражениями своего далекого потомка Вандора, короля Последних Дней, отличавшегося мудростью древних. Он следил за ростом Атлантиды — острова, находящегося на востоке, на краю мира.

Он увидел, как достиг вершины своего могущества император Кайфул, а также эру правления Заилма Нуминоса; как пала вторая империя перед Телатом — королем-демоном, когда Белый император был изгнан из Города Золотых Врат и отправлен в ссылку. На его глазах пропала Черная Звезда, и на Священную Землю опустилась долгая ночь.

Он увидел, как появился Крисарион-Восстановитель и наступили те светлые дни, когда Белый Трон был освобожден от засилия Тьмы, и Звезда была найдена, и империя Адалона достигла своего величия.

Он увидел и ее закат — закат третьей империи. Слава ее исчезла, когда жители Атлантиды отвернулись от богов и стали преклоняться перед темными силами.

Он наблюдал за тем, как тянулось правление Форенис — последней императрицы. Он услышал проклятие Земона и увидел, как гибнет в огне Священная Гора. Он следил за тем, как в страшном катаклизме Белый остров был разорван на куски и исчез в водах океана.

Тонгор видел перелет Дакалона и Вары — только они остались в живых. Впоследствии о них, переживших великий потоп, упоминали греки, называя их Декалион и Пирра. На глазах Тонгора они прибыли в большую колонию Атлантиды — Саис в дельте Нила на земле Мизраим. При виде их огромного корабля, на котором находились драгоценные книги и приборы, валькар обрадовался, что часть священных летописей сохранилась и не вся древняя мудрость утеряна.

Наконец Тонгор подошел к тому временно́му рубежу, когда закончилось длинное повествование о доисторическом мире и началась собственно История, связанная с появлением человеческой, а не колдовской письменности.

Он видел, как строились стены Вавилона, и наблюдал за подъемом халдейского Ура. Он стал свидетелем того, как вел к победам свои легионы Нармер Могучий и как объединились Верхнее и Нижнее царство под Двойной Короной и образовалось египетское государство.

Затем наступившая тьма поглотила картины будущего, и Тонгор понял, что фантастическое путешествие во времени окончено.

* * *

Как только туман времени скрыл грядущее, рядом с королем-варваром опять зазвучал тихий голос:

— Ты был избран для великих дел, Тонгор из валькаров. Века эволюции собрали в тебе все то значительное, что стремились создать Боги: храбрость и дальновидность, мудрость и справедливость. Ты дал начало могучей династии и сам это видел. Твоя рука привела в движение тяжелое колесо истории. При твоем правлении будет создана Золотая Империя Солнца, и эта империя переживет континент Лемурии. Короли твоего рода

будут править городами майя, египтянами на Ниле и жителями великой Атлантиды. Законы, которые ты введешь благодаря своей мудрости, войны, которые ты выиграешь во имя торжества справедливости, а также науки и искусства, которые будешь развивать, дадут толчок человеческой цивилизации. Твоим традициям станут следовать те правители, что придут тебе на смену. На основе твоих законов будут создаваться империи. Ты стоишь первым у истоков развития человечества. Ты — Первый Герой и Первый Император...

Память о твоих великих подвигах, пусть и в несколько преображенном виде, будет существовать в веках. Люди назовут тебя Кукулканом и Одином, Гераклом и Зигфридом, Рамой и Прометеем. Полузабытые предания о твоем времени смутно сохранятся в сагах и сказаниях арийских народов, которые появятся в результате миграции лемурийцев, оставивших свой обреченный континент и нашедших приют на просторах Азии...

Возвращайся же, Тонгор, к прежней жизни! Ты ведь действительно не мертв. Ты и не можешь умереть, так как твоя империя создана лишь наполовину, и тебе придется приложить еще немало сил, чтобы завершить начатое. Только после этого твой дух великого воина найдет пристанище в Чертоге героев, и Боги будут приветствовать тебя в стране бессмертных среди Вечной Весны... Возвращайся, Тонгор, и выполни предначертанное тебе! Ведь жив еще Черный Марданакс, и как раз сейчас подлый предатель вынуждает императрицу стать его невестой. В опасности находится и твой сын, в котором заложено будущее человечества. Поднимайся, Тонгор, из могилы, тебя ждет схватка с коварными и сильными врагами.

После этих слов Тонгор почувствовал, что стремительно падает сквозь хаос густых туманов, стремительно кружащихся в ревущем водовороте, иссеченном блеском молний, которые, казалось, могли расщепить и сами звезды. Он опускался все ниже и ниже, пока не достиг каменной гробницы, где покоилось его тело.

Сон (если только это был сон) закончился. Тонгор снова был жив.

Часть 5
НА ОСТРИЕ КЛИНКА

Мягкие скользящие пальцы таинственной безликой Судьбы, которая властвует даже над всемогущими Богами, сплетают вместе нити многочисленных жизней, создавая великий ковер Времени. В этом никогда не заканчивающемся процессе все люди — лишь незначительные детали грандиозного орнамента, и никому из нас не дано понять полной картины. Увы, даже вечные Боги не знают финала этой повести.

Алая Эдда

Глава 1
В ГОРОДЕ ПИРАТОВ

Под черным флагом наша жизнь
Течет, как воды моря,
И мы опять домой спешим
На отдых от разбоя...

Морская песня пиратов Таракуса

Заходящее солнце окрасило в кроваво-красный цвет штормовые облака. Мрачный голый мыс вытянулся от южного побережья Лемурии в бушующие воды, там, где великий залив Патанги становился частью Яхен-зеб-Чуна — Южного моря.

Самый дальний край этого мыса вздымался крутыми утесами над грохочущими волнами, разбивавшимися белоснежной пеной о длинные гряды камней. По обе стороны скал и на их вершинах располагался странный город, красные крыши которого лесенкой спускались к бушующим водам океана.

Таракус, город пиратов, был выстроен как крепость. Высокие квадратные башни поднимались в сиянии заходящего солнца. Мрачные зубчатые стены опоясывали город с трех сторон. Десятки больших кораблей свободно могли укрыться в бухтах,

образуемых высокими утесами и надежно ими защищаемых. Каравеллы и купеческие суда, длинные галеры с драконами на носу и военные корабли с высокой кормой — это был самый опасный флот на всем Западе. Эта армада охраняла империю пиратов от врагов.

* * *

«Ятаган» подошел к устью скрытого от глаз залива, туда, где огромные цепи закрывали вход нежелательным гостям. Последовала команда зажечь сигнальные огни, и в сгущающейся тьме ярко загорелись зеленые, красные и белые фонари на вершинах мачт. Бдительные стражи опустили бронзовые цепи, чтобы дать кораблю войти в гавань и встать на якорь у одного из длинных каменных причалов.

Закончился очередной пиратский поход, и «Ятаган» был в безопасности. Он уютно устроился в родном порту, в гавани единственного на всем Западе города, где правили находящиеся вне закона изгнанники.

Капитан, команда и пленники отправились на берег в длинной лодке. Чарн Товис и джасарк Тарт вступили в город пиратов.

Солнце зашло. Штормовые тучи сгустились, продолжали свое стремительное движение на запад. На небе появились сияющие ледяным светом звезды.

Пираты и их пленники долго поднимались по большим каменным ступеням, пока не достигли вымощенных булыжником улиц.

Укрытый грядой скалистых утесов, Таракус был освещен раскачивавшимися на ветру уличными фонарями. За грязными окнами таверн слышались грубые голоса, гремела музыка. Возвратившиеся из набегов пираты толпились в винных погребах и постоянно дрались между собой. Этот город, с его буйством и грубостью, являл собой резкий контраст со спокойными и величавыми звездами, светившимися высоко на небе.

Со всех сторон доносились пьяные песни, грубые ругательства и звон оружия. Люди почти полусотни национальностей скандалили и задирались на узких булыжных мостовых. Кривые сабли сверкали в свете дымящих факелов, прикрепленных железными скобами к пропитанным солью каменным стенам. Вывески винных лавок раскачивались и скрипели под порыва-

ми морского ветра над низкими дубовыми дверьми. Эти вывески были разукрашены грубо намалеванными пиратскими эмблемами: скрещенными мечами, жуткими черепами, забавными изображениями морских драконов и фантастических чудовищ.

Прибой гудел у подножия скалистых утесов. Пятна соли проступали на влажных черных скалах и длинных каменных пирсах. Ревущий ледяной ветер прилетал с моря и властвовал на кривых улочках, проносясь мимо высоких домов с крышами из красной черепицы и вытянутыми узкими окнами.

Более века небольшой каменный городок, спрятанный в окруженной утесами бухте, был столицей пиратской империи, которая властвовала в южных морях. Здесь правил не закон, а кровавый договор, называемый Уставом Красного братства. Других законов в Таракусе не существовало. Здесь, за этой крепостной стеной, ценилась лишь грубая сила: крепкий кулак и умение сражаться.

В этот вечер в пиратском порту был праздник.

Дубовые двери таверн широко распахнулись, и ревущее пламя факелов играло фантастическими тенями на стенах домов. На огромных очагах готовили жаркое — туши быков, насаженных на вертела. Капающий с них сок шипел на камнях. На улицах то и дело вспыхивали ссоры, и клинки сверкали без устали. Дуэлянты сражались насмерть из-за ничтожного оскорбления, а остальные, окружив дерущихся, подбадривали их, находя в этом для себя веселое развлечение. Тут же можно было видеть девиц легкого поведения, увешанных драгоценностями, достойными королев. В объятиях мускулистых дружков они тоже принимали участие в уличных скандалах.

Это была ночь ночей! Почти половина пиратов южных морей собралась сейчас в городе. Их корабли сгрудились у причалов с богатой добычей с сотен купеческих судов. Освещенный светом далекой холодной луны город превратился в настоящий водоворот бурлящего веселья и необузданных порывов...

Барим Рыжебородый шел впереди своих пиратов, сметая с пути пьяных, останавливаясь, чтобы смачно поцеловать в ярко-красные губы какую-нибудь девицу из кабачка, приветствуя дружков и прикладываясь к очередной кружке пива. Команда «Ятагана» медленно поднималась по крутым ступенькам, соединявшим один ярус города с другим. Чарн Товис был ошеломлен и оглушен всем этим шумом, буйством, песнями, слепящим

светом и порывистым ветром, гулявшим по узким, переполненным людьми улицам. Юный Тарт жался к нему, упиваясь фантастическим зрелищем, которое представляли веселящиеся пираты, увешанные оружием и драгоценностями, и их ночные спутницы, наряженные и украшенные, словно королевы варваров. Со всех сторон раздавались грязные ругательства, грубые клятвы и непристойные рассказы — все это сливалось с шумом штормового ветра, продувавшего узкие улочки насквозь.

Над этим городом, кишащим толкающимися, пьяными, спорящими пиратами, над красными крышами и остроконечными фронтонами возвышалась темная приземистая крепость, венчавшая вершину утесов почти у самых облаков, выше которых сияли звезды.

Это были, как узнали Чарн Товис и Тарт от старого Дургана, владения Каштара — жестокого и коварного Красного Волка морских пиратов, признанного ими главарем. Относительно его национальности и происхождения ходили тысячи разных слухов и сплетен, и все же никто не знал правды. Каштар обрел власть над пиратами благодаря своему бесстрашию в бою, глубокому знанию морского дела и тактики морских сражений, а также благодаря своему хладнокровию, жестокости и дикому коварству. Здесь, в Таракусе, Каштар правил железной рукой, и даже самые необузданные пираты боялись его вкрадчивого голоса и острого языка.

Наконец Барим остановился перед большим постоялым двором, над скрипящими деревянными дверями которого висело изображение светящегося галеона. Капитан вошел. В очаге полыхал огонь, и целый вол шипел, поджариваясь, над сверкающими углями. Пираты, выходцы из разных городов, сидели развалясь на длинных низких скамьях у засаленных столов, беспорядочно уставленных бутылками. Увидев Барима, они громогласно приветствовали его, и он, ухмыльнувшись, отвечал им тем же.

Команда «Ятагана» проследовала за своим капитаном, здороваясь со старыми приятелями. Пираты разбрелись, ища свободные места за столами возле очага, а усевшись, тут же требовали вина, жареного мяса и хлеба. Барим очистил место для Чарна Товиса и юного Тарта, сбросив ударом сапога четырех пьяных матросов на грязный каменный пол и смахнув со стола дюжину пустых бутылок одним движением своей мускулистой руки.

— Давайте, парни, садитесь у огонька, прогрейте свои кости — ешьте, пейте, веселитесь. Барим Рыжебородый платит за все, так что набивайте желудки! — прогудел он с удовольствием. Заметив мрачное выражение лица Товиса, он усмехнулся: — Догадываюсь, что тебя беспокоит, парень. Но выкинь из головы этот рынок рабов! Об этом станем думать завтра, а сегодня согреемся и повеселимся, набьем полные животы, выпьем добрую кружку пива и хорошо отоспимся, ведь до рассвета еще очень и очень далеко.

* * *

Наконец наступило утро. Утренний туман залил улицы города, но небо казалось ярко-синим и нежным на фоне мрачных утесов и каменного замка, прилепившегося к вершине скалы. Белые чайки парили, купаясь в утреннем бризе. Яркие пиратские знамена весело развевались на мачтах судов, башнях и стенах крепости.

Вместе с другими пленниками, захваченными пиратами, Тарт и Чарн Товис были раздеты до набедренных повязок и отведены на невольничий базар. Они стояли там под ярким палящим солнцем, ожидая своей очереди на помосте, где толстый чернобородый аукционист демонстрировал каждого пленника по очереди. Он громко старался привлечь внимание зрителей, восседавших на шелковых подушках в тени оранжевых и зеленых тентов, тем, что отмечал достоинства каждого раба.

Тощий одноглазый Дурган, пыхтящий толстяк Блей и вечно ухмыляющийся светловолосый гигант Тангмар пришли подбодрить Товиса и Тарта, когда те очутились в цепочке выставленных на продажу рабов.

Тарт не совсем понимал, что происходит. В Патанге рабство было неизвестно, так как Тонгор, познавший его в свое время, ненавидел отвратительную торговлю людьми и запретил ее, как только пришел к власти. Мальчик с интересом оглядывался вокруг себя и рассматривал величественных капитанов Красного братства, надеявшихся сделать выгодную покупку на этом аукционе.

Одна беседка была пышнее и богаче остальных. В ней под ярко-красным покрывалом восседал стройный мужчина с огромным, похожим на раскаленный уголь рубином в мочке уха.

Он был одет в алый, плотно облегающий атласный костюм, а его желтоватая гладкая кожа была глянцевой, как старый пергамент. У него было насмешливое, холодное и хитрое лицо. Своими прищуренными, горящими черным огнем глазами он, казалось, следил за всем, ничего не пропуская. Рядом с ним стоял человек в однотонном сером одеянии, держащий в руках посох из черного дерева, на котором были вырезаны колдовские иероглифы. Его голова была гладко выбрита, а лицо оставалось холодным и бесстрастным. Но темные внимательные глаза наблюдали за толпой, и Тарт заметил, что люди стараются укрыться от этого взгляда.

Не только джасарк заинтересовался теми, кто находился в богатой беседке.

— Кто эти двое? — спросил Чарн Товис.

— Тот, кто в красной одежде,— наш правитель, Каштар Красный Волк,— сообщил Блей.— А лысый рядом с ним — его любимый колдун Белшатл.

— Белшатл? Странное имя. Откуда он родом? — заинтересовался Товис.

Толстый Блей придвинулся поближе, и серьги в его ушах сверкнули на солнце.

— Он из какой-то восточной страны, около Дарундабара или Далакха. Мне кажется, он — из Нианги. Опасайся этого человека, парень! Он вероломен и холоден, как змея.

Как будто чувствуя, что говорят о нем, колдун Белшатл направил на Чарна Товиса проницательный взгляд своих черных глаз. Безразлично скользнув взглядом по трем пиратам, он на секунду задержался на высокой сильной фигуре молодого воина, затем стал разглядывать мальчика. В глазах колдуна вспыхнуло острое любопытство, и в то же мгновение Тарт, вскрикнув, схватился рукой за голову.

— Что с тобой? — удивился Чарн Товис.

Мальчик ошеломленно покачал головой.

— Ничего, уже прошло, но только что мне показалось, что кто-то проник в мой мозг и пытается прочесть мои мысли,— пробормотал принц.

Чарн Товис вновь посмотрел на колдуна в сером. Теперь тот склонился перед одетым в ярко-красные одежды королем пиратов и что-то страстно ему нашептывал. Холодный оценивающий взгляд короля пиратов скользнул по тому месту, где стоял Тарт.

Он что-то спросил у Белшатла, внимательно выслушал его, а затем, отодвинув колдуна в сторону, встал, поднял свой жезл, призывая всеобщее внимание. Голоса стихли. Наступила полная тишина. Жезл короля пиратов указывал на принца Тарта.

— Этого мальчишку,— возвестил Каштар четким бесстрастным голосом,— я покупаю за дюжину слитков золота.

Тут же к ошеломленному Тарту направились стражники, стоявшие у беседки Каштара.

Чарн Товис похолодел. В отчаянии искал он глазами Барима и наконец увидел его. Тот стоял злой и раскрасневшийся, покусывая концы своих густых усов. Однако он явно не хотел встречаться взглядом с Товисом.

Дурган зашептал ему на ухо:

— Капитан ничего не может поделать, парень! Если Красному Волку понравится какой-нибудь раб, никто не должен спорить. Того, кто решится на это, привяжут к столбу в морской пещере. И тогда его или накроет прилив, или заживо сожрут крабы. Таков закон.

Чарн Товис почувствовал, как земля уходит из-под ног. Просто стоять и беспомощно наблюдать, как недоумевающего Тарта уводят в рабство к Каштару,— это было выше его сил! Каким же образом серый колдун разгадал правду? Может быть, он и в самом деле прочел мысли мальчика? Что же теперь делать?

Ясно было одно — медлить нельзя. И Чарн Товис начал действовать. Стремительным движением руки он вырвал висевший на перевязи у толстяка Блея меч с широким клинком и одним прыжком оказался около Тарта. Взмахнув тесаком, он ударил в спину замешкавшемуся и не ожидавшему нападения стражнику, который тут же упал, обливаясь кровью.

Тишина базара взорвалась резкими криками, бранью, но сверкающий клинок в руках Товиса сдерживал пиратов. Еще один стражник с поднятым мечом оказался перед ним. Молодой воин отразил удар. Два клинка скрестились, высекая синие искры, заскрежетали, и Чарн Товис поразил своего врага. Блестящая сталь его меча снова окрасилась алой кровью.

Над шумом толпы зазвучал резкий голос Каштара:

— Хватайте мальчишку! Он — сын Тонгора, джасарк Патанги и сто́ит царского выкупа. Хватайте его, я вам говорю!

Высоко вверх взвились пики — целый отряд стражников пробирался сквозь толпу к юному принцу. Чарн Товис сразил еще

одного пирата и как раз вовремя обернулся — вражеский клинок был нацелен прямо ему в спину. Воин отбил и этот удар. Грубый меч не был предназначен для фехтования, и запястье Товиса заныло от сильного напряжения. Он видел, как облаченный в серые одеяния колдун Белшатл набросился на мальчика и стащил его с помоста. Тут же плотным кольцом их окружила стража.

Пот застилал Чарну Товису глаза. Грудь его тяжело вздымалась... все оказалось бесполезно, врагов было слишком много. Тарта увели.

«Еще посмотрим, кто кого»,— пронеслось в голове у Товиса. Зажав зубами мокрый от крови тесак, он оттолкнулся от земли и подпрыгнул вверх. Сначала одной, а потом и второй рукой он ухватился за перекладину навеса, установленного в загоне для рабов. Качнувшись, он взобрался на карниз, а оттуда на крышу. Позади раздавались крики погони, но молодой воин уже бежал по раскаленной солнцем крыше, обжигая себе ступни. Подбежав к самому краю, он взглянул вниз на узкую улочку и, оттолкнувшись, перепрыгнул на крышу другого дома. Он несся изо всех сил, и преследователи быстро потеряли его из виду. Но Товис понимал, что это — лишь временная передышка. Скоро пираты нагонят его, как свора собак, жаждущая крови.

Он оказался один в чужом городе, заполненном людьми, охотящимися за ним. Любой из них мог прикончить беглеца.

Но самое ужасное было то, что увели сына Тонгора!

Сжавшись в тени купола какого-то дома и тяжело дыша, Чарн Товис пытался найти выход из положения, в котором оказался.

Глава 2
КАТАКОМБЫ

Там, где опасностей жуть,
Надежней кратчайший путь...
Алая Эдда

Весь день Чарн Товис скрывался от преследователей. Спустившись с крыш, он оказался на темной улице.

Неожиданно его внимание привлек открытый люк, и Товис решил спуститься под землю. Долго пробирался он по зловон-

ным туннелям канализационной системы, ступая по вязкой слизи сточных вод, и благодарил судьбу за то, что в Таракусе, как в морском городе, существует система подземной канализации. Если бы ее не было, возможно, охота на него давно бы успешно закончилась.

К полудню невыносимый запах подземных лабиринтов заставил молодого воина вновь выбраться на поверхность. И Чарну Товису опять повезло — он натолкнулся на мертвецки пьяного матроса. Сняв с проспиртованного насквозь пирата одежду, он торопливо натянул ее на себя, предварительно попытавшись хоть как-то стереть с тела грязь и засохшую слизь. В зеленой шелковой рубашке и узких штанах, высоких пиратских сапогах и с ярко-красным платком на голове он мог спокойно гулять по неровным улочкам Таракуса. Группы рыскающих по городу головорезов не обращали на него ни малейшего внимания. Они искали беглого раба, все одеяние которого составляла набедренная повязка, а пьяный матрос в яркой одежде не вызывал у них никаких подозрений. Они просто всякий раз отталкивали Чарна Товиса в сторону, когда он оказывался у них на пути, не прислушиваясь к тем ругательствам, которые он при этом обрушивал на их головы.

Без каких-либо препятствий Чарн Товис пересек весь город и оказался возле той самой гостиницы, где они с джасарком Тартом ужинали накануне вечером и где расположились Барим Рыжебородый с командой. Во всем городе у Товиса не было друзей, кроме этих пиратов, и он решил довериться им.

Они просто не поверили своим глазам, увидев того, за кем охотилась половина города. Чарн Товис храбро вошел в помещение и громко приветствовал знакомых матросов.

Они еще более удивились, когда беглец попросил помощи у Барима Рыжебородого. Он напомнил капитану пиратов о долге крови и признался в том, что завоевавший их симпатии неунывающий паренек действительно был принцем Тартом из Патанги. Он напомнил также Бариму о необходимости хранить верность своему народу. Насколько было известно Товису, и Рыжебородый, и Тонгор Великий — оба были родом с Севера. Тонгор родился в племени валькаров на севере Эобара. Барим Рыжебородый много лет назад бежал из Белнарта на побережье Жаранга Тетрайбаала — великого северного океана, скрываясь после убийства воина своего же племени, которое он совершил в приступе неистовой ярости.

— Разве ты, северянин, не придешь на помощь сыну своего соплеменника, если он находится в опасности?

Рыжебородый, не спуская с Товиса взгляда, задумчиво крутил свои огромные усы.

— Выверни меня наизнанку, Чарн, но я не знаю, что тебе ответить,— прогудел он наконец.— Тому, кто с Севера, не надо напоминать о чести, она у него есть, несмотря на такое ремесло, как пиратство. И мальчишка мне нравится — в нем течет добрая кровь валькаров. Но я ведь отвечаю только за себя. Я не могу говорить за всю команду.

Но тут и толстяк Блей, и одноглазый старик Дурган поддержали Чарна Товиса. Гигант Тангмар молча поднял вверх свой меч в знак согласия. Синекожий кочевник Рогир присоединился к ним, и все остальные члены команды тоже сказали «да», поскольку у всех молодой воин и юный принц вызывали дружеское расположение.

— Ну тогда мы с тобой до последнего,— пророкотал Барим.— Но что мы будем делать, парень? Нас тридцать человек, сильных и хорошо вооруженных. Но Тарн или Тарт, как я должен теперь называть мальчонку, находится в крепости Каштара, на вершине утеса. У тридцати человек, даже если это команда «Ятагана», мало шансов одолеть стражу, охраняющую крепость. К тому же стены замка прочные и толстые, а ворота обиты тремя слоями железа. Если у тебя есть какой-нибудь план, говори — мы с тобой.

Чарн Товис быстро изложил план, который придумал, бродя в грязи и зловонии канализационных труб.

Конечно, его план был опасен, и все-таки это был единственный путь к спасению принца Патанги.

— Система сточной канализации, расположенная под вашим городом, выходит к морским пещерам,— начал он.— Я думаю, она проходит и под крепостью Каштара.

— Ну конечно.— Барим Рыжебородый посмотрел на Товиса с удивлением и задумался.— Ты хочешь сказать...— начал он, улавливая мысль Чарна.

Чарн Товис кивнул.

— Я не вижу другого пути, чтобы попасть в крепость,— сказал он.— Мы не сможем пройти через ворота, потому что они слишком хорошо охраняются. Нам не перебраться и через стены. Следовательно, остается единственный путь — канализационные туннели.

— Но как мы будем ориентироваться в этих вонючих катакомбах? — удивленно прорычал Рыжебородый.— У нас нет карт, а там нет указательных знаков. По крайней мере, я о них ничего не слышал и не думаю, что они там имеются. Очень легко можно сбиться с пути, заблудиться...

— Мы должны использовать этот шанс,— спокойно возразил Чарн Товис.

Барим Рыжебородый медленно покачал головой.

— Ну что же. Тогда нужно будет как можно лучше подготовиться.

* * *

Под пиратским городом в разных направлениях растянулась гигантская сеть мрачных гулких катакомб. Грязная маслянистая жидкость струилась в продуваемых ветром коридорах и собиралась в глубоких емкостях, пенящихся вонючими отложениями. Некоторые туннели были такими узкими, что пиратам приходилось ползти на четвереньках в кромешной тьме. Другие же ходы расширялись, превращаясь в пещеры, где три-четыре человека могли встать в полный рост.

С самого начала пираты постарались как можно точнее определить нужное направление. Дорогу они освещали пропитанными маслом факелами, но в узких туннелях факелы сразу же гасли.

Катакомбы кишели крысами, которые разбегались при приближении людей. В течение столетий красноглазые косматые унза царствовали в этом зловонии. Теперь же дикая орда этих чудовищ бежала. Когти скребли мокрый камень, безволосые хвосты скользили по липкой грязи.

Большинство людей уже давно безнадежно заблудились бы в этих мрачных лабиринтах. Но, должно быть, у моряков развивается особое чувство ориентации, когда необходимо выжить на море в условиях полной темноты — без луны и звезд. Это чувство правильного направления послужило им и сейчас, когда они пробирались по зловонным катакомбам в кромешной тьме.

Помимо этого чувства, у них был еще один ориентир. Крепость Каштара располагалась гораздо выше остальной части города. Поэтому, когда приходилось делать выбор между двумя

тоннелями, пираты выбирали ведущий вверх. Таким образом, им довольно точно удалось выйти к конечной цели своего «путешествия».

Никто из пиратов не представлял себе, сколько времени у них ушло на эту прогулку. Несомненно, им понадобилось несколько часов, чтобы добраться до подземных тюремных камер под крепостью. Здесь заговорщики стали особенно осторожны, стараясь ни единым звуком не вызвать подозрений у бдительной стражи.

Прошло немало времени, пока они не добрались до решетки в камерном полу. Один за другим пираты пролезли через нее и очутились в крепости Каштара. Во влажном мраке подземелья тускло светили факелы, из-за толстой кирпичной кладки доносился звук капающей воды. В мигающем свете факелов видно было, что после столь длительного путешествия под землей пираты оказались с головы до ног выпачканы грязью.

Следуя за Баримом Рыжебородым и Чарном Товисом, пираты проходили мимо тюремных камер, стараясь держаться в тени. У этих камер не было стражи — Каштар, по-видимому, считал, что она здесь не нужна, так как врагу неоткуда тут взяться. Все крепости строятся так, чтобы защищаться от захватчиков, старающихся проникнуть через стены и ворота. Никакой архитектор не предусмотрел того, что враг появится в крепости из-под земли.

В одной из камер пираты нашли Тарта в целости и сохранности. Он крепко спал, свернувшись на грязных лохмотьях, валявшихся на полу. Мальчик был прикован к бронзовому кольцу в стене, но огромные ручищи кочевника Рогира и светловолосого великана Тангмара играючи разомкнули звенья цепи, как если бы те были из мягкой замазки. Уже через несколько мгновений Тарт оказался на свободе, и, не теряя ни секунды, все они отправились в обратный путь.

Передавая Тарта через отверстие решетки вниз, в руки Тангмару, Чарн Товис не мог отделаться от мысли, что столь дерзкое мероприятие прошло уж слишком легко. Он все-таки не ожидал, что его план окажется таким успешным.

Ни он, ни кто-либо другой не заметили невзрачный, похожий на кристалл предмет, укрепленный в потолке над дверью камеры, которому суждено было в дальнейшем сыграть важную роль.

* * *

Тем временем в крепости, в небольшой, удаленной от посторонних глаз каморке, колдун Белшатл склонился над древней рукописной книгой. Он осторожно переворачивал хрупкие страницы пожелтевшего пергамента из кожи дракона, изучая таинственные знаки утерянной магии. Лицо его казалось мертвой безжизненной маской. Живыми на нем были лишь глаза — внимательные и проницательные.

Неожиданно его занятие прервал сигнал тревоги — стоящий на черном металлическом постаменте сферический кристалл начал вспыхивать волшебными огненными искрами.

Отложив древнюю книгу на мраморный столик, Белшатл склонился над кристаллом. Он провел над ним кистью правой руки, повторяя какое-то заклинание. Кристалл стал светлеть, и внутри него появилось миниатюрное изображение. Теперь колдун наблюдал за тем, как молчаливые, похожие на призраков, черные от грязи люди освобождают заключенного в камеру принца. Лиц похитителей, покрытых грязью, было не разобрать в слабом свете кристалла, но это не имело значения. Он сможет вовремя поднять тревогу: волшебный сторож, установленный им для наблюдения за мальчиком, сработал в нужный момент. Уже через несколько мгновений стражники с факелами в руках заполнили всю подземную тюрьму, но они никого не нашли!

Джасарк и его неизвестные друзья как в воду канули!

Но недаром у колдуна были необычно зоркие глаза. Он рассмотрел оставшиеся у дренажной решетки комки грязи.

— Они скрылись через канализацию,— прошипел Белшатл.— Быстро, капитан! Спускайтесь со своими людьми вниз и следуйте за ними. Я вызову городскую стражу, пусть прочешут все улицы: эти собаки когда-нибудь да выберутся наверх.

Была уже ночь, когда грязные и изможденные пираты «Ятагана» вместе с принцем Тартом поднялись на улицу, которая вела к причалам Таракуса. Свежий бодрящий ветерок с моря показался необычайно прекрасным этим усталым людям, которые в течение многих часов пробирались сквозь грязь и зловоние подземных коридоров. Наконец последний матрос выбрался из катакомб, и теперь все пираты стояли, выпрямившись во

весь рост, глубоко вдыхая свежий воздух и чувствуя, как уставшие тела наполняются новыми силами.

Где-то там, на дальнем причале, замер их «Ятаган». Его сверкающий нос с головой дракона покачивался в призрачном свете ночных звезд. Еще несколько десятков ярдов, и Чарн Товис с джасарком Тартом будут в безопасности на борту корабля, который тут же выйдет в море.

Вдруг мощный рев сирены нарушил покой звездной ночи.

Темные улицы вмиг заполнились вооруженными людьми, которые, гремя по булыжной мостовой, приближались к команде «Ятагана». Свет звезд и факелов отражался на поднятых вверх тесаках, кинжалах и длинных мечах. Сумасшедшим огнем горели глаза взбешенных пиратов.

И вот уже Рыжебородый и его люди окружены бурлящей толпой мстительных врагов. Началось настоящее сражение. Сталь ударялась о сталь. Десятки ног скользили по грязным булыжникам. Люди наносили друг другу смертельные удары и падали со вспоротыми животами или окровавленными лицами.

Чарн Товис оказался в самом центре схватки. Без устали работал он своим зазубренным мечом, так что тот звенел от ударов. Вдруг кто-то сильно ударил его сзади сапогом по ногам. Молодой воин буквально рухнул на мостовую, и в ту же секунду на нем оказался противник, готовый нанести своим мечом последний удар. Товис сжался, ожидая, как холодная сталь вопьется в его тело.

Но тут произошло что-то странное.

Огромная черная тень заслонила полнеба, скрыв звезды и сверкающую луну. Подобно гигантскому дракону полуночных небес, тень скользила по небесам, опускаясь вниз, на сражающуюся толпу разъяренных мужчин.

Сидевший верхом на поверженном Товисе пират испуганно поднял голову к небу. Краска сошла с его лица — оно стало белым как бумага. С ужасом смотрел он на чудовище, нависшее над ним.

Темноту ночи ослепил фантастический бело-зеленый свет. Вспыхнули тысячи молний, и ночь превратилась в сверкающий полдень.

Чарн Товис почувствовал, как обмякло тело противника. Из его парализованной руки выпало оружие — сталь лязгнула о маслянистые булыжники мостовой.

Крылатая смерть нанесла удар с небес.

Глава 3
НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ

Напрасно твое ликованье, жестокий хранитель, не жди
Победы приятной и легкой: расплата твоя впереди.
Уже молодые герои спешат из далеких стран,
Спешат, чтоб мечом и правдой твой прекратить обман.
Сага о Тонгоре, XVIII

Всю ночь после исчезновения принца Тарта маленький серебристый воздушный корабль летал в небе, носимый прибрежными ветрами. Уже в течение нескольких дней воздушные силы Патанги неустанно обследовали водную гладь и берега залива, чтобы отыскать хоть какие-либо следы пропавшего принца и его спутника. Все было бесполезно, найти ничего не удалось.

Когда оба патрульных корабля вернулись в расположение воздушных сил Патанги, Чанган Джал доложил доатару Воздушной гвардии о том, что сын Тонгора похищен из дворца предателем — Черным драконом, коджаном Чарном Товисом, и что оба они бесследно исчезли где-то над заливом. Страшная новость быстро распространилась по городу Огня, вызвав страх и возмущение, тревогу и сожаление. Но никто не сомневался в злостном похищении, за исключением только тех, кто хорошо знал молодого воина из Возашпы. Они упорно отказывались поверить в то, что Чарн Товис способен на предательство. Но тем не менее джасарк исчез и самого Чарна Товиса не было. Что касается Чанган Джала, то он был офицером, заслуживающим доверия, и его слова никогда раньше не подвергались сомнению.

Сподвижники императора собрались на тайный совет и попытались найти объяснение поступку Чарна Товиса. Герцог Мэл решительно заявил, что, возможно, молодой воин раскрыл какой-то заговор, организованный против саркайи Соомии и ее сына, и попытался спасти Тарта. Шангот поддержал это мнение, сказав, что Чарн Товис никогда не предал бы Тонгора, если бы тот был жив. Точно так же был он верен и принцу, его наследнику. Иотондус согласился с ними, и пока другие соратники Тонгора спорили и раздумывали над происшедшим, он и Шангот (необычный дуэт — молодой ученый и воин-кочевник) решили самостоятельно заняться поисками истины.

Для этого предполагалось использовать разведывательный воздушный корабль, находившийся на крыше дома Иотондуса. План заключался в том, чтобы исследовать берега залива и попытаться найти какие-либо признаки жизни. Дело это представлялось безнадежным, но Иотондус решил не успокаиваться до тех пор, пока не будут получены убедительные доказательства тому, что сына Тонгора нет в живых. Шангот также был глубоко убежден в том, что храбрый и находчивый молодой воин из Возашпы справился бы с любыми препятствиями на своем пути, защищая от опасности юного Тарта.

Воллер Иотондуса был скоростным и маневренным. Благодаря двигателям, работавшим от энергии ситурла, он мог летать много дней. Итак, они отправились втайне от всех, полные решимости не возвращаться до тех пор, пока не исчезнет последняя надежда.

Они обнаружили остатки разрушенного воллера. Стальной каркас и хвостовая часть, конечно, затонули, но обломки с покрытием из урилиума оставались на плаву благодаря антигравитационной способности волшебного металла. Конечно, не было никаких признаков, указывающих на то, что юный принц и Чарн Товис живы. Не нашлось ни клочка одежды или обуви. Но друзья не прекращали поисков.

Для всех продолжало оставаться загадкой, как молодой воин попал во Дворец Ста Сарков. И только Иотондус понял, что Чарн Товис, взяв из неохраняемой лаборатории «небесный пояс», использовал его для полета. Только «небесный пояс» давал ему возможность незаметно пробраться во дворец и покинуть вместе с мальчиком.

Именно эти соображения давали Иотондусу надежду на то, что и принц, и Чарн Товис живы, хотя Чанган Джал уверял, что они погибли в когтях летающего чудовища. Если беглецы не стали жертвой дракона, то вполне возможно, что «небесный пояс» смягчил их падение с такой огромной высоты.

Весь день прошел в безуспешных поисках. С наступлением ночи Иотондус направился к лесистым берегам Птарты. Там он сделал посадку и закрепил воллер у высокого дерева. Устав за день, он и его спутник сразу же заснули. Но с рассветом они опять были готовы продолжить поиски. Они обследовали побережье в восточной части залива, низко пролетев над лесистыми холмами и включая сигнальные огни в надежде, что Чарн Товис

и Тарт, если они где-нибудь поблизости, увидят воллер и узнают своих друзей.

Удача пришла неожиданно — днем позже.

Приятели получили сигнал с шедшего из Шембиса судна. Моряки просили помочь обнаружить пиратский корабль из Таракуса, который грабил суда на пути между Зангабалом и Делфином. Из разговора с капитаном корабля стало ясно, что пираты по дороге в Таракус спасли из вод залива молодого воина и мальчика. Это видели матросы с борта зангабальского корабля, отправившегося в погоню за пиратским судном.

Капитан еще долго не мог понять, почему эти два человека с воздушного корабля Патанги чуть с ума не сошли от радости, когда услышали эту новость. Даже не попрощавшись, они стремительно взлетели на своем скоростном воллере.

* * *

Достигнув ужасного города пиратов, Иотондус начал медленно кружить в ночном небе над улицами, пытаясь что-нибудь разглядеть. Пираты Таракуса враждебно относились к любым флагам, поэтому Иотондус не мог опуститься вниз, как он это делал в Зангабале и Пелорме, и обратиться с расспросами к жителям города. Друзья и сами не знали, какие именно следы они ищут, но продолжали тщательно разглядывать освещаемые факелами улицы окруженного утесами города. Спустя длительное время, когда первые призрачные лучи рассвета стали пробиваться на востоке, друзья увидели то, что сразу привлекло их внимание.

Недалеко от причалов шло настоящее сражение! Рычащая банда ярко одетых пиратов мчалась по темным улицам, чтобы напасть на небольшую группу людей, среди которых был... мальчик. Беглецы же, как казалось, направлялись к кораблям, стоящим на якорях у ближайших причалов. Иотондус резко повернул рычаги управления, и воллер послушно устремился вниз, на сцепившийся клубок людей.

Многие из сражавшихся были покрыты слоем черной грязи, так что разглядеть среди них Чарна Товиса или Тарта не представлялось возможным. Но все же Иотондус расчехлил смертоносные лучевые пушки, которыми был снаряжен воллер. Положение внизу становилось все более критическим, и Иотондус решил вмешаться. Слепящие огненные молнии обрушились на

головорезов, атаковавших команду «Ятагана». Пираты Таракуса никогда раньше не видели смертоносного оружия Патанги в действии. Объятые ужасом, они обратились в паническое бегство. В один миг битва закончилась, после чего воллер смог приземлиться. Пораженный Чарн Товис увидел сквозь иллюминаторы кабины знакомое лицо великана Шангота. Там же находился и молодой ученый Иотондус.

Со слезами радости на глазах поцеловали они руку принца Тарта и в молчаливом приветствии обняли за плечи Чарна Товиса. Молодой воин поспешил познакомить удивленных, замызганных грязью пиратов «Ятагана» с двумя известными придворными Патанги.

— Мы догадывались, что у вас были серьезные причины на то, чтобы увезти джасарка,— прогудел Шангот, когда Чарн Товис рассказал о том, в каком ужасном состоянии он обнаружил саркайю Соомию.— Я разорву эту жирную свинью, Далендуса Вула, вот этими самыми руками, как только увижу его безобразную рожу,— возмущался великан.

— Нотлай, наркотический порошок,— проговорил побледневший Иотондус.— Теперь я понимаю, почему Далендусу Вулу удалось убедить саркайю стать его невестой.

Чарн Товис был ошеломлен этим известием.

— Что?! Соомия выходит замуж за это чудовище? Ну конечно, именно этого они и добивались, трона Патанги,— Далендус Вул и тот, кто постоянно находится теперь рядом с ним, высокий, угрюмый человек в черном, со странно холодными изумрудными глазами.

Необъяснимое предчувствие, подобно ледяной стреле, пронзило кочевника Шангота. Но голос его оставался убийственно спокойным, когда он переспросил:

— Человек в темной одежде с капюшоном, скрывающим лицо... человек, чей взгляд подобен ледяному зеленому пламени... человек, глаза которого могут парализовать мозг того, кто на него смотрит?

Чарн Товис кивнул, удивившись странному волнению, с которым гигант задавал вопросы. Но тут же он сам вспомнил:

— Я ведь тоже уже видел эти глаза — как-то утром у городских ворот, перед тем как мы встретились с тобой, Шангот. Этот человек выглядел тогда как нищий, но мне, помнится, стало не по себе от взгляда его странных холодных глаз.

Шангот прервал его громким восклицанием, которое, казалось, исходило из самой глубины его души:

— Он жив! О боги небесные! Если бы я только знал это.

— О ком ты говоришь? — Чарна Товиса поразило то горе и страдание, которые слышались в голосе Шангота.

Ответ великана словно окатил его ледяной волной:

— О Марданаксе из Заара — повелителе Черных колдунов.

— Ты уверен?

— Боже, я не знаю, как Королю Тьмы удалось уйти невредимым из своего проклятого города. Но три года назад, когда я скитался по королевству Зла, пытаясь разыскать своего повелителя Тонгора, взятого в плен Черным колдуном, я хорошо рассмотрел Марданакса. Ведь я стоял к нему так же близко, как к тебе, и в моей памяти до сих пор живы эти полные застывшей злобы изумрудные глаза, горящие из-под черного капюшона. Боги небесные! Теперь мне ясен весь их заговор. Моего господина Тонгора поразила вспышка колдовской молнии, а не естественная смерть. То, что с ним случилось,— это месть Заара!

Иотондус побледнел так, что даже губы его стали белыми. Он не мог простить себе свою недогадливость.

— Где же была моя голова? Я должен быть понять, что используется нотлай — наркотический порошок, отнимающий волю и разум. Черная магия — власть одного ума над другими. Именно поэтому Соомия отвернулась от верных друзей и закрылась в покоях дворца. А теперь она выйдет замуж за этого подлого предателя, который, я не сомневаюсь, сам находится под властью Марданакса. Это и есть месть колдуна. Он сам станет править империей Тонгора!

Чарн Товис резко повернулся к нему.

— Вы говорите «выйдет замуж». Значит, она еще не давала клятвы верности Далендусу Вулу перед алтарем?

— Конечно же, нет. В сообщении герольда говорилось, что это должно произойти утром двенадцатого дня месяца замара.

Чарн Товис обернулся к чумазым пиратам, которые стояли рядом и с интересом прислушивались к разговору.

— Я потерял счет времени во всех наших приключениях. Какой сегодня день?

Барим Рыжебородый задумчиво почесал подбородок.

— Сегодня как раз двенадцатое число замара.

— А на какой час назначена церемония? Иотондус, вспомни же!

Мудрец не сразу ответил:

— На... девять часов.

— А сейчас, должно быть, шесть или семь утра,— нетерпеливо проговорил Чарн Товис. Мозг его лихорадочно работал.— Нам надо отправляться как можно скорее. Может быть, с Божьей помощью мы успеем предотвратить беду.

Тарт схватил его за руку.

— Но Чарн! А что же будет с Дурганом, Блеем, Тангмаром и капитаном Баримом? Мы не можем просто бросить их здесь. Ведь правителю пиратов станет известно, что именно они помогли мне сбежать.

Рыжебородый громко рассмеялся и дружески хлопнул мальчика по плечу, так что тот покачнулся.

— Ха, клянусь зелеными усами Шастадиона, Бога Моря, никогда не бойся за Барима Рыжебородого и его людей, парень. Ни Каштар, ни его любимый колдун никогда не узнают, кто помог тебе сбежать из черных темниц. Не догадаются об этом и те, кто пытался схватить нас здесь, у причалов. Вы, парни, отправляйтесь, да побыстрее. Надо помочь королеве избавиться от грязного негодяя. Ишь, наложил свои вонючие лапы на нас — северян! А за нас не бойтесь: ночь была темной, и наши рожи под толстым слоем поганой черной жижи никто не мог разобрать. Торопитесь же, Чарн, и ты, парнишка. Будьте здоровы! Не забывайте своих товарищей с «Ятагана». Когда-нибудь мы заявимся в Патангу с визитом. Только не забудьте предупредить стражу и местных матросов, что люди с «Ятагана» друзья, хотя и пираты.

* * *

Прощание было скорым, хотя и сердечным. Прежде чем утреннее солнце полностью вышло из пелены туманов и осветило лесистые холмы востока, воллер поднялся от причалов Таракуса с принцем Тартом, Шанготом и Чарном Товисом на борту. Корабль сделал круг над городом и быстро начал подниматься вверх к солнцу. Потом был взят курс на Патангу.

На высоте пятнадцати тысяч локтей воллер помчался с максимальной скоростью, которую только молодой ученый мог вы-

жать из его двигателей. Началось состязание с временем, отчаянная попытка спасти трон Патанги от мести Марданакса из Заара. Никогда ранее не проводились такие рискованные гонки за столь драгоценный приз. Хотя великий Воин Запада и был мертв, и душа его бродила по небесному царству, наследник его был жив. Чарн Товис и Шангот из племени джегга готовы были сражаться до последней капли крови, чтобы не позволить предателю Далендусу Вулу отобрать трон города Огня у законного наследника — принца Тарта.

Легкий корабль несся по небесам древней Лемурии, подобно сверкающей молнии. Во многих, многих милях к северу вставали каменные стены и высокие, до небес, башни Патанги — великого города, раскинувшегося в устье залива, где Реки-Близнецы, Саан и Исаар, соединяют свои воды с водами океана.

Сможет ли самый быстроходный корабль всего воздушного флота Патанги вовремя достичь города Огня?

Смогут ли друзья поднять народ Патанги на восстание до того, как саркайя произнесет роковую клятву перед алтарем в храме Девятнадцати Богов, ведь тогда отравленная снадобьями беспомощная подруга Тонгора станет женой Далендуса Вула.

Воздушный корабль рвался вперед сквозь облака, но Чарн Товис понимал, что им вряд ли удастся прибыть в город вовремя.

Однако они сделали все возможное, чтобы успеть...

Глава 4
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Близка наконец победа, ликует всесильный маг:
Патанга, великий город, всецело в его руках.
Легко, без усилий, играя, он правит своей судьбой,
А тот, кто мешал, навеки в гробнице обрел покой...
Сага о Тонгоре, XVIII

Наступил день. Патанга была залита золотистым солнечным светом. Люди заполнили улицы и выстроились по обеим сторонам огромного проспектаТориан Вэй. На всех башнях, куполах и шпилях развевались знамена. Яркие ковры украшали балконы. На улицах было много цветов. Целые гирлянды обвивали

колонны зданий и придавали праздничный вид фасадам. Однако люди оставались молчаливыми, мрачными и обеспокоенными. Изредка они шепотом переговаривались друг с другом.

К девятому часу свадебная процессия появилась из обнесенного стенами парка, окружавшего Дворец Ста Сарков. Показались сверкающие золотом и драгоценными камнями колесницы, запряженные рогатыми зампами. Впереди всех в роскошном одеянии ехал Далендус Вул. Но ни красивая одежда, ни обилие драгоценностей не могли изменить его глупого жирного лица и неприятных красных глаз.

Соомия находилась рядом с ним. Она была великолепна в прекрасном платье из золотой ткани с нитями блестящего жемчуга. Черные шелковистые волосы спускались длинной косой. Молчаливые зрители стояли довольно далеко и не могли разобрать, что глаза ее пусты, а лицо ее за тщательно нанесенными румянами бледно и безжизненно.

Играя на небольших трубах, плавно двигались на кротерах герольды. На легком ветерке развевались знамена, отливая золотистыми, зелеными, ярко-красными и ярко-синими цветами. За молодыми следовали и другие колесницы, и среди всего этого великолепия можно было различить державшуюся в стороне фигуру Марданакса. Никто из тысяч присутствовавших здесь людей, наблюдавших за движением процессии, не предполагал, что перед ними — самый главный враг Патанги.

Колесницы, медленно двигавшиеся по Ториан Вэй, достигли наконец главной площади, украшенной тысячами знамен. Из Дворца Иерархов вышла процессия облаченных в праздничные мантии и митры священнослужителей. Возглавлял шествие сам мудрый Эодрим.

Две процессии слились в одну у входа в величественный храм Девятнадцати Богов, островерхие купола которого взлетали в чистое утреннее небо. Люди заполняли огромный зал, занимая места перед великим алтарем, где стояли огромные фигуры богов, вырезанные из белоснежного мрамора. На этом самом месте (как недавно это произошло!) упал сраженный смертью Тонгор — повелитель Запада. Теперь его тело покоилось в огромном мраморном саркофаге, стоящем под алтарем.

Лицо Соомии напоминало маску. На нем не отражалось никаких чувств. Далендус Вул провел ее к ступеням алтаря мимо гробницы ее любимого супруга.

У высокого алтаря их уже ждал сам иерарх. Церемония бракосочетания началась.

Гирлянда из цветов обвила запястье безвольной, не сопротивляющейся руки Соомии, а затем и дрожавшую руку Далендуса Вула.

Старый иерарх предложил им воду и вино, хлеб и мясо, виноград и другие фрукты.

По всему огромному залу была расставлена стража. Сквозь огромный свод из многоцветного стекла солнце посылало свои золотистые лучи. Яркие отблески играли на шлемах, доспехах и пиках стражников.

Запел церковный хор. Отец Эодрим стал задавать ритуальные вопросы Далендусу Вулу и молодой саркайе. Соомия произносила традиционные для данной церемонии ответы. Ее голос был твердым и четким. Она отвечала не задумываясь.

В ложе, закрытой шторами, собрались видные дворяне империи. Наблюдая за церемонией, хмурился герцог Мэл. Его сопровождали две дочери. Старый краснолицый барон Селверус кусал кончики жестких усов и время от времени фыркал, глядя на толстого, неуклюжего жениха. Король Элд Турмис, правитель Шембиса, сидел рядом с сарком Кармом Карвусом, правителем Тсаргола, и Барандом Тоном, правителем Турдиса, который прибыл на торжество вместе с сыном — джасарком Рамчаном Тоном. Бывшие друзья и соратники Тонгора были заметно обеспокоены и расстроены.

В тени колонны, в задней части ложи, где располагалась свита Далендуса Вула, скрывалась высокая худая фигура переодетого колдуна. Он-то злорадно улыбался. Вся мощь его воли была сконцентрирована на хрупкой светлой фигуре саркайи Соомии. Каждая частица его волшебной силы направлялась сейчас на слабую женщину, и беспомощная княжна была полностью в его власти.

Для Марданакса приближался миг полного триумфа.

Монотонным голосом старый иерарх продолжал произносить ритуальные фразы, вопросы и указания.

Длинная церемония бракосочетания приближалась к концу.

Иерарх поднял руку, чтобы благословить королевскую чету, стоявшую перед ним на коленях на усыпанных драгоценными камнями подушках. Он уже готов был произнести те слова, которые навеки скрепили бы их союз.

Вдруг купол из цветного стекла, вздымавшийся высоко над ним, взорвался дождем сверкающих осколков — в него носом врезался воллер. В толпе раздались крики ужаса, многие женщины от неожиданности и страха потеряли сознание. Сквозь зияющую дыру купола невыносимо ярко били солнечные лучи. Раненные падающими осколками стражники побросали щиты и пики. Оружие со скрежетом заскользило по отполированному полу храма.

Отец Эодрим застыл как вкопанный. Широко открыв рот, с поднятой рукой, он с изумлением смотрел вверх.

Воздушный корабль плавно опустился до уровня алтаря и с помощью швартового троса и якорного крюка закрепился за выступающую часть одной из статуй.

Из кабины воллера выпрыгнул юный принц Тарт. В руке у него был меч. Увидев мать, он громко позвал ее.

Вслед за принцем появились Чарн Товис, синекожий Шангот и молодой ученый Иотондус.

Чарн Товис поднял меч, и его взволнованный голос прозвучал четко и резко, так, чтобы слышали все присутствующие:

— Хватайте предателя Далендуса Вула! Хватайте человека, прячущегося под капюшоном! Это Марданакс — верховный хранитель Заара, повелитель черных магов, он заколдовал саркайю!

На какое-то мгновение всех охватило чувство леденящего ужаса.

Но вот стража уже кинулась к зашторенной ложе, где находился Марданакс. Личная охрана Далендуса Вула обнажила клинки. Раздались призывные боевые кличи. Сталь ударила о сталь. Началась схватка.

Юный Тарт спрыгнул с алтаря, чтобы прийти на помощь матери. Но тут в приступе невыразимой ярости, изрыгая ругательства, на его пути встал Далендус Вул. Жирной рукой он выхватил из ножен тонкий кинжал. С перекошенным от бешенства лицом барон взмахнул им, чтобы нанести удар по голове Соомии.

Однако юный Тарт помешал ему это сделать. Маленький меч сверкнул, как молния, в загорелой руке мальчика — и пронзил толстый живот предателя. Изрыгавший проклятия Далендус Вул закачался как пьяный. Голос его стих, лицо обмякло. Кинжал выпал из руки и зазвенел, как серебряный колокольчик,

покатившись по мраморным ступеням. Вул попытался нащупать рукоятку меча, висевшего у него на поясе. Ему удалось обнажить меч, но он не смог удержать оружия. Ярко-красная кровь хлынула из раны, нанесенной джасарком.

И Далендус Вул замертво упал у подножия гробницы Тонгора.

Тарт опустился на колени перед матерью и помог ей встать. Она была бледна, глаза ее — широко раскрыты. С изумлением смотрела она на сражающихся людей, на разрушенный купол храма и на воздушный корабль.

— Мама, мама,— рыдал Тарт, обнимая Соомию своими сильными загорелыми руками.— Что они с тобой сделали?

Соомия коснулась рукой лба, как бы приходя в себя. Нить, которая так долго связывала ее волю с волей Черного Колдуна, неожиданно оборвалась. Она опять стала сама собой.

— Все в порядке, дорогой,— пробормотала она, ласково проводя рукой по залитому слезами лицу мальчика.— Наверное, я спала и видела длинный кошмарный сон... Но теперь он кончился — я вновь проснулась.

Чарн Товис и Шангот, спрыгнув с носа воллера, помогали страже. Вот уже и последние охранники Далендуса Вула пали под их стальными клинками. Но куда же девалась худощавая фигура в плаще с капюшоном, прикрывающим лицо? Колдун исчез. Место, где он стоял в течение всей длительной церемонии венчания, было пусто.

Вдруг вскрикнул Тарт, а за ним и Соомия. Чарн Товис и остальные повернулись на крик и увидели высокую фигуру колдуна на самом краю алтаря. Как он пробрался туда незамеченным — никто не мог сказать. Он появился из воздуха, словно призрак. Теперь он противостоял всем этим людям, возвышаясь над ними и поднимая вверх одетой в темную перчатку рукой жезл, вырезанный из черного дерева,— Жезл Власти. Глаза его, горящие изумрудным огнем, смотрели на стоящих внизу людей с неимоверной злобой и ненавистью.

— Пропало! Все пропало! — прокаркал Марданакс хриплым голосом, полным дикого отчаяния. Его напоминающие клешни руки тряслись от ярости. Глаза уставились на колдовские символы, вырезанные на жезле.— Все мои планы рухнули... превратились в ничто,— бушевал колдун. Голос его прерывался и дрожал.— Но и вам не удастся убежать... никому не удастся избежать мести Марданакса из Заара!

Герцог Мэл не выдержал и шагнул вперед, приказав императорской страже взять колдуна. Но одним взмахом жезла Марданакс остановил его.

— Назад, вы, дураки! У меня еще есть сила — достаточно силы, чтобы обрушить этот проклятый храм на ваши головы, достаточно сил, чтобы взорвать стены всех домов Патанги, разрушить самые высокие башни, превратить эту землю в черную, голую пустыню, лишенную жизни на тысячелетия. Не делайте ни шагу, или черные молнии, дремлющие в моем жезле, превратят вас в окровавленные куски мяса.

Неукротимая воля колдуна заставила людей остановиться, наполнив непонятным пронизывающим страхом. В холодном шипящем голосе волшебника чувствовалась такая сверхчеловеческая сила, что никто из воинов Патанги не решился двинуться с места, и только Элд Турмис в отчаянии простонал:

— Воздушный корабль! Он захватит его и исчезнет!

— Да, да,— тяжело дышал Марданакс, перебираясь с алтаря на покачивающийся нос воллера.— Не все еще потеряно... Если я выживу, я покараю вас всех... в другой раз.

В ужасе наблюдали люди за тем, как костлявый колдун в черном плаще неуклюже взобрался на корабль, продолжая угрожать поднятым Жезлом Власти.

Стражники подались вперед, сжимая мечи, пот выступил на их лицах. Шангот обратился с молитвой к своим Богам, герцог Мэл неистово ругался. Его лицо почернело от негодования. Но неземная власть Черного колдуна удерживала всех людей на месте.

Вдруг послышался резкий скрежет камня о камень.

Люди замерли в напряженном молчании. Расширив глаза от удивления, все пытались понять, что происходит.

— Смотрите!

Этот крик сорвался с губ Карма Карвуса. Он показывал куда-то дрожащей рукой, и тысячи глаз проследили за его жестом.

Плита, прикрывавшая саркофаг Тонгора, пришла в движение, приподнялась и с оглушительным грохотом рухнула на пол, расколовшись на множество кусочков мрамора.

Из своей гробницы восстал... Тонгор!

Безжизненное лицо валькара было белым как мрамор.

Одной могучей рукой он ухватился за край саркофага. Видно было, как напряглись его мускулы, когда он поднимался на

ноги. Глаза сарка были закрыты, лицо холодно и мертво. Казалось, он спал.

В саркофаг он был уложен в черных доспехах воина, со скрещенными на могучей груди руками и с вложенным в них легендарным мечом Саркозаном.

Теперь он держал этот огромный меч в могучей руке и медленно поднимался из своей гробницы. Таким предстал Тонгор перед изумленными взорами людей у алтаря, где в луже запекшейся крови лежало тело Далендуса Вула.

Лицо Тонгора постепенно ожило. Мертвенная бледность исчезла. Глаза широко раскрылись, по-львиному сверкая. Валькар перевел взгляд на неуклюжую фигуру Марданакса, замершего у поручней воздушного корабля.

Увидев Тонгора, восставшего из могилы, колдун оцепенел, будто пораженный молнией. Глаза его под черным капюшоном превратились в две зеленые бездны, полные удивления и невообразимого ужаса.

Тонгор снова жив! Бронзовая грудь валькара глубоко вздымалась и опускалась — с такой силой легкие вдыхали воздух. Сердце наполнялось жизнью и силой. Но лицо его исказилось от ярости. Под нахмуренными бровями золотистые глаза сверкали, как два солнца,— они словно гипнотизировали колдуна.

Тонгор носил на груди небольшой зеленый талисман, висевший на шее на кожаном ремешке. Этот драгоценный чудодейственный амулет, известный как Великий Нейтрализатор, находился у Тонгора уже в течение трех лет. Три года назад валькар вот так же стоял перед другим, более мрачным алтарем в Зааре — городе Черных колдунов. Тогда, в той далекой стране и в те далекие дни, его верный товарищ Шангот из племени джегга вступил в схватку с черными силами. Когда колдовские чары держали Тонгора мертвой хваткой, когда над валькаром нависло нечто неведомое, что пожирало его жизненные силы, Шангот поразил своим мечом Вуала и сорвал с него талисман — Великий Нейтрализатор. Шангот передал амулет Тонгору, и уже одно прикосновение к нему защитило воина Запада от злой магии.

Там, у черного алтаря Заара, Великий Нейтрализатор спас Тонгору жизнь. Сила этого амулета заключалась в том, что никакое колдовство не могло коснуться того, кто его носил. С тех пор Тонгор из племени валькаров постоянно держал блестящий зеленый талисман у своего сердца.

Когда в храме Девятнадцати Богов Марданакс тайно направлял на Тонгора лучи смертоносной колдовской силы, амулет спас ему жизнь. Но волна Зла была столь мощной, что заставила астральное тело Тонгора выйти из тела физического, которое мгновенно впало в транс, почти умерло. Подобно тому, как физическое тело придерживается мира живых, так и астральная форма, покидая плоть, ищет астральный мир, именуемый Королевством Теней. Колдуны, чародеи, мистики и философы всех стран и времен исследуют науку астрального мира — таинственную науку, согласно которой астральный двойник тела добровольно на время может покидать телесную оболочку и путешествовать по Стране Теней.

Именно так попал в Королевство Теней Тонгор — ни мертвый, ни живой,— на что намекали ему и Привратник у Врат Теней, и Бог Пнот. И случилось так, что с помощью Отца Горма астральное тело Тонгора Могущественного вернулось из невообразимого путешествия сквозь пространство, время и границы Бытия и вновь нашло свою плотскую оболочку, возвратив сарка сарков к жизни.

Тонгор замахнулся и с львиной силой метнул свой огромный меч в застывшую от страха фигуру колдуна. Оружие попало в цель, со страшным хлюпающим звуком пронзив тело Марданакса.

Колдун пошатнулся. Жезл выпал из крючковатых пальцев, разбившись в куски на каменных ступеньках. Его обломки вспыхнули, и невыносимо яркий свет заполнил зал. И вот уже обломки Жезла Власти превратились в простую кучу золы, тлеющую на ступеньках алтаря.

Острая сталь меча прошла сквозь плоть и кости колдуна. Рукоятка меча торчала из тяжело вздымавшейся груди, напоминая неуклюжую пятую конечность.

Марданакс зашатался сильнее и, перевалившись через поручни корабля, упал вниз. Его тело покатилось по алтарным ступеням и замерло, огромный меч по-прежнему устрашающе торчал из него. Но жизненная сила колдуна оказалась сверхъестественно велика, и он все еще не был мертв.

Вот он приподнялся на колени и пополз, жадно глотая воздух. Капюшон откинулся назад, обнажив жилистую шею и лысую голову с желтоватого цвета кожей. Она напоминала пергамент, натянутый на обнаженную кость. Но черты лица чародея были все так же неразличимы.

Невообразимым усилием воли он схватился за меч Тонгора и вытащил его из своего тела. Длинный клинок тут же выпал из рук колдуна, зазвенев на каменном полу.

Теперь Марданакс скрючился на четвереньках, как умирающий зверь. Кровь его лилась ручьем, пачкая чистый мрамор. Это была отвратительная жидкость — черная и вонючая, как смертоносный яд. Разливаясь по каменному полу, она шипела, дымилась и пузырилась, прожигая полированный камень, словно кислота.

Марданакс завалился на бок. Его лысая голова ударилась об пол. Но жизнь еще теплилась в его скорчившемся теле, хотя зеленые глаза уже стали остекленевшими и незрячими. Рука в перчатке тщетно скребла каменный пол, напоминая ползущего паука.

Вдруг по толпе прокатилась волна удивления. Старый герцог Мэл в волнении воскликнул:

— О Горм! Вы только посмотрите на это...

На глазах всех скорчившееся в агонии полумертвое тело главного колдуна стало меняться... стареть.

Шафрановая кожа сморщилась после того, как по ней прошла волна отвратительной дрожи. Ее покрыла сеть из тысячи морщин. Плоть отвалилась от черепа, оголив кость.

Под раскрывшимися одеяниями тщетно сражающееся за жизнь тело начало усыхать.

Колдун стал согнутым и маленьким, похожим на карлика.

В следующий момент над толпой пронесся вздох удивления: тело колдуна превратилось в скелет. Голый череп, все еще прикрытый шелком капюшона, отделился от шеи и откатился на несколько футов.

Дряхлели и чернели кости скелета. На глазах у всех они рассыпались в пыль.

Уничтожающее дыхание Времени коснулось тела Марданакса, и чародей превратился в прах. Многие столетия его колдовские силы сдерживали Время... теперь же Время победило его...

Возле саркофага лежало залитое кровью мертвое тело Далендуса Вула. А кучка одежды и мертвой пыли — все, что осталось от Марданакса из Заара. Дни предательства и опасностей прошли, остались позади. Интригам врагов и опасным приключениям был положен конец.

На ступенях алтаря Тонгор обнял и поцеловал свою жену. Черноволосая Соомия прильнула к его груди. Затем он заклю-

чил в отцовские объятия радостно улыбающегося Тарта, потрепал его волосы и крепко поцеловал.

С высоты алтаря иерарх Эодрим прерывающимся голосом обратился к богам:

— Боги Земли и Неба, мы благодарим вас от всей души за то, что вы спасли нас от опасностей и помогли избежать ошибки... Отец Богов и Людей, мы благодарим тебя за то, что ты покарал предателя и злодея в час их триумфа... Мы благодарим тебя за то, что ты вернул нам нашего сарка, Тонгора Великого, правителя Запада.

Обняв любимую жену и сына, Тонгор обратился с приветствием к своему народу. И взволнованные жители и воины Патанги отвечали ему словами любви и уважения.

Эпилог

...Месть города Зла продолжала жить в Черном колдуне, который ускользнул невредимым, когда дьявольский Заар был разрушен и затоплен грохочущими волнами Таконда Чуна — Неизвестного моря. Стрелой своих колдовских сил он поразил Тонгора и попытался захватить его трон, но зловещие заклятия не помогли ему избежать смерти, и Боги вернули Тонгора на землю живых. Мрачная тень Черного Великого хранителя исчезла во тьме ада. Все люди радовались и приветствовали Тонгора как истинного повелителя Запада, и был он самым великим среди людей.

Так написано во второй главе
Пятой Книги Летописи Лемурии

Пираты Таракуса

THONGOR FIGHTS THE PIRATES OF TARAKUS 1970

© Перевод. В. Правосудов, 2002

Часть 1
БУРЯ СОБИРАЕТСЯ

У самого выхода из залива Патанги, там, где его воды смешиваются с нескончаемой гладью Яхен-зеб-Чуна — Южного Моря, возвышается огромная гора, на которой построен Таракус — пиратский город, царство беззакония и кровавой жестокости, объединенное лишь одной страстью — золотом. Долгие-долгие годы этот страшный город угрожал городам Запада.

Будь бдителен, могучий Тонгор! Бдителен и осторожен!

Великая Книга Колдуна Шарата

Глава 1
КОРАБЛЬ БЕЗУМЦЕВ

В Тсаргол в этот день темный странный корабль
Команду безумцев принес,
И даже у тех, кто спокоен, как сталь,
По коже бежал мороз...

Хроники Тсаргола

На закате солнца в бухту Тсаргола медленно вошел корабль. Стоял зорак — третий месяц осени двенадцатого года царствования Тонгора.

Смеркалось. Багровое солнце медленно погружалось в кипящий золотой океан на западе. Черные крылья ночи уже нависли над миром. На восточной стороне небосклона замерцали огоньки первых вечерних звезд. Скоро Иллана, Владычица Луны, зальет землю своим холодным серебряным светом, но пока что Эдир, Бог Солнца, еще царственно рассылал последние лучи со своего смертного одра в западном океане.

Тсаргол, город, выстроенный из красного камня, стоял на побережье Южного моря. Высокие башни и мощные стены за-

щищали его от нападения врагов. Богатые дома и величественные храмы говорили о богатстве города, раскинувшегося на берегу залива. В тот вечер его жители наслаждались хорошей погодой и прекрасным закатом, сидя на террасах своих домов или прогуливаясь по широким улицам.

Корабль зашел в залив никем не замеченный: на его мачтах и носу не горело ни единого фонаря. Величественная трирема прошла за мол, рукотворную каменную гряду, построенную, чтобы смирить врывающиеся в залив могучие волны. И только за молом зоркий стражник на одной из башен заметил приближающийся в сумерках корабль и поднял тревогу.

Зазвенел гонг. Вспыхнули факелы. Стража, схватив фонари, взбежала на стену, чтобы выяснить, какой же дерзкий мореплаватель осмелился войти в порт Тсаргола, не зажигая огней и не подняв флага на мачте.

Огромная трирема медленно пересекала бухту. За ее движениями напряженно следило множество глаз; множество рук крепко сжало древки копий, рукояти мечей и приклады арбалетов. Отары — командиры воинской сотни — отдавали короткие, сухие приказы стоящим наготове вестникам. Герольд, пришпорив кротера — быстроногую и послушную рептилию,— отправился с донесением во дворец Карма Карвуса — правителя города.

Не было ничего удивительного в том, что неожиданное появление всего лишь одного корабля вызвало столь большое волнение. Здесь, на южном побережье, ни один порт, ни одно судно не могли чувствовать себя в полной безопасности из-за пиратов Таракуса. И казалось вполне возможным, что одинокая трирема всего лишь разведчик, за которым в порт ворвется сотня других кораблей с безжалостными, жестокими пиратами, жаждущими поживиться сокровищами богатого Тсаргола.

Вскоре стало ясно, что трирема приплыла в Тсаргол в гордом одиночестве. Более того, по мере ее приближения выяснилось, что и на борту этого судна не все в порядке. На скамьях гребцов было слишком много свободных мест, да и оставшиеся моряки орудовали веслами вразнобой. Поэтому судно двигалось не только медленно, но как-то боком, словно краб. Подчас трирему и вовсе разворачивало, и она замирала, подставив борт набегающим волнам.

Стражники разглядели, что на корабле были подняты паруса, но лишь частично, да и те закреплены и установлены совершенно неправильно. По мере приближения судна выяснилось,

что одна из мачт надломлена, позолоченная обшивка бортов разворочена, а носовая ростра выломана у основания.

Вскоре с борта триремы до ушей стражников, ждавших на причале, донесся страшный звук — какое-то дикое улюлюканье. Совершенно невыносимое для слуха, оно то затихало, то вновь усиливалось. Солдаты и офицеры, поеживаясь, переглянулись. Команда темного кренившегося судна завывала, словно стая собак или шакалов.

Один из офицеров обратил внимание на то, что, несмотря на изрядно сократившееся расстояние, отделявшее корабль от причала, весла не поднялись из воды, а все теми же неритмичными гребками продолжали двигать корабль вперед.

— Эй, на борту! — раздались громкие окрики.— Суши весла! Греби назад! На причал налетишь! Куда вы смотрите?

Голоса потонули в грохоте, с которым нос триремы врезался в причал. От такого удара гранитные глыбы вздрогнули под ногами стражников. Судно содрогнулось и застыло. Оборвался и слетел за борт один из парусов; в следующий миг с треском, словно подрубленный дуб, рухнула мачта. Затем все стихло.

Не успели воины перевести дух, как тишину вновь разорвали стоны и вой, адским хором доносившиеся с борта триремы. Казалось, сонмы демонов терзают и пытают команду судна.

Многие стражники принялись бормотать заклинания, оберегающие от злых духов и защищающие от демонов. Другие старались побороть страх проклятиями. Кто же был на борту страшного корабля? Безумцы? Или же трирема приплыла из далеких морей, откуда обычно никто не возвращался? И не были ли матросы судна привидениями, призраками умерших или утонувших мореплавателей?

Зазвучал цокот подков по камням пирса. На причал приехал Карим Птоул, комендант порта. Сверкнув в свете факелов позолотой шлема, он приказал:

— Отар! Отправь людей, пусть пришвартуют трирему. Заведите ее бортом к причалу и привяжите покрепче. И быстро... Пусть стражники поднимутся на борт. Живее!

Седой даотар, командир десяти сотен воинов, подошел к коменданту и по-военному поприветствовал его, приложив к груди сжатую в кулак руку.

— Что скажешь? — хрипло спросил Карим Птоул.— Крушение или пираты?

Даотар внимательно следил, как в свете факелов стражники длинными баграми подтягивали тирему к причалу и привязывали ее канатами. Потом с мечами наготове они полезли на палубу. Подумав, офицер лишь неопределенно хмыкнул и сплюнул.

— Морские волки Таракуса редко выпускают добычу из своих когтей,— наконец мрачно заметил он.— Мало кому удавалось вырваться из их лап. Честно говоря, я ума не приложу, что случилось с этим кораблем. Может быть, какое-нибудь морское чудовище напало на него и заразило бешенством всех тех, кого не смогло сожрать...

— Как знать,— задумчиво протянул комендант.— Но... мне кажется знакомым этот корабль. Эти разукрашенные борта, этот изгиб носа... Готов поклясться, эта трирема уже попадалась мне на глаза.

— Очень может быть, господин комендант,— мрачно согласился даотар.— Мне тоже кажутся знакомыми эти дельфины, вырезанные чуть выше ватерлинии. Редкое украшение. Сдается мне, что мы думаем об одном и том же. Это судно — не боевой корабль и не торговый — с таким-то килем и без глубокого трюма. Прогулочная посудина, достойная адмирала, а то и члена королевской семьи. Быстрое и комфортабельное судно... Что скажете, комендант?

Не слезая с оседланного кротера, Карим Птоул покачал головой.

— Скажем честно, эта трирема нам обоим кажется чертовски похожей на «Корону Тсаргола»,— выдохнул он.— Но ведь сам Карм Карвус вышел на ней в море три дня назад, чтобы нанести дружественный визит в Возашпу. Невозможно, чтобы...

Он запнулся и одними губами прошептал молитву. Даотар тоже вздрогнул и побледнел, когда в свете факелов на подтянутой к причалу корме мелькнула резная позолоченная надпись «Корона Тсаргола»!

* * *

Молодой отар Джорн Джавас первым поднялся на борт таинственного корабля. Подтянувшись на прикрепленной к абордажному крюку веревке, он перевалился через борт и оказался на верхней гребной палубе. То, что он там увидел, заставило его остановиться, сжать зубы и задрожать от ужаса.

Тут и там на скамьях лежали трупы, многие из которых все еще сжимали в руках обломки весел. Судя по всему, смерть этих людей не была легкой и спокойной.

Преодолев ужас, офицер внимательно огляделся и, нагнувшись, перевернул одно из лежащих на палубе тел.

Осунувшийся бородатый матрос уставился на офицера остекленевшими глазами. Синие губы мертвеца застыли не то в ухмылке, не то в гримасе боли. Горло покойника от уха до уха рассек глубокий разрез, оставленный кинжалом. И что самое страшное — мертвый матрос сжимал в руке клинок, которым, скорее всего, он и нанес себе эту смертельную рану.

С трудом заставляя себя двигаться дальше, Джорн Джавас продолжил осмотр палубы. Казалось, большая часть гребцов и матросов покончила жизнь самоубийством. Другие погибли в схватке со своими же товарищами. Офицер вздрогнул, увидев двух сцепившихся мертвых матросов, накрепко впившихся зубами в глотки друг другу.

Оказалось, что не все моряки погибли. Но живые выглядели еще хуже, чем мертвые.

Гребцы сидели, сжав в руках весла, и ничего не выражающими глазами смотрели на Джорна Джаваса, пытавшегося заговорить с ними. Некоторые что-то бормотали, другие смеялись. Отар переходил от одного к другому, заглядывал в вытаращенные или прищуренные глаза, всматривался в измазанные кровью лица... Тщетно ждал он ответа на свои вопросы. Все моряки на этом корабле были безумны. Это они издавали странный, то затухающий, то нарастающий вой.

Несмотря на юный возраст, Джорн Джавас был не зеленым новобранцем, а опытным воином. Ему доводилось видеть мертвых и убивать самому во время осады города. Он знал, каким неприглядным и отвратительным может быть лик смерти. Немало мертвецов прошло перед его глазами. Но ничто в жизни так не напугало его, как кошмарное зрелище, что открылось ему на этом корабле, вынырнувшем из ада.

Офицер побледнел, его ноги задрожали. В какой-то миг храбрый отар чуть не упал в обморок. Только собрав в кулак всю свою волю, Джорн Джавас заставил себя продолжить осмотр триремы.

Палубы были завалены окровавленными трупами. Тут и там попадались еще живые безумцы. В какой-то миг моряки, видимо, набросились друг на друга, поубивав и ранив многих и сильно

повредив роскошный корабль. Джавас обнаружил сорванные с петель резные двери, разбитые инкрустированные панели, изодранные и изгаженные шелковые занавеси и прекрасные ковры. В углах кают и на трапах вповалку лежали и живые, и мертвые.

Но один из моряков, похоже, до конца сопротивлялся безумию.

Судя по его алому одеянию и тяжелому золотому медальону, это был капитан судна. Взгляд старого морского волка был устремлен куда-то вдаль...

Джорн Джавас нашел капитана на мостике у штурвала. Видимо, тот сам накрепко привязал себя к деревянному колесу. Побелевшие пальцы все еще цепко держали штурвал, а капитан навалился на него грудью и застыл.

Новый приступ ужаса сжал сердце молодого отара. Он знал этого моряка!

Это был сам Норгован Тул, адмирал Тсаргола!

Но ведь Норгован Тул несколько дней назад вместе с Кармом Карвусом, правителем города, уплыл на «Короне Тсаргола», флагмане городского флота, личной триреме короля... которая была очень похожа на это леденящее кровь судно. Нет, не может быть, чтобы этот адский корабль, полный покойников и живых мертвецов, залитый кровью и изуродованный неведомым сражением... Он просто не может быть прекрасной триремой, «Короной Тсаргола», три дня назад отплывшей к берегам Возашпы... Или все-таки это то же самое судно?

Со сжавшимся сердцем, бледный как полотно, офицер еще раз обвел взглядом палубу. Сомнений не было: такие резные позолоченные дельфины, повторяющие с внутренней стороны борта наружное украшение, могли быть только на одном корабле. В следующий миг взгляд отара наткнулся на приоткрытую дверь большой каюты. На высокой створке были изображены скрещенные меч и якорь — эмблема королевской династии Тсаргола, ее штандарт и герб.

Страшная правда громом прогремела в голове Джорна Джаваса.

На негнущихся, дрожащих ногах он пересек заваленную трупами палубу и подошел к главной каюте. Неуверенными, слабыми пальцами отар взялся за ручку. Тяжелая дверь оказалась не заперта и легко распахнулась от слабого толчка. Джавас, бормоча про себя молитвы и заклинания, заглянул внутрь, ожидая увидеть в каюте то же, что и на палубах, ибо, если весь

экипаж сошел с ума, то как бы смог правитель избежать безумия или удара клинка какого-либо из своих матросов?

Но каюта оказалась пуста.

Отар обыскал ее, но не нашел тела Карма Карвуса.

Медленно и неуверенно офицер вышел на палубу и вновь направился к штурвалу, к которому привязал себя капитан.

Адмирал был жив, хотя сначала показался отару мертвым. Норгован Тул поднял голову и повернул перепачканное потом и кровью лицо к Джавасу. Словно сквозь пелену тумана, он смотрел на молодого офицера, чуть заметно шевеля губами.

— Адмирал... вы живы? — наклонившись к Норговану, спросил офицер.— Что здесь произошло?

— Серая Смерть... Серая Смерть...— хрипло пробормотал старый моряк.

Джорн Джавас перерубил мечом веревки, удерживавшие адмирала у штурвала, и аккуратно опустил тело измученного моряка на палубу. Затем он напоил Норгована водой из своей фляги.

— Где король? Где наш правитель Карм Карвус? Что с ним? Говорите же! Говорите!

Норгован Тул из последних сил боролся с безумием. Лишь подчиняясь его железной воле, оставшиеся в живых безумцы взялись за весла и привели судно в порт. Верный своему долгу, адмирал Тсаргола не покинул свой пост, пока трирема не вернулась в родной порт. Но силы морского волка были на исходе. Он больше не мог сопротивляться пелене безумия, черной тенью коснувшейся его разума. Адмирал дико улыбнулся, оскалился. Его глаза закатились. Джавас продолжал трясти моряка и спрашивать, кричать. Ему нужно было знать, что случилось с Кармом Карвусом и где он сейчас. Но из уст адмирала выходило лишь одно слово, чередующееся с безумными воплями, стонами и хохотом:

— Исчез... исчез... исчез...

Когда другие офицеры тсаргольской стражи, преодолевая ужас, поднялись на мостик, они увидели Джорна Джаваса сидящим на палубе. Голова адмирала лежала у него на коленях. Старый моряк бормотал что-то бессвязное, время от времени принимаясь выть, как и другие обезумевшие моряки «Короны Тсаргола».

Седовласый даотар положил руку на плечо Джорну. Молодой офицер поднял залитое слезами лицо.

— Он что-нибудь рассказал? — спросил даотар.— Король на борту?

Джорн Джавас только горестно покачал головой.

— Исчез... исчез,— безнадежно произнес он.

* * *

В отсутствие Карма Карвуса старейший и занимающий самую высокую должность канцлер Драт Хорван, барон Амагарский, взял на себя управление городом в качестве регента.

Спустя лишь несколько минут после появления таинственного корабля с безумной командой в королевском дворце Тсаргола собрался Государственный совет. Бледные, мрачные придворные и высшие офицеры обсуждали происшедшую трагедию и гадали о причинах. «Корону Тсаргола» обыскали от носа до кормы, но ни единая мелочь не пролила света на тайну случившегося с кораблем. На его борту осталась лишь часть экипажа, да и то только мертвые и сумасшедшие. Остальные, видимо, оказались за бортом. От мертвых мало что можно было узнать. Разве лишь то, что они, скорее всего, погибли, покончив с собой, или пали от рук своих же товарищей. От живых было немногим больше пользы: ни с одним из них не удалось поговорить. Единственные осмысленные слова, которые постоянно повторяли многие из оставшихся в живых матросов, были:

— Серая Смерть... Серая Смерть.

Но что означали эти слова? Все дворцовые лекари и мудрецы оказались бессильны вытащить из безумцев еще хоть крупицу какой-либо информации.

Случившееся оставалось загадкой. Что разом свело с ума стольких не слишком впечатлительных людей? Где Карм Карвус, что с ним? Жив он или мертв? И если жив, то не вторит ли он сейчас где-то леденящему душу хору воющих безумцев-матросов?

На борту триремы сарка не оказалось, как, впрочем, большей части экипажа и свиты. Куда же они могли подеваться? Самым логичным, хотя и страшным было предположение, что, скорее всего, в припадке безумия эти люди бросились в море или их сбросили за борт другие.

— «Корона» за эти дни не успела бы доплыть до Вазашпы,— мрачно произнес Драт Хорван.— При попутном ветре туда плыть неделю. А между нашими городами на побережье нет ни едино-

го порта или селения. Значит, что бы ни свело с ума экипаж триремы, оно застигло корабль в открытом море. И если короля на борту нет, мы вынуждены смириться с трагическим выводом: Карм Карвус бросился или был выброшен с борта триремы в воды Яхен-зеб-Чуна.

Собравшиеся, потупив взгляды, молчали. И канцлер Драт Хорван продолжил, кусая губы:

— Сейчас перед нами стоит вопрос, от ответа на который зависят все наши дальнейшие действия. Было ли сумасшествие экипажа «Короны Тсаргола» следствием природного явления, одной из многих таинственных загадок океана, или же это плод продуманного и запланированного нападения неведомого жестокого и опасного противника? Опасного, ибо он явно силен в чародействе и колдовстве.

Совет прервался, так и не придя ни к какому решению. Но Тсаргол уже был поднят по тревоге. Усиленная стража заняла свои места на стенах. Самые зоркие наблюдатели внимательно вглядывались вдаль с высоких башен в поисках хотя бы малейшего намека на появление врага. Если неприятель решится штурмовать город, то Тсаргол приготовился встретить его во всеоружии.

С первыми лучами солнца с одной из площадок на крыше дворца поднялся в воздух воллер — одно из судов Воздушной гвардии Патанги,— унося в небольшой кабине пилота из Патанги и посланца из Тсаргола.

Маленькое воздушное судно, сделав круг над городом, словно серебристая стрела, взяло курс на северо-восток, унося печальную весть об исчезновении Карма Карвуса Повелителю Запада Тонгору.

Глава 2
КОЛЬЦО ЧЕРНОГО СОКОЛА

На Карвуса Карма ныне обрушился странный рок —
Темный, таинственный, страшный... Неужто и вправду срок
Выпал ему погибнуть, остаться на дне морском,
Где, кроме убийц-драконов, никто не узнает о нем?

Сага о Тонгоре, XIX

На следующий день после первого удара Серой Смерти и прибытия триремы в порт Тсаргола другой корабль вошел в

бухту другого порта далеко на северо-востоке от города из красного камня.

Здесь, на берегу залива у самого устья двух рек, возвышался огромный город Патанга, резиденция Тонгора, самый большой и сильный город-государство из девяти городов Запада.

Этот второй корабль не был величественной и роскошной королевской триремой, а небольшим, быстрым и маневренным судном. Багровые паруса его жадно ловили любое дуновение ветерка, острый нос беззвучно вспарывал водную гладь. На корабле находились живые матросы, а не трупы и воющие безумцы. Они столпились вдоль бортов и наблюдали за зрелищем приближающихся, сверкающих в свете луны стен и башен Патанги.

Капитан Воздушной гвардии заметил черную галеру, как только та вошла в бухту. Ни единого огня не горело на мачтах судна, что придавало ему пиратский вид. Воллер, зависнув в воздухе, условными сигналами передал сообщение о странном судне стражникам, несущим вахту на крыше Воздушной Крепости. Взревели горны, посыльные вскочили в седла, и их подкованные чешуйчатые скакуны понеслись по улицам города к Морским воротам, поднимая тревогу.

К тому моменту, когда одинокая черная галера подошла к причалу, ее уже поджидала рота стрелков со взведенными арбалетами.

— Эй, на галере! — закричал отар, командир стрелков.— Имя судна? Порт приписки? Хозяин?

В открытых бойницах и над бортами показались лица моряков разношерстного экипажа, собранного, как минимум, из половины городов Западного побережья. Был тут и ковиец с круглым, как луна, лицом, над бровями которого протянулся глубокий давний шрам; несколько смуглых черноволосых тарданцев и уроженцев Кадорны, с янтарного цвета кожей и раскосыми глазами; был в экипаже даже один могучий синекожий кочевник с бескрайних равнин дальнего Востока. Половину этой пестрой команды «украшали» шрамы. На лбах у некоторых моряков виднелись клейма рабов или преступников. При этом на их пальцах сверкали дорогие перстни, а в ушах поблескивали золотые серьги. Не менее ярко и куда более зловеще сверкали их обнаженные клинки.

Вдруг матросы расступились, уступая место у борта высоченному человеку с рыжей бородой, одетому в красную куртку,

шаровары цвета бутылочного стекла и обутому в высокие кожаные сапоги. На груди у него висел тяжелый золотой медальон. Из-под густых нахмуренных бровей следили за стражниками внимательные серые глаза. Больше всего этот человек напоминал настороженного быка: широкая грудная клетка, мощные плечи, руки, бугрящиеся узлами мускулов, словно толстые ветви старого дуба.

— Это судно — «Ятаган» из Таракуса,— рявкнул он,— а я — Барим Рыжебородый, его хозяин.

Молодой офицер на причале процедил сквозь зубы:

— Пираты из Таракуса — не самые желанные гости в нашем городе. Почему вы вошли в бухту без опознавательных огней, словно подкрадывающиеся воры?

Лицо Барима Рыжебородого расплылось в насмешливой улыбке.

— Чем меньше лишних глаз увидит меня здесь, тем лучше, приятель. Но я уверен, что меня примут в городе Огня. Вот — держи!

Вынув какой-то небольшой предмет из кошелька на поясе, капитан галеры бросил его офицеру. Предмет блеснул золотом в свете факелов. Отар поймал его и внимательно осмотрел, поднеся к свету.

Это было тяжелое золотое кольцо. На нем было глубоко вытравлено два знака из пиктографического письма Южных островов. Ко-Тон и Гор Йа назывались эти символы.

Отар не верил своим глазам. Словно проглотив язык, он, моргая, разглядывал надпись на кольце, время от времени переводя взгляд на капитана галеры.

— Тонгор! — наконец выдохнул офицер.

— Ну да,— ухмыльнулся пират.— Имя Повелителя Тонгора, вырезанное на сверкающем золоте Патанги. Сын великого короля дал мне эту штуковину, чтобы, когда мне будет нужно, я был бы допущен к Тонгору.

Отар все еще не мог прийти в себя. Таких колец во всем мире было не более десятка. Ими владели короли и принцы, присягнувшие знамени Черного Ястреба. Действительно, обладатель такого кольца имел право в любую минуту лично встретиться с сарком сарков.

Молодой офицер вздрогнул, стряхнул оцепенение и отсалютовал капитану пиратов, словно коронованной особе.

— Вы владеете Печатью Тонгора, капитан Барим. Я в вашем распоряжении. Пойдемте, я провожу вас к повелителю.

* * *

Бариму уже приходилось бывать во дворцах, поэтому он не обращал внимания на роскошь мраморных лестниц и колонн, блеск позолоты и богатство убранства.

Но он замедлил шаг и, присмотревшись, расплылся в улыбке, увидев стоящего в одном из дверных проемов мальчишку, бросившегося навстречу рыжебородому пирату с распростертыми объятиями.

— Это ты, приятель? Как вырос-то! Я с трудом узнал старого товарища! Ну и взрослый же ты стал!

Принц Тарт рассмеялся.

— Еще бы мне не вырасти, капитан Барим. Ведь прошло уже три года с тех пор, как Чарн Товис вытащил меня из лап Далендуса Вула, а ты помог нам смыться оттуда. Как здорово, что ты снова приехал. Но что привело тебя в город моего отца под покровом ночи, втайне от всех?

Рыжебородый пират нахмурился:

— Дела, приятель. Темные и таинственные... Ну, я надеюсь, ты еще не забыл своих друзей по тому путешествию?

Спутники Барима столпились вокруг мальчика, дружелюбно улыбаясь.

— Я думаю, ты не забыл старого толстого Блея,— воскликнул круглолицый ковиец, тряся перетянутым ремнями животом.

— И Дургана, надеюсь! — сказал пожилой пират с кожаной повязкой на одном глазу.

— Ну конечно, я всех вас помню! И Тангмара тоже,— крикнул мальчик, обнимая улыбающегося великана, уроженца красных лесов Коданга, чьи золотые кудри рассыпались по широченным плечам.— Как я рад всех вас снова видеть! Вы совсем-совсем не изменились!

— Зато ты изменился. Дай-ка я на тебя посмотрю.— Барим одной рукой повернул мальчишку кругом. Да, за эти три года Тарт из девятилетнего ребенка превратился в двенадцатилетнего подростка. Он был загорелым и хорошо физически развитым, сильным для своих лет. Лицо с квадратным подбородком, стран-

ные золотистые глаза и черные как смоль волосы делали Тарта невероятно похожим на своего могучего отца.

Капитан остался доволен осмотром.

— Ну, из сопляка ты стал уже наполовину мужчиной! Интересно, за эти три года в тебе открылся еще и талант предсказателя? Откуда ты узнал, что мы прибыли во дворец?

— Посланник принес эту весть,— улыбнулся джасарк, но лицо его неожиданно стало печальным, когда он добавил: — Ладно, пойдемте. Я совсем забыл, что вас ждут во дворце. Ты, случайно, ничего не знаешь о друге моего отца, Карме Карвусе?

Барим удивленно посмотрел на мальчишку и покачал головой:

— О правителе Тсаргола? Нет, я ничего не знаю, а что с ним? У меня к Тонгору совсем другое дело.

— Ладно. Отец сказал, что примет тебя, как только ты появишься. Пойдем, я провожу вас к нему.

* * *

Зал Ста Сарков был пуст и темен. Высокие колонны поддерживали купол. Пол был выложен чередующимися квадратными плитами матового мрамора, черного и золотого. Неподвижные стражники в черных кожаных одеяниях и золотых шлемах стояли на равном расстоянии друг от друга вдоль стен. Это были воины гвардии Тонгора, знаменитые Черные драконы. Свечи в массивных подсвечниках, стоящих на полу, отбрасывали блики на позолоченные щиты в руках стражников и наконечники их копий. Стены зала украшали мраморные барельефы — портреты царственных, достойных людей. Черты одних лиц свидетельствовали о мудрости и доброте, других — о мужественности и решительности.

Каменные портреты Ста Сарков Патанги внимательно глядели на своего преемника — Тонгора Могучего.

Трон Пламени Патанги был выкован из червленого золота. Языком огня взметнулся он над девятью ступенями черного мрамора.

Словно лев в человеческом облике, Тонгор неподвижно сидел на троне, расправив широкие плечи, с бесстрастным, ничего не выражающим лицом. Его золотые львиные глаза сверкали из-под нахмуренных черных бровей.

Тонгор кутался в черный королевский бархат. Золотой щит Патанги прикрывал его грудь; в центре щита был выгравирован черный ястреб, символ валькаров, родного племени Тонгора.

На коленях повелителя лежал обнаженный меч, выкованный валькарами. С этим клинком в руках Тонгор взошел на трон Патанги. Саркозан — Творец Сарков — так называли этот меч в древние времена.

Удерживая черную гриву волос, голову воина-правителя венчала Корона Пламени. Острые языки ее золотистых огоньков венчали огненные кристаллы чандрала — редчайшего лемурийского самоцвета огненно-золотого цвета.

В эту ночь Тонгор держал совет с мудрейшими и знатнейшими гражданами. Здесь были и виконт Дру, и старый герцог Мэл, барон Селверус и иерарх Эодрим. Присутствовали на Совете и старые боевые друзья Тонгора: Зэд Комис — командир Черных драконов, и Том Первис — начальник Воздушной гвардии. Рядом с ними стоял могучий великан-рохал. Он словно башня возвышался рядом с худощавым невысоким черноволосым воином. Все трое носили форму Черных драконов. Рохал был родом из племени джегга, а звали его Чарн Товис.

Тут собрались все великие люди Патанги. Не хватало лишь Соомии, императрицы. Любимая Тонгора временно отстранилась от государственных дел. Меньше года назад она родила девочку, названную по решению матери Зандарлой. Теперь ребенок требовал полного внимания матери, не оставляя ей времени и сил ни на что другое.

Молодой Чарн Товис первым увидел входящего в зал Барима Рыжебородого. Воин расплылся в улыбке и радостно приветствовал капитана пиратов и его спутников. Именно Товис три года назад помог юному джасарку вырваться из лап Далендуса Вула, тогда они нашли спасение на борту «Ятагана». С тех пор капитан пиратов и молодой воин стали верными друзьями.

Подперев голову рукой и нахмурив лоб, Тонгор слушал речь одного из своих старейших советников об исчезновении Карма Карвуса. Но, увидев шагнувшего к трону Барима, валькар улыбнулся.

— Рыжебородый! Гром и все Боги! — пророкотал Тонгор, вскакивая с трона, чтобы обнять старого друга и похлопать его по плечу.— Я смотрю, морские драконы еще не пропороли брюхо старому «Ятагану». Как я рад тебя снова видеть!

Пиратского капитана представили тем, с кем он не был знаком; затем Бариму и его спутникам преподнесли по кубку вина.

— Сегодня мы засиделись допоздна, обсуждая судьбу моего доброго друга, правителя Тсаргола,— объяснил Тонгор Бариму.— Когда мне сообщили, что ты ночью вошел в наш порт, я решил, что у тебя есть новости о Карме Карвусе или разгадка тайны его исчезновения и случившегося с экипажем «Короны Тсаргола».

Барим тряхнул непокорной шевелюрой.

— Увы, повелитель, я сам впервые услышал об этом исчезновении от мальчонки... ой... простите... от вашего наследника, я хотел сказать. У меня другие новости, не менее печальные и тревожные, но, клянусь всеми богами, я разберусь и выясню, что случилось с королем Тсаргола.

Коротко, без лишних эмоций Тонгор поведал Бариму историю исчезновения Карма Карвуса и трагедию, постигшую экипаж триремы. Одна фраза этого повествования привела рыжебородого капитана в крайнее возбуждение.

— Серая Смерть? — переспросил он.— Так-так. Похоже, я просто чертовски вовремя прибыл в Патангу... Понятно...

Заметив удивленные взгляды, капитан Барим поспешил разъяснить:

— Значит, это уже началось. И новости, которые я принес, окажутся как нельзя кстати. Эх, быть бы мне капитаном купеческого судна! Да разузнай я все чуть пораньше — может быть, твой друг Карвус был бы сейчас цел и невредим.

— Объясни же! — потребовал Тонгор.

— Эх, повелитель... Это дело долгое...— И Барим начал свой рассказ, густо перемежая речь морскими приговорками, чертыханиями и ругательствами, чем не единожды привел в замешательство наиболее утонченную часть аудитории.

* * *

Вот уже полстолетия пираты из Таракуса, укрывшись за стенами цитадели и пользуясь выгодным расположением своего города у выхода из залива в океан, не давали покоя остальным прибрежным городам, грабя их корабли и совершая набеги на мелкие поселения.

Быстроходный флот делал пиратов Таракуса хозяевами залива. Их галеры могли не только догнать любое торговое судно, но и, нанеся удар по городу, уйти прежде, чем большие военные корабли выйдут в море и отправятся в погоню.

Все это Тонгор знал не понаслышке. Ведь прежде чем по прихоти богов или судьбы он вознесся на трон Патанги, отважный валькар, прозванный Черным Ястребом, был полноправным членом Красного братства корсаров. На собственном корабле он бороздил океан в поисках золота, драгоценностей и доброго вина.

Восемнадцать лет прошло с тех пор. Пиратский город стал еще могущественнее. В нем появился новый правитель — капитан, прозванный Красным Волком. Он стал внушать корсарам, что просто золото и деньги — это не все, что нужно человеку в жизни. Власть! Вот что дает настоящее удовлетворение. Капитан видел, как его корсары захватывают для него города, королевства. Он готов был возглавить пиратскую империю!

Вспоминая все это, Тонгор слушал рассказ Барима:

— ...Так вот, тогда и пришел к Каштару этот колдун Белшатл. Он пообещал Красному Волку помочь в завоевании чужих стран. Этот чародей долго жил где-то в дебрях Нианги, там, где лежат в развалинах древние города, которые Боги некогда покарали за какие-то прегрешения. И Белшатл выкопал в тех руинах какое-то страшное оружие. Уж не за создание ли подобных штучек боги уничтожили города Нианги! В общем, что бы это ни было, но теперь Каштар собирается покорить все приморские города и даже... саму Патангу! — прибавил Барим, перейдя на шепот.

Крики возмущения и удивления заполнили Зал Ста Сарков. Зэд Комис прохрипел:

— Это безумие! Да, у пиратов сильный флот, но осаждать самый могущественный город на Западе? Чушь! Это я вам говорю. У них нет никаких шансов.

Командир Воздушной гвардии согласился:

— Мы неуязвимы, мой повелитель! Какой флот, пусть даже самый сильный, сможет противостоять нашим летающим эскадрам, вооруженным магическими кристаллами, ограненными нашим молодым ученым Иотондусом?

Герцог Мэл согласился со старым воином:

— И это доказано, повелитель. Лет двадцать назад в битве за Тсаргол мы разгромили Ялима Пелорвиса и завоевали трон для Карма Карвуса. Воллеры сделали нас непобедимыми. Обычные мерки военной мощи — сильный флот, многочисленное войско — теряют смысл в сравнении с могуществом в воздухе.

Тонгор невозмутимо и негромко сказал:

— Я бы хотел больше узнать о новом оружии, которое Белшатл раскопал для Каштара, прежде чем заявлять о нашей непобедимости.

Глава 3
СЕРЫЕ КОЛДУНЫ

В эти дни Тонгор среди людей —
Самый величайший из царей,
Воин ты, Тонгор, и победитель,
Молодой прославленный правитель.
И героя не найдется под луной,
Что Тонгора вызвал бы на бой.

Летописи Лемурии, книга 5, глава III

Эдир, Бог Солнца, вновь осветил своими лучами Патангу. Ранним утром Тонгор и его советники встретились во второй раз. С первой зарей иерарх послал гонцов к остальным членам Совета, призывая их к храму, возвышавшемуся на южной стороне центральной площади города. Сам же Эодрим провел ночь не смыкая глаз, копаясь в древних свитках и листая инкунабулы, пытаясь найти ключ к утерянной мудрости городов Нианги и узнать секрет оружия, созданного на заре времени.

Совет собрался в библиотеке — огромном зале с высоким потолком, вдоль стен которого выстроились стеллажи с тысячами тяжелых томов. Некоторые были написаны на пергаменте, другие — на свитках кожи из крыльев птеродактиля, скрепленных металлическими пряжками. Часть томов была переплетена в обложки из пластин слоновой кости. Но большинство рукописей хранилось в виде свитков в тубусах, опечатанных свинцовыми печатями. В этой тихой комнате хранилась мудрость, накопленная тысячелетиями.

Уставший после бессонной ночи, верховный иерарх встретил Тонгора и членов Совета сидя в резном кресле черного дерева. Перед ним на подставке лежал тяжеленный том. На страницах, выкованных из тонких листов какого-то светлого металла, кислотой были вытравлены какие-то письмена. Такая книга могла выдержать любое испытание временем и даже пожаром.

— Господа,— начал старик тонким, слабым голосом,— я попросил вашего присутствия в столь ранний час, потому что мне удалось выяснить кое-что, проливающее свет как на таинственное исчезновение короля Тсаргола, так и на небезосновательные угрозы нианганского колдуна.

Иерарх положил руку на книгу, лежащую на пюпитре перед ним.

— Эта книга — «Летописи Лемурии». Кое-что о ней вы наверняка слышали, ибо это самая большая и всеобъемлющая книга за всю историю человечества. Я владею лишь фрагментом единственной копии, сохранившейся во всех западных городах. И вот что я тут вычитал...

* * *

Слабым, негромким голосом иерарх поведал своим слушателям о том, что прочел на металлических страницах.

Он рассказал о древнем клане мудрецов, Братстве Фотик, появившемся в неком монастыре какой-то далекой страны. С эпохи первых королевств людей, семи городов Востока, эти мудрецы изучали бескрайние просторы времени, создав особую науку, называемую акашик. Они проникли в прошлое, настоящее и будущее, и плодом их таинственных трудов стала обширная история Вселенной, изложенная в этой книге.

Древние мудрецы представили всю историю как вечный конфликт, названный ими Войной Хаоса и Мироздания. В темном, непознанном Хаосе, лежащем вокруг Мироздания, действуют зловещие силы разрушения, стремящиеся поглотить всю Вселенную, подчинить ее себе. Повелители Мироздания ведут нескончаемую войну против Хаоса во всех веках и эпохах, во всех мирах и землях.

Мудрецы говорят, что планеты на небесах — это миры, очень похожие на наш. На некоторых из них тоже есть жизнь. Некогда существовал мир, называвшийся Зарканду. Там Хаос победил империю, выстроенную благородными сыновьями Повелителей Мироздания. В конце концов этот мир оказался разрушен и уничтожен, и теперь лишь ледяная груда безжизненных осколков напоминает о его существовании. Эта битва в Вечной Войне была проиграна... В другом мире, который мы называем Иридар, Хаос сумел обратить Огненное существо на службу злым

силам. И опять герои вступили в сражение с силами вечной ночи. В том бою была одержана победа над Хаосом. Но сейчас, по прошествии многих-многих веков, прекрасный цветущий мир Иридар — мертвая пустыня, где раскаленный ветер заносит красным песком разрушенные города и павшие империи...

В нашем мире эта война продолжается, не прекращаясь ни на минуту. Вы знаете историю, поведанную нам «Летописями Лемурии», сохранившимися с древних времен Гипербореи, века рептилий и появления человека. Хаос подчинил себе Королей-Драконов. А люди стали поддерживать силы Мироздания. Поэтому из века в век человек сражается с драконом. Так продолжалось до тех пор, пока не наступил Век человека... Возникли королевства людей, но Хаос, оставив королевство Змей, совратил правителей Заара, и весь город стал служить силам Хаоса. Семь городов погибли. Но поднялись новые города, уже на Западе, и вновь Хаос попытался одержать верх, на этот раз в Нианге, лежащей между Востоком и Западом...

Летописи рассказывают об эпохе Серых колдунов.

В те времена три города Нианги подчинили себе силы зла. Они хотели завладеть всем миром. Это было за тридцать веков до времени Тонгора. Сейчас мы мало что знаем о тех мрачных днях. Три города — Кут, Шандатар и великий Занджан — овладели многими секретами сил Хаоса, познали тайну вечного светила, Солнца, и вечной тверди, Земли. И кроме того, они овладели серой магией — зловещим искусством подчинения человеческого разума и воли, превращающим человека в тупое послушное животное или буйного безумца...

Но Девятнадцать Богов, разгневавшись, стерли с лица земли эти города, превратив в пыль их стены и башни. Их жители в страхе бежали из проклятых богами домов и храмов... Но кто знает, какие страшные колдовские орудия остались погребенными под руинами разрушенных городов... Не их ли вытащил на свет жестокий и безумный Белшатл, подвергая наш век опасностям, идущими из далеких эпох.

* * *

Негромкий дрожащий голос иерарха смолк, и в наступившей тишине было отчетливо слышно, как старик слабой рукой вновь запечатал металлическую книгу девятнадцатью священ-

ными печатями, закрывающими ее страницы от взглядов непосвященного.

Все присутствующие некоторое время сидели в молчании.

Золотые глаза Тонгора сверкали, как у охотящегося вандара — громадного свирепого черного льва древней Лемурии.

— Опять и опять Хаос,— проворчал валькар.— Неужели мы никогда не справимся с темными силами? Не прошло и шести лет, как мы одолели черный город Заар и океанские воды навеки скрыли его от людских глаз, и вновь Хаос обрушил на нас свои силы.

— Сын мой,— мрачно обратился к королю иерарх.— Война между Хаосом и силами Мироздания велась испокон веков, и конца ей не видно. Хаос и Мироздание сражались на погибшей планете Зарканду сто миллионов лет назад. Эта война не закончилась даже когда божественный Аватар, Воин-Лев, победил сына Черного бога. Не окончилась эта битва и на планете Иридар десять миллионов лет назад, когда Чандар уничтожил Черный Факел, или когда его могучий сын Арн добыл меч Псаматис, а три великих талисмана были вырваны из цепких лап Хаоса. Не закончилась вечная война и когда ты, Тонгор, обрушил черные стены Заара. Ибо конца этой войне не будет ни на нашем веку, ни в бесчисленных грядущих тысячелетиях.

* * *

Бог Солнца Эдир давно уже миновал зенит и сейчас медленно катил свой пылающий глаз к западу. Длинные тени легли на улицы Патанги, протянувшись от одной стены до другой. А во дворце Ста Сарков Тонгор, словно лев в клетке, ходил из угла в угол по одному из залов, крепко прижимая к себе младенца — свою дочь.

Его супруга Соомия следила за ним печальным взглядом своих огромных черных глаз. Сухие, невыплаканные слезы наполняли эти глаза, но, как истинная королева, Соомия не могла позволить себе разрыдаться.

— Итак, у меня нет другого выбора,— произнес Тонгор.— Только с благословения Тиандры, Богини Удачи, дерзкий Барим отважился пробраться ко мне и предупредить о грозящей опасности. Рыжебородый сказал, что Таракус вот-вот начнет войну, но у меня еще есть несколько дней, чтобы воспрепятство-

вать вторжению Каштара Красного Волка. Эта отсрочка нам на руку, ибо за это время отчаянный и дерзкий воин может многое успеть.

— Но почему ты хочешь отправиться в Таракус один? — спросила Соомия. Ее спокойный голос не выдал того, что творилось в ее душе.— Несомненно, это опасно, дерзко, почти безумно — отправиться в одиночку в логово своего злейшего врага! Почему бы не приказать Тому Первису обрушить на Таракус всю мощь нашего воздушного флота? Неожиданный удар с воздуха, подкрепленный к тому же осадой наземных сил и штурмом с моря, уничтожит пиратский город прежде, чем его защитники догадаются о том, что империя знает об их коварных планах.

Тонгор задумчиво посмотрел на Соомию.

— Твои слова мудры, но позволь мне не воспользоваться твоими советами. Представь, что Таракус обрушит Серую Смерть на наши летающие лодки и уничтожит Черных драконов... Последняя надежда Патанги рухнет еще до того, как пиратский флот выйдет в море. Нет! У нас, валькаров, есть древняя пословица: не складывай все стрелы в один колчан. Если с ним что-то случится, ты останешься безоружным в тяжелый час. Решено! Я отправлюсь в Таракус на борту «Ятагана». Ну подумай, кому придет в голову, что повелитель Запада сам отправится в логово пиратов, вместо того, чтобы руководить войсками, спрятавшись за стенами Патанги, под защитой своих воинов? А в Таракусе никто меня не узнает. И, кроме того, сейчас у меня есть отличный шанс. Каштар не знает, что Барим Рыжебородый — мой союзник. Значит, «Ятаган» сможет войти в порт Таракуса беспрепятственно. А неожиданность, плюс помощь Барима и его верной команды... Быть может, это и спасет Патангу, если будет на то воля и милость Богов.

Королева не стала больше спорить. Тонгор был прав. Это она признавала, несмотря на то, что в ее голове теснились сотни доводов, требующих не отпускать любимого в опасный путь. Но она хорошо знала своего необузданного возлюбленного, знала его отчаянную натуру и понимала, как он изголодался по битвам и приключениям. Сколько раз за последние шесть лет, прошедших в мире, Тонгор жаловался, что становится похож на старый меч, брошенный в сырой подвал и постепенно покрывающийся ржавчиной. Женская интуиция и мудрость помогали

Соомии понять Тонгора. Долгие, полные опасностей и приключений годы провел валькар, странствуя, добывая себе пищу, кров и само право на жизнь мечом и кинжалом. Он был пиратом, вором, разбойником-одиночкой и главарем банды. И лишь затем судьба привела его к трону самого могущественного государства Запада.

Итак, Соомия не стала прекословить и отговаривать Тонгора.

— Так когда же ты отправишься в путь? — спросила она.

— На рассвете,— последовал короткий ответ.

Саркайя улыбнулась, томно и призывно потянулась всем телом; ее руки скользнули к прическе, и тотчас же черные волосы водопадом сбежали по ее плечам и спине.

— До рассвета еще много времени,— прошептала она и улыбнулась, увидев, как сверкнули глаза Тонгора. Аккуратно уложив дочку в колыбель, могучий северянин легко поднял любимую на руки и крепко сжал ее в объятиях.

Глава 4
МОРСКИЕ ДРАКОНЫ

От коварных рифов и ветров безумных,
От течений быстрых и огромных волн
Огради нас снова в плаваниях трудных,
От морских драконов огради нас, Горм!

Песня моряков Лемурии

Как только первые лучи позолотили край небосвода на востоке, из бухты Патанги вышла черная галера. Ей предстоял долгий путь. Пурпурные паруса надулись, ловя утренний ветер, черный корабль в полной тишине стремительно вспарывал носом воду. Лишь потрескивали шпангоуты, поскрипывали доски бортов и палубы да свистел в снастях ветер.

Утренняя дымка, густая, как молоко, клубилась над водой. Звезды все еще сверкали на небе, но с каждой минутой на востоке все сильнее полыхало багрово-золотое зарево, заставляя звезды померкнуть. Наступал день.

Резкий порыв ветра сорвал с гребня волны пену и швырнул ее на палубу галеры. Тонгор, меряющий палубу «Ятагана» широкими шагами, облизнул соль с губ. Прошли годы с тех пор,

как могучий валькар сошел с палубы военного судна, и сейчас северянин радовался, что время, проведенное во дворце, за решением государственных дел, не заглушило в нем навыки моряка. Тонгор улыбнулся, тряхнул черной гривой на соленом ветру. Словно пьянящий напиток, вдыхал он морской воздух.

— Привет тебе, Горм! — раздался из его груди крик благодарности Богам. Опять жить полной жизнью, ощущать свою силу, нестись навстречу новым приключениям в открытое море, на стремительном корабле, бок о бок со старыми, надежными друзьями!

У штурвала стоял старина Дурган. Взойдя на мостик, Тонгор приветствовал его. Сам Барим, капитан пиратов, был на носу. Он полной грудью вдыхал соленый воздух, подставив свое тело брызгам морской воды. Барим оделся более чем легко. Помимо широких кожаных штанов и высоких сапог, он нацепил лишь широкую кожаную перевязь через плечо. Тонгор же сменил черный королевский бархат на потертые кожаные брюки и куртку странствующего лемурийского воина.

Черные сапоги до колен, широкий алый пояс, несколько раз обмотанный вокруг талии... Под кожаной курткой у Тонгора не было ничего, кроме ремней. За спиной Тонгора, словно крылья, развевалась черная плащ-накидка, прикрепленная к ремням на плечах застежками, украшенными кусками дымчатого кварца. Саркозан — большой меч из валькаров — покоился в кожаных ножнах на боку могучего варвара. Остро отточенный кинжал и поясной кошелек дополняли костюм и снаряжение Тонгора.

Барим внимательно смотрел, как повелитель Патанги подходит к нему, поднимая в приветствии руку.

— Отличный денек, приятель, а?..— чертыхнулся рыжебородый капитан.— Я хотел сказать, Ваше Величество...

Тонгор ухмыльнулся, сверкнув белоснежными зубами.

— Без титулов, Рыжебородый! Здесь ты — капитан, а я всего лишь член экипажа. И если мы хотим без лишнего шума войти в Таракус, то лучше будет на время забыть то имя, под которым меня знают как повелителя Запада.

— Черт побери, здравая мысль, парень,— согласился Барим.— Ну и какое имя мы тебе придумаем?

Что-то сверкнуло в золотых глазах Тонгора.

— Дай подумать. Слушай, когда я много лет назад был таракусским пиратом, меня называли Конгрим — Черный Яст-

реб. Так пусть и сейчас на борту «Ятагана» меня зовут так же — Черный Ястреб. Идет?

— Договорились, Черный Ястреб,— кивнул Барим.

За спинами моряков заскрипели доски. Обернувшись, собеседники увидели, что на нос галеры поднялся молодой коджан, офицер полка Черных драконов, Чарн Товис. Свой роскошный золоченый шлем и доспехи он оставил в Патанге. Теперь Товис был одет в костюм из черной кожи. Ступив на носовую палубу, он вежливо приветствовал своего повелителя и капитана судна.

Из всех благородных, умелых и храбрых воинов Тонгор взял с собой в это опасное путешествие только Чарна Товиса. Быть может, выбор пал на него потому, что именно он, еще совсем юношей, три года назад спас принца Тарта, вырвав его из лап Далендуса Вула. Своей храбростью и боевым искусством этот юноша сумел покорить и капитана, и команду пиратской галеры. Его мудрые речи, наравне с мужеством малолетнего принца, сыграли решающую роль в том, что пираты «Ятагана» перешли на сторону Патанги.

Однако на это была и другая причина. Дело в том, что Барим Рыжебородый был из той же стороны, где родился и сам Тонгор. Рыжебородый воин вырос на холодных, заснеженных равнинах Белнарта, на берегу залива Жаранга Татрайбаала — части великого северного океана. Белнарт лежал недалеко от родной страны Тонгора, где обитало племя валькаров, за хребтом Эобар. Тонгор принадлежал племени Черных Ястребов, давно и тесно связанных дружбой и родством с племенем Белых Волков, к одному из кланов которого принадлежал и Барим. Северяне редко пересекали горы Моммур. Поэтому они старались держаться вместе, когда вокруг начинали свистеть стрелы и звенеть мечи.

Чарн Товис был счастлив вновь оказаться на палубе «Ятагана» вместе со старыми друзьями. А кроме того, он был горд тем, что Великий Тонгор из десяти тысяч воинов выбрал именно его своим спутником в этом опасном путешествии. Не успел офицер обменяться приветствиями с Баримом и Тонгором, как за его спиной, над верхней ступенькой трапа, показалась круглая, как луна, физиономия Блая, расплывшаяся в улыбке.

— Эй, капитан! Кок говорит, что завтрак готов и что еда остынет, если вы немедленно не сядете за стол,— объявил он.

Они собрались в большой каюте, которую занимал Барим. Это было просторное помещение с низким потолком, который

пересекали тяжелые толстые балки. Со вбитых в них крюков свисали на цепях масляные светильники. Небольшие окна, выходившие на палубу и на море, отбрасывали светлые пятна на пол каюты. Барим предложил было своему высокому гостю капитанскую каюту, но Конгрим, как Тонгор приказал называть себя во время путешествия, предпочел делить каюту со светловолосым Тангмаром из Коданга. Что касается Чарна Товиса, то он был рад оказаться в компании Рохала и Рогира. С ними обоими он крепко сдружился еще во время предыдущего плавания.

В большой каюте был накрыт шикарный стол. Тонгор, Чарн Товис, Рыжебородый и его первый помощник, невысокий смуглолицый офицер по имени Ангар Зенд, приступили к трапезе. Печеная рыба в лимонном соусе, свежие фрукты, горячий, только что испеченный хлеб, копченая дичь и пряное мясо кабана, огромные ломти жирного сыра и терпкий коричневый эль в золотых червленых кубках, несомненно, похищенных некогда из трюма какой-нибудь богатой торговой галеры,— все это и еще многое другое было выставлено на стол. Свежий соленый воздух придал всем зверский аппетит, и друзья без церемоний взялись за приятное дело.

* * *

Весь день и последовавшую за ним ночь, а затем и следующий день быстрая галера, нос которой украшала медная драконья голова, неслась под пурпурными парусами по волнам залива.

Великий залив Патанги глубоко врезался в Лемурийский континент, почти разрезая его надвое. Прежде чем на горизонте появятся грозные башни крепости Таракуса, «Ятагану» предстояло проплыть еще много лиг.

Над мачтами кружили и кричали чайки. Белая пена разбегалась в стороны за кормой. Острый нос галеры, словно отточенный огромный нож, врезался в бескрайнюю водную гладь.

Стены Патанги давно скрылись из виду. Вскоре галера миновала показавшийся на горизонте Турдис, еще один город на побережье залива, где на троне восседал Баранд Тон. Вскоре и эта крепость осталась позади. Стоя у борта, Тонгор и Чарн Товис наблюдали, как мимо проплывают Шембис и Зангабал. Наконец они миновали Пелорм — последний дружественный город на их пути.

Великий залив стал намного шире. Его воды смешались с более солеными и холодными волнами Яхен-зеб-Чуна — Южного моря. Еще несколько лиг — и на горизонте покажутся башни пиратской цитадели, Таракуса. Еще ночь под парусом и несколько часов пути при свете дня — и «Ятаган» бросит якорь в огромной, удобной бухте столицы пиратского королевства.

Но тут Судьба взяла дело в свои руки.

* * *

Зоркий матрос, лицо которого было обезображено клеймом раба с галер Шембиса, первым увидел чудовище. Он сидел в большой плетеной корзине на самом верху мачты, чтобы помогать рулевому ориентироваться в сгущающихся сумерках. Сигнал тревоги, поданный впередсмотрящим, поднял всю команду на ноги. Экипаж стремительно занял боевую позицию.

В нескольких сотнях ярдов впереди по курсу из воды показалась огромная чешуйчатая голова с горящими холодным янтарным огнем глазами.

Толстяк Блей звучно икнул. Старый одноглазый Дурган потер здоровый глаз и забормотал молитву морскому богу Шастадиону. Тангмар задумчиво проверил остроту клинка своего меча, а великан Рогир потянул с плеча лук. Все пираты спокойно, без паники готовились вступить в схватку не на жизнь, а на смерть с чудовищем из морских глубин.

Перед галерой вынырнул один из драконов, живших в лемурийскую эпоху. Огромный ларс, сверкая холодными глазами, извиваясь, плыл навстречу судну, широко раскрыв пасть, в которой сверкали немалые клыки.

Не так уж часто чудовища Южного моря заплывали настолько далеко в залив. Их домом и владениями были океанские глубины. Но несколько раз в год рыба, которой обычно питались эти драконы, уходила в залив, нереститься в устьях впадающих в него рек. И тогда бешеные от голода чудовища заплывали в залив вслед за рыбой... а морякам Лемурии оставалось лишь молить зеленобородого Бога Морей о пощаде. Ведь взрослый ларс вдвое длиннее корабля; его могучий хвост, огромные когти и ужасные челюсти могли разбить галеру в щепки или утащить под воду.

Тонгор стоял на носу, сжимая в руке большой меч валькаров. Однажды, двенадцать лет назад, его воллер совершил вы-

нужденную посадку в водах залива и был атакован морским драконом. Тогда Девятнадцать Богов оказались милостивы к Тонгору и его спутникам. Всему экипажу удалось избежать смертоносных челюстей ужаса глубин. Но если это чудовище нападет на «Ятаган», будут ли боги столь же милостивы во второй раз и помогут ли им избежать клыков и когтей огромного ларса?

— Горчак, Турун, Минга — быстро к катапультам! Рогир, бери своих стрелков — и живо на снасти, повыше! Приготовьте стрелы. Всем — к бою!

Барим Рыжебородый, натягивая доспехи, отдавал приказы своей команде. В палубе открылись широкие люки, из которых на крепких платформах поднялись катапульты. Тяжелые каменные глыбы и чугунные ядра, в мирное время служившие «Ятагану» балластом, легли на рычаги могучих орудий. Заскрипели лебедки, натягивая канаты и устанавливая катапульты под нужным углом.

В те далекие времена, за многие тысячелетия до изобретения пороха и изготовления первой пушки, катапульты были единственным оружием лемурийских мореплавателей, которое они могли противопоставить огромным драконам. Удачно пущенный камень мог оглушить или испугать чудовище. А если очень повезет, можно было и добить тяжело раненного или оглушенного ларса, подойдя к нему вплотную.

Но все знали и то, что если катапульты подведут, то кораблю и его экипажу конец. Стрелы, мечи и копья едва ли могли повредить этой чешуйчатой машине смерти. Могучие кости и клыки твари могли разбить палубу, пробить борт, сломать мачты.

Некоторое время ларс глядел на приближающийся корабль, словно что-то оценивая и прикидывая. Неподвижные глаза дракона по-прежнему горели холодным желтым огнем.

Затем, издав дикий рев, чудовище направилось к «Ятагану». Почти в тот же миг удар меча перерезал натянутые канаты, и рычаг одной из катапульт взметнулся в небо. Тяжелый снаряд описал в воздухе дугу и, не попав в цель, рухнул в море, подняв фонтан брызг.

Еще две катапульты со скрежетом распрямили свои сжатые мускулы, отправляя смертоносный груз в сторону дракона. Одно из каменных ядер вскользь ударило по чешуйчатой спине взвывшего от боли чудовища, другое упало в воду рядом с ним, не причинив вреда.

В следующий миг ларс набросился на корабль.

Одна огромная, покрытая чешуей лапа впилась когтями в борт галеры. Толстые доски заскрипели и застонали, когда громадные, как сабли, клыки вонзились в них. Словно в кошмарном сне, над бортом поднялась огромная голова и, нагнувшись над палубой, оглядела судно, выбирая добычу.

Щелкнули страшные челюсти. Голова одного из матросов покатилась по доскам, а тело, рухнув на палубу, забилось в конвульсиях. Перекусив человека пополам, дракон начал жевать добычу, глотая огромные куски мяса, с трудом проходящие в горло.

Через какое-то мгновение все было кончено, а страшная голова чудовища метнулась к следующей жертве. Снова фонтан крови брызнул из оскаленной пасти, заливая палубу. Еще один матрос умер страшной смертью.

Засвистели стрелы, пущенные с рей и снастей. Но они не смогли пробить толстую чешуйчатую шкуру дракона. Рогир без устали посылал стрелу за стрелой в противника, но большинство из них лишь отскакивало от брони чудовища.

Затем голова ларса метнулась к тому месту, где стоял Тонгор, сжимавший в руке свой тяжелый меч.

Все произошло за какое-то мгновение. В сумерках, во всеобщем смятении никто так и не разобрался, что же случилось. Да и у Тонгора не было времени на размышления. Словно вспышка молнии, инстинкт самосохранения заставил его действовать.

Могучий и ловкий валькар отскочил назад. Одним стремительным броском он добрался до борта судна, а затем, не снижая скорости, понесся вверх по вантам. В тот момент, когда покрытая чешуей голова оказалась под ним, Тонгор, сам не осознавая, что делает, спрыгнул на чудовище.

Прежде чем кто-либо понял, что произошло, валькар уже восседал на шее дракона, обхватив горло твари ногами, упираясь ступнями в основание нижней челюсти.

В последних лучах заходящего солнца мелькнула сталь клинка. Острый меч Тонгора обрушился на шею чудовища! От дикой боли все тело ларса изогнулось.

Повинуясь инстинкту прирожденного охотника, Тонгор продолжал наносить удар за ударом в одно из самых уязвимых мест тела гигантской рептилии — в основание черепа, где шкура была наиболее тонкой. Валькар понимал, что если ему удастся сильно ранить дракона, то тот оставит судно в покое.

Вновь и вновь взлетал в воздух клинок, все глубже вгрызаясь в шею чудовища, подбираясь к позвонкам.

Издав леденящий кровь крик, переходящий в стон, ларс разжал когти и выпустил из лап борт галеры. Затем чудовище погрузилось в воду, подняв фонтан кровавой пены.

Прежде чем Чарн Товис и Барим поняли, что произошло, ларс оказался в сотне ярдов от судна. А Тонгор все еще сидел верхом на шее чудовища, и его меч, взлетая в воздух, вонзался в шею дракона. Еще один яростный крик изнемогающего от боли чудовища — и оно ушло под воду, оставив после себя лишь быстро исчезающий след из кровавой пены.

Последний раз ударил по воде огромный хвост, и дракон исчез. Вместе с ним пропал и Тонгор.

На борту галеры воцарилось молчание. Пираты в ужасе смотрели друг на друга. Постепенно люди ожили, бледные, как полотно, лица порозовели, моряки зашептали молитвы разным богам.

Долго бороздила галера гладь залива в поисках пропавшего Тонгора. Солнце совсем скрылось за горизонтом, а шлюпки с «Ятагана» все еще прочесывали пространство в том направлении, куда уплыло чудовище. Острые глаза моряков высматривали валькара — живого или мертвого. Наступила ночь, но пираты продолжали разыскивать своего пропавшего друга при свете факелов и масляных ламп.

Лишь когда луна прошла уже половину своего пути по темному небу, Барим отдал приказ прекратить поиски. Сердце и опыт старого морского волка твердили ему, что ночью их усилия не могут увенчаться успехом и лишь увеличивают риск для оставшихся членов экипажа.

Волны залива поглотили могучего воина Запада. Теперь только богам было ведомо, куда отправилась его беспокойная душа: к холодным берегам Королевства Теней или к черным пещерам неведомых глубин.

Часть 2
ШТОРМ НАЧИНАЕТСЯ

...Были поставлены границы, за которые мудрые Боги не хотели допускать человеческое любопытство, но человеческий разум в жажде познания дерзнул шагнуть за черту, обозначенную Богами... А здесь, где идет война между твердью Мироздания и океаном Хаоса, действуют такие страшные силы, о которых и Боги мало что знают и которые ни божество, ни демон не осмелятся призвать себе на помощь...

Алая Эдда

Глава 1
КРАСНЫЙ ВОЛК ТАРАКУСА

Так жив или мертв потерявшийся князь?
Никто об этом не знал,—
Вдруг тела с душою потеряна связь
У чьих-то неведомых скал?

Летописи Тсаргола

Бессчетные дни и ночи провел Карм Карвус в мрачной темнице в одной из башен таракусского замка. Король жаждал свободы, свободы и отмщения!

Когда эскадра пиратских судов неожиданно вынырнула из темноты, его огромная трирема едва успела подготовиться к бою. Словно черные морские волки, жаждущие крови, со всех сторон налетели разбойничьи корабли. Воины на борту триремы обнажили клинки, готовясь до последнего дыхания защищать своего господина и погибнуть в этой последней схватке. Но пираты Таракуса лишили их и этого последнего права.

Прикрыв глаза, правитель Тсаргола уже в тысячный раз до мельчайших деталей вспомнил эту ужасную сцену. На носу

ближайшего пиратского корабля стояло какое-то странное приспособление — фантастический прибор из хрустальных шаров, оправленных в латунь. Неожиданно из него ударил луч серого света. Это неестественное сияние непостижимым образом сводило с ума любого, кто его видел.

Чудовищным усилием воли король заставил себя отвернуться от ужасной лампы. Но его команда и свита: матросы и офицеры, придворные и слуги, охрана и повара — все, не сводя глаз, словно завороженные, следили за странным серым свечением.

Красные Волки Таракуса взошли на борт его триремы, не встретив сопротивления. Лишь сам Карвус отчаянно сражался, пока численный перевес не сделал свое дело: гордый король был повержен и связан. А его верные и храбрые воины словно приросли к палубе и неподвижно глядели на мерцающий серый свет. А когда пираты, захватив с собой связанного по рукам и ногам Карма Карвуса, покинули борт «Короны Тсаргола», их капитан, в котором король узнал самого Каштара Красного Волка, отдал лишь один короткий приказ:

— Убить!

Палубы триремы превратились в поле жестокого сражения. Сердце Карвуса разрывалось при виде того, как его люди, повинуясь приказу пирата, превратились в диких зверей. Словно бешеные псы, моряки Тсаргола набросились друг на друга, нанося удары клинками и кулаками, вонзая зубы в горло ближнего. А пираты со смехом наблюдали за кровавой бойней, заключая пари и издеваясь над безумцами.

Это случилось много дней назад. С явным усилием сарк попытался отогнать кошмарную картину, достойную самых страшных описаний ада.

— Отец богов и людей, почему я должен это помнить?!

Камера, в которую был брошен пленный король Тсаргола, была темной, сырой, пропахшей запахом гнили и нечистот. Между неплотно уложенными камнями поблескивала зловонная жижа. Откуда-то сверху капала вода. Медленное «кап-кап» не меняло своего ритма ни днем, ни ночью, и только один этот монотонный звук уже мог свести узника с ума.

Губы короля скривились в презрительной усмешке: чтобы сделать пленника безумным, Красным Волкам даже не нужно было обращаться за помощью к колдовской серой лампе. Достаточно было засунуть его в эту темницу.

Долгие дневные часы сарк Тсаргола проводил погрузившись в медитацию. Время от времени, чтобы нарушить тишину, разрываемую лишь монотонным звоном капель, он читал вслух фрагменты древних саг и песен о храбрых воинах, которые еще в детстве заучил наизусть. Немало размышлял он и о том, с какой целью пираты пленили его. В конце концов Карм Карвус пришел к выводу, что виной всему — возросшие аппетиты Каштара, решившегося на дерзкое похищение ради выкупа, который можно будет потребовать с его родного города. Действительно, народ Тсаргола любил своего короля и дорого заплатил бы за то, чтобы спасти его от раскаленных щипцов и крючьев палачей Таракуса. В глубине души Карм Карвус давно поклялся, что если ему суждено когда-нибудь вырваться на свободу, то он посвятит остаток своих дней тому, чтобы раздавить это змеиное гнездо, сравнять пиратский город с землей. И он не успокоится, пока не увидит предводителя корсаров на виселице.

Вскоре другая мысль пришла ему в голову. А что, если Каштару нужен не выкуп — ведь пиратское государство и так не бедствовало,— а нечто другое, например, трон Тсаргола? Что, если Каштар Красный Волк решил присоединить Тсаргол к пиратскому царству? Такое предположение не выглядело совсем уж невероятно. Карм Карвус надеялся, что у придворных хватит мужества выбрать меньшее из зол и сохранить свободу городу, даже обрекая таким образом своего короля на медленную и мучительную смерть от рук палачей.

В этих раздумьях Карм Карвус проводил дни заточения и ждал возможности вырваться на свободу, надеясь на милостивую судьбу. Он даже не догадывался о действительном размахе планов Каштара...

* * *

Наконец монотонное существование узника было нарушено.

Карм Карвус уже пробудился от тяжелого, беспокойного сна, выполнил серию физических упражнений, поддерживающих его в форме, и теперь заканчивал обычную утреннюю трапезу, состоящую из кислого вина, черного хлеба и заплесневелого сыра. Поев, он растянулся на жестком ложе и стал решать в уме теоремы древнего лемурийского философа Тантона Альтхаар-

ского. Вдруг его размышления были прерваны звуком шагов. Лязгнул клинок, послышалось шуршание одежды...

В тот же миг король весь обратился в слух и ожидание. Тюремщики, естественно, обезоружили его, но в цепи не заковали, предоставив свободу в пределах камеры. Было вполне вероятно, что за дверью окажется не так много людей, чтобы с ними нельзя было справиться узнику, жаждущему вырваться на волю. К тому же они наверняка ожидают найти в темнице ослабевшего, сломленного, безвольного узника. Если так, то тюремщиков Таракуса ждал сюрприз, ибо их встречал полный сил, готовый к бою и алчущий отмщения воин.

Ключ с лязгом повернулся в замке. Заскрипели ржавые петли, и тяжелая дверь камеры открылась. Свет факелов залил помещение — свет слишком яркий, просто ослепительный для того, кто провел множество дней и ночей в кромешной тьме. Прищурившись, Карм Карвус разглядел семерых стражников с палашами наготове. Король с трудом подавил стон отчаяния: у него не было никаких шансов. Броситься на семерых вооруженных и готовых к сопротивлению противников — чистое безумие.

Командовал стражниками человек с волевым лицом, которое могло бы быть красивым, если бы не безобразный шрам от удара саблей, пересекавший щеку от уха до подбородка и изогнувший губы в страшном подобии улыбки. Он приказал королю выйти из камеры в коридор, где того сразу же окружили стражники с обнаженными клинками.

Пленника провели вдоль ряда камер, таких же, как и та, где он просидел столько дней и ночей. Некоторые были заняты, некоторые пусты. В каких-то узниками являлись лишь прикованные скелеты, в каких-то — обезумевшие от долгих лет одиночества и тьмы полулюди-полузвери.

По винтовой лестнице процессия поднялась на другой этаж огромного замка. Молчаливый командир стражников не изъявил желания объяснить Карму Карвусу причину этого перемещения, а гордый сарк не снизошел до того, чтобы обратиться к тюремщику с вопросом. Он шел широким шагом, высоко подняв голову и расправив плечи, словно не узник под конвоем, а король со свитой.

Дворец вождя пиратов был невероятно роскошен. Тончайшей работы ковры устилали пол. По углам стояли, а то и валялись, словно бесполезные безделушки, никому не нужные статуэтки

из золота и слоновой кости, чеканные кубки. Тут и там — сундуки и ларцы с драгоценностями. Мебель из самых дорогих пород дерева...

По пути Карвус хорошо рассмотрел своих конвоиров и других попавшихся навстречу пиратов. Они мало походили друг на друга, так как были выходцами из разных городов. И все же некоторая общность присутствовала. У всех в ушах висели золотые серьги, а пальцы украшали перстни с самоцветами. Но все разбойники выглядели давно не мытыми и не бритыми. Они носили дорогие наряды из парчи, бархата и шелка, украшенные золотыми пряжками и застежками. Но вся эта роскошь была залита маслом, заляпана грязью, а поверх всего — покрыта пятнами от пролитого вина. Дворец ломился от сказочных богатств, но, похоже, здесь им не придавали особого значения...

Наконец процессия оказалась в одном из центральных залов, освещенном стоящими на полу свечами толщиной с человека. В ярком золотистом свете Карм Карвус увидел стройного, элегантно одетого мужчину в алой рубашке и таких же алых шелковых штанах, обтягивающих тело, как хорошая перчатка облегает руку. Его сальные волосы были перевязаны шелковым шнурком, каждый палец украшало по перстню, в ухе висела серьга с огромным рубином. Мужчина восседал на помосте в красивом кресле, вырезанном из цельного бивня невиданных размеров слона-великана. Это был Каштар Красный Волк, повелитель города пиратов, и Карм Карвус сразу узнал его.

Они долго глядели друг на друга, не произнося ни слова. Пиратский король был одновременно и лениво расслаблен, и напряжен — словно отдыхающий, но прислушивающийся к окружающим звукам кот. На лице его застыло выражение жестокого пренебрежения, глаза горели холодным черным пламенем.

На нижней ступени помоста стоял еще один человек, чье странное одеяние привлекло внимание Карма Карвуса. Незнакомец был высок, его голова — гладко выбрита, а глаза, словно стеклянные, ничего не выражали и смотрели в одну точку. Серая хламида с вышитыми алой шелковой нитью таинственными иероглифами делала его похожим на жреца какого-то неизвестного бога.

Карм Карвус догадался, кто это. Трудно было ошибиться. Это был Белшатл — придворный колдун пиратского короля Каштара.

Наконец Каштар улыбнулся и насмешливо наклонил голову в приветствии. Его голос был тих и полон издевки:

— Ну, мой дорогой, я надеюсь, что вы нашли свои палаты весьма сносными, а наше гостеприимство вполне достойным?

— Я нашел твое гостеприимство именно таким, каким оно и должно быть,— спокойно ответил Карм Карвус.

— Великолепно, великолепно! — кивнул предводитель пиратов.— Я совсем зачах от скуки. Боюсь, мои приятели и придворные — слишком грубая и неотесанная компания для цивилизованного человека и едва ли подходят для общения с королем. Я надеюсь, что вы позабавите меня, мой гость.

— Должен признать, что я бы предпочел компанию самых грязных людских отбросов, каковыми являются твои головорезы, обществу такой кровавой свиньи, как ты. Боюсь, ты не вписываешься в мои представления о цивилизованном человеке.

Черный огонь вспыхнул в глазах предводителя пиратов, а рука его крепко сжала золотую, украшенную драгоценными камнями рукоятку длинного меча. Побледнев, Каштар с видимым усилием обуздал свой гнев и продолжил все тем же сладким голосом:

— Великолепно! Потрясающе! Я же тебе говорил, Белшатл, что почтенный гость позабавит нас. Ну что ж, король, вы уже начинаете отрабатывать оказанное вам гостеприимство.

Бритоголовый колдун ничего не ответил. Карвус тоже не стал продолжать разговор, а просто стоял, глядя куда-то мимо Красного Волка.

Тем временем Каштар внимательно изучал своего пленника.

— Я полагаю, досточтимый король, вы провели много времени, раздумывая над тем, что привело вас в наш гостеприимный дом и почему вам был оказан такой любезный прием. Вас ведь немало удивило такое положение вещей, не так ли?

— Ничуть,— столь же хладнокровно ответил Карм Карвус.— Разве беспомощное животное размышляет, оказавшись в загоне мясника? Оно прекрасно знает, что попадет на бойню. В данном случае я оказался в хлеву, называемом тобой дворцом, только по одной причине: тебе нужен выкуп. Я уверен в этом, ибо ты не кто иной, как самый обыкновенный преступник.

И вновь спокойствие пленника разозлило Каштара. Вновь вспыхнули черные глаза пирата и рука потянулась к мечу.

— Дерзкие, отчаянно дерзкие слова для того, кто целиком в моей власти,— в голосе Красного Волка послышалась угроза.

— Ты ничего не можешь, разве что убить меня,— пожав плечами, сказал Карм Карвус, а затем, вспомнив слова своего старого друга Тонгора, добавил: — А человек может умереть всего лишь один раз.

К удивлению пленника, Каштар рассмеялся.

— Выкуп! Боюсь, ты и вправду принимаешь меня за какого-то бандита. И «убить»... Ты ошибаешься, тсарголец!

— Принимая тебя за обыкновенного мясника? — поинтересовался король.

Пират прищурился.

— Нет, дорогой мой, тебе я уготовил иную участь. Другая, другая судьба заставит тебя остаться здесь, моим... э-э... скажем, гостем.

Карм Карвус вздрогнул.

— Ну давай, назови же цену моей свободы. Хватит играть в кошки-мышки. Мой народ отдаст за меня все, что у него есть.

— Но все это не стоит свободы такого человека, как ты,— ухмыльнулся Красный Волк,— по крайней мере, твое маленькое государство не сможет дать нужную цену. А вот могучий Тонгор — тот, пожалуй, мог бы рассчитаться сполна...

Страшная догадка мелькнула в голове Карвуса, заставив его вздрогнуть.

— Тонгор? А он-то тут при чем?

— Пока что ни при чем. Но скоро, очень скоро... Он заплатит мне назначенную мной цену, клянусь.

— Я... не понимаю...

— Ну, тогда снизойду до объяснения.

Каштар наклонился вперед и оперся локтем на резной подлокотник своего трона из слоновой кости, пристально глядя в глаза правителю Тсаргола.

— Ты — старый друг повелителя Патанги,— почти шепотом произнес пират.— И я не сомневаюсь: к тебе он испытывает такие теплые чувства, что готов заплатить за твою жизнь любую цену. Хотя, быть может, не совсем. Но, когда я добавлю к своей небольшой, но весьма достойной коллекции друзей так называемого повелителя Запада...

— Добавишь? — хрипло выдохнул Карм Карвус.

— Ну да! Смотри: у нас уже есть сарк Шембиса Элд Турмис, старый Баранд Тон, правитель Турдиса, и юный принц Зул, не

далее чем год назад унаследовавший трон Зангабала, ну и еще кое-кто...

— Что же это за дьявольщина! — простонал Карм Карвус.

Лицо Каштара расплылось в улыбке победителя.

— Узнав, что у меня в руках пять или шесть правителей городов его империи, гордый, но человеколюбивый варвар не сможет отказать мне в моей просьбе и не отдать мне трон Патанги. Таким образом, пираты Таракуса одним махом захватят самую большую добычу, самый богатый трофей в мире — саму империю! Если этот тупой северянин вдруг решится сразиться с нами, вы — его приятели — будете медленно, но верно разрезаны на куски. А на стены Патанги мы направим луч безумия, чье действие ты уже мог оценить, когда мы захватили твой корабль. Вот так-то, дорогой мой король. На этот раз золото и камушки не насытят моего голода. Нам нужны короны и царства. И мы овладеем ими, даже если зальем полмира лучами Серой Смерти!

Остолбенев от ужаса, Карм Карвус ничего не ответил. Неужели он послужит тем инструментом, при помощи которого Тонгор и его народ будут обращены в рабство под властью жестокого, бесчестного пирата из Таракуса? Увы, похоже, что так оно и есть.

Глава 2
ЧЕРНАЯ МУДРОСТЬ ДРЕВНИХ ЭПОХ

Забрали его в черный грот под водой,
В загадочную цитадель,
И только дракон над могучей волной
Ревел, словно раненый зверь...

Летописи Тсаргола

Карм Карвус просыпался медленно и тяжело, словно после обморока. Некоторое время он даже не мог понять, где он и что с ним случилось.

Допрос перед троном Каштара давно закончился. Пленнику сообщили планы касательно его роли в качестве наживки для Тонгора и отправили обратно в камеру. Это произошло где-то ближе к полудню. Остаток дня король Тсаргола провел в безу-

тешном отчаянии. Затем в камеру принесли ужин. Обычно это была отвратительная еда, но на этот раз к вполне достойной пище подали вкусное вино. Карвус выпил все до капли и провалился сначала в пелену ярких видений, а затем в тяжелый, похожий на забытье сон. И вот теперь он проснулся, но где?

Он обнаружил, что лежит на мягкой кровати, застеленной шелковым покрывалом. Под головой короля оказалась одна из нескольких обтянутых атласом подушек, разбросанных по кровати. Осмотревшись, Карм Карвус увидел, что находится в просторной комнате, освещенной несколькими медными лампами, свисающими с потолка. В одном углу, на невысокой подставке из черного дерева, инкрустированной перламутром, дымилась большая серебряная жаровня. Голубой дым, исходивший от нее, наполнял комнату приятным ароматом мирра и сандала.

Выложенные полированными каменными плитами стены украшали тонко выполненные гобелены с чересчур откровенными эротическими сюжетами. На длинном низком столике стояла золотая статуэтка, изображающая юную девушку, совокупляющуюся с тремя сатирами. Карм Карвус тряхнул головой и прикрыл глаза. Мозг его работал с трудом, а тело наполнилось странной слабостью. Запах... Аромат благовоний был слишком сладок...

— Наркотик... Что-то в вине...

— Именно так, король Тсаргола,— раздался хриплый каркающий голос.

Глаза Карвуса широко открылись, и он огляделся повнимательнее. Оказалось, что в комнате он не один. В дальнем углу на высоком кресле из черного дерева восседал обритый наголо человек в сером хитоне жреца неизвестного культа. На кресле были вырезаны узоры, представляющие собой головы демонов, фигуры чудовищ и все те же силуэты людей, совокупляющихся друг с другом и с животными.

— Белшатл? Что же это...

Карм Карвус попытался встать, но непреодолимая слабость заставила его вновь опуститься на подушки. Серый колдун кивнул и растянул губы в безжизненной улыбке.

— Ну да, Белшатл... Слабость скоро пройдет, и ты снова станешь самим собой,— сообщил он.

— Но почему?..

— Снотворное в вине? Да это же ерунда. Щепотка Розы Смерти, не больше. Еще немного этого же порошка — и ты уснул

бы так крепко, что даже смерть не смогла бы пробудить тебя. Но ты мне нужен живым.

Что-то зловещее, безжалостное было в голосе старого колдуна. Карм Карвус с трудом приходил в себя, теряясь в догадках, как он сюда попал, и недоумевая, к чему все эти странные украшения и благовония. Положив ладонь на лоб, правитель Тсаргола попытался сосредоточиться.

— Я знаю, разные вопросы сейчас мучают тебя, и буду рад дать ответ на них,— продолжил Белшатл хриплым голосом.— Я усыпил тебя, а затем мои слуги перенесли тебя сюда. Мне хотелось насладиться твоей беспомощностью... Несомненно, мой господин, вы не вспомните одну встречу, случившуюся каких-то семь лет назад. Тогда я пришел во дворец Тсаргола как жалкий нищий... Неужели? Неужели ты не помнишь этого?

Карм Карвус только тяжело покачал головой.

— Это было где-то за год до того, как Тонгор собрался в поход против Заара... Ну? Нет, разумеется, я был столь ничтожен и незначителен для такого высокородного господина, как ты. Где уж тебе меня упомнить...

Белшатл закашлялся. В его голосе звучали нотки старой обиды. Видимо, неудача при дворе Тсаргола весьма уязвила его болезненное самолюбие. Карм Карвус попытался припомнить тот случай, но безуспешно.

— Я, трудясь неустанно долгие годы, сумел отыскать на древних картах расположение забытых и потерянных городов Нианги...— продолжал Белшатл.— И вот, придя в Алый город, я прямиком направился к тебе во дворец, предлагая неслыханную власть и могущество, если ты согласишься приоткрыть сундуки и дать денег на экспедицию в далекие пустыни. Но ты, мой любезный господин, ответил, что я безумец, и выставил меня из дворца... А! Ну вот, я вижу, что ты что-то припоминаешь!

Карм Карвус внимательно смотрел на человека в сером.

— Да,— медленно произнес король.— Я действительно вспомнил тебя, хотя тогда ты называл себя другим именем и наряжался в белые одеяния жреца Нефелоса, а не в серый хитон нианг-ских колдунов. Да, я помню, что назвал тебя безумным, потому что ты хотел вновь вытащить на свет дьявольскую магию Нианги... Именно за это колдовство мудрые Боги и покарали то проклятое царство, стерев в пыль его города, чтобы хранящееся в них зло не вырвалось наружу и не погребло под собой всю

Лемурию. Помню, я тогда сказал еще, что для человечества будет лучше, если бесовские механизмы и заклинания колдунов Нианги останутся навеки похороненными в руинах разрушенных городов. Да, теперь я точно помню нашу встречу.

Тонкие губы Серого колдуна скривились в гримасе-ухмылке победителя:

— Я думал, мне дольше придется оживлять твою память, мой почтенный гость. Позволь только поведать тебе, что я вышел за ворота Тсаргола с проклятиями на устах. В своем праведном гневе я поклялся отомстить. Я решил в одиночестве раскрыть тайну древних мудрецов Нианги, чтобы, овладев ею, обратить карающий меч мести в первую очередь на Тсаргол, который первым будет сметен с лица земли... Да, долгие годы я один трудился не покладая рук в этих дальних, забытых людьми землях и обнаружил брошенные колдовские машины. Это были годы беспрерывной тяжкой работы — познания утраченной мудрости древних времен, эпохи Рассвета Земли. И вот, шаг за шагом, я овладел потерянным искусством мудрых колдунов древней Нианги!

Торжество победителя звучало в каркающем голосе Серого колдуна. Безумный огонь сверкал в глазах, пена выступила в уголках губ. Неожиданно Карма Карвуса осенило, что Белшатл и вправду безумен. Неизвестно, был ли он уже таким много лет назад, когда пришел в Алый город со своим дерзким предложением, или долгие годы скитаний по пустыням, жизни в одиночестве и многих часов, проведенных в постижении древнего чародейства, оказались сильнее разума человека. Как бы то ни было, но сейчас человек, сидящий перед королем, явно был сумасшедшим. Карм Карвус тотчас же стал прикидывать, как использовать этот факт себе на пользу, чтобы попытаться бежать.

— Да, я был глуп, недооценив твой талант и упорство, Белшатл,— спокойно сказал он, причем с большой долей искренности.

Серый колдун расплылся в торжествующей улыбке.

— Что ж, тебе осталось только сожалеть о своей недальновидности. Все, король, уже поздно. Когда-то я готов был бросить к твоим ногам все государства земли. Но теперь я отдаю их красному псу из Таракуса! И он, а не ты, будет сидеть на троне всех королевств!

— Что ж, горе мне, не распознавшему гения,— произнес Карм Карвус.— Скажи, а ты действительно овладел тайнами колдунов древней Нианги или только притворяешься, чтобы отомстить мне?

— Притворяюсь?! — Яростная гримаса исказила лицо безумного колдуна.— Я притворяюсь?! Я, последний хранитель мудрости древних колдунов, притворяюсь?! Я, тот, у чьих ног скоро лягут страны и народы, тот, кого будут прославлять как победителя и завоевателя... Так послушай же меня: Серая Смерть, как вы по невежеству называете лампу, разрушающую разум,— это лишь слабейшее из тех страшных видов оружия, которые хранились в городах забытой и занесенной песками Нианги! Помимо нее, существует оружие, способное помериться силами с самим солнцем. Оно вызывает огонь такой мощи, что сама земная твердь плавится и течет, словно растаявший весной лед... Яйцо грома — так называли это оружие древние колдуны Нианги... Основа его — два редких и дорогих металла, которые, соединенные друг с другом, высвобождают скрытое в них богами пламя. Даже двух небольших кусочков достаточно, чтобы поднять факел выше любого храма и разрушить целый город!

Можете себе представить, с каким непередаваемым ужасом слушал Карм Карвус слова безумного и страшного в своем безумии Белшатла. Ведь король Тсаргола не знал ничего о водородной бомбе, а именно ее описывал ему Серый колдун в тех словах и терминах, которые были доступны древнему лемурийцу.

Король дал старому колдуну выговориться и, подождав, пока Белшатл чуть устанет от эмоциональных речей, поинтересовался, как работает лампа и нельзя ли поближе рассмотреть ее в действии. Колдун на удивление легко и радостно согласился с этим предложением, ибо злопамятному безумцу не было ничего приятнее, чем восхищенное внимание того человека, который некогда отверг его предложение и выгнал прочь из дворца.

Колдун встал и направился к узкому проходу за спиной пленника, знаком приказав Карму Карвусу следовать за ним. Тесный коридор освещался лишь свечами, горевшими в подсвечнике, который захватил с собой Белшатл. Карвус шел за колдуном по пятам, и его мозг напряженно работал. Несомненно, сейчас ничего не стоило убить безумного старика... Но будет ли в этом смысл? Ведь правитель Тсаргола понятия не имел о том, в какой части дворца они находились и каким путем мож-

но выбраться на свободу. В итоге он решил предоставить Белшатлу действовать по своему усмотрению и подождать.

Вздохнув, пленник последовал дальше по темному туннелю, не зная, куда ведет его безумный колдун, и полагаясь лишь на милость богов.

* * *

Они спускались по винтовой каменной лестнице на дно глубокой шахты. Все ниже и ниже — Карму Карвусу уже начало казаться, что на него давит тяжесть каменной громады, нависшей над ними. Таракус был построен на склонах гор, окружавших бухту. Крыша одного дома нередко была террасой соседнего, и почти из всех окон открывался вид на залив Патанги в том месте, где его воды смешивались с водами Южного моря. Крепость Каштара и его замок возвышались на вершине одной из гор, а этот тайный подземный ход уходил вниз, спускаясь, быть может, до уровня моря.

Карм Карвус шел, ступая след в след за шаркающим колдуном, непроизвольно поеживаясь от страха. В дрожащем свете свечей метались тени, вокруг почти ничего не было видно — лишь грубо обработанные ступени и стены, вырубленные в скальном монолите. А лестница вела все ниже и ниже — в бездонную темную пропасть.

Лестница превратилась в туннель, а тот привел в огромную пещеру. Сотни сталактитов свисали с ее куполоподобного потолка, отчего она напоминала какой-то древний храм.

Посмотрев чуть дальше, Карм Карвус разглядел волны моря, разбивавшиеся о каменное дно пещеры. Видимо, в противоположной стене пещеры было отверстие, через которое вода и поступала в эту подземную бухту. Массивная решетка из толстых железных балок перекрывала вход. Карвус предпочел отложить расспросы о предназначении этой преграды на другой раз.

Колдун и король подошли к самой кромке воды. Рядом с ними над волнами далеко выдавался вперед каменный выступ, на острие которого было установлено странное сооружение. Стеклянные дымчатые шары, поблескивающие латунные проводки и пластинки — точная копия дьявольской машины, которая принесла на борт «Короны Тсаргола» безумие, кровь и смерть.

Белшатл проследил направление взгляда короля и разразился хриплым смехом.

— Да, да. Именно она — лампа, разрушающая разум... лучи безумия... Во всем мире лишь две таких машины. Одна — перед тобой, а вторая установлена на палубе флагмана флота Каштара, на «Красном Волке»,— сообщил колдун, а затем, обведя вокруг себя рукой, добавил: — Это моя лаборатория. Здесь я могу проводить свои эксперименты, вдали от непрошеных свидетелей и завистников.

— Здесь? — поежился Карм Карвус.— Ты здесь экспериментируешь? Но на чем... или на ком?

— В основном на рабах и пленных,— пожал плечами Белшатл.— Видишь вон те клетки?

Король не заметил их раньше из-за тусклого освещения, но теперь, приглядевшись, вздрогнул, увидев то, на что показывал ему Белшатл.

На железных цепях под куполом пещеры была подвешена дюжина железных клеток, наподобие звериных. В них на голых железных прутьях лежали мертвые люди — мужчины, женщины, дети. Но страшнее были не трупы, а те пленники, кто еще оставался жив. Безумцы, понял Карм Карвус, всмотревшись в их лица и дикие глаза.

— Большинство экспериментов уже завершено,— доверительно сообщил Белшатл.— А подопытные — когда они мне больше не нужны, я очень просто избавляюсь от них. Вот так.

Подскочив к торчащему из какого-то механизма рычагу, колдун резко дернул его костлявой, похожей на лапу хищной птицы рукой. Тотчас же в полу подвешенных клеток открылись широкие люки, и несчастные пленники — живые и мертвые — полетели в воду. Карм Карвус хотел что-то крикнуть жестокому колдуну, но тут другое зрелище, не менее ужасное, приковало его внимание.

Из воды с шумом вынырнула огромная, покрытая чешуей голова дракона. Раскрылась ужасная пасть, обнажив огромные клыки; в глазах рептилии читалось лишь одно-единственное чувство — голод. Видимо, Белшатлу удалось заманить в эту западню одного из ларсов — морских драконов. Теперь Карвусу стало понятно, зачем понадобилось перегораживать устье пещеры.

Неожиданно в голове короля мелькнула смутная догадка... Придав лицу выражение задумчивого сомнения, он почесал в затылке и произнес:

— Эти несчастные в клетках — мертвы или, по крайней мере, безумны. Как же я смогу оценить мощь твоего оружия, если ты показываешь его действие только на беспомощных, запертых в клетках рабах? Кто знает, когда и отчего сошли они с ума? А вот если бы ты попробовал... если, конечно, твоя лампа это сумеет, что мне кажется невероятным... в общем, вот если бы ты сумел победить его...

И Карм Карвус ткнул пальцем в сторону морского дракона. На какой-то миг тень сомнения омрачила торжествующее лицо колдуна, но все же безумное честолюбие и вера в собственное всесилие взяли верх.

— Что? Ты думаешь, мне это не по силам? Ну, я тебе сейчас покажу!

Глаза Белшатла загорелись еще сильнее. Старый колдун подбежал к своей машине и начал возиться с проволокой и рычажками. Из прибора донеслось какое-то глухое биение, словно уханье далекого молота. По стеклянным сферам пробежали и вновь исчезли странные искры и маленькие молнии. Запах неизвестных королю веществ ударил в нос. Карм Карвус попытался не вдыхать этот запах, задержав дыхание. Но запах не исчезал, а, наоборот, усиливался. Карвус перестал обращать на него внимание, думая о другом. Он и сам не знал, ради чего попросил колдуна запустить лампу. Никакого конкретного плана у короля Тсаргола не было, но что-то подсказывало ему, что у него есть реальная возможность если не вырваться на свободу, то уж наверняка убить Белшатла и уничтожить лампу безумия, вдвое уменьшив дьявольский арсенал Каштара. Игра стоила свеч.

Белшатл уже закончил настраивать свое орудие. В неверном свете искр и пламени, вырывающемся из лампы, его лицо казалось застывшей маской жестокости и безумного самодовольства.

— Только не смотри на луч,— предупредил колдун.— Сейчас попробуем. Сначала — на малой мощности.

Стук далекого молота участился, перейдя в глухой гул. Из центрального шара сквозь латунную трубку ударил луч серого, почти бесцветного света. Холодный серый луч пробежал по дальней стене пещеры, спустился к воде, скользнул по гребням волн и остановился на огромной голове вынырнувшего дракона.

Через мгновение глаза ларса медленно затянулись пленкой век. Дракон расслабленно лег на воду, наполовину погрузив в

нее голову. Лампа безумия захватила, поработила его слабый разум.

— Именно так была настроена лампа, когда мы захватили твой корабль,— пояснил Белшатл.— Надеюсь, ты помнишь, что твои люди замерли, словно загипнотизированные, уставясь на нее. В этом состоянии разум полностью подчинен тому, кто управляет лампой. Все его приказания будут немедленно исполняться. Помнишь, как твои люди, повинуясь одному слову Каштара, превратились из неподвижных статуй в бешеных псов. Разумеется, дракону нельзя просто так приказать. Животное не понимает человеческих слов, но если я чуть добавлю мощности и увеличу амплитуду вибрации луча, он так озвереет — только держись!

Колдун подкрутил какие-то проволочки и рычажки на своем аппарате, и тотчас же глаза дракона открылись, уже горя безумным огнем. Утробный рев чудовища пронесся по пещере, разрывая барабанные перепонки. Мощный удар гигантского хвоста поднял целый столб брызг и пены.

Карм Карвус затеял это представление без конкретного плана, не зная четко, к чему все это приведет. Теперь он увидел результат — и отскочил назад в ужасе. Страшный дракон разогнался и всем весом обрушился на каменный уступ, на котором стояли лампа и Белшатл. Скала вздрогнула. Еще один удар — и в воздух полетели осколки гранита. Скала треснула.

Тут и Белшатл не на шутку испугался. До этого момента его больной разум готов был следовать за дразнящими предложениями короля, но теперь старик понял, что речь идет о его собственной жизни и сохранности драгоценного инструмента, но было уже поздно. С ужасающим грохотом и скрежетом утес обломился. Лампа безумия рухнула в воду, оказавшись похороненной под грудой камней. «По крайней мере,— подумал Карм Карвус,— у пиратов Таракуса осталась лишь одна страшная машина, что намного увеличит шансы империи в войне против Красного Волка».

В следующий момент радость короля улетучилась как дым. Карм Карвус почувствовал, что и сам летит куда-то вниз. Черная вода и белая пена неслись ему навстречу, а значит, он падал в воду, где яростно метался обезумевший дракон.

Белшатл успел отскочить с обрушившегося уступа к стене обрыва за его спиной. Не дожидаясь развязки, старый колдун,

изрыгая проклятия, поспешил скрыться в туннеле. Злость на самого себя душила его. Ведь именно из-за его болезненного самолюбия и глупой самоуверенности одна из двух ламп безумия погибла. К тому же пропал и столь ценный трофей Каштара — король Тсаргола.

Хотя не пропал, а наверняка погиб, ибо никто не смог бы остаться в живых в кипящем котле крохотного заливчика, где яростно носился взбесившийся морской дракон.

Глава 3
ЛИЦО В ОКНЕ

Ветер гуляет на вольном просторе.
Яркие звезды играют с луной.
Мы на волнах серебристого моря
Золото ищем ночною порой.
Морская песня пиратов Таракуса

На западе догорал багровый закат, а с востока надвигались тяжелые тучи, предвещавшие сильную бурю. Там, где залив Патанги выходил в Южное море, уже поднялись высокие волны.

Город пиратов Таракус был построен на том месте, где две огромные скалы образовывали удобную и тихую бухту, защищавшую стоявшие на рейде и у причалов суда и прикрывавшую от бурь и штормов сам порт. Но ничто не защищало город, расположившийся на склонах прибрежных гор, от порывов холодного штормового ветра.

Весь город больше напоминал не жилое поселение, а боевую крепость. Каменные дома с маленькими окнами карабкались по склонам горы, на вершине которой горели в багровых лучах башни замка Каштара.

Не одна сотня кораблей стояла на якоре в бухте Таракуса. Галеры с драконьими головами на носах, крупные боевые корабли с высоко поднятой кормовой надстройкой, изящные галеры и могучие триремы — самый сильный флот всего Запада принадлежал городу корсаров. Но не так часто столько кораблей собиралось в этой бухте одновременно. Поводом для сбора стала подготовка флота к невиданной битве — сражению против империи. И вот теперь, даже в столь поздний час, гавань представ-

ляла собой копошащийся муравейник: матросы приводили в порядок такелаж, докеры ремонтировали обшивку, тут и там сновали баркасы и шлюпки, подвозившие к кораблям пресную воду, продовольствие и снаряжение. Пираты готовились к войне с Патангой, городом Огня...

Каштар Красный Волк был вне себя от ярости. Исчезновение Карма Карвуса и потеря второй лампы безумия заставили его изменить все планы и ускорить подготовку к походу. Сначала Каштар хотел захватить как можно больше правителей городов империи или их ближайших родственников, чтобы использовать их как заложников, ведя переговоры с Тонгором. Но на это потребовалось бы слишком много времени, скорее всего — несколько месяцев. Но можно ли теперь ждать? Если Карм Карвус мертв, то — да. А если он каким-то чудом сумел выбраться из подземелья? Здравый смысл и логика говорили, что шансы выйти живым из ледяной воды, где бьется в конвульсиях обезумевший дракон, невероятно малы. Но тот же здравый смысл и логика подсказывали, что если пленнику по воле Богов все же удалось бежать, а затем добраться до любого из городов на побережье залива, то Таракус потеряет преимущество неожиданного нападения, и вышедший в поход флот встретит не безмятежную добычу, а готового к бою, сильного и опасного противника.

Вот почему флот в спешке готовился к отплытию. А кроме того, люди Каштара дом за домом, квартал за кварталом прочесывали город в поисках Карма Карвуса.

Поднятые по тревоге охранники обыскали весь порт, прибрежные скалы, мол и маяки, заглядывая с факелами и фонарями в самые темные закоулки. Верхом на быстроногих кротерах отряды корсаров выехали за городскую стену, чтобы осмотреть близлежащую местность в поисках следов исчезнувшего пленника.

В самом городе было на редкость многолюдно. Ведь столько судов одновременно не стояло у причалов и на рейде уже долгие годы. Все кабаки, винные лавки и другие питейные заведения были битком набиты кричащими, хохочущими и поющими корсарами, требующими выпивки, закуски и женщин.

Кабацкие вывески поскрипывали на петлях, покачиваясь под порывами холодного соленого ветра. Крики пьяных пиратов соперничали с шумом поднявшейся бури. Наконец природа победила: с неба с ревом обрушился ливень, превративший улицы

Таракуса в русла бесчисленных ручьев, водопадами перепрыгивавших по камням мостовых и сбегавших к морю. С завистью и раздражением поглядывая на хмельных посетителей кабаков и поминая недобрым словом исчезнувшего пленника, отряды стражи, кутаясь в плащи, продолжали обыскивать город. Каштар приказал обшарить каждый дом, каждую улицу, каждый подвал. Если Карм Карвус в городе — он будет найден.

Час за часом под все усиливающимся ливнем и ураганным ветром стража продолжала поиски. Сверкали молнии, вспарывая плотную пелену туч на небе, ледяной дождь сменил больно секущий кожу град, но розыски не прекращались...

* * *

Пока стража Таракуса обыскивала улицы, дворы и дома в поисках следов Карма Карвуса, сам беглец нашел убежище в самом безопасном в такую погоду месте, где ни одна, даже самая хитрая ищейка не стала бы его искать.

Он забрался на крышу.

Правитель Тсаргола так до конца и не понял, как ему удалось выжить в бушующей черной воде. После отчаянно долгой борьбы под водой, когда легкие, казалось, уже готовы были разорваться от недостатка кислорода, он каким-то чудом сумел вырваться на поверхность. Вонючий воздух, хлынувший ему в нос, дал понять, что он оказался в приемнике городской канализации.

Пираты, конечно, не отличались повышенной чистоплотностью, но если город строится на крутых склонах горы, в толще которой скрыты подземные озера и реки, то было бы глупо не построить и канализационную систему. Королю Тсаргола повезло, что он вслепую заплыл в один из сточных туннелей.

Проплыв в зловонной жиже еще немного, Карм Карвус выбрался из-под низкого свода коллектора на одну из улиц Таракуса. И вновь счастье улыбнулось ему: узкий темный переулок оказался в этот час безлюдным. Беглец вылез наружу, промокший, полузадохнувшийся, измазанный и пропахший нечистотами, но — живой. И, по крайней мере в этот миг, он был в безопасности.

Надолго ли?

Пробираясь вдоль стен домов и держась в тени, сарк попытался найти дорогу к городской стене. Там, за стеной, перебравшись через окружающий Таракус горный хребет, он мог бы

попытать счастья, попробовать пересечь джунгли Птарты. Можно было разыскать рыбаков в какой-нибудь маленькой прибрежной деревушке. Не очень жалующие пиратов, они с удовольствием доставили бы Карма Карвуса на своих лодках до ближайшего союзного города на побережье. Но обо всем этом можно будет подумать потом. Сейчас самым важным и самым трудным стало найти способ незаметно скрыться из города пиратов.

Единственной безопасной дорогой в городе, который вдоль и поперек прочесывала стража, был путь по крышам. Там, намного выше кабацких фонарей и освещенных окон, спрятанный темнотой и стеной дождя от глаз прохожих, слившись с темными силуэтами крыш, труб и куполов, беглец надеялся скрыться от посторонних взглядов.

План Карма Карвуса сработал. Улицы Таракуса были узки, и дома стояли близко друг к другу, иногда — почти вплотную. Нетрудно было перебраться или перепрыгнуть с одной крыши на другую, и в общем пересечь город таким образом оказалось достаточно легкой задачей. В ясную ночь, при полной луне, силуэт беглеца четко вырисовывался бы на фоне звездного неба. Но в такую непогоду только сумасшедший стал бы глядеть на небо. Кроме того, в тихую ночь шаги по крышам привлекли бы внимание людей, живших в этих домах. Но в завываниях ветра и грохоте дождя никто не услышал или не обратил внимания на эти звуки. А если кто и заметил что-то странное, то не удосужился выйти на улицу и выяснить, что к чему.

С другой стороны, буря делала прогулку по крышам довольно рискованной. В дневном свете бродить по крышам безопасно, и ты знаешь, что ни рука, ни нога не поскользнется на мокрой черепице. А карабкаться в темноте, цепляясь за скользкие от воды керамические плитки и упираясь ногами в мокрые каменные карнизы,— другое дело. Несколько раз чуть не сорвавшись, Карм Карвус понял, что силы его явно на исходе. Кроме того, не следовало больше испытывать везение, прыгая в темноте наугад на мокрую черепицу соседней крыши. Рано или поздно король сорвется и рухнет на мостовую, переломав себе кости, а то и размозжив череп о булыжники мостовой. Нужно было найти убежище — и поскорее.

Некоторые дома имели два, а то и три этажа. Но большая часть представляла собой одноэтажные здания с низкой плоской крышей. Карвусу показалось, что шансы найти безопасное

место и избежать посторонних глаз будут выше, если ему удастся влезть в окно верхнего этажа или чердака какого-нибудь высокого здания. Вскоре он приметил вдалеке подходящее окно.

Большинство окон даже на верхних этажах зданий были закрыты ставнями или забраны железными решетками. Но это было открыто — звук громыхающих на ветру ставен и привлек к нему внимание беглеца.

В городе пиратов решетки и крепкие ставни на окнах не лишнее украшение. Многие его жители не побрезговали бы и простым воровством. Но это окно находилось довольно высоко над крышей ближайшего дома. Видимо, хозяева вполне полагались на его труднодоступность и не стали утруждать себя подняться и запереть его. И действительно, какому вору пришло бы в голову рисковать свернуть шею, пытаясь влезть так высоко по мокрой стене?

Карм Карвус не был ни вором, ни безумцем, но он был отчаянным человеком. А отчаяние подчас лишь на волосок отстоит от безрассудства. Он полез на крышу этого дома.

Осторожно, шаг за шагом, подбирался он к цели, подыскивая подходящие черепицы, в которые можно было бы надежно упереться ногами и за которые можно крепко ухватиться пальцами. Трижды он срывался, и лишь отчаянное усилие всех мышц измученного тела спасло короля от падения. Снова и снова Карвус искал надежную опору. Дюйм за дюймом, медленно подбирался он к краю крыши над открытым и неосвещенным окном. Он почти ничего не видел за стеной дождя, бьющего прямо в лицо. Его руки и ноги налились свинцом от усталости. Яростный ледяной ветер словно вознамерился оторвать смельчака от спасительной черепицы и сбросить его с размаху на каменные плиты мостовой.

Но у Карма Карвуса была железная выдержка и невероятное терпение. Отвернувшись от бьющих в лицо водяных струй, он продолжал пробираться к своей цели. Шаг за шагом, черепица за черепицей. Наконец он дополз до гребня крыши.

Здесь двигаться стало проще. Ловкий человек мог идти по коньку во весь рост, балансируя руками. Так Карвус и поступил, быстро добравшись до карниза.

И в этот момент окно осветилось изнутри!

Король застыл, наблюдая, как где-то за занавесками, в глубине комнаты передвигается масляная лампа. Затем к ней добавилась вторая.

Приглядевшись, он увидел закутанную в плащ фигуру со светильником в руке, подошедшую к окну. Лицо — бледный светлый овал — на мгновение выглянуло наружу. Мужчина или женщина? Друг или враг? У правителя Тсаргола не было времени на размышления, отступать было поздно. В темноте, скрытый стеной дождя, он почти не прятался. Но здесь, на коньке, его силуэт был выхвачен из темноты пятном света, исходящего от лампы в руке незнакомца. Любой прохожий или человек в доме напротив, бросив случайный взгляд, сразу увидит его и поднимет тревогу.

Глубоко вздохнув и стараясь не думать о том, что у него нет никакого оружия, Карм Карвус перегнулся через карниз и, качнувшись, влетел в окно, выбив сапогами стекла и проломив раму.

Прежде чем человек в плаще успел что-то сказать или двинуться с места, Карвус схватил его. Одна рука крепко сжала горло незнакомца. Король понимал, что он рискует задушить человека и уж во всяком случае причиняет ему сильную боль, но другого выхода у него не было. Нельзя позволять незнакомцу вольным или невольным криком поднять тревогу.

Глава 4
РЕКА УЖАСА

Джунгли песню свою напевают
В темной густо-зеленой мгле,
Где болтают, смеясь, попугаи
И лианы ползут по земле;
Там в бамбуковых зарослях вновь
Притаился свирепый вандар,
А лианы — красны, как кровь,—
Караулят смертельный удар;
Там, где тайны природы скрываются,
Песня дикая джунглей рождается...

Боевая песня кочевников Коданги

Тонгор долго лежал ничком на сером прибрежном песке, чуть дыша, не в силах подняться.

Дольше, чем Тонгор сам предполагал, продержался он на шее чудовищного скакуна. Лишь когда дракон слишком глубо-

ко погрузился в море, сильное течение оторвало человека от ящера. Стали ли удары меча валькара смертоносными для огромного дракона или чудовищу удалось выжить — этого Тонгор так и не узнал. Больше его заботило другое: когда он наконец вынырнул на поверхность, «Ятагана» нигде не было видно.

Тонгор оказался один посреди бескрайней синей глади. Некоторое время он пытался разглядеть пиратскую галеру, высоко высовываясь из воды. Видимо, подводная битва отнесла его от корабля дальше, чем он предполагал. Оказавшись в одиночестве, варвар-северянин не впал в отчаяние. Ближайший берег лежал на востоке. Сильно взмахнув руками, Тонгор поплыл в противоположную от заката сторону.

И вот он лежит на песке, почти бездыханный. Каким-то чудом ему все-таки удалось совершить невероятное и доплыть до берега. Не в силах пошевелиться, валькар лежал на твердой земле и отдыхал. На какое-то время он впал в забытье без сновидений.

Проснулся Тонгор на закате. Руки и плечи ныли от усталости, рот горел от соленой воды, но пустой желудок привычно требовал, чтобы его наполнили пищей. Встав на ноги, валькар направился в джунгли, и вскоре густая зелень прибрежных зарослей поглотила его.

Пройдя несколько шагов, Тонгор остановился, чтобы прислушаться и почувствовать ритм жизни джунглей, слиться с этой жизнью. Вокруг него лежал мир теней, шорохов и тайн. Опавшие листья и мертвая трава толстым ковром застелили землю. В воздухе стоял запах гниющей растительности, живых, влажных листьев и пряный аромат цветов. Высокие ровные стволы деревьев подпирали изумрудный купол леса, словно в каком-то нерукотворном храме богини Природы. Лишь кое-где сквозь толстый слой листвы к земле тянулись солнечные лучи, наполняя воздух золотым сиянием. Вьюны и лианы оплетали стволы и свисали, словно занавеси, с ветвей могучих деревьев.

Едва ступив под полог джунглей, Тонгор привычным движением вынул из ножен меч. Этот фантастически красивый мир населяли тени, несущие смерть и ужас. С ветвей над головой могла свисать огромная офе — рогатая змея лемурийских джунглей, чье тело могло сдавить грудную клетку человека с такой силой, что ребра ломались как спички, а острые челюсти твари без труда перекусили бы руку или ногу, даже не заметив кость.

Обитали здесь же и фотхи — кровавые вампиры, один из кошмаров этих джунглей. Но больше всего в лесах Птарты следовало опасаться огромных хищников, гигантских лесных драконов, чье ненасытное чувство голода превратило их жизнь в бесконечные поиски пищи; не менее страшен был и вандар — лесной лев, во много раз крупнее и сильнее своих нынешних потомков. Опасен также был и дикий зульфар — лемурийский вепрь, способный неожиданно выскочить из засады. Еще в джунглях скрывались деодасы — страшные драконокоты, чья жестокость и коварство вошли в легенды Лемурийской эпохи...

Лук и колчан исчезли с плеч Тонгора во время безумной скачки по волнам. Но что касается меча, то Черный Ястреб ни на миг не выпустил его из рук и, вынырнув на поверхность, автоматически убрал клинок в ножны.

Итак, Тонгор был вооружен. Ему предстояло найти какую-нибудь еду, пока наступающая темнота не сделала охоту невозможной. К счастью, долго искать не пришлось: к небольшому озерцу пришла на водопой антилопа. Подойти к ней на расстояние удара мечом было невозможно, да и не нужно. Вынув из ножен на поясе кинжал, валькар метнул его и одним удачным броском обеспечил себя мясом на ужин.

Варвар разжег небольшой костер. Чтобы добыть огонь, он несколько раз ударил кинжалом по камню, подложив сухой мох под высеченные искры. Затем он быстро обжарил одну ногу антилопы, поворачивая ее над огнем. Тонгор вволю напился из озерца кристально чистой холодной воды, смыл кровь с рук и лица.

Для северянина джунгли не были домом родным, но за долгие годы странствий Тонгор хорошо освоился в таких лесах. Однажды, еще совсем мальчишкой, он был вынужден пересечь тысячи лиг джунглей Куша пешком и в одиночестве. Тогда-то он и научился выживать в подобных условиях. Это случилось, когда Тонгор впервые пересек Моммур, оставив за спиной родную страну, променяв привычный мир на незнакомую жизнь в городах Юга. Выучив урок однажды, варвар никогда не забывал его.

Далекий приглушенный рык долетел до настороженного слуха Тонгора. Джунгли Птарты не многим отличаются от джунглей Куша, и рычание выходящего на охоту вандара не спутаешь ни с каким другим. Костер уже превратился в кучу тлеющих углей. Валькар предпочел не разжигать его заново, а провести

ночь на деревьях, так как вандар не любит лазать по деревьям, как его дальний сородич — саблезубый тигр.

Эту ночь Тонгор крепко проспал в развилке ветвей могучего исполина джунглей и проснулся на рассвете — свежий, отдохнувший, восстановивший силы. Спустившись на землю, он обнаружил, что остатки вчерашней добычи исчезли. Губы северянина тронула легкая улыбка: вандар тоже отправился ночевать не с пустым желудком.

Утолить утренний голод фруктами и ягодами было не проблемой. Сложнее оказалось решить, что делать дальше. Ведь Тонгор не знал, в каком месте он выбрался на берег и где находится ближайший город. Зангабал, несомненно, лежал слишком далеко, Пелорм должен быть намного ближе, но неизвестно, к югу или к северу от того места, где очутился варвар. Известно было лишь то, что волны сильно отнесли Тонгора к югу. Скорее всего, он оказался всего в нескольких лигах от горного хребта, на вершинах которого стоял пиратский Таракус. Но здесь, в джунглях, не было никакой надежды обнаружить хоть какой-нибудь знак, след человеческой деятельности, подтверждающий правоту догадок Тонгора.

Еще много лет назад, задолго до того, как взойти на трон Патанги, Тонгор Черный Ястреб исходил эти края вдоль и поперек, побывав во всех городах, как главарь шайки разбойников, наемный солдат, бродячий вор и капитан пиратской галеры. Где-то в этих местах он попал в плен и, закованный в кандалы, был отправлен на галеры Шембиса, откуда бежал к пиратам. Тонгор не сомневался, что сумеет сориентироваться и найти дорогу.

Но сначала нужно пополнить свой арсенал. Никто не ходит по джунглям, рискуя натолкнуться на хищного ящера, лишь с мечом и кинжалом в руках. Для этого лучшим оружием было бы охотничье копье и длинный лук. Что касается последнего — то, за отсутствием выдержанного, вымоченного дерева и подходящего для тетивы материала, сделать лук не представлялось возможным, не говоря уже о сложном изготовлении хорошо сбалансированных и оперенных стрел. Но вот соорудить копье или хотя бы дротик было вполне по силам.

Через несколько часов за спиной северянина в сделанном на скорую руку колчане уже покоилось пять коротких дротиков. Вместо плоских металлических наконечников, обычных на метательных копьях, Тонгор заточил концы своих дротиков кин-

жалом, а затем сделал их твердыми, как камень, погрузив в горячие угли. Этому он научился у кочевников-рохалов на далеких равнинах Востока.

Вскоре после полудня Черный Ястреб добрался до широкой полноводной реки. Это, без сомнения, был Амадон — река Джунглей. В этих краях не было другой реки такого размера. А если так, то Тонгор мог считать, что ему крупно повезло: этот поток мог привести его почти к самым стенам Таракуса, так как Амадон впадал в залив неподалеку от пиратского города.

Тонгор занялся постройкой плота. Лежащие тут и там стволы деревьев были либо слишком велики и тяжелы, либо наполовину сгнили и не годились для этой цели. Поэтому в качестве материала для плота он использовал срубленные мечом молодые стволы. Тяжелый, острый, как бритва, Саркозан легко впивался в зеленоватую древесину. Вместо веревок северянин нарезал длинных лиан. Плот получился небольшим и не очень устойчивым, но валькар посчитал, что он выдержит недолгое плавание.

Отправившись в путь, Тонгор старался держаться подальше от берегов и огибал островки и отмели, пользуясь специально заготовленным для этого шестом. Вода, бурля, обтекала плот, и варвар довольно улыбался. Еще бы: река во много раз сокращала время его пути по сравнению с путешествием пешком.

* * *

Неожиданно Тонгор почувствовал сильный удар в плечо и ощутил, как острые иглы клыков впились в его тело. Если бы он стоял в менее устойчивой позе, отталкиваясь шестом от дна, этот удар опрокинул бы его прямо в воду. Валькар же от неожиданности упал на колени. Обернувшись, он схватил нападавшее на него существо, оторвав того от своего плеча.

В руках Тонгора оказался алый дьявол — вампир.

Тело этого животного было размером с кошку, но из плеч росли перепончатые крылья, наподобие тех, что у летучей мыши. Тварь продолжала яростно шипеть и извиваться в руках человека, стараясь дотянуться зубами до пальцев северянина. Тонгору не пришлось долго рассматривать мерзкое создание, чтобы понять, что перед ним фотх, один из самых опасных и кровожадных вампиров, населяющих южные джунгли.

Выругавшись, северянин пальцами раздавил грудную клетку твари и выбросил ее в воду.

Но в следующий миг его окружила целая туча жаждущих крови вампиров. Фотхи охотятся стаями, и поэтому они так опасны. Давно, еще в бытность главарем шайки разбойников, Тонгору довелось увидеть, как здоровенный кротер был облеплен тучей этих мерзких кровопийц, в считанные минуты оставивших от несчастного животного лишь кости и сухожилия.

Вскочив на ноги, варвар взмахнул шестом. Нужно было продержаться всего несколько минут — и тогда течение отнесет его от стаи фотхов. Несколько минут... Но удастся ли?

Напрягая мускулы, Тонгор яростно орудовал шестом, сбивая одного вампира за другим, ломая им позвоночники или перебивая хрупкие кости крыльев. Но стая не собиралась отступать, подбираясь все ближе к намеченной жертве.

Один фотх сел Тонгору на бок и вонзил клыки в кожу. Не успел валькар отшвырнуть его, как почувствовал зубы другого на своей шее, а третьего — на плече. Стряхнув их, Тонгор был вынужден заняться еще одним, усевшимся ему на спину, где его было не так-то легко достать. Отмахиваясь от наседавших фотхов, северянин сначала выронил шест, а затем потерял равновесие.

Холодная вода сомкнулась над его головой. Камнем уйдя в воду в первый момент, Тонгор сильным взмахом рук вытолкнул себя на поверхность. Высунув из-под воды голову, он тряхнул ею, отбросив с глаз волосы, и огляделся.

Плот был в нескольких ярдах ниже по течению. Еще немного — и он окажется вне пределов досягаемости, легко, без дополнительного веса двигаясь по течению. Другая новость больше порадовала Тонгора: вампиры не стали нырять за ним в воду. Значит, фотхи не любят и боятся воды.

Глубоко вздохнув, валькар изо всех сил поплыл вслед за удаляющимся плотом. Однако, настигнув его, благоразумно не стал вылезать из воды, а подождал, пока фотхи, устав от бесплодной погони, не откажутся от ускользнувшей добычи. Тогда валькар подтянулся и залез на плот, а потом осмотрел свои раны. Острые иглы клыков фотхов оставили следы на его теле в десятке мест. Лишь благодаря обезболивающей слюне ужасных тварей раны не очень щипало. Хотя, в общем, эти порезы не были ни глубокими, ни опасными. Холодная вода реки хорошенько их промыла, а слюна фотхов не была ядовитой.

Тонгор воспринял нападение вампиров как предупреждение. Джунгли красивы, но и смертельно опасны. Нужно все время находиться начеку, каждую минуту ожидать нападения и быть готовым принять бой. Ведь джунгли — родной дом для многих существ пострашнее фотхов.

* * *

Когда стало темнеть, Тонгор направил плот к берегу, вытащил его в безопасное место, а сам отправился на охоту. На этот раз ему посчастливилось добыть зульфара — недурной трофей для человека, вооруженного всего-то пятью дротиками, да еще и с обугленными остриями вместо стальных наконечников. Зульфар — дикий лемурийский вепрь — опасный противник, и много раз его длинные клыки заставляли охотников спасаться бегством. Варвар-северянин нашел тропу, по которой животные из поколения в поколение ходили к реке на водопой, влез на дерево и затаился. Умение неподвижно ждать — наследие, полученное от предков, первобытных охотников.

Наконец ожидание оказалось вознаграждено. Зашевелилась листва, и из-за ближайшего куста показалась настороженная морда взрослого самца зульфара. Поросячьи глазки проворно оглядывали все вокруг, пятачок подозрительно принюхивался, губы приподнялись, обнажив огромные клыки, которые без труда могли вспороть человеку живот, переламывая кости и раздирая кожу и мясо.

Ночь уже опустилась на джунгли, и Тонгору было плохо видно, что происходит под ним. Но первый же дротик вонзился в уязвимое место зверя — за ухом. Только огромная сила рук варвара могла послать легкое оружие с такой силой, что оно проткнуло толстую шкуру зверя и глубоко вошло в тело. Первый дротик не убил вепря, но, перерубив важные нервы, частично парализовал взбесившееся от боли животное.

Вепрь, исходя пеной и надсадно воя, закружился на месте, подволакивая ноги, готовый вступить в бой с любым противником. Тонгор молча прицелился еще раз — и второй дротик, посланный с еще большей силой, воткнулся в левый бок зульфара, замертво рухнувшего на землю. Острие оружия попало в сердце зверя.

Через час, наевшись до отвала жареного мяса, Тонгор уже устраивался поудобнее на развилке высокого дерева, чтобы про-

вести вторую ночь в джунглях. Сон варвара был глубок, крепок и лишен сновидений.

* * *

Еще до полудня следующего дня Тонгор вновь вступил в бой, защищая свою жизнь.

На этот раз враг застал его в тот момент, когда он опустил в воду несколько связанных кусков мяса, чтобы сохранить их свежими до вечера и избавить себя от необходимости охотиться. Быть может, именно запах свежего мяса и привлек внимание страшного речного хищника, напавшего на Тонгора. Неожиданно, без всякого предупреждения, плот резко качнулся, и рядом с ним показалась огромная остроносая голова с оскаленной пастью, издавшая злобное шипение.

Горожанин, дитя цивилизации, несомненно, застыл бы, парализованный ужасом при виде такого зрелища — оказавшегося рядом поа, речной змеи-дракона. Но годы, проведенные за городскими стенами, не притупили боевых инстинктов Тонгора. Он среагировал, словно отпущенный лук, выталкивающий стрелу.

В руках валькар сжимал шест, при помощи которого управлял движением плота. Первый шест он потерял накануне, отражая атаку летающих вампиров. Уронив шест, Тонгор и сам был вынужден нырнуть в воды Амадона, а затем догонять чуть не уплывший от него плот.

Переждав атаку вампиров и пристав к берегу, валькар срезал себе второй шест. На этот раз его выбор пал на молодой побег красного дерева, весом и твердостью напоминавший хорошую дубинку. Тринадцать футов в длину, два дюйма твердой древесины в диаметре — этот шест весил фунтов тридцать. В могучих руках силача Тонгора он мог стать грозным оружием.

Со свистом шест вылетел из воды, отшвырнув поа в сторону. Дерево ударило по чешуйчатой голове речного дракона со звуком, напоминающим удар молотка по сырому мясу. Но такой удар не оглушил страшную рептилию.

Плот качнулся, подталкиваемый снизу мощным телом змееподобного ящера. Напрягая мускулы, Тонгор вложил все силы во второй удар. Но на этот раз поа сумел увернуться и, более того, впившись клыками в дерево, вырвать шест из рук челове-

ка. Варвар с трудом удержал равновесие, чтобы не упасть в воду вслед за шестом.

Выхватив меч, валькар рубанул изо всех сил по толстому телу чудовища. Взвыв от боли, оно тем не менее стремительно обвилось кольцами вокруг тела человека.

Извернувшись, Тонгор готовился нанести следующий удар...

В этот миг он увидел оскаленную морду чудовищной змеи, стрелой несущуюся к его лицу.

Ничего не поделаешь — меч нужно держать двумя руками, и у Тонгора не было другого выхода, кроме как выпустить его, а обеими руками ухватиться за шею змеи, не давая ей впиться зубами себе в глотку.

Стальной клинок Саркозан сверкнул в воздухе и со всплеском ушел под воду.

Плот с треском разломился под ударами мощного хвоста чудовища. Все новые кольца змееподобного тела обвивались вокруг Тонгора. Сжатый стальными объятиями, валькар рухнул в воду и погрузился в глубину, все еще отчаянно сопротивляясь.

Еще одно кольцо затянулось вокруг его груди; тонкий хвост оплел ногу. Прежде чем вода и пена сомкнулись над его головой, Тонгор успел глубоко вдохнуть. Теперь, в родной для поа водной стихии, его шансы на победу почти улетучились.

Стальные кольца все сильнее сдавливали его тело, лишали подвижности ноги. Но варвар продолжал сжимать руки, удерживая оскаленную голову чудовища на расстоянии.

Черная кровь облаком клубилась вокруг раны, нанесенной дракону мечом. Вскоре вода вокруг стала похожа на разведенные чернила. Сцепившись в отчаянной схватке, человек и ящер медленно погружались на дно реки.

Тонгор понимал, что жить ему осталось какие-то секунды.

Разжав одну руку, он дотянулся до висевшего на поясе кинжала и, вытащив его, по самую рукоятку вогнал в рану, нанесенную чудовищу мечом. Затем он резко повернул кинжал в ране.

Новое облако черной жижи окрасило воду. Несмотря на свою огромную силу, поа начинал слабеть от потери крови. Он уже не жаждал сокрушить, раздавить человека, осмелившегося бросить ему вызов в его родной стихии. Дракон ослабил стальные кольца, готовясь перейти от нападения к бегству.

Но Тонгор продолжал железной хваткой держать чудовище за шею, второй рукой давя и поворачивая в ране кинжал.

Страшная конвульсия пробежала по змеиному телу. Шея поа вырвалась из руки валькара, а извивающиеся кольца туловища выбили из его рук кинжал, скрывшийся в придонном иле. Поа резко дернулся, наверное, после того, как кинжал задел какой-то важный нерв. Дикая боль вновь заставила чудовище забыть об отступлении. Поа в ярости вновь бросился на противника.

Сильный толчок отбросил Тонгора на несколько ярдов. Ударившись спиной о торчащий из ила камень, валькар от боли открыл рот и нахлебался воды. Диким усилием воли оставаясь в сознании, он увидел, как поа вновь приближается к нему, вытягивая оскаленную пасть по направлению к его горлу.

Опустив руки, чтобы, оттолкнувшись от дна, встретить противника, Тонгор почувствовал ладонью знакомый металл.

Это была рукоять Саркозана, наполовину утонувшего в иле!

Из последних сил валькар вырвал меч из засосавшей его жижи и направил клинок навстречу атакующему чудовищу. Острие прошло между челюстями, пронзило насквозь мозг и, раздробив череп, вышло наружу на затылке змееподобного дракона.

Поа, в безумном броске, сам налетел на клинок Тонгора.

Предоставив рептилии биться в конвульсиях в мутной придонной воде, Тонгор, теряя сознание и ничего не видя перед собой, кроме плавающих красных кругов, с легкими, раздираемыми от недостатка воздуха, оттолкнулся ногами от дна и пробкой вылетел на поверхность.

Вдохнув и выдохнув несколько раз, он из последних сил подплыл к берегу и, цепляясь за траву, с трудом вылез из воды. Правая рука по-прежнему крепко сжимала рукоять меча.

* * *

Дальше Тонгору пришлось идти пешком. Оказалось, что в этой части джунглей растут лишь деревья-великаны, чьи толстые корни уничтожали любых конкурентов из растительного мира. Поискав, он не обнаружил ни молодых деревьев, ни упавших стволов подходящих размеров и в нужном состоянии. Ничего не поделаешь — остаток пути до города пиратов придется пройти пешком.

Валькар быстро пришел в себя и восстановил силы после подводной схватки. Сила Тонгора казалась невероятной, но еще

более поразительной была его выносливость. Любой другой на его месте долгие часы, а то и дни пролежал бы без движения после такого страшного боя, а он уже вскоре был на ногах и готов отправиться в путь.

Жизнь в его родной северной стране была непрерывной борьбой за существование. В этой борьбе выживал лишь сильнейший. И Тонгор принадлежал роду сильных охотников и воинов — людей, равных которым сегодня уже не найти. С самой колыбели, непрерывно сражаясь со страшным холодом, дикими животными и враждебными соседями, он наполнил невероятной силой каждую мышцу, каждую клетку своего могучего тела. Долгие годы цивилизованной жизни во дворце не смогли ослабить его дикой, варварской мощи. Меньше часа отдыхал Тонгор на берегу — и уже вновь готов был вступить в сражение с любым противником. Кривая ухмылка появилась на губах валькара, когда, осмотрев клинок меча, он убрал клинок в потертые кожаные ножны. Да, Боги были на его стороне в этом бою на дне Амадона. Не наткнись он рукой на меч — не выйти бы ему живым из этой схватки. А если бы чудо и произошло, то безоружным он не смог бы выжить в джунглях, не смог бы защитить себя от опасностей, ждущих его впереди.

Всю оставшуюся часть дня и всю ночь напролет Тонгор брел вдоль реки вниз по течению. Он без устали прорубал себе путь сквозь прибрежные заросли, ни разу не остановившись, чтобы отдохнуть или поесть. Время шло, а Таракус все еще лежал где-то впереди, хотя находился явно ближе, чем в начале пути.

Оказалось, что он даже ближе, чем Тонгор мог предположить.

К рассвету джунгли стали редеть, а острый слух варвара уловил гул далекого прибоя. Тонгор сумел перебраться на другой берег реки, не пускаясь вплавь, по сомкнутым ветвям двух лесных исполинов. Оказавшись на другой стороне, он, не задерживаясь, углубился в заросли.

Неожиданно для самого себя валькар вышел на опушку леса и увидел перед собой каменистый склон горы, на вершине которой в первых лучах рассвета алели стены и башни Таракуса.

Вынув меч из ножен, Тонгор сделал шаг вперед, разглядывая город своих врагов.

И почти в тот же миг, темная на фоне алого рассветного неба, перед ним появилась фигура человека с клинком в руке. Незнакомец готов был вступить в бой...

Глава 5
МЕЧ НАД ПАТАНГОЙ ЗАНЕСЕН

Ночь светла, стремителен прилив.
Поднимайте паруса скорее!
Мы выходим в море, грусть забыв,
Чтобы золотой увидеть берег...

Песня пиратов Таракуса

Трактир «Череп и кости» находился в конце улицы Ростовщиков, в одном из наименее населенных кварталов Таракуса неподалеку от порта. Вокруг поднимались глухие стены складов и заборы мастерских по ремонту корабельной оснастки. Оживленные площади и широкие, освещенные кабацкими фонарями улицы, где кипела веселая жизнь пиратского города, расположились выше по склонам гор. Из-за уединенности и выбрал капитан Барим Рыжебородый этот трактир в качестве места отдыха своего экипажа. Город пиратов был полон внимательных глаз и чутких ушей шпионов и осведомителей. Да и большинство жителей не отказали бы себе в удовольствии предать приятеля за золотую монету. Поэтому-то команда «Ятагана» и забралась в самый глухой квартал Таракуса, чтобы избежать внимания соглядатаев.

В тот вечер на закате Барим сидел у пылающего очага, вытянув к огню ноги и время от времени прикладываясь к изрядно полегчавшему бурдюку с элем. Рядом с ним, словно сильный зверь, посаженный в стальную клетку, ходил из угла в угол, огибая столы и раздвигая табуреты, молодой воин Патанги — Чарн Товис.

Холодный ветер завывал на улицах вокруг грязного трактира. Ледяные капли дождя барабанили по окнам и тяжелой двери из дубовых досок, словно какой-то оживший скелет настойчиво требовал впустить его. Барим поежился и поплотнее запахнул плащ. Целый день он провел, шатаясь по городу и собирая слухи и сплетни. Капитан изрядно облегчил свой кошелек, заказывая тут и там выпивку старым приятелям и случайным новым знакомым, чтобы выудить из них нужную информацию. Результаты поисков оказались не очень-то обнадеживающими.

Выяснить удалось немногое. Во-первых, Карм Каррус действительно попал в плен к Каштару Красному Волку, а затем исчез. Почти все в городе были уверены, что он погиб в темных

водах подземного залива: ибо кто может уцелеть, оказавшись в небольшой бухте, где беснуется гигантский ящер, сведенный с ума и распаленный каким-то древним колдовским прибором?

Но утонул ли король Тсаргола или его сожрал дракон — этого никто сказать не мог, а значит — и сам факт его гибели оставался недоказанным. Стражи Каштара обыскали весь город из конца в конец, но ничего не нашли. Даже Белшатл, со всем своим колдовским мастерством, не смог определить судьбу и местонахождение Карма Карвуса. пропавший пленник словно испарился с поверхности Лемурии.

Рассказав все это молодому чантару, Барим угрюмо замолчал, наблюдая за ним. Истинный аристократ, Чарн Товис не выражал вслух все свои чувства, но по выражению его лица Барим понимал, что тот испытывает.

В какой-то момент Рыжебородый и сам почувствовал угрызения совести. Но, поразмыслив, он решил, что не должен винить себя в исчезновении Тонгора. В конце концов, никто ведь не мог предположить, что на «Ятаган» нападет морское чудовище. Никто и подумать не мог, что правитель Патанги решится вступить в единоборство с огромным ящером и оседлает его. И уж точно, ни один другой капитан не стал бы так долго и упорно искать пропавшего с борта судна человека, как это сделал Барим.

Ведь его матросы все глаза проглядели, обыскивая водные просторы. Откладывая возвращение в порт, команда «Ятагана» провела галеру вдоль берега, осматривая все бухты и прибрежные заросли, и лишь затем капитан отдал приказ взять курс на Таракус.

Разумеется, Чарн Товис ни в чем не винил капитана Барима. Его повелитель, Тонгор Могучий, принял смерть так же, как прожил жизнь — с достоинством и отвагой встретив опасность и вступив в бой с противником. И как ни тяжела была потеря для молодого чантара, он понимал, что винить в случившемся некого. А теперь более тяжелые мысли и чувства, чем скорбь по ушедшему другу, наполняли его голову и сердце. Ибо страшная судьба была уготована его стране, всей империи Патанги... Чарн Товис нервно мерил комнату шагами и сжимал кулаки не от горя, а от собственной беспомощности: он ничего не мог сделать, чтобы отвести длань рока от городов Патанги.

К величайшему сожалению Чарна Товиса и капитана Барима, они не знали, каков был план исчезнувшего Тонгора, что

собирался предпринять отчаянный валькар, чтобы найти плененного друга, и как поступил бы, поняв, что король Тсаргола исчез, а над империей нависла страшная угроза вторжения пиратов. И что теперь должны были сделать они, оставшись без мудрого и могучего командира? Ведь Тонгор, несомненно, что-нибудь придумал бы, чтобы свергнуть Каштара... А может быть, он попытался бы уничтожить дьявольское оружие древней Нианги и сделать флот пиратов бессильным против могущественного воздушного флота города Огня.

Чарн Товис и Барим, не сговариваясь, бились над одним и тем же вопросом: что они могут сделать, чтобы сорвать поход на Патангу?

* * *

Погруженные в тяжелые раздумья, ни Чарн Товис, ни Рыжебородый не услышали приближающихся по мокрой мостовой шагов и осторожного стука в окно.

Неожиданно тяжелая дубовая дверь распахнулась. Порыв ветра подхватил ее и с силой ударил о стену. Обернувшись на грохот, Барим вскочил на ноги. В воздухе сверкнула сталь его клинка.

Узнав стоявшего на пороге, Рыжебородый расслабился.

— Ну ты даешь, приятель,— пробурчал он, убирая меч в ножны.— Еще немного — и ты получил бы целый локоть стали в живот.

— Извини, капитан,— пробормотал старина Блей, вваливаясь в комнату и выжимая промокший насквозь плащ.— Все этот ветер, это он вырвал дверь из моих рук. Да, а кроме того, я стучал. Боги, неужели и в этих стенах не найдется нескольких глотков вина для страдающего от холода и жажды несчастного, исходившего за целый день весь Таракус вдоль и поперек?

Причитая и шмыгая носом, круглолицый ковианец прошел в комнату; при каждом шаге его сапоги громко чавкали и оставляли мокрые следы. С тяжелым вздохом он повалился в уютное кресло у очага, стащил сапоги и протянул ноги к огню. Чарн Товис принес ему кубок вина.

— Премного благодарен, приятель,— кивнул ему Блей.

Рыжебородый с нетерпением ждал, пока вновь прибывший допил кубок до дна и, рыгнув, обтер губы ладонью, мечтательно глядя на опустошенную посуду.

— Ну? — не выдержал капитан.— Что скажешь? Какие новости? Не зазря же ты прошлялся по городу целый день, черт побери твою жирную задницу!

— Спокойно, капитан, да чтобы я... А впрочем, не найдется ли у вас тут еще пары капель вина для продрогшего друга?

Негромко бурча что-то под нос, Барим наблюдал, как ненасытный круглолицый Блей выпил еще один кубок вина и со стуком поставил его на дубовый стол. Потом капитан повторил свой вопрос еще более мрачным тоном.

Блей улыбнулся замершим в ожидании собеседникам.

— Ну значит так, капитан,— начал он, устроившись поудобнее.— Как только я с утра пораньше вышел из нашего трактира, я сразу же направился в таверну «Черная галера», ну, ту, в дальнем конце улицы Парусных мастерских. Ты же знаешь, что я в молодости дружил с одним парнем, его зовут Курао, он из Кадорны. Так вот, с этим малым мы плавали матросами на галере капитана Ярала Крюка (его так прозвали за то, что он, потеряв руку в одном абордажном бою, приладил к культе стальной крюк). И я вам скажу: орудовал он этим крюком так, что иной здоровый позавидует...

— Хватит нести всякую чушь! — рявкнул Барим.— Давай к делу! А не то я тебя сейчас потрясу хорошенько, чтобы прочистить память!

Блей бросил испуганный взгляд на Рыжебородого.

— Это... да-да... конечно, капитан. Ну так вот, это... О чем же это я... Ах да! Этот парень, Курао, он сейчас плавает на «Королеве Зангабала», а мне сказали, что эта галера теперь в порту, вот я и подумал потолковать с ним. Ну в общем, я его нашел, да только он даже не узнал меня, нажрался как свинья. Да, всегда слаб был Курао насчет выпивки, слаб, отключался раньше всех... Ладноладно, капитан, спокойно... Я уже к делу подхожу. Вот, уже почти дошел до главного.— Тут Блей запнулся и испуганно зашевелил губами.— Ой, на чем же это я остановился?

— Твой Курао был в стельку пьян,— спокойно, но с мрачной твердостью напомнил Чарн Товис.

— Ах да, ну конечно же! Спасибо, приятель. Ну так вот. Пока я пытался привести его в чувство, кто, как вы думаете, вломился в «Черную галеру»? Ну конечно же, не кто иной, как Тарган Одноглазый, мой старый приятель. Мы с ним, бывало, плечом к плечу в строю стояли. Вместе в кабаках дрались и в

бою держались поближе друг к другу... Чего стоила только высадка на острове Йофис. Мы с Тарганом тогда первыми ворвались в их городской храм... Ну вот, значит, давненько мы с ним не виделись, а воды с тех пор много утекло. Я еще в наш прошлый заход в Таракус слышал в «Якоре и кортике», что Тарган теперь дружит с самим Другандом Талом, ну, ты его знаешь — один из приближенных Красного Волка. Вот, значит, к чему я это все... Конечно, стоило мне все это немало: знаете, сколько жратвы и выпивки я ему выставил? Ну да ладно, этот мой одноглазый приятель стоил того. Он теперь, сами понимаете, кой-куда вхож и новости раньше других узнаёт. Но что утаишь от старины Блея? Не родился еще такой человек...

Прервавшись, Блей выразительно облизнул губы и уставился на стоящую за спиной Чарна Товиса большую бутыль с вином.

— Ну? Будешь ты говорить или нет? — раздраженно процедил Барим.

Блей преувеличенно громко прокашлялся.

— Это... извини, капитан... Холод такой на улице... Боюсь, как бы... Целый день ведь на ногах, под дождем... сапоги промокли... В общем... Ну, приятель, не плеснешь еще глоток-другой старине Блею из той посудины, что стоит за твоей спиной... Только в медицинских целях, разумеется, вы же понимаете... Вот и замечательно... Ну, если только самую малость еще — чтобы уж добить бутылку...

Делая вид, что не замечает сжавшихся кулаков Барима и его сведенных гневной гримасой скул, Блей опрокинул бутыль себе в рот и осушил ее до дна.

— Вот, теперь полегче будет... Так, значит, о чем это я... Ну да, конечно... Мой план сработал. А план был такой: напоить Одноглазого...

— Более идиотского плана нельзя и придумать. Ты сам, напившись, кому угодно все выболтаешь. Ладно, что у тебя еще?

— Ничего особенного. Просто я узнал, что они замышляют.

Воцарилось молчание. Барим и Чарн Товис обменялись недоверчивыми взглядами.

— Ты?..

Блей икнул и заговорщицки хихикнул, подмигивая своим собеседникам.

— Ну да, капитан. Все прошло как по маслу. Старина Одноглазый, конечно, силен в питье, но даже он на спор может

увлечься и пообещать, что выпьет половину винных запасов Таракуса, не выходя из-за стола. А я знай себе подзадориваю его, вспоминаю старые времена да намекаю на будущее... В общем, раскололся он, что твой орех. Ну он и нажрался! Схватило его здорово, прямо за столом наизнанку вывернуло, а он все требовал еще вина...

— Блей, а ты уверен, что твой Тарган не прикидывался более пьяным, чем был на самом деле? Он не догадался, что ты вытягиваешь из него нужные сведения? — нетерпеливо спросил Чарн Товис.

Блей посмотрел на молодого офицера и уверенно покачал пальцами перед его лицом.

— Ну уж нет, приятель. Старина Блей уж как-нибудь проследил за этим... мы постепенно перешли от обсуждения идеи штурма Патанги к тому, как будет делиться добыча и какова будет доля каждой галеры... А потом я подвел его к тому, чтобы он предложил мне угадать, когда наш флот выходит в море... В общем, этот парень знал то, что нам нужно, и главное было — не мешать ему все рассказать.

— Ну так когда? Когда же пираты выступают?! — закричал Барим.

— Завтра, на рассвете,— последовал ответ.

— Завтра?! Но это невозможно!

— А вот так, очень даже возможно. Одноглазый даже объяснил почему. Красный Волк боится, что Карм Карвус сумел выбраться из той пещеры. А значит, есть шанс, что он доберется живым до Патанги и предупредит Черного Ястреба об опасности. Вот почему Каштар решил отправиться в поход раньше времени, не дожидаться, пока в Таракусе соберутся все наши корабли. Сейчас для Красного Волка самое главное — скорость и неожиданность. Итак, завтра на рассвете мы выходим в море... Приказ будет передан всем капитанам сегодня в полночь посыльными Каштара.

Вскочив на ноги, Барим выбежал из комнаты и помчался вверх по лестнице. Вскоре со второго этажа послышались команды, поднявшие с постелей уже уснувших членов экипажа.

— Дурган, Рогир — живее, живее! Эй, Зенд, Тангмар, ну-ка пошевеливайтесь! Дело жизни и смерти!

— Что за спешка, капитан? Тревога? — послышался заспанный голос Дургана.

— Тревога! Через полчаса мы снимаемся с якоря, понял ты, болван одноглазый? На рассвете флот Таракуса выходит в поход на Патангу. Мы должны предупредить город Огня. И да помогут нам в этом Горм и Шастадион! Только бы успеть вовремя!

* * *

Чертыхаясь и проклиная всех богов на свете, матросы «Ятагана» выскакивали из постелей и, полуодетые, спотыкаясь, сбегали на первый этаж в столовую, Барим подгонял их. Не было времени будить хозяина трактира и расплачиваться с ним. Все, что сейчас требовал капитан от своих подчиненных,— это, не задавая лишних вопросов, бежать со всех ног вниз по улице Ростовщиков к причалам.

Позади осталась незапертая, хлопающая на ветру дверь «Черепа и костей». Под удивленным взглядом серебряного глаза луны матросы, спотыкаясь и поскальзываясь, неслись по мостовым Таракуса.

Первым, впереди всех, на пирс вбежал Барим Рыжебородый. Его тяжелые сапоги громко застучали по камням портового причала. Здесь чуть покачивался на волнах его пришвартованный «Ятаган» с убранными веслами и свернутыми парусами. Положенные на стоянке в порту зеленые и красные огни горели на носу, корме и мачтах галеры.

— Эй, на борту! — раздался сильный, привыкший командовать голос Барима.— Живо на палубу, лентяи! Кидай сходни, снимайся с якоря!

Удивленный вахтенный матрос-зангабалец заспанными глазами уставился на причал.

— Это вы, капитан?

— Конечно, я, кому ж еще тут быть! Слушай, лентяй, живо опускай сходни и принимай на борт это песье племя! Мы отплываем в Патангу. Пошевеливайся, если не хочешь отправиться рыбам на обед.

Перегнувшись через борт, вахтенный вытянул руку, показывая куда-то за спину капитана.

— Башни! Посмотрите на сигнальные огни маяков! Еще на закате Морские Ворота закрылись, капитан. Мы не сможем выйти из бухты.

Выругавшись, Барим обернулся и уставился, беззвучно шевеля губами, на далекие, с трудом различимые в темноте огромные башни маяков. Одна возвышалась на острие мыса, а другая — на самом конце рукотворного волнолома, закрывающего штормам вход в гавань Таракуса. Сомнений быть не могло. По два огня — синий и желтый — горели на обеих башнях. Синий и желтый. А это значило, что непреодолимые Морские Ворота закрыты на всю ночь, преграждая любому кораблю путь в бухту или из нее.

— Одиннадцать алых небосводов! — выдохнул капитан.

Чарн Товис, все еще не понимая, что произошло, спросил:

— Барим, что такое? Что обозначают эти огни? Почему мы не можем выйти в море?

Капитан тяжело вздохнул и чуть не простонал:

— Гавань Таракуса — почти замкнутый круг городской набережной, причалов и доков, скал, обрывающихся прямо в воду, и длинного волнореза. Остающийся для входа и выхода кораблей участок очень узок, и вот этот пес, Каштар, построил между маяками Морские Ворота, вон там...

— Да что же это за Ворота? — нетерпеливо спросил Чарн Товис.

— Огромные цепи. Цепи, выкованные из бронзы. Каждое звено весит полтонны. Четыре огромные цепи закреплены на громадных кольцах в башнях под маяками. Когда они подняты, как сейчас, ни один корабль не сможет пересечь границу залива. И кроме того, этот пес, Каштар, оставил в каждой башне постоянный гарнизон — больше чем по сотне воинов. Учитывая, что высадиться у маяков почти невозможно из-за рифов, взять маяки и опустить Ворота становится делом более чем сложным и, уж конечно, долгим даже для большой армии. А уж нам, команде одной галеры, и думать об этом нечего. Да никто из нас и не знает, как действует механизм цепей. А если ты все же надеешься на чудо — добавь ко всему еще и катапульты на волнорезе. Они разнесут неподвижный «Ятаган» в щепки, пока мы будем штурмовать один из маяков. Нет, приятель, похоже, что на этот раз Каштар одолел нас. Старая лиса, он наверняка догадывается, что среди капитанов пиратских кораблей найдутся один-два шпиона или просто отчаянная голова, кто, рассчитывая на большую награду, рискнет прорваться вперед и предупредить гарнизон Патанги о вторжении. Вот он и приказал

перекрыть на ночь Морские Ворота, пусть даже преградив путь возвращающимся в порт кораблям. Он сделает что угодно, лишь бы сохранить в тайне свой план... В общем, ребята, возвращаемся в «Череп и кости». Ничего не попишешь.

Чарн Товис выдавил проклятье, но понял, что поделать тут ничего нельзя. Здравый смысл говорил, что Барим Рыжебородый прав.

Старина Блей печально посмотрел на море и вдруг негромко произнес:

— Жаль этих бедняг в Патанге. Спокойно спят себе в своих кроватях, полагаясь на то, что бравые ребята с «Ятагана» известят их о начале вторжения. А теперь первым известием о войне станет появление в гавани их города черного флота пиратов... эх...

Тяжело вздохнув, круглолицый ковианец покачал головой. Один за другим пираты вернулись в трактир и легли спать. У дверей «Черепа и костей» их встретил посыльный офицер Каштара, передавший Бариму приказ правителя города корсаров: с первыми лучами солнца «Ятагану» было предписано занять место в последнем ряду строя пиратских кораблей и плыть вместе со всеми, следуя за флагманом, в сторону Патанги.

Какие шансы оставались у города Огня, ничего не подозревавшего о готовящемся нападении? Какие шансы на жизнь и свободу были у его жителей, на которых нацелились предательские пиратские мечи и кинжалы?

Часть 3
ПРОТИВ ШТОРМА

...Ибо это был грех Серых колдунов из Нианги. Они в своей гордыне и стремлении к власти дерзнули бросить вызов самим Девятнадцати Богам... Они вышли за границы, поставленные человеческому сознанию самими Богами; они создали страшное оружие, словно вышедшее из преисподней... и потому были сметены Божественным Гневом, а все их творения стерты в пыль...

Великая Книга Колдуна Шарата

Глава 1
ЯНА ИЗ КАДОРНЫ

Пока же искали его враги,
Он в их цитадель забрел,
Где с помощью Горма по воле Судьбы
Защиту от шторма нашел.

Летописи Тсаргола

Стройная фигура в шелковом одеянии дернулась от боли, сжатая железной хваткой Карма Карвуса. С изумлением король Тсаргола ощутил под своими руками не крепкий торс мужчины, а мягкое женское тело. Разжав руки, он отступил на шаг назад.

— Вы всегда так вламываетесь в спальню к дамам, правитель Тсаргола? — холодно спросила девушка. Приведя в порядок свое платье, она повернула прекрасное лицо к пораженному сарку. К своему удивлению, Карм Карвус понял, что перед ним не кабацкая девка, не разбитная подружка пиратского капитана, а молодая женщина благородного происхождения, хорошо воспитанная и полная достоинства.

— Прошу меня извинить, госпожа, но я не знал... Но как же вы узнали, кто я?

Легкая улыбка чуть тронула губы все еще холодно и неприветливо смотревшей на него девушки.

— Когда полгорода стоит на ушах, чтобы разыскать пропавшего пленника по имени Карм Карвус, не стоит большого ума догадаться, что ты — тот самый беглец. Кому еще, кроме как узнику, бежавшему из темницы Каштара, придет в голову лазать по крышам и вламываться в окна, да еще в такую погоду. Но здесь тебе нечего бояться. Ведь я — тоже пленница Красного Волка, Яна из Кадорны. Ты замерз, промок, не стоишь на ногах от усталости. Можешь выпить вина, поесть, погреться у очага. Я думаю, что смогу найти для тебя какую-нибудь сухую одежду.

Пробормотав какие-то невнятные слова благодарности, Карвус растянулся в кресле и, сняв сапоги, вытянул ноги к огню, чувствуя, как тепло, проникая в тело, выдавливает из мускулов и костей усталость и холод. При этом он не переставал заинтересованно следить за девушкой.

Ей было лет двадцать, не больше. Характерная золотистая кожа, черные миндалевидные глаза, сверкавшие, словно два темных самоцвета, выдавали в ней уроженку Кадорны. Копна черных как смоль волос рассыпалась по ее плечам. Ее полные, чувственные губы, казалось, были созданы для поцелуев, а под свободными складками шелкового одеяния угадывалась прекрасная фигура.

Кадорна была самым западным городом империи. Она лежала за Ковией, по другую сторону от устья залива Патанги, непосредственно на побережье Южного моря. Города залива вели мало торговли с Кадорной, но лишь из-за ее удаленности и труднодоступности, а не по политическим причинам. Повелитель Кадорны, король Касан был союзником Тонгора. Теперь Карм Карвус припомнил, что слышал о юной дочери Касана... Но что она делает здесь, в цитадели пиратского короля?

Прочтя вопрос на его лице, а может быть, просто повинуясь интуиции, девушка, выслушав благодарность за вино и еду, поведала гостю о том, как она оказалась в Таракусе.

— Я тоже была взята в плен корсарами, и теперь они держат меня как заложницу.

И в нескольких словах Яна описала, как во время морской прогулки ее судно окружили пираты. Все придворные, охрана и матросы погибли в неравной схватке, а саму ее привезли в Таракус. Карм Карвус угрюмо слушал ее рассказ. Похоже, что

в планы Каштара входило захватить по заложнику из всех девяти городов Западной империи, чтобы обеспечить себе ключ к их воротам. Он спросил девушку, не знает ли она чего-нибудь о других заложниках, но она с улыбкой покачала головой, рассыпав копну волос, закрывших прядями ее прекрасное лицо.

— Кроме тебя и меня, у Каштара нет других пленников,— грустно сказала она, а затем снова улыбнулась.— У короля пиратов со мной было немало проблем. Сначала я тоже наслаждалась его гостеприимством в подземной тюрьме; но, видя, что страдания только укрепляют мой дух, Каштар решил запереть меня здесь, в более сносных условиях, чтобы я смягчилась и покорно выполнила уготованную мне в его планах роль. Здесь меня неплохо кормят, даже приставили нескольких служанок. Быть может, если я и теперь не соглашусь пособничать ему, Красный Волк снова отправит меня в темницу. Но пока что он меня не трогает.

— Но ведь тебя не оставляют одну, без стражи?

Яна покачала головой.

— Конечно, нет. Я предоставлена самой себе в этих покоях, на верхнем этаже. А прислуга и стража заняли первые два. Выбраться отсюда мне не удается. По крайней мере, стража достаточно разумно предполагает, что принцесса не станет спускаться вниз, карабкаясь по стене, как ты. Но я вовсе не выбросила из головы мысль о бегстве и даже кое-что приготовила. Я как раз выглянула в окно, еще раз обдумывая план побега, и вдруг увидела тебя, карабкающегося по стене. Я зажгла лампу, чтобы привлечь твое внимание. Несомненно, я собиралась пригласить тебя к себе, но кто же мог предположить, что ты ввалишься, выломав окно, без всякого приглашения.

Тсарголец покраснел.

— Госпожа, я...

Девушка рассмеялась.

— Не нужно извинений. Отчаявшийся человек ищет любую гавань во время бури. Здесь, по крайней мере на время, ты в безопасности. Солдаты уже обыскали мои покои и больше не станут возвращаться. А теперь скажи, какие у тебя планы?

Карм Карвус нахмурился. Все его мысли были направлены лишь на то, чтобы избежать повторного пленения, и, честно говоря, он совсем не думал, как и в каком направлении выбираться из города. Похоже, что в этом вопросе девушка была

подготовлена куда лучше и во время заточения не теряла времени даром. Порывшись в одной из корзин с бельем, она извлекла на свет листы пергамента и расстелила их перед королем.

— Из этого окна открывается отличный вид на город; я тут набросала какое-то подобие карты — план улиц, площадей, перекрестков,— она ткнула пальцем в чертеж.— Я, как и ты, рассчитывала убежать по крышам: этот путь кажется наименее рискованным. Я только ждала подходящей темной, безлунной ночи. Смотри, вот здесь мы, вот наша улица, вот городская стена, а здесь — ворота. Они не только надежно охраняются, но и хорошо освещены. Но в то же время я выяснила, что стена охраняется лишь верховыми патрулями, разъезжающими с внутренней стороны, а на ее гребне в обычные дни часовых нет. Если повезет и мы сможем добраться вот до этого участка стены затемно...

— Мы? Госпожа, несомненно, я не могу себе позволить рисковать вашей жизнью, как своей,— запротестовал Карм Карвус.

Яна пристально посмотрела на него и твердо заявила:

— Если ты отказываешься идти со мной, я пойду одна, ясно? А теперь слушай внимательно и смотри на план. Пробираясь вот этим путем, мы выйдем на крышу этого здания. Оно повыше других, и, если повезет, мы сможем перепрыгнуть с карниза на верхнюю площадку стены. Я, кстати, уже приготовила некое подобие веревочной лестницы,— принцесса показала спрятанные среди одежды и покрывал скрученные из полос разрезанной ткани веревки, с толстыми узлами для опоры вместо перекладин.— Так вот, привязав веревку к одному из зубцов на стене, мы сможем спуститься вниз, не рискуя сломать себе шею.

Карвус вяло поспорил, описывая опасности такого предприятия: вероятность быть обнаруженными, ненадежность черепицы. Он долго расписывал, как трудно спускаться по веревке и прыгать в темноте,— в общем, описывал все опасности, подстерегавшие их в городе и, более того, за его стенами, в джунглях, через которые предстояло пробираться до ближайшего дружественного поселения. Но на Яну из Кадорны его слова не произвели никакого впечатления.

— Послушай меня, король Тсаргола. Я вовсе не изнеженная и беспомощная дамочка, могу тебя заверить. Я не хуже мужчины езжу верхом и умею охотиться. Я знаю, как обращаться с мечом, кинжалом и луком, и могу постоять за себя в бою. Мой

отец мечтал о сыне, поэтому, занимаясь со мной, он тренировал меня, как мальчишку. Вот почему я не собираюсь выслушивать твои соображения по поводу моей безопасности. Я убегу отсюда. С тобой или без тебя — но убегу.

— Но, госпожа...

— Каштар Красный Волк хочет использовать меня как ключ, чтобы распахнуть ворота моего родного города. Но я отказываюсь служить инструментом для исполнения его подлых планов. И даже если Кадорне суждено пасть под ударами врагов, то не с моей помощью: я скорее соглашусь навеки уйти в Королевство Теней, чем стать орудием уничтожения моего народа! Так я поклялась богам родной Кадорны и не собираюсь нарушить клятву.

Карм Карвус, скорее по инерции, попытался что-то возразить, но безуспешно. Король Тсаргола был не первым мужчиной, проигравшим спор с женщиной. И не он первый понял, что порой самые разумные аргументы разбиваются о непоколебимость женщины, принявшей какое-то решение. Итак, в конце концов он решил взять ее с собой.

* * *

Буря стихла, и беглецы стали готовиться в дорогу. Яна вышла ненадолго и вернулась, переодевшись. Понимая, что шелковое платье мало подходит для путешествия по крышам, она надела плотные, облегающие шерстяные брюки, подчеркивающие красоту ее длинных стройных ножек. Шнурованные сапоги доходили ей почти до колен, тело прикрывала темная блуза с длинными рукавами, плотный шерстяной плащ-накидка был приколот к плечам неяркими заколками. Вокруг головы она повязала тонкий кожаный шнурок, чтобы ее черные волосы не закрывали глаза и не мешали. В этом наряде худенькая, стройная принцесса походила на мальчика-подростка, одетого для охоты или верховой прогулки.

Королю она принесла подходящую обувь вместо вконец изодранных мокрых сапог. Сухая одежда и теплый плащ дополнили его костюм. Все это Яна разыскала в одной из предоставленных ей комнат, в каком-то сундуке.

Дождь прекратился, но луна все еще скрывалась за плотной пеленой грозовых туч, а значит, был шанс, если повезет, покинуть дом незамеченными.

Не задерживаясь, беглецы пустились в опасный путь, полагаясь на память Яны и верность ее чертежей. Проклиная себя за мягкотелость, Карм Карвус помог принцессе перелезть через подоконник. «Ну почему? Почему я позволил повесить себе на шею такую обузу?» — думал король. Ведь девчонке ни за что не удастся лазать по крышам так же ловко, как это делал он. В конце концов, он — опытный воин в самом расцвете сил...

Тсарголец не успел сформулировать про себя эту мысль, как, потеряв равновесие на сломанной черепице, сорвался и проехал футов десять-двенадцать вниз по крыше, сумев остановиться, лишь уцепившись за трубу. Разумеется, его самолюбию пришлось не по нраву то, как принцесса ловко, словно горная газель, спустилась к нему и протянула руку, чтобы помочь вылезти на гребень крыши. Кстати, ее тонкая кисть оказалась на редкость сильной. Карм Карвус почувствовал это, когда оперся на нее чуть ли не всем весом, карабкаясь наверх. С этого момента он перестал сожалеть о решении проделать путь вдвоем с Яной.

Они пробирались с одной крыши на другую где ползком, где перепрыгивая через темные переулки. Без дополнительных происшествий беглецы добрались до крайних домов у самой стены, защищавшей Таракус от нападения с суши.

Яна из Кадорны составила отличный план. Они действительно оказались на крыше, чуть возвышавшейся над стеной, примерно на равном расстоянии от двух ворот. «Похоже, перепрыгнуть на вершину стены будет не очень трудно»,— подумал Карм Карвус. Солидная стена наверху была достаточно широкой, чтобы на ней могли разойтись два воина. Кроме того, наружную сторону стены украшали высокие зубцы, которые не дали бы, в случае чего, упасть.

Но в этот момент Карвус опять поскользнулся.

Непривычно сидящий на ноге сапог попал в лунку с водой, оставшуюся на месте выбитой черепицы, в тот самый момент, когда король собирался оттолкнуться и перепрыгнуть на стену. В результате он, перекувырнувшись и потеряв всякую ориентировку, не удержался и рухнул с крыши вниз, на каменную мостовую.

Король непременно сломал бы ногу, а то и шею, если бы в тот момент вдоль стены не проезжал на свою беду патрульный верхом на кротере. Именно на голову этому бедняге и скатился Карм Карвус.

От неожиданности не успев понять, откуда на него свалилась такая тяжесть, воин выпустил поводья из рук. Испуганный кротер взбрыкнул, и оба человека полетели на землю.

Карвус вскочил на ноги на мгновение раньше стражника. Этого мгновения ему хватило, чтобы, не дав солдату выхватить оружие или поднять тревогу, отправить его в нокаут сильным ударом ноги в горло. Не успев подняться, стражник вновь рухнул в темную лужу у основания стены.

Карм Карвус быстро огляделся. Похоже, что стражник был один, и шум их короткой схватки не привлек внимания. Мысленно попеняв себе за неловкость, король успокоил себя тем, что, по крайней мере, так он раздобыл себе оружие. Он быстро расстегнул перевязь солдата и привычными движениями нацепил кожаную перевязь на свои плечи. Теперь он был вооружен и, к своему удовольствию, обнаружил, что трофейный клинок — тонкий легкий меч, равный по весу сабле, но прямой и обоюдоострый. Он очень напоминал тсаргольскую шпагу — излюбленное оружие сарка. Кроме того, на перевязи висел в ножнах длинный прямой кинжал, наподобие стилета или кортика. Разоружив бесчувственного солдата, король разорвал на полосы плащ бедняги, соорудил кляп и заткнул патрульному рот, кроме того, крепко связал его. Затем он перетащил тело в глубокую тень — вряд ли его найдут до утра. Взяв кротера за поводья, Карм Карвус завел животное в узкий проход между двумя глухими стенами домов и крепко привязал его там, чтобы скакун, вернувшись в гарнизонные стойла без седока, не поднял тревогу раньше времени.

Яна внимательно наблюдала за всем происходящим с крыши. Теперь, когда они оказались разделены, оставался лишь один выход, чтобы оказаться вместе.

Тщательно примерившись, Яна отступила на два шага от края крыши, еще раз прикинула расстояние, а затем напряглась как пружина и, распрямившись, прыгнула.

Глядя снизу, Карвус весь сжался, видя, как девушка летит в пустоте. Как легко можно ошибиться, не рассчитать силу толчка, неправильно прицелиться, подвернуть ногу или потерять равновесие... Одно неверное движение — и принцесса Кардоны рухнет на камни, разбившись насмерть!

Но Яна, похоже, не обманывала, когда рассказывала, что тренировалась не меньше любого мужчины. Она точно призем-

лилась на вершине стены. В следующий миг, не успев отдышаться, она уже развязала обмотанную вокруг талии веревку с узлами и, накинув один конец петлей на зубец стены, другой спустила Карму.

Правитель Тсаргола не заставил себя долго ждать. Через несколько мгновений он уже стоял на стене рядом с девушкой. В мгновение ока веревка была развязана и перекинута на другую сторону. Не тратя времени на разговоры, цепляясь за узлы руками и упираясь в них ногами, король и принцесса проворно спустились вниз. Вокруг громоздились скалы, таившие в себе немало опасностей, но главное было сделано: беглецы выбрались из города!

Как можно быстрее полезли они по каменистому склону горы. Здесь, среди скал и теней, их вряд ли заметили бы стражники со стен и башен, даже если бы смотрели в эту сторону. Но взойди луна, и шансы быть обнаруженными тотчас же станут куда более реальными.

Пробираясь по камням, стараясь не подвернуть ноги и при этом двигаясь как можно быстрее, Карм Карвус и Яна из Кадорны уходили все дальше от стен Таракуса и приближались к джунглям, которые в их положении казались куда более безопасным местом, чем город пиратов.

* * *

Промокшие, усталые, с ноющими ногами и руками, ободранными локтями и коленями, они наконец спустились к подножию горы. Похоже, до сих пор никто не обнаружил отсутствия Яны. Веревку и подавно никто не заметит до утра, а значит, можно не опасаться погони, по крайней мере, пока не взойдет солнце.

Но до рассвета оставалось совсем мало времени. Вот уже посветлело небо на востоке, расступились тучи. Звезды, появившиеся в просветах, мерцали не по-ночному блекло. Еще немного — и первые багряно-золотые лучи рассеют темноту, и день сменит ночь.

Перед беглецами темно-изумрудной стеной встали джунгли. Их торжественное и грозное молчание не столько нарушали, сколько подчеркивали таинственные шорохи занимающихся своими утренними делами обитателей этих густых зарослей.

Итак, враги в человеческом обличье остались позади. Но впереди лежали владения не менее страшных и жестоких вра-

гов — хищных обитателей джунглей. От людей можно было вырваться и бежать, прибегнув к хитрости и обману, но здесь, в джунглях Птарты, ничто не поможет избежать грозных челюстей хищников, кроме силы, храбрости и остро отточенной стали.

Жестом приказав девушке держаться за его спиной, Карм Карвус обнажил меч и направился к темно-зеленым зарослям. Не успел он сделать и нескольких шагов в глубь изумрудного моря, как из темноты навстречу ему метнулась какая-то тень внушительных размеров.

Ни мгновения не раздумывая и не колеблясь, король бросился в бой. Его рука сжала стальной клинок, острой иглой направив его в сердце неведомому врагу...

Глава 2
ПИРАТСКАЯ АРМАДА

Сильней, чем заклятий канва,
Сильней талисмана мага,
Любого сильней колдовства
Воин с мечом и отвагой!

Алая Эдда

Рассвет рассеял ночную тьму, наполнив мир светом нового дня.

Прежде чем первые лучи солнца позолотили небо, Таракус, город пиратов, уже проснулся. Сотни ухмыляющихся корсаров, вооруженных до зубов, заполнили узкие улицы, двигаясь к порту, поднимаясь на борта галер, стоящих у причалов, и в шлюпках и баркасах добираясь до кораблей, бросивших якоря на рейде.

Среди пиратов были лучники и копьеносцы, воины с мечами и саблями, расчеты катапульт и арбалетчики, стреляющие огненными стрелами. Были здесь уроженцы всех городов и стран Юга: черноглазые и черноволосые тарданцы, воины из Шембиса и Тсаргола, Турдиса и Зангабала, наемники из пустынь Возашпы с выкрашенными пурпуром бородами и пришельцы из Дарундабара и Далакха, с лицами, словно грубо вырубленными из гранитных глыб. Над толпой возвышались великаны из лесов Коданга. Их светлые волосы были затянуты на затылке в тугие косы. Даже несколько синекожих кочевников, чьи племена господствовали на далеких равнинах Востока, занесла судьба в

ряды пиратов Таракуса. Но больше всего в толпе было уроженцев окрестных земель: желтокожих кадорнианцев и раскосых обитателей Пелорма, а также самих жителей Таракуса, с шелковистыми черными усами и порочными ледяными глазами.

И в душе каждого из сотен корсаров кипели мысли о скорой добыче: золоте, драгоценных камнях, вине и женщинах. Вот-вот неисчислимые богатства Патанги лягут к их ногам. Как только откроются двери сокровищниц городов империи, каждый пират станет богатым, как дворянин, и сможет прожить остаток жизни в роскоши и неге. Корсары довольно улыбались и крепко сжимали украшенные самоцветами рукояти ножей, кинжалов, кортиков и палашей... Скоро, совсем скоро они, морские волки, заполнят улицы Патанги, и все золото, камни и все богатства могущественнейшей на земле империи лягут к их ногам.

Задолго до первых признаков рассвета Белшатл был на ногах и приступил к своей работе. Серый колдун еще и еще раз проверял, как был закреплен его хрупкий инструмент из стеклянных сфер и латунных проволок на палубе флагманского корабля Каштара. Казалось, все в порядке, лампа безумия была в целости и сохранности, что теперь имело особо важное значение, так как она осталась в единственном экземпляре после того, как хитростью Карма Карвуса или тщеславием и глупой гордыней самого Белшатла второй аппарат оказался уничтоженным.

Нездоровым огнем сверкали глаза колдуна, представлявшего себе, как он своими руками — да, вот этими руками — обрушит на стены Патанги лучи, разрушающие разум, сеющие безумие, ярость и смерть!

Наконец появился и сам Каштар в окружении офицеров, отдающий на ходу последние распоряжения. С вершины холма вождь пиратов, радуясь, наблюдал, как выстраивается на рейде его флот, пиратская армада. За всю долгую и кровавую историю морских войн еще не было собрано в одном месте столько боевых кораблей. Это он, Каштар Красный Волк, сумел собрать их, и к его ногам падет столь желанная добыча — трон Патанги. Словно в сладком сне, Каштар увидел Тонгора, закованного в цепи, стоящего на коленях у Огненного трона, у ног Каштара, правителя империи! Как сладок и восхитителен будет этот миг, миг полной победы, триумфа...

— Все готово, Волк,— раздался голос Друганды Тала, первого помощника Каштара. Король пиратов кивнул. Еще мгно-

вение он не сводил взгляд с величественного зрелища выстроившейся в боевой порядок армады, а затем, вдохнув пьянящий утренний воздух, скомандовал:

— Открыть Морские Ворота!

Распоряжение было передано по цепочке и дошло до сигнальщика, который, взмахнув флажками, передал приказ всегда бодрствующим наблюдателям на маяках, охраняющих вход в запертую бухту.

Лязгнули огромные замки, отодвинулись засовы — и вот уже повернулись гигантские барабаны, напряглись канаты, и огромные бронзовые цепи поползли вниз, ложась на дно залива и открывая проход в гавань. Путь на Патангу свободен!

Каштар взошел на мостик флагманского судна и дал сигнал. Загрохотали сотни барабанов, тысячи глоток затянули ритмичную песню, ударили весла, заскрипели в уключинах, и вот первый ряд кораблей, подняв якоря, ровным строем направился к выходу из бухты.

Весла равномерно опускались в воду и так же равномерно взлетали в воздух. Вверх-вниз, в воду — на воздух; словно огромные водяные насекомые на длинных тонких ногах, первые корабли миновали маяки и вышли за волнорез в открытые воды залива.

Ряд за рядом начинали двигаться корабли, все больше и больше весел, повинуясь ритму барабана, врезались в водную гладь. И все сильнее и сильнее звучала над бухтой древняя пиратская песня, которую орали сейчас тысячи луженых морскими ветрами глоток:

Ветер гуляет на вольном просторе.
Яркие звезды играют с Луной.
Мы на волнах серебристого моря
Золото ищем ночною порой.

Древний гимн корсаров звучал все громче, разносясь по городу. Казалось, чем дальше отходили от причалов суда, тем громче звучала песня. Это гавань Таракуса и окружающие горы прощальным эхом провожали в поход своих моряков. Долго еще звучали над городом древние слова:

Ночь светла, стремителен прилив.
Поднимайте паруса скорее!
Мы выходим в море, грусть забыв,
Чтобы золотой увидеть берег...

* * *

Но на одном из кораблей армады не было слышно радостного пения. Это черная галера «Ятаган» в молчании отправилась в поход на Патангу.

Меряя шагами мостик, нахмурив брови и сжав кулаки, капитан Барим решал стоящую перед ним дилемму.

За его спиной бледный как полотно Чарн Товис с замиранием сердца смотрел, как новые и новые ряды галер и трирем поднимают паруса и поворачивают острые носы в сторону далекого города Огня.

Экипажу «Ятагана», несмотря на верность и преданность Тонгору, ничего не оставалось делать, как плыть вместе со всеми, рискуя в противном случае быть заподозренными в предательстве. Если бы у вождя пиратов возникли подозрения, его подручные немедленно потопили бы «Ятаган».

Толстый Блей и одноглазый Дурган стояли у борта и смотрели, как тают за кормой силуэты башен и маяков Таракуса. Круглолицый, никогда не унывающий ковианец на этот раз был серьезен и мрачен. Неожиданно он воскликнул, обращаясь к своему угрюмому товарищу:

— Но как же так?! Неужели мы, вместе с этими псами, ворвемся в город наших друзей, сея смерть и разрушение? Что скажет мальчишка-джасарк, когда его старые приятели вломятся во дворец с обнаженными мечами? Будь проклят тот день, когда старина Блей решил стать пиратом и отправился искать счастья в морских походах!

Дурган плюнул за борт и выругался. Затем, глянув единственным здоровым глазом на мостик, заговорщицки подмигнул приунывшему Блею:

— Не плачь раньше времени. Что до меня, то я верю нашему капитану. Он — мужик с головой... Если кто-нибудь из нас и может придумать выход из этой западни, то только он и никто другой. Ты уж положись на Рыжебородого. Бьюсь об заклад, он уже кое-что придумал, а теперь только прикидывает детали. Нет, капитан у нас — голова! Соображает!..

— Клянусь зеленой бородой Шастадиона, я хочу, чтобы ты был прав... Я очень надеюсь, что ты прав,— простонал в ответ Блей.

* * *

Знакомый порт быстро таял за кормой. Вскоре Таракус превратился в узкую полоску на горизонте, над бухтой заклубился легкий утренний туман. Зато небо над кораблями с каждой минутой становилось все светлее; засверкало солнце, последний раз отразившись, как от зеркала, от черепичных крыш и мощеных улиц Таракуса.

Корабли Каштара под всеми парусами мчались по глади залива. Небо из черного стало темно-синим, а затем голубым. Наступал день.

На мостике «Ятагана», словно факел, сверкала на солнце рыжая борода капитана. Барим все пытался найти способ предупредить Патангу о нападении волков Каштара.

К нему подошел его первый помощник Ангар Зенд, невысокий худощавый офицер с изуродованным шрамами лицом.

— Ну что? — спросил помощник капитана.— У вас есть какой-нибудь план? Во имя неба, капитан, вы что, решили так и тащиться в хвосте армады до самой Патанги, а затем ограничиться минимальным участием в резне? Я уверен, что у вас есть какой-то план. Разрази меня гром, если это не так. Ну скажите же хоть что-нибудь экипажу! Умоляю вас, капитан!

— Прекрати выть и скулить, словно бродячий пес! — вдруг рявкнул Барим.— Можете выть там, на палубе или в кубрике, но на мостике я заупокойных песен не потерплю! Ясно?

Чарн Товис подошел к Зенду и встал рядом с ним.

— Да, капитан. Экипаж и я, мы все хотим выслушать ваш план.

Барим Рыжебородый прищурил синие глаза, словно смотрел на них против яркого солнца.

— Ну что ж, вот вам мой план. Первое: мы не сможем обогнать флот Каштара и предупредить защитников Патанги. В армаде есть более быстроходные корабли, чем наш «Ятаган». Предупредить город Огня мы не сможем, и плывя вместе с проклятыми Красными Псами. Флот идет на всех парусах. А значит, у нас нет никаких шансов опередить их и первыми добраться до Патанги. Чуете, куда я клоню, болваны?

— Мы внимательно слушаем, что вы предложите, капитан,— хмуро произнес Ангар Зенд.

— Ну что ж, слушаете, так слушайте! Я считаю, что у Патанги и сейчас немало шансов на удачный исход сражения. Не забывайте про их летающие лодки, которые задолго до подхода армады обнаружат ее, а затем, известив стражу города, обрушат свою мощь на корабли Каштара. Чего стоят одни колдовские кристаллы, ограненные мудрым Иотондусом и установленные на летающих лодках несколько лет назад. Это оружие даст Патанге неплохое преимущество в бою даже с таким мощным противником, как флот Каштара, понятно?

Чарн Товис и первый помощник молча кивнули.

— Так вот,— продолжил Барим,— единственное, что делает Каштара неуязвимым и что может склонить чашу весов в его пользу,— та проклятая штуковина, которая установлена на борту «Красного Волка», дьявольское изобретение — лампа безумия. Белшатл рассчитывает, что от этих лучей рухнут с неба летающие лодки, очистив путь к стенам города кораблям армады Каштара. Безумие поразит каждого, кто осмелится с оружием в руках встать на пути пиратов, и тогда Патанга падет, даже не дав достойного отпора... Но, если мы сумеем уничтожить эту проклятую богами лампу, несущую безумие, то у Патанги появится шанс расправиться с волками Каштара. Да я просто уверен в победе города Огня при таком положении дел!

Ангар Зенд немного подумал и сказал:

— Отличная мысль, капитан. Но разрази меня гром, если я понимаю, как вы собираетесь воплотить ее в жизнь. Как мы можем добраться до проклятой лампы, стоящей на мостике флагмана, если плетемся в последнем ряду строя?

Рыжебородый подмигнул помощнику и многозначительно покачал у него перед носом пальцем.

— Конечно, здравый вопрос, старина Зенд. Но учти, что флот будет держать строй день и, быть может, часть ночи. Как ты знаешь, в это время года над заливом стоят густые ночные туманы. Я уверен, что флагман, а вслед за ним и весь флот немного снизят скорость в темноте и тумане. И вот тут-то мы и должны будем незаметно отстать, благо идем мы в последнем ряду, и, обогнув строй, вынырнуть из темноты и завесы тумана прямо у борта «Красного Волка». А уж тогда...

— Что? Что тогда? — спросил Ангар Зенд.

Глаза Барима полыхнули огнем; в голосе грубого пирата послышались благородные, полные достоинства интонации.

— И тогда, друзья мои, мы возьмем флагман на абордаж, а если надо — протараним его. Затем всей командой бросимся на его палубу, чтобы уничтожить лампу безумия... Мы должны попытаться сделать это, даже если это будет стоить жизни всем нам... А я думаю, что так оно и будет...

* * *

Неожиданно Барим, растолкав своих собеседников, побежал к борту и стал всматриваться в далекий берег. Бронзовое от загара лицо капитана вдруг побледнело. Рыжебородый, словно завороженный, разглядывал какую-то точку в зарослях джунглей Птарты, мимо которых проплывал пиратский флот.

— Можете скормить меня акулам,— прорычал Барим.— Всемогущий Горм! Нет, этого не может быть!

— Что случилось, капитан? — спросил Чарн Товис.

Молодой офицер точно так же всмотрелся в береговую линию, но не заметил ничего необычного.

— Для тебя — пока ничего. Ты ведь всего-навсего сухопутный солдат. А чтобы разобрать хоть что-нибудь на таком расстоянии, да еще против солнца, нужен глаз старого морского волка, такой, как у меня, старика Барима. Эй, Зенд, быстро сюда наблюдательное стекло! Живо! Или я с тебя шкуру спущу!

Сделав свирепое лицо, Барим резким движением вырвал из рук первого помощника висевшее у него на груди выпуклое стекло в медной оправе и приставил его к правому глазу.

— Вон та бухточка, с пещерой на берегу...— пробормотал он.— Боги Моря и Земли, неужели это не сон?

Капитан Рыжебородый еще некоторое время глядел сквозь стекло на какую-то точку. Затем, убрав стекло, он прошептал:

— Это правда, клянусь одиннадцатью Алыми Небесами! — Обернувшись, Барим привычным командирским голосом воскликнул: — Эй, сигнальщик! Поднять флаги, сообщить Каштару на «Красном Волке», что у «Ятагана»... у «Ятагана» течь ниже ватерлинии и что нам нужно заделать ее, вытащив корабль на берег. Передай этому псу, что мы догоним флот через час-полтора. И поживей, приятель! Поторапливайся!

— Капитан рехнулся,— пробормотал Ангар Зенд стоящему рядом с ним Чарну Товису.— Готов поклясться, что у нас нет никакой течи.

— Да ну? — усмехнулся Барим Рыжебородый.— Так-таки и нет? Говоришь, я сошел с ума? Это я-то? Да у меня ума на всех вас хватит. Ладно, держи стекло, протри глаза и посмотри вон на ту бухточку. А потом посмотрим, сошел я с ума или нахожусь в полном здравии!

Первый помощник долго прилаживал наблюдательное стекло, а затем всматривался в точку, указанную Баримом. Наконец его челюсть отвисла в изумлении.

— Боги... Клянусь... Нет, невозможно...— все, что мог выдавить из себя Ангар Зенд под ехидным взглядом Барима и заинтригованным — Чарна Товиса.

С трудом оторвавшись от наблюдательного стекла, первый помощник выслушал доклад сигнальщика. Разрешение на краткую высадку на берег для ремонта флагман дал. Обернувшись к великану Тангмару, стоявшему у штурвала, Ангар Зенд крикнул:

— Эй, дылда из Коданги! Сворачивай. Курс —вон на ту бухту, ясно? Живей, живей поворачивай, варвар!

«Ятаган», почти не сбавляя скорости, сделал широкий поворот, направляясь к указанной капитаном точке на берегу.

Молодой чантар Чарн Товис все еще не был посвящен в цель этих таинственных маневров. Но когда галера Барима приблизилась к берегу на меньшее расстояние, он наконец понял, в чем дело.

В сердце юного офицера разлилась неописуемая радость. Его глаза неожиданно наполнились слезами, а губы зашептали благодарственные молитвы Девятнадцати Богам, управляющим Миром...

Глава 3
КОГДА ВСТРЕЧАЮТСЯ ДРУЗЬЯ

Сквозь джунгли, где нет тропинок, сквозь дебри чужих лесов,
Сквозь заросли странных растений, грозящих сотней шипов,—
Долгий свой путь проделал Тонгор сквозь сотни преград,
Чтоб старых друзей увидеть, с которыми встретиться рад.

Сага о Тонгоре, XIX

Тонгор едва ступил на опушку темных зарослей, чтобы рассмотреть проступающие в первых лучах восходящего солнца башни Таракуса, как навстречу ему метнулся силуэт человека,

явно готового вступить в бой. Зоркие глаза варвара успели заметить мелькнувший в воздухе клинок узкого меча, нацеленный ему в сердце.

С быстротою жалящей кобры рука Тонгора метнулась к висящему на поясе мечу. Коротко просвистев в воздухе, клинок валькара в последний миг успел отбить смертоносный удар незнакомца.

Сталь с лязгом скрестилась со сталью — и клинок противника отлетел в заросли.

Незнакомец отскочил и выхватил кинжал. Но, сделав шаг назад, он вышел из тени и оказался освещен солнечными лучами. Тонгор вздрогнул, а затем, опустив меч, облегченно вздохнул и рассмеялся.

— Разрази меня гром! Карм Карвус, ты что, всерьез вознамерился перерезать глотку старому приятелю?

Король Тсаргола — а это был именно он, собственной персоной,— содрогнулся при мысли о том, что могло произойти. Он застыл, вытаращив глаза, все еще с недоверием разглядывая знакомую фигуру, словно по воле какого-то неведомого колдуна оказавшуюся на его пути.

— Тонгор! Это ты, дружище! Боги! — воскликнул наконец Карм Карвус.— Я не ожидал встретить тебя ближе, чем за сотню-другую лиг отсюда!

Двое мужчин подали друг другу руки и обнялись, радуясь столь неожиданной и невероятной встрече.

— А уж тебя, Карм, я и вовсе не рассчитывал найти живым и невредимым,— мрачно отшутился Тонгор.— Мало кому удавалось вырваться из лап кровавого пса Каштара. Но скажи мне, кто эта девушка, твоя спутница?

— Это Яна, принцесса Кадорны, дочь короля Касана и мой товарищ по заточению. Мы только что сбежали из пиратского города и собирались идти через джунгли, не рассчитывая встретить кого-либо из друзей еще очень и очень долго. Госпожа, позвольте представить вам Тонгора, правителя Патанги и повелителя Шести Городов.

Карм Карвус отошел, чтобы поднять с земли свой меч, а Тонгор склонился над машинально протянутой рукой девушки, смотревшей на него в немом изумлении. Сколько она слышала с детства о героических, невероятных подвигах могучего воина Запада и о величии его империи. Так неужели этот полуголый

дикарь с варварским тяжелым мечом на перевязи, весь покрытый свежими или давно зарубцевавшимися ранами и ссадинами,— неужели он и есть тот самый прославленный еще при жизни в песнях и сагах воин Запада, слава о котором докатилась и до ее далекого города?

— Я не собираюсь тратить время, расспрашивая, зачем и как ты забрался в эту глушь,— смеясь, сказал подошедший Карм Карвус,— так как время — это сейчас самая большая драгоценность для всех нас. Я полагаю, ты спрятал свою летающую лодку где-нибудь неподалеку, а сам отправился на разведку. Нужно срочно лететь обратно в Патангу, потому что сегодня на рассвете Каштар и весь его флот отправляются в поход против твоего города. Не одна сотня кораблей заняла место в строю его армады. А на флагмане, нацелившемся на город Огня,— та самая Серая Смерть — ужасное оружие, несущее безумие, с помощью которого и была захвачена моя трирема.

Выражение радости слетело с лица Тонгора. Его улыбка вмиг угасла.

— Действительно, неприятная весть, Карвус. Я один, пешком пробираюсь через джунгли. Никакого воллера у меня нет.

— Как нет? А как же ты сюда добрался?

— Сначала — на борту «Ятагана», пиратской галеры, чей капитан — Барим Рыжебородый — мой земляк и надежный друг. Увы, на второй день пути на галеру напал морской дракон. Завязался бой, и кончилось все тем, что я оказался за бортом, далеко от судна, и еле доплыл до берега Птарты. Оттуда я добрался сюда пешком и на плоту, двигаясь по течению Амадона, реки Джунглей. Где сейчас мои друзья-пираты и их судно — я не знаю. Ты говоришь, что пиратский флот поднимает паруса прямо сейчас?

— Да,— кивнул тсарголец.— Только чудо могло бы остановить Каштара.

— Тут до берега — рукой подать,— махнул рукой Тонгор.

И, не говоря больше ни слова, могучий варвар развернулся и нырнул в густую зелень зарослей. Карм Карвус и девушка последовали за ним.

Выбравшись на берег, они оказались в маленькой бухточке, чью почти неподвижную гладь отделяла от волн залива торчащая из воды скала.

Прикрывая глаза рукой от ослепительного солнца, Тонгор увидел все то, о чем говорил ему Карм Карвус. Сотни парусов,

сверкающих металлом острых таранов, тысячи весел огромного флота — все это неслось по водной глади на север, к тому месту, где Реки-Близнецы, Исаар и Саан, впадают в залив, и на узкой полосе земли между их руслами поднялся город Огня.

Карвус и Яна стояли рядом с Тонгором, боясь обратиться к застывшему, сжавшему кулаки и прищурившему глаза повелителю Патанги, смотревшему, как к его городу несется по волнам пиратская армада и Серая Смерть.

— Видит Горм, лучше было бы отправляться в путь на летающей лодке,— пробормотал Тонгор.— А я побоялся, что ее могут заметить пираты Таракуса. Вот почему я предпочел отплыть втайне, на борту галеры Барима, рассчитывая, что без проблем окажусь в самом Таракусе, не вызвав подозрений.

— Что же делать? — безо всякой надежды в голосе спросил король Тсаргола.

Тонгор пожал плечами.

— Посмотрим. В конце концов, мы еще живы, а значит, не должны отчаиваться. Как ни крути, я не вижу способа добраться до Патанги быстрее, чем это сделают корабли Каштара. А значит — нет смысла оплакивать неудачу. Посмотрим. Твой город, Тсаргол, лежит, по крайней мере, в двух днях пути отсюда — это нам не подходит. Пелорм ближе, и там, в городе, входящем в империю, мы найдем друзей, часть объединенного флота и даже отряд воллеров.

— От Пелорма нас отделяет полоса диких джунглей,— заметил Карм Карвус.

— Я только что добрался сюда через джунгли. А значит — они проходимы. А теперь нас трое. У меня — мой верный меч. Ты, как я вижу, вооружен клинком, похожим на тсаргольскую шпагу, а принцесса пусть возьмет твой кинжал. Я думаю, что втроем мы можем двигаться не медленнее, чем я один. А три клинка — более надежное оружие против опасных обитателей джунглей, чем один Саркозан. Я не говорю уже про три пары зорких глаз и чутких ушей... Впрочем, хватит болтать, мы отправляемся немедленно.

В этот миг Яна, смотревшая на море, удивленно вскрикнула и схватила Тонгора за руку.

— Что такое? — спросил он.

— Корабль! Смотри, Тонгор, одна из пиратских галер отделилась от строя и направляется, похоже, прямо сюда, в эту бухту!

Присмотревшись, Тонгор увидел, что девушка права. Одна из галер, с драконьей головой на носу, на всех парусах неслась к ним.

Удивление на лице Тонгора сменилось холодной решимостью. Неужели пираты заметили их фигуры на берегу? Зная, какое острое у моряков зрение, и учитывая помощь наблюдательных стекол, можно было предположить и такой поворот событий.

— Не лучше ли нам будет скрыться в джунглях? — предложил Карм Карвус.— Прежде чем они высадятся, мы сумеем уйти довольно далеко от берега. Я не думаю, что сейчас они станут тратить время на долгую погоню по джунглям неизвестно за кем.

— Ты прав,— согласился Тонгор,— но все же...

— Что? Что — все же? — спросил тсарголец.

— Что-то в этом корабле кажется мне знакомым,— неуверенно произнес король-варвар.

Его глаза вновь и вновь обегали силуэт приближающегося судна. Нет, несомненно, где-то он уже видел эту драконью голову, черные борта и багровые паруса. Неужели?.. Нет, это невозможно!..

Тряхнув черной гривой волос, Тонгор неожиданно для своих спутников рассмеялся. Карм Карвус уставился на валькара, прикидывая, не сошел ли повелитель Патанги с ума. Яна спряталась за королем Тсаргола, словно ища у него защиты.

Тонгор повернулся и, улыбаясь, сказал:

— Не волнуйтесь, друзья. Я в своем уме. Но, похоже, боги выбрали этот день для встреч многих и многих старых друзей. Ибо эта черная галера, несущаяся к нам на всех парусах,— тот самый «Ятаган», и я клянусь, что уже различаю на палубе рыжую бороду капитана Барима, а рядом — фигуру моего офицера Чарна Товиса.

* * *

Не прошло и часа, как «Ятаган» вновь занял свое место в строю пиратской армады, известив сигнальными флагами, что течь устранена. Весь день галера Барима спокойно плыла в последнем ряду строя флота Каштара, двигаясь вместе с остальными кораблями в сторону Патанги.

На борту «Ятагана» началось веселье, когда Минга и Тангмар доставили на его палубу в шлюпке Тонгора, Карма Карвуса и принцессу Яну. Не успел Тонгор перебраться через борт и поднять руку в приветствии, как радостный рев луженых глоток всего экипажа огласил воздух.

Первым лично поприветствовал почетного гостя Барим, от души огрев валькара по плечу могучей рукой. Ведь капитан уже не чаял встретить старого друга по эту сторону Скорбных Врат, отделяющих страну живых от мрачного Королевства Теней. В душе он все еще продолжал винить себя в безвременной гибели Тонгора. Но случилось невероятное: каким-то чудом, живой и невредимый, повелитель Патанги снова стоял на палубе «Ятагана».

— Черный Ястреб, собственной персоной, клянусь Одиннадцатью Небесами и бородой Шастадиона! — прорычал Барим. От дружеского удара, нанесенного Рыжебородым, человек послабее Тонгора просто рухнул бы как подкошенный.— Горм и все Боги! Нет, я всегда говорил, что убить северянина — слишком тяжелое дело, даже для морского дракона!

Тонгор радостно приветствовал капитана и всех своих друзей из экипажа галеры. Он также крепко обнял Чарна Товиса, чьи глаза наполнились слезами радости, а губы беззвучно шевелились, шепча положенные церемониальные приветствия повелителю.

Тонгор быстро представил Карма Карвуса и Яну капитану и экипажу. Затем, повернувшись к Рыжебородому, он сказал:

— Чуть позже мы подробно расскажем друг другу обо всем, что произошло с нами с того времени, как мы, не попрощавшись, так неожиданно расстались. А теперь я очень надеюсь, что твоя галера готова отправиться в поход. А то, путешествуя по джунглям, я изрядно проголодался и рассчитываю, что на этом корабле найдется хороший бифштекс и бутылка-другая вина!

Карм Карвус рассмеялся:

— Я еще не помню случая, чтобы ты не позаботился о том, как вкуснее и обильнее набить желудок!

Тонгор улыбнулся и почесал в затылке.

— А что? Если сам о себе не подумаешь, то кто тогда позаботится о тебе? А, кроме того, приключения всегда нагоняют зверский аппетит.

* * *

Хорошо поев и передохнув, переодевшись в чистую одежду, Тонгор, Карм Карвус и Яна собрались в каюте Барима, чтобы обсудить план дальнейших действий.

Сначала каждый рассказал о том, что с ним случилось и что ему известно. Тонгор с внешне невозмутимым видом выслушал описание машины Серой Смерти и рассказ Карвуса о планах Каштара.

— Похоже, мы не знаем всего, что затеял Красный Волк,— заметил варвар.— Не думаю, чтобы он, даже имея лампу безумия, решил просто так, строем вести флот на Патангу...

— Повелитель,— вставил Чарн Товис,— а может быть, Каштар собирается войти в бухту под покровом темноты? Ведь, сделай он это днем, воздушная стража Тома Первиса издалека заметит корабли и успеет передать сигнал тревоги нашим воинам.

— Да уж, этот пес Каштар точно что-то задумал,— процедил сквозь зубы Барим.— Что касается меня, Черный Ястреб, то я не придумал никакого плана лучше, чем тот, о котором я тебе уже рассказал... Подобраться вкруговую и взять флагманский корабль на абордаж, чтобы уничтожить это колдовское отродье — Белшатла и его дьявольскую лампу... Я все понимаю: затея не просто рискованная, а почти безумная; вполне может статься, что старина «Ятаган» пойдет ко дну в этом бою, но разрази меня гром, если я вижу другой выход!

Тонгор нахмурился и мрачно сказал:

— Я согласен с тобой, Рыжебородый. У Патанги появятся очень неплохие шансы на победу, если мы уничтожим Серую Смерть. А я тоже не вижу другого способа сделать это. Только тот, что ты предложил. Подготовимся к бою и нападем после полуночи, когда вахтенные уже не так внимательны.

Импровизированный военный совет согласился с этим решением. Прежде чем отправиться в кубрик и лечь поспать, чтобы отдохнуть и набраться сил перед боем, Чарн Товис и Карм Карвус вышли на палубу.

— Король, скажи, ты думаешь, это сработает? Ну, я имею в виду план Барима,— спросил офицер.

— Не знаю, Товис,— ответил правитель Тсаргола.— По мне — это отчаянная затея, почти безумие. Но, сам знаешь, порой

отчаявшийся человек способен на такое, что не смог бы совершить в другой ситуации. Мне, например, очень не хотелось бы подвергать опасности жизнь принцессы Яны. К тому же я не думаю, что мы сможем незаметно подобраться к флагману. И уж совсем не верю, что нам удастся уничтожить проклятую лампу и Серого колдуна, не ввязавшись в бой с экипажем «Красного Волка». Остается надеяться на милость Горма. Но и другого выхода я предложить не могу. А ты?

Чарн Товис покачал головой. Затем, глядя в безоблачное голубое небо, он сказал:

— Молюсь Девятнадцати Богам, чтобы они послали нам безлунную пасмурную ночь.

— Я присоединяюсь к твоим молитвам. А теперь пошли в кубрик. Нужно поспать. Ночь будет ох какая бурная...

Молодой офицер и король, почти его ровесник, спустились в один из матросских кубриков. «Ятаган» все так же скользил по волнам в строю пиратского флота. Скоро должна была наступить ночь, и никто на борту галеры не решился бы предсказать, чем она закончится и останется ли хоть кто-нибудь из них в живых.

Глава 4
КОЛДОВСКОЙ ТУМАН

Порою нужна война,
Чтоб цели достигнуть правой...
Только на ком вина
За этот закон лукавый?

Алая Эдда

Весь день армада Таракуса неслась на всех парусах, вспарывая и вспенивая воды залива. Каштар приказал держаться на равном расстоянии от обоих берегов, чтобы избежать даже малейшего шанса быть замеченными зоркими стражами на маяках и башнях портовых городов.

Единственный риск быть обнаруженными заключался в возможной случайной встрече с каким-нибудь торговым судном. Если бы такое произошло, за несчастным кораблем были бы посланы самые быстроходные суда Каштара, чтобы безжалост-

но пустить на дно со всем экипажем. Но за весь день никто не попался на пути пиратского флота. В это время года в заливе часто бушевали штормы, случались ледяные дожди, дули северные ветры, вились над водной гладью черные смерчи. Мало кто из купцов отваживался рисковать кораблем и грузом. Они предпочитали переждать опасное время в порту.

Час шел за часом. Эдир, Бог Солнца, медленно, но верно спускался по западной половине неба. Там небосвод превратился в огненную стену багровых и золотых оттенков.

К удивлению Тонгора, пиратский флот мчался намного быстрее, чем «Ятаган» несколько дней назад. Могучий воин Запада лишь покрепче сжал кулаки. Когда в войну вступают колдуны, привычные законы пространства и времени порой отступают. Несомненно, набрать кораблям такую скорость помогло черное искусство Белшатла! Последний колдун древней Нианги наверняка немало потрудился, чтобы сократить расстояние или, наоборот, растянуть время пути.

Как только ночь распростерла над миром свои темно-фиолетовые крылья, экипаж «Ятагана» стал готовиться к сражению. На палубе толпились мрачные, решительные матросы. У каждого в руке был стальной клинок. Некоторые моряки были вооружены тсаргольскими шпагами или таракусскими мечами, другие — кривыми саблями из Кадорны или прямыми, длинными мечами из Патанги. За пояса были заткнуты ножи, кинжалы, стилеты. Стрелки достали луки и приготовились занять свои места на мачтах, чтобы по приказу капитана обрушить смертоносный дождь на палубу «Красного Волка».

Барим Рыжебородый облачился в начищенные до зеркального блеска доспехи и тяжелый, украшенный стальными рогами шлем. Чтобы блеск стали не привлек раньше времени внимания вахтенных с других кораблей, Барим набросил поверх доспехов грубую шерстяную накидку, а шлем обмотал какой-то шелковой тряпкой наподобие тюрбана. Огромный боевой топор свисал с перевязи, накинутой поверх всех этих одеяний так, чтобы оружие было под рукой в любой момент.

На Тонгоре были лишь обычные кожаные доспехи простого воина. Ни медальон, ни драгоценная брошь не выдавали его титула; ни единый драгоценный камень не украшал рукояти меча или ножен. Великий повелитель империи шел в бой как рядовой воин из дикой северной страны.

Чарн Товис тоже оделся как простой солдат. Ни один из положенных ему по званию знаков отличия не украшал его костюм. Сильная, обычно эффектная фигура молодого офицера явно терялась рядом с могучим Тонгором, который, словно башня над стенами, возвышался над ним и всеми стоявшими рядом моряками. Тонгор, широкоплечий, высокий, мощный, напоминал сына бога войны, могучего гладиатора-победителя. Простой кожаный ремешок, а не корона, поддерживал развевавшиеся по ветру черные, как крыло ворона, волосы. Его рука покоилась на массивной рукояти Саркозана. Широкая грудь повелителя Патанги медленно поднималась и опускалась. Его спокойное лицо напоминало бронзовую маску, и лишь золотые глаза сверкали огнем, словно у вышедшего на охоту льва.

Тонгор приготовился к бою за спасение своего города.

Экипаж «Ятагана» расположился на палубе в ожидании темноты. Пираты расселись у мачт, легли вдоль бортов, чтобы большое количество вооруженных людей на палубе не привлекло ненужного внимания. Люки в бортах на уровне гребной палубы прикрыли, оставив лишь узкие щели для весел, чтобы защитить гребцов от стрел во время штурма. Впрочем, все эти предосторожности пока были почти излишни: мало кто стал бы беспокоиться по поводу того, что происходит в вечерних сумерках на борту идущей в последнем ряду галеры.

В тишине внешне спокойно команда «Ятагана» дожидалась наступления темноты и готовилась к отчаянной схватке.

* * *

Барим Рыжебородый в очередной раз взглянул на небо и выругался. Видимо, в эту ночь везение было не на его стороне, а боги оказались глухи к мольбам Чарна Товиса и Карма Карвуса.

Полная, ясная луна вставала над Лемурией во всей своей красе, освещая бледным светом водные просторы залива и его побережья.

Барим понимал, что при ясной луне их шансы незаметно отстать и обогнуть пиратскую армаду значительно уменьшаются. В эту ночь госпожа Иллана особенно постаралась — корабли плыли словно по зеркалу, горевшему серебряным холодным пламенем. При таком освещении все перемещения «Ятагана» будут видны как на ладони.

Бурча полузабытые проклятия на языке своей родины, Барим ходил взад-вперед по мостику. Он надеялся, что через час-другой погода изменится. Это было не столь уж невероятно: в месяц зорак невидимые крылья западных холодных ветров могли в считанные минуты затянуть небо темной пеленой туч.

Но долго ждать капитан не мог. Хочешь — не хочешь, а через несколько часов «Ятагану» придется выйти из стройного ряда других галер и, обойдя весь флот, подкрасться к флагману. Удастся ли сделать это незаметно? Не заподозрит ли неладное какой-нибудь вахтенный или впередсмотрящий с одного из плывущих рядом судов, заметив странные маневры «Ятагана»? Увы, это было более чем вероятно. Но приходилось идти на риск. Другого выбора у капитана Барима не было: еще до рассвета флот пиратов должен был войти в бухту Патанги и напасть на город.

Вознося молитвы богам и тут же изрыгая проклятия, Барим мерил шагами капитанский мостик, всей душой, как никогда в жизни, желая, чтобы погода испортилась и плотные тучи скрыли серебряный фонарь луны.

* * *

В то же время на палубе другого корабля, флагмана пиратской армады, сам Каштар тоже сыпал проклятиями по поводу ярко сияющей луны. Слишком хорошо знал Красный Волк, что Воздушная гвардия Патанги неустанно охраняет город Огня и что с высоты пилоты видят гладь залива на очень большое расстояние. Поэтому Каштару тоже было нужно, чтобы луна скрылась за тучами, дав возможность его флоту подойти поближе к стенам Патанги, прежде чем стражники поднимут тревогу. Но, в отличие от Барима, у Каштара на борту его корабля был колдун; причем не какой-нибудь завалящийся шаман, годящийся только на то, чтобы навести порчу или сглазить противника, а один из могущественнейших мастеров Серой магии, наследник проклятых богами и благословленных демонами колдунов древней Нианги, великий Белшатл, вооруженный дьявольскими знаниями и инструментами древней науки.

Белшатл тоже отлично понимал, как важно скрытно подойти к бухте города Огня. Много дней он листал пожелтевшие от времени, испещренные иероглифами страницы древних манускриптов, раскопанных им в песках серых пустынь.

Он нашел одно сильнейшее заклинание, используя которое вместе с некоторыми приспособлениями, можно было сделать корабли невидимыми для человеческого взгляда. Но этот способ требовал сильных магических полей, искривляющих лучи света, и им нельзя было воспользоваться в открытом море.

Древние страницы предлагали способ сделать так, чтобы наблюдатели не обратили внимания, словно не заметили приближения множества судов. Но это могущественное заклинание не подчинялось одному-единственному колдуну. Чтобы поглотить внимание всех стражников, которые будут наблюдать за приближением флота со стен и башен, и всех пилотов сторожевых воллеров, потребовались бы объединенные усилия как минимум девяти посвященных, знатоков искусства Серой магии. Но Белшатл был один, по крайней мере, в обозримой части обитаемого мира. А значит — и этот способ не подходил.

Оставался третий вариант — только его можно было воплотить в жизнь при сложившихся обстоятельствах.

Для этого нужно было воспользоваться силами Ятлабназура, Демона Мглы, которого можно было заставить работать на себя при помощи мощных талисманов. Демон Мглы мог укутать весь наступающий флот плотной завесой густого тумана, скрыв его от посторонних глаз, ибо простой смертный не может проникнуть взглядом сквозь завесу Ятлабназура. Конечно, Белшатл не знал, что на самом деле он проводит простой физический опыт, основанный не на сверхъестественных чудесах, а на законах природы, и темные силы Хаоса здесь ни при чем. Но если нужный результат будет получен, то Белшатлу будет все равно, работал ли он с потусторонними силами или использовал еще не открытые человечеством законы природы.

На носу пиратского флагмана Серый колдун водрузил небольшое сооружение. Словно дополнительная мачта, в небо вонзился высокий тонкий штырь из чистой меди, у основания которого жужжал и потрескивал таинственный механизм, который сегодня мы назвали бы подобием трансформатора. Наклонившись над аппаратом и шепча заклинания, привораживающие Демона Мглы, Белшатл включил механизм. Несмотря на все познания Серого колдуна, для него, человека древней эпохи, напряжение между положительным и отрицательным электродами было Духом Силы, запертым в клетке тяжелого трансформатора. А синие искры, слетавшие с острия медной мачты,— не

разрядами накопившегося электрического потенциала, а низшими духами Стихии — мира огненных демонов.

Мало-помалу вокруг сыплющего искрами конца медного штыря стало формироваться облако из мельчайших капелек сконденсировавшегося пара. Прибор не прекращал работать, и в разные стороны от штыря потянулись клубы тумана, обволакивая палубу и мачты «Красного волка». С волшебной скоростью пелена поглотила, ряд за рядом, весь строй огромного пиратского флота. Если внутри строя моряки еще могли разглядеть темные силуэты-призраки соседних кораблей, то наблюдатель извне даже с небольшого расстояния не смог бы ничего разобрать в плотном туманном облаке.

Увидев это, Барим помянул многих богов. Правда, его чуть успокоило переданное при помощи сигнальных огней объяснение неожиданного явления природы. Каштар приказал оповестить всех капитанов, чтобы те не паниковали попусту.

Разобравшись с сигнальной азбукой, Барим зловеще ухмыльнулся. Какая ирония судьбы: колдовство Белшатла должно было помочь «Ятагану» незаметно подойти к флагману, неся смерть и самому Серому колдуну.

Глава 5
ОБНАЖЕННЫЙ КЛИНОК

Беззвучная, словно призрак, невидима, как туман,
Скользнула в волнах галера и оказалась там,
Куда Красный Волк направил лихую свою орду
На город Огня походом, суля горожанам беду.

Сага о Тонгоре, XIX

Теперь, когда огромная армада флота пиратов скрылась за густым колдовским туманом, Барим Рыжебородый мог действовать как задумал.

Первоначально он хотел дождаться полуночи, когда большая часть пиратов уснет и притупится внимание вахтенных, но теперь в этом не было необходимости. Они ударят сейчас же, немедленно!

Словно приведение, галера Барима беззвучно покинула свое место в строю и направилась в обход флота. Никто из соседей не заметил этого маневра. Те матросы, которые еще не спали, были

поглощены картинами, создаваемыми волшебной дымкой. Вокруг кораблей то возносились бесплотные замки, то появлялись огромные бледные лица великанов с пустыми глазницами; видения уносило ветром, но они появлялись вновь и вновь.

Длинные, извивающиеся плети тумана переплетались между мачтами и тянулись к матросам, словно желая удержать корабли, схватить людей и сбросить их в море. И хотя капитаны объяснили экипажам, что это жутковатое марево — дело рук их союзника, Белшатла, мало у кого из моряков не забилось учащенно сердце, замирая время от времени от страха. Такие же чувства испытывала и команда «Ятагана». Сжав оружие и готовясь бесстрашно вступить в бой с численно превосходящим противником, отважные пираты с трудом отгоняли страх, глядя на кошмарные картины, нарисованные туманом.

Старина Блей едва удержался, чтобы не выхватить из ножен меч и не полоснуть им пару раз по блуждающим по палубе теням, дабы убедиться, что это и вправду всего лишь миражи. Рядом с ним стоял бледный как полотно одноглазый Дурган, переставший улыбаться и сжимающий в кулаке зеленого идола. Даже великан Рогир, синекожий кочевник, и тот бормотал заклятия, надеясь защитить себя от Демона Мглы.

Неожиданно галера вышла из туманного облака. Оказалось, что в мире все по-прежнему: так же светит луна, мерцают звезды, плещутся волны. Значит, рукотворная дымка не поглотила весь мир безвозвратно. Многие моряки вздохнули с облегчением.

Барим приказал поднять на мачты все паруса, вплоть до последнего куска багрового холста. Ведь «Ятагану» предстояло обогнуть весь пиратский флот, прежде чем подойти к флагману. Ветер наполнил подставленные паруса, и золоченая драконья голова понеслась по серебряным волнам. Ряд за рядом, судна армады оставались за кормой галеры.

Башни и маяки Патанги еще не встали над горизонтом, но было ясно, что еще немного — и они поднимутся перед моряками, словно вынырнув из морских глубин.

* * *

Барим еще раз продемонстрировал свое искусство морехода: вскоре «Ятаган» плыл уже параллельно первой шеренге скрытой туманом армады.

Удвоив внимание и осторожность, капитан снова повел корабль внутрь волшебного облака.

Словно призраки во мгле, двигались пиратские корабли. Лишь красные и зеленые огни на мачтах и корме каждого судна давали представление о его местонахождении и курсе. Не зажигая огней, почти невидимый «Ятаган», словно морская змея, пробирался, лавируя между тенями, к хорошо различимому даже во мгле огромному силуэту «Красного Волка».

Действуя предельно осторожно, умело орудуя рулем, парусами и веслами, экипаж черной галеры под руководством капитана Барима добился намеченного: «Ятаган» поплыл бок о бок с флагманом.

Дальше командовать должен был Тонгор.

Могучий воин Патанги предложил скорректировать начальный план и не рисковать сразу всем кораблем. Не удайся им первая атака — второго шанса у них не будет. Поэтому Тонгор приказал Бариму держаться поблизости от «Красного Волка». Он же решил рискнуть и малыми силами выполнить задуманное. Вдвоем с Чарном Товисом они проплывут разделяющую два корабля сотню ярдов воды и, забравшись на борт флагмана, попытаются незаметно сбросить в воду или разбить лампу безумия и, если повезет, дьявольский аппарат, от которого расходились клубы тумана. Если же за оговоренное время им этого сделать не удастся, то тогда Барим должен будет подойти к «Красному Волку», взять его на абордаж и закончить начатое.

Капитан, поворчав, неохотно согласился. По его разумению, нет ничего лучше прямой атаки, а все эти осторожные вылазки — только трата времени. Но повелитель Запада был и его повелителем, и Рыжебородому ничего не оставалось, как подчиниться, хотя в глубине души он по-прежнему представлял себе лучшим вариантом протаранить борт флагмана золоченым носом галеры, броситься на палубу вражеского корабля и в бою покончить с Белшатлом, заодно уничтожив его чудовищные машины. Но ничего не попишешь: приказ есть приказ.

Все было готово. Барим подвел «Ятаган» на нужное расстояние к «Красному Волку». Тонгор скинул плащ и тяжелые сапоги, которые сильно стеснили бы его движения в воде, потянув своим весом ко дну. Затем, взяв у капитана запасную кожаную перевязь, Тонгор приладил ножны Саркозана так, чтобы руко-

ять меча торчала у него из-за плеча, а сам меч висел вдоль спины, не мешая движению рук и ног.

Чарн Товис последовал примеру своего командира. Не тратя времени на долгие прощания, оба воина спустились на нижнюю гребную палубу и через люки слезли по веслам в воду, чтобы не нырять с борта корабля. Сильный всплеск мог бы привлечь внимание вахтенных с флагмана.

Ощутив обжигающие объятия ледяной воды, Тонгор посильнее оттолкнулся от борта галеры и сильными гребками направился к чуть видному вдалеке силуэту «Красного Волка».

Оказалось, что туман не доходит до поверхности воды на фут-другой, поэтому пловцам можно было не опасаться промахнуться и проплыть мимо цели: снизу они отлично видели торчащий из воды борт большого корабля.

Не останавливаясь, валькар обернулся. Чарн Товис следовал за ним по пятам, плывя чуть позади и левее своего повелителя. Улыбнувшись товарищу, подбадривая его, Тонгор продолжал плыть к цели.

Волны плескались о борта плывущих кораблей, поскрипывали мачты, хлопали паруса, посвистывал ветер в снастях, раздавались чьи-то приглушенные туманом голоса... Короля-варвара это успокаивало: скорее всего, он и его спутник не производят слишком много шума, чтобы привлечь ненужное внимание.

Вскоре над пловцами навис борт пиратского флагмана. Зная по рассказам Карма Карвуса, что лампа безумия установлена на носу, Тонгор, загребая изо всех сил, сумел подплыть к кораблю в нужном месте.

Нос флагманского судна был украшен резной деревянной фигурой какого-то морского чудовища. Скульптура послужила хорошей лестницей для валькара и следовавшего за ним по пятам молодого офицера.

Приподняв голову над краем борта, Тонгор осмотрел палубу.

Странный механизм из стеклянных шаров и латунной проволоки наверняка и был чудовищной лампой безумия, описанной Карвусом. А в глубине палубы, ближе к надстройке, рассыпала голубые искры другая машина, очевидно, это она создавала густой, непроницаемый туман, прячущий пиратский флот от посторонних взглядов.

Двое часовых стояли по обе стороны лампы, разрушающей разум. Зато около генератора тумана охраны не было.

Спустившись пониже, валькар шепотом описал обстановку Чарну Товису, и, договорившись о плане действий, они решили перелезть по деревянной скульптуре на другой борт, так, чтобы оказаться за спиной часовых.

Затем неслышно, словно привидение, могучее тело варвара взлетело над бортом и бесшумно приземлилось босыми ногами на даже не скрипнувшие доски палубы. Сжав рукоять Саркозана, Тонгор стал подкрадываться к ничего не подозревающим стражникам.

Лишь легкое прикосновение металла к коже подтвердило, что меч вынут из ножен. Словно охотящийся вандар, подкрадывающийся к жертве, приблизился Тонгор к часовым, охраняющим лампу безумия.

* * *

Выходя фасадом на главную площадь, над Патангой возвышалось огромное здание Воздушной Крепости. Ее верхние этажи-ангары напоминали пчелиные соты, одни — закрытые и запечатанные, другие — открытые; воллеры находились внутри или кружились рядом.

В эту холодную ветреную ночь командовать воздушным патрулем выпало Чангану Джалу, одному из старших офицеров Воздушной гвардии. Сидя на наблюдательном пункте на вершине башни Воздушной Крепости, он внимательно принимал сообщения, поступавшие поочередно со всех воллеров, постоянно дежуривших над городом Огня. Все сообщения были одинаковы: никакой активности, никакого движения, никаких признаков опасности...

Один раз за ночь командиру дежурного патруля полагалось облететь город самому. Чтобы развеять однообразие дежурства, Чанган Джал уже второй раз за смену, оставив на наблюдательном пункте заместителя, вышел на «причал», чтобы сесть в лодку и совершить вылет.

Аназан Варл, молодой отар, подчиненный начальника патруля, в эту ночь исполнял обязанности его пилота. Легкое воздушное судно было готово к вылету. Холодный взгляд опытного офицера смягчился, пробежав по изящным линиям воллера, и внимательно остановился на торчащем на носу мощном колдовском камне грома.

«Кто... какой безумный враг осмелится угрожать Патанге,— подумал офицер,— городу, небо над которым защищает целый воздушный флот?»

Поправив крылатый серебристый шлем на голове и поплотнее запахнув плащ (высоко над городом было довольно холодно), Чанган Джал ответил на приветствие молодого отара и сел в воллер. Руки Аназана Варла привычно взялись за рычаги управления, и вскоре командир патруля увидел, как поплыла вниз посадочная площадка Воздушной Крепости. Одновременно он почувствовал непередаваемое ощущение полета. Поднявшись на положенную высоту в двадцать тысяч локтей, отар сделал вираж и начал облет города.

Ночь выдалась холодной и ясной. Улицы города были пусты, лишь тут и там вышагивали патрули ночной стражи.

Но когда воллер, сделав разворот, оказался над гаванью, что-то заставило Чангана Джала насторожиться.

— Отар! Спуститься до пяти тысяч локтей! — приказал он, и воллер, послушный умелым рукам пилота, тотчас же выполнил маневр. Сам командир, не отрываясь, следил за чем-то внизу, у самой поверхности воды.

— Что случилось? — поинтересовался пилот.

Чанган Джал неуверенно пожал плечами:

— Может быть, и ничего, но... но странно это! Вон та полоса тумана, надвигающаяся со стороны залива... Видишь? Она почти перекрывает залив от берега до берега. Странно. Такое плотное и в то же время четко очерченное облако... В такую холодную ночь... Да, кстати и ветер южный... Сдается мне, он должен был бы разметать эту завесу уже давным-давно...

Еще долго кружил воллер над заливом, пока его пилоты разглядывали приближающееся к городу туманное одеяло. Нечто странное и угрожающее было в этой серой пелене, оно вызывало в душе офицера подозрение. Какая-то неуверенность закралась в душу Чангана Джала, ощущение угрозы на уровне интуиции. Нет, что-то здесь не то... Уже сорок лет Джал жил в великом городе, стоящем на берегу залива в устье Рек-Близнецов. И никогда он не видел ничего, подобного этому туманному валу...

— Дать сигнал остальным патрульным воллерам? — спросил Аназан Варл.

Его командир в задумчивости погладил бороду и, помедлив, ответил:

— Нет. Туман есть туман, и ничего опасного в этом нет. А то, что он странно плотный и четко очерченный, еще ни о чем не говорит. С первыми лучами солнца это облако растает, не оставив следов, я уверен... Нет, отар, продолжаем патрулирование.

Воллер быстро поднялся на положенную высоту и направился в облет по внешнему периметру городских стен. Начальник патруля пожал плечами и постарался выбросить из головы странный туман.

И все же что-то не давало ему покоя... что-то здесь было не так...

Часть 4
ШТОРМ СТИХАЕТ

Земле всегда угрожают силы Тьмы. Легионы слуг Хаоса и Вечной Ночи осаждают ворота Вселенной, чтобы разрушить Мироздание... Много причин есть тому, что Темные Силы стремятся уничтожить человечество, обратив себе на службу созданные им науку, колдовство и оружие... И простым смертным приходится сражаться против этого оружия, а значит, и против Темных Сил... И нужны им храбрость, сила и вера — и этих трех добродетелей будет достаточно, чтобы победить.

Великая Книга Колдуна Шарата

Глава 1
ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ДРАКОН

Призрак чудовища тает, поднявшись из темной воды.
Бойтесь, бесстрашные воины, ужаса лампы судьбы!
И в каждой руке — обнаженный сияет клинок стальной,
И в каждой душе — лишь безумье, и каждый тебе — чужой!

Сага о Тонгоре, XIX

Через мгновение Тонгор налетел на первого стражника и, словно лев, подмял его под себя. Часовой, не успев вскрикнуть, отправился в Страну Теней. В тот же миг Чарн Товис нанес смертельный удар мечом второму стражнику, без стона рухнувшему на палубу.

К несчастью, получив укол в сердце, стражник в последнем усилии поднял меч над головой... Разжавшись, мертвая рука выронила оружие, и, по злой воле судьбы, клинок упал не на доски палубы, а на металлическое основание лампы безумия. Звон стали о сталь пронесся по кораблю, словно сигнал тревоги.

Прежде чем Тонгор успел разогнуться, опустив на палубу свою жертву, из люка, ведущего в матросский кубрик, высуну-

лась встревоженная голова одного из пиратов, и раздался окрик:

— Эй, что у вас там за шум, ребята?

В миг сверкнувший Саркозан перерезал любопытному горло. Безжизненное тело покатилось по трапу вниз и оттуда донесся грохот и треск ломающихся перил. Раздался настоящий сигнал тревоги, и тотчас же до слуха Тонгора и Чарна Товиса донесся топот десятков пар ног.

— Я задержу их на выходе из трюма! — крикнул Тонгор.— А ты — быстро к лампе! Разбей ее, сломай, сделай что-нибудь! И живо, приятель!

Сжав меч обеими руками, валькар метнулся к открытому люку. Длинный клинок сверкнул, описав дугу, и первые пираты, даже не поняв, что происходит, поплатились жизнью за попытку высунуться из люка.

Взмах за взмахом... Один за другим падали под ударами короля Патанги сраженные противники. Меч рассекал плоть, с треском рубил кости... Очередной корсар появился в люке, подняв клинок, чтобы отбить удар. Саркозан, словно не заметив препятствия, выбил оружие из рук пирата и раскроил ему череп.

Мало что так любил могучий северянин, как хороший бой. А этот был одним из лучших в его жизни! Тонгор орудовал мечом, не ведая усталости. Перекрыв выход из трюма, он оказался выше своих противников и получил второе, не менее важное преимущество: в узком проходе пираты могли нападать на него по одному. Один мертвый пират падал на другого, и за все это время варвар получил лишь один порез острием меча на груди и пару царапин на предплечьях.

С носовой надстройки, куда он отправил Чарна Товиса, не доносилось ни звука. Это насторожило Тонгора, но он долго не мог выбрать время, чтобы рискнуть хоть на миг отвести взгляд от наседающих противников. Но вот, улучив момент, когда очередной убитый пират повалился вниз, сбивая с ног своих товарищей, валькар обернулся, и... кончик колдовского жезла Белшатла коснулся его плеча. Тонгора словно ударило молнией.

Электрический разряд прошел по руке и всему телу валькара. Бессильные пальцы разжались, и тяжелый меч с грохотом рухнул на доски палубы. Прежде чем, собрав всю свою волю, Тонгор сумел пошевелиться, на него со всех сторон налетели пираты, повиснув на руках и ногах могучего северянина. Бел-

шатл молча наблюдал за происходящим, холодно и беспощадно улыбаясь.

Сарк успел заметить безжизненно лежащее рядом с невредимой лампой безумия тело своего спутника. Затем, согнувшись под весом нападавших и градом их ударов, Тонгор чуть не упал на палубу.

Серый колдун выскочил из носовой надстройки как раз вовремя, чтобы ударить Чарна Товиса парализующим тело жезлом и не дать ему разрушить дьявольское орудие. Видимо, какое-то предчувствие заставило Белшатла ночевать в тесной рубке на носу, а не в отведенной ему каюте на корме. Разделавшись с непосредственно угрожавшим его лампе юношей, колдун подкрался к Тонгору сзади, намереваясь ткнуть его жезлом в затылок. Тогда повелитель Патанги надолго потерял бы сознание. Но в тот самый момент валькар обернулся, и удар пришелся ему в плечо, парализовав лишь часть тела, но не мозг.

Именно поэтому Тонгор не потерял сознания, а продолжал видеть, слышать и осознавать происходящее.

Даже безоружный, с парализованной рукой, варвар оказался серьезным противником. Прежде чем матросы смогли повалить его, нескольким из них пришлось испытать на себе дикую силу ударов здоровой руки и ног северянина, расплатившись за это сломанными ребрами, вывихнутыми челюстями, отбитыми внутренними органами и наиболее деликатными частями тела. Но все же численное превосходство было слишком велико, и через некоторое время Тонгор оказался лежащим на палубе без движения, а со всех сторон его облепили пираты.

— Колдун! Дай мне прикончить его! — прохрипел один из матросов, занося над грудью валькара остро отточенный стилет.

Резкий окрик с капитанского мостика заставил пирата отвести клинок в сторону.

Подойдя к поверженному Тонгору, Каштар улыбнулся ледяной, безжалостной улыбкой победителя.

— Ну и ну! Сам повелитель Патанги прибыл ко мне, чтобы пригласить почетных гостей в свой город,— нарочито приветливо произнес предводитель пиратов.

— Его нужно убить! Немедленно! — суетливо вступил в разговор Серый колдун.— Слишком опасно оставлять его в живых, даже пленного. Многим доводилось брать в плен этого варвара, но ни один из этих людей не дожил до сего дня. У Тонгора

какой-то талант сбегать из плена, расправляясь с теми, кто его захватил...

Каштар покачал головой.

— Может быть, ты и великий колдун, но ты еще и такой же великий дурак, серый пес. Ибо ты готов выбросить за борт подаренный нам богами ключ. Ключ, которым мы распахнем ворота Патанги. Ведь ни один из жителей города не устоит против наших требований, увидев нож, приставленный к груди своего повелителя.

Белшатл что-то хотел сказать, нерешительно подбирая нужные слова. Старый колдун чувствовал, что нужно убить отважного воина-северянина. Убить немедленно, пока он лежит неподвижный и беспомощный! Разве нужно бояться сопротивления крепости Патанги, раз у них есть лампа безумия? Но здесь командовал Каштар, а не Белшатл.

— Что будем с ним делать? — задал вопрос один из помощников Красного Волка.

— Привяжите этого пса к носу корабля, чтобы, когда мы войдем в бухту, все горожане увидели, что их могучий король — наш беспомощный раб.

На руки и ноги Тонгора надели кандалы и потащили его на нос судна и приковали там.

В этот миг над палубой прокатился крик, заставивший всех вздрогнуть и замереть, словно статуи.

— Отпустите повелителя Тонгора, или вам всем конец!

* * *

Каштар резко развернулся на месте.

У лампы безумия стоял Чарн Товис, очнувшийся и пришедший в себя, пока все занимались Тонгором. Обнаружив, что за ним никто не следит, молодой офицер встал рядом с лампой и, развернув ее, направил на палубу, включив и прогрев аппарат на минимальной мощности, точно так, как рассказал ему Карм Карвус.

Все пираты, включая самого Белшатла, побледнели, с ужасом глядя на смертоносную трубку, направленную на них. Никто, услышав Чарна Товиса, не усомнился в том, что он готов выполнить свою угрозу.

Руки, удерживающие Тонгора, разжались, и северянин встал, гремя кандалами.

— Отлично сработано, Товис! — крикнул он, вырывая из рук одного из своих мучителей связку ключей. Сбросив кандалы, валькар немедленно поднял свой меч, валявшийся на палубе в луже крови.

Никто не заметил ухмыляющегося первого помощника Каштара — Друганды Тала, пробиравшегося по внешней стороне борта, чтобы зайти к Товису со спины. Неожиданно перевалившись через борт и вскочив на носовую надстройку, пират схватил офицера за плечи и отшвырнул от смертоносного аппарата.

В тот же миг меч Тонгора оборвал жизнь ближайшего к нему матроса, стоявшего между валькаром и лампой безумия.

В следующий момент палуба «Красного Волка» превратилась в кровавый ад.

Белшатл хотел вновь ткнуть валькара своим жезлом, но тот увернулся, и парализующий удар пришелся в бок одному из пиратов.

Каштар успел прокричать экипажу приказ брать Тонгора живым и, обнажив свою тонкую шпагу, бросился ему наперерез.

Вокруг короля Патанги сверкало в воздухе множество клинков: сабли, кинжалы, мечи, ятаганы... Словно загнанный тигр, северянин сражался один против тьмы врагов.

А на носу Чарн Товис, вскочив на ноги, подхватил с палубы свою шпагу и вступил в бой с Другандой Талом.

Тонгор продолжал пробиваться к лампе сквозь частокол нацеленных на него клинков.

Тал, ухмыляясь, отбивал удары шпаги Товиса своим мечом. Пират был выше ростом, шире в плечах и мощнее, чем его противник. Опыт тоже был на его стороне. Шаг за шагом молодой офицер отступал к носу корабля, пока не уперся спиной в борт. Из последних сил, призвав на помощь все свое искусство фехтования, Чарн Товис отражал атаки первого помощника, не давая ему ударить себя в сердце или распороть горло.

По трапам, ведущим из трюмов, протопали десятки пар ног. Это все новые и новые пираты спешили на помощь своим товарищам, желая поучаствовать в неравной схватке.

Шесть трупов лежало вокруг Тонгора, но теперь противники окружили его таким плотным кольцом, что он тратил все силы лишь на то, чтобы отбить сыплющиеся на него со всех сторон удары. Долго так продолжаться не могло. Северянин понимал, что рано или поздно коварный удар в спину тяжело ранит его,

сделав беспомощным пленником. Но выхода не было, и могучий воин продолжал безнадежный бой.

Чтобы действительно не стать живым ключом от ворот своего города, Тонгор решил: как только он почувствует, что силы его на исходе, или получит серьезную рану, то сам нанесет последний, смертельный удар себе в сердце или в горло. А смерть в бою, с оружием в руках, обагренным кровью множества убитых противников,— этого король-варвар не боялся.

* * *

Прижатый спиной к борту, Чарн Товис из последних сил отбивал сыплющиеся на него удары меча Друганда Тала. В какой-то момент обрушившийся сверху тяжелый клинок пирата отбросил шпагу молодого воина вниз, к самой палубе, оставив его на мгновение беззащитным перед вооруженным противником.

Со сверхъестественной отчетливостью молодой офицер видел каждую морщину на лице своего врага, отводящего меч для последнего удара в сердце. Чарн Товис видел, как выражение ненависти сменяется на лице пирата выражением презрения и торжества победителя, видел, как вспыхнула радость в налитых кровью глазах...

Вдруг совершенно другие чувства отразились на лице первого помощника: изумление, сменяемое ужасом. Занесенный для удара клинок дрогнул и отклонился в сторону.

Чарн Товис не знал, что вызвало такое удивление у его противника, почти парализовав того. Не тратя времени на выяснение, офицер воспользовался кратким преимуществом и в следующий миг из последних сил вонзил шпагу в грудь Друганды Тала.

Кровь хлынула изо рта пирата, рухнувшего на палубу у ног Чарна Товиса.

А в следующий миг молодой чантар понял, что же так напугало его сильного и уверенного в себе противника.

Из густой пелены тумана медленно вынырнула и нависла над бортом пиратского корабля огромная блестящая голова дракона. Свет фонарей на палубе «Красного Волка» выхватил из темноты золоченую оскаленную пасть и прищуренный глаз.

В следующее мгновение палуба пиратского флагмана вздрогнула. Послышался треск ломаемых досок обшивки. Это отто-

ченный нос «Ятагана» пронзил борт «Красного Волка» ниже ватерлинии.

Ростра в виде дракона снесла фальшборт флагмана пиратов. Не ожидавшие удара моряки повалились на палубу, потеряв равновесие.

А уже в следующий миг два десятка воинов, издав боевые кличи, спрыгнули с носа вонзившегося в «Красного Волка» корабля, сжимая в руках обнаженные клинки. Впереди всех мчался, словно бык, великан в стальной кирасе и рогатом шлеме, размахивающий огромным топором. Рыжая борода этого великана была подобна боевому штандарту.

Барим Рыжебородый пришел на помощь друзьям и вступил в бой.

Глава 2
ЛУЧИ БЕЗУМИЯ

Вновь проложим мы дорогу
Сквозь ряды врагов вперед.
Битва нам — вино свободы!
Песню смерти сталь поет!
Боевая песня Черных драконов

Барим Рыжебородый ждал столько, сколько мог, прежде чем направить свою галеру в борт «Красного Волка». Время, оговоренное с Тонгором, прошло; капитан помедлил еще немного, но густой туман все так же продолжал волнами расходиться от флагмана, скрывая армаду от взглядов стражей Патанги. Затем до слуха Барима донеслись приглушенные туманом звуки боя, и могучий рыжебородый северянин понял, что его друзьям не удалось незамеченными выполнить задуманное.

Раздалась одна-единственная команда — и через несколько мгновений острый нос «Ятагана» вонзился в борт пиратского флагмана, заставив огромное судно вздрогнуть и нанеся ему огромную рану ниже ватерлинии...

Оставив вместо себя Ангара Зенда, Барим спустился с капитанского мостика на нос и первым ворвался на корабль противника. Его сапог ударил в лицо одному из людей Каштара, который так и не успел сообразить, что происходит. Из-под по-

дошв Барима брызнула кровь, но он, не задержавшись даже на миг, помчался дальше, издавая дикий, почти звериный боевой клич.

Любимым оружием Рыжебородого был большой боевой топор. Орудуя им, Барим прорубал себе дорогу к центру палубы. По правую руку от капитана двигался здоровяк Тангмар из Коданга, круша противников тяжелым ятаганом. Слева великан Рогир размахивал двуручным мечом. Эта троица сильнейших на «Ятагане» воинов словно тараном пробивала дорогу остальным. Команда «Красного Волка» была застигнута врасплох.

Стоя на носу корабля, Барим услышал донесшийся с середины палубы боевой клич племени Черных Ястребов. Он ответил криком своего родного племени — боевым кличем Белых Волков — и рванулся на помощь сражающемуся в одиночестве другу, прорубая себе дорогу сквозь строй врагов.

Флагман Таракуса был под завязку загружен отборными головорезами Каштара, в то время как на борту «Ятагана» находился лишь обычный экипаж. Но на стороне нападавших было преимущество внезапности, которое Барим использовал сполна. Его отряд в считанные секунды заполнил палубу флагманского корабля, превратив ее в месиво дерущихся, раненых и убитых.

Распевая древнюю, первобытную боевую песню своего дикого народа, Барим Рыжебородый прорубил себе дорогу к трапу, ведущему с носовой надстройки на палубу. Его голос, перекрывая шум боя, разносился вокруг. Капитан «Ятагана» шел на помощь своему земляку, другу и королю.

* * *

Старина Блей был толстоват, пожалуй, не погрешил бы против истины тот, кто назвал бы его жирным. Но под внешностью толстого круглолицего добряка скрывался настоящий воин. Потрясая мечом, размахивая сжатым в другой руке кинжалом, он, неожиданно вынырнув из тумана, производил жуткое впечатление.

Бок о бок с ним сражался его старый друг, Дурган, с отменным мастерством орудовавший красиво изогнутой саблей. Золотая рукоятка, украшенная драгоценными камнями, не давала усомниться в том, что, прежде чем попасть в цепкие, выдубленные морской водой и ветрами руки пирата, это оружие принадлежало офицеру высокого звания, может даже адмиралу или

благородному аристократу. Сверкая единственным здоровым глазом, Дурган сражался с завидным упорством и поразительной яростью.

Незаметно эти двое пробились к главной мачте, где, расправившись с несколькими пиратами и разогнав остальных, обнаружили, что могут перевести дух. Старина Блей не стал терять времени даром, а, обшарив лежащие рядом трупы, нашел то, что искал. Отбив у подобранной бутылки с вином горлышко, он с жадностью приложился к живительной влаге. Сделав несколько глубоких глотков, Блей передал оставшееся вино Дургану, который также не замедлил опрокинуть бутыль себе в глотку.

В этот момент враги снова бросились на закадычных друзей, и, запустив бутылкой в голову приближающегося пирата, Дурган принялся за дело. Выругавшись по поводу пропавшей бутылки, Блей последовал его примеру. Вскоре серия ударов, уколов, нападений и защитных финтов заставила обоих позабыть о жажде.

* * *

Когда нос «Ятагана» вонзился в борт флагмана таракусского флота, многие на палубе «Красного Волка» попадали от неожиданного удара. Но Тонгор, заметивший сверкнувшую в свете фонарей позолоченную драконью голову, устоял на ногах.

Воспользовавшись мгновением передышки, валькар решил вырваться из круга наседавших на него противников. Одним движением опустив меч в ножны, все еще висевшие у него за спиной, северянин подпрыгнул, ухватился за ванты, подтянулся и залез высоко на снасти.

Отсюда он окинул взглядом палубу и с ликованием увидел грозную троицу — Барима и двух его помощников,— пробивающую дорогу остальным матросам «Ятагана».

Холодный ветер остудил разгоряченное схваткой лицо Тонгора. Прикинув, он понял, что уже перевалило за полночь, и, следовательно, пиратский флот уже должен оказаться в зоне видимости летающих патрулей Патанги.

Несомненно, с воллеров заметили приближающуюся полосу тумана, но вряд ли заподозрили, что под плотной завесой скрывается флот неприятеля. А значит — сигнал тревоги не был дан, и стража Патанги не готовится к обороне.

Но если уничтожить машину, создающую туман, то пелена рассеется, и воины Патанги будут подняты по тревоге, чтобы встать на защиту родного города. Поэтому Тонгор решил воспользоваться смятением, царящим на палубе после неожиданной атаки Барима и его людей, чтобы пробраться к колдовской машине и уничтожить ее. С высоты, на которую он забрался, валькар хорошо видел это странное приспособление у мачты и торчащий из него длинный медный штырь, с конца которого непрестанно сыпались голубые искры.

Перерезав один из вантов кинжалом, Тонгор прыгнул, держась за прочный канат, и одним махом оказался рядом с медной, потрескивающей и сыплющей искрами мачтой.

* * *

Матросы «Ятагана» вели бой уже почти по всей палубе «Красного Волка». Так получилось, что Барим и двое его лучших бойцов оказались в стороне от пьедестала, на котором была закреплена лампа безумия. Когда к ней пробились Горчак, Турун и улыбающийся смуглолицый Минга, Чарн Товис, сражавшийся здесь, с трудом сдерживал троих наседающих на него пиратов. Молодой офицер был счастлив перевести дух хотя бы на краткий миг, пока подоспевшие друзья занялись его противниками.

Неожиданно над хаосом сражения прокатился знакомый каркающий хриплый голос, заставив вздрогнуть всех находящихся на палубе «Красного Волка»: и пиратов Каштара, и воинов Барима.

У пульта управления лампой безумия стоял Белшатл.

Он развернул свой чудовищный инструмент таким образом, чтобы держать под прицелом палубу и сражающихся на ней людей.

Рука колдуна лежала на пусковом рычаге. Серые лучи пока не выбивались из смертоносной трубки, но машина была включена и готова в любой момент, по велению хозяина, превратить палубу в арену для сражения уже не противников, а просто безумцев.

Пираты — друзья и враги — застыли, оцепенев от ужаса. В глазах, уставившихся на направленный на них стеклянный серый глаз, застыло одинаковое выражение: так смотрит приговоренный на топор в руках палача.

Никто из пиратов не мог ничего предпринять ради своего спасения: настолько подействовала на людей угроза не погибнуть в бою как подобает мужчинам, а окончить жизнь безумцами в сумасшедшей схватке с такими же несчастными.

Минга, Турун и Горчак оказались слишком далеко от колдуна — у верхних ступенек трапа, ведущего на носовую палубу.

Ближе был только Чарн Товис, но его отделяла о лампы стена стражников Каштара, готовых к бою. Он ни за что не успел бы вовремя пробиться сквозь их строй.

Сверкающий серым огнем глаз лампы был направлен прямо на могучую фигуру Барима. Рука Белшатла потянулась к рычагу — и отпустила его!

Глава 3
СМЕРТЬ КАШТАРА

Когда угрожает судьба,
И ты выбирать не волен,
Тогда твое дело — борьба
И богу молитва, воин!

Алая Эдда

Всем показалось, что паралич ужаса продолжался по крайней мере несколько минут. Но на самом деле такие вещи длятся какие-то доли секунды.

Тонгор уже оторвался ногами от реи, на которой до этого стоял, и в полете к основанию медной мачты вдруг заметил стоявшего у пульта лампы смерти Белшатла. От острого зрения валькара не ускользнуло и то, что лампа была включена, а ее ствол направлен на группу матросов «Ятагана» во главе с Баримом.

Тонгор уже не мог изменить траекторию своего полета, чтобы приземлиться на палубе рядом с чудовищным прибором. Но в его силах было выхватить из ножен тяжелый клинок Саркозан.

Огромное лезвие просвистело в воздухе. Скорость полета Тонгора помножилась на мощь его мышц, поэтому удар получился невероятной силы.

Свистящий клинок угодил Белшатлу чуть пониже уха и перерубил шею, отделив голову от тела. Седая голова старика

колдуна, подпрыгивая, покатилась по палубе, словно какой-то диковинный серебристый фрукт.

Фонтан черной крови брызнул из перерезанных вен и артерий. Обезглавленное тело покачнулось, словно колдун был пьян, и рухнуло на палубу. Падая, оно задело плечом лампу, сместив серый луч и передвинув рычажки на пульте управления.

Внутри аппарата низкое гудение перешло в пронзительный, леденящий душу свист. Зловещие серые молнии пробежали по стеклянным сферам, заискрились латунные провода... В следующий миг из трубки ударил бесцветно-серый луч.

Падая, тело Белшатла сместило прицел лампы, и рождающий безумие луч пришелся не на группу матросов «Ятагана», а на виднеющийся сквозь клубы тумана силуэт ближайшего к флагману корабля армады — большой триремы под именем «Тарданская Дева». На ее борту плыли многие ближайшие сподвижники Каштара.

Не больше сотни ярдов разделяло два соседних судна. Скользнув по водной поверхности, магический луч уткнулся в борт «Девы» и растекся по ее палубе.

Экипаж и солдаты, плывшие на триреме, стояли плотной шеренгой вдоль борта. Несколько минут назад они услышали шум какой-то заварушки на борту флагмана, затем тяжелый удар тарана и звуки уже нешуточного боя на палубе «Красного Волка». Капитан «Тарданской Девы» как раз собирался приказать спустить шлюпки, чтобы выяснить, что происходит на флагмане и не нужна ли помощь. Но стоило серому лучу коснуться заполненной людьми палубы, как трирема превратилась в арену схватки безумцев, забывших обо всем на свете.

Матрос набросился на матроса и пронзил кинжалом сердце друга. Один товарищ по кубрику схватил другого, чтобы перегрызть ему горло и выцарапать ногтями глаза. В мгновение ока палуба наполнилась воющими безумцами, сцепившимися в последней отчаянной схватке, словно дикие звери.

Стоявший на мостике капитан «Тарданской Девы» тоже попал под дьявольский луч, ударивший с борта флагмана. Повернув голову, оскаленную в звериной гримасе, старый морской волк одним ударом кортика сразил ничего не успевшего понять рулевого, а затем спрыгнул на палубу, чтобы присоединиться к кровавой резне. Погибший матрос повалился всем телом на штурвал.

Неуправляемая «Тарданская Дева» отдалась на волю волн. Не прошло и нескольких минут, как трирема ткнулась мощным, окованным медью носом в борт соседнего с ним судна. Удар пришелся вскользь. Медный таран не заткнул собой образовавшуюся дыру в досках обшивки, и тонны ледяной воды хлынули в трюмы второго корабля, тотчас же получившего сильный крен.

А лампа безумия продолжала излучать свое страшное сияние, несущее убийственное, кровавое безумие. Серый луч скользил дальше и дальше, и вот уже на пяти пиратских кораблях началась бессмысленная резня...

* * *

Пролетев как можно дальше на свисающем с мачты канате, Тонгор прыгнул вперед и, перекувырнувшись в воздухе, приземлился у самого основания потрескивающей медной мачты.

По всему флагманскому кораблю шел бой. Избежав опасности быть сраженными Серой Смертью, пираты продолжили прерванную схватку с удвоенной яростью.

Первым сбросил с себя оцепенение Барим Рыжебородый. Он издал свой леденящий душу боевой клич и вонзил топор в грудь ближайшего к нему корсара. В следующий миг, словно по команде, засверкали в воздухе клинок ухмыляющегося Тангмара и меч непроницаемо спокойного Рогира.

Карм Карвус бросился в бой вместе с матросами «Ятагана», высадившись на центральную часть палубы. Пробившись на носовую надстройку, он, орудуя своим тонким мечом и следуя вдоль самого борта, сумел добраться к тому месту, где рассекали воздух клинки валькара и офицера патангской стражи Чарна Товиса.

В последний момент путь ему преградил дико сверкающий глазами полуголый великан с обломком весла в руках. Свирепый корсар с невиданной силой и скоростью крутил над головой тяжелой дубиной. Один удар таким оружием — и переломанные ребра короля Тсаргола вонзились бы ему в легкие, а придись такой удар в голову, череп треснул бы, как ореховая скорлупа. Уворачиваясь от страшной дубины, Карм Карвус поскользнулся в луже липкой крови и упал на палубу, выронив меч.

Злорадно ухмыляясь, великан уже занес тяжелый обломок весла над головой для последнего удара, но неожиданно какая-

то худенькая, почти мальчишеская фигура, перепрыгнув через упавшего короля, вонзила в грудь пирата кинжал по самую рукоятку.

Остро отточенный клинок попал прямо в сердце. Корсара словно ударила молния — он вздрогнул, дубина выскользнула из его ослабевших рук и упала за борт. В следующий миг туда же полетел и поверженный великан. Карм Карвус увидел тонкую, изящную руку, протянутую ему, чтобы помочь встать, и поднял глаза, чтобы рассмотреть своего спасителя.

— Яна! — только и смог выдохнуть правитель Тсаргола.

Принцесса Кадорны лишь рассмеялась, глядя на удивленное выражение его лица. Карм Карвус строго-настрого приказал ей носа не высовывать из трюма «Ятагана» во время боя, и она обещала выполнить его распоряжение. Но останься она там — и король Тсаргола уже отправился бы на встречу с Отцом Гормом в Чертог героев. В общем, Карвус не посмел осудить свою спасительницу, а только лежал и удивленно рассматривал ее.

Никогда еще она не была так красива. Холодный ветер разрумянил ее щеки. Словно два черных самоцвета, сверкали ее чуть раскосые глаза. Тонкая шпага в изящной руке была в крови чуть не по рукоятку, что служило еще одним доказательством (если какие-либо доказательства еще были нужны) того, что принцесса Яна действительно могла постоять за себя в бою и сражаться не хуже мужчины.

Шерстяные брюки плотно обтягивали стройные длинные ноги, белая блуза подчеркивала прекрасную грудь, алая повязка перехватила водопад черных волос — еще никогда Яна не казалась правителю Тсаргола такой желанной.

Вскочив на ноги и наклонившись к девушке, Карм Карвус обнял ее и привлек к себе, крепко обхватив свободной от оружия рукой. Он поцеловал ее прямо посреди яростного боя, на залитой кровью и устланной трупами палубе. Яна ответила на его поцелуй. Ее губы были чувственны и требовательны, а рот сладок.

* * *

Тонгор бросился к искрящемуся медному штырю, чтобы сломать, уничтожить машину, скрывающую корабли пиратов. Но тут же перед ним сверкнуло стальным блеском лезвие сабли.

На пути валькара встал сам Каштар.

Лицо предводителя пиратов исказилось в гримасе ярости. Налитые кровью глаза горели жаждой убийства и мести. Пот ручьем стекал с его лба, смешиваясь с кровью, сочившейся из свежего шрама над бровью, полученного в этом ночном бою. Черные, смазанные маслом волосы растрепались и космами разлетелись по плечам пирата.

Каштар был без рубашки, и его сильное, жилистое тело блестело от пота.

— Дикий пес из валькаров! — прохрипел пират.— Сегодня я наконец-то насажу твое вонючее сердце на острие моей сабли!

— Попробуй,— с ухмылкой ответил Тонгор,— если сумеешь, кровавая свинья из грязного таракусского хлева!

Два клинка скрестились в яростной схватке, зазвенели — словно вступительный аккорд к страшной музыке битвы. Саркозан, тяжелый и длинный, больше подходил для бесшабашной схватки, чем для дуэли с опытным фехтовальщиком. Способный прорубать прочные доспехи, меч терял свое преимущество в поединке с быстрым, не защищенным броней противником, вооруженным легким, удобным для фехтования оружием. Но могучие мускулы, крепкие сухожилия и невероятно быстрая реакция Тонгора компенсировали медлительность его двуручного меча. Отбив первый яростный удар сабли Каштара, северянин встал в боевую стойку и приготовился к серьезному бою.

Вожак пиратов был опытным, умелым воином. Сабля сверкала в его руках, словно молния. Но откуда бы она ни летела в противника, ее везде встречал меч Тонгора. Снова и снова наносил удары Красный Волк, но каждый раз между лезвием сабли и телом противника вставал широкий клинок Саркозана.

Пот уже потоками лился по спине и тяжело вздымавшейся груди пирата. Стекая по лбу и смешиваясь с кровью, он превращался в соленую розовую жижу, заливавшую и разъедавшую Каштару глаза. Сам еще не веря, корсар почувствовал, что силы его на исходе. Все труднее ему становилось наносить молниеносные удары, все тяжелее казалась сабля.

Красный Волк вдруг понял, что, скорее всего, ему не удастся победить Тонгора в честном бою один на один.

Это ощущение было для него новым и здорово напугало его. Никогда еще Каштар не встречал воина, устоявшего против града его сабельных ударов. А сейчас, несмотря на напряжение

всех мышц, ему так и не удалось нанести ни малейшей раны, ни царапины своему могучему противнику.

Тонгор сражался спокойно и уверенно. Его дыхание даже не участилось. Казалось, валькар вообще не знает, что такое усталость. Жестокое удовлетворение сверкнуло в золотых глазах северянина, когда он заметил бессильное бешенство, страх и растерянность на лице своего противника. Тонгор без труда отбивал все удары Каштара.

Ледяная волна ужаса окатила предводителя пиратов.

Каштар держался из последних сил. Измученным легким не хватало воздуха, мышцы молили об отдыхе. Пират понял, что на самом деле варвар просто играл с ним, как кот с мышью. Такое распределение ролей было совершенно новым для Красного Волка и абсолютно его не устраивало.

Вдруг в его глазах сверкнул огонек надежды. Каштар заметил, что Тонгор стоит рядом с лужей крови. Из последних сил нанося удары, вожак пиратов стал обходить противника, чтобы заставить его сделать роковой шаг. Так и произошло: ступив босыми ногами в липкую жижу, Тонгор поскользнулся и чуть не упал.

Издав победный крик, Каштар занес над головой саблю, вложив все силы в последний удар. Но неожиданно клинок наткнулся на какое-то препятствие.

Поднятая сабля задела медную антенну. Раздался громкий хлопок, все вокруг озарилось синим огнем — Красный Волк из Таракуса получил удар в десять тысяч вольт.

Глава 4
ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

Палубы — красной кровью залиты, словно водой.
Солнце встает над морем под музыку битвы стальной.
Сталкиваются друг с другом безжалостно корабли,
И грохот морского боя летит, затихая вдали...

Сага о Тонгоре, XIX

Стоило стальному клинку коснуться медного стержня, как он тотчас намертво прилепился к искрящейся антенне и в мгновение ока, пропустив через себя электрический разряд, стал

рубиново-красным, затем огненно-оранжевым и наконец ослепительно-белым. Вскоре сверкающие капли расплавленного металла скатились на рукоятку и упали на ладонь короля пиратов.

Но Каштар уже не чувствовал боли. В тот самый миг, когда его сабля задела медную мачту, неведомая сила, заключенная в машине, убила его. Тело пирата медленно сползло на палубу, и даже Тонгор закусил губы и вздрогнул, увидев, как страшно исказились черты морского разбойника. Электрический разряд так изуродовал лицо Каштара, что теперь его вряд ли кто-нибудь смог бы узнать.

Вскоре внутри машины раздался второй, более сильный взрыв. Полыхнуло слепящее белое пламя, и из отверстий в корпусе повалил густой черный дым. Таинственное голубое свечение исчезло, и с вершины мачты перестали сыпаться искры. Конечно, валькар из Лемурии понятия не имел об электричестве и не понимал, что стальная сабля Каштара вызвала короткое замыкание, разрушившее механизм. Но главное для себя Тонгор понял: машина, рождающая туман, разрушена и никто не сможет ее восстановить, ибо единственный человек, владеющий ее секретом, обезглавлен в бою.

И второе, не менее важное событие осознал Тонгор: Красный Волк из Таракуса больше не выйдет в море и не поднимет свой безжалостный меч против кого бы то ни было.

Вокруг короля-варвара продолжал кипеть бой. Карм Карвус и Яна пробились к Мингу, Туруну и Чарну Товису. Впятером они очистили от пиратов носовую часть палубы и держали там оборону, обеспечивая путь к отступлению на борт «Ятагана» и не подпуская врагов к своему кораблю.

Один за другим пиратские корабли меняли курс, чтобы подойти поближе к флагману и выяснить, что происходит на его палубе. Вблизи было видно, что борт «Красного Волка» протаранен другим судном. Пиратские капитаны высылали шлюпку за шлюпкой, чтобы предложить помощь Каштару, о смерти которого еще никому не было известно.

Но теперь у рычагов лампы безумия стоял Чарн Товис, переводивший дьявольские лучи с одной приближающейся шлюпки на другую. Пораженные Серой Смертью, пираты вступали в бой друг с другом, и небольшие лодки быстро переворачивались. Расправившись со шлюпками, Чарн Товис направил лампу на галеры и триремы.

Вскоре уже почти половина флотилии втянулась в хаотическое сражение. Оставшиеся без рулевых корабли, облученные лампой безумия, таранили соседние суда. Сцепившиеся, полузатонувшие груды оказались непреодолимым препятствием; и другие капитаны были вынуждены ломать строй и лавировать, думая только о том, как спасти свой корабль.

Тут и там заполыхали огни — это горели паруса, снасти, мачты и надстройки, подожженные обезумевшими матросами. Спасаясь от пламени, перекидывавшегося на соседние суда, многие моряки бросались в ледяные волны залива, но некому было послать шлюпки, чтобы спасти несчастных.

Чарн Товис побледнел и крепко сжал челюсти, чтобы самому не закричать от ужаса. Лишь собрав в кулак всю свою волю, он вновь и вновь наводил лампу на очередную цель, вновь и вновь переключая рычаги.

Иногда боги бывают справедливыми. Смерть в безумии, которой пираты грозили городу Огня, настигла их самих. Но даже ослепленное ненавистью к врагам сердце Чарна Товиса не выдержало: слишком бесчеловечным и жестоким было оружие, оказавшееся в его руках. В какой-то момент, вместо того чтобы снова перевести рычаг управления, молодой офицер нагнулся и, схватив с палубы тяжелый обломок весла, несколько раз изо всех сил ударил по лампе, превратив ее в груду осколков и искореженных латунных деталей.

Эта дьявольская машина должна была, по воле богов, остаться похороненной в руинах проклятой Нианги. Ей было суждено вечно оставаться вне досягаемости людей, под толщей выжженного песка серой пустыни.

Наперекор божественной воле действовал Белшатл, откопав чудовищное оружие...

Но теперь никто и никогда не сможет использовать эту машину в сражении, обратить ее страшные лучи против человека.

Чарн Товис снова сжал в руках клинок, чтобы присоединиться к битве, шедшей на палубе. Вдруг, подняв голову и посмотрев на небо, он воскликнул:

— Тонгор!

Валькар на миг оторвался от кровавой работы и огляделся... Густой туман больше не наполнял его легкие. Теперь в них ворвался свежий, соленый морской ветер. На востоке, на самом краю горизонта показалась красная полоса восхода.

Сожженная коротким замыканием машина с медным штырем была мертва, и ветер быстро разгонял завесу тумана над кораблями пиратов.

Лицо Тонгора расплылось в удовлетворенной улыбке. Наконец-то марево перестало скрывать флот Таракуса. Теперь зоркие стражи Патанги заметят подобравшегося почти к самым воротам города противника и поднимут тревогу.

Сумеют ли матросы Барима очистить палубы «Красного Волка», или им всем, включая самого Тонгора, суждено погибнуть в этом сражении, уже не было столь важно. Главное, что Патанга спасена.

А затем утреннее небо озарилось вспышкой неестественного бело-голубого пламени. Даже не поднимая глаз, Тонгор понял, что это, и радостно улыбнулся, получив подтверждение того, что воины Патанги не только заметили опасность, но уже вступили в бой.

* * *

Ближе к рассвету старший офицер Чанган Джал приказал пилоту взять курс на ангар Воздушной Крепости. Дежурство подходило к концу, и офицер уже думал о бутылке вина, теплой постели и сладком, крепком сне.

Но вновь какое-то неясное подозрение кольнуло его, когда он посмотрел в сторону приближающегося к городу туманного вала.

Повинуясь безотчетному импульсу, он изменил приказ и потребовал, чтобы пилот опустился пониже над этим непонятным густым туманом.

Но что же произошло с непроницаемой пеленой? Словно под порывами ураганного ветра, сизые клубы прямо на глазах разлетались и исчезали. А под ними... перед удивленными глазами офицера и его пилота развернулась леденящая душу картина: почти у самых стен города, в бухте Патанги двигались под парусами сотни кораблей.

Чанган Джал действовал машинально, быстрее, чем рассуждал. Еще не до конца понимая, что произошло, он уже схватился за рычаги наведения и направил острый, как игла, электрод грозного орудия на пурпурные паруса внизу.

Времени на обмен сигналами со стражей на башнях уже не оставалось. Заметив пикирующий воллер, огромный флот у вхо-

да в гавань и услышав звуки боя, стражники сами поднимут тревогу. Предоставив магическое оружие пилоту, старший офицер приготовился использовать другое, еще более грозное оружие.

Под днищем лодки были закреплены еще два детища гения Иотондуса — ракеты, приводимые в движение сжатым воздухом и взрывающиеся при попадании в цель.

Никогда раньше это оружие еще не использовалось в настоящем бою. Созданные недавно ракеты должны были применяться только в минуту смертельной для города опасности. И вот такой момент настал, и первая ракета понеслась к цели — одному из кораблей пиратской армады.

Прежде чем произошел первый взрыв, на башнях протрубили серебряные горны, поднимая тревогу. Лучники, отряд за отрядом, занимали свои места на стенах. Боевые расчеты заряжали крепостные катапульты и тяжелые арбалеты. Несколько отрядов приготовились к вылазке за ворота, чтобы отразить десант. Нарушилось привычное равномерное кружение патрульных летающих кораблей — спешно выстраиваясь в боевой строй, корабли Воздушной гвардии спешили к заливу, чтобы присоединиться к воллеру Чангана Джала.

Словно быстрые и стремительные черные ястребы, обрушились воллеры на пиратов. Не успело еще солнце подняться над горизонтом, а в бухте Патанги уже стало светло как днем, это один за другим вспыхивали пораженные с воздуха пиратские корабли...

* * *

В пылу боя Тонгор даже не задумывался о собственной безопасности. Но при первом же заходе летающих кораблей на таракусский флот и первых взрывах северянин забеспокоился. Ведь пилоты не разберут сверху, кто есть кто, и будут уничтожать подряд все корабли.

Крикнув друзьям, чтобы они удерживали носовую палубу и путь к отступлению, Тонгор метнулся к мачтам, в самую гущу сражения.

Пепел и дым от горящих кораблей щипали глаза, и северянин с трудом разыскал Барима. Добравшись до него, валькар схватил рыжебородого воина за руку и крикнул ему прямо в ухо, чтобы перекрыть шум боя:

— Уходим!

Барим кивнул. Поднеся к губам висевший у него на поясе серебряный рог, он протрубил сигнал, по которому все оставшиеся до сих пор в живых матросы «Ятагана» стали пробираться на носовую палубу, чтобы вернуться на свою галеру.

Тонгор, Карм Карвус и Барим Рыжебородый последними покинули палубу «Красного Волка». В тот же миг весла и багры уперлись в борт пиратского флагмана, нос «Ятагана» выскользнул из пробоины в борту, и черная галера отошла от огромного, некогда грозного, но теперь уже обреченного корабля.

«Красному Волку», как оказалось, было не суждено спокойно затонуть, набрав в трюм хлынувшей в пробоину воды. Едва «Ятаган» отошел от его борта, как в палубу пиратского флагмана вонзился огненный шар, пущенный с одного из воздушных кораблей. Разом вспыхнули кормовая надстройка и мачты. Две враждебные друг другу стихии — вода и огонь — объединились, чтобы быстрее уничтожить «Красного Волка».

Теперь и самому «Ятагану» угрожала не меньшая опасность оказаться жертвой меткого выстрела одного из пилотов. По приказу Барима Блей вытащил откуда-то из трюма большую простыню, которой заменили черный пиратский флаг на мачте галеры в знак капитуляции. Повинуясь ставшему к штурвалу Бариму, «Ятаган» быстро вышел из огненного хаоса, в который превратился обреченный флот корсаров.

Уже больше половины армады было выведено из строя: корабли горели и тонули. Многие бесцельно рыскали в разные стороны, оставшись без рулевого или повинуясь вставшему к штурвалу безумцу — несчастному, попавшему под луч Серой Смерти.

Некоторые пиратские корабли в последних рядах армады стали разворачиваться, чтобы уйти из бухты. Но воллеры безжалостно преследовали беглецов и, не давая им скрыться, поражали электрическими пушками и огненными ракетами.

Очень немногие пираты решили сдаться, чтобы избежать гибели. Некоторые, правда, просто не успели прийти к такому решению и отправились ко дну вместе со своими кораблями.

Когда «Ятаган» бросил якорь у причала, к нему немедленно подлетел отряд стражников верхом на кротерах, чтобы разоружить сдавшихся пиратов. Каково же было удивление воинов Патанги, когда вместо молящих о пощаде таракусцев они увидели на палубе галеры своего повелителя, самого Тонгора. Вы-

слушав приветствия командира отряда, валькар решил не уходить с причала, чтобы увидеть конец боя своими глазами.

Большинство кораблей пиратов уже было уничтожено — сотни судов, тысячи жизней.

К тому моменту, когда солнце окрасило в алый цвет зубцы на сторожевых башнях города, битва закончилась.

Патанга была спасена.

Глава 5
КОРОЛИ ЗАПАДА

Слово сказано.
Враг побежден.
Дружба доказана.
Мир — спасен.
Алая Эдда

В начале следующего месяца, амгора — первого месяца зимы, была прекрасная погода.

И хотя с северных гор дули студеные ветры, срывающие последние красно-золотые листья с деревьев, днем солнце хорошо прогревало воздух, и казалось, что до по-настоящему холодного кирамона, второго месяца зимы, еще очень далеко.

В один из таких солнечных дней по улицам Патанги двигалась величественная процессия. Она начала шествие от ступеней главного храма города, храма Девятнадцати Богов, сделала круг по главной площади и вышла на широкую, прямую улицу, ведущую ко дворцу.

Впереди вышагивали герольды в костюмах, цвета которых соответствовали цветам-символам городов империи: золотой был знаком Патанги, алый — Тсаргола, зеленый — Таракуса, а серебристый — далекой Кадорны.

Затем верхом на кротерах скакал отряд стражников Патанги в парадных мундирах. На головах воинов были позолоченные шлемы, начищенные до блеска. Длинные плюмажи развевались за спинами всадников. Доспехи и упряжь украшали драгоценные камни. Во главе отряда ехал виконт Дру, двоюродный брат саркайи Соомии, супруги Тонгора. Наследный даотар, командующий стражей, он ехал во главе могучего эскадрона.

Вслед за ними чеканила шаг когорта Черных драконов, которую вел их командир — Зэд Комис. С плеч воинов широкими складками спадали черные плащи. Солнце играло на шлемах в виде драконьих голов и на самоцветах, украшавших рукояти тяжелых двуручных мечей.

Затем ехала свадебная колесница, запряженная белоснежным зампом. Карм Карвус одной рукой правил колесницей, а другую не снимал с плеча Яны из Кадорны, лишь несколько минут назад объявленной его женой у подножия огромного алтаря главного храма.

Далее ехал сам повелитель Запада в колеснице, влекомой двумя воронымы зампами. Над его колесницей развевалось знамя империи. Рядом с Тонгором стояли улыбающаяся Соомия, восторженно сияющий наследник Тарт и счастливый король Касан, правитель Кадорны и отец принцессы Яны.

Череда колесниц следовала за экипажем повелителя империи. В них ехали благородные аристократы, почетные граждане, жрецы и важные чиновники. В одной из них находился и Барим, явно чувствовавший себя не в своей тарелке. Зеленый бархат, символизирующий королевский цвет Таракуса, сменил привычные капитану грубый черный плащ, латы и боевой топор. Серебряная тиара с изумрудами была водружена на голову бывшего пирата, а в одной руке вместо оружия он сжимал скипетр повелителя города. Да, Бариму приходилось терпеть все страдания. Но держался он достойно, как и подобает вновь испеченному королю. Только что у подножия алтаря Тонгор провозгласил своего старого друга Барима правителем Таракуса. А Рыжебородый, склонив колени перед Черным Ястребом, признал его своим великим повелителем, правителем империи и поклялся в верности трону Патанги. Итак, честный и отважный моряк, Барим стал одним из сарков Запада, а Таракус — седьмым городом, вошедшим в империю Тонгора Могучего.

Проезжая по роскошным улицам Патанги, Барим вспоминал богатые событиями последние дни. После сражения, в котором воллеры сожгли все не пожелавшие сдаться корабли пиратов, война перенеслась к стенам Таракуса. Осада не была ни долгой, ни трудной. Несомненно, летающий флот Тонгора мог бы разрушить город пиратов до основания, но валькар решил обойтись без напрасного кровопролития. Кроме того, Каштар взял в поход на Патангу всех мало-мальски стоящих солдат,

оставив в Таракусе лишь стариков-ветеранов да тех, кому имел основания не очень доверять. Само собой, такой гарнизон не смог бы отразить серьезного нападения, и после нескольких дней осады пираты сдались и ворота Таракуса были открыты легионам Тонгора.

Кроме этого военного похода, в последующие дни была предпринята еще одна, уже мирная экспедиция. Роскошный флагман Воздушной гвардии империи отправился в Кадорну, лежащую за водами залива и непроходимыми джунглями Ковии. Корабль должен был доставить принцессу Яну в ее родной город. В этом путешествии девушку сопровождал Карм Карвус, имевший в виду две цели: обеспечить безопасность принцессы и попросить ее руки у короля Касана. Повелитель Кадорны, уже не надеявшийся увидеть дочь живой, был счастлив снова встретиться с нею и познакомиться с ее спасителем. Он с радостью дал свое согласие на то, чтобы Яна вышла замуж за короля Тсаргола.

Пока Барим вспоминал все это, процессия подъехала к воротам дворца Патанги. Здесь все гости сошли с колесниц и вошли внутрь дворца.

* * *

Зал Ста Сарков ничуть не изменился с тех пор, когда Барим побывал здесь в прошлый раз. Все так же множество каменных лиц былых правителей Патанги взирало на людей со стен. Солнечный свет проникал в помещение через множество небольших окон в куполе, закрытых разноцветными стеклами. Радужная карусель ярких пятен света лежала на троне, ступенях и площадке перед ним.

Когда приглашенные заняли свои места, а Соомия и наследник, принц Тарт, поднялись по ступеням пьедестала, Тонгор, пройдя сквозь расступившуюся толпу, взошел по девяти большим ступеням к самому Огненному трону. Здесь он остановился и, развернувшись лицом к гостям, кивнул канцлеру. Тот, подняв свой тяжелый жезл, гулко ударил им по каменному полу и громко произнес:

— Слава тебе, великий король! Все стоящие здесь, знайте, что вы удостоены лицезреть великого повелителя, Тонгора Могучего, короля Патанги, императора Семи Городов! Приветствуем тебя, повелитель Запада!

И не успело эхо слов канцлера затихнуть под сводом купола, как из сотни глоток вырвался мощный приветственный возглас:

— Слава повелителю Запада!

Стоя рядом с Огненным троном, положив руку на рукоять Саркозана, Тонгор с достоинством принимал приветствия своих подданных. Он выглядел великолепно в одеянии из черного бархата с гербом на груди — на золотом щите Патанги Черный Ястреб Валькарта.

Из-под купола прямо на корону Тонгора падали солнечные лучи, и древний символ власти сверкал будто живой огонь. Лицо сарка оставалось спокойным, но те, кто хорошо знал сурового северянина, могли заметить довольную, едва заметную улыбку. В этот миг его глаза светились от счастья.

Тонгор обежал взглядом зал. Рядом с помостом были установлены полукругом шесть тронов — для повелителей городов империи. На них сидели, каждый со своим гербом, вышитым на парадном платье,— Зул из Зангабала, Турмис из Шембиса, Тон из Турдиса, Карвус из Тсаргола, Тан из Пелорма и Барим из Таракуса.

Повелитель Запада начал свою речь без долгих предисловий:

— Я долго ждал этого дня, чтобы отблагодарить тех, кто в тяжелую минуту верно служил мне и нашему городу. Пусть выйдет вперед человек, который уже неоднократно шел со мной в бой плечо к плечу и чьи заслуги трудно переоценить.

Посеребренный жезл вновь ударил об пол, и громкий голос канцлера произнес:

— Чарн Товис из Возашпы, коджан империи и командир девятой когорты Черных драконов — выйди вперед!

Бледный, сжав губы, молодой офицер чеканным шагом подошел к ступеням трона. Его глаза встретились с полными радостного волнения и благодарности глазами Тонгора.

Король заговорил:

— Вот уже три года прошло с тех пор, как был повержен предатель Далендус Вул, вознамерившийся захватить власть, принадлежащую королю. Баронские поместья и титул барона Таллана остаются без владельца. На колени, Чарн Товис!.. А теперь — вставайте, барон, повелитель Таллана!

Вспыхнув от смущения и не в силах поверить в столь щедрую награду, юный воин принял из рук Тонгора жезл — символ власти и баронского титула. Поклонившись улыбнувшейся ему

Соомии и дружески подмигнув наследнику, только что произведенный в аристократы повелитель земель Таллана вернулся на свое место в первом ряду приглашенных.

Тонгор вновь заговорил:

— В большой степени свободой Патанги все мы обязаны бдительности и наблюдательности одного храброго офицера. Все мы у него в долгу. Пусть этот человек выйдет вперед!

И снова раздался удар жезла, и снова канцлер произнес громким, звучным голосом:

— Чанган Джал, родом из Патанги, старший даотар Воздушной гвардии — выйди вперед!

Сверкая серебряным крылатым шлемом, шурша складками парадного небесно-голубого плаща, к подножию трона подошел строевым шагом тот, кто первым заметил в рассеивающемся тумане корабли пиратской армады и, вступив в бой, поднял тревогу.

— На колени, даотар Чанган Джал!.. Вставайте — вице-даотаркон Воздушной гвардии, коджан империи!

Когда была завершена церемония награждения, канцлер поочередно пригласил выступить с приветственными словами всех повелителей городов империи. И когда в зале Ста Сарков вновь воцарилась тишина, Тонгор улыбнулся и сказал:

— А теперь все приглашаются на праздничную трапезу!

* * *

Здесь и заканчивается наш рассказ. Заканчивается, как и положено всем хорошим историям, победой, свадьбой и шумным веселым пиром.

* * *

...Даже пираты Таракуса, использующие Серую Магию и ее дьявольское оружие, не смогли противостоять валькару, были побеждены им... Так седьмой город Запада встал под знамя Черного Ястреба. Год за годом росла и крепла Золотая империя...

Так написано в третьей главе Пятой книги Летописей Лемурии.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛДУН ЛЕМУРИИ
(перевод А. Митрофанова) 5
ВОИН ЛЕМУРИИ
(перевод С. Молитвиной) 101
ТОНГОР ПРОТИВ БОГОВ
(перевод В. Федорова) 221
ГОРОД МАГОВ
(перевод А. Митрофанова) 343
ТОНГОР НА КРАЮ ВРЕМЕНИ
(перевод А. Рудого) 463
ПИРАТЫ ТАРАКУСА
(перевод В. Правосудова) 585

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около 50 **издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг**
самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- «Крокус-Сити», 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп.1, тел. 322-28-22

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Вологда, ул. Зосимовская, д. 38, тел. (8172) 75-88-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-07-91, 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1, Волжская наб., д. 107

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

Картер Лин

Воин Лемурии

Сборник

Редакторы Я. Забелина, И. Дмитриева
Художественные редакторы О. Адаскина, В. Андреева
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Верстка: А. Яблонская
Корректоры В. Чаленко, Л. Быстрова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Лин Картер (1930—1988) — писатель, буквально возродивший в 60-е гг. XX с
летия жанр «героической фэнтези» и лучший из учеников «литературного от
Конана-Варвара Роберта Говарда.

...Мир далекой древности.
Эпоха, когда молода еще была гордая Лемурия — и жалкими дикарями пока
слыли майя и атланты.
Эпоха, когда жили еще на земле и великие, могущественные боги, и страшн
кровавые чудовища, и суровые, мудрые маги.
Эпоха, когда судьба, коей подвластны не только люди, но и боги, послала в м
могущественнейшего из воинов былого — северного варвара Тонгора из кл
валькиров, — героя, с коим не сравниться было ни Куллу-Завоевателю, ни Ко
ну-Разрушителю...

ISBN 5-17-014954-
9 785170 149544